

**ଢେଢାମଧୁ
ଢେଢେକାମାମଦା**

ନାମ ନାମାସକା

Издательство выражает сердечную благодарность руководителям НКЦ «Дельта-Москва» и АО «Дельта-плюс» Паламарчуку Александру Владимировичу и Безбабных Сергею Ивановичу, чьим заботам и помощи обязана своим выходом в свет книга.

От издательства.

Предпринимая издание этой книги, Издательство руководствовалось советом Елены Ивановны Рерих – "... Всегда буду рекомендовать читать книги Вивекананды..."

Этот совет, скорее, предназначался не столько современникам Елены Ивановны, сколько нам с вами, переживающими тяжелейшее и коварнейшее время: семьдесят с лишним лет шла эта книга к читателям ...

Сборник лекций Свами Вивекананды печатается по отдельным изданиям 1911 года в переводах Я.К. Попова и является на сегодняшний день первым и пока единственным наиболее полным сводом основных выступлений этого трибуна духовного знания — единственного знания, полного в своей истинности — Знания человеческого сердца, примиряющего и объединяющего мятущиеся человеческие сознания всех стран и народов.

В своей самоотверженной миссии просветителя и объединителя С. Вивекананда не был одинок: пораженный чумой вульгарного материализма западный мир уже имел целый Оазис Света в лице Е.П. Блаватской и ее ближайших сподвижников.

В XX веке эстафета Светоносцев была Передана Рерихам.

"Не засоряйте своего сознания отрывочными, бессистемными знаниями!" – предостерегала Е.И. Рерих. Поэтому читатель — и в первую очередь молодой читатель! — не должен ни на миг забывать об этом, приступая к изучению трудов С. Вивекананды.

Как по отдельному солнечному лучу можно верно судить о самом Солнце, но все же не принимать этот луч за само Светило, так и книги С. Вивекананды необходимо изучать **вместе с книгами Е.П. Блаватской и книгами Е.И. Рерих**, обращая особое внимание на оценку и разъяснение основополагающих понятий — понятий

высшего духовного озарения (Самадхи) и низших психических сил. "На мировой книжный рынок выброшены сейчас тысячи руководств, указывающих легкие способы, как механическим путем развить в себе скрытые низшие психические силы. Истинно, эти невежественные и безответственные писатели работают на стороне темных сил, которые ничего так не желают, как открыть некоторые центры у людей и тем получить доступ к ним, и через них /выделено издателем/ приобщиться к земной жизни для проведения своих темных планов. Ведь им так хочется удержать вокруг Земли атмосферу, отравленную низшими эманациями, необходимую для их существования. ...

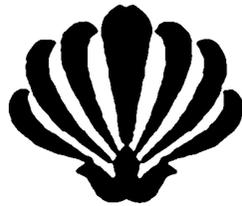
Открытие центров может происходить без вреда **лишь под руководством Великого Учителя** /выделено издателем/, видящего истинное состояние нашего организма во всей сложности его и знающего что и когда возможно применить или допустить." /Письма Елены Рерих, т.2, с.22, 23/

Также необходимо отметить, что в трудах Е.П. Блаватской и Е.И. Рерих даются подробные разъяснения искусства правильного ритмического дыхания с исчерпывающими предостережениями, о которых, к величайшему сожалению, ведать не ведают многочисленные "учителя" и их неосмотрительные ученики.

Возвращая всем ищущим и устремленным душам прекрасные книги Свами Вивекананды, Издательство верит и надеется, что они сослужат добрую службу, став необходимыми вехами на пути духовного усовершенствования человека и мира.

**कवचम
चंद्रम**

Глава I.

Влияние Кармы на характер

Слово *Карма* производится от санскритского слова *Кри* — делать; всякое действие есть *Карма*. Технически это слово также значит — результаты действий. В связи с метафизическими соображениями оно означает иногда результаты, причинами которых были наши прежние действия. Но в Карма-Йоге мы имеем дело со словом *Карма* в смысле работы. Цель человечества есть знание, т.е. это единственный идеал, поставленный перед нами восточной философией. Не наслаждение, а знание есть цель человека. Наслаждение и счастье быстро кончаются. Ошибка предполагать, что наслаждение есть цель. Причина всех несчастий в мире заключается в том, что люди по своему неразумию считают наслаждение идеалом, к которому следует стремиться. Но через некоторое время человек находит, что то, к чему он идет, — это не счастье, а знание и что как удовольствие, так и страдание — одинаково великие учителя. Человек понимает, что он столько же учится от зла, как и от добра. Наслаждение и страдание, проходя перед его душой, оставляют на ней различные картины, и результатом этих соединенных впечатлений является то, что называется «характером» человека. Если мы рассмотрим характер человека, мы увидим, что он в действительности является лишь соединением наклонностей, итогом направления его ума и что горе и радость являются равноценными факторами в образовании характера. Зло и добро в разной мере формируют характер, и во многих случаях горе лучший учитель, чем счастье. Изучая великие характеры, являвшиеся в мире, мы отметим, что в огромном большинстве случаев горе учило больше радости, бедность учила лучше, чем богатство, и удары лучше возбуждали внутренний огонь, чем похвалы.

Знание этого факта об истинных целях человека заложено в самой природе человека, да и вообще никакое знание не приходит извне — все оно находится внутри. Вместо того чтобы говорить, что человек «узнает» что-нибудь, мы, выражаясь строго психологически, должны были бы сказать, что он «открывает» или «раскрывает» это. То, что человек «изучает», он в действительности «открывает», снимая покров с собственной души, которая заключает в себе залежи основного знания. Мы говорим, что Ньютон открыл закон тяготения. Разве закон этот сидел где-нибудь в углу, ожидая Ньютона? Знание этого закона было в собственном уме Ньютона; пришло время, и он нашел его. Все знание, которое когда-либо получал мир, приходило из ума; бесконечная библиотека Вселенной находится в нашем собственном уме. Внешний мир дает лишь толчок, возбуждение, заставляющее вас изучать собственный ум; предметом вашего изучения всегда будет ваш собственный ум. Падение яблока дало толчок мысли Ньютона, и он принялся изучать собственный ум. Он перестроил все прежние звенья мысли в своем уме и открыл среди них новое звено, которое мы называем законом тяготения. Закон этот не содержался ни в яблоке, ни в чем бы то ни было в центре земли. Итак, всякое знание, как временное, так и духовное, заключается в человеческом уме. Во многих случаях оно не открыто и остается сокрытым, но, когда покров медленно снимается, мы говорим, что «мы учимся», и успехи в знании измеряются быстротой процесса этого раскрытия. Человек, с которого снимается этот покров, — более знающий; человек, на котором этот покров лежит толстым слоем, — незнающий, и человек, с которого этот покров совершенно снят, — всезнающ, всеведущ. Бывали всеведущие люди и будут еще; а в грядущих циклах

времени их, наверное, будет множество. Знание скрыто в уме, как огонь в кремне; внешние впечатления и есть удары, высекающие огонь. Так и с нашими чувствами и действиями, с нашими слезами и улыбками, с радостью и горем, с рыданием и со смехом, с нашими проклятиями и благословениями, с похвалами и порицаниями, — если мы беспристрастно изучим самих себя, то окажется, что все это было высечено из нас самих соответственными ударами. В результате и получается то, что мы из себя представляем. Все эти удары, взятые вместе, называются *Кармой* — трудом, действием. Каждый умственный и физический удар, наносимый душе, и которым, так сказать, из нее высекается огонь и обнаруживается ее сила и значение, есть *Карма* в самом широком значении этого слова. Мы все время создаем *Карму*. Говорю я с вами — это *Карма*; вы слушаете — это *Карма*. Мы дышим — *Карма*, гуляем — *Карма*. Все, что мы делаем, умственно ли или физически, есть *Карма*, и она оставляет на нас свой след.

Некоторые вещи, которые делает человек, имеют значение только в сумме. Большое дело, в сущности, состоит из тысячи маленьких. Когда мы стоим на морском берегу и слышим шум разбивающихся волн, мы думаем: какой это большой шум; и, однако, мы знаем, что каждая волна в действительности состоит из миллионов и миллионов маленьких волн, и каждая из них производит шум, но мы не улавливаем его; только когда эти маленькие шумы соединяются в один большой, мы слышим их. Подобным образом каждое биение сердца есть совершаемое нами действие; некоторые виды действия мы чувствуем, и они становятся ощутимы для нас только тогда, когда соединяется вместе множество мелких действий. Если действительно вы хотите судить о характере человека, не смотрите на его великие дела. Всякий глу-

пец может раз в жизни стать героем. Наблюдайте за тем, как человек исполняет самые обыкновенные дела, это именно и даст вам указание относительно истинного его характера. Исключительные случаи возносят и самое низкое человеческое существо до некоторого величия, но лишь тот человек действительно велик, чей характер велик и неизменен во всех обстоятельствах жизни.

Карма в своем влиянии на характер является одной из могущественнейших сил, с которой человеку приходится иметь дело. Человек представляет, так сказать, центр, привлекающий к себе все силы вселенной; в этом центре он сплавляет их всех и посылает дальше одним большим потоком. Такой центр и есть истинный человек, всемогущий, всеведущий, и он влечет к себе всю Вселенную; добро и зло, горе и радость — все стремиться и льнет к нему; из них он образует мощный поток наклоностей, именуемый характером, и выбрасывает его из себя; имея силу втягивать в себя все, он имеет силу и выбрасывать.

Все действия, которые мы видим в мире, все движения в человеческом обществе, все роды деятельности вокруг нас — это просто результат мысли, проявление воли человека. Машины, орудия, города, корабли, броненосцы — все это просто проявления воли человека. Воля эта имеет свой источник в характере, а характер создается *Кармой*. Какова *Карма*, таково и проявление воли. Люди большой воли были все необыкновенные работники — исполинские души, обладавшие волей настолько сильной, что она могла перевертывать миры, — волей, приобретенной упорным трудом на протяжении многих веков. Гигантская воля, подобная воле Будды или Иисуса, не могла быть приобретена в одну жизнь, потому что мы знаем, кто были их отцы. Отцы их, насколько нам известно, ни одного слова не произнесли на благо чело-

вещества. Миллионы и миллионы плотников, подобных Иосифу, жили и умерли. Миллионы их живут и ныне. В мире жило много миллионов маленьких царей, вроде отца Будды. Если бы весь вопрос заключался лишь в наследственной передаче качеств, как объяснить, что этот ничтожный царек, которому, может быть, и собственные слуги не повиновались, имел сына, которому поклоняется полмира? Как объяснить бездну, отделяющую плотника от Сына, которого миллионы людей почитают за Бога? Эта загадка не может быть разрешена одной теорией наследственности. Гигантская воля, которую Будда и Иисус бросили в мир, откуда она явилась? Откуда пришло это скопление силы? Оно должно было существовать веками и веками, разрастаясь все больше и больше, пока оно не вылилось на людей через Будду и Иисуса, продолжая литься и до настоящего дня.

Все это обуславливается *Кармой*, трудом, работой. Никто ничего не может получить, если того не заслужил. Таков вечный закон. Иногда мы склонны думать, что это не так, но в конце концов мы убеждаемся в незыблемости этого. Человек может всю жизнь бороться из-за приобретения богатства. Он может обманывать тысячи людей, но, наконец, он убеждается, что не заслужил богатства, и жизнь становится ему в тягость. Мы можем накоплять вещи для нашего физического наслаждения, но лишь то, что мы заслужили, действительно нам принадлежит. Глупец может купить все книги в мире, и они будут стоять в его библиотеке, но прочесть он сможет лишь то, что заслужил, и эта заслуга дается *Кармой*. Наша *Карма* определяет, чего мы заслуживаем, что мы можем усвоить. Мы ответственны за то, что мы есть, и мы имеем в себе силу сделать себя тем, чем хотим быть. Если мы, каковы мы теперь, являемся результатом наших прежних действий, то из этого, конечно, следует, что наш

будущий облик может быть создан нашими настоящими действиями; следовательно, мы должны знать, как нам поступить в разных случаях жизни. Вы скажете: «Зачем учиться работать? Каждый человек несет ту или другую работу в мире». Но ведь бывает и напрасная трата сил. Относительно Карма-Йоги Бхагавадгита говорит, что эта Йога учит умелому и правильному исполнению работы: уменьем работать можно достигнуть больших результатов. Не забудьте, что всякий труд существует для выявления сил, уже существующих в уме, для пробуждения души. Силы эти сокрыты в каждом человеке, как сокрыто в нем и знание; различные виды труда подобны ударам, выводящим эти силы наружу, заставляющим исполинов проснуться.

Человек работает, руководствуясь различными мотивами; без мотива не может быть и работы. Некоторые люди жаждут славы, и они работают для славы. Одни хотят иметь деньги, и они работают для денег. Другие жаждут власти, и они работают для власти. Иные хотят попасть на небо; и они трудятся, чтобы достичь своего. Иные хотят оставить после себя имя, как, например, в Китае, где человек получает титул лишь после смерти, что, пожалуй, и правильно. Если кто-нибудь совершит что-нибудь очень хорошее в Китае, то титул дается его умершему отцу или деду. Иные люди и для этого трудятся. Некоторые последователи Магомета всю жизнь работают для того, чтобы соорудить себе гробницу. В иных сектах, как только ребенок родится, ему уже изготавливается могила, для членов этой секты это самое важное дело в жизни, и чем красивее гробница, тем человек считается богаче. Иные трудятся, имея в виду покаяние; они совершают всевозможные дурные поступки, затем строят храм или дают деньги священникам, чтобы откупиться и получить право попасть на небо. Они думают, что

такого рода щедрость очистит их и они избегнут наказания, несмотря на свою греховность. Таковы различные побуждения к труду.

Но нужно работать ради работы. В каждой стране есть люди, являющиеся лучшей частью человечества и работающие ради работы, не желая для себя ни громкого имени, ни славы, ни даже небесного блаженства. Они работают только ради пользы, приносимой их трудом. Иные благодетельствуют бедным и служат человечеству из еще более высоких побуждений, потому что они верят в добро и любят добро. Жажда известности и славы редко дает немедленные результаты: и то и другое приходит обыкновенно в пожилые годы, когда мы покончили расчеты с жизнью. Если же человек работает бескорыстно, разве он ничего не приобретает? Нет, он приобретает высшее, что существует. Бескорыстие выгодно. Но у людей не хватает терпения его осуществлять. Любовь, правда и бескорыстие являются не только нравственными прописями и риторическими украшениями речи; они составляют высочайший идеал, заключая в себе могучее проявление силы. Прежде всего, человек, способный работать пять дней или даже пять минут без всякой корыстной цели, не думая о будущем, о небе, о наказании или о чем бы то ни было в этом роде, благодаря этой работе получает возможность вырасти в мощного нравственного исполина. Трудно это сделать, но в глубине сердца мы понимаем все значение подобной работы и пользу, приносимую ею. Огромное самообладание, требуемое бескорыстной работой, есть большее проявление силы, чем всякое иное. Экипаж, запряженный четверкой, может безудержно катиться с горы, но кучер может и удержать лошадей. А что составляет большее проявление силы — удержать лошадей или дать им волю? Снаряд летит в воздухе на большое пространство и

падает. Другой снаряд ударяется по пути о стену, и толчок порождает сильную теплоту. Всякая устремленная наружу сила, следующая за корыстным побуждением, тут же и исчерпывается; она не вызовет возврата к вам силы; будучи же сдержана, она даст в результате развитие силы. Это самообладание выковывает сильную волю, мощный характер, который даст в свое время Христа или Будду. Неразумные люди не знают этой тайны, тем не менее они стремятся властвовать над человечеством. Впрочем, даже глупец может приобрести владычество над всем миром, если он сумеет трудиться и ждать. Пусть он выждет несколько лет и избавится от неразумной жажды власти; и, когда эта мысль совершенно исчезнет из его ума, он станет силой в мире. Большинство из нас не может видеть далее нескольких лет, подобно тому, как многие животные не могут видеть далее нескольких шагов. Мир наш — узкий круг. Мы не имеем терпения заглянуть за его пределы и, таким образом, становимся безнравственными и дурными. Это слабость, наше бессилие.

Однако не следует презирать и низшие виды работы. Пусть человек, не видящий пред собой лучшего, работает с эгоистической целью, ради приобретения известности и славы, но каждый из нас должен всегда стремиться к высшим и высшим побуждениям и стремиться понять их. «Мы имеем право работать, но не имеем права на плоды работы». Оставьте плоды. Зачем думать о результатах? Если вы помогаете человеку, не думайте об отношении этого человека к вам. Если вы хотите сделать великое или хорошее дело, не думайте о результатах его для вас самих.

В связи с этим идеалом работы возникает один трудный вопрос. Интенсивная деятельность необходима. Мы должны всегда работать. Мы не можем и минуты про-

жить без труда. Как же быть с отдыхом? Перед нами одна сторона жизненной борьбы — работа, увлекающая нас в своем водовороте. Но тут же стоит и другое — тихое, безвестное самоотвержение: все кругом мирно, нет шума и внешней деятельности — лишь природа с ее животными, и цветами, и горами. Но ни та, ни другая картина не совершенны. Человек, привыкший к уединению, будет уничтожен водоворотом жизни, придя в соприкосновение с ним, подобно тому, как рыба, живущая в глубоких водах, погибает, лишённая того давления воды, под которым создано ее тело. Может ли, с другой стороны, человек, привыкший к шуму и суете жизни, чувствовать себя хорошо в тихом месте? Он страдает и может лишиться разума. Тот человек идеален, который среди величайшей тишины и уединения находит самую напряженную деятельность и среди напряженной деятельности находит тишину и уединение пустыни. Он обрел тайну самообладания: он имеет власть над собой. Он идет по улицам большого города с его шумным движением, но ум его покоен, как будто он находится в пещере, куда ни один звук не долетает, и все время ум его напряженно работает. Таков идеал Карма-Йоги, и достигнув его, вы действительно обретете тайну труда.

Но начинать нам надо сначала; надо приниматься за работу, выпадающую на нашу долю, и постепенно делаться с каждым днем бескорыстнее. Работая, мы должны анализировать мотивы, побуждающие нас к труду, и в первые годы мы почти неизменно будем убеждаться в том, что побуждения наши эгоистичны; но настойчивость постепенно растворит этот эгоизм, пока, наконец, не наступит время, когда мы способны будем воистину бескорыстно работать. Все мы можем надеяться на то, что наступит время, когда, шествуя по жизненным путям, мы станем совершенно бескорыстными; и в эту минуту, ко-

гда мы этого достигнем, все силы наши будут сосредоточены, и знание, присущее нам, проявится.

Глава II.

Каждый велик на своем месте

Согласно философии Санкхья, Природа состоит из трех сил, именуемых по-санскритски: *раджас*, *тамас*, *самтва*. Появление их в физическом мире мы можем назвать активностью, инертностью и равновесием. *Тамас* олицетворяется темнотой и бездействием, *Раджас* — деятельностью, выражающейся в притяжении и отталкивании, а *Самтва* есть равновесие между ними.

В каждом человеке кроются эти три силы. Иногда преобладает тамас: мы становимся ленивыми, не можем двигаться, мы бездеятельны, потому что нас связывают или какие-нибудь идеи, или простая притупленность чувств. В других случаях преобладает активность, а в иные минуты — спокойное равновесие между тамасом и раджасом. В разных людях преобладает та или другая сила. Один человек отличается бездеятельностью, тупостью и ленью, другой — активностью, силой, проявлением энергии; в третьем мы видим мягкость, спокойствие, кротость, порождаемые равновесием между деятельностью и бездействием. Так и во всем мире — в животных, в растениях, в людях — мы наблюдаем более или менее яркие проявления этих трех сил.

Карма-Йога имеет преимущественное отношение к этим трем факторам нашей жизни. Понимание их природы и способов их применения помогает нам правильнее работать. Человеческое общество представляет из себя организацию, построенную на принципе постепенности. Мы все имеем понятие о нравственности, о долге, но вместе с тем мы знаем, что в различных странах пред-

ставления о нравственности значительно разнятся между собой. Что считается нравственным в одной стране, иногда совершенно безнравственно в другой. Например, в одной стране двоюродные братья и сестры могут вступать в брак, в другой такие браки считаются безнравственными; в одной стране мужчины могут жениться на своих невестках, в другой такие браки не допускаются; в одной стране можно вступить в брак лишь один раз, в другой — много раз, и т.д. Так и в других областях понятия о нравственности весьма различны; несмотря на это, мы все же сознаем, что должен существовать однородный всемирный идеал нравственности.

То же самое можно сказать и о долге. Понятия о долге чрезвычайно разнообразны у различных народов: в одной стране, если человек не проделывает известных вещей, его за это осуждают; если он в другой стране будет делать именно эти самые вещи, то скажут, что он неправильно поступает. Вместе с тем мы все же сознаем, что должно существовать определенное всемирное представление о долге. Точно так же один класс общества думает что некоторые вещи входят в круг его обязанностей, тогда как другой слой думает совершенно противоположное и был бы в отчаянии, если бы его заставили так поступать. Перед нами лежат две дороги — дорога людей незнающих, уверенных в том, что путь к истине один и что вне его все дурно, и дорога мудрых, признающих, что долг и нравственность меняются соответственно с нашим умственным строем или с различными планами нашего существования. Важно знать, что существуют различные ступени долга и нравственности, что долг одной стадии не может быть долгом другой.

Поясним это примером. Все великие учителя говорили: «Не противься злу». Они учили, что непротивление есть высший нравственный идеал. Мы все знаем, что ес-

ли бы некоторые из нас стали осуществлять этот идеал на практике, то все общественное здание рухнуло бы; злые завладели бы нашей собственностью и нашей жизнью и поступали бы с нами по своему усмотрению. Если бы был осуществлен хотя бы в течение одного дня идеал непротivления, то он привел бы нас к катастрофе. Однако интуитивно — в глубине сердца — мы чувствуем истину учения: «Не противься злу». Оно представляется нам высочайшим идеалом. Однако проповедь лишь одной этой доктрины равносильна была бы обречению на гибель значительной части человечества. К тому же она заставила бы людей чувствовать, что они всегда поступают дурно и вызвала бы в них угрызения совести за все их поступки; это ослабило бы их, и постоянное самоосуждение породило бы больше зла, чем всякая другая слабость. Перед человеком, начинающим ненавидеть себя самого, раскрываются двери вырождения. То же самое можно сказать о целом народе.

Первая наша обязанность состоит в том, чтобы себя не ненавидеть; для того чтобы идти вперед, нам надо верить сперва в себя, потом в Бога. Тот, кто не верит в себя, не может верить и в Бога. Поэтому нам необходимо ясно понять, что долг и нравственность меняются при различных обстоятельствах. Нельзя сказать, что человек, который противится злу, делает то, что всегда и само по себе неправильно. Наоборот, в известных обстоятельствах, в которых он может оказаться, противиться злу может быть его прямою обязанностью.

Многие из западных читателей, читая Бхагавадгиту, изумлялись, находя во второй главе слова Кришны, обращенные к Арджуне, в которых Кришна называет Арджуну лицемером и трусом за его отказ вступать в бой или сопротивляться неприятелю на том основании, что его противники — все его друзья и родственники, и также по-

тому, что непротивление есть величайший идеал любви. Великий урок, который мы все должны выучить, заключается в том, что крайности всегда похожи друг на друга; когда вибрации света слишком медленны, мы их не видим, и точно так же не видим их, когда они слишком быстры. То же самое относительно звука. Мы не слышим его, когда он слишком низок или когда он слишком высок. Однородно с этим и различие между противлением и непротивлением. Один человек не противится, потому что он слаб, ленив и не то что не хочет, а не может бороться. Другой человек знает, что, если он захочет, он сумеет нанести сокрушающий удар; однако он не только не наносит удара врагам, но благословляет врагов. Тот, кто не противится по слабости, совершает грех и в силу этого не может получить никакой пользы от непротивления, тогда как другой человек совершил бы грех, сопротивляясь. Будда отдал свой царский престол и отрекся от власти и положения, — это было истинное отречение. Но не может быть речи об отречении, когда дело идет о нищем, которому не от чего отречься! Итак, мы должны всегда тщательно взвешивать смысл наших слов, когда говорим о непротивлении или о противлении. Если мы обладаем силой, отказываемся ею пользоваться и не противимся, мы совершаем великий акт любви; но если мы не можем противиться и вместе с тем стараемся уверить самих себя, что мы движимы побуждениями высшей любви, то мы тем самым делаем противоположное. Арджуна испугался, увидев перед собой ряд мощных противников; его «любовь» заставила его забыть свой долг перед страной и перед королем. Потому-то Шри Кришна и назвал его лицемером: «Ты говоришь как мудрец, но твои действия обнаруживают в тебе труса; поэтому встань и иди в бой!».

Такова главная идея Карма-Йоги. Тот человек — Карма-йог, который понимает, что высочайший идеал

есть непротивление, знает, что это непротивление составляет высшее проявление силы, находящейся в его действительном обладании, и знает, что так называемое противление злу есть только путь к проявлению этой высшей силы, а именно — непротивления. Прежде чем достичь высшего идеала непротивления, человек должен исполнить свой долг и противиться злу; пусть он работает, борется, рубит с плеча. Но непротивление станет добродетелью, только когда он приобретет силы для сопротивления.

Я встретил у себя на родине одного человека, которого я раньше считал очень глупым и тупым, который ничего не знал и не желал знать и жил животной жизнью. Он спросил меня, что ему делать, чтобы познать Бога, как ему достигнуть освобождения? «Можешь ли ты солгать?» — спросил я его. «Нет», — ответил он. «Тогда научись лгать. Лучше лгать, чем жить как животное или бревно; ты ничего не делаешь; ты несомненно не достиг высшего состояния, которое лежит выше всех действий, спокойного и ясного; ты еще слишком туп, даже для того, чтобы сделать что-нибудь злое». Это был исключительный случай, и я, конечно, шутил; но я хотел сказать этим, что человек должен быть деятельным для того, чтобы перейти через деятельность к полному покою.

Бездеятельности следует всеми мерами избегать. Деятельность всегда означает сопротивление. Противьтесь всякому злу, ментальному и физическому, и когда вы достигнете успеха в сопротивлении, тогда придет покой. Очень легко сказать: «Не ненавидь никого; злу не противься!» — но мы знаем, к чему это обыкновенно приводит на практике. Когда взоры общества обращены на нас, мы выказываем наше непротивление, но сердце наше все время точит червь. Мы ощущаем полное отсутствие того мира, который должен дать непротивление, и

чувствуем, что лучше нам было бы противиться. Если вы желаете богатства и вместе с тем знаете, что весь мир считает всякого человека, стремящегося к богатству, очень дурным, то вы, может быть, и не посмеете броситься в борьбу за богатством, однако ум ваш будет день и ночь думать о деньгах. Это — лицемерие, и оно ни к чему не приведет. Окунитесь в жизнь мира, и только по истечении некоторого времени, когда вы выстрадаете и насладитесь всем тем, что он в себе содержит, придет отречение, а с отречением — и покой. Утолите вашу жажду власти и всего остального, и после того как вы ее удовлетворите, настанет время, когда вы увидите, что все это очень маловажно; но пока вы не удовлетворили этого желания, пока вы не испытали эту деятельность, вам невозможно достичь состояния покоя, ясности и самоотречения. Ясность и самоотречение составляли предмет проповеди в течение многих тысяч лет; все мы слышали о них с детства; однако не многих людей видим мы в мире достигшими этих состояний. Сомневаюсь, встретил ли я хотя бы двадцать человек в моей жизни, в самом деле спокойных и не противящихся злу; между тем я объездил полмира.

Каждый человек должен создать себе идеал и стремиться провести его в жизни; этот способ — более верный путь внутреннего прогресса, чем принятие чужих идеалов, осуществить которые человек никогда не может надеяться. Например, если мы прикажем ребенку сразу пройти двадцать верст пешком, он умрет, а один ребенок из тысячи проползет двадцать верст и пойдет до конца, хотя бы измучившись до полусмерти. Подобные вещи мы и пытаемся сделать. Люди, которых мы встречаем в обществе, мужчины и женщины, имеют не одинаковый ум, способности и силы; они должны иметь личные идеалы, и мы не имеем права смеяться над их идеалами, какие

бы они ни были. Пусть каждый делает все, что может, чтобы осуществить свой собственный идеал. Но совершенно неправильно судить мои стремления с точки зрения вашего идеала или ваши с точки зрения моего. Нельзя судить о яблоне, сравнивая ее с дубом, и нельзя судить о дубе, сравнивая его с яблоней. Для яблони есть своя мерка суждения и для дуба — своя.

Единство в разнообразии есть план творения. Люди могут сильно различаться между собой, но в основе их лежит единство. Различные индивидуальные характеры и различные классы мужчин и женщин являются естественными разновидностями в творении. Поэтому не следует прикладывать к ним одинаковые мерилы или ставить перед ними одинаковый идеал. Такой образ действия порождает лишь неестественную борьбу, в результате человек начинает ненавидеть себя, что мешает ему стать религиозным и добрым. Наш долг заключается в том, чтобы поощрять каждого в его борьбе и стремлении жить сообразно его высшему идеалу и в стараниях в то же время сделать этот идеал как можно более близким к истине.

В индусской этике этот факт был признан с самых древних времен. И в писаниях индусов, и в кодексах морали даются различные правила для различных классов людей: для мирского человека («домохозяина»), *санньяси* (человека, отказавшегося от мира) и «ученика».

Жизнь каждого человека, согласно индусским писаниям, имеет свои особые обязанности помимо тех, что свойственны вообще всему человечеству. Индус начинает жизнь учеником; затем он женится и становится домохозяином; в старости он оставляет дела и, наконец, отказывается от мира и становится санньяси. На каждой из этих стадий жизни человек имеет разные обязанности. Ни одна из этих стадий по внутреннему содержанию не

выше другой; жизнь женатого человека так же высока, как и жизнь холостого человека, посвятившего себя религии. Метельщик на улице столь же велик и славен, как король на своем троне. Сведите короля с его престола, заставьте его мести улицу и посмотрите, как он будет себя чувствовать. Возьмите метельщика и посмотрите, как он будет управлять царством. Бесполезно говорить, что человек, живущий вдали от мира, выше человека, живущего в мире. Наоборот, гораздо труднее жить в мире и служить Богу, чем уйти от мира и вести свободную, легкую жизнь. Четыре стадии жизни в Индии в позднейшие времена свелись к двум — к жизни домохозяина и к жизни монаха. Мирской человек женится и несет свои обязанности гражданина. Обязанности монаха заключаются в том, чтобы отдать всю энергию религии, проповедовать и молиться Богу. Я приведу вам несколько отрывков из Маха-Нирваны-Тантры, говорящей об этом предмете, и вы увидите, как трудно исполнять все обязанности мирского человека согласно понятиям индусов.

Мирской человек (домохозяин) должен быть предан Богу. Познание Бога должно быть целью его жизни, и однако он должен постоянно работать, исполнять все свои обязанности, отдавать Богу плоды всех своих действий. Это самая трудная вещь на свете — работать и не думать о результатах, помогать человеку и не ждать в ответ благодарности, делать какое-нибудь доброе дело, не помышляя о том, принесет ли оно громкое имя или славу, или ровно ничего. Даже самый явный трус становится храбрым, когда люди восхваляют его. Глупец может совершить геройский поступок, когда окружающие его одобряют и поддерживают. Но непрерывно делать добро, не заботясь об одобрении окружающих, — это на самом деле высшая жертва, какую может принести человек. Главная обязанность домохозяина (мирского чело-

века) состоит в том, чтобы зарабатывать для себя и семьи, но он должен остерегаться, чтобы при этом не лгать, не обманывать и не обкрадывать других, и должен помнить, что жизнь его посвящена Богу и бедным.

Зная, что отец и мать являются видимыми представителями Бога, мирской человек всегда и во всех случаях жизни должен угождать им. Если отец и мать довольны им, то доволен им и Бог. Тот сын действительно хорош, который никогда не скажет резкого слова своим родителям.

В присутствии родителей нельзя шутить, нельзя проявлять суетливость, гнев или дурное настроение. Перед отцом и матерью сын должен низко склоняться, стоять в их присутствии и не садиться, пока они ему того не позволят.

Если мирской человек имеет пищу, питье и одежду, не позаботившись прежде о том, чтобы его отец, дети, жена и бедные имели пищу, питье и одежду, он совершает грех. Мать и отец являются началами, создавшими его тело, и поэтому человек должен пройти хотя бы через тысячу неприятностей для того, чтобы сделать для них добро. Такого же рода его обязанности и к жене; он никогда не должен бранить ее и должен содержать ее, как родную мать. И даже когда он испытывает самые большие затруднения и горести, он не должен гневаться на жену.

Кто думает о другой женщине, кроме своей жены, касаясь ее хотя бы только в уме своем, — тот идет в темный ад.

При женщинах семьянин не должен говорить непристойности и не должен хвастаться. Он не должен говорить: «Я сделал то и сделал это».

Мирской человек должен всегда угождать жене: деньгами, одеждой, любовью, доверием и словами, подоб-

ными нектару, и не должен никогда расстраивать ее. Человек, сумевший приобрести любовь целомудренной женщины, преуспел в своей религии и обладает всеми добродетелями.

Обязанности к детям следующие: сын должен быть с любовью оберегаем до четвертого года; воспитывать его следует до шестнадцати лет. Когда ему минет двадцать лет, он должен начать работать; отец должен с ним тогда ласково обращаться, как с равным. Точно так же дочь должна быть воспитана с величайшей тщательностью. При выходе ее замуж отец должен дать ей приданое.

Затем обязанности человека простираются к его братьям, сестрам и к детям братьев и сестер, если они бедны, а затем к другим родственникам, к друзьям и к слугам. Затем он имеет обязанности к жителям одного с ним города или селения, к бедным и ко всякому, приходящему к нему за помощью.

Если мирской человек имеет достаточные средства и не уделяет часть их родственникам и бедным, он — не человеческое существо, а животное.

Следует избегать чрезмерной привязанности к пище, к одежде, к уходу за телом и к причесыванию волос. Мирской человек должен быть чист сердцем, опрятен, всегда деятелен и всегда готов к работе.

Для своих врагов мирской человек должен быть героем. Он должен бороться с ними и сопротивляться им. Это обязанность домохозяина. Он не должен сидеть в углу, плакать и говорить о непротивлении. Если он не показывает себя героем своим врагам, он не исполнил своих обязанностей. С друзьями же и родственниками он должен быть кроток, как агнец.

Мирской человек обязан не преклоняться перед другим человеком, потому что, преклоняясь перед злыми

людьми, он потворствует элу. Но будет большой ошибкой, если он будет пренебрегать людьми, достойными уважения. Он не должен быть слишком поспешен в своей дружбе; он не должен искать дружбы со всеми без разбора. Он должен сначала наблюдать за поступками людей, с которыми он хочет сойтись, за их поступками по отношению к другим людям, обсудить эти поступки и только после этого вступить с людьми в дружбу.

О трех вещах он не должен говорить: он не должен говорить публично о своей известности; не должен восхвалять свое имя или свои силы; не должен говорить о своем богатстве или о чем-нибудь, что ему было сказано по секрету.

Человек не должен говорить, что он беден или что он богат, — ни в каком случае не должен хвастаться своим богатством. Пускай он будет благоразумен; это его религиозная обязанность. Это не простая мирская мудрость; если человек не будет благоразумным, его могут счесть безнравственным.

Домохозяин является опорой всего общества; он — главный кормилец. Бедные, слабые, дети и женщины, которые не работают, — все зависят от его заработка. Поэтому есть некоторые обязанности, которые домохозяин должен выполнить, и, выполняя их, он должен чувствовать себя сильным, а не думать, что он делает вещи ниже своего идеала. Поэтому, если он допустил какую-нибудь слабость или совершил какую-нибудь ошибку, он не должен говорить об этом публично, или, если он участвует в каком-нибудь предприятии и знает, что предприятие должно кончиться неудачей, не должен говорить об этом. Такая откровенность не только не нужна, но она ослабляет человека и мешает исполнению им его обязанностей.

В то же время мирской человек должен энергично бороться, чтобы приобрести две вещи: сначала знание,

потом богатство. Это его долг, и если он не исполнит своего долга, он — ничтожество. Домохозяин (мирской человек), который не борется ради богатства, — действует безнравственно. Если он ленив и довольствуется праздной жизнью, он живет безнравственно, потому что от него зависят, может быть, сотни людей. Если же он приобретает богатство, то сотни других людей находят в нем свою поддержку.

Если бы в этом городе не было многих людей, жаждавших богатства и приобретших его, не было бы здесь и различных культурных и благотворительных учреждений.

В данном случае погоня за богатством не предосудительна, так как она имеет целью дальнейшее распределение его. Для мирского человека приобретение богатства и благородное использование его составляет религиозный долг: домохозяин, стремящийся разбогатеть праведными путями и для правильных целей, в действительности делает то же самое для достижения спасения, что и отшельник, молящийся в своей келье, так как в них мы наблюдаем лишь различные проявления той же добродетели — самоотречения и самопожертвования, вызываемых преданностью Богу и всем Его созданиям.

Мирской человек должен всеми силами стараться приобрести доброе имя; не должен играть в азартные игры, общаться с дурными людьми и быть источником горя для других.

Нередко люди берутся за то, что они не могут сделать, и в результате обманывают других для достижения своих целей. Во всех случаях надо принимать во внимание время, привходящее как фактор во все. Затем, что один раз может быть неудачей, другой раз может стать большим успехом.

Домохозяин должен быть правдивым, говорить мягко, употреблять выражения, приятные для других и могущие

принести им пользу; он не должен также говорить о чужих делах.

Вырывая пруды, обсаживая дороги деревьями, устраивая убежища для людей и животных, прокладывая дороги и наводя мосты, мирской человек идет к той же цели, что и величайший йог.

Итак, деятельность и обязанности мирского человека составляют часть учения Карма-Йоги.

Дальше говорится, что «если человек умирает на поле битвы, сражаясь за свою страну или за свою веру, он приходит к той же цели, к какой йог приходит путем медитации». Это показывает, что обязанность одного человека не является обязанностью для другого; и в то же время нельзя сказать, что один долг принижает, а другой возвышает. Каждый долг имеет свое место, и мы должны исполнять свои обязанности, сообразно с теми условиями, в какие мы поставлены.

Из всего этого вытекает одна идея: осуждение всякой слабости. Эта мысль сквозит во всех индийских учениях, в философии и в религии. В Ведах постоянно повторяется слово «бесстрашие»: «Не страшитесь ничего!». Страх — признак слабости. Человек должен исполнять свой долг, не обращая внимания на насмешки и издевательства мира.

Уходя из мира для служения Богу, человек не должен думать, что все, остающиеся в мире и работающие на благо мира, не служат Богу; точно так же и люди, живущие в мире для жены и детей, не должны считать людей, отрекшихся от мира, праздными бродягами. Каждый человек велик на своем месте. Эту мысль можно пояснить следующим примером.

Некий царь имел привычку спрашивать всех санньяси, приходивших в его страну: «Кто больше — тот ли, кто, отрекшись от мира, становится санньяси, или тот,

кто живет в мире и исполняет свои обязанности мирского человека?» Многие мудрецы пытались разрешить эту задачу. Некоторые утверждали, что санньяси выше; тогда царь требовал, чтобы они доказали свое положение. И когда они не могли этого сделать, он приказывал им жениться и жить в мире. Затем приходили другие и говорили: «Семьянин, исполняющий свои обязанности, выше». И от них тоже царь требовал доказательств. И когда они не могли дать их, он также заставлял их начать жить жизнью домохозяев.

Наконец, пришел один молодой санньяси, и царь задал и ему тот же вопрос. Санньяси отвечал: «О царь, каждый велик на своем месте». — «Докажи это мне», — сказал царь. «Я докажу это тебе, — сказал санньяси, — но ты должен прежде пойти со мной и жить несколько дней так же, как я, чтобы я мог доказать тебе то, что я говорю». Царь согласился, последовал за санньяси, вышел с ним из своего царства и, пройдя много других стран, дошел до одного большого царства. В столице, куда они пришли, происходила торжественная церемония. Царь и санньяси слышали бой барабанов, музыку и крики глашатаев; народ толпился на улицах в праздничных одеждах, и везде глашатаи возвещали о том, что должно было произойти. Царь и санньяси стояли и смотрели на происходившее. Глашатай возвещал народу, что дочь царя той страны собирается выбрать себе мужа из числа собравшихся.

Согласно старинному обычаю, царевны в Индии выбирали себе мужей таким образом. Каждая царевна имела свою идею о том, какой ей нужен муж; некоторые желали иметь самого красивого человека; другие — самого ученого; третьи — самого богатого, и т.д. И каждая выбирала того, кто ей нравился. Так было и здесь. Все соседние царевичи нарядились в лучшие одежды и яви-

лись в город. Некоторые из них имели своих собственных глашатаев, провозглашавших их достоинства и объяснявших, почему они надеялись, что царица выберет их. Царице, в роскошном, блестящем уборе, носили в паланкине, и она смотрела и слушала, если ей не нравилось, то что она видела и слышала, она говорила слугам, несшим ее: «Дальше!» — и не обращала больше внимания на отверженных женихов. Если же царице понравился бы кто-нибудь из них, она бросила бы ему гирлянду из цветов, и он стал бы ей супругом.

Царица была прекрасна, как заря, и ее супруг должен был получить все царство после смерти ее отца. Царица хотела иметь мужем самого красивого человека, но она не могла найти такого, который бы понравился ей.

Уже много раз происходили подобные собрания, но царица не могла выбрать себе супруга. Это собрание было самым блестящим из всех; народу собралось больше, чем когда-либо. Царица появилась в роскошном паланкине, и носильщики носили ее с места на место. Но ей, по-видимому, опять никто не понравился, и присутствующие с разочарованием думали, что собрание и на этот раз кончится ничем. Как раз в это время явился молодой человек, санньяси, прекрасный как солнце, сошедшее на землю; он стал в стороне, наблюдая за происходившим. Паланкин с царицей приблизился к нему, и как только царица увидела прекрасного санньяси, она остановилась и бросила на него гирлянду цветов. Молодой санньяси схватил гирлянду и, сбросив ее с себя, воскликнул: «Что за глупость! Я — санньяси. Какой для меня может быть брак?». Царь, думая, что он слишком беден и поэтому не смеет жениться на царице, сказал: «За моей дочерью я даю половину царства сейчас и все царство после смерти» — и снова возложил гирлянду на

санныяси. Но молодой человек снова сбросил гирлянду, говоря; «Глупости! Я не хочу жениться», и быстро ушел.

Но царевна так полюбила молодого человека, что сказала: «Я должна выйти за него замуж или я умру», и она последовала за ним, желая его вернуть.

Тогда другой санныяси, приведший царя, сказал ему: «Пойдем за ними», и они последовали за ними, но на значительном расстоянии. Молодой санныяси, отказавшись жениться на царевне, вышел из города, и, когда он дошел до леса в нескольких милях от города, царевна последовала за ним, и двое других тоже. Молодой санныяси хорошо знал этот лес и все запутанные тропинки в нем; он неожиданно свернул на одну из этих тропинок и скрылся, так что царевна не могла найти его. После долгих и бесполезных попыток найти его, она села под деревом и начала плакать, потому что не знала, как выйти из леса. Тогда царь и другой санныяси, подойдя к ней, сказали: «Не плачь, мы покажем тебе, как выйти из леса, но теперь слишком темно, и мы не найдем дороги. Вот большое дерево, отдохни под ним, и рано утром мы покажем тебе дорогу».

На этом дереве жила в гнезде маленькая птичка с самкой и тремя птенцами. Эта птичка взглянула вниз и, увидев трех людей под деревом, сказала своей жене: «Милая, что нам делать; в нашем доме гости; теперь зима, и у нас нет огня». Она вылетела из гнезда, достала горящую щепку, принесла ее в клюве, и бросила ее гостям; те собрали топлива и развели большой огонь. Но птичка не была еще довольна. Она опять сказала своей жене: «Милая, как нам быть? Нам нечем накормить этих людей, а они голодны! Мы хозяйева, и наш долг кормить всех, кто приходит к нашему дому. Я сделаю, что могу; я отдам им свое тело». И с этими словами птичка бросилась в огонь и сгорела. Люди видели, как она упала в огонь, и попытались спасти ее, но было поздно.

Самка видела, что сделал ее супруг, и сказала: «Их трое, и на всех троих у них только одна маленькая птичка. Этого мало; я не могу допустить, чтобы поступок моего супруга оказался напрасным; отдам я им и свое тело». С этими словами она сама бросилась в огонь и тоже сгорела.

Тогда трое птенцов, видевших происшедшее и заметивших, что все-таки мало было пищи для гостей, сказали: «Наши родители сделали что могли, и все же этого недостаточно. Наш долг — продолжать дела наших родителей; отдадим и мы наши тела». И все они бросились в огонь.

Трое людей, изумленные тем, что они видели, не могли, разумеется, есть этих птиц. Они провели ночь без пищи, и утром царь и санньяси показали дорогу царевне, и она вернулась к отцу.

Когда они возвращались домой, санньяси сказал царю: «Царь, ты видел, что каждый велик на своем месте. Если ты хочешь жить в мире, живи как эти птички, и будь всегда готов во всякий момент пожертвовать собой для других. Если ты хочешь отречься от мира, будь подобен этому молодому человеку, для которого самая прекрасная женщина и целое царство были ничто. Если хочешь быть мирским человеком, пусть вся твоя жизнь будет жертвой для других. Каждый велик на своем месте, но долг одного не может быть долгом другого».

Глава III. **Секрет труда**

Помогать другим физически, удовлетворяя физические нужды, — дело действительно великое, но помощь тем ценнее, чем больше нужда и чем, следовательно, больше значения имеет помощь. Если потребности че-

ловека могут быть удовлетворены на один час, то этим ему действительно оказывается помощь; если — на целый год, то оказанная помощь еще значительно больше, но если его потребности могут быть удовлетворены на всю жизнь, это, конечно, будет самая большая помощь, какая только может быть ему дана. Духовное знание есть единственное, что может уничтожить наши несчастья навсегда. Всякое другое знание удовлетворяет наши нужды лишь временно. Только с приобретением духовного знания уничтожается навсегда эта способность нуждаться. Поэтому духовная помощь человеку — это самая большая помощь, какая только может быть ему оказана. Тот, кто дает людям духовное знание, есть в действительности благодетель человечества. И мы видим, что самые могущественные люди были именно те, которые помогали человеку в его духовных нуждах, потому что духовность есть истинное основание всей деятельности нашей жизни. Духовно сильный и здоровый человек будет силен и во всех других отношениях, если он того пожелает. Пока человек не обладает духовной силой, даже его физические потребности не могут быть надлежащим образом удовлетворены. Вслед за духовной помощью идет интеллектуальная помощь; дар знания гораздо выше дара пищи или одежды; он даже выше дара жизни ввиду того, что истинная жизнь человека состоит в знании; незнание — смерть, знание — жизнь. Но жизнь имеет очень малую ценность, если она проходит во тьме, в невежестве и скорби. Следующей по порядку идет, конечно, физическая помощь человеку. Следовательно, рассматривая вопрос об оказании помощи другим, мы всегда должны остерегаться ошибки думать, что физическая помощь — единственная, которую можно оказать; она не только последняя, но и самая незначительная, так как не может дать длительного удовлетворения. Страдание,

испытываемое при голоде, проходит, как только я его удовлетворяю, но голод возвращается. Мои страдания прекратятся только тогда, когда я буду удовлетворен навсегда. Тогда и голод не сделает меня несчастным; никакое страдание или горе не способны будут меня расстроить. Таким образом, наивысшая помощь есть та, которая укрепляет нас духовно; за ней идет помощь уму, а уже затем физическая.

Горести мира не могут быть устранены одной лишь физической помощью; пока не изменится человеческая природа, физические потребности будут все время возникать, и от их неудовлетворения люди всегда будут чувствовать себя несчастными и никакое количество физической помощи им не поможет. Единственное решение этой проблемы заключается в том, чтобы сделать людей чище. Невежество — мать всех зол и всех несчастий, которые мы видим. Когда люди увидят свет, когда они станут чистыми и духовно сильными и знающими, только тогда несчастье исчезнет из мира, но не раньше. Мы можем превратить каждый дом в стране в богадельню, покрыть ее больницами, но горе человеческое все же будет продолжать существовать, пока не изменится характер человека.

В Бхагавадгите постоянно повторяется, что все мы должны неустанно работать. Всякий труд по природе своей состоит из добра и зла. Нет работы, которая где-нибудь не принесла бы пользы; нет работы, которая кому-нибудь не принесла бы вреда. Всякая работа неизбежно является соединением добра и зла; однако мы должны работать непрерывно. И добро и зло, заключенные в работе, дадут свои результаты, создадут свою Карму. Доброе действие отразится на нас добром; злое действие отразится злом. Но и добро и зло — цепи для души. Решение, которого достигает Бхагавадгита по от-

ношению к этой, создающей оковы, природе труда, заключается в том, что мы не должны привязывать себя к работе, которую мы делаем. Тогда она не свяжет нашу душу. Мы должны стараться понять, что значит эта «непривязанность» к работе.

Такова главная идея, проходящая через Бхагавадгиту: работайте неустанно, но не будьте привязаны к работе. Слово «самскара» можно довольно точно передать выражением «врожденная склонность». Пользуясь сравнением ума с озером, можно сказать, что в уме всякое волнение, затихая, не проходит совершенно, а оставляет след и возможность в будущем снова появиться. Этот след и возможность нового появления волн, прошедших в уме, и есть то, что называется *самскара*. Каждая работа, которую мы делаем, каждое движение тела, каждая мысль оставляют свое впечатление на уме, и, даже, когда такие впечатления не видны, они всегда достаточно сильны, чтобы действовать в глубине ума, подсознательно. То, что мы представляем собой в каждую данную минуту, обуславливается общим итогом этих впечатлений ума. То, что я представляю собой в настоящий момент, есть результат общего действия всех впечатлений моей прошлой жизни. Этот результат и называется характером; характер каждого человека определяется общим итогом всех его предыдущих впечатлений. Если преобладают хорошие впечатления, характер становится хорошим; при приобретении дурных — он становится дурным. Если человек постоянно слышит дурные слова, думает дурные мысли, совершает дурные поступки, то ум его будет полон дурных впечатлений, и они будут влиять на мысли и дела человека без его осознания этого факта. Дурные впечатления всегда деятельны, и влияние их должно по необходимости быть дурно, и человек дурных впечатлений будет дурным помимо своей

воли; общая сумма его впечатлений создаст в нем сильное побуждение к совершению дурных поступков; он будет как бы орудием этих впечатлений, и они будут принуждать его делать зло. Подобным образом, если человек думает хорошие мысли и делает хорошие дела, общая сумма оставляемых этими делами и мыслями впечатлений будет хорошей; и она будет заставлять его делать добро, даже против его самого. Когда человек думал столько хороших мыслей и сделал столько добрых дел, что в нем является непреодолимое стремление делать добро, то его ум, как общая сумма этих стремлений, не позволит ему сделать зло, если бы даже он хотел этого. Внутренние склонности человека остановят его; он уже вполне под властью добрых наклонностей. В таких случаях говорят, что у человека вполне установился хороший характер.

Как черепаха прячет голову и лапы под свою чешую, и можно ее убить или разбить на куски, но она все-таки не выйдет, так характер человека, властвующего над своими побуждениями и органами, установлен навсегда. Он управляет своими собственными внутренними силами, и ничто не может их вызвать наружу против его воли. Путем этого постоянного отражения хороших мыслей, хороших впечатлений на поверхности ума, склонность к совершению добра крепнет, и в результате мы чувствуем себя в силах управлять органами чувств, нервными центрами. Таким только образом устанавливается характер; таким только путем человек достигает истины, тогда человек навеки в безопасности; он не может делать зло; он может быть в каком угодно обществе, и для него не будет в этом опасности. Существует стадия еще выше этой склонности к добру: это — желание освобождения. Вы должны помнить, что свобода души есть цель всех Йог, и каждая Йога одинаково ведет к этому результату. Одним

трудом человек может достигнуть того, чего Будда достиг главным образом медитацией, а Христос — молитвой. Будда был Джнани; Христос был Бхакта, но оба они достигли той же цели.

Освобождение означает полную свободу — свободу от оков добра так же, как и от оков зла. Золотая цепь не менее крепка, чем железная. В моем пальце сидит колючка терна, и я беру другую колючку, стараясь второю вытащить первую; затем выбрасываю обе; мне незачем хранить вторую колючку, потому что обе они — только колючки. Так и дурные склонности следует вытеснять добрыми и дурные впечатления ума следует удалять свежими волнами хороших, пока все дурное почти не исчезнет или будет подавлено и будет находиться под строгим контролем в дальней части ума. Таким образом, человек «привязанный» становится «непривязанным». Работайте, но не позволяйте делу или мысли производить глубокое впечатление на ум; пусть эти впечатления, как волны, приходят и уходят. Пускай огромные результаты получаются от работы мускулов и мозга, но не позволяйте им производить глубокое впечатление на душу. Как это сделать? Мы ведь видим, что отпечаток всякого действия, к которому мы привязаны, сохраняется.

Я могу встретить сотни людей в течение дня и среди них одного человека, которого я люблю. Предположим, что, ложась спать, я стараюсь вспомнить все виденные мною лица, но лишь одно лицо встает передо мною — то лицо, которое я видел, может быть, лишь одну минуту, но то, которое я люблю. Все же остальные лица исчезли. Моя привязанность к этому человеку создала более сильные впечатления от его лица, чем от всех других. Физиологически все впечатления были одинаковы; каждое лицо, виденное мною, отразилось на сетчатой оболочке глаза, и мозг воспринял образы, однако однород-

ности впечатлений не получилось. Большинство лиц были, может быть, совершенно новы, о них я ровно никогда не думал, но это одно лицо, лишь мельком увиденное мною, нашло во мне известные ассоциации. Может быть, я годами представлял его себе, зная многое о нем и когда его увидел, оно пробудило тысячу дремлющих воспоминаний в моем уме; и это одно впечатление произвело более сильное действие на ум.

Поэтому не привязывайтесь ни к чему; предоставьте всему идти своим порядком; пускай ваши мозговые центры работают: работайте непрерывно, но не позволяйте впечатлениям, получаемым от работы, победить ваш ум. Работайте, как будто вы чужие люди в этой стране, пришедшие сюда только на время; работайте, но ничем не связывайте себя; всякое иго ужасно. Этот мир — не наше настоящее место жительства; это только один из этапов, через которые мы должны пройти. Помните великое изречение философии Санкхья: «Вся природа для души, а не душа для природы». Природа и существует только для воспитания души, иного смысла в ней нет; она существует, потому что душа должна обладать знанием и через знание освободиться. Если мы всегда это будем помнить, мы никогда не станем «привязаны» к природе; мы будем знать, что природа — это книга, которую мы должны прочесть, и что, когда мы приобретем настоящее знание, книга потеряет для нас свое значение. Вместо этого, однако, мы отождествляем себя с природой; мы думаем, что душа для природы и дух для тела, и, как говорит ходячее выражение, мы думаем, что человек «живет для того, чтобы есть», а не «ест для того, чтобы жить». Мы постоянно впадаем в эту ошибку; мы смотрим на природу как на самих себя и привязываемся к ней, а это пристрастие производит глубокое впечатление на душу, связывающее нас и заставляющее нас работать не для свободы, а для рабства.

Вся суть этого учения состоит в том, чтобы мы работали как вольные **хозяева**, а не как **рабы**. Работайте непрерывно, но пускай ваша работа не будет трудом рабов. Разве вы не видите, как все работают? Никто не может быть совершенно бездеятелен. 99% человечества работает как рабы, и результатом такой работы является несчастье; все это — эгоистическая работа. Работайте свободно. Работайте в любви. Трудно понять слово *любовь*; любовь никогда не приходит, если нет свободы. В рабе не может быть истинной любви. Если вы купите раба, закуете его в цепи и заставите его работать на вас, он будет трудиться как машина, но любви в нем не будет. Так и мы, когда трудимся для приобретения мирских благ как рабы, то любви в нас быть не может и наш труд — не истинный труд. Это одинаково правильно как относительно работы, которую вы выполняете для родственников и друзей, так и относительно работы, выполняемой вами для себя. Эгоистическая работа — работа рабская; и вот пробный камень ее. Всякое деяние любви приносит счастье; нет того акта любви, который не приносил бы с собой мира и внутреннего довольства. Реальное бытие, реальное знание и реальная любовь вечно соединены одно с другим — три составляют одно. Где есть одно, там должны быть также и другие. Это три проявления аспекта единого Бытия-Знания-Блаженства. Когда это бытие становится относительным, мы видим его как мир. Это знание, в свою очередь, видоизменяется в знание мирских вещей. Это блаженство составляет основу всякой истинной любви, испытываемой сердцем человеческим. Поэтому истинная любовь никогда не может причинить страдания ни тому, кто любит, ни тому, кого любят. Предположим, что мужчина любит женщину. Он желает обладать ею как своей исключительной собственностью и ревниво относится к каждому ее движению;

он хочет, чтобы она все время сидела около него, стояла рядом с ним, ела и двигалась по его желанию. Он — ее раб и хочет, чтобы и она стала его рабыней. Это не любовь; это нечто вроде тяжелой привязанности раба, притворяющейся любовью. Это чувство не может быть любовью, потому что оно тягостно. Если женщина не делает того, чего он хочет, это приносит такому человеку страдание. Но в настоящей любви нет тяжелой реакции; любовь приносит лишь реакцию блаженства; в противном случае это не любовь, а что-то другое, ошибочно принимаемое за любовь. Когда вам удастся любить близких людей и весь мир, всю Вселенную таким образом, чтобы в вас не возникало реакции ревности или страдания, тогда вы близки к состоянию «непривязанности».

Кришна говорил: «Смотри на меня Арджуна. Если Я на один момент перестану работать, вся Вселенная должна будет умереть. Моя работа ничего не приносит; Я — Единый Господь; почему же Я работаю? Потому что Я люблю мир». Бог ни к чему не привязан, потому что Он любит; истинная любовь делает нас непривязанными. Где есть привязанность, прикрепленность к земным вещам, вы должны знать, что это просто физическое влечение одних частиц материи к другим. Это есть нечто, что притягивает два тела одно к другому и создает в обоих страдание, если они не могут сблизиться. Но где есть *реальная* любовь, она не зависит от физической привязанности. Люди могут любить друг друга, находясь на расстоянии тысячи миль. Любовь их не изменяется; она не умрет и никогда не создаст страданий.

Для того чтобы достигнуть состояния «непривязанности», потребуется, может быть, работа целой жизни; но, достигнув этой высоты, мы достигаем и цели любви и становимся свободными; рабство природы спадает с

нас, и мы видим природу такую, какая она есть. Она больше не кует цепей для нас. Мы совершенно свободны и, работая, не думаем о результатах работы для себя. Кто тогда думает о результатах?

Требуете ли вы чего-нибудь от ваших детей взамен того, что вы им дали? Ваш долг работать на них, и здесь дело кончается. Когда вы делаете что-нибудь для другого человека, для города, в котором живете, для государства, старайтесь занять такое же положение, как по отношению к своим детям, и ничего не ожидайте взамен. Если вы будете неизменно занимать положение дающего и все, что вы даете, будет свободно по отношению к миру, без всякой мысли о награде, тогда ваша работа не создает вам «привязанности». Привязанность к результатам работы является только у того, кто ожидает награды.

Если труд, подобный труду рабов, дает в результате эгоизм и привязанность, то труд господина своего разума создает блаженство «непривязанности». Мы часто говорим о праве и справедливости, но мы находим, что в мире право и справедливость — это только детский разговор. Есть две вещи, которые управляют действиями людей: сила (власть) и милосердие. Проявление власти есть неизменно проявление эгоизма. Все люди стараются извлечь возможно больше пользы из той власти, которой они обладают. Милосердие — это само небо; чтобы быть хорошими, мы все должны быть милосердными. Даже право и правосудие должны основываться на милосердии. Всякий помысел о награде за работу препятствует нашему росту и в конце концов приносит страдание. Эта идея милости и бескорыстного милосердия может быть осуществлена еще и иным путем: при условии веры в личного Бога, всякая работа может быть совершаема как молитва. В этом случае мы как бы кладем к

ногам Господним все плоды нашей работы, и, служа Ему таким образом, мы уже не имеем права ожидать чего-либо от людей в воздаяние за наш труд. Сам Господь трудится непрерывно и не имеет ни к чему личной привязанности. Как вода не может замочить лист лотоса, так и работа не может связать бескорыстного человека, заставив его стремиться к результатам для себя. Бескорыстный и ни чему не привязанный лично человек может жить среди густо населенного греховного города и грех не коснется его.

Эта идея полного самоотречения иллюстрирована в следующем рассказе. После битвы на Курукшетре пять братьев Пандава совершили большое жертвоприношение и принесли очень большие дары для бедных. Все выражали изумление по поводу величины и богатства жертвы, говоря, что мир не видывал никогда ничего подобного. Но, по совершении обряда, явился маленький мангуст — животное вроде кошки. Половина тела его была золотая, другая половина темная; он начал кататься по полу в жертвенном зале и сказал присутствующим: «Все вы лжете; это не жертва». — «Как, — воскликнули они, — ты говоришь: это не жертва, — разве ты не знаешь, сколько денег и драгоценностей отдано бедным и сколько людей стало богатыми и счастливыми? Эта самая удивительная жертва, какую совершал человек». Но мангуст сказал: «В одной деревушке жил бедный брамин со своей женой, сыном и женою сына. Они были очень бедны, жили скудными дарами, приносимыми им за проповедь и учение. В стране этой настал трехлетний голод, и бедный брамин страдал более, чем когда-либо. Семья голодала уже несколько дней, когда, наконец, отец принес в одно прекрасное утро немного муки, которую ему посчастливилось достать. И он разделил ее на четыре части между членами семьи. Не успели они сесть за еду,

как кто-то постучался в дверь. Отец открыл дверь; за ней стоял гость. В Индии гость священное лицо; он считается как бы богом, и с ним обращаются как с таковым. Поэтому бедный брамин сказал: «Войди, господин, мы тебя приветствуем». Он поставил перед гостем свою часть пищи; гость быстро ее съел и сказал: «О господин, ты убил меня, я голодал уже десять дней, и это маленькое количество пищи только увеличило мой голод». Тогда жена сказала мужу: «Отдай ему и мою часть», но муж ответил: «Нет, не дам». Жена настаивала, говоря: «Он — бедный человек, и наш долг, как хозяев, позаботиться, чтобы он был сыт. Раз у тебя больше нет, то моя обязанность — как твоей жены — отдать ему свою часть». И она отдала свою часть гостю. Он съел, что ему дали, и сказал, что его по-прежнему мучает голод. Тогда сын сказал: «Возьми и мою часть; сын обязан помогать отцу в исполнении его долга». Гость съел и его часть, но голод его все же не был утолен; тогда и жена сына уступила ему свою часть. Гость насытился и ушел, благословляя их. В ту же ночь эти четверо людей умерли с голода. Несколько пылинок этой муки упали на пол, и, когда я покатился по полу, я стал наполовину золотым, как вы видите. С тех пор я хожу по всему свету, надеясь найти другую такую жертву, но нигде не нахожу, поэтому другая половина моего тела не превращается в золотую. Потому-то я и говорю, что это не «жертва».

Такое представление о милосердии уже исчезает в Индии; великие люди встречаются все реже и реже. Когда я учился английскому языку, я прочел в одной книге рассказ о мальчике, отправившемся на работу и оставившем матери немного денег. И за это его хвалили на четырех страницах. В чем здесь дело? Ни один индусский мальчик никогда не понял бы морали этой истории. Теперь я понимаю ее, зная западную точку зрения! Каж-

дый человек сам за себя, а их отцы и матери, жены и дети могут делать, что хотят.

Теперь вы видите, что такое Карма-Йога: помогать не рассуждая, глядя даже смерти в лицо. Хотя бы вас обманывали миллионы раз, не спрашивайте ничего и не думайте о том, что вы делаете. Не хвалитесь своей щедростью к бедным и не ждите от них благодарности; скорее будьте им благодарны за то, что они дают вам случай проявить на них свое милосердие. Совершенно ясно, что быть идеальным человеком, живя в миру, гораздо более трудная задача, чем быть идеальным санньяси. Истинная жизнь труда так же тяжела, если не тяжелее, чем истинная жизнь отречения.

Глава IV. **Что такое долг**

Необходимо изучая Карма-Йогу, определить, что такое долг. Если мне предстоит что-нибудь сделать, я прежде всего должен знать, что это мой долг, и тогда я могу делать это. Идея долга различна у разных народов. Магометанин говорит, что его долг — это то, что написано в Коране; индус говорит, что его долг то, что написано в Ведах, и христианин говорит, что его долг то, что сказано в Евангелии. Мы находим, что существуют различные идеи долга, меняющиеся соответственно различным положениям в жизни, историческим периодам и национальностям. Точно определить термин *долг*, подобно всякому другому отвлеченному понятию, невозможно. Мы можем составить себе идею долга, только зная его практическое действие и результаты. Когда перед нами случаются известные вещи, в нас возникает естественный или воспитанный импульс действовать по отношению к ним известным образом. Когда этот импульс при-

ходит, ум начинает обдумывать положение. Иногда он находит, что в данных условиях можно действовать известным образом. В других случаях он находит, что действовать известным образом будет неправильно при каких бы то ни было обстоятельствах. Обыкновенная идея долга везде состоит в том, чтобы следовать велениям своей совести. Но что делает известный род отношений долгом? Если христианин, умирая с голоду и имея кусок мяса, не съест его для спасения своей жизни, или если он не даст этот кусок голодному, чтобы спасти его жизнь, он, конечно, будет чувствовать, что не исполнил своего долга. Но если индус в таком же положении сам осмелится съесть кусок мяса или даст его другому индусу, он одинаково будет чувствовать, что не исполнил своего долга; все воспитание индуса заставляет его думать так. В прошлом столетии в Индии были знаменитые шайки разбойников, именуемые Тугами; они считали своим долгом убивать каждого встречного человека и отнимать у него деньги. Чем большее количество людей они убивали, тем добродетельнее они себя считали. Если человек выйдет на улицу и застрелит другого человека, он может жалеть об этом, думая, что поступил дурно. Но если тот же самый человек будет солдатом и убьет не одного человека, а двадцать, он будет чувствовать радость и будет думать, что особенно хорошо исполнил свой долг. Мы видим из этого, что долг определяется не тем, что сделано. И объективно определить, что такое долг, совершенно невозможно. Что такое долг, ясно только с субъективной стороны. Всякое действие, которое возвышает нас и приближает к Богу, есть хорошее действие и наш долг. Всякое действие, влекущее нас вниз, — дурно и не является нашим долгом. С субъективной точки зрения мы видим, что некоторые поступки унижают нас и делают более грубыми. Но невозможно определить точ-

но, какие поступки имеют какое значение для людей, находящихся в разных условиях и положениях. Существует только одна идея долга, которая всегда была принята всем человечеством и которая вся выражается в одном афоризме на санскритском языке: «Не наноси вреда ни одному существу: это — добродетель; нанесение вреда — грех».

Бхагавадгита часто говорит об обязанностях, связанных с положением в обществе и в жизни. Условия, в которых человек рождается, и положение, которое он занимает, в значительной степени определяют его умственное и моральное отношение к различным формам деятельности. Поэтому долг каждого заключается в том, чтобы делать то дело, которое будет возвышать и облагораживать его в соответствии с идеалами того народа или общественного слоя, к которому он принадлежит. Но не надо забывать, что в разных обществах и странах господствуют не одинаковые идеалы. Постоянное забвение этого факта является главной причиной ненависти между народами. Американец думает, что то, что делают американцы согласно обычаю своей страны, есть самое лучшее, и что тот, кто не следует этим обычаям, — дурной человек. Индус думает, что его обычаи — единственно правильные и лучшие в мире, и что тот, кто не исполняет их, — дурной человек. Это совершенно естественная ошибка, которую все склонны делать. Но эта ошибка приносит много вреда. Она является причиной очень большого количества недружелюбия, существующего в мире. Когда я приехал в Америку и осматривал Чикагскую выставку, какой-то человек дернул меня сзади за тюрбан. Я обернулся и, увидев, что это был хорошо одетый, приличного вида господин, спросил его, что ему нужно. Увидя, что я говорю по-английски, он был очень сконфужен. Другой раз на той же выставке другой чело-

век толкнул меня. Когда я спросил его, зачем он это делает, он также был очень сконфужен и, извиняясь, пробормотал: «А зачем вы так одеваетесь?». Доброе расположение этих людей заключено было в рамки собственного языка и собственных обычаев. Давление сильных наций на более слабые в значительной мере обусловлено этим предрассудком, уничтожающим братское отношение к ближнему. Человек, спросивший меня, почему я одеваюсь иначе, чем он, и вследствие этого грубо со мной обошедшийся, был, может быть очень добрым человеком, хорошим отцом и прекрасным гражданином, но добродушие его замолкло, как только он увидел человека, одетого в другое платье. Иностранцев эксплуатируют во всех странах, потому что они не умеют себя защитить; вследствие этого они уносят с собой неверные впечатления о тех народах, среди которых они были. Матросы, солдаты и купцы держат себя очень странно в чужих краях, хотя им и в голову не пришло бы вести себя таким же образом на родине, — потому, может быть, китайцы и называют американцев и европейцев «заморскими дьяволами»; они не делали бы этого, если бы видели хорошие стороны западной жизни.

Нам надо, следовательно, запомнить, что мы должны всегда стараться видеть обязанности других с их точки зрения и никогда не судить об обычаях народов по нашей собственной мерке. Необходимо помнить, что мои обычаи не могут быть мерилom для обычаев всей Вселенной. Я должен приспособляться к миру, а не мир должен приспособляться ко мне. Итак, мы видим, что внешние условия изменяют природу наших обязанностей, и лучшее, что мы можем сделать в мире, это — исполнить долг, налагаемый на нас в каждое данное время. Исполним долг, вменяемый нам нашим рождением, затем исполним долг, наложенный на нас нашим положением в

жизни и в обществе. В человеческой природе кроется, однако, одна большая опасность, а именно: человек никогда самого себя не изучает. Он полагается, что он не менее способен занимать престол, чем король. Хотя бы он действительно и был на это способен, он все же должен сперва доказать, что он исполняет свой долг на своем месте, тогда к нему могут прийти более высокие обязанности. Как только мы принимаемся за серьезную работу в мире, природа повторными ударами заставляет нас быстро найти свое настоящее место. Ни один человек не может долгое время без вреда для себя и окружающих занимать положение, к которому он не приспособлен. Бесполезно роптать на природу, указывающую нам наше место. Человек, делающий низменную работу, сам вследствие этого не делается низким. Нельзя судить о человеке по природе и свойствам его обязанностей, но можно судить по тому, как он их исполняет.

Впоследствии мы увидим, что и это понятие о долге подлежит изменению, и что самая великая работа совершается только тогда, когда за ней не стоят никакие эгоистические мотивы. Тем не менее работа, основанная на чувстве долга, приводит нас к работе, которая перестает быть долгом. Тогда всякая работа делается служением тому Богу, в которого человек верит, и совершается как бы сама для себя, а не ради посторонних результатов.

Мы находим, что философия долга, как в форме этики, так и в чисто эмоциональных проявлениях, одинакова во всех Йогах. Ее цель заключается в ослаблении низшего «Я» для того, чтобы могло проявиться реальное, высшее «Я». Философия долга стремится уменьшить бесполезную трату энергии на низшей плоскости бытия для того, чтобы душа могла проявляться на высших плоскостях. Это достигается благодаря постоянному

уничтожению низших желаний, чего строго требует философия долга. Таким путем, сознательно или бессознательно, развивался весь строй общества в областях деятельности и опыта, где, ограничивая эгоизм, мы открываем путь к беспредельному расширению истинной природы человека.

Долг редко бывает сладок. Путь его гладок, лишь когда он движим любовью, при отсутствии же ее получается постоянное трение. Иначе, как могли бы родители исполнять свой долг относительно детей, мужа относительно жен и наоборот? Разве мы не встречаемся со случаями такого трения каждый день. Долг сладок, лишь когда ему сопутствует любовь, а любовь сияет лишь — в свободе. Но разве можно назвать свободой рабство, в котором мы часто находимся у гнева, у ревности и у сотен других мелочей, занимающих наше внимание в течение дня. Во всех этих шероховатостях, встречаемых нами в жизни, высшее выражение свободы заключается в том, чтобы совсем не реагировать на них. Очень часто женщины, находящиеся в рабстве у своего раздражительного и ревнивого характера, склонны обвинять своих мужей и стремиться к тому, что им кажется свободой. Но они не понимают, что этим они только подчеркивают свое рабство. В таком же положении находится мужа, вечно находящие недостатки у своих жен.

Целомудрие — первая добродетель в мужчине и женщине, и редко можно найти человека, который не мог бы быть возвращен на правый путь кроткой, любящей и целомудренной женой, как бы далеко он от него не уклонился. Мир еще не настолько испорчен. Мы много слышим о грубых мужьях и о развращенности мужчин, но разве нет столь же грубых и развращенных женщин? Если бы все женщины были так добры и чисты, как можно было бы предполагать, судя по их собственным постоянным утверждениям, то я убежден, что не было бы ни од-

ного развращенного мужчины в мире. Нет той грубости, которая не могла бы быть побеждена кротостью и целомудрием. Добрая и целомудренная женщина, взирающая на каждого мужчину, кроме своего мужа, как на своего ребенка и проявляющая к ним материнское отношение, приобрела бы такую огромную силу от своей чистоты, что не было бы ни одного мужчины, как бы груб он ни был, который не чувствовал бы в ее присутствии, что он вдыхает атмосферу святости. Точно так же и каждый мужчина должен смотреть на всех женщин, кроме своей жены, как на мать, дочь или сестру. И человек, стремящийся быть религиозным учителем, должен смотреть на каждую женщину как на свою мать и обращаться с ней соответствующим образом.

Положение матери — высшее в мире, так как это место, на котором можно научиться высшему бескорыстию и проявлять его. Любовь к Богу — единственная любовь, которая выше материнской любви; все остальные виды любви ниже. Долг матери думать сначала о своих детях, а затем о себе. Но если вместо этого родители всегда думают сначала о себе, то результатом будет то, что отношения между родителями и детьми станут такими же, какими бывают между птицами и их птенцами, не узнающими своих родителей, как только немного подрастут. Благословен мужчина, способный смотреть на женщину как на представительницу Материнства Бога, и благословенна женщина, для которой мужчина представляет собой Отцовство Бога. Благословенны дети, которые смотрят на своих родителей как на проявление Бога на земле.

Единственный способ восхождения состоит в исполнении ближайшего, очередного долга. Приобретая таким образом силу, мы постепенно достигаем наивысшего состояния. Один молодой санньяси удалился в лес; там он размышлял долгое время, молился и занимался Йогой.

После многих лет упорного труда и суровой жизни, он сидел раз под деревом. Несколько сухих листьев упали ему на голову. Подняв глаза, он увидел ворона и журавля, вступивших в драку на верхушке дерева. Это его очень рассердило. Он сказал: «Как, вы смеете бросать сухие листья мне на голову!». Когда он при этих словах с гневом взглянул на них, из него вырвался как бы язык пламени, который сжег обеих птиц, превратив их в пепел. Он был в восторге от этого проявления своей силы; он одним взглядом мог сжечь птиц. Некоторое время спустя ему пришлось пойти в город просить милостыню. Он подошел к одной двери и сказал: «Мать, дай мне пищи». Голос изнутри ответил: «Подожди немного, сын мой». Молодой человек подумал: «Ах ты, скверная женщина! Как ты смеешь заставляя меня ждать? Ты не знаешь еще моей силы». Но тут снова послышался тот же голос: «Молодой человек, не превозносись! Здесь нет ворон». Он удивился. Подождать ему, однако, еще пришлось. Наконец, женщина вышла; он бросился к ее ногам и сказал: «Мать, как ты это узнала?». Она ответила: «Сын мой, я не знаю вашей Йоги и твоих упражнений. Я самая заурядная женщина. Я заставила тебя ждать, потому что муж мой болен и я ухаживала за ним. Всю мою жизнь я всеми силами старалась исполнить свой долг. Когда я была девушкой, я исполняла свои обязанности относительно родителей; выйдя замуж, я исполняю свой долг относительно мужа; вот и вся моя Йога, но по мере того как я исполняла свой долг, на меня сходило просветление, поэтому я и могла прочесть твои мысли и знала, что ты сделал в лесу. Если ты хочешь узнать нечто еще высшее, походи на площадь, которую я тебе укажу; ты увидишь там одного вьядху¹, и он тебе скажет не-

¹ Самый низший класс в Индии, состоящий из охотников и мясников.

что, что ты рад будешь узнать». Санньяси подумал: «Зачем мне идти в этот город и к вьядху?». Но после того, что он увидел, ум его несколько просветлел, и он пошел в указанный город, нашел площадь и издали увидел высокого, толстого вьядху, который, разговаривая и торгуясь с народом, резал мясо большими ножами. Молодой человек сказал: «Помоги мне, Господи! Неужели я могу чему-нибудь научиться у этого человека? Он не что иное, как воплощение дьявола». Между тем человек поднял голову и сказал: «О Свами, тебя послала эта женщина. Присядь, пока я кончу свое дело». Санньяси подумал: «Что это значит?». Он сел, а мясник продолжал свое дело и, закончив его, собрал деньги и сказал санньяси: «Пойдем со мной домой». Дойдя до дома, вьядха предложил ему сесть, сказав: «Подожди здесь», а сам вошел в дом. Затем он вымыл своих старых отца и мать, накормил их и сделал все возможное, чтобы удовлетворить их, после чего он пришел к санньяси и сказал: «Ты пришел ко мне. Чем я могу быть тебе полезен?». Санньяси предложил ему несколько вопросов, касающихся души и Бога, а вьядха прочел ему лекцию, составляющую часть Махабхараты, именуемую *Вьядхагита*. Она содержит одно из высочайших учений Веданты. Когда вьядха замолк, санньяси удивился и спросил: «Почему ты находишься в таком теле? Почему, обладая таким знанием, ты имеешь тело вьядхи и занимаешься таким грязным, скверным ремеслом?». — «Сын мой, — отвечал вьядха, — не существует грязной и скверной обязанности. По своему рождению я поставлен в эти условия. В детстве я научился этому ремеслу; я не привязан к нему, но стараюсь выполнять его хорошо. Я стараюсь исполнить свои обязанности семьянина и стараюсь сделать отца и мать счастливыми, насколько могу. Я не знаю твоей Йоги и не сделался санньяси; не удалился я также из мира в леса; тем не менее все, что ты видел и слышал, пришло

ко мне в силу бесстрастного исполнения мною своих обязанностей, присущих моему положению».

В Индии живет мудрец, великий йог, один из самых замечательных людей, когда-либо виденных мною. Он человек странный; на вопросы он не отвечает и не занимается учительством. Если вы предложите ему вопрос и подождете несколько дней, он в разговоре коснется этой темы и прольет на нее необычайный свет. Он сказал мне однажды, в чем состоит тайна труда: «Соедини цель и средства воедино. Когда ты делаешь какую-нибудь работу, не думай ни о чем, кроме нее. Твори ее, как высшую молитву, и посвящай ей всю свою жизнь, пока ты ее делаешь». Так, в предшествующем рассказе, вьядха и женщина исполняли свое дело цельно и бодро; в результате они стали просветленными, что ясно доказывает, что правильное исполнение обязанностей во всяком положении в жизни, при отсутствии пристрастия к результатам, приводит нас к осуществлению высшего совершенства души.

Только работник, привязанный к плодам своей деятельности, ропщет на обязанности, выпавшие на его долю в жизни; для работника, достигшего бесстрастия, все обязанности одинаково хороши и являются орудиями, которые убивают эгоизм и чувственность и обеспечивают свободу души. Мы все склонны думать слишком высоко о себе. Наши обязанности определяются нашими заслугами в гораздо большей мере, чем мы готовы признать. Соревнование порождает зависть и убивает благожелательность сердца. Для ропщущего человека все обязанности неприятны; ничто его не удовлетворяет, и вся его жизнь обречена на неудачу. Будем работать, исполняя попутно все, что приходит к нам, и будем всегда готовы приложить руку ко всему. Тогда мы, несомненно, узрим свет.

Глава V.

Мы помогаем себе, а не миру

Прежде чем обратиться к рассмотрению того, каким образом долг способствует нашему духовному росту, позвольте вкратце описать другой аспект того, что мы в Индии называем *Кармой*. Во всякой религии есть три части: философия, мифология и обрядность. Само собой разумеется, что философия является сущностью всякой религии; мифология разъясняет и иллюстрирует ее более или менее легендарными жизнеописаниями великих людей, рассказами о чудесных событиях и т. п.; обрядность придает этой философии еще более конкретную форму, низводя ее до общего понимания, — собственно говоря, обрядность есть конкретизированная философия. Обрядность, это *Карма*; она необходима в каждой религии, потому что большинство из нас не способны еще воспринять духовные отвлеченности. Люди готовы думать, что они поймут все, что угодно, но, дойдя до практического опыта, они видят, что иногда очень трудно уразуметь отвлеченные духовные мысли. Поэтому символы являются для нас большой подмогой, и мы не можем обойтись без символического изображения идей. С незапамятных времен символы употреблялись всеми религиями. В известном смысле мы не можем думать иначе как символами, сами слова являются символами. С другой стороны, все в мире можно рассматривать как символ. Вся Вселенная — символ, и Бог есть та Сущность, Которая скрывается за ним. Этот род символизма — не только создание человека; нельзя сказать, что некоторые люди, принадлежащие к одной и той же религии, совместно выдумывают определенные символы и вызывают их к жизни из собственных умов.

Религиозные символы подвержены естественному росту. Как объяснить, что известные символы слиты с

определенными идеями почти у всех народов? Иные из них почти всесветно распространены. Многие из вас, может быть, полагают, что крест как символ впервые появился в связи с христианской религией. В действительности он существовал до христианства и до рождения Моисея, до появления Вед, раньше появления какого бы то ни было человеческого сказания о человеческих событиях. Крест существовал еще у ацтеков и у финикийцев; каждая раса, по-видимому, имела символом крест. Точно так же символ распятого Спасителя, человека, распятого на кресте, был, оказывается, известен почти каждому народу. Круг был всегда великим символом во всем мире. Затем существует самый распространенный из всех символов — свастика. Одно время думали, что буддисты распространили ее по всему миру, но впоследствии оказалось, что она была в употреблении среди народов еще за многие века до возникновения буддизма. Она существовала в древнем Вавилоне и в Египте. Что это доказывает? Это доказывает то, что все эти символы не могли быть чисто условными. Должна была существовать какая-нибудь причина их возникновения, какая-нибудь естественная связь между ними и человеческим умом. Язык не есть результат условности; люди не соглашались выражать известные идеи известными словами; никогда не было идеи без соответственного слова и слова — без соответственной идеи; идеи и слова по природе своей нераздельны. Символы, изображающие идеи, могут быть красочными или звуковыми. Глухонемым приходится думать особыми, незвуковыми, символами; каждая мысль в уме имеет противоречие своим какую-нибудь форму; это называется в санскритской философии *намарупа* — название и форма. Так же невозможно создать условно систему символов, как невозможно искусственно создать язык. В мировых об-

рядовых символах мы имеем выражение религиозной мысли человечества. Легко утверждать, что не нужны обряды, и храмы, и все, тому подобное; каждый молодец лепечет это в наши дни, но не мудрено также и распознать, что те люди, которые молятся внутри храмов, во многих отношениях отличны от людей, которые храмов не посещают. Связь известных храмов, обрядов и культов с определенными религиями ведет к тому, что последователям этих религий передаются мысли, символизируемые данными конкретными формами. Совсем не мудро отвергать обряды и символы: изучение их и пользование ими также составляют часть Карма-Йоги.

Существует много других аспектов науки труда. Один из них есть знание отношения между мыслью и словом, именно знание того, что может быть достигнуто силою слова. Каждая религия признает силу слова, и даже в такой мере, что в некоторых из них само творение приписывается силе слова. Внешний аспект мысли Бога есть Слово, ввиду того, что Бог, прежде чем творить? думал и хотел; поэтому творение вышло от Слова. Среди суеты и натиска нашей материалистической жизни нервы теряют чувствительность и притупляются; чем старше мы становимся, тем больше притупляется наш ум и тем больше мы склонны пренебрегать явлениями, упорно и неизменно повторяющимися вокруг нас. Однако человеческая природа иногда заявляет о себе, и мы начинаем удивляться некоторым обыденным событиям и принимаемся изучать их; таким образом, удивление является первым шагом к обретению света. Мы видим, что звуковые символы, помимо высшего философского и религиозного значения Слова, играют выдающуюся роль в человеческой жизни. Я говорю с вами, не трогая вас, но колебания воздуха, произведенные моей речью, проникают в ваше ухо, действуют на ваши нервы и производят определен-

ное действие на ваш мозг. Вы не можете противиться этому. Что чудеснее этого? Один человек назовет другого глупцом; тот вскакивает с места, сжимает кулак и наносит тому удар по лицу. Такова сила слова. Одна женщина плачет и горюет; другая женщина подходит к ней и произносит несколько ободряющих слов; тогда склоненная женщина сразу выпрямляется, горе ее исчезает, и она уже начинает улыбаться. Какова опять-таки сила слов! Они составляют великую силу, как в высшей философии, так и в заурядной жизни. День и ночь мы орудуем этой силой, не останавливаясь мыслью на ней. Знание этой силы и умение владеть ею также составляет часть Карма-Йоги.

Наша обязанность к ближним заключается в том, чтобы делать добро миру. Зачем же нам делать добро? По-видимому, для того, чтобы помогать миру, но в действительности для того, чтобы помогать самим себе. Мы всегда должны стараться помогать миру; таково должно быть наше высшее побуждение; но при тщательном рассмотрении мы видим, что мир вовсе не нуждается в нашей помощи. Наш мир не был создан для того, чтобы мы с вами ему помогали. Я как-то читал одну проповедь, в которой было сказано: «Этот прекрасный мир очень хорош, потому что он предоставляет нам время и возможность помогать другим». Это, несомненно, прекрасное чувство, но не кощунством ли является мысль, что мир нуждается в наших благодеяниях? Мы не можем отрицать того, что много в нем горя; поэтому приходить на помощь другим — лучшее, что мы можем сделать, хотя в конце концов мы увидим, что помощь другим является лишь помощью самим себе. В детстве у меня были белые мыши. Я их держал в коробке с вделанными в нее колесами, и, когда мыши наступали на колеса, они вертелись все время, и мыши никуда не могли уйти. Так и с

миром, и с нашей помощью ему. Вся помощь состоит в том, что мы сами нравственно упражняемся. Этот мир не хорош и не дурен; каждый человек сам создает себе свой мир. Слепец, думая о мире, представляет его себе мягким или твердым, холодным или жарким. Мы представляем из себя совокупность счастья или горя; сотни раз в течение жизни мы убеждаемся в этом. Обыкновенно молодые люди — оптимисты, старики — пессимисты. Молодые имеют впереди всю жизнь; старики жалуются на то, что миновали их красные дни; сотни неудовлетворимых желаний кипят в их сердцах. Однако и те, и другие неразумны. Жизнь кажется хорошей или дурной соответственно тому состоянию ума, которое бывает у нас при наблюдении; сама по себе жизнь — ни то, ни другое. Огонь сам по себе ни хорош, ни дурен. Когда он нас греет, мы говорим: «Как прекрасен огонь». Когда он обжигает нам пальцы, мы его браним. Все же сам по себе он ни хорош, ни дурен. Он кажется нам дурным или хорошим, смотря по тому, как мы им пользуемся. Точно так же и мир. Он совершенен, т. е. он в совершенстве приспособлен для предназначенной ему цели. Мы можем быть уверены в том, что он прекрасно будет существовать и без нас, и нам нечего ломать себе голову, как бы его облагодетельствовать.

Все же мы должны делать добро; желание делать добро является высочайшим мотивом в нас, если мы сознаем, что помощь другим дает большое преимущество. Не становитесь на пьедестал с пятаком в руке и не говорите нищему: «Возьми, бедняк», но будьте благодарны за то, что бедняк этот существует, и вы, подавая ему, можете помочь самому себе. Благословен не дающий, а получающий! Будьте благодарны за то, что вы можете упражнять в мире свою щедрость и свое милосердие и через это стать чистыми и совершенными. Вся-

кий хороший поступок способствует нашему очищению и усовершенствованию. Что можем мы сделать в лучшем случае? Мы можем выстроить больницу, проложить дорогу или основать богадельню. Мы можем организовать комитет, собрать два или три миллиона долларов, на один миллион построить больницу, на второй — давать балы и пить шампанское, половину третьего позволить служащим растащить, а остальную половину раздать бедным, но какую ценность имеет все это? Один сильный порыв ветра может в пять минут разрушить все ваши здания. Одно вулканическое извержение сметет все ваши дороги, и больницы, и города, и дома. Оставим нелепые разговоры о благодетельствовании миру. Он не требует ни ваших, ни моих благодеяний, однако мы все же должны работать и неустанно делать добро, потому что это является благословенным для нас самих. Это единственное средство стать совершенным. Ни один нищий, получивший подаяние от нас, не должен нам ни одной копейки; мы обязаны ему всем, потому что он дал нам возможность упражнять на нем свое милосердие. Совершенно неправильно думать, что мы можем благодетельствовать миру или что мы помогли людям; мысль эта неразумна, а всякая неразумная мысль приносит несчастье. Мы полагаем, что облагодетельствовали человека, и ждем от него благодарности; благодарности, между тем, нет — и мы несчастны. Зачем нам ждать чего-либо в обмен за то, что мы делаем? Будем благодарны человеку, которому мы можем помочь, взирайте на него, как на Бога. Не великое ли это преимущество — получить возможность поклоняться Богу путем оказания помощи ближнему? Если бы мы были совершенно бесстрастными, мы избежали бы скорби тщетного ожидания и могли бы бодро совершать наше дело в мире. Работа, сделанная бесстрастно, никогда не может принести не-

счастья или горя. Мир вечно будет жить, утопая в счастье или в несчастье.

Жил один бедный человек, нуждавшийся в деньгах. Он как-то слышал, что если бы он мог вызвать духа, он мог бы приказать ему принести и деньги, и все, что угодно. Поэтому ему очень хотелось иметь в своей власти духа. Он все искал человека, который мог бы дать ему в подчинение духа; наконец он нашел мудреца, обладавшего большими силами, и попросил его помочь ему в этом. Мудрец спросил его, зачем ему нужен дух. «Я хочу, чтобы дух работал на меня; научи меня, как мне вызвать его, — мне очень хочется иметь в своей власти духа», — ответил тот. Мудрец сказал: «Не беспокойся, иди домой». На следующий день тот человек опять пошел к мудрецу и стал плакать и просить: «Вызови мне духа! Я должен иметь в подчинении духа, чтобы он мне помогал». Наконец мудрецу это надоело и он сказал: «Возьми этот талисман, повторяй волшебное слово, и дух придет, и что ты ни прикажешь ему, он все исполнит. Но берегись: он страшное создание и должен быть всегда занят. Если ты когда-нибудь не дашь ему работы, он лишит тебя жизни». Человек ответил: «Это очень легко; я могу дать ему работы на всю жизнь». Затем он пошел в лес и долго повторял волшебное слово; наконец перед ним предстал дух. «Я дух, — сказал он, — я побежден твоим волшебством, но ты должен постоянно давать мне занятие; в ту минуту, как ты мне не дашь, я убью тебя». Человек сказал: «Выстрой мне дворец», и дух ответил: «Готово, я выстроил тебе дворец». «Дай мне денег», — сказал человек. «Вот тебе деньги», — ответил дух. «Срубь этот лес и сделай вместо него огород». — «Сделано, — сказал дух, — что еще?» Человек испугался и подумал, что ему дела у него больше нет, так как дух все исполнил в один миг. Дух сказал: «Дай мне какое-нибудь дело, или

я съем тебя». Бедняк не мог больше придумать никакого занятия, испугался и бросился бежать, пока не добежал до мудреца и сказал ему: «О мудрец, защити меня!» Мудрец спросил его, в чем дело, и человек ответил: «У меня нет больше работы для духа. Все, что я ему приказываю сделать, он исполняет в один миг и грозит меня съесть, если я не дам ему работы». В эту минуту появился дух и, сказав: «Я съем тебя», приготовился проглотить человека. Тот стал дрожать от страха и умолять мудреца спасти его. Мудрец сказал: «Я найду выход. Посмотри на эту собаку с загнутым хвостом. Выхвати скорее твой меч, отсеки ей хвост и дай его выпрямить духу». Человек отрубил хвост собаке и дал его духу, сказав: «Выпрями его». Дух взял хвост и стал медленно и старательно его выпрямлять, но как только он отпустил хвост, тот снова свился. Дух снова бережно выпрямил его, но как только он его отпустил, хвост снова загнулся. Опять терпеливо дух выпрямил его, но хвост все свивался, как только он его отпускал. Так дух работал много-много дней, пока совсем не утомился. «Никогда в жизни я не был в таком затруднении. Я старый, опытный дух, но никогда я не находился в таком трудном положении. Я пойду с тобой на соглашение, — сказал он человеку. — Ты меня отпусти, а я оставлю тебе все, что я тебе дал, и обещаю больше не вредить тебе». Человек очень обрадовался и с готовностью принял это предложение.

Наш мир подобен загнутому собачьему хвосту; люди в течение сотен и сотен лет старались выпрямить его, но он снова свивался, как только они его отпускали. Иначе и не могло быть. Надо сперва научиться работать бесстрастно, чтобы избавиться от фанатизма. Если бы в мире не было фанатизма, он шел бы вперед гораздо быстрее, чем теперь. Ошибочно думать, что фанатизм может способствовать росту человечества. Напротив, он

представляет из себя задерживающий элемент, порождающий ненависть и гнев и побуждающий людей враждовать между собой, вселяя в них взаимную неприязнь. Мы думаем, что все, что у нас есть или чем мы обладаем, — самое лучшее в мире, а то, что мы не имеем, не имеет и никакой цены. Поэтому вспоминайте сравнение с собачьим хвостом, как только вы будете чувствовать в себе склонность к фанатизму. Нечего нам беспокоиться или проводить бессонные ночи, думая о мире: он прекрасно обойдется и без нас. Только когда вы избавитесь от фанатизма, вы будете хорошо работать. Только хладнокровный, спокойный человек, рассудительный и с уравновешенными нервами, полный сочувствия и любви к ближним, может хорошо работать и, таким образом, приносить пользу себе. Фанатик неразумен, и нет в нем сострадания; он не может ни «выпрямить» мир, ни сам стать чистым и совершенным.

Вспомним главные пункты того, что мы сказали. Во-первых, мы не должны забывать, что все мы должники и что мир не обязан нам ничем. Для всех нас составляет большое преимущество то, что нам дана возможность что-либо сделать для мира. Помогая миру, мы в действительности помогаем себе. Второй пункт тот, что во Вселенной существует Бог. Вселенная не гибнет и не нуждается в вашей или моей помощи. Бог всегда в ней присутствует. Он не умирает, вечно деятелен и бесконечно бдителен. Когда вся Вселенная спит, Он не спит. Он трудится непрестанно; все изменения и проявления мира исходят от Него. В-третьих, мы не должны никого ненавидеть. Мир наш всегда будет сочетанием добра и зла. Мы обязаны сочувствовать слабому и любить даже грешника. Мир является большой нравственной школой, в которой мы все должны учиться для того, чтобы крепнуть духовно. В-четвертых, мы не должны ни в коем случае быть фанатиками, потому что фанатизм противен

любви. Фанатики часто говорят: «Я ненавижу не грешника, а ненавижу грех», но я готов пройти какое угодно расстояние, чтобы увидеть человека, действительно способного отделить грех от грешника. Легко это сказать. Если мы умеем различать между качеством и сущностью, то мы близки к совершенству. Не легко достичь этого. А затем, чем мы спокойнее и чем менее раздражены наши нервы, тем более мы будем любить и тем лучше мы будем исполнять нашу работу.

Глава VI.

Бесстрастие есть полное самоотречение

Подобно тому, как каждый акт, исходящий от нас, возвращается к нам в виде реакции, так наши действия могут влиять и на других людей, а их поступки на нас. Вы, вероятно, заметили, что по мере того, как люди поступают дурно, они становятся все хуже и хуже, и что по мере того как они делают добро, они крепнут и учатся поступать хорошо во всякое время. Это растущее влияние поступков можно объяснить лишь взаимодействием между людьми. Возьму пример из физики: при известном действии мой ум находится в определенном состоянии колебания; все умы, находящиеся в тождественных условиях, склонны будут подпасть под влияние моего ума. Если в одной комнате находятся разные музыкальные инструменты, настроенные на один лад, то, если взять ноту на одном из них, все остальные будут звучать на той же ноте. Так и все умы, находящиеся в состоянии одинакового напряжения, одинаково отзовутся на ту же мысль. Конечно, влияние мысли на ум будет различно, в зависимости от расстояния и других причин, но ум всегда открыт какому-нибудь влиянию. Предположим, что я совершаю дурной поступок; ум мой находится

в известном состоянии колебания, и все умы в мире, находящиеся в том же состоянии, могут подвергнуться влиянию вибраций моего ума, и это взаимное влияние умов более или менее сильно, смотря по степени напряжения.

Развивая далее это сравнение, можно предположить, что подобно тому, как волны света иногда бегут миллионы лет, прежде чем встретят какой-нибудь предмет, так и мысленные волны также бегут сотни лет, прежде чем натолкнутся на предмет, с которым они могут звучать в унисон. Весьма возможно поэтому, что наша атмосфера полна подобных мысленных колебаний, как хороших, так и дурных. Каждая мысль, исходящая из каждого мозга, продолжает, так сказать, пульсировать, пока она не встретит подходящий предмет, способный воспринять ее. Каждый ум, раскрытый для восприятия этих колебаний, отзывается на них немедленно. Так и человек, поступая дурно, приводит свой ум в определенное состояние напряжения, и все волны, соответствующие этому состоянию напряжения и уже как бы существующие в атмосфере, будут стараться проникнуть в его ум. Потому-то грешник обыкновенно продолжает делать все больше и больше зла. Поступки его приобретают все большую напряженность. В силу этого, поступая дурно, мы подвергаемся двойной опасности: во-первых, мы раскрываем себя для всевозможных дурных влияний, окружающих нас, во-вторых, мы творим зло, которое может повлиять на других, может быть, через сто лет. Делая зло, мы вредим и себе, и другим. Делая добро, мы приносим пользу и себе, и другим; и, как все силы в человеке, эти силы добра и зла черпают свою жизнеспособность из окружающего мира.

Согласно Карме-Йоге, раз совершенное действие не может быть уничтожено, пока оно не принесет своего

плода; нет силы в природе, могущей помешать ему дать свой результат. Если я поступаю дурно, я должен за это пострадать; ничто в мире не может это изменить. Точно так же, если я совершил хороший поступок, никакая сила в мире не может воспрепятствовать ему дать хорошие плоды. Причина должна иметь свое следствие; ничто не может изменить этого закона. Тут возникает очень тонкий и глубокий вопрос, относящийся к Карме-Йоге, — вопрос о тесной связи, существующей между всеми действиями, как хорошими, так и дурными. Мы не можем провести разграничительной линии, сказав, что одно безусловно хорошо, а другое безусловно дурно. Нет поступка, не дающего одновременно и дурных, и хороших плодов. Возьмем ближайший пример: я с вами говорю, и некоторые из вас, может быть, думают, что я делаю хорошо; вместе с тем я, может быть, убиваю тысячи микробов в воздухе; значит, я делаю зло кому-то другому. Когда какое-нибудь действие влияет хорошо на тех, кого мы знаем, мы говорим, что оно хорошо. Например, вы назовете мою речь к вам хорошим поступком, но микроб не найдет его таковым; микробов вы не видите, а себя самих видите. Влияние моей речи ощутительно для вас, но действие ее на микробов для вас незаметно. Если мы станем анализировать наши дурные поступки, мы, пожалуй, найдем, что и они приносят какие-нибудь хорошие результаты. Тот, кто в хорошем способен распознать и дурное, а в дурном хорошее, познал тайну труда.

Что же из этого следует? То, что как бы мы ни старались, мы не можем совершить совершенно чистого или совершенно нечистого поступка, понимая чистоту и нечистоту в смысле пользы и вреда. Мы не можем дышать и жить, не нанося вреда другим, и каждый кусок пищи, принимаемой нами, взят из чьего-нибудь рта: жизнь вытесняет собой другие жизни. Из этого следует, что со-

вершенство никогда не может быть достигнуто трудом. Мы можем работать всю вечность, но выхода из этого сложного лабиринта не найдем. Можно работать и работать без конца, и все же никогда не прекратится это неизбежное сочетание добра и зла в результатах работы.

Далее следует рассмотреть, какова цель труда. Мы видим, что значительное большинство людей во всех странах думает, что настанет время, когда мир будет совершенен и исчезнут болезни, смерть, несчастья и зло. Это прекрасная идея и отличная побудительная сила для вдохновения и исправления незнающих; но, вникнув в дело, мы сразу увидим, что это невозможно, раз добро и зло составляют лицевую сторону и изнанку одной и той же монеты. Как можно иметь добро, не имея одновременно и зла? Что подразумевается под совершенством? Выражение «совершенная жизнь» противоречит самому себе. Жизнь есть состояние беспрестанной борьбы между нами и всем, что вне нас. Каждую минуту мы фактически сражаемся с внешней природой, и если мы оказываемся побежденными, то жизнь нас покидает. Происходит, например, постоянная борьба из-за пищи и из-за воздуха. Если не хватает того или другого, мы умираем. Жизнь протекает не просто и не ясно; она очень сложна. Эта сложная борьба между чем-то внутри нас и внешней жизнью и есть то, что мы называем бытием.

Итак, с прекращением этой борьбы прекратится и жизнь.

Под идеальным счастьем подразумевается окончание этой борьбы. Но тогда и жизнь кончится, так как борьба может прекратиться только с прекращением жизни. Мы уже видели, что, помогая миру, мы помогаем самим себе. Главная польза работы для других состоит в очищении самих себя. Путем постоянных усилий, делая добро другим, мы стараемся забыть о себе; это забвение

себя и есть урок, который нам надлежит усвоить в жизни. Человек после многих лет борьбы наконец понимает, что истинное счастье состоит в искоренении эгоизма и что никто не может сделать его счастливым, кроме него самого. Каждый милосердный поступок, каждое сострадательное чувство, каждый акт помощи, каждое хорошее дело лишает нас большой дозы самомнения и открывает нам глаза на наше собственное ничтожество. Мы видим, что Джнана-, Бхакти- и Карма-Йоги — все сходятся в одной точке. Высочайший идеал состоит в вечном и всецелом самоотречении, в котором нет уже больше «себя», а все лишь «ты»; и, сознательно ли или бессознательно, Карма-Йога ведет нас к этой цели. Религиозный правоведник, может быть, ужаснется идее о безличном Боге; он может настаивать на существовании личного Бога и может также желать сохранить свою личность и индивидуальность, что бы он под этим ни подразумевал, но его этические идеалы, если они действительно прекрасны, могут быть основаны лишь на самоотречении. Это основа всякой нравственности; ее можно распространить на людей, животных или ангелов, она является единой основной идеей, единственным основным принципом, проникающим все этические системы.

В мире существуют разные классы людей. Во-первых, богочеловеки, чье самоотречение совершенно и которые делают только добро другим, жертвуя при этом даже собственной жизнью. Это наивысшие люди. Если их найдется хотя бы сотня в какой-нибудь стране, то стране этой нечего приходить в отчаяние. Но, к сожалению, таких людей слишком мало. Затем есть хорошие люди, делающие добро другим до тех пор, пока это не вредит им самим; наконец, есть третий класс людей, которые вредят другим, чтобы себе сделать добро. Один санскритский поэт говорит, что есть четвертый класс лю-

дей, которому он не подыщет названия, наносящий вред людям ради удовольствия вредить. Подобно тому, как на одном полюсе бытия стоят высочайшие люди, делающие добро ради добра, так на другом полюсе находятся люди, делающие зло ради зла. Они никакой выгоды не получают от того, что делают зло, но зло лежит в самой их природе.

Существует два санскритских слова: «правритти», означающее движение по направлению к чему-нибудь, и «нивритти» — движение прочь от чего-нибудь. Правритти олицетворяется тем, что мы называем миром «Я» и «мое»; оно включает все то, что обогащает это «Я» посредством денег, власти, славы и что по природе стремится захватить, собрать все в один центр, и центр этот есть «Я». Когда стремление это начинает ослабевать и наступает нивритти, или отдаление, отхождение, тогда вступают в свои права нравственность и религия. Как правритти, так и нивритти — суть разные виды труда; правритти — дурная работа; нивритти — хорошая работа. Нивритти является основой всякой нравственности и религии, и конечное совершенство ее выражается в полном самоотречении, в готовности пожертвовать умом, и телом, и всем для другого существа. Когда человек дошел до этого состояния, он достиг совершенства в Карма-Йоге. Это наивысший результат добрых дел. Хотя бы человек не изучил ни одной философской системы, хотя бы он не верил ни в какого Бога, хотя бы он не молился ни разу во всю свою жизнь, если он одной только силой хороших дел пришел к такому состоянию, что готов отдать жизнь для других, то он достиг того же пункта, к которому религиозного человека приводит молитва, а философа — знание. Итак, мы видим, что философ, молящийся и работник — все встречаются в одном пункте, и пункт этот есть самоотречение. Как бы ни различались друг

от друга философские и религиозные системы, все человечество все же преклоняется с благоговением и трепетом перед человеком, готовым пожертвовать собой для других. В данном случае вопрос вовсе не в верованиях или в доктрине — даже люди, очень враждебно относящиеся к всяким религиозным идеям, сталкиваясь с фактами полного самопожертвования, чувствуют, что они должны перед ними преклониться. Разве вы не видели, как даже самый строгий христианин, читая «Свет Азии» сэра Эдвина Арнольда, преклоняется перед Буддой, не проповедовавшим ни о Боге и ни о чем ином, кроме самопожертвования. Единственно, чего не знает узкорелигиозный человек, это есть то, что собственная его цель в жизни совершенно тождественна с целью тех, с кем он расходится в убеждениях. Молящийся, держа всегда перед собой идею о Боге и окружая себя добром, приходит в конце концов к тому же пункту и говорит: «Да будет воля Твоя» — и ничего не сохраняет для себя. Это и есть самоотречение. Философ со всем своим знанием понимает, что все видимое есть иллюзия, и с легкостью от него отказывается. И это — самоотречение. Итак, *Карма*, *Бхакти* и *Джнана* встречаются в этой точке; это и хотели сказать все великие проповедники древних времен, говоря, что Бог не есть мир. Мир одно, а Бог — другое, и различие это весьма правильное. Под *миром* они понимают эгоизм. Бог — это бескорыстие. Можно жить на троне, в золотом дворце, и быть совершенно неэгоистичным: такой человек живет в Боге. Другой человек живет в лачуге, носит лохмотья и ничего на свете не может назвать своим; однако, если он эгоистичен, он глубоко погружен в мирскую суету. Вернемся теперь к одному из главных наших положений. Мы говорим, что не можем творить добра, не делая одновременно какого-нибудь зла, и не можем творить зла, не делая вместе с

тем и добра. Как же нам работать, зная это? На этом основании и возникали секты, которые, опираясь на то, что человек, живя, должен убивать бедных маленьких животных и растения и чему-нибудь или кому-нибудь вредить, с удивительным самомнением проповедовали медленное самоубийство, как единственное средство уйти из мира. Поэтому, согласно их учению, остается только умереть. Джайны проповедовали эту доктрину как высший идеал. Она кажется очень логичной. Но истинное разрешение вопроса содержится в Гите и выражается в теории бесстрастия и полной отрешенности при выполнении своей жизненной задачи. Знайте, что вы совершенно отделены от мира; однако вы живете в мире и, что бы вы в нем не делали, работайте не для себя. Каждый поступок, совершаемый вами для себя, обратит свое действие на вас же самих. Если он хорош, вам придется нести хорошие последствия; если дурен, вы получите дурные результаты; но всякое действие, совершенное не ради себя, каково бы оно ни было, не обратит на вас своего действия. Эта идея очень ярко выражена в одной фразе в индусском священном писании: «Если он даже убьет всю Вселенную (или если его самого убьют), он не будет ни убийцей, ни убитым, если он поймет, что действовал не для себя». Поэтому Карма-Йога учит: «Не отрекайся от мира; живи в мире, впитывай его влияние, сколько можешь; но лучше вовсе не работай, чем если ты будешь это делать для личного удовольствия». Целью жизни не должно быть удовольствие. Сперва убей себя, а затем вбери весь мир, как себя самого, — как говррили древние христиане: «Надо совлечь с себя ветхого человека». Этот «ветхий человек» — есть эгоистичное представление, что весь мир создан для нашего наслаждения. Неразумные родители учат своих детей молиться: «Господи, Ты создал для меня это солнце и эту

луну!». Как будто Господу нечего больше делать, как создавать все для этих младенцев! Не учите ваших детей таким глупостям! Затем, есть люди неразумные в другом отношении: они учат, что все животные созданы для того, чтобы мы их убивали и ели, что весь мир сотворен для наслаждения людей. Все это неверно. Тигр, пожалуй, скажет: «Человек создан для меня» — и будет молиться: «Господи, как скверны эти люди, которые не попадают на моем пути, чтобы я их съел; они нарушают Твой закон». Если мир создан для нас, мы тоже созданы для мира. Более всего задерживает наше движение вперед мысль, что мир создан для нашего наслаждения. Мир этот не ради нас сотворен; миллионы людей покидают его каждый год, и мир этого не чувствует, потому что они замещаются миллионами других людей. Мир в такой же мере создан для нас, как и мы для мира.

Итак, чтобы хорошо работать, надо сперва избавиться от пристрастия. Во-первых, не бросайтесь в гущу сражения, будьте лишь свидетелями его и продолжайте работать. Учитель мой говорил мне: «Относись к своим детям так, как к ним относится их нянька». Нянька возьмет вашего ребенка и будет ласкать его, и играть с ним, и обходиться с ним так же мягко, как и с собственным ребенком; но, как только вы ее рассчитаете, она соберет свои вещи и сейчас же покинет ваш дом, причем все похожее на привязанность будет ею забыто. У обыкновенной няньки при разлуке с вашими детьми не сожмется сердце, и она тотчас примет на свое попечение других питомцев. Так и вы должны относиться ко всему, что вы считаете своим. Вы — нянька и, если вы верите в Бога, верьте, что то, что вы считаете своей собственностью, принадлежит в действительности Ему. Величайшая слабость часто принимает личину величайшей добродетели или силы. Думать, что кто-нибудь зависит от меня и что я

могу сделать добро другому, является слабостью. Это убеждение вызывает пристрастие, а пристрастие порождает все наши страдания. Мы должны внушить сами себе, что никто во всей Вселенной от нас не зависит; ни один нищий не зависит от нашего милосердия; ни одно живое существо не зависит от нашей поддержки. Все они получают помощь от природы и будут получать ее, хотя бы население мира уменьшилось на много миллионов. Жизнь природы не остановится ради нас с вами; нам даётся только блаженное преимущество воспитывать себя, помогая другим. Этот великий урок надо выучить, и, когда мы его вполне усвоим, мы никогда уже не будем несчастны; мы сможем без вреда для себя возвращаться в какой угодно среде и где бы то ни было. Вы можете иметь жен, и мужей, и целые полки подчиненных и можете владеть царствами; если только вы в своих действиях опираетесь на принцип, что мир не для вас создан и не нуждается непременно в вас, ничто не может вам повредить. В этом году, может быть, умерли ваши друзья. Разве мир остановился, поджидая их возвращения? Нет, он продолжает существовать. Выкиньте поэтому из головы мысль, что вам что-то надо создать для мира; это лишь гордыня и эгоизм, принимающий личину добродетели. Когда вы приучите свой ум к сознанию независимости от вас мира или кого бы то ни было из людей, тогда не будет и реакции в виде страдания, порождаемого работой. Если вы, давая что-нибудь человеку, ничего от него не ждете, даже благодарности, — тогда неблагодарность его вас не поразит, так как вы не полагали даже, что имеете право получить что-либо в обмен; вы дали ему лишь заслуженное им; собственная его *Карма* доставила ему это; ваша *Карма* сделала вас при этом посредником. Зачем вам гордиться тем, что вы что-то кому-то отдали? Вы только посыльный, принесший деньги или ка-

кой-нибудь другой дар, который заслужен миром, его собственной *Кармой*. К чему же вам в таком случае гордиться? Когда вы приобретете бесстрастие, то для вас не будет существовать ни добра ни зла. Лишь эгоизм делает разницу между добром и злом. Это очень трудно понять, но вы со временем дойдете до того сознания, что ничто в мире не имеет власти над вами, пока вы сами не дадите ему этой власти. Ничто в мире не имеет власти над индивидуальным «Я» человека, пока оно по собственному неразумию не утратит своей независимости. Таким образом, будучи бесстрастными, вы побеждаете и отрицаете чью бы то ни было власть над вами. Весьма легко сказать, что ничто не имеет права действовать на вас, пока вы того не позволите; но каков истинный признак человека, не позволяющего, чтобы что-нибудь влияло на него, — ни счастье, ни несчастье? Признак этот состоит в том, что удача или неудача не вызывают изменения в его уме; при всех условиях он остается одинаково непоколебим.

В Индии жил великий мудрец, по имени Вьяса. Он известен как автор афоризмов в Веданте, и он был святой человек. Отец его тоже пытался сделаться святым человеком, но ему это не удалось. Дед также старался стать таковым и не преуспел в этом. Прадед его тоже стремился к святости и также безуспешно. Сам он не совсем достиг цели, но сын его, Шука, родился совершенным. Вьяса научил своего сына мудрости и, преподавав ему истину, послал его ко дворцу царя Джанаки. Последний был великим царем и назывался Джанака Видеха. Видеха значит — «без тела». Хотя он был царем, он совершенно забыл, что у него было тело, и чувствовал себя все время духом. Мальчик Шука был послан к нему с тем, чтобы научиться у него мудрости. Царь знал, что сын Вьясы идет к нему, и сделал заранее соответствен-

ные распоряжения, вследствие которых стражи не обратили на него никакого внимания, когда он явился у ворот дворца. Они дали ему только стул, и он просидел на нем три дня и три ночи; никто не говорил с ним, никто не спрашивал его, кто он и откуда. Он был сыном великого мудреца; отец его был очень значительное лицо, и его почитала вся страна, да и сам он был достойным всяческого почтения человеком; однако невежественные, грубые стражи дворца не обращали на него никакого внимания. По истечении трех дней пришли министры короля и знатные вельможи и приняли его с величайшими почестями. Они ввели его в великолепные комнаты, выкупали его в благоуханной ванне, дали чудную одежду и в течение восьми дней окружали его всевозможной роскошью. Но серьезное и ясное лицо Шуки не изменилось ни в малейшей степени от перемены в обращении с ним; он оставался тем же среди роскоши, как и тогда, когда одиноко ждал у ворот. Наконец, его провели к царю. Царь сидел на троне; играла музыка; кругом танцевали и всячески веселились. Царь дал ему чашку молока, полную до краев, и попросил его семь раз обойти с ней зал, не пролив ни капли. Мальчик взял чашку и пошел среди музыки и окружавших его прекрасных лиц. Согласно желанию короля, он семь раз обошел зал, не пролив ни капли молока. Ум его не мог быть привлечен внешним миром, пока он сам не допускал влияния мира на себя. Когда он принес чашку царю, тот сказал: «Я могу лишь повторить то, чему тебя отец научил и чему ты сам научился. Ты познал истину. Иди домой».

Таким образом, человек, достигший самообладания, не может больше попасть под влияние внешнего мира; для него нет более рабства. Ум его освободился. Только такой человек и достоин хорошо жить в мире. Обыкновенно люди держатся двух мнений относительно мира.

Пессимисты говорят: «Как ужасен этот мир! Как он отвратителен!». Оптимисты же говорят: «Как прекрасен этот мир, как он чудесен!». Для того, кто не овладел еще собственным умом, мир полон зла или, в лучшем случае, он является смесью добра и зла. Но тот же самый мир станет для нас радостным, как только мы овладеем нашими умами. Тогда ничто не подействует на нас как добро или зло; мы увидим, что все на своем месте, все гармонично. Люди, сперва утверждавшие, что мир — ад, при достижении ими самообладания в конце концов нередко находят, что он рай. Если мы истинные Карма-йоги и желаем достичь этого состояния, то, где бы мы ни начали, мы неизменно кончим полным самоотречением. Как только наше призрачное «Я» исчезнет, весь мир, сперва как будто полный зла, покажется нам самым раем и полным блаженства. Сама атмосфера его будет для нас благословенной; каждое человеческое лицо станет прекрасным. Такова цель Карма-Йоги, и таково совершенство ее в практической жизни.

Различные наши Йоги не противоречат друг другу. Каждая из них приводит нас к одной и той же цели и делает нас совершенными. Только каждую из них надо усиленно практиковать. Вся тайна заключается в практике. Сперва надо слушать, затем думать, потом практиковать. Это верно относительно каждой Йоги. Сначала надо изучить ее и уразуметь, и многое непонятное станет ясным путем постоянного изучения и размышления. Трудно все понять сразу. Объяснение всего лежит в вас же самих. Никто в действительности никогда не научил другого; каждый из нас должен учить сам себя. Внешний учитель дает лишь толчок, побуждающий внутреннего учителя работать над уяснением трудных вопросов. Тогда они станут понятными нам в силу нашего собственного восприятия и мысли, и мы осознаем их в собствен-

ной душе; и это осознание разовьется в упорную, мощную силу воли. Сначала является чувство, затем стремление, и это стремление порождает огромную работоспособность, проникающую каждую жилу, каждый нерв и мускул, пока все тело не обратится в орудие бескорыстной Йоги труда, чем и достигается желаемый результат совершенного самоотречения и полного бескорыстия. Достижение это не зависит ни от догмы, ни от доктрины, ни от верования. Безразлично — христианин ли человек, еврей или язычник. Бескорыстны ли вы? Вот в чем вопрос! Если вы бескорыстны, то вы станете совершенным, не прочитав ни одной религиозной книги, не посетив ни одной церкви или храма. Каждая система Йоги может сделать человека совершенным и без посторонней помощи, так как все они имеют в виду одну и ту же цель. Йоги труда, мудрости и поклонения — все могут служить прямыми и самостоятельными средствами к достижению *мокши* — освобождения. «Одни только глупцы утверждают, что труд и философия — разные вещи; люди знающие этого не говорят». Мудрые понимают, что, разнясь друг от друга по видимости, философия и труд в конце концов приводят к той же цели — к совершенству человека.

Глава VII. **Свобода**

Слово *Карма*, помимо *труда*, означает и *причинность*. Всякая работа, всякий поступок, всякая мысль, производящая действие, называется Кармой. Таким образом, закон Кармы есть закон причинности, неизбежно порождающей следствие. Согласно нашей философии, он действует во всей Вселенной. Что бы мы ни видели, ни чувствовали, ни делали, какое бы событие ни проис-

ходило во Вселенной, оно, будучи, с одной стороны, результатом прошлых дел, становится, с другой стороны, причиной и производит свое действие. В связи с этим следует установить, что означает слово «закон». Законом называется стремление целого ряда явлений повторяться. Когда одно явление следует за другим или происходит одновременно с другим, мы ожидаем, что эта последовательность или одновременность явлений повторится. Древние философы школы Ньяя называют этот закон *Вьяпти*.

Согласно учениям этих философов, все наши представления о законе установились в силу ассоциаций. Целый ряд явлений сочетается в нашем уме с другими явлениями в неизменном порядке, и мы немедленно относим все наши восприятия к определенным фактам в нашем уме. Одна мысль или, согласно нашей психологии, одна волна, вызванная в мозговой материи, *читта*, должна порождать многие однородные волны. Такова психологическая идея ассоциации, а причинность есть лишь один аспект этого величавого и всеобъемлющего принципа. Это всеобъемлемость ассоциаций называется по-санскритски *вьяпти*. Во внешнем мире идея закона по своей сущности та же самая, что и во внутреннем. А именно — ожидание, что за известным явлением последует другое и что определенный ряд явлений должен повториться. Следовательно, закона нет в природе и, строго говоря, ошибочно утверждать, что притяжение существует в земле или что какой-либо закон объективно находится где-то в природе. Закон — это тот метод, та манера, которыми наш ум воспринимает ряд явлений; весь он содержится в уме. Мы называем законом последовательное или одновременное повторение известных явлений, сопровождаемое убеждением в регулярности их повторения, позволяющим нашему уму обнять общий метод всей серии явлений.

Следующий вопрос, требующий рассмотрения, состоит в выяснении значения всеобщности закона. Вселенная представляет собою ту часть бытия, которая охарактеризована санскритскими психологами термином *дэша-кала-нимитта*, или тем, что в европейской психологии соответствует понятию времени, пространства и причинности. Она является лишь частью бесконечного бытия, заключенною в определенную форму, состоящую из пространства, времени и причинности. Из этого само собой вытекает, что закон возможен только в пределах этой условной Вселенной; за пределами ее не может быть никакого закона. Под Вселенной мы подразумеваем только часть бытия, ограниченную нашим умом; действию закона подвержен лишь мир чувств, который мы можем видеть, ощущать, трогать, слышать, воспринимать разумом, рисовать себе воображением; но за пределами его бытие не может быть подчинено закону, потому что причинность не простирается за границы мира, созданного нашим разумом. Все, переступающее границы нашего мышления и наших чувств, не связано с законом причинности ввиду того, что в области, находящейся за пределами чувств, нет умственной ассоциации явлений, а без таковой ассоциации не может быть и причинности. Бытие, или существование, повинуетя закону причинности и подпадает под власть закона только тогда, когда оно облекается в наименование и в форму ввиду того, что всякий закон сутью своей коренится в причинности. Поэтому свободной воли не может быть. Сами эти слова являются противоречием, потому что волю мы знаем, а все, что мы знаем, находится во Вселенной; все же, находящееся во Вселенной, обуславливается пространством, временем и причинностью. Все, что мы знаем или можем узнать, должно быть подчинено причинности, а то, что повинуетя закону причинности, не может быть

свободным. Оно подвергается влиянию других факторов и становится, в свою очередь, причиной. Но все, не бывшее сначала волей, но преобразившееся в волю при падении в форму пространства и времени, свободно; и, когда эта воля сбросит с себя форму пространства, времени и причинности, она будет снова свободной. Из свободы она приходит и обращается в рабство, но, сбросив рабство, она снова получает свободу.

Возникал и вопрос о том, откуда этот мир, в ком он покоится и куда идет? На это был дан ответ, что из свободы он исходит, покоится в рабстве и к свободе возвращается. Следовательно, говоря, что человек есть не что иное, как то бесконечное существо, которое проявляется в мире, мы подразумеваем, что только очень малая часть этого существа становится человеком; видимое тело и ум составляют только одну частицу целого, только крошечную пылинку этого беспредельного существа. Вся Вселенная — лишь маленькая частица бесконечного существа; и все наши законы, наше рабство, наши радости и горести, счастье и надежды заключены лишь в эту небольшую Вселенную; всякий прогресс и всякий упадок содержатся в ее тесных рамках. Из этого ясно, сколь ребячески неразумно ожидать продолжения Вселенной — создания наших умов — и восхождения на небо, которое должно быть лишь повторением знакомого нам мира! Вы сами понимаете, что невозможно и неразумно желать, чтобы все безграничное бытие приспособилось к ограниченному и конечному бытию, известному нам. Когда человек просит того же самого, что он имеет теперь, или, как я иногда выражаюсь, когда он жаждет *удобной* религии, можно с уверенностью сказать, что он настолько выродился умственно, что не может представить себя пребывающим в состоянии более высоком, чем то, в котором он находится в настоящее время; он

отождествляет себя только с окружающими его мелкими условиями и дальше их ничего не видит. Он забыл свою беспредельную природу, и его мысль вращается в рамках мелких радостей, мелких горестей и минутных сердечных треволнений. Он принимает конечное за бесконечное и к тому же не хочет расстаться с этим безумием. Он отчаянно цепляется за *Тришну*, за жажду жизни, за то, что буддисты называют *Танха* и *Трисса*. Может быть, есть миллионы видов счастья, и существ, и законов, и прогресса, и причинности, действующих вне известной нам Вселенной, и все же это включает лишь одну частицу нашей необъятной природы.

Чтобы приобрести свободу, мы должны переступить границы нашей Вселенной: во Вселенной свободы найти нельзя. Совершенное равновесие — или то, что христиане называют миром, превосходящим всякое представление о нем, — не может быть обретено в нашей Вселенной, ни на небе, ни в каком ином месте, доступном нашему уму и нашей мысли, чувствам или воображению. Никакое подобное место не может нам дать этой свободы, потому что оно находилось бы в границах Вселенной, а Вселенная обусловлена пространством, временем и причинностью. На нашей земле могут быть места, где наслаждения ярче, но и они должны находиться в пределах Вселенной и, следовательно, должны быть под властью закона. Итак, нам надо переступить эти границы, и истинная религия начинается там, где кончается наш крошечный мир. Там заканчиваются мелкие радости и знание вещей и начинается реальность. Пока мы не расстанемся с жаждой жизни, с сильной привязанностью к нашему преходящему, условному существованию, мы не можем надеяться хотя бы мимолетно узреть эту безграничную свободу. Следовательно, само собой разумеется, что есть один только путь к достижению свободы,

являющийся целью всех благороднейших стремлений человечества, а именно путь отречения от этой мелкой жизни, от этой мелкой Вселенной, от земли, от неба, от тела, от ума, от всего, что ограничено и условно. Если мы откажемся от пристрастия к нашей чувственной Вселенной или к нашему уму, мы немедленно же станем свободны. Единственное средство освободиться от рабства состоит в том, чтобы перешагнуть пределы закона и очутиться по ту сторону закона, по ту сторону причинности.

Но отказаться от пристрастия ко Вселенной чрезвычайно трудно: не многие этого достигают. В индийских книгах упоминается о двух путях к достижению свободы. Один из них называется *нэти, нэти* (не то, не то), другой — *ити* (это); первый — отрицательный путь; второй — положительный. Отрицательный путь — наиболее трудный. Он доступен лишь людям очень высокого, исключительного ума и исполинской воли, которые твердо стоят и только повторяют: «Нет, этого я не хочу», и ум, и тело повинуются их воле, и они достигают цели. Но такие люди очень редки. Громадное большинство людей выбирают положительный путь, — путь, ведущий через гущу мира и пользующийся самими узами, чтобы ими же их расторгнуть. Это тоже своего рода отречение; только оно осуществляется медленно и постепенно, путем познания явлений, наслаждения ими, путем приобретения опыта и изучения природы вещей до тех пор, пока ум наконец всех их не отвергнет и не отрешится от них. Первый путь отрешения связан с рассуждением, второй с трудом и опытом. Первый путь — путь Джнана-Йоги и характеризуется отказом от всякой работы, второй путь — путь Карма-Йоги, и тут работа никогда не прекращается. Каждый человек должен работать во Вселенной. Только те, которые совершенно удовлетворены своей

близостью с высшим «Я», чей ум не выходит из «Я», для которых все сосредоточено в «Я», — те только не работают. Все остальные должны работать. Поток, устремляясь ниже и попадая в углубление, образует водоворот; покружившись в нем некоторое время, он вновь свободно вытекает и беспрепятственно продолжает свой бег. Каждая человеческая жизнь подобна такому потоку. Она попадает в водоворот, кружится в этом мире пространства, времени и причинности и снова вырывается из него, возвращаясь к прежней свободе. Так поступает весь мир. Независимо от того, знаем ли мы это или нет, сознательны ли мы или бессознательны, мы все работаем с целью стряхнуть с себя сновидения этой жизни. Цель жизненного опыта на земле — дать возможность человеку выйти из этого водоворота.

Что такое Карма-Йога? Это — познание тайны труда. Мы видим, что весь мир работает. Для чего? Для свободы, для спасения; все, начиная с атома и кончая высшим существом, работают для той же цели — для свободы ума, тела, духа. Все неустанно стремится к свободе и убегает от рабства. Солнце, Луна, Земля, планеты стараются вырваться из рабства. Центробежные и центростремительные силы природы типичны для нашей Вселенной. Вместо того, чтобы кружиться во Вселенной и после долгой отсрочки и многих уроков познать вещи сами в себе, мы познаем в Карма-Йоге тайну труда, метод работы, организаторскую ее силу. Если мы не будем знать, как пользоваться энергией, мы рискуем напрасно потратить большое количество сил. Карма-Йога создает науку о труде и учит нас, как лучше использовать всякую совершающуюся в мире работу. Труд неизбежен. Так должно быть, но мы должны работать для высшей цели. Карма-Йога заставляет нас признать, что мир наш — это явление пяти минут; что это нечто, через что мы должны

пройти; что свобода — не в этом мире и что ее можно обрести лишь за пределами мира. Для того, чтобы найти дорогу и освободиться от оков мира, мы должны сперва постепенно и крепко опутывать ими себя. Иногда встречаются исключительные люди, о которых я только что говорил, а именно те, которые могут стать в стороне и отринуть мир подобно тому, как змея сбрасывает свою шкуру, а затем отползает в сторону и смотрит на нее; но остальная часть человечества должна медленно проделать всю работу мира. Карма-Йога указывает процесс этой работы, ее тайну и метод, при помощи которого можно пройти этот путь наиболее плодотворно.

Что же говорит Карма-Йога? «Трудитесь неустанно, но отрешитесь от всякой привязанности к труду. Не отождествляйте себя ни с чем вне вас. Держите ваш ум свободным. Все, что вы видите, — горести и несчастья — есть только необходимые условия жизни мира; бедность, богатство и радость всегда мимолетны; они вовсе не принадлежат истинной нашей природе. Природа наша недоступна ни страданию, ни горю, ни предметам чувств, ни воображению; и все же мы должны продолжать трудиться. Страдание порождается пристрастием, а не трудом». Коль скоро мы отождествляем себя с нашей работой, мы чувствуем себя несчастными; если же мы не отождествляем себя с нею, мы и не страдаем. Если сгорает прекрасная картина, принадлежащая другому, человек обыкновенно не страдает; если же собственная его картина сгорает, каким он себя чувствует несчастным! Почему? Обе картины были прекрасны; они, может быть, были копиями одного и того же оригинала, но в одном случае горе гораздо острее, чем в другом, потому что в одном случае он отождествил себя с картиной, в другом же случае он этого не сделал. Это «Я» и «мое» и является причиной несчастья. Чувство собственности

порождает эгоизм, а эгоизм порождает страдание. Каждый эгоистический акт и эгоистическая мысль привязывают нас к кому-нибудь и тотчас же поработают нас. Каждая волна в «читта», говорящая «Я» и «мое», медленно накладывает на нас цепи и делает нас рабами, и чем чаще мы говорим «Я» и «мое», тем более усиливается страдание. Поэтому Карма-Йога учит нас наслаждаться красотой всех картин в мире, но не отождествлять себя ни с одной из них. Никогда не говорите: «мое». Как только мы скажем «мое», немедленно явится страдание. Не говорите даже мысленно: «мое дитя». Обладайте ребенком, но не говорите «мой». Не говорите «мой» дом или «мое» тело. Все затруднения заключаются в этом. Тело не принадлежит ни мне, ни вам и никому другому. Эти тела приходят и уходят, повинаясь законам природы, но мы свободны, присутствуя при этом лишь как свидетели. Наше тело не менее свободно, чем картина или стена. Зачем нам так привязываться к нему? Художник, написав картину, отходит от нее. Не выпускайте щупальцев эгоизма — «я должен обладать этим». Как только вы выпустите их, настанет беда.

Итак, Карма-Йога учит нас сперва подавлять стремление выпускать щупальцы эгоизма. Если вы в силах обуздать эгоизм, то удерживайте его и не позволяйте вашему уму попасть в волну эгоизма. Тогда вы можете спокойно идти в мир и работать сколько угодно. Общайтесь с кем хотите, идите куда хотите; зло вас не заразит. Посмотрите на листья лотоса в воде; вода не может замочить их и пристать к ним; так будет и с вами в мире, когда вы достигнете отрешенности. Такое состояние называется *вайрагья* — бесстрастие или отрешенность; без отрешенности не может быть никакой Йоги; бесстрастие составляет основу всех Йог. Человек, отказавшись от жизни в домах, от ношения богатой одежды и от хо-

рошей пищи и удалившийся в пустыню, может хранить в себе еще много пристрастия. Его единственная собственность — его тело — может приобрести для него огромную ценность, и он будет, может быть, бороться просто ради своего тела. Бесстрастие не имеет никакого отношения к нашей внешней, телесной жизни; все оно содержится в уме. Связывающее звено — «Я» и «мое» — находится в теле. При отсутствии этой связи с телом и с предметами чувств, мы будем бесстрастны, где бы мы ни находились и что бы ни делали. Но сперва нам надо достигнуть этого состояния бесстрастия и затем работать непрерывно. Карма-Йога указывает нам метод, который поможет нам отрешиться от всякого пристрастия, хотя это, действительно, чрезвычайно трудно.

Перед нами два пути отрешения от пристрастия. Один из них годен для тех, кто не верит в Бога или в какую-либо поддержку, приходящую извне. Такие люди предоставлены собственным силам; им приходится просто работать собственной волей, умом и распознаванием, говоря: «Я должен быть бесстрастен». Для верующих в Бога есть другой путь, гораздо легче. Они кладут плоды своего труда к ногам своего Бога; они работают и вместе с тем никогда не привязаны к результатам. Что бы они ни чувствовали, ни слышали и ни делали, — все для Бога. Если мы хотим подражать им, то какое бы мы ни совершали хорошее дело, не будем требовать за него ни похвалы, ни выгоды. Оно принадлежит Богу. Отдадим же Ему плоды Его. Станем в стороне и будем помнить, что мы только слуги, повинующиеся своему Господину, и что все наши импульсы к деятельности исходят от Него. Поэтому, чему бы вы ни поклонялись, что бы вы ни воспринимали, что бы вы ни делали, все посвящайте Богу и будьте спокойны. Будем пребывать в полном мире с самими собою и предадим наше тело и ум Богу, принося

ему непрерывную жертву. Вместо всяких возлияний на алтари богов приносите одну великую жертву день и ночь — жертвуйте своим маленьким «Я»!

Помните слова: «Я искал богатства в мире, и Ты — единственное богатство, которое я приобрел. Я искал кого мне любить, и Ты — единственный возлюбленный, которого я нашел. Приношу себя в жертву Тебе».

Будем повторять это день и ночь и будем говорить: «Нет ничего для меня — ни дурного, ни хорошего, ни безличного. Мне ничто не мило. Все жертвую я Тебе». Будем день и ночь отказываться от нашего призрачного «Я», пока это не превратится в привычку, не проникнет в кровь, в нервы и в мозг, пока все тело не станет ежеминутно повиноваться идее самоотречения. Тогда бросайтесь в самый пыл сражения, где гремят выстрелы, где люди борются и умирают, и вы увидите, что вы свободны и умиротворены.

Карма-Йога учит нас тому, что обыденная идея долга берется на чересчур низкой плоскости, тем не менее все мы должны исполнить наш долг. Однако это особое чувство долга может стать источником многих страданий. Долг становится болезнью для нас; он все влечет нас вперед. Он захватывает нас, делая нас несчастными. Это представление о долге подобно полуденному солнцу, сжигающему внутреннюю душу человечества. Взгляните на бедных рабов долга. Долг не позволяет им ни помолиться, ни помыться. Он их вечно подгоняет. Они идут и работают. Долг их подгоняет. Они возвращаются домой и думают о работе, предстоящей на следующий день. Долг их подгоняет. Это жизнь раба, наконец, падающего на улице и умирающего в упряжи, как вьючная лошадь. Так понимается ими долг. В действительности наш единственный долг — быть бесстрастными и, работая, как свободные существа, посвящать всю работу Бо-

гу. Наши обязанности принадлежат Ему. Блаженны мы, что мы присланы сюда. Мы отбываем свой срок — хорошо ли или дурно, никто не может сказать. Если хорошо, то плодов труда мы не получаем; если плохо, то и заботы также не имеем. Будьте спокойны, свободны и работайте. Этот вид свободы достигается большим трудом. Как легко истолковывать рабство — как долг, тягостную привязанность тела к телу — как долг. Люди идут в мир и борются и сражаются из-за денег или из-за других земных благ. Спросите их, зачем они это делают? Они ответят: «Это наш долг». В действительности это только нелепая жадность к деньгам и к прибыли, и они стараются украсить ее цветами.

Что же такое, в конце концов, долг? В действительности это импульсы, идущие от тела и нашего пристрастия. Когда пристрастие кристаллизируется, мы называем его долгом. Например, в тех странах, где нет брака, нет и *обязанностей* между мужем и женой. Вступая в брак, муж и жена живут тогда между собой в силу привязанности; и этот вид сожителства прочно устанавливается через несколько поколений и наконец превращается в долг. Он становится, так сказать, хронической болезнью. Острое страдание мы называем болезнью, а хроническое иной раз называем «природой». Но оно также болезнь. Точно так же, когда «привязанность» становится хронической, мы даем ей высокопарное название *долга*. Мы осыпаем ее цветами, трубим в трубы, читаем над ней священные тексты, и затем весь мир борется, и люди искренне друг друга обкрадывают из-за этого долга. Долг хорош, поскольку он умеряет грубость. Для низших категорий людей, не способных создать себе другой идеал, он полезен; но кто желает сделаться Карма-йогом, тот должен выбросить за борт эту идею долга. Для нас с вами не существует долга. Давайте миру все,

что у вас есть, но не давайте это как долг. Не думайте о нем. Не принуждайте себя. Зачем вам принуждать себя? Все, что вы делаете под принуждением, создает страсти. Зачем вам иметь обязанности?

Предоставьте все Богу. Среди этого огромного огненного горнила, где пламя долга всех обжигает, пейте нектар из сладостной чаши и будьте счастливы. Мы просто исполняем волю Бога, и ни награды, ни наказания нас не касаются. Кто хочет награды, тот должен также получить и наказание; единственная возможность избежать наказания состоит в отказе от награды. Единственная возможность избежать горя лежит в отрешении от идеи счастья, потому что и счастье и горе связаны между собой. На одной стороне счастье, на другой несчастье, с одной стороны жизнь, с другой смерть. Преступить смерть можно лишь отказавшись от любви к жизни. Жизнь и смерть одно и то же явление, только рассматриваемое с разных точек зрения. Представление о счастье без горя, о жизни без смерти прекрасно для школьников и для детей; но мыслитель понимает, что это лишь противоречие в терминах, и отказывается и от того, и от другого. Не ищите ни похвалы, ни награды, что бы вы ни делали. Совершив что-нибудь хорошее, мы сейчас же требуем награждения. Отдав деньги на какое-нибудь дело благотворительности, мы хотим, чтобы имена наши были напечатаны в газетах. Такие желания приносят в результате горе. Величайшие в мире люди умерли неизвестными. Известные нам великие люди — это только второстепенные герои в сравнении с величайшими людьми, оставшимися неизвестными миру. Сотни их жили в каждой стране, работая в тишине. Молча они живут и молча уходят; и со временем мысли их находят себе выражение в умах «гениев» и «талантов», и этих последних мы только и знаем. Высочайшие люди не ищут славы и

громкого имени в награду за свое знание. Они оставляют миру свои мысли, но ничего не требуют для себя и не основывают систем и школ своего имени. Природа их чуждается этого. Они принадлежат саттве — гармонии и не могут делать никакого шума, а только растворяются в любви. Я видел одного такого йога, живущего в пещере в Индии. Это был один из удивительнейших людей, которых я когда-либо знавал. Он настолько утратил чувство своей индивидуальности, что человек в нем как бы совершенно исчез, оставив по себе лишь всеобъемлющее сознание божественного. Если животное укусит ему руку, он готов подставить и другую, говоря, что это Господня воля. Все, случающееся с ним, он принимает как исходящее от Господа. Он не показывается людям, являясь, однако, очагом любви и источником истинных и кротких мыслей.

Затем идет разряд людей, имеющих больше *раджа-са*, или активности, — воинствующие натуры, подхватывающие идеи совершенных людей и проповедующих их в миру. Высший разряд людей молчаливо собирает истинные и благородные мысли, а другие — ходят с места на место, проповедуя их и работая ради них. Гаутама Будда все повторял, что он двадцать пятый Будда. Те двадцать четыре, что предшествовали ему, неведомы истории, хотя известный истории Будда строил на основах, заложенных ими. Величайшие люди спокойны, молчаливы и безвестны. Это люди, воистину знающие силу мысли; они уверены, что даже если они войдут в пещеру, закроют двери и просто подумают пять хороших мыслей и затем умрут, то эти пять мыслей будут жить вечно. Такие мысли пронизывают горы, переплывают океаны и обходят весь мир. Они глубоко западают в человеческие сердца и умы и порождают людей, которые дают им практическое применение в человеческой жизни. Люди

«саттвы» слишком близки к Богу, чтобы быть активными, бороться, работать, проповедовать и делать добро, как его понимают здесь, на земле. Активные работники, как бы они ни казались совершенными, имеют все же в себе остатки незнания. Мы можем работать только до тех пор, пока природа наша содержит в себе некоторые остатки нечистоты. В самой природе работы лежит побуждение к ней, вызванное какой-нибудь причиной или пристрастием. Как можно придавать какое-нибудь значение своей работе в присутствии вечно деятельного Провидения, отмечающего даже смерть воробьев? Не кощунство ли думать о своей заботе, когда мы знаем, что Бог заботится о мельчайших вещах в мире? Нам остается только стоять в благоговейном трепете, говоря: «Да будет воля Твоя». Высочайшие души не могут работать, потому что они бесстрастны. Для всех людей, чьи души ушли в истинное «Я», чьи желания сосредоточены в этом «Я», кто соединился со своим истинным «Я», — для этих людей работы не существует. Они воистину высочайшие люди в мире; но, за исключением их, все должны работать. Но, трудясь в мире, мы никогда не должны думать, что можем помочь хотя бы мельчайшему существу в мире. Мы этого не можем сделать. Мы помогаем лишь самим себе в этой мировой школе. Таково должно быть настроение при работе. Если мы будем всегда помнить, что возможность работать таким образом составляет большое преимущество, дарованное нам, мы никогда ни к чему привязаны не будем. Миллионы людей, подобных нам с вами, думают о своем значении; однако все мы умрем и через пять минут мир нас позабудет. Но жизнь Бога безгранична. «Кто может прожить хотя бы одну секунду, дышать хотя бы секунду, если Всемогущий того не захочет?» Бог — это вечно деятельное Провидение. Вся сила принадлежит Ему и подчинена Ему. По его приказанию

ветры дуют, солнце сияет, земля дышит и смерть ходит по земле. Бог есть ВСЕ, и Он во ВСЕМ. Мы можем только поклоняться Ему. Не стремитесь же взять себе плоды вашей работы; делайте добро ради добра. Только тогда вы приобретете совершенное бесстрашие, узы, созданные чувствами, будут расторгнуты, и вы получите совершенную свободу. Эта свобода есть цель карма-йога.

Идеал Карма-йога

Величайшая идея в религии *Веданты* состоит в том, что мы можем достигнуть цели различными путями. Пути эти можно разделить на четыре категории — путь труда, путь любви, путь изучения себя и путь изучения мира. Но не следует вместе с тем забывать, что эти подразделения резко не разграничены и не исключают друг друга, нередко сливаясь между собой. Мы даем им название, сообразуясь с преобладающим в каждом из них типом, что вовсе не значит, что нельзя найти человека, не способного ни на что другое, кроме работы, или молитвы, или знания. В конце концов все пути сходятся, соединяясь воедино. Все религии и все методы служения и работы приводят нас к одной и той же цели.

Я уже пытался очертить эту цель. Это — свобода, насколько мы ее понимаем. Все, что мы видим вокруг себя, стремится к свободе, от атома до человека, от бесчувственной, безжизненной частицы материи до высшего существа на земле, до человеческой души. Вся Вселенная является результатом этой борьбы за свободу. Во всех сочетаниях каждая частица пытается идти своим путем, оторваться от других частиц, но те удерживают ее. Земля стремится улететь от Солнца, и Луна от Земли. Все в природе стремится к бесконечному рассеянию. Все, что мы видим во Вселенной, имеет основой своей

эту жажду свободы; под импульсом этого стремления святой молится и вор крадет. Когда образ действия при этом неправилен, мы называем его злом; когда же он высок и истинен, мы именуем его добром. Но импульс при этом все тот же — стремление к свободе. Святого гнетет сознание своего рабства, и он хочет от него избавиться; поэтому он молится Богу. Вора гнетет мысль, что он не обладает известными вещами; поэтому он крадет. Свобода есть единственная цель всей природы, как чувствующей, так и лишенной чувства; и сознательно ли или бессознательно, все стремится к этой цели. Свобода, которой жаждет святой, отличается от той, что ищет грабитель; свобода, облюбованная святым, приводит его к наслаждению бесконечным, неизреченным блаженством, тогда как та свобода, к которой стремится грабитель, куёт лишь новые цепи для его души.

Всякая религия содержит в себе выражение этого стремления к свободе. Оно составляет основу нравственности и бескорыстия, знаменующих собой отрешение от представления о тождественности человека и его ничтожного тела. Когда человек делает добро, помогает другим, он тем доказывает, что не может удовлетвориться тесным кругом «меня и моего». Этому освобождению от эгоизма нет границ. Все великие этические системы проповедуют абсолютное бескорыстие как цель. Предположим теперь, что это абсолютное бескорыстие достигнуто человеком; что же с ним тогда происходит? Отныне он уж не отдельная ничтожная личность; он расширился, распространился до бесконечности; его мелкая личность, которой он до тех пор обладал, исчезла навеки. Он стал безграничен; и достижение этого бесконечного распространения является истинной целью всех религий и всех нравственных и философских систем. Индивидуалист испугается, познакомившись с философским

изложением этой мысли. Вместе с тем, настаивая на необходимости нравственности, он сам проповедует ту же идею. Он не ставит границ бескорыстию человека. Как отличим мы человека, ставшего совершенно бескорыстным при индивидуалистической системе, от человека, достигшего совершенства по другим линиям? В обоих случаях он слился воедино со Вселенной, а это и есть цель всего; лишь плохой индивидуалист не имеет мужества довести собственные свои рассуждения до конечных выводов. Карма-Йога есть достижение через бескорыстную работу той свободы, которая составляет цель человеческой природы. В силу этого каждый эгоистический поступок задерживает достижение этой цели и каждое бескорыстное действие приближает нас к ней; поэтому единственным определением нравственности могут быть следующие слова: «То, что эгоистично — безнравственно; то, что бескорыстно — нравственно».

Но если обратиться к подробностям, то дело оказывается не столь простым. Окружающие обстоятельства изменяют и детали, как я указывал выше. Один и тот же поступок при одних условиях бескорыстен, при других эгоистичен. Поэтому мы можем дать лишь общее определение и предоставить подробностям обрисовываться в каждом отдельном случае в связи с особенностями времени, места и условий. В одной стране одно поведение считается нравственным, в другой — оно безнравственно, в силу того, что условия различны. Цель всей природы — свобода, а свобода может быть достигнута лишь посредством полного бескорыстия; каждая бескорыстная мысль, каждый бескорыстный поступок, каждое бескорыстное слово приближают нас к цели и потому считаются нравственными. Это определение приемлемо для всякой религии, для всякой этической системы. Некоторые системы мысли утверждают, что нравственность исходит от

Высшего Существа — Бога. На вопрос, почему человек поступает так, а не иначе, вам ответят: «Так повелел Бог». Но и такие кодексы этики, каково бы ни было их происхождение, все же имеют центральной идеей самопожертвование и самоотречение. Однако некоторые лица, несмотря на все величие этой этической идеи, страшатся той мысли, что они должны отречься от своей ничтожной личности. Предложим человеку, лелеющему свою мелкую личность, поразмыслить над тем, куда девается личное «Я» совершенно бескорыстного человека, вовсе не думающего о себе, ничего не делающего для себя, ни слова за себя не говорившего. Это «Я» известно ему, только пока он думает, поступает или говорит за себя. Если же он сознает только других людей, Вселенную — то куда девалось «Я»? Оно исчезло навсегда.

Следовательно, Карма-Йога представляет систему этики и религии, имеющую целью достижение свободы посредством бескорыстия и добрых дел. Карма-йог может не верить ни в какую доктрину. Он может не верить даже в Бога, может не вопрошать, что такое душа, и не думать ни о каких метафизических умозаключениях. Он имеет своей специальной целью осуществление бескорыстия, и ему приходится самому вырабатывать пути, ведущие к этой цели. Каждая минута его жизни должна превратиться в осуществление, ввиду того, что ему приходится разрешить одним только трудом, без помощи доктрины, ту же проблему, к которой Джнани прикладывает свой разум и вдохновение, а Бхакта — свою любовь.

Теперь возникает следующий вопрос. Что такое работа? Что такое оказание помощи миру? Можем ли мы вообще помочь миру? В абсолютном смысле — нет; в относительном смысле — да. Миру нельзя сделать постоянное или вечно пребывающее добро; если бы это

было возможно, то мир перестал бы быть нашим настоящим миром. Мы можем утолить голод на известное время, но затем человек снова захочет есть. Каждое удовольствие, доставляемое нами человеку, имеет значение только на мгновение. Никто не может радикально изменить вечно перемежающуюся лихорадку радости и страдания. Поэтому можно ли говорить о вечном счастье для мира?

Нельзя поднимать волны в океане, не образовав где-нибудь углубления. Общий итог приятных вещей в мире всегда был известен в своем отношении к человеческим нуждам и к алчности людей. И этот итог не может быть ни увеличен, ни уменьшен. Возьмем историю человеческого рода, поскольку она нам известна. Не те же ли самые страдания и радости видим мы в нем от древнейших времен до наших? Не те же ли самые различия общественных положений? Точно так же одни богаты, другие бедны, одни высоки, другие низки, одни здоровы, другие больны. Все это происходило и у египтян, и у греков, и у римлян и происходит у современных европейцев и американцев. Вместе с тем мы видим, что, наряду с неустанным чередованием счастья и горя, всегда существовало стремление искоренить страдание. Каждый период в истории создавал тысячи людей, упорно работавших над облегчением пути своим ближним. А добились ли они успеха? Мы можем только играть, перебрасывая мячик с места на место. Мы удаляем страдание с физического плана, а оно переносится на ментальный. Это напоминает картину в Дантовом Аду, где скупцы поднимают в гору глыбу золота. Каждый раз, как они ее вкатывают немного, она снова падает вниз. Все наши разговоры о блаженстве хороши лишь как сказки для школьников, и только. Все народы, мечтающие о золотом веке, думают при этом также, что лучшая участь выпадет

именно на их долю. Таково необыкновенно бескорыстное представление о блаженном царстве!

Мы не можем прибавить счастья миру; точно так же мы не можем и увеличить его страдания.

Общий итог страданий и радостей на земле останется всегда неизменным, мы лишь перемещаем его с места на место, но он от того не увеличивается и не уменьшается. Этот прилив и отлив, подъем и падение присущи самой природе мира; думать иначе столь же нелогично, как представлять себе жизнь без смерти. Это совершенная нелепость ввиду того, что сама идея жизни подразумевает смерть и сама идея радости подразумевает страдание. Светильник беспрестанно выгорает, и в этом состоит жизнь. Если вы хотите приобрести жизнь, вы должны каждую минуту умирать за нее. Жизнь и смерть составляют только различные выражения одного и того же явления, рассматриваемого с различных точек зрения; они представляют подъем и падение одной и той же волны и образуют одно целое. Один человек смотрит на аспект падения и становится пессимистом; другой смотрит на аспект подъема и становится оптимистом. Когда мальчик ходит в школу и отец и мать заботятся о нем, ему все кажется прекрасным; потребности его просты; он большой оптимист. Но старик, с его разнообразным опытом, становится спокойнее, и пыл его несомненно охладевает. Так, старые нации, показывающие признаки вырождения, менее оптимистичны, чем молодые народы. Одна индусская пословица говорит: «Тысяча лет — город, тысяча лет — лес». Это превращение города в лес и обратно происходит всюду, делая людей пессимистами и оптимистами, сообразно с той стороной явления, которая к ним обращена.

Рассмотрим теперь вопрос о равенстве. Представление о золотом веке давало сильное побуждение к рабо-

те. Многие религии учат, что Бог придет управлять миром и уничтожит различия между людьми. Люди, проповедующие эту доктрину, — фанатики, а фанатики — самые искренние люди среди человечества. Проповедь христианства основывалась на увлечении этим фанатизмом, и это-то и делало его столь привлекательным для греков и римлян. Они говорили, что при наступлении золотого века не будет рабства и настанет изобилие, и поэтому древние народы устремились к христианскому идеалу. Первые люди, распространявшие эту идею, были, конечно, невежественными, но очень искренними фанатиками. В наши дни этот идеал вылился в форму стремления к свободе, равенству и братству. И это тоже фанатизм. Истинного равенства никогда не было и никогда не будет на земле. Как можем мы быть здесь равными? Такое равенство подразумевает полную смерть. Что именно делает мир тем, что он есть? Утраченное равновесие. В первичном состоянии, именуемом хаосом, царит совершенное равновесие. Таким образом создаются все творческие силы Вселенной — путем борьбы, соревнования, столкновения. Если бы все частицы материи оставались в равновесии, разве мог бы совершаться процесс творчества? Наука нам говорит, что это невозможно. Если нарушить равновесие водной площади, каждая частица ее будет стремиться к покою, толкаясь одна о другую; точно так же явление, именуемое нами Вселенной, — все содержащееся в ней — стремится вернуться к состоянию совершенного равновесия. Неравенство лежит в основе творчества. Тем не менее силы, стремящиеся установить равенство, являются таким же необходимым фактором творчества, как и те, что нарушают его.

Абсолютное равенство, означающее совершенное равновесие всех борющихся сил на всех планах, никогда

не может установиться в нашем мире. Задолго до достижения этого состояния мир станет совершенно непригодным для какой бы то ни было жизни и опустеет. Поэтому мечты о золотом веке и об абсолютном равенстве не только несбыточны, но, если бы мы попытались их осуществить, они неминуемо привели бы нас к гибели. В чем состоит различие между человеком и человеком? Главным образом, в уме. В настоящее время никто, кроме безумца, не скажет, что мы все родились с одинаковыми умственными способностями. Мы приходим в мир с неравными дарованиями; одни из нас люди выдающиеся, другие — ничтожные, и нет возможности уйти от этого состояния, predetermined до рождения. Американские индейцы населяли Америку в течение тысяч лет, когда горсть европейцев пришла в их страну. Какую перемену они произвели во внешнем виде ее! Почему индейцы не вводили улучшений, не строили городов, раз все равны? Вместе с европейцами в страну проникли и новые умственные силы, принося с собой целый ряд впечатлений, проявивших себя здесь. Полное отсутствие различия равносильно смерти. Пока стоит мир, будет происходить образование различий, и совершенное равенство настанет лишь тогда, когда закончится цикл творчества. До той минуты равенства быть не может. Однако идея достижения золотого века является большой побудительной силой. Подобно тому, как неравенство необходимо для самого творчества, так необходима и борьба за освобождение и возвращение к Богу. Если бы не было борьбы, то не было бы и творчества. Различие между этими двумя силами и обуславливает побуждение людей. Мотивы эти действуют непрерывно, причем одни стремятся к рабству, другие к свободе.

Это сцепление колес в мире — страшный механизм; если мы вложим в него руку, он нас тотчас же вовлечет, и мы будем вращаться вместе с ним. Все мы думаем,

что, исполнив известный долг, мы успокоимся; но не успеваем мы исполнить и части этого долга, как другой уже ждет нас. Всех нас влечет эта мощная, сложная мировая машина. Только два пути могут вывести из нее нас: один из них — отречься от всякой связи с машиной, отрешиться от нее и стать в стороне, отказавшись от желаний. Сказать это легко, но сделать крайне трудно. Не знаю, может ли один человек из двадцати миллионов совершить этот подвиг? Другой путь — погрузиться в мир и познать тайну; это путь Карма-Йоги. Не бегайте от колес мировой машины, но станьте в сердце ее и познайте тайну работы. Путь наружу проложен через саму машину.

Мы знаем теперь, что такое работа. Это одна из основных частей природы, и она непрерывна. Верующие в Бога лучше понимают это, зная, что Бог не настолько неспособное существо, чтобы нуждаться в нашей помощи. Хотя бы Вселенная жила вечно, наша цель — свобода; наша цель — бескорыстие, и, согласно Карма-Йоге, этой цели можно достигнуть работой. Все мысли о водворении полного счастья на земле прекрасны как побудительные мотивы фанатиков; но мы должны понять, что фанатизм приносит столько же пользы, сколько и вреда. Карма-йог недоумевают: зачем нужны другие побуждения к работе, кроме врожденной любви к свободе? Возвысьтесь над обыденными житейскими мотивами. «Вы имеете право на труд, а не на плоды его». — «Человек может воспитывать себя в понимании и осуществлении этой идеи», — говорит Карма-йог. Когда мысль о добре станет частью его природы, он не будет искать внешних побуждений к добру. Будем делать добро, потому что хорошо делать добро. «Кто делает хорошие дела, хотя бы для того, чтобы попасть на небо, связывает себя», — говорит Карма-йог. Всякий труд, исполненный с малейшим эгои-

стичным мотивом, вместо того чтобы освободить нас, куёт нам новую цепь.

Итак, единственный путь состоит в том, чтобы отказаться от плодов работы, отрешиться от них. Знайте, что мир — не мы, и мы — не мир, что мы — не тело; что мы в действительности не работаем. Мы — наше высшее «Я» — вечно пребываем в мире и покое. Зачем нам связывать себя чем бы то ни было? Каждое бескорыстное дело, совершенное нами, вместо того, чтобы выковать новую цепь, разорвет одно звено в оковах, которые уже существуют. Каждая добрая мысль, посылаемая нами в мир без помысла о награде, разорвет одно звено цепи и будет все больше и больше очищать нас, пока мы не станем чистейшими из смертных. Однако все это может показаться слишком восторженно философским, слишком теоретическим и имеющим мало практического значения. Я читал немало возражений против Бхагавадгиты, и многие из возражавших утверждали, что без побуждений нельзя работать. Авторы их, по-видимому, не видели бескорыстной работы, совершенной не под влиянием фанатизма.

Позвольте в заключение сказать несколько слов об одном человеке, в совершенстве осуществившем учение о Карма-Йоге. Человек этот — Будда. Все пророки в мире, за исключением Будды, были побуждаемы к бескорыстному труду внешними мотивами. Мировые пророки, за исключением одного Будды, делятся на две категории: одни из них утверждают, что они — воплощение Бога на земле; другие считают себя лишь посланниками Его; и обе категории заимствуют импульс к работе извне, ждут награды извне, как бы высоко духовен ни был их язык. Но из всех пророков один только Будда сказал: «Я не хочу знать ваших теорий о Боге. Какая польза в обсуждении тонких доктрин о душе? Будьте добры и делайте

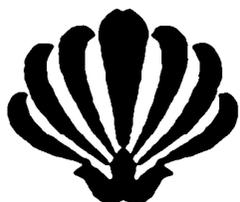
добро. Это приведет вас к свободе и к истине, какова бы она ни была». В своей жизни он не имел абсолютно никаких личных мотивов; а кто работал больше его? Укажите в истории человека, поднявшегося выше его. Весь человеческий род воспроизвел лишь один такой характер, одну такую высокую философию, одно такое всеобъемлющее сострадание. Этот великий философ, проповедовавший высочайшую философию, питал, однако, глубокое сострадание к малейшим тварям и никогда ничего не требовал для себя. Он был идеальный Карма-йог, действовавший всецело без личных мотивов, и история человечества удостоверяет, что он был величайший из рожденных людей, что он представлял собой вне всякого сравнения величайшее сочетание ума и сердца, величайшую духовную силу, когда-либо проявившуюся на земле. Он первый великий преобразователь в мире. Он первый посмел сказать: «Верьте не потому, что существуют такие или другие древние рукописи и не потому, что это ваша национальная вера, которой вас учили с детства. Обсудите свою веру, проанализируйте ее, и, если вы найдете, что она может приносить добро людям, проводите ее в жизнь сами и помогайте другим жить согласно с нею».

Лучше всего работает тот, кто работает без всякого личного мотива, — не из-за денег, не из-за славы, не из-за чего-либо другого. И, когда человек может работать так, без всякого пристрастия, он становится Буддой, и из него исходит такая сила труда, которая может изменить весь мир. Такой человек представляет собой высший идеал Карма-Йоги.

**ਭ੍ਰਮਰਕ੍ਰਮ
ਘੰਟਕ**

Предисловие издателя

Читателям, быть может, известно, что почти все книги, носящие имя великого Свами Вивекананда, составлены по стенограммам его лекций, читанных в Индии и других странах во время короткой, но в высшей степени плодотворной его жизни. Он никогда не составлял лекций заранее, а говорил то, что складывалось в его голове, когда стоял на кафедре. Это могут засвидетельствовать, как издатель, имевший счастье быть с ним при его чтениях в Лондоне, так и многочисленные друзья Свами в Англии и Америке.

Каждый поймет, как трудно было найти стенографа, способного записать философские речи высоко одаренного Свами. Поэтому неудивительно, что друзья его одно время отчаивались сохранить эти драгоценные лекции. Но судьбе как будто было угодно, чтобы труды такой кипучей и бескорыстной жизни не были утрачены — необходимый стенограф нашелся в лице уроженца Бата, в Англии, покойного Х. Х. Годвина, сделавшегося потом одним из самых преданных учеников Свами и постоянным его спутником. Многие из бесчисленных друзей, почитателей, слушателей и учеников Свами до сих пор не знают, как много они обязаны этому неутомимому труженику, безвременно скончавшемуся от брюшного тифа в Уткамонде, в Индийском Миссоре, приблизительно за три года до того, как сам великий Свами закончил свой жизненный путь на земле. Если бы не г. Годвин, свет никогда не увидел бы лекций Свами на английском языке, и человечество было бы беднее, так как ему осталась бы от Свами только его святая *Карма*.

Приступая к настоящему труду, издатель думал, что Свами сам написал его для Брамавадина, — ежемесячного Мадрасского издания Веданты, — в котором он прежде всего был напечатан в форме последовательных

статей в 1894–95 годах, когда Свами первый раз посетил Америку. Издатель полагал, что его труд по выпуску второго издания будет очень легок. Но, при ближайшем ознакомлении со своею задачею, обнаружил, что, за исключением самого начала, где Свами приводит пространственные цитаты на комментарий Шанкары, Рамануйи и других учителей, вся книга составлена по стенограммам лекций о Бхакти, или поклонении Богу, читанных в то время Свами в Нью-Йорке. Стенографические же записи даже таких талантливых стенографов, как Х. Х. Годвин, по расшифровке их, всегда полны пропусков, ошибок и прибавок. Так как сам Свами никогда не обращал большого внимания на эти записи и, посылая их в печать, только бегло проглядывал их и исправлял лишь бросающиеся в глаза погрешности, а иногда не делал и этого, то задача издателя оказалась крайне ответственной и трудною, особенно теперь, когда Свами уже нет с нами и не с кем посоветоваться относительно мелких подробностей.

Трудность задачи взять на себя ответственность за исправление и пересмотр того, что написано другим, и боязнь сделать его менее ценным еще увеличивается в настоящее время тем, что, как в Индии, так и в других странах, на Свами теперь смотрят, как на боговдохновенного пророка. Поэтому издатель лишь с большим недоверием к своим силам продолжал работу по исправлению погрешностей в слогe и знаках препинания и по добавлению слов, для придания некоторым фразам более ясного смысла.

В заключение, издатель считает необходимым сказать, что во время всей своей работы, он руководствовался единственно целью передать сказанное Свами возможно более ясно и не щадил труда, чтобы сделать эту книгу более полезной для читателя.

Издатель Сарадананда

АУМ — Душа Мира; АУМ бессмертен; Ему принадлежит Владычество; АУМ Всеведущий, Вездесущий, Покровитель Мира, Вечный Вседержитель. Нет другого, кто вечно управлял бы миром. Он — Тот, Кто вначале творения создал Брахму (Всеобъемлющее Знание) и вручил ему Веды.

Стремясь к освобождению, я ищу убежища в том Лучезарном Едином, Чей свет направляет разум к Атману.

Светасвара — Упанишад, VI, 17-18

Определение Бхакти

Бхакти-Йога — самое естественное и действительное искание Бога, начинающееся, продолжающееся и кончающееся в любви. Одно мгновение безумия пламенной любви к Богу приносит вечную свободу. «Бхакти, — говорит Нарада в своем объяснении ее афоризмов, — это напряженная любовь к Богу». — «Когда человек проникается ею, он любит все, всегда чувствует себя довольным и ни к чему не питает ненависти». — «Эта любовь не может сопровождаться мыслью о каких-либо земных выгодах», потому что, пока продолжают земные желания, такого рода любви не бывает. «Бхакти выше Кармы, выше Йоги; последние имеют в виду цель, Бхакти же сама и средство и цель».

Бхакти была единственной постоянной темой обсуждения наших мудрецов; и не только специальные исследователи ее, каковы великие комментаторы Вьяса-сутр Шандалья и Нарада, но и те, кто исключительно посвя-

тили себя изучению Джнаны (Знания), были иногда вынуждены говорить о любви. Даже, когда такие комментаторы старались почти все тексты сутр объяснять так, чтобы они доказывали преимущества чистого знания, им нелегко удавалось держаться этого направления, особенно при разборе главы о молитве. На самом деле различие между Знанием (Джнана) и Любовью (Бхакти) во все не так велико, как люди иногда воображают. Дальше мы увидим, что оба они направлены к одной цели и встречаются в конце концов в одной точке. К той же цели приходит и Раджа-Йога, когда применяется как средство освобождения, а не как орудие для обмана простодушных, что, к несчастью, часто случается, когда она попадает в руки шарлатанов или жадных к наживе оккультистов.

Огромное преимущество Бхакти заключается в том, что она представляет собою самый легкий путь к достижению высочайшей божественной цели — освобождения; главный же ее недостаток то, что в своих низших формах она часто вырождается в отвратительный фанатизм. Толпы фанатиков — будь то индусы, магометане или христиане — состоят всегда почти исключительно из приверженцев низших форм Бхакти. Слабые и неразвитые умы во всех религиях и странах любят свой собственный идеал только одним способом, именно, — ненавидя все другие идеалы, и их исключительная привязанность (ништха) к одному предмету, без которой не может развиваться вообще истинная любовь, служит причиной объявления войны всему прочему. Вот почему человек, сильно привязанный к своему личному представлению о Боге и преданный своему религиозному идеалу, становится исступленным фанатиком, как только видит или слышит что-нибудь, касающееся чужого идеала. Этот род любви похож на инстинкт собаки, заставляющей ее

охранять хозяйское добро; только инстинкт собаки надежнее человеческого рассудка: в каком бы костюме хозяин ни пришел, собака не примет его за врага; фанатик же лишен всякой способности отличать истину от заблуждения. Личные взгляды имеют для него такой всепоглощающий интерес, что ему важно только, кто говорит, а до того, что говорится, нет никакого дела. Вежливый, добрый и благородный с людьми, разделяющими его мнения, он не поколеблется обойтись самым недостойным образом с теми, кто не принадлежит к числу его единомышленников.

Такая опасность существует, однако, только в *подготовительной* Бхакти. Когда же Бхакти становится зрелой и переходит в высшую форму, то уже нечего бояться проявления низкого фанатизма: душа стала слишком близка к Богу любви, чтобы быть орудием распространения ненависти.

Как птица, чтобы летать, должна иметь два крыла и хвост для управления, так и человеку для приближения к Богу необходимы Знание (Джнана) и Любовь (Бхакти) и поддерживающая их равновесие Йога. Личность, в которой они гармонично слиты, представляет самый благородный тип; но далеко не каждому из нас дано в этой жизни обладать ими всеми, и тем, кто должен ограничиться одною Бхакти, следует помнить, что, хотя формы и обряды и безусловно необходимы для совершенствования души, они имеют лишь то значение, что поддерживают в нас настроение, при котором мы чувствуем наиболее напряженную любовь к Богу.

Учители знания и любви несколько расходятся в своих мнениях о Бхакти, но те и другие одинаково признают ее силу. Джнан считает Бхакти только орудием для освобождения, а бхакт видит в ней и орудие, и саму цель. В сущности, здесь нет большой разницы; когда Бхакти

употребляется только как орудие, она представляет низшую форму богопочитания, служащую переходом к высшим формам, являющимся после ее полного осуществления, и потому не может быть отделяема от последней. Каждый придает значение только своему собственному способу поклонения Богу, забывая, что истинное знание связано с совершенною любовью даже тогда, когда о последней совсем не думают, и что они в действительности всегда неразлучны.

Помня это, познакомимся со взглядами на этот предмет великих комментаторов Веданты.

Бхагаван Шанкара говорит: «О человеке, который следует за Гуру, считая это своею единственною целью, люди говорят, что «он предан Гуру»¹; говорят также, что «любящая жена думает о своем отсутствующем муже», подразумевая под словом *думает* (как и под словом *предан* в первом случае) род постоянного и упорного воспоминания². Это, по мнению Шанкары, тоже поклонение.

Бхагаван Рамануджа в своих комментариях о Бхакти говорит³: «Созерцание есть постоянное памятование предмета созерцания, текущее подобно непрерывной струе масла, переливаемого из одного сосуда в другой. Когда этот род памятования (о Боге) достигнут, все оковы разбиты. Так говорится в Писаниях о постоянном памятовании как средстве к освобождению. Оно принадлежит к той же форме, как и видение, как видно из слов: «Когда видим Того, Кто далеко и близко, оковы сердца разбиты, все сомнения прекратились и исчезли все результаты труда». (Тот, кто близко, может быть видим, но

¹ «Веданта-сутры», IV-1-1.

² «Веданта-сутры, Шанкара бхашья», IV-1-1.

³ «Веданта-сутры, комментарии Рамануджи», I-1-2.

того, кто далеко, можно только помнить; Писание, однако, говорит, что мы должны видеть того, кто далеко, так же хорошо, как и того, кто близко, ясно указывая тем на упомянутый выше род памятования, настолько же отчетливый, как и *видение*.) Достигая высшего напряжения, этот род памяти принимает ту же форму, как и видение. Молитва, как видно из самых основных текстов Писания, не что иное, как постоянное воспоминание; так же определяется и знание. Таким образом, память в той степени ясности, когда она становится непосредственным восприятием, рассматривается в Шрути как средство к освобождению. «Атман не может быть достигнут ни науками, ни рассуждениями, ни усердным изучением Вед. Атман достигается тем, кого желает Атман; тому Атман сам открывается». Здесь, после того как сказано, что простое слушанье, думанье и созерцание недостаточны для достижения Атмана, говорится: «Кого желает Атман, тем он достигается». Желателен бывает только чрезвычайно любимый; больше же всего Атман любит того, кто его очень любит. Такой любимый может достигнуть Атмана; ему помогает Сам Бог: «Кто постоянно думает обо Мне и молится Мне с любовью, тех волю Я направляю так, что они приходят ко Мне». Здесь, таким образом, сказано, что только тот желателен Высочайшему Атману и приходит к Нему, кому это памятование, становящееся прямым восприятием, само по себе очень дорого, потому что оно дорого предмету такого восприятия. Это постоянное памятование и называется словом *Бхакти*.

В объяснении сутры Патанджали «Поклонением Всевышнему Господу»¹ Бхойя говорит: «Пранидхана — это тот род Бхакти, в котором не преследуется никаких результатов, подобных чувственным наслаждениям и т.п.,

¹ «Патанджали-сутра», 1–23.

но все дела посвящаются Учителю учителей»¹. Бхагаван Вьяса, объясняя то же, определяет пранидхану так же, как «форму Бхакти, посредством которой милость Всевышнего нисходит к Йогу и благословляет его исполнением его желаний»². По словам Шандильи, «Бхакти есть горячая любовь к Богу»³. Но самое лучшее определение Бхакти дано величайшим из бхакт, Прахладой: «Бесмертная любовь, с которою невежда относится к переходящим чувственным предметам и которую я испытываю, созерцая Тебя, не может исчезнуть из моего сердца»⁴. Любовь! К кому? К Всевышнему Господу Ишваре. Любовь к другим существам, как бы они ни были высоки, не может быть Бхакти, так как Рамануджа в своем Шри бхашья, цитируя древнего Ачарья (Великий Учитель), говорит: «Все, живущее в мире, от Браммы, до травинки, — рабы рождения и смерти, причина которых *карма*. Ничто подобное не может быть полезным предметом созерцания, так как все неразумно и изменчиво». Объясняя слово «ануракти», употребленное Шандильей вместо слов Бхакти, комментатор Швеннашвара говорит, что оно состоит из «ану» — «после» и «ракти» — «привязанность», т.е. означает привязанность, являющуюся следствием познания природы и величия Бога⁵; иначе слепая привязанность к чему бы то ни было, вроде жены и детей, была бы тоже Бхакти.

Из сказанного ясно, что Бхакти есть ряд, или последовательность, умственных усилий к осуществлению ре-

¹ «Патанджали-сутра, комментарии Бхойя», 1–23.

² «Патанджали-сутра, комментарии Вьясы», 1–23.

³ «Шандилья-сутра», 1–2.

⁴ «Вишну-пурана», 20–19.

⁵ «Шандилья-сутра, комментарии Швеннашвары», 1–2.

лигий, начинающихся с простой молитвы и оканчивающихся самою горячею любовью к Ишваре.

Философия Ишвары

Кто такой *Ишвара*? Ишвара Тот, от Кого исходит рождение, существование и конец Вселенной. Вечный, Чистый, Всегда Свободный, Всемогущий, Всеведущий, Всемиловитый, Учитель всех учителей; и прежде всего Он, Господь, по самой Своей природе — невыразимая Любовь.

Это, конечно, определение личного Бога. Тогда, значит, есть два Бога, один — Существование-Знание-Блаженство философа и другой — Бог Любви бхакты? Нет, оба одно и то же; Существование-Знание-Блаженство также Бог Любви, безличный и личный в одном. Следует постоянно помнить, что личный Бог, которому поклоняется бхакта, не отдельный и не отличный от Брахмана. Все — Брахман, один без другого. Только Брахман, как единый или абсолютный, слишком абстрактен, чтобы Его можно было любить и славословить, и потому бхакта берет относительный аспект Брахмана, Ишвару — Высшего Правителя. Поясним это сравнением. Брахман — это глина или вещество, из которого сделаны бесконечно разнообразные предметы. Как глина, они все одно; но форма или проявление делает их различными. Прежде чем какой-нибудь из этих предметов был сделан, все они потенциально существовали в глине, следовательно, по составу тождественны; но будучи сделаны, и пока сохраняют форму, они отдельны и различны; глиняная мышь никогда не станет глиняным слоном, потому что форма делает их тем, что они есть в проявлении, т.е. различными, хотя, как бесформенная глина, они все одно и то же. Ишвара — это самое высшее проявление абсолютной реальности или, другими словами, самое выс-

шее, возможное для человеческого ума, представление абсолютного. Творчество вечно, и таков же Ишвара.

В четвертой паде¹ четвертой главы своих сутр Вьяса, сказав, что освобожденная душа после достижения *мокши*² приобретает почти бесконечную силу и знание, замечает в одном афоризме, что никто не достигает обладания силою создавать и разрушать Вселенную и управлять ею, так как сила эта принадлежит только Богу³. Эту сутру комментаторы-дуалисты истолковывают в том смысле, что для подначальной души, *дживы*, невозможно иметь когда-либо бесконечную силу и полную независимость Бога. Безусловный дуалист, комментатор Мадхвачарья, доказывает это своим обычным способом, цитируя стихи из Вараха-пураны.

Комментатор Рамануджа, объясняя этот афоризм, говорит: «Здесь представляется неясным, обладает ли освобожденная душа кроме других сил и эту, присущую Единому Всевышнему, силою создания Вселенной и управления всем, или блаженство освобожденной души состоит только в непосредственном восприятии Всевышнего, этой же силы у нее нет. Допустим, что освобожденный получает также и возможность управлять Вселенной. Такое допущение можно сделать на основании слов Писания: «Свободный от всякого пятна достигает совершенного тождества (с Всевышним)» [*Мундака*, III—3] и «все его желания исполняются». Совершенное тождество и осуществление всех желаний не может быть достигнуто без обладания хотя бы одною силою Всевышнего, из чего легко прийти к заключению, что освобожденный получает также и силу управлять Вселенной. Но мы утверждаем, что освобожденный получает все силы, кроме

¹ Пада — стих.

² Мокша — спасение души.

³ «*Веданта-сутры*», IV—4—17.

этой! Управление Вселенной есть направление различных проявлений форм жизни и стремлений всех разумных и неразумных существ, находящихся во Вселенной; но это не принадлежит освобожденному, с которого сняты все покровы и который наслаждается блаженством беспрепятственного восприятия Брахмана. Это доказывается тем текстом книги, в котором говорится, что управление Вселенной есть свойство только одного Всевышнего Брахмана. «Спроси, кто Тот, Кем рождены все эти существа. Кем все рожденные живут и к Кому они обратно уходят? — Это Брахман». Если бы способность управлять Вселенной принадлежала также и освобожденному, то этот текст был бы неприменим, так как он определяет Брахмана именно свойством управления Вселенной. Для определения же употребляются только необщие свойства, как в следующих текстах Вед: «Возлюбленный сын! Вначале существовал только один без второго. Тот, кого, я видел и чувствовал, породил многое; Он вызвал колебания». — «Вначале существовал только один Брахман. Тот, один, развернулся и создал блаженную форму, *Кшатра*. Все боги: Варуна, Сома, Рудра, Парьянья, Яма, Мритью, Ишана — суть Кшатры». — «Атман существовал вначале один; ничто другое не вибрировало. Он видится и чувствуется как создающий миры. Миры он создал потом». — «Существовал один Нараяна, но ни Брахмы, ни Ишаны, ни Дьява-Притхиви, ни звезд, ни воды, ни огня, ни Сомы, ни Солнца не было. Но Его не удовлетворяло одиночество. По Его мысли явилась дочь, или десять Его орудий. — Живущая на земле, но отличная от земли, живущая в Атмане»¹, и т.д. В текстах, подобных приведенным, Шрути² говорит о

¹ «Веданта-сутры, комментарии Рамануджи», IV—4—17.

² Шрути — священные тексты, предание.

Всевышнем как об управляющем Вселенною. Но ни в одном из приведенных описаний управления Вселенною не говорится о какой-либо роли, которая приписывалась бы освобожденной душе, так как управление Вселенною совсем не входит в область ее деятельности».

В объяснении следующей сутры Рамануджа говорит: «Если вы скажете, что это не так, — потому что есть прямые тексты в Ведах в доказательство противного, — то эти тексты относятся к славе освобожденной души в областях подчиненных божеств»¹. Хотя система Рамануджи допускает единство всего, но в этом единстве существования, по его мнению, есть вечные различия. А так как в применении ко всем практическим целям эта система дуалистична, то для Рамануджи было нетрудно признавать ясное различие между личною душою и личным Богом.

Посмотрим теперь, что говорит по тому же предмету великий представитель школы Адвайта. Система Адвайты поддерживает все надежды и стремления старого дуалиста и в то же время предлагает свое собственное разрешение вопроса в согласии с высокою судьбою божественного человечества. Те, кто жаждет сохранить свой индивидуальный ум даже после освобождения и остаться отдельным от абсолютной реальности, будут иметь возможность осуществить свои вожделения и наслаждаться блаженством ограниченного Брахмана. Это те, о которых сказано в Бхагават-пуране: «О король, славные свойства Господа таковы, что мудрецы, которых единственное наслаждение в «я» и с которых спали все оковы, даже они любят Всемогущего ради самой любви»². В Санкхья о них говорится, что они «погружены» во

¹ «Веданта-сутры, комментарии Рамануджи», IV—4—18.

² «Бхагавата-пурана», I—VII—10.

время этого цикла в природу и, после достижения совершенства, могут перейти на следующий (цикл) властителями мировых систем; но никто из них не будет равен Богу (Ишваре). «Те, кто достиг состояния, при котором нет ни творчества, ни сотворенного, ни творца; ни знающего, ни познаваемого, ни знания; ни я, ни ты, ни он; ни субъекта, ни объекта, ни отношения между ними, — кто из них кем видим там?» Они перешли за пределы всего, куда не может идти ни слово, ни ум; ушли в то блаженное состояние, о котором Шрути говорят: «не то, не то». Но для тех, кто не может или не хочет достигнуть такого состояния, неизбежно остается триединый образ недифференцированного Брахмана, в виде *природы, души* и проникающего и поддерживающего их *Ишвары*. Когда Прахлада, вследствие избытка преданности (к Богу), поднялся в высший план сознания и забыл о себе, он не видел ни природы, ни ее причины. Все для него было одним Бесконечным Существом, не обособленным ни именем, ни формой. Но, как только он спустился в область ума и вспомнил о себе как о Прахладе, перед ним опять явилась природа и с нею Бог Вселенной — «вместилище бесконечного числа святых свойств». То же было и со святыми Гопи. Охваченные горячим порывом любви к Шри Кришне, они утратили сознание своей индивидуальности и сами почувствовали себя Кришнами, а когда снова подумали о нем как о Едином, кому следует поклоняться, стали опять Гопи, и тотчас «перед ними явился воплощенный победитель (в красоте) Бога Любви, *Кришна*, с улыбкой на своем лотосообразном лице, одетый в желтые одежды и увенчанный цветами».

Вернемся, однако, к нашему Ачарья Шанкаре. «Ограничено ли или безгранично блаженство тех, — спрашивает он, — кто поклонением имеющему качества Брахману достиг единения с Всевышним Правителем, но сохранил свой индивидуальный ум?» — и продолжает: «По

этому поводу рассуждаем так: их блаженство должно быть не ограничено, потому что текст Писания говорит: «Они достигли своего собственного царства; им поклоняются все боги; все их желания исполняются во всех мирах». Вьяса прибавляет при этом: «*Кроме силы управления Вселенною*». Итак, за исключением силы создания, сохранения и разрушения Вселенной, все другие силы, как одухотворения и проч., приобретаются освобожденными; что же касается управления Вселенной, то оно принадлежит только вечно совершенному Ишваре. Почему мы знаем это? Потому что об Ишваре говорится во всех текстах Писания, трактующих о создании, а освобожденная душа совсем не упоминается в них в связи с созданием. Всевышний Господь один управляет Вселенною. Относящиеся до создания тексты все указывают на Него, называя Его при этом вечно совершенным. А так как Писания говорят, что у других силы оживотворения и проч. являются вследствие искания Бога и поклонения Ему, то эти силы имеют начало и ограничены, откуда следует, что обладателям их нет места в управлении Вселенною. Кроме того, у сохраняющих индивидуальные умы воли могут различаться, и в то время как одна пожелает создавать, другая может желать разрушать. Единственное средство избежать столкновения таких различных желаний — сделать все воли подчиненными какой-нибудь одной. Из этого следует, что воли освобожденных зависят от воли Всевышнего Управителя»¹.

Итак, Бхакти может быть направлена только к личному аспекту *Брахмана*, и осуществление ее не встречает никаких препятствий со стороны человеческой природы.

¹ «*Веданта-сутры, комментарии Шанкары*», IV–4–17.

«Путь же тех, чей ум устремлен к Абсолюту, труднее». Мы не можем иметь никакой идеи о неантропоморфном Брахмане, но не верно ли это и относительно всего, что мы знаем? Величайший психолог, какого когда-либо знал мир, Бхагаван Капила, показал века тому назад, что человеческое сознание доставляет только один элемент для составления нашего восприятия и представления о всех предметах как внутреннего, так и внешнего мира. Начиная с наших собственных тел и до Ишвары, всякий предмет нашего восприятия составляется из сознания плюс чего-то еще, что выше сознания и отлично от него. Соединение обоих и есть то, что мы где бы то ни было видим и о чем думаем как о действительном. В этом состоит и всегда будет состоять вся действительность, какую может знать человеческий ум.

Поэтому чистая нелепость говорить, что Ишвара не-реален, потому что неантропоморфен. Это похоже на спор об идеализме и реализме в западной философии, который в своем основании не больше как пустая игра слов. Идея об Ишваре включает в себе все, что когда бы то ни было означалось словом *реальный* и подразумевалось под ним, и Ишвара так же реален, как и все другое во Вселенной. Таково понятие индусской философии об *Ишваре*.

Духовное восприятие — цель Бхакти-Йоги

Предыдущие сухие подробности нужны бхакту только для укрепления его воли. Помимо этого они не имеют для него никакой цели, так как он идет путем, который скоро приводит его за пределы смутной и тревожной области рассудка, в область прямого восприятия. Скоро, по милости Господа, он достигает сферы, где педантичное

ощупывание в темноте уступает место прямому восприятию при дневном свете. Он больше не рассуждает и не верит, но видит; не доказывает себе, но чувствует. Не выше ли такое видение и чувствование Бога, чем всякие рассуждения и споры о Нем? Бхакту нет надобности доказывать, что это состояние выше, чем *мокша*, — и даже чем освобождение; и оно само в себе заключает самое полное удовлетворение.

Есть люди, и их много на свете, которые убеждены, что полезно и выгодно только то, что доставляет им земные удобства. Религия, Бог, Вечность, Душа — все это для них не имеет значения, потому что не дает денег и материального комфорта. Полезность для каждого обуславливается его желаниями. Поэтому для людей, которые никогда не поднимаются выше того, чтобы есть, пить, производить потомство и умирать, польза заключается только в чувственных наслаждениях; и они должны ждать и пройти через огромное число перевоплощений, прежде чем научатся чувствовать хотя бы малейшую потребность в чем-нибудь более высоком. Но те, для кого вечные интересы души гораздо важнее, чем временные интересы мирской жизни, для кого чувственные удовольствия не более чем бессмысленная детская забава, — для тех любовь к Богу составляет самое высшее и единственное благо человеческого существования. Благодаря Богу, такие люди еще живут в этом слишком суетном мире.

Бхакти-Йога, как мы уже говорили, разделяется на подготовительную и высшую, *гони* и *пара*. На подготовительной ступени нам необходима помощь многих конкретных представлений, чтобы мы могли сколько-нибудь подвигаться вперед, — и мифологические, и символические части всех религий представляют собою естественные вспомогательные средства, окружающие в самом

начале жаждущую света душу и облегчающие ей возможность приближаться к Богу. Замечателен факт, что гиганты духа являлись только в тех религиях, где роскошно развилась богатая мифология и обрядность. Сухие фанатичные формы религии, стремящиеся устранить все поэтическое, прекрасное и величественное, все, что дает твердость детскому уму, колеблющимся шагами идущему по пути к Богу, — формы, которые пытаются повалить самые устои духовного здания и в своих невежественных и суеверных понятиях об истине стараются изгнать все, дающее жизнь, все, доставляющее созидательный материал для духовного роста человеческой души, — такие формы религии скоро приходят к тому, что от них остается только пустая скорлупа, бессодержательный набор слов или, пожалуй, софизмов, с небольшой примесью социального мусора, так называемого духа реформ. Огромная масса тех, чья религия похожа на только что упомянутые, — сознательные или бессознательные материалисты, стремления и цель которых как в этой, так и в будущей жизни — одно наслаждение. Вот почему деятельность, направленная на увеличение материального комфорта, для них альфа и омега, «все и вся» человеческого существования. Чем скорее последователи этой смеси невежества и фанатизма обнаружат себя в настоящем свете и присоединятся, как им подобает, к рядам атеистов и материалистов, тем лучше будет для мира. Одна унция прямодушия в духовном самоосуществлении перевешивает тонны пустых разговоров и бессмысленных изречений. Покажите нам одного, только одного, духовного гиганта, гения, выросшего из этой сухой пыли невежества и фанатизма. А если не можете, закройте ваши уста, откройте отдушины вашего сердца для яркого света истины и сядьте, как дети, у ног тех, кто знает, о чем говорит, — у ног мудрецов Индии! А затем слушайте.

Необходимость в Учителе

Каждой душе предопределено быть совершенною, и каждое существо в конце концов достигнет совершенства. То, что мы теперь есть, результат наших прошлых действий и мыслей; и то, чем будем, будет результатом того, что мы думаем и делаем теперь. Но это выработка своей судьбы не исключает для нас возможности получать помощь извне. Наоборот, в огромном большинстве случаев такая помощь, безусловно, необходима. Когда она приходит, высшие силы и способности души оживотворяются, пробуждается духовная жизнь, возбуждается ее рост, и человек становится наконец святым и совершенным. Оживотворяющий импульс не может быть извлечен из книг. Душа может получать побуждения только от другой души, и ниоткуда больше. Мы можем изучать книги целую жизнь, можем сделаться очень развитыми умственно; но в конце увидим, что совсем не развились духовно. Неправда, что высокое умственное развитие идет рука об руку с развитием духовной стороны в человеке. Изучая книги, мы иногда впадаем в заблуждение, думая, что этим помогаем себе духовно; но, рассмотрев ближе влияние изучения книг на нас самих, увидим, что из такого изучения, если и извлечена польза, то только нашим умом, но не духом. Недостаточность в изучении книг для ускорения духовного роста и есть причина, почему, — хотя почти каждый из нас может *говорить* удивительно хорошо о духовных материях, — когда дело доходит до применения, до того, чтоб на самом деле жить настоящею жизнью, мы оказываемся так ужасно несостоятельны. Чтобы оживотворить дух, побуждение *должно* исходить от другой души.

Лицо, из души которого исходит такое побуждение, называется *гуру* — учитель, а лицо, душе которого побуж-

ждение сообщается, — *шишья*, ученик, слушатель. Чтобы сообщить побуждение какой-нибудь душе, необходимо, во-первых, чтобы душа, от которой оно исходит, обладала силою передать, и, во-вторых, чтобы душа, которой оно передается, была способна воспринять его. Семя должно быть всхоже и поле вспахано; и, когда оба эти условия выполнены, получается удивительный рост настоящей религии. «Истинный учитель религии должен иметь исключительные способности, и его слушатель должен быть тоже способным», и ясное духовное пробуждение получится только тогда, когда они оба выше обыкновенного уровня. Только такие могут быть настоящими учителями и настоящими учениками, стремящимися к духовному развитию. Все остальные только забавляются. У них слегка пробудилось любопытство, слегка воспламенилось умственное желание, но они стоят только на внешнем краю религиозного горизонта. Без сомнения, и это уже шаг вперед, так как со временем он может закончиться пробуждением действительной жажды религии. Есть таинственный закон природы, в силу которого, когда поле готово, семя *должно* быть посеяно и действительно сеется, и когда душа серьезно желает стать религиозной, учитель религии *должен* явиться и действительно является, чтобы помочь этой душе. Когда жажда души воспринять свет религии велика и энергична, сила, отвечающая на притяжение и посылающая свет, является сама собою.

Но в этом, однако, есть и серьезная опасность. Получающая душа рискует, например, принять ошибочно свое временное возбуждение за действительное религиозное стремление. Часто мы можем это видеть на себе. Когда кто-нибудь из любимых нами людей умирает, мы испытываем удар, — чувствуем, что мир ускользает от нас, что мы нуждаемся в чем-то более верном и высшем и

должны стать религиозными. Через несколько дней эта волна чувства уходит, а мы остались на берегу, как раз на том месте, где были раньше. Все мы принимаем такие побуждения за действительную жажду религии; но когда действительного стремления души к религии нет, то мы не находим и вдохновителя. Поэтому, когда нам кажется, что наша жажда истины остается неудовлетворенною, мы, вместо того чтобы жаловаться, должны заглянуть в свою душу и посмотреть, есть ли там действительно эта жажда.

Затем еще большую опасность представляют учителя, выдающие себя за гуру. Есть много людей, погрязших в невежестве, но воображающих, что знают все. Они не ограничиваются этим, но хотят взять на свои плечи еще других, и таким образом получается, что слепой ведет слепого и оба падают в ров.

«Глупцы, живущие в темноте, считающие себя мудрыми, хвастающие своим бесполезным знанием, ходят, шатаясь, взад и вперед, подобно слепым, которых ведут слепые»¹. Мир полон таких людей: всякий нищий желает дарить миллионы, всякий невежда хочет быть учителем. Насколько смешны такие нищие, настолько же смешны и эти учителя.

Качества желающего учиться и Учителя

Как же узнать, настоящего учителя? Солнцу не нужно факела, чтобы быть видимым, и мы не нуждаемся в свече, чтобы видеть его. Когда солнце восходит, мы инстинктивно узнаем об этом, и так же, когда учитель приходит помочь нам, душа инстинктивно видит, что истина уже готова сиять над нею. Истина свидетельствует о се-

¹ «Мундака-упанишада», I-2-8.

бе сама — она не требует никаких других свидетельств для доказательства, что она истина, так как сама светит. Она проникает в самые внутренние уголки нашей природы, и в ее присутствии вся Вселенная поднимается и говорит: «Это верно». Учители, которых мудрость и истина сияют, как свет солнца, — лучшие, каких знал мир, — огромную часть человечества почитаются за богов. Но мы можем получить помощь и от сравнительно низшего класса их; и так как не обладаем достаточной интуицией, чтобы судить о достоинствах человека, от которого собираемся получить наставление и руководство, то нам необходимо знать условия, которым должен удовлетворять учитель, равно как и ученик. Условия, необходимые для ученика, — чистота, действительная жажда знания и настойчивость. Нечистая душа не может быть религиозной. Чистота в мыслях, речи и поступках безусловно необходима для всякого, чтобы быть религиозным. Что касается жажды знания, то есть старый закон, заключающийся в том, что все мы достигаем всего, чего желаем. Никто не может достигнуть ничего, кроме того, к чему стремится его сердце. Страстно желать религии совсем не так легко, как мы воображаем. Разговоры о религии и чтение религиозных книг еще не доказательства действительной потребности сердца. Необходимы постоянное стремление, постоянная борьба, неустанные схватки с нашей низшею природою до тех пор, пока не почувствуется действительно высшая потребность и не достигнется победа. Это дело не одного или двух дней или годов, даже не одной или двух жизней; борьба может потребоваться в течение сотен жизней. Иногда успех может явиться сразу; но мы должны быть готовы ждать его и в течение времени, которое может показаться бесконечным. Ученик, приступающий с таким родом настойчивости, наверное достигнет успеха.

Что касается учителя, то мы должны видеть, что он знает Писание. Весь мир читает Библию, Веды, Коран; но читает только слова, исследует грамматику, этимологию и филологию — сухие кости религии. Учитель, обращающий большое внимание на слова и позволяющий своему уму увлекаться ими, утрачивает дух учения. Только знание *духа* Писаний создает истинного учителя. Словесная сеть Писаний подобна огромному лесу, в котором человеческий ум часто теряется и не находит выхода. «Словесная сеть — это громадный лес, она бывает причиной удивительных блужданий ума»¹. — «Различные способы соединения слов, разные методы чтения (произнесения) Писаний, так же как и споры ученых, — могут доставить большое удовольствие, но не ведут к развтию духовного совершенства»².

Те, кто употребляет такие способы для сообщения религии другим, желают только высказать свое знание, чтобы свет хвалил их как ученых. Вы можете видеть, что ни один из великих учителей мира никогда не вдавался в объяснения разных текстов; у них не было даже попытки «мучиться над текстами», этой бесконечной возни со словами и их корнями. Они просто учили, тогда как другие, которым нечему учить, берут иногда одно слово и пишут трехтомную книгу о его происхождении, о человеке, употребляющем его в первый раз, о том, что этот человек ел, как долго спал и т.п. Бхагаван Рамакришна имел обыкновение рассказывать, как несколько человек зашли в манговый сад и занялись счетом листьев, ветвей и сучьев деревьев, исследованием их цвета, сравнением размеров, самым тщательным записыванием всего и затем ученым обсуждением замеченного; все это их в высшей степени интересовало. Но один из них ни на что

¹ «Вивекачуд'амани», 62.

² «Вивекачуд'амани», 60.

не обращал внимания, а просто принялся есть манговые плоды. Не был ли он умнее всех остальных? Предоставим же другим считать листья и ветки и записывать их. Для такого занятия есть свое место, но не здесь, не в духовной области. Вы никогда не увидите среди этих «счетчиков листьев» сильного духом человека. Религия — высшая цель, высшее счастье человека — не требует столько труда, как *считание листьев*. Если вы хотите быть бхактой, вам нет никакой надобности знать, родился ли Кришна в Матуре или Враие, ни того, что он всю жизнь делал, ни точного времени, когда он проповедовал учение Гиты. Вам надо только *чувствовать* сильное желание получить прекрасные уроки Гиты о долге и любви. Все прочие подробности о ней и ее авторе могут служить только забавой для ученых. Оставим им то, что они желают, будем на их споры говорить: «шантих, шантих»¹ — и есть плоды манго. Второе условие, необходимое для учителя, — праведность. Часто спрашивают: зачем нам обращать внимание на характер и личность учителя? Мы должны судить о том, что он говорит, и принимать только это в соображение. Это неверно. Если человек хочет меня учить физике, химии или другим естественным наукам, он может быть чем ему угодно, так как эти науки требуют только умственного багажа; но что касается духовного знания, то решительно невозможно, чтобы какой-нибудь духовный свет был в нечистой душе. Какой религии может научить нечистый человек? Необходимое условие для приобретения духовной истины для себя или для передачи ее другим — чистота сердца и души. Видение Бога, или даже слабый проблеск из высших сфер никогда не явятся, пока душа не чиста. Поэтому в духовном учителе вы должны смотреть прежде всего: что он такое — и уже затем: что он говорит. Он должен

¹ Успокойтесь, успокойтесь.

быть совершенно чист, и только тогда его слова приобретают ценность, так как только тогда он действительный «наставник». Что он может передать, если в нем самом нет духовной силы? В уме учителя должны быть сильные духовные вибрации, чтобы они могли по симпатии сообщиться уму учащегося. Задача учителя состоит в действительной передаче чего-нибудь, а не в простом возбуждении существующих уже в ученике интеллектуальных или других способностей. Нечто действительное и ценное исходит в виде влияния от учителя и переходит к ученику. Потому учитель должен быть чист. Затем учитель должен учить исключительно вследствие любви, чистой любви к человечеству, а не из-за каких-либо посторонних побуждений, вроде денег, известности, славы. Единственный посредник, через которого может быть передана духовная сила, — любовь. Всякое корыстное побуждение, подобное желанию выгоды или известности, разрушает этот посредник передачи. Бог есть Любовь, и только тот, кто познал Бога как Любовь, может быть учителем человека о божественном и Боге.

Когда вы видите, что ваш учитель совмещает эти условия, вы обеспечены; но если нет, неблагоприятно позволить себе учиться у него, так как при этом вам может грозить опасность, что, не будучи в состоянии сообщить вашему сердцу ничего хорошего, он может передать дурное. «Кто сведущ, безгрешен и не развращен вожделениями, тот в совершенстве познал Брахмана»¹.

Из сказанного естественно следует, что мы не можем где угодно и от кого угодно научиться любви, получить и усвоить религию. «Поучение — в камнях, книги — в бегущих потоках и добро — во всем»². Это прекрасная по-

¹ «Вивекачуд'амани», 34.

² «Как вам это нравится» (Шекспир, действ. II, сцена I).

этическая фраза; но ни один человек не может передать другому ни единой крупички истины, если он не вырастил семена ее в себе самом. Кому камни и потоки проповедуют поучения? Человеческой душе, лотосу, внутренний святой алтарь которого уже чувствует движение жизни. И свет, который заставляет этот лотос раскрыться, всегда приходит от доброго и мудрого учителя. Когда сердце открылось таким образом, оно становится способным получать поучения от камней и потоков, от звезд, солнца, луны и от всего, что существует в этой божественной Вселенной; но нераскрытое сердце не увидит в них ничего, кроме простых камней и простых ручьев. Слепой может пойти в музей, но не извлечет из своего посещения никакой пользы; сначала надо, чтоб открылись его глаза, и только тогда он будет в состоянии узнать то, чему могут научить находящиеся в музее предметы.

Глаза жаждущего религии открывает *учитель*. С учителем поэтому наша связь такая же, как между отцом и сыном. Без доверия, смирения, покорности и благоговения в сердце к нашему духовному учителю, мы не достигнем никакого религиозного успеха; и замечательно, что там, где существует такое отношение между учителем и учеником, только там рождаются гиганты духа; в тех же странах, в которых пренебрегают поддерживать этот род отношений, учителя религии становятся простыми чтецами лекций, — учителя ожидают свои пять долларов, а ученики ждут, чтобы их мозг был наполнен словами учителя, а затем оба расходятся, каждый своею дорогой. При таких условиях духовная связь становится почти неизвестною величиною; нет никого, чтобы передавать, и никого, кому передавать. Религия у таких людей становится торговою сделкою; они думают, что могут купить ее за свои доллары. Если бы Богу угодно было, чтобы религия доставалась так легко! К несчастью, это невозможно.

Религия, представляющая собою самую вершину знания, не может быть куплена и не может быть приобретена из книг. Вы можете заглянуть во все уголки мира, можете исследовать Гималаи, Альпы и Кавказ, ощупать зондом дно моря и проникнуть во все закоулки Тибета и пустыни Гоби, но нигде не найдете ее до тех пор, пока ваше сердце не будет способно воспринять ее и пока не явится учитель. А когда этот божественно назначенный учитель придет, отнеситесь к нему с детской доверчивостью и скромностью, откройте настежь ваше сердце его влиянию и смотрите на него как на воплощенного Бога. Тем, кто приступает к исканию истины в таком духе любви и благоговения, Бог Истины открывает самые удивительные вещи относительно истины, благодати и красоты.

Воплощенные Учители и воплощение

«Где бы ни было произнесено имя Божие, — то место свято». Насколько же больше свят человек, произносящий Его имя, и с каким благоговением мы должны приближаться к тому, кем передается нам духовный свет! Таких учителей духовной истины, без сомнения, очень мало в этом мире; но мир никогда не остается совершенно без них. В момент, когда мир абсолютно лишился бы их, он стал бы отвратительным адом и устремился бы к разрушению. Они всегда — самый прекрасный цвет человеческой жизни, «океан милосердия без какого бы то ни было побуждения»¹.

«Знай, что я Гуру всех»², — сказал Кришна в «Бхагавате». Выше и благороднее всех обыкновенных учителей мира особый класс их — *Аватары*³ *Ишвары*. Они могут

¹ «Вивекачуд'амани», 35.

² «Бхагавата», XI–17–26.

³ Воплощения.

передать духовность одним прикосновением, даже одним желанием. Самые низкие и самые развращенные люди становятся по их велению в одну секунду святыми. Они Учители всех учителей, самые высшие проявления Бога в человеке. Мы не можем видеть Бога иначе как в них; не можем не поклоняться им, и только им и должны поклоняться.

Ни один человек не может видеть Бога иначе как в этих человеческих проявлениях. Если бы мы попытались видеть Бога иначе, мы создали бы для себя только страшную карикатуру Его и верили бы, что карикатура не хуже оригинала. Есть рассказ о глупце, которого попросили нарисовать бога Шиву и который, после нескольких дней усердных стараний, нарисовал только фигуру обезьяны. Таким образом, когда бы мы ни пытались думать о Боге, как Он есть, в Его абсолютном совершенстве, мы неизбежно потерпим самую полную неудачу; потому что мы люди и не можем представить Его как нечто высшее, чем человек. Настанет время, когда мы станем выше нашей человеческой природы и познаем Его как Он есть; но, пока мы люди, мы должны поклоняться Ему в человеке и как человеку. Толкуйте сколько хотите, думайте сколько можете, но вы не в состоянии думать о Боге иначе как о человеке. Вы можете составить огромное и очень умное рассуждение о Боге, можете сделать великим рационалистом и доказать для собственного удовольствия, что все рассказы об *Аватарах*, или Воплощениях Бога в человеке, чистый вздор, — но обратимся на минуту к практическому здравому смыслу и исследуем его. Что мы находим за этими разумными рассуждениями — есть ли там сколько-нибудь действительного содержания? Решительного ничего, кроме пустых слов — чистый нуль. Поэтому, когда вы услышите человека, предлагающего умную лекцию против поклонения

Аватарам (Воплощениям Бога), остановите его и спросите, в чем же состоит его идея о Боге, что он знает о «всемогуществе», «вездесущии» и всех подобных терминах, помимо произнесения этих слов. Он в действительности ничего под ними не подразумевает; не может составить об их значении никакого понятия, которое бы не вытекало из его собственной человеческой природы; он в этом не больше понимает, чем любой человек с улицы, не прочитавший ни одной книги. Человек с улицы, однако ж, спокоен и не нарушает покоя других, тогда как этот ужасный болтун создает беспокойство и несчастье для человечества. Религия — прежде всего Познание действительности, и мы можем провести резкое различие между болтовней и интуитивным опытом. То, что мы испытываем в глубине нашей души, есть познание действительности. Относительно этого предмета ничто так редко не встречается, как здравый смысл!

Мы ограничены настоящим строением нашего существа и должны смотреть на Бога как на человека. Если бы, например, буйволы захотели молиться Богу, они, соответственно своей природе, смотрели бы на Него как на огромного буйвола; если б рыба хотела поклоняться Богу, она должна была бы составить о Нем понятие как о громадной рыбе. А человек должен думать о Нем как о человеке. И эти разные понятия происходят не вследствие болезненной деятельности воображения. Человека, буйвола и рыбу — всех их можно представить себе как разные сосуды различной формы и качества. Все эти сосуды идут к Божьему морю, чтобы быть наполненными водою. В человеке вода принимает форму человека, в буйволе — форму буйвола, а в рыбе — форму рыбы. Каждый из этих сосудов, хотя и содержит ту же воду того же самого Божьего моря, кажется имеющим свою собственную форму и свои свойства; и, таким образом, когда

человек видит Бога, он видит Его как человека, а животные, если только они имеют какое-либо представление о Боге, должны видеть Его, сообразно со своими умственными устройством и свойствами, как животное. Поэтому мы не можем не смотреть на Бога как на человека и должны молиться Ему — как человеку. Другого способа нет.

Не поклоняются Богу как человеку два рода людей: человек-зверь, не имеющий никакой религии, и освобожденная душа, *Парамахамса*, поднявшаяся выше человеческих слабостей и перешедшая за тесные пределы своей природы. Для нее вся природа стала ее собственным Я. Только она может поклоняться Богу, какой Он есть. Здесь опять, как и всегда, крайности встречаются. Крайность невежества и крайность знания — обе не молятся. Человек-зверь не молится по своему невежеству, а свободная душа (*Дживанмукта*) потому, что она познала Бога в самой себе. Если кто-нибудь, занимающий положение между этими двумя полюсами существования, скажет вам, что он не намерен молиться Богу как человеку, пожалейте его — он, чтобы не употребить более резкого выражения, невменяемый болтун; его религия годится только для больных и пустых мозгов. Бог знает человеческую немощь и, чтобы сделать добро человечеству, становится человеком. «Где добродетель ослабевает, а зло усиливается, Я проявляю Себя. Чтобы укрепить добродетель, уничтожить зло, спасти добро, Я прихожу каждый век»¹ — «Глупцы смеются надо Мною, принявшем человеческую форму, не зная истинной природы Властителя Вселенной»². Таково заявление в Гите Шри Кришны, после его воплощения. «Когда подходит

¹ «Бхагавадгита», IV–7–8.

² Там же, IX–11.

огромная волна прилива, — говорит Бхагаван Шри Рамакришна, — все маленькие ямы и рвы наполняются до краев без всякого усилия или сознания с их стороны; так же, когда приходит воплощение (Бога), волна духовной силы врывается в мир, и люди чувствуют ее в самой атмосфере».

Мантра Ом: Слово и Мудрость

Теперь мы рассмотрим не *Магануруши*, или великие воплощения Бога, а только *сиддха-гуру*, учителей, достигших цели. Они, как общее правило, должны передавать ученику зародыши духовной мудрости посредством слов (мантр), о которых следует поразмыслить. Что такое эти *мантры*? Согласно индийской философии, условий проявления всей нашей Вселенной два — имя и форма. В человеческом макрокосме не может быть ни одной волны умственной материи, не одаренной именем и формой. Если верно, что вся природа построена по одному и тому же плану, то это условие имени и формы должно быть также и в плане устройства всего космоса. «Когда вы вполне ознакомились с одной глыбой глины, то нам известна и вся глина»¹, так и знание микрокосма должно вести за собою знание макрокосма. *Форма* есть наружная кора, внутренняя сущность, или ядро, которой есть *имя* или идея. В микрокосме тело есть форма, а мысль или *антахкарана* — *имя*; и звуковые символы всегда связаны с этим именем у всех существ, имеющих способность речи. Другими словами, в индивидуальном человеке мысленные волны, поднимающиеся в ограниченном *махате* (умственной материи), должны проявляться сначала как слова или мысли, а потом в более конкретных формах: речи и действию.

¹ «Чхандогья-упанишада», VI-1.

Во Вселенной также *Брахма*, или *Хираньягарбха* (космический *махат*, или мировой ум), прежде проявляется как *имя* и затем как *форма*, или внешняя природа. Вся проявленная чувственная природа есть *форма*, за которую стоит вечный невыразимый *спхота* или *проявитель*, как Логос или Слово. Этот вечный спхота, основной вечный материал всех идей, или *имен*, есть сила, посредством которой Бог творил Вселенную. Бог сначала принял состояние спхота и тогда развернулся как еще более конкретная разумная Вселенная. Единственно возможный символ этого спхота есть слово, и это слово есть *Ом*. А так как нет никаких способов анализа, которыми мы могли бы отделить звуковой символ от выражаемого им понятия, то этот *Ом* и вечный спхота нераздельны. Поэтому следует думать, что вся Вселенная сотворена этим самым святым из всех святых слов, матерью всех *имен* и *форм*, вечным *Ом*. Но можно сказать, что хотя идеи и звуковые символы неразделимы, но могут быть для одной и той же идеи разные звуковые символы, и потому нет необходимости, чтоб именно это слово *Ом* было звуковым представителем мысли, которою Вселенная проявлена. На это возражение мы ответим, что Он — единственно возможный символ, обнимающий всю область всех возможных идей, а не какая-либо определенная идея во вполне выраженном состоянии. То есть, если устранить все частности, которые отличают одну идею от другой, тогда то, что останется, и будет спхота. Но так как каждый звуковой символ, назначенный для выражения невыразимого спхота, придает ему более частное значение, так что он не будет больше спхота, то этот символ, который меньше всего лишает его общего значения и в то же время наиболее близко выражает его природу, и будет самым верным его символом, а это и есть *Ом*, и только *Ом*. Три буквы А, У, М, произнесенные

вместе как Ом, могут вполне быть обращенным символом всех возможных звуков. Посмотрим, как это может быть. Буква А из всех букв наименее отдельная, поэтому Кришна говорит в Гите: «Я — А среди букв»¹. Затем все членораздельные звуки протекают в полости рта, начинаясь от корня языка и кончаясь в губах. Гортанный звук есть А, М — последний губной звук, а усилие, употребляемое для производства звука У, точно представляет прохождение импульса, начинающегося у корня языка и кончающегося в губах. Таким образом, правильно произнесенное слово Ом (АОУМ) представит все явление производства звука, и никакое другое слово не может сделать это. Оно, поэтому, есть самый подходящий символ для представления спхота, и идея, выражаемая словом *спхота*, есть действительное значение слова Ом. А так как символ никогда не может быть отделен от обозначенной им вещи, то Ом и спхота — одно. Поэтому спхота называется *Нада-Брахма* или Звук-Брахман. А так как спхота, будучи более тонкой стороной проявленной Вселенной, ближе к Богу и есть первое проявление Божественной Мудрости, то Ом и есть истинный Символ Бога. Затем, так как лишь один *Брахман, Акханда-Саччидананда — Неразделимое Существование — Знание — Блаженство* — может быть понимаем несовершенною душою человека только с личной и ограниченной точки зрения и всегда будет соединяем с какими-либо особенными свойствами, то Вселенная в целом, тело Божие, будет мыслима ею совершенно таким же образом. Но личный взгляд на Бога и Вселенную каждого отдельного ума молящегося будет всегда определяться преобладающими его элементами или *татласом*; в результате получится, что на того же самого Бога различ-

¹ «*Бхагавадгита*», X-33.

ные молящиеся будут смотреть как на обладателя, в разных Его проявлениях, различных и нередко противоположных свойств; и та же самая природа будет казаться им полной многочисленных и несвязных форм. Как в случае наименее дифференцированного и наиболее общего символа Ом, мы видели, что идея и звуковой символ нераздельно связаны друг с другом, совершенно так же закон нераздельной связи идеи со звуковыми символами применим и ко многим дифференцированным взглядам на Бога и Вселенную, и каждый из таких взглядов будет и должен иметь особый звуковой символ для своего выражения. Эти слова — символы, извлеченные из глубочайших духовных восприятий мудрецов, символизируют и выражают наиболее близко защищаемые или личные взгляды на Бога и Вселенную. И, как Ом представляет *Акханду*, или недифференцированного Брахмана, так другие звуковые символы представляют дифференцированные взгляды на то же самое Существо. И все они полезны для божественного размышления и приобретения истинного знания молящимися, имеющими разные взгляды на Бога и Вселенную.

Поклонение заместителям и изображениям

Следующим предметом нашего обсуждения будет поклонение *пратикам* или предметам, служащим более или менее удовлетворительными заместителями Бога, и поклонение *пратимам* или изображениям. Что такое поклонение Богу через пратику? Это «молитвенное направление ума к тому, что принимается за Брахмана, но не Брахман». Бхагаван Рамануджа говорит: «Поклонение уму как Брахману — это поклонение внутреннее; а поклонение Акаше как Брахману — наружное». Ум есть

внутренняя пратика, а материя — наружная; но обе могут служить предметом поклонения как заместители Бога. Так же Шанкара говорит: «Солнце есть Брахман, это закон». — «Тот, кто почитает Имя как Брахмана...» Все такие изречения указывают на поклонение пратикам. Слово *пратика* значит *движение к*, и поклонение пратике значит поклонение какому-нибудь предмету как заместителю, в том или другом отношении, Брахмана, но не самому Брахману. Кроме упоминаемых в Шрути пратик, есть разные другие, которые можно найти в *Пуранах* и *Тантрах*. К «Поклонению пратикам» можно отнести также все формы поклонения предкам (Питри), ангелам и Дэвам (светлым или лучезарным Существом).

Поклоняющийся Ишваре, и только Ему, есть бхакта; поклоняющийся же какому-нибудь другому, как Дэвам, Питри или иному высшему Существом, не может быть назван бхакти. Разные роды поклонения Дэвам — все должны быть отнесены к обрядной карме, дающей поклоняющемуся только частный результат, в форме какого-нибудь небесного наслаждения, но не возвышают его до Бхакти, или высшей преданности Богу, и не ведут к *мукти*, освобождению от всех оков. Поэтому надо особенно помнить одно. Если, как бывает в некоторых случаях, самый высший философский идеал о высочайшем Брахмане низводится до уровня пратики, или заместителя, и сама пратика принимается поклоняющимся за свое самое внутреннее Я, за центрального управителя всего (Антарайямин), то поклоняющийся впадает в крайнее заблуждение, так как никакая пратика не может быть для поклоняющегося *Атманом*.

Но где предметом поклонения является Сам Брахман, а пратика служит только заместителем Его или напоминанием о Нем, т.е. где вездесущий Брахман славословится через пратику, а пратика представляется при-

чиною Вселенной лишь как средство для достижения Брахмана, там поклонение пратикам приносит действительную пользу; больше того, оно безусловно необходимо для человечества, пока оно не прошло первоначального, или подготовительного, состояния ума относительно богочитания. Таким образом, когда каким-нибудь богам или другим существам поклоняются как им самим, то это поклонение есть только обрядная карма и, как видья (знание) дает лишь плод, принадлежащий к частной видья; но когда в Дэвах или других Существах видят Брахмана и так им и поклоняются, получается результат тот же, что от поклонения Ишваре, верховному Правителю. Этим объясняется то, что во многих случаях, как в Шрути, так и в Смрити, берется какой-нибудь бог или другое высшее существо, его личной природе придаются постепенно все более и более высокие свойства и, идеализировав его, наконец, до высшей степени, молятся ему как Брахману. Объясняя это, адвайтин говорит: «Разве не Брахман все, когда от него отнять имя и форму?». Вишиштадвайтин говорит: «Разве самое внутреннее Я всего — не Он, не Господь?». Шанкара говорит: «Сам Брахман одаряет милостью даже поклонение Адитья и т.п., потому что Он — Правитель всего». Здесь, таким образом, Брахман становится предметом поклонений, потому что он подразумевается под пратикой, совершенно так, как Вишну и другие боги подразумеваются под изображениями их¹.

Те же идеи, которые связываются с поклонением пратикам, применяются и к поклонению пратимам, или изображениям, т.е., если изображение заменяет только какого-нибудь бога или святыню, поклонение ему не дает в результате Бхакти и не ведет к освобождению; но, если

¹ «Веданта-сутры, Шанкара бхашья».

оно заменяет единого Бога, поклонение ему приносит как Бхакти, так и мукти. Из главных мировых религий ведантизм, буддизм и некоторые формы христианства широко пользуются изображениями, чтобы помогать молящемуся, и только две религии — магометанство и протестантизм — отвергают такую помощь. Но магометане все-таки пользуются могилами своих святых и мучеников, почти как изображениями. Протестантизм же, отвергая всякую конкретную помощь религии, с каждым годом все больше и больше отдалялся от духовности, и в настоящее время едва ли есть какая-либо разница между передовыми протестантами и последователями Огюста Конта или агностиками, проповедующими только нравственность. Но и в христианстве, и магометанстве все, что представляет собою поклонение самим изображениям, без мысли о том, что они изображают, должно быть отнесено к той категории, к которой пратикам и пратимам поклоняются как таковым, а не пользуются лишь «помощью к видению» Бога. Поэтому такое поклонение, в лучшем случае, имеет характер обрядной кармы и не может привести ни к Бхакти, ни к мукти. В этой форме почитания изображений преданность души относится не к Ишваре, а к другим вещам, и потому такое пользование изображениями или могилами, храмами или гробницами есть чистое идолопоклонство. Но все же и оно само по себе не грешно и не вредно; оно — обряд, *карма*, и молящиеся должны извлекать и действительно извлекают из него пользу.

Избранный идеал

Следующее, что мы должны рассмотреть, — это то, что мы называем Ишта Ништха, или поклонение избранному идеалу. Тот, кто может быть бхактой, или посвя-

щенным, должен знать, что в поклонении Богу — «сколько мнений, столько способов»¹. Он должен знать, что все секты различных религий суть различные проявления славы одного и того же Бога. «Тебя называют таким множеством имен; Тебя как бы делят между собою; но в каждом из этих имен слышится Твое всемогущество, и Ты приходишь к молящемуся, каким бы именем он Тебя не призывал! Нет никакого особого указания, что Твое имя следует призывать все время, когда душа чувствует сильную любовь к Тебе. Ты так легкодоступен! О Господи, какое несчастье, что я не могу любить Тебя!»² Бхакта должен стараться не только не ненавидеть, но даже не критиковать тех лучезарных Сынов Света, которые были основателями разных сект. Он не должен даже слушать, когда о них дурно говорят.

Очень ведь мало таких, которые в одно и то же время обладают сильной симпатией и способностью понимания настолько же, насколько и напряженную любовь. Мы видим, как общее правило, что либеральные и проповедующие сочувствие к людям секты теряют силу религиозного чувства, и в их руках религия способна выродиться в род жизни политико-социального клуба. С другой стороны, крайне узкие сектанты, обнаруживая очень похвальную любовь к своим собственным идеалам, каждую частицу этой любви, по-видимому, приобретают ненавистью ко всем, кто не вполне того же мнения, как они. Дай Бог, чтоб этот мир был полон людьми, сильными в любви и широкими, как мир, в симпатии. Но таких очень мало. И все же мы знаем, что возможно воспитать огромное число человеческих существ в идеале удивительного соединения широты и силы любви, и способ для этого —

¹ Изречение Шри Кришны.

² Шри Кришна Чайтанья.

Ишта Ништха, или преданность «избранному идеалу». Всякая секта всякой религии предлагает человечеству только один идеал, свой собственный; но вечная ведантская религия открывает бесконечное число дверей для входа во внутренний алтарь Божественности и предлагает человечеству почти неисчерпаемый перечень идеалов, из которых проявляется Вечный Единый. С благоклонною заботливостью Веданта указывает жаждущим множество путей, высеченных в прежнее и в настоящее время в твердой скале действительности человеческой жизни Славными Сынами, или человеческими проявлениями Бога, и с распростертыми объятиями приглашают всех — даже еще не родившихся — в Обитель Истины и тот Океан Блаженства, в который человеческая душа, освобожденная от сети Майи, может перенестись совершенно свободною и вечно блаженною.

Бхакти-Йога, поэтому, налагает на нас повелительный долг не ненавидеть и не отрицать ни один из различных путей, ведущих к спасению. Нежное растение духовности умрет, если его слишком рано подвергать постоянным переменам идей и идеалов. Многие люди во имя того, что может быть названо религиозным либерализмом, удовлетворяют свое любопытство постоянной сменой различных идеалов. У них слушание новых вещей вырастает в род болезни, род религиозного пьянства. Им нужно слышать новые вещи только для того, чтобы испытать временное нервное возбуждение, а когда такое возбуждающее влияние произвело на них свое действие, они уже готовы для другого увлечения. Религия для таких людей своего рода умственное курение опиума. На этом она и кончается. Но есть другой сорт людей, говорит Бхагаван Рамакришна, которые похожи на жемчужницу сказки. Жемчужница живет на дне моря и поднимается на поверхность, чтобы схватить дождевую

воду, когда восходит звезда Свати. Она плавает на поверхности моря, широко раскрыв свою раковину, пока ей не удастся схватить каплю дождя, а затем погружается вниз до своего морского ложа и там остается, пока не выработает из той капли великолепную жемчужницу. Это самое поэтичное и сильное изложение теории Ишта Ништха, какое когда-либо было сделано. Эта *Эка-Ништха*, или поклонение одному идеалу, безусловно необходима для начинающего упражняться в религиозном благочестии. Он должен говорить вместе с Хануманом в «Рамаяне»: «Хотя я знаю, что Бог Шри и Бог Янаки оба — проявления одного и того же Верховного Существа и, следовательно, одно и то же, а все-таки лотосоокий Рама для меня выше всех». Или он должен говорить, как было сказано в другом месте мудрецом Тулансидасом: «Бери приятное от всех, беседуй со всеми, называй имена всех и говори каждому: да, да; но держись твердо своего идеала». И тогда, если ты искренно жаждешь религиозного просвещения, из твоего маленького семени вырастет гигантское дерево, подобно индийскому баньяну, и будет посылать во все страны ветви за ветвями и корни за корнями, пока не покроет всего поля религии. Таким образом, истинно набожный увидит, что тот, Кто был его собственным идеалом в жизни, почитается во всех идеалах всех сект, под всякими именами и всевозможными формами.

Метод и средства

Относительно метода и средств Бхакти-Йоги мы читаем в комментарии Бхагавана Рамануджи к Веданта-сутрам: «Достижение Того (Брахмана) является чрез распознавание, управление страстями, упражнение, жертвенный труд, чистоту, силу и подавление чрезмер-

ной радости». Вивека, или распознавание, согласно Раманудже, есть различение, кроме других вещей, также чистой пищи от нечистой. По его объяснению, пища бывает нечиста по трем причинам: 1) вследствие самой природы пищи, как чеснок и др., 2) оттого, что получается от злых и проклятых людей и 3) от физической нечистоты, как грязь, шерсть и т.п. Шрути говорят: Чистую пищу очищается саттва, и оттого память становится твердою»¹. Рамануджа цитирует его из *Чхандогья-упанишады*.

Вопрос о пище всегда живо интересовал бхакт, или набожных. Несмотря на преувеличения, в которые впадали некоторые секты бхакт, в основании их взглядов много верного. Мы должны помнить, что, согласно философии Санкхья, *саттва*, *раджас* и *тамас*, которые, действуя в одном направлении, образуют *пракрити*, а действуя в противоположных направлениях, нарушают состояние формы Вселенной, представляют собою как вещество, так и качество *пракрити*, или созидającego принципа. Как таковые, они составляют материал, из которого вырабатывается всякая человеческая форма, и для духовного развития безусловно необходимо преобладание саттвы. Материалы, входящие в наше тело в виде пищи, играют огромную роль в определении нашего умственного строения, и потому на пищу, которую мы едим, следует обращать особенно заботливое внимание. Однако в этом, как и в других отношениях, преувеличение, в которое постоянно впадают ученики, не ведет к достижению ими положения учителя. Разборчивость в пище имеет второстепенную важность.

Приведенные выше тексты объясняются Шанкарою в его *бхашье* об Упанишаде иначе; он — слову *ахара*, пе-

¹ «Чхандогья-упанишада», VII-21.

реводимому обыкновенно словом *пища*, дает совершенно другое значение. По его мнению, ахара есть то, что принимается внутрь. Знание, получаемое посредством разных ощущений, как свет, звук и проч., собирается в уме для пользования *пользуясь* («я»). Очищение знания, накопленного таким образом, путем чувственных ощущений, есть очищение *пищи (ахары)*. *Очищение пищи* поэтому значит приобретение познания обо всех вещах мира, не испорченного привязанностью, отвращением или заблуждением. Откуда следует, что если знание, или ахара, очищена, саттва — материя ума, или *антахварана*, — внутренний орган, в котором накоплено это знание, очищается; а раз саттва очищена, в результате получается непрерывная память о полученном из Писаний познании истинной природы бесконечного Единого.

Объяснения слова *ахара*, данные Шанкарой и Рамануджей, по-видимому, противоречат одно другому, но на самом деле оба верны и необходимы. Пользование и управление тем, что называется тонким телом¹, суть функции, без сомнекия, высшие, чем управление грубым физическим телом. Но управление грубым безусловно необходимо, чтобы сделаться способным достичь управления более тонким. Начинаящий, поэтому, должен обращать особенное внимание на все такие правила диеты, которые исходят из учения признанных учителей Бхакти. Но встречающийся у многих наших сект нелепый фанатизм, совсем обративший религию в кухню и не ос-

¹ Тонкое тело, или Сукшашарира, образуется в человеке пятью органами чувств плюс пять органов действия, плюс манас и Буддхи. Оно не разрушается смертью, но перевоплощается со всем прошлым опытом, пока душа не достигнет совершенства, или *мукти*.

тавляющий никакой надежды, чтобы благородная истина когда-либо выбилась у них на свет, представляет собою особый сорт чистого материализма. Это не Джнана, не Бхакти и не Карма. Это особый род сумасшествия; и те, кто прилепляется к нему душою, скорее попадут в дом умалишенных, чем в Брахма-локу, или самую высшую сферу. Тем не менее надо признать, что разборчивость в пище необходима для достижения высшего умственного состояния, которое иначе трудно достигается.

Управление страстями — следующая вещь, которую надо выработать. Сдерживание Индрий (органов) от их стремления к чувственным предметам, управление ими и приведение их к подчинению воле — самые главные добродетели в религиозном воспитании.

Затем идет управление в самообуздании и самоотречении. Все бесконечные возможности души достигнуть непосредственного восприятия Бога не могут быть осуществлены без борьбы и упражнения этих способностей. Следует постоянно думать о Боге. Сначала очень трудно приучить к этому наш ум, но с каждым новым усилием его способность в этом отношении становится все сильнее и сильнее. Шри Кришна говорит в Гите: «Упражнением и непривязанностью, о сын Кунти, достигается управление умов»¹.

Поэтому человек набожный должен выработать в себе эти способности, самые существенные для достижения высшего Богопочитания, и не исполнять предписываемых некоторыми Писаниями ритуальных жертвоприношений, единственная цель которых состоит в получении чувственных удовольствий в этом или в будущем мире и которые ведут к все большему рабству и все дальше и дальше от Бога. Есть только пять великих жертвоприношений. Основная скала, фундамент, на ко-

¹ «Бхагавадгита», VI–35.

тором покоится все *здание Бхакти*, есть чистота. Очищение внешнего тела и разборчивость в пище легки; но без внутреннего очищения и внутренней чистоты вся эта внешняя заботливость решительно не имеет никакой цены. В списке качеств, ведущих к чистоте, данных Рамануджей, перечислены *сатья*, правдивость; *арджава*, искренность; *дайя*, делание добра другим, не ожидая для себя никакой пользы; *ахимса*, непричинение вреда другим мыслью, словом или делом, и *анабхидья* — нежелание чужого добра, неимение тщетных мыслей и забвение обид.

Одно условие, указанное в этом перечне, именно ахимса — непричинение обиды, заслуживает особого внимания. Этот долг непричинения обиды обязателен для набожного относительно всех существ. Под ним не разумеется, как думают некоторые из нас, что не следует обижать только человеческие существа, но можно быть безжалостным к низшим животным, или, как считают другие, что следует покровительствовать кошкам и собакам и кормить сахаром муравьев, а своего брата, человека, можно свободно обижать самым ужасным образом. Замечательно, что почти всякая хорошая идея в этом мире может быть доведена до отвратительной крайности. Точное применение буквы закона, доведенное до крайних пределов, становится положительным злом, и очень жаль, что правило о непричинении обид не составляет в этом отношении исключения. Смердные монахи некоторых религиозных сект, не моющиеся, чтобы не умертвить на своем теле насекомых, никогда не думают о беспокойстве и болезнях, которые они приносят своим братьям — людям. Утешительно, по крайней мере, что они не принадлежат к религии Вед.

Признаком ахимсы служит отсутствие зависти. Всякий человек может сделать доброе дело или крупное пожертвование под влиянием настроения, вследствие суе-

верия или под давлением духовенства; но действительно любит человечество тот, кто никому и ни в чем не завидует. Мы видим, что все так называемые великие люди мира завидуют друг другу в известности, славе или деньгах. Пока эта зависть гнездится в сердце человека, он далек от совершенства ахимсы, хотя бы и был вегетарианцем. Корова не ест мяса, овца тоже; что же, они поэтому великие йоги, великие необидчики? Всякий глупец может воздержаться от мясной пищи; но это одно не составляет для него большей заслуги, чем для травоядного животного. Человек, который безжалостно грабит вдову или сироту и совершает самые подлые дела ради денег, хуже дикого зверя, даже если он питается только травой. Человек же, который никогда не питает в сердце даже мысли кого-нибудь обидеть и радуется благосостоянию даже своего величайшего врага, этот человек — Бхакта, Йог. Он учитель всех, хотя бы всю жизнь постоянно питался свининой. Мы всегда должны помнить, что внешние упражнения и воздержанность имеют цену только как помощь к достижению внутренней чистоты. Лучше заботиться об одной внутренней чистоте, если нельзя тщательно соблюдать внешнюю. Но горе человеку и горе народу, который забывает действительную, внутреннюю, духовную сущность религии и, механически цепляясь за внешние формы, никогда от них не отступает. *Формы имеют цену только как выражение внутренней жизни. Если они перестают выражать ее, разбивайте их без милосердия.*

Следующее средство для достижения бхакти-йога — сила. «Атман не может быть достигнут слабым»¹, — говорит Шрути. Здесь разумеется как умственная, так и физическая слабость. «Сильный, смелый» только и годен быть учеником. Что могут сделать слабые, маленькие, дряхлые существа? Они будут разбиты вдребезги,

¹ «Мундака-упанишада», III-2-4.

когда вследствие упражнения в какой-нибудь Йоге, начнут пробуждаться таинственные силы ума и тела. «Только молодой, здоровый и сильный» может иметь успех. Физическая сила поэтому безусловно необходима. Только сильное тело может вынести удар реакции, следующей за попытку управлять органами. Тот, кто хочет быть бхактой, должен быть силен, должен быть здоров. Когда жалкие, слабые пробуют упражняться в одной из Йог, они рискуют получить какую-либо неизлечимую болезнь и ослабить свой ум; *ослаблять же намеренно тело — вовсе не способ к духовному просветлению.*

Умственно слабые также не могут иметь успеха в достижении Атмана. Человек, желающий быть бхактой, должен быть весел. Для многих идеально религиозный человек тот, кто никогда не улыбается; темное облако должно всегда висеть на его челе, лицо должно быть вытянуто и с почти судорожно сжатыми челюстями. По моему мнению, такие люди с истощенными телами и вытянутыми лицами годны для докторов, как пациенты. Они никогда не могут быть йогами. Только живой ум настойчив. Только сильный ум может прорубить себе дорогу через сети Майи — работа самая трудная и под силу только для гигантов воли.

Но чрезмерная живость и веселость должны быть также избегаемы (ануддхарша). Излишняя живость делает нас неспособными к серьезной мысли, при ней энергия ума растрачивается. Чем сильнее воля, тем меньше уступчивость власти страстей. Чрезмерная веселость так же недопустима, как и слишком печальная серьезность и полное осуществление религии возможно только тогда, когда ум находится в твердом, спокойном состоянии гармоничного равновесия.

Вот каким образом следует начинать учиться любить Бога, и это то, что известно как подготовительная Бхакти.

ПАРА-БХАКТИ ИЛИ ВЫСШЕЕ БОГОПОЧИТАНИЕ

Подготовительное отречение

Мы окончили рассмотрение так называемой подготовительной Бхакти, и, чтобы приступить к изучению Пара-Бхакти, или высшего Богопочитания, нам остается только сказать об окончательном подготовлении к нему. Такое подготовление, состоящее в повторении священных имен, в обрядах, формах, символах, имеет целью только очищение души, из всех же средств очищения самое главное, без которого никто не может достигнуть высшего Богопочитания (Пара-Бхакти), — *отречение*. Многим оно кажется ужасным, но без него невозможно никакое духовное развитие. Отречение необходимо во всех Йогах. Оно представляет собою краеугольный камень, центр и главный стимул всякого духовного совершенствования, настоящую сущность религии. *Когда человеческая душа отрешается от мирских вещей и пытается углубиться в сущность; когда человек-дух поймет, что, становясь уплотненным и материальным, он приближается к гибели и, сознав это, отвернется от материи, тогда начинается отречение, а с ним и действительный его духовный рост.* Отречение Кармайюга — это отказ от всех плодов своих действий, от всякого интереса к результатам своей работы, от забот о награде, как теперь, так и после. Раджа-йог, исследуя природу, узнает, что все ее назначение в том, чтобы душа узнала о своей вечной отдельности от природы, поняла и убедилась, что *она дух, а не материя*, и что ее соединение с материей может быть только временным. Отречение Раджа-йюга является результатом исследования

природы. Джнана-йог уже с самого начала должен знать, что природа, кажущаяся такою массивною, не более как иллюзия. Он должен понимать, что все проявления силы в природе производятся душою, а не природою, что все знание и все испытываемое нами находится в душе, а не в природе; должен непосредственно, по убеждению своего разума, и сразу, оторваться от всех оков природы, предоставляя ей и всему, что к ней принадлежит, идти своим путем, а сам — стараться остаться один. Его отречение самое суровое и трудное.

Отречение Бхакти-йога, наоборот, самое естественное и легкое; в нем нет никакого насилия. Бхакта ни от чего не отказывается, ничего насильно от себя не отрывает. Проявления этого отречения, хотя в более или менее извращенном виде, мы видим вокруг нас каждый день. Человек любит женщину, а затем через несколько времени влюбляется в другую и первую оставляет. Она легко, свободно, ускользает из его ума, совсем не оставляя в нем чувства утраты. Женщина любит мужчину, потом полюбила другого, и первый совершенно естественно забывается. Человек любит свой город, затем начинает любить свою страну, и сильная любовь к маленькому городу легко, естественно пропадает. Потом он научается любить весь мир, и его любовь к своей стране, его патриотизм исчезает без всякого насилия, не причиняя ему никакого беспокойства. Характер того, к чему чувствуется наибольшая привязанность, что доставляет самое сильное удовольствие, зависит от степени развития испытывающего. Ни один человек не может есть с таким увлечением, как собака и волк; наслаждений же, которые доставляют человеку умственные занятия и их результаты, ни волк, ни собака испытывать не могут. У человека наслаждение сначала также связано с низшими чувствами, и чем он ближе к животному, тем сильнее его

чувственные наслаждения. По мере же его развития, низшие роды наслаждения становятся все слабее, и получают постепенно перевес те, которые доставляют ему умственные занятия. Достигая же еще высшего плана, чем умственный, — плана божественного вдохновения, — он испытывает состояние блаженства, в сравнении с которым все чувственные и даже умственные удовольствия теряют всякое значение. Когда ярко светит луна, звезды кажутся тусклыми, а когда сияет солнце, сама луна меркнет. Отречение, необходимое для достижения Бхакти, получается не посредством подавления чего бы то ни было, а приходит просто, естественно, подобно тому, как в присутствии необыкновенно сильного света менее сильный свет становится все слабее и слабее, пока не исчезнет совсем. Так всякая любовь, чувственная или интеллектуальная, вследствие любви к Богу становится слабою и гаснет; любовь же к Богу растет и принимает форму, называемую Пара-Бхакти, или высшее Богопочитание. Формы исчезают, ритуалы отбрасываются, книги становятся ненужными, изображения, храмы, церкви, религии, секты, страны и национальности — все эти маленькие ограничения — сами собою спадают с того, кто познал любовь к Богу. Ничего не остается, что бы связывало или сковывало его свободу. Корабль подходит к магнитной скале, и его железные болты и скрепы притягиваются и вырываются, а деревянные части освобождаются и свободно плавают по воде. Так Божественная милость освобождает душу от болтов и скреп, ее связывающих, и она становится свободною. В этом помогающем богопочитанию отречении нет ничего трудного и сурового, никакой борьбы, никакого насилия. Бхакти не подавляет ни одной из своих страстей; он только старается усиливать их и направлять к Богу.

Отречение бхакты — результат любви

Везде в природе мы видим любовь. Все прекрасное в обществе, великое, возвышенное — все происходит от любви; все в нем дурное — даже дьявольское — также представляет собою лишь ложно направленный продукт той же любви. Одна и та же страсть производит как чистую и святую супружескую любовь, так и тот сорт любви, который ищет удовлетворения в самых низких животных формах. Страсть та же, но проявление ее в различных случаях различно. Одно и то же чувство, будучи хорошо направлено, побуждает человека делать добро и отдавать все, что он имеет, нуждающимся, направленное же дурно, заставляет другого перерезать горло своим братьям и отнимать все их достояние. Первый любит других так же сильно, как второй себя. Тот же огонь, который варит пищу для нас, может обжечь ребенка; но не огня вина, если он делает это; разница в том, как им пользуются. Поэтому любовь, напряженное стремление к соединению, сильное желание двух частей стать одним и даже погрузиться и исчезнуть в одном, проявляется везде, в высшей или низшей форме, как случится. Бхакти-Йога — наука Высшей Любви, она указывает, как управлять и пользоваться ею, как давать ей другую цель и получать от нее самые блестящие результаты, одним словом — как заставить ее вести нас к духовному блаженству. Бхакти-Йога не говорит: откажись, но говорит только: люби, люби Самое Высшее. Все же низкое само спадает с того, чей предмет любви — Высочайшее.

«Я не могу о Тебе говорить ничего, кроме того, что Ты моя любовь, Ты прекрасен. О, Ты прекрасен. Ты сама красота». Все, что требует от нас эта Йога, это чтобы наша жажда прекрасного была направлена к Богу. Что такое красота человеческого лица, неба, звезд, луны?

Все это только слабое отражение истинной, всеобъемлющей Божественной Красоты. «Он, светозарный, озаряет все. Его светом все светится»¹. Достигнете этого высокого состояния Бхакти, и оно заставит вас сразу забыть ваши маленькие личности. Отрешитесь от ничтожных мирских эгоистических привязанностей. Не смотрите на человечество как на предмет ваших высших интересов. Стойте как зритель, как исследователь и наблюдайте явления природы; смотрите, как могущественное чувство любви вырабатывается в мире. Иногда это покажется вам трудным; вы встретите препятствия, испытаете неудачи. Но они будут незначительны и только в то время, когда вы еще на пути к достижению высшей, истинной любви. Не обращайтесь на них внимания; они чувствительны, только пока находишься в мирском водовороте; выйдя же из него и стоя вне его, как зритель или ученик, вы сразу увидите миллионы миллионов путей, какими Бог проявляет себя как Любовь.

«Везде, где есть какое-либо благополучие, даже в чувственных вещах, там есть и искра того Вечного Блаженства, которое есть Сам Бог». Даже в самых низших родах привязанности таится зародыш Божественной любви. Одно из имен Бога на санскритском языке — Хари — означает, что Он привлекает к Себе все. Только Его влечение достойно человеческого сердца. Кто на самом деле может привлечь душу? Только Он. Не думаете ли, что душу может привлечь мертвая материя? Этого никогда не было и никогда не будет. Видя человека, увлекающегося прекрасною наружностью, не думаете ли вы, что его привлекает горсть расположенных известным образом материальных частиц? Ни в каком случае. За этими материальными частицами должно быть и есть действие божественного влияния и божественной любви.

¹ «Катха-упанишада», II-5-15.

Невежественный человек не знает этого, но сознательно или бессознательно привлекается им и только им одним. Даже самые низкие формы привязанности получают свою силу от Самого Господа. «Никто, о возлюбленный, никогда не любил мужа ради самого мужа; муж любим ради Атмана, Господа, Который внутри его»¹. Любящие жены могут знать это или не знать, но это тем не менее верно. «Никто, о возлюбленный, никогда не любил жену ради самой жены, но внутри жены нахожусь Я, Которого любят». — «Таким же образом никто не любит ребенка или что-нибудь другое в мире иначе, как ради Него, Который внутри». Бог — это громадный магнит, а все мы железные опилки; постоянно привлекаемся Им и стремимся приблизиться к Нему. Вся наша борьба в этом мире преследует не эгоистичные цели. Глупцы не знают, что делать, но весь труд их жизни состоит в приближении к этому великому Магниту. Да, все ужасные условия и борьба в жизни имеют целью заставить нас идти в конце концов к Нему и составить с Ним одно.

Бхакти-йог знает смысл житейской борьбы, понимает ее значение. Он выдержал длинный ряд схваток, испытал их тяжесть и страстно желает освободиться от них. Он хочет избежать столкновений и идет прямо к всепривлекающему центру, к великому Хари. Могущественное притяжение в направлении к Нему и уничтожает все другие привязанности бхакты, так как входящая в его сердце бесконечная любовь к Богу не оставляет там места ни для какой другой любви. Да иначе и быть не может. Бхакти наполняет его сердце океаном любви; этот океан — Сам Бог, и там не остается места для маленьких привязанностей. Это отречение бхакты называется *вайрага*, или непривязанность ко всему, что не Бог, и происходит от *анурага*, или сильной привязанности к Богу. Когда та-

¹ «Брихадараньяка-упанишада», II-4.

кое идеальное отречение, служащее приготовлением в высшей Бхакти, наступает, для души открывается дверь к достижению полных величия областей Высшего Богопочитания, или *Пара-Бхакти*, и только человек, вошедший во внутренний алтарь ее, имеет право сказать, что все формы и символы, как помощь к осуществлению религии, для него бесполезны. Только он достиг того высшего состояния любви, которое обыкновенно называется братством людей; остальные только болтают о нем. Он один не видит различий. Огромный океан любви влился в него, и он не замечает ни людей, ни животных, ни растений, ни солнца, ни луны, ни звезд; но везде и во всем видит своего Возлюбленного. Во всех лицах ему сияет его Хари. Свет солнца и луны — Его проявления. Везде, где есть красота или величие, для него — это красота и величие Его. Такие бхакты еще живут — мир никогда не бывает без них. Такой, даже когда его укусит змея, скажет, что это к нему пришел посланный от его Возлюбленного. Только такие люди имеют право говорить о всеобщем братстве. Они не чувствуют злобы; их ум никогда не реагирует в форме ненависти или зависти. Все внешнее, чувственное в них исчезло навсегда. Как могут они сердиться, когда, вследствие своей любви, они всегда за всем кажущимся видят Истину.

Естественность Бхакти-Йоги и ее главный секрет

«Какие йоги выше, те ли, что с постоянным почтением всегда молятся Тебе, или те, которые поклоняются Недифференцированному, Абсолюту?»¹ — спросил Арджуна Шри Кришну. Ответ был такой: »Кто сосредоточивает свой ум на Мне и молится Мне с вечным постоян-

¹ «*Бхагавадгита*», XII–1–7.

ством и самую глубокою верою, — те Мои лучшие поклонники; они величайшие Йоги, Кто подчинением своего тела и уверенностью в тождестве всех вещей поклоняется Абсолюту, Неописуемому, Непроявленному, Вездесущему, Немыслимому, Всеведущему, Неизменяемому и Вечному, тот, деланием добра всем существам, также приходит ко Мне Одному. Но для тех, чей ум посвящен непроявленному Абсолюту, трудность борьбы по пути к достижению цели значительно больше, так как для воплощенного существа путь к непроявленному Абсолюту гораздо труднее. Кто весь свой труд предлагает Мне, кто с полным упованием думает обо Мне, молится Мне и не имеет привязанности ни к чему, кроме Меня, тех Я скоро подниму из океана вечно повторяющихся рождений и смерти, так как их ум вполне привязан ко Мне».

Это одинаково относится к Джнана-Йоге и Бхакти-Йоге. Можно сказать, что обе определяются этим изречением. Джнана-Йога — великая наука; это высшая философия.

Как это ни странно, но почти каждый думает, что может делать все, что от него требует философия. На самом деле следовать в жизни философии очень трудно, и часто, пробуя руководствоваться ею в жизни, мы подвергаемся серьезной опасности. Этот мир делится на людей с демонической природой, думающих, что забота о теле составляет сущность и цель существования, и людей с хорошою натурою, которые знают, что *тело только средство для достижения целей — орудие, назначенное для воспитания души*. Дьявол может также цитировать Писание, и на самом деле цитирует, толкуя его соответственно со своими целями; так что знание, служа для доброго человека побудительною причиною к деланию добра, предлагается также и в оправдание того, что делают злые люди. В этом большая опасность Джнана-Йоги. Бхакти-Йога же естественна, приятна и легка. Бхак-

ти-йог не взлетает на такие высоты, как Джнана-йог, и поэтому для него нет и таких жестоких падений. Но пока с души не спали оковы, она, конечно, не может быть свободна, какой бы религиозный путь ни избрала.

Есть рассказ об одной блаженной Гопи, у которой были разбиты связывающие душу оковы как хороших, так и дурных поступков. «Сильное наслаждение, испытываемое при размышлении о Боге, сняло с нее связывающее действие ее добрых дел, а сильная скорбь души от недостижения Его омыла ее от всех греховных наклонностей; и, освободясь таким образом от всех оков, она стала свободною»¹. Поэтому главный секрет Бхакти-йога заключается в знании, что *различные страсти, чувства и наклонности человеческого сердца сами по себе не бывают дурны, следует только заботливо управлять ими и давать им все более и более высокое направление, пока они не достигнут самого полного совершенства*. Самое высшее направление — то, которое ведет нас к Богу; всякое другое ниже его. Мы видим, что наслаждение и страдание очень обыкновенны и часто повторяются в нашей жизни. Когда человек страдает от того, что не достиг богатства или чего-либо другого мирского, он, значит, дурно направил свое чувство, и страдание не принесет ему пользы. Если же он страдает потому, что не достиг Высочайшего, не приблизился к Богу, страдание послужит к его спасению. Когда вы радуетесь, что получили горсть монет, вы дали вашей способности радоваться ложное направление; ее нужно было направить выше, заставить служить Высочайшему идеалу, достижение которого должно быть самой сильной нашей радостью. Это верно относительно всех наших чувств. Бхакта говорит, что ни одно из них не дурно; он пользуется каждым из них, направляя все без исключения к Богу.

¹ «Вишну-пурана», V-13-21, 22.

Формы проявления любви

Есть несколько форм, в которых любовь проявляется. На первом месте стоит почитание. Почему люди оказывают почтение храмам и святым местам? Потому, что там поклоняются Богу, и Его присутствие связывается в понятии людей с такими местами. Почему во всех странах почитают учителей религии? Для человеческого сердца естественно так поступать, потому что учителя религии проповедуют о Боге. В основе своей почтение есть результат любви; никто из нас не может почитать того, кого не любит. Дальше идет *прити* — наслаждение в Боге. Какое огромное удовольствие люди испытывают от чувственных предметов! Они идут куда угодно, подвергаются всяким опасностям, чтобы добыть вещь, которая им нравится. Бхакта желает того же самого рода сильной любви, но только направленной к Богу. Затем есть прелесть и в страдании, *вирахе*, — сильном страдании от отсутствия любимого. Когда человек чувствует сильное горе, потому что не достиг Бога, не узнал того, что только одно достойно познания и, вследствие этого, стал неудовлетворенным и почти безумным, тогда говорят, что у него вираха — то состояние ума, которое заставляет чувствовать недовольство в присутствии всего, что нелюбимо. Мы видим, как часто бывает эта вираха при земной любви. Когда мужчина сильно любит женщину или женщина мужчину, они чувствуют род невольной досады в присутствии тех, кого не любят. Совершенно то же состояние нетерпения относительно нелюбимых вещей испытывает ум, когда Пара-Бхакти приобрела власть над ним; даже говорить о чем-нибудь, кроме Бога, ему становится противно. «Думай о Нем, о Нем одном и откажись от всех других пустых мыслей»¹. Те, кто гово-

¹ «Мундака-упанишада», II-2-5.

рит только о Нем, приятны Ему; те же, кто говорит о чем-нибудь другом, кажутся Ему неприятными.

Еще выше любовь, когда сама жизнь поддерживается только ради идеала любви, когда жизнь находят прекрасной и стоящей того, чтобы жить только из-за любви, когда без любви жизнь не продолжалась бы и мгновения. Жизнь приятна потому, что она полна мыслью о возлюбленном. *Тадията* (принадлежность Ему) наступает, когда человек стал совершенным в Бхакти. Когда он сделался блаженным, достиг Бога, прикоснулся к ногам своего Господа, тогда вся его природа очищена и совершенно изменилась, все назначение его жизни выполнено. Но, достигнув такого состояния, многие бхакты продолжают жить исключительно для того, чтобы благословить Его. Это составляет их единственное блаженство в жизни, с которым они не хотят расстаться. «О король, таково блаженное свойство Хари, что даже те, кто стал удовлетворенным всем и чье сердце освободилось от всех уз, даже они любят Бога ради самой любви»¹, — Господа, «Которому поклоняются все боги, все любящие свободу и все познавшие Брахмана»². Такова сила любви. Когда человек совершенно забыл себя и чувствует, что ему ничто не принадлежит, только тогда он приобретает состояние *тадияты*. Все становится для него священным, потому что все принадлежит Возлюбленному. Даже при земной любви любящий считает священным и дорогим для себя все, принадлежащее любимому. Как возлюбленный любит даже клочок одежды возлюбленной его сердца, совершенно так же, когда человек любит Бога, все во Вселенной становится для него дорогим потому, что все принадлежит Ему.

¹ «Бхагавата-пурана», I-7-10.

² «Нришинхатапани», V-2-16.

Всеобъемлющая любовь, и как она ведет к самопожертвованию

Как мы можем любить *вьяшти*, частное, не любя раньше *самашти*, всеобщее? Бог есть *самашти*, обобщенное и абстрактное всеобщее целое; а природа, которую мы видим, *вьяшти*, отдельная вещь. Любить всю Вселенную можно только любовью к *самашти* — всеобщему, которая есть простая единица, заключающая в себе миллионы миллионов меньших частиц. Философы Индии не останавливаются на частностях. Они бросают беглый взгляд на частное и тотчас начинают искать обобщенную форму, заключающую в себе все частности. Поиски всеобщего составляют, таким образом, предмет индийской философии, как и религии. Джнан ищет обобщения вещей, того одного абсолютного и обобщенного Существа, зная Которое, он будет знать всякую вещь. Бхакта хочет узнать то обобщенное, абстрактное Лицо, любя Которое, он будет любить всю Вселенную. Таким образом, индийский ум на протяжении всей истории направлялся к этому замечательному исканию общего во всем — в науке, в психологии, в любви и в философии.

Поиски бхакты приводят его к заключению, что если кто-нибудь продолжает любить одно лицо после другого, то он может любить их таким образом бесконечно, не будучи совсем в состоянии любить мир как целое. Поэтому следует стремиться прийти к основной мысли, что сумма всей любви — Бог, что сумма желаний всех душ во Вселенной, свободны ли они, или связаны, или домогаются освобождения, — Бог. Только тогда возможно для человека проявлять всеобщую любовь. Бхакта поэтому говорит, что Бог есть самашти, и что видимая природа тот же Бог, но дифференцировавшийся и проявленный. Если мы любим сумму, мы любим все ее составляющие. Тогда

будет легка любовь к миру и деланье ему добра, но эта способность получается только посредством любви к Богу; иначе делать добро миру нельзя. «Все принадлежит Ему, и Он любит меня, а я люблю Его», — говорит бхакта. При такой любви все становится священным, потому что все — Его, все — Его дети, Его тело, Его проявление. Как можем мы тогда кого-нибудь обидеть? Как можем кого-нибудь не любить? С любовью к Богу придет несомненно любовь ко всему во Вселенной. Чем более мы приблизимся к Богу, тем яснее увидим, что все вещи — в Нем. Когда душа успеет приобрести блаженство этой высшей любви, она начнет видеть Его везде. Наше сердце станет тогда вечным источником любви. А когда мы достигнем посредством этой любви высшего состояния, все маленькие различия между вещами этого мира исчезнут; человек будет казаться не человеком, но Богом, животное — не животным, но Богом; даже в тигре мы будем видеть не тигра, но проявление Бога. Таким образом, в этом высшем состоянии Бхакти, поклонение обращается ко всякой жизни и ко всякому существу. «Зная, что Хари, Господь, есть во всякой вещи, мудрый должен проявлять неуклонную любовь ко всем существам».

Результатом этого рода напряженной, всепоглощающей любви является чувство совершенного самопожертвования и убеждение, что ничто не враждебно нам. Тогда любящая душа способна сказать при боли: «Добро пожаловать, боль», и при несчастье: «Добро пожаловать, несчастье, — вы также от Возлюбленного». Приползшей к ней змее она скажет: «Добро пожаловать, змея». И, даже если придет смерть, такой бхакта будет приветствовать и ее улыбкой. Он скажет: «Блажен я, что они все пришли ко мне, все мои желанные». Бхакта в этом состоянии совершенного отречения, происходящего от

сильной любви к Богу и всему, что Его, перестает отличать удовольствие от страдания, насколько они касаются его. Он теперь не знает, что значит жаловаться на боль или страдание, и этот род безропотной покорности воле Бога, Который весь — любовь, — более ценное приобретение, чем всякая слава великих и геройских подвигов.

Для большинства человечества тело составляет все. Для них вся Вселенная — тело, и телесные наслаждения важнее всего. Этот демон поклонения телу и телесным вещам вселился во всех нас. Мы можем пускаться в возвышенные разговоры и очень высоко заноситься в область рассудка, но все же остаемся похожими на ястреба, которого ум направлен вниз, на кусок падали. Зачем, например, спасать наше тело от тигра? Почему не отдать его? Тигр останется очень доволен, и это будет своего рода самопожертвование и богочитание. Дойти до такого полного осуществления идеи самоотречения, когда чувство своего «я» совершенно утрачено, — значит подняться на такую головокружительную высоту религии любви, до которой только немногие в этом мире когда-либо добивались; но, пока человек не достиг этой высшей степени всегда готового и всегда желаемого самопожертвования, он не может быть совершенным бхактой. Как бы мы ни заботились о сохранении наших тел, они все-таки в конце концов разрушатся; между ними нет вечных. *Так пусть же они погибнут на служении другим.* «Богатство, и даже самую жизнь, мудрый всегда держит наготове для служения другим. В этом мире верно одно — смерть, и гораздо лучше, чтобы тело умерло для хорошего дела, чем для дурного». Мы можем влачить нашу жизнь пятьдесят или сто лет, но что же будет после? Все, что представляет собою результат соединения, должно распасться и умереть, и для нашего тела настанет время, когда оно разложится. Ведь умерли

Будда и Магомет, и все им подобные. Бхакта говорит: «В этом эфемерном мире, где все рассыпается в прах, мы должны употребить наше время с наибольшей пользой, а действительная высшая польза заключается в служении всем существам». Ужасное заблуждение, что мы не что иное, как тело, и должны стараться всеми возможными средствами сохранить его и доставлять ему наслаждения, порождает весь эгоизм мира. Если бы вы знали, что вы нечто особое от вашего тела, вам не из-за чего было бы бороться и кому-либо противодействовать; вы были бы глухи ко всем эгоистичным пробуждениям. Поэтому бхакта и говорит, что вы должны себя держать, как если бы были мертвы для всех мирских идей. Это и есть самопожертвование. Предоставьте всему идти своей дорогой — в этом истинный смысл слов «Да будет воля Твоя» — и не старайтесь о чем-нибудь хлопотать и из-за чего-нибудь бороться, думая, что Богу нужны наши слабости и самолюбие. Правда, может случиться, что даже из наших эгоистических хлопот выйдет что-нибудь хорошее; но это Божие произволение, и в нем нет никакой нашей заслуги. Совершенный бхакта находит, что никогда не должно ничего желать или делать для себя. «Боже, они строят во имя Твое высокие храмы; они приносят богатые жертвы! Я же беден, у меня ничего нет; так возьми это тело и положи у Своих ног. Не отвергни меня, о Господи!» Такая молитва исходит из глубины сердца бхакты. Для того, кто испытывал это вечное приношение себя в жертву Возлюбленному Господу, оно гораздо дороже богатства, славы, власти и всяких наслаждений. Спокойная покорность бхакты — это «мир, превосходящий всякое понимание», блаженство ни с чем не сравнимое. Его *апратикулья* — такое состояние, при котором ум не имеет решительно никаких интересов в этом мире, и потому, естественно, не знает ничего, что проти-

воречит таким интересам. В этом состоянии высокого отречения все, имеющее форму привязанности, исчезло вполне, за исключением одной всепоглощающей любви к Тому, в Ком все живет, движется и имеет бытие. Эта же привязанность, выражающаяся в любви к Богу, конечно, такова, что не связывает души, но разбивает все ее око-вы.

Высшее знание и высшая любовь для истинно любящего — одно и то же

Упанишады различают высшее знание и низшее. Между высшим знанием Упанишад и высшею любовью Бхакти (Пара-Бхакти) нет никакой разницы. «Мундака-упанишада» говорит: «Познавшие Брахмана утверждают, что есть два рода знания, достойных того, чтобы стремиться к обладанию ими, именно высшее (*пара́*) и низшее (*апара́*). Низшее состоит из Ригведы, Яджурведы, Самаведы, Атхарваведы, Шикши, или умения произносить слова и пользоваться ударениями, Кальпы, или жертвенного богослужения, грамматики, Нирукты, или этимологии, и астрономии; высшее — в познании Неизменного»¹. Здесь, таким образом, ясно указывается, что высшее знание есть познание Брахмана. Дэви-Бхагавата дает нам следующее определение высшей любви (Пара-Бхакти): «Когда непрерывный поток мысли о Боге, подобно маслу, переливаемому из одного сосуда в другой, течет непрерывной струей, это и есть Пара-Бхакти, высшая любовь». Этот род постоянного, непрерывного и неуклонного направления ума и сердца к Богу есть высшее проявление любви к Нему человека. Все другие формы Бхакти только подготовка к достижению этой высшей

¹ «Мундака-упанишада», 1–4–5.

ее формы — Пара-Бхакти, называемой также любовью, приходящей после привязанности (рагануга). Когда эта высшая любовь водворится в сердце человека, его ум будет постоянно думать о Боге и не помнить ничего другого. Он не даст в себе места никаким мыслям, кроме мыслей о Боге, и его душа, будучи безусловно чиста, разобьет все оковы ума и материи и станет светла и свободна. Только он может поклоняться Господу в своем сердце, и для него все формы, символы, книги и учения становятся ненужными и бесполезными. Нелегко так любить Бога!

Обыкновенная человеческая любовь расцветает только там, где на нее отвечают: а где любовь не встречает ответа, там обыкновенно в результате получается холодное равнодушие. Бывают, однако редкие случаи человеческой любви, где можно заметить, что любовь продолжается даже тогда, когда на нее не отвечают. Мы можем сравнить ради иллюстрации этот род любви с любовью ночной бабочки к огню. Это насекомое любит огонь, стремится к нему, потому что в его природе любить огонь, и, попадая в него, умирает. Любить, потому что сама природа этого требует, без сомнения, самое высшее и наиболее бескорыстное проявление любви, какое только может видеть мир. Такая любовь, вырабатываемая в духовном плане, необходимо ведет к достижению Пара-Бхакти.

Треугольник любви

Мы можем представить любовь в виде треугольника, каждый угол которого соответствует одному из неотделимых от любви ее свойств. Не может быть треугольник без трех углов и не может быть истинной любви без трех следующих свойств. Первый угол треугольника любви то,

что **любовь не торгуется**. Где есть желание получить что-нибудь взамен, там не может быть настоящей любви; она становится простою торговлею. Пока в нас есть какая-либо мысль получить от Бога ту или другую милость взамен нашего почитания Его и преданности Ему, до тех пор не может быть никакой любви в нашем сердце. Те, кто поклоняются Богу, потому что хотят, чтобы Он даровал им милости, наверно не будут поклоняться Ему, если эти милости не получатся. Бхакта любит Бога, потому что любит. Нет другой причины, порождающей и направляющей это божественное чувство истинно набожного. Есть рассказ, что некий король пошел однажды в лес и там встретил мудреца. Он говорил с мудрецом, был поражен его праведностью и мудростью и выразил желание, чтобы тот сделал ему одолжение, принял от него подарок. Мудрец отказался, сказав: «Плоды этого леса — достаточная для меня пища, чистые потоки, бегущие с гор, дают мне воду для питья, кора деревьев доставляет мне покров, горные пещеры служат мне убежищем; зачем же я стану брать подарки от тебя или кого бы то ни было?» Король отвечал: «Просто чтоб доставить мне удовольствие. Пожалуйста, пойдем со мною в город, в мой дворец, и возьми от меня что-нибудь». Он убеждал его долго, и наконец мудрец согласился исполнить желание короля и пошел с ним в его дворец. Прежде чем предложить подарок мудрецу, король начал молиться: «Господи, дай мне еще детей, дай мне богатства; Господи, дай еще территории; Господи, сохрани мое тело в добром здоровье», и т.д. Прежде чем король окончил свою молитву, мудрец встал и спокойно ушел из комнаты. Видя это, король смутился и погнался за ним, громко крича: «Ты уходишь, не взяв моих подарков». Мудрец обернулся и сказал: «Я не беру от попрошаек. Ты сам нищий; как же ты можешь мне что-нибудь дать? Я не на-

столько глуп, чтоб ожидать получить что-нибудь от подобного тебе нищего. Уходи, не следуй за мной!» Эта история ясно показывает разницу между нищими в области религии и действительно любящими Бога. Поклоняться Богу ради какой-нибудь награды, даже ради спасения, — значит унижать высокий идеал любви. Любовь не знает никакой награды. Любовь бывает всегда только ради любви. Бхакта любит потому, что не может не любить. Когда вы видите прекрасный вид и любуетесь им, вы не требуете от вида никакой награды, и он ничего не требует от вас. Но, глядя на него, вы приходите в блаженное настроение, смягчающее тревоги вашей души. Он почти возвышает вас временно над вашей смертной природою и приводит в состояние спокойного, божественного экстаза. Такова природа настоящей любви, и это первый угол нашего треугольника. Не просите ничего взамен вашей любви. Давайте вашу любовь Богу; но не просите за нее ничего, даже от Него.

Второй угол треугольника любви — то, что **любовь не знает страха**. Те, кто любит Бога из страха, самые низкие из человеческих существ; они недоразвились до состояния человека. Они молятся Богу из страха наказания. Для них Он великое Существо с кнутом в одной руке и скипетром в другой, и они боятся, что если не будут повиноваться ему, то подвергнутся бичеванию. Поклоняться Богу из страха наказания — разврат. Такое поклонение, — если его можно так назвать, — самая грубая форма поклонения Богу Любви. Пока в сердце есть сколько-нибудь страха, как может быть там любовь? Любовь побеждает всякий страх. Представьте себе на улице молодую мать. Если на нее залает собака, она испугается и бросится в ближайший дом. Но вообразите, что та же мать на улице с ребенком, и лев бросается на ребенка. Где окажется в таком случае мать? Несомненно,

перед пастью льва, чтобы спасти свое дитя. Любовь побеждает всякий страх. Страх является от эгоистичной мысли об отделении себя от природы. Чем ничтожнее я себя считаю и чем больший я эгоист, тем больше мой страх. Когда человек считает себя маленьким и ничтожным, страх обязательно нападает на него. А чем вы меньше думаете о себе, как о незначительной личности, тем у вас меньше будет страха. Пока в вас есть искра страха, любви у вас быть не может; любовь и страх несовместимы. Бога никогда не боятся те, кто любит Его. Заповедь «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно» может только рассмешить истинно любящего Его. Какое богохульство может быть в религии любви? Чем более вы повторяете имя Божие, тем лучше для вас, когда бы вы это не делали. Вы повторяете Его имя только потому, что любите Его.

Третий угол треугольника любви то, что любовь не знает соперника, потому что в ней всегда воплощается высший идеал любящего. Истинной любви никогда не бывает, пока предмет нашей любви не стал для нас нашим высшим идеалом. Часто случается, что человеческая любовь дурно направлена и помещена, но для того, кто любит, предмет его любви всегда его высший идеал. Один человек может видеть свой идеал в самом низком существе, другой — в самом высоком, и тем не менее обоими может быть истинно и сильно любим только его идеал. Высочайший идеал всякого человека — Бог. Для невежды и мудреца, святого и грешника, образованного и необразованного, воспитанного и невоспитанного, — для всех людей высший идеал — его Бог. Совокупность всех высших идеалов красоты, величия и силы дает нам полное понятие о любящем и любимом Боге. Эти идеалы существуют в каждом уме, в той или другой форме, и составляют части и совокупность частей всех наших умов.

Все активные проявления человеческой природы, которые мы видим в окружающем нас обществе, производятся в разных душах разными идеалами, стремящимися обнаружиться и стать конкретными, потому что все, находящееся внутри, стремится выйти наружу. Это вечно господствующее влияние идеала есть сила, одна из побудительных причин, которую постоянно можно видеть действующею в человечестве. Может быть, только после сотен рождений, после борьбы в течение тысячелетий человек увидит, что напрасно стараться свой внутренний идеал приспособлять к внешним условиям и сообразовать с ними; но, придя к такому заключению, он не будет больше пытаться проводить свой идеал во внешнем мире, а станет поклоняться самому идеалу, как идеалу с точки зрения высшей любви.

Этот бесконечно совершенный идеал обнимает все низшие идеалы. Каждый находит верным изречение, что любящий видит красоту Елены даже в эфиопке. Человек, стоящий в стороне, в роли зрителя, находит, что в этом случае идеал помещен не там, где следует; но влюбленный все равно видит свою Елену и совсем не видит эфиопки. Потому что предмет нашей любви — будь то Елена, или эфиопка — есть настоящий центр, около которого скристаллизовались наши идеалы. Чему же мир обыкновенно поклоняется? Конечно, не всеобъемлющему, бесконечно совершенному идеалу высшей преданности и любви. Идеал, которому обыкновенно поклоняются все, и мужчины, и женщины, — это то, что имеется в них самих, и каждый проектирует свой идеал во внешний мир и преклоняет перед ним колена. Вот почему жестокие люди считают Бога кровожадным; они воплощают в нем свой собственный высший идеал. По той же причине добрые люди имеют очень высокое представление о Боге; их идеал, конечно, очень сильно отличается от идеала первых.

Бог Любви Сам доказывает Свое существование

Что составляет идеал любящего, который совсем отделился от всякой мысли об эгоизме, мене и торговле и не знает страха? Такой человек самому Богу скажет: «У меня нет ничего, что я мог бы назвать своим. Все свое я отдал Тебе и ничего не хочу от Тебя». Когда человек достиг такого состояния, его идеалом становится совершенная, бесстрашная любовь. Высший идеал такого человека не имеет в себе ничего узкого, ничего частного.

Это всеобщая любовь, любовь без границ и оков, сама любовь, совершенная и безусловная. Великому идеалу религии любви поклоняются абсолютно, как таковому, без помощи каких-либо символов или побуждений. Высшая форма Бхакти есть поклонение всеми признанному идеалу как своему собственному, избранному самим собою; прочие формы Бхакти — только ступени на пути к достижению этой высшей. Все наши неудачи и успехи в исполнении требований религии любви лежат на пути к осуществлению этого одного идеала. Бхакта берет один предмет за другим и в каждый из них последовательно воплощает свой внутренний идеал. При этом он видит, что все они не могут быть представителями его всеобъемлющего внутреннего идеала, и один за другим отбрасывает их.

Затем начинает думать, что напрасно старался осуществлять идеал во внешних предметах, что все внешние предметы ничто, в сравнении с самим идеалом, и со временем приобретает способность осуществления самого высокого и обобщенного отвлеченного идеала — чистую абстракцию, которая становится для него совершенно живой и реальной. Когда подвижник достигает этого состояния, ему не нужно больше спрашивать, мо-

жет ли Бог обнаруживаться или нет, всемогущ ли Он и вездесущ ли. Для него Он только Бог любви. Он высочайший идеал любви, и этого для него довольно. Он, как любовь, для него видим непосредственно — так как для любящего существование любимого не требует никаких доказательств. Боги-судьи других форм религии могут требовать массы доказательств, чтоб установить свое существование; но Бхакта не может думать и совсем не думает о таких богах. Для него Бог существует только как любовь, и, находя Его, как самую внутреннюю душу, во всем, он в экстазе восклицает: «Никто, о возлюбленный, не любит мужа ради мужа, но муж любим ради Господа, который в муже; никто, о возлюбленный, не любит жену ради жены, но жену любят ради Господа, который в жене».

Говорят, что эгоизм единственная побудительная причина всей человеческой деятельности. По моему же мнению, побуждением к этой деятельности служит тоже любовь, только ослабленная разменом на частности. Когда я думаю о себе, как о части всеобщего целого и люблю это целое, моя любовь становится всеобщей, и во мне наверно не останется ни малейшего эгоизма. Но когда я ошибочно считаю себя чем-то маленьким, отдельным от Целого, моя любовь останавливается на частностях и суживается.

Большая ошибка — суживать и сокращать область любви, потому что *все во Вселенной божественного происхождения и заслуживает того, чтобы быть любимым*. Следует, однако, помнить, что любовь ко всему включает в себе любовь к частям. Это всеобщее Целое есть Бог бхакт, а все другие Боги — Небесные Отцы, Вседержители, Творцы — и все теории, и учения, и книги не имеют для них никакого значения и смысла, так как они своею высшею любовью и преданностью совершен-

но поднялись над всем этим. Когда сердце очищено и наполнено до краев божественным нектаром любви, все идеи о Боге, кроме той, что весь Он Любовь, становятся ребяческими и отбрасываются как несоответственные и недостойные. Такова сила Пара-Бхакти, или высшей любви; и совершенный бхакта не идет больше искать Бога в храмах и церквах; он не знает места, где бы не нашел Его. Он находит Его в храме, так же как и вне храма; находит Его в святости Святого, так же как и в безнравственности порочного, потому что он уже поместил Его в славе в своем собственном сердце, как всемогущий, неугасимый свет любви, всегда сияющий и вечно присутствующий.

Человеческие представления о Божественном идеале любви

На человеческом языке невозможно выразить природу этого высшего и безусловного идеала любви. Даже самый высокий полет человеческой фантазии не в состоянии представить его во всем его бесконечном совершенстве и красоте. Несмотря на это, последователи религии любви, как в ее высших, так и в низших формах, всегда и во всех странах употребляли неудовлетворительный человеческий язык, чтобы понять и выразить свой собственный идеал любви. Даже больше, сама человеческая любовь, во всех ее различных формах, употреблялась для образного представления этой невыразимой божественной любви. Человек может думать о божественных вещах только своим человеческим способом. Для нас Абсолют может быть выражен только на нашем относительном языке. Вся Вселенная для нас не что иное, как письменное изложение о бесконечном на языке конечного. Поэтому бхакты употребляют, в приме-

нении к Богу и к поклонению Ему любовью, все обыкновенные выражения, связываемые человечеством с обыкновенной любовью.

Некоторые великие писатели, пишущие о Пара-Бхакти, пробовали понять и выразить эту божественную любовь следующим образом. Самая низкая форма, в которой проявляется эта любовь, та, которую они называют спокойною, — *шанта*. Когда человек молится Богу, без огня любви в сердце и безумия в мозгу, когда его любовь обыкновенная, спокойная, только немного высшая, чем простая форма, чем обряд или символ, и совсем не отличается безумием напряженной, деятельной любви, это называется *шанта*. Мы видим в мире людей, которые двигаются медленно, и других, проходящих и уходящих, подобно вихрю. Шанта-Бхакти похожа на первых — спокойна, мирна и умеренна. Следующий, высший тип — *дасья*, или служение. Она бывает, когда его идеал — привязанность верного слуги к своему господину.

Следующий тип — *сакхья*, или дружба. «Ты наш возлюбленный друг», — восклицает придерживающийся этого идеала. Дружбой между людьми называется такая любовь, при которой человек открывает свое сердце другому и знает, что тот никогда не станет бранить его за ошибки, но всегда постарается помочь ему, причем в его уме всегда таится мысль о равенстве между ним и его другом. Совершенно такой же род любви исходит из сердца молящегося к его Богу, если этот тип любви составляет его идеал. Таким образом, Бог становится нашим близким другом, которому мы можем свободно рассказывать все повести нашей жизни. Самые интимные тайны нашего сердца мы выкладываем перед ним с величайшею уверенностью в безопасности и помощи. Он наш друг, к которому мы относимся как к равному, как к товарищу игр. И в самом деле, рассуждают они, разве

нельзя сказать, что Бог играет в этой Вселенной? Как дети играют в свои игры, так и Сам Возлюбленный Бог тешился, создавая эту Вселенную. Он совершенен, ни в чем не нуждается; зачем же ему творить? Деятельность у нас всегда имеет целью выполнение какой-нибудь потребности, а потребность всегда предполагает несовершенство. Бог совершенен. Он не имеет потребностей. Почему же Он вечно деятелен и продолжает свое творчество? Какую цель имеет Он при этом в виду? Истории о сотворении Богом этого мира для той или иной воображаемой нами цели хороши как рассказы, но не больше. Поэтому у Него не может быть другой цели, кроме настоящей забавы; и Вселенная — Его продолжающаяся игра. Вся Вселенная должна быть, в конце концов, частью приятной для Него забавы. Бхакта говорит: «Люби Господа твоего, Товарища по игре, и наслаждайся игрой. Если ты беден, радуйся, что это шутка. Если ты богат, радуйся игре в богатство. Если подвергаешься опасностям, это хорошая игра. Если пришло счастье, это еще лучшая забава. Мир это театр, в котором мы играем свои роли, и Бог все время играет с нами. Вечный товарищ по игре — как прекрасно Он играет! Игра оканчивается, когда цикл приходит к концу, и тогда наступает отдых на более или менее продолжительное время. Затем опять начинается игра, опять является Вселенная и все прочее и играет с Ним, и так продолжается дальше. Несчастья и горести приходят только тогда, когда вы забываете, что все это игра и что вы также принимаете в ней участие. Тогда на сердце становится тяжело, и мир гнетет вас с ужасною силой. Но как только вы отбросите свойственную всем нам мысль о серьезной реальности меняющихся случаев этой трехминутной жизни и узнаете, что это только сцена, на которой вы играете и помогаете играть Богу, страдания тотчас исчезают для вас. Итак, смотрите

на Него как на играющего в каждом атоме, играющего, когда Он создает земли, солнца и луны, играющего с человеческими сердцами, с животными и растениями. Смотрите на себя только как на Его партнера. Он устраивает нас сначала так, потом иначе, и мы сознательно или бессознательно помогаем Ему в игре. И, о блаженство! Мы — Его партнеры!» Следующий тип известен как *ватсалья*, или любовь Бога не как нашего Отца, но как нашего Дитя. Это может показаться странным, но есть взгляд, делающий нас способными отделить от понятия о Боге все идеи о силе. Идея о силе приносит с собою страх; в любви же не должно быть страха. Идеи о почтении и повиновении необходимы для образования характера. Но, когда характер сформирован, когда любящий испытал не только спокойную любовь, но также и безумие любви, тогда он не нуждается больше в нравственности и повиновении формам Писания. Любящий говорит, что ему нет надобности смотреть на Бога как на могущественного, величественного и славного Господа Вселенной или как на Бога богов. Чтобы избежать соединения с понятием о Боге чувства силы, которое вызывает страх, он служит Богу как своему собственному ребенку. Отец и мать не чувствуют страха перед своим ребенком; о них нельзя сказать, чтобы они имели к нему какое-либо почтение. Они и не подумают просить от ребенка какой-нибудь милости. Положение ребенка относительно своих родителей всегда положение получающего, и из любви к ребенку родители сто раз пожертвуют своими телами, тысячу жизней отдадут для него. Поэтому и Бога любят как ребенка. Эта идея о любви к Богу как к ребенку является и естественно растет у тех религиозных сект, которые верят в воплощение Бога. Для магометан невозможно понятие о Боге как о ребенке, они отбросят его с ужасом; но христианин и индус легко мо-

гут понять ее; у них ведь есть младенец Иисус и младенец Кришна. Матерям-христианкам также может прийти мысль, что они матери Христа, и это даст им понятие о Божественном материнстве Бога, в котором Запад так нуждается. Таким образом, суеверие о страхе и почтении к Богу, глубоко укоренившееся в недрах наших сердец, уничтожается силою любви; но иногда требуются долгие годы, чтобы идеи о почтении, благоговении и страхе к Богу и о Его величии и славе совершенно потонули в любви.

Есть еще одно человеческое представление о божественном идеале любви. Оно известно как *мадхура*, или сладость, — самое высокое из всех таких представлений. Оно основано на высочайшем и самом сильном из известных человеку проявлений любви в этом мире. Какая любовь потрясает всю природу человека и проникает во все атомы его существа, делает его сумасшедшим, заставляет забыть свою природу, преображает, делает богом или демоном? Какая, как не любовь между мужчиной и женщиной? В этом *сладостном* представлении о божественной любви на Бога смотрят как на мужа и Ему поклоняются как мужу. Бхакта говорит: «Мы все, подобно женщинам, зависим от Бога, и в мире нет мужчин, кроме Одного, и этот один — Он, Возлюбленный». Поэтому вся та любовь, которую мужчина дает женщине или женщина мужчине, должна быть отдана Господу; и все разные роды любви, которые мы видим в мире и к которым относимся более или менее легко, имеют один предмет — Бога. К несчастью, человек не знает бесконечного океана, в который постоянно течет эта огромная река любви, и часто безумно пытается направлять ее к маленьким куклам, человеческим существам. Присущая человеческой природе огромная любовь к ребенку только одна направлена не к кукле ребенка. Если вы тратите ее сле-

по и исключительно на ребенка, вы будете впоследствии страдать, но от такого страдания последует пробуждение, при котором вы наверно увидите, что ваша любовь, если дается какому-нибудь человеческому существу, приносит в результате страдание и горе. Нашу любовь мы должны поэтому давать Высочайшему Одному. Кто никогда не умирает и никогда не изменяется, — Ему, в океане любви Которого не бывает ни приливов, ни отливов. Любовь должна направляться по верному назначению; она должна идти к тому, Кто истинный, бесконечный океан любви. Как капли воды, стекающие по склону гор, как бы они ни были велики, не могут, после того как образовали ручей или реку, остановить своего течения, но находят как-то путь в океан, совершенно так же и Бог есть один конечный пункт, куда должны, наконец, прийти все наши чувства и страсти. Поэтому, если вы хотите сердиться, сердитесь на Него — браните Вашего Возлюбленного, браните вашего Друга. Кого другого вы можете бранить безопасно? Смертный человек не станет терпеливо сносить ваш гнев и рано или поздно окажет сопротивление. Если вы рассердитесь на меня, я наверно отвечу вам, так как не в состоянии терпеливо переносить ваш гнев. Поэтому говорите Возлюбленному: «Почему Ты не приходишь ко мне, почему оставляешь меня одного?». И где же есть какое-либо наслаждение, как не у Него? Какое удовольствие может быть в маленьких комках земли? Кристаллизованную сущность бесконечного наслаждения, которую мы ищем, можно найти только в Боге. Поэтому отдадим наши чувства и страсти Ему. Они предназначены Ему одному, и потому, сбиваясь с пути и идя ниже, становятся порочными. А когда идут прямо к цели, к Господу, то даже самые низкие из них преображаются. Таким образом, вся энергия человеческого тела и ума, как бы она ни выражалась, имеет сво-

ею целью, своим *скайяна*, одного Бога; а следовательно, вся любовь и все чувства человеческого сердца должны быть направлены к Богу, к Возлюбленному. Кого это сердце может любить, кроме Него? Кто сама красота, само величие? Кто в этой Вселенной прекраснее, чем Он? Кто может быть лучшим мужем, чем Он? Кто более заслуживает быть любимым, чем Он? Поэтому пусть Он будет мужем, пусть Он будет возлюбленным. И часто случается, что любящий божественною любовью, воспевая эту любовь, считает для описания ее вполне подходящим язык человеческой любви во всех ее видах. Глупцы не понимают и никогда не поймут этого. Они смотрят на это только физическими глазами. Они не понимают безумного трепета этой духовной любви. И как бы они могли понимать ее? «Один только поцелуй Твоих уст, о Возлюбленный! Жажда Тебя у того, кого Ты поцеловал, вечно усиливается; все его горести исчезают, и он забывает все, кроме Тебя»¹. Он жаждет поцелуя Возлюбленного, прикосновение уст Которого делает бхакту безумным, делает человека богом! Для того, кто осчастливлен таким поцелуем, вся природа изменяется, мир исчезает, солнце и луна гаснут, и вся Вселенная растворяется в этом бесконечном океане любви. Но настоящий духовно любящий не успокаивается даже на этом. Даже любовь мужа и жены для него недостаточно безумна. Бхакты переходят к идее незаконной любви, потому что она так сильна. Природа этой любви такова, что чем больше она встречает препятствий для свободного пользования ею, тем становится сильнее. Любовь между мужем и женой спокойна, в ней нет препятствий. Поэтому бхакты воображают, что девушка влюблена в мужчину, а так как ее мать или отец препятствует ее любви, то эта любовь

¹ «Бхагавата, Гопи Гита», песнь X.

еще больше усиливается. Автор *Шримед Бхаваты* развивал этот род изображения любви, стараясь рассказать любовь Гопи к Кришне, о котором они, вследствие божественного просветления, знали, что он Господь Вселенной. Человеческий язык не в состоянии передать, как Кришна был безумно любим в лесах Вринды, как при звуке Его голоса все вечноблаженные Гопи бросались навстречу Ему, забывая этот мир и все его привязанности, обязанности, радости и печали.

«О человек, ты говоришь о божественной любви и в то же время способен заниматься всею суетою этого мира — искренен ли ты? Где есть Рама, там нет места для каких-либо желаний, а где есть желание, там нет места для Рамы; они никогда совместно не существуют; подобно свету и тьме, никогда не бывают вместе»¹.

Заключение

Когда этот высший идеал любви достигнут, философия отбрасывается; кто тогда станет о ней заботиться? Свобода, спасение, *нирвана* — все отошло в сторону, так как кто будет стараться сделаться свободным, наслаждаясь этою божественною любовью? «Господи, я не хочу ни богатства, ни друзей, ни красоты, ни учености, ни даже свободы; пусть я буду рождаться вновь и вновь, и будь Ты вечно моею любовью»². Да, будь вечно и вечно моею любовью; что мне еще желать? «Кто заботится о том, чтобы быть сахаром, а я хочу наслаждаться им»³, — говорит бхакта. Кто тогда захочет быть свободным и составлять одно с Богом? «Я могу знать, что я — Он, и все-

¹ Тулсидас.

² Шри Кришна Чайтанья.

³ «*Рамапрасада*».

таки хочу быть отдельным и отличным от Него, чтобы быть в состоянии наслаждаться Возлюбленным. Вот что говорит бхакта. Любовь для любви — его высшее наслаждение. Кто не захотел бы быть связанным по рукам и по ногам тысячу раз, чтобы наслаждаться Возлюбленным? Ни один бхакта не заботится ни о чем, кроме любви, кроме того, чтобы любить и быть любимым. Его неземная любовь похожа на прилив, заставляющий речку течь вверх, против обычного течения. Свет называет его безумным. Да, я знал одного такого, каких обыкновенно называют сумасшедшими, и вот что он ответил на это: «Друзья мои, весь мир — огромный дом для умалишенных; одни сходят с ума от влюбленности, другие от жажды известности или славы, те из-за денег, а эти из-за опасения или желания попасть на небо. В этом огромном сумасшедшем доме и я сумасшедший. Вы сходите с ума по деньгам, я схожу по Богу. Вы сумасшедшие — я тоже. Только я думаю, что мое сумасшествие все же гораздо лучше вашего». Любовь настоящего бхакты это бурное сумасшествие, при котором все прочее для него исчезает. Вся Вселенная для него полна любви и только любви. Такою она кажется истинно любящему. Если человек имеет в себе эту любовь, он становится вечно блаженным, вечно счастливым, и это блаженное безумие божественной любви может навсегда излечить все наши мирские болезни. Мы все начинаем с того, что бываем дуалистами в религии любви. Бог для нас отдельное Существо, и себя мы чувствуем также отдельными существами. Затем является любовь, человек начинает приближаться к Богу, и Бог становится все ближе и ближе к человеку. Человек испытывает в жизни различные привязанности — как привязанность к отцу, матери, сыну, другу, учителю, любовнику — и во все предметы своей привязанности воплощает свой идеал любви, своего Бога.

Для него все это становится Богом, и последняя степень его развития в этом направлении достигается, когда он чувствует, что совсем растворился в предмете своего поклонения. Мы начинаем с любви к себе, и ложная претензия нашего маленького «я» делает самую любовь эгоистичною.

Но наконец наступает полное озарение светом, при котором это маленькое «я» становится видимым как одно с Единым Бесконечным. Сам человек в присутствии этого света и любви перерождается; его сердце очищается от всей нечистоты и суетных желаний, которыми он более или менее был полон раньше, и он осуществляет прекрасную и вдохновляющую истину, — что любовь, любящий и любимый на самом деле — одно.

**दशमवत
पंठव**

Песнь Санньясина

Раздайся песнь! Та песнь, чья родина далеко, куда не может никогда достичь мирской порок, — в пещерах гор, среди лесов глубоких, покой которых никогда не смел нарушить ни один вздох сладострастья, ни жажда славы и богатства; где катится поток истины, знания и следующего за обоими — блаженства... Пой громко эту песнь, отважный Санньясин:

«Аум тат сат, Аум»!

Разбей свои оковы, привязывающие тебя к низменному миру, из блестящего ли от золота, или из темного неблагородного металла... Из любви или ненависти, добра или же зла, или чего бы то ни было другого, но двойственного тоже... Знай, раб есть раб, — ласкают ли его, или же бьют, он не свободен, так как цепи, хотя бы и из золота, не менее крепки, чем всякие другие. Так сбрось же их, отважный Санньясин, и говори:

«Аум тат сат, Аум»!

Пускай исчезнет тьма и те блуждающие огоньки, которые своим мерцанием только усиливают мрак! Пускай в тебе угаснет жажда жизни! Она влечет душу от рожденья к смерти и от смерти к новому рожденью. Тот побеждает все, кто самого себя сумеет победить. Знай это и никогда не отступай, отважный Санньясин, и говори:

«Аум тат сат, Аум»!

Говорят: «кто сеет — должен жать, и каждая причина принести следствие должна: хорошая — хорошее, дурная — злое. И никто не уклонится от закона, но тот, кто носит форму, какой бы ни была она, тот вынужден носить и цепи. Таков закон... Неизмеримо выше всех форм и всех имен Атман, свободный вечно. Знай, смелый Санньясин, — ты — Тот! и говори:

«Аум тат сат, Аум»!

Не знают истины все, кому грезятся бессмысленные сны, — отец, мать, дети, жена и верный друг... О, неимуций пола Суций! Чей Он Отец и чье дитя? Чей друг, чей враг Тот, кто был всегда Один и навсегда Один пребудет? Он — все во всем, и вне Его ничто не существует. И ты, отважный Санньясин, ты — Тот! И зная это, пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Есть лишь Один — Свободный, Всеведущий и Суций! Без имени, без формы и без цвета... В нем — Майя, которой снятся эти сны, а Он свидетель их, проявленный в виде природы и души. Ты — Тот! Знай это, смелый Санньясин, и пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Там, где ты думаешь найти свободу, ни этот мир, ни тот тебе ее не может дать. Бесплодны твои искания в святилищах и книгах. В твоей руке спасительная нить, влекущая тебя к познанию и свободе... Не жалуйся напрасно! Брось все, что тебя держит, отважный Санньясин! И пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Говори всему: «Мир вам! Я ничему живущему не угрожаю. Я все во всем, — как в том, что пребывает наверху, так и во всем, что ползает в низинах. Я отвергаю жизнь и здесь, и там, — все небеса и земли, и самый ад, все страхи и надежды...» Так рви же, рви свои оковы, отважный Санньясин! И пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Не обращай внимания на то, живет ли плоть твоя, или же умирает. Ее задача кончена, и Карма пусть ее уносит. Пускай один венцы на эту форму возлагает, другой ударами ее осыпает, но ты молчи и знай, что там не может быть ни похвалы, ни порица-

нья, где и хвалящий, и хвалимый, и порицаемый, и порицающий его — Одно... Итак, спокоен будь, отважный Санньясин! И пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Истина не приходит в ту обитель, где алчность, слава и сладострастие живут... Совершенным быть не может, кто смотрит на женщину, как на жену; ни тот, кто обладает хотя бы самым малым, ни тот, кто поддается гневу... Никто из них ворота Майи не пройдет. Брось это все, отважный Санньясин! Брось все и пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Тебе не нужен дом... Пусть ни одно жилище тебя не сможет удержать! Небесный свод — твоя незыблемая кровля, трава — постель; а пища та, что случай тебе даст. Хорошо ли она приготовлена, или же дурно, пусть это для тебя будет все равно! Нет такой пищи, ни питья, которые могли бы осквернить стремящееся к самопознанию твое «Я»... Уподобляйся вечно бегущему потоку... Уподобляйся, отважный Санньясин! И пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Немногим истина известна... Невежды будут ненавидеть и насмехаться над тобой, великий! Но не обращай внимания на них. Иди, свободный, с одного места на другое и помогай им выходить из мрака покрывала Майи, без трепета перед страданьем, без жажды мимолетных радостей земных. Будь выше их, отважный Санньясин! И пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Так непрестанно, изо дня в день, укрепляй душу, покамест силы Кармы истощатся... Нет более рождения, ни «я», ни «ты», ни смертного, ни Бога! Я стану всем; все станет «Я» и неомрачаемым блаженством! Знай, смелый Санньясин, — ты — Тот! И пой:

«Аум тат сат, Аум»!

Предисловие

Книга эта, как показывает ее оглавление, состоит из четырнадцати лекций, прочитанных Свами Вивеканандой в Лондоне в 1896 году¹. Первоначальной записью этих лекций читатели обязаны Х. Х. Годвину, умершему в июне 1898 года в Уткамонде, и г-же М. Е. Иолдо, из Бруклина, в Нью-Йорке. Двенадцать из них были напечатаны г-м Стерди месячными выпусками в 1897 году.

В настоящем виде все лекции были составлены при жизни Свами и им одобрены. Труд же нынешнего издателя состоял теперь только в исправлении опечаток и устранении немногих неточностей в выражениях, что, надеюсь, не сделало менее яркими «своеобразную особенность и энергию» речи Свами, как о ней удачно выразился г. Стерди.

Наиболее важным в своих Лондонских лекциях Свами Вивекананда считал изложение на новом языке идеи «Майи». В этом он, вероятно, встретил и наиболее затруднений.

Специальное обсуждение этой идеи начинается с лекции о «Действительном и кажущемся человеке» и продолжается в лекции об «Абсолюте и Проявлении». Но эта идея составляет, в сущности, главный предмет всей серии лекций; лекции же о «Реализации», «Свободе» и «Практической Веданте» почти настолько же посвящены ее обсуждению, как и те три (2-я, 5-я и 6-я), которые носят ее название.

Сарадананда
Богур Мот
Сентябрь, 1911.

¹ Издатель, Свами Сарадананда, не упомянул о трех лекциях, прочитанных в том же году в Нью-Йорке и также помещенных в этой книге.

Майя и иллюзия

Почти все вы слышали слово *Майя*. Обыкновенно его употребляют для обозначения обмана чувств, иллюзии, очарования. Я нахожу такое его употребление неправильным; а так как выражаемое им понятие составляет один из устоев, на которых покоится Веданта, то, чтобы при дальнейших моих лекциях не быть непонятым, я остановлюсь на нем несколько дольше и попрошу у вас немного терпения. В литературе Вед слово *майя* сначала встречается, действительно, в смысле очарования; мы находим там такую, например, фразу: «Индра через свою *майю* принимал различные формы». Здесь слово *майя* очевидно выражает нечто как бы магическое. Но в то время, когда это написано, теория *майи* еще не была разработана, а потом это слово в течение долгого времени и совсем не встречается, хотя идея им выражаемая продолжает развиваться. Позже встречаем вопрос: «Почему мы не можем знать тайн Вселенной?» — и ответ на него: «Потому что занимаемся пустыми разговорами и удовлетворяемся чувственными предметами, а также потому, что увлекаемся желаниями и закрываем действительность как бы туманом». Здесь слова *майя* нет, но проскальзывает идея о ней: причиной нашего незнания выставляется род тумана, заслоняющего от нас истину. Значительно позже, в одном из Упанишадов, слово *майя* опять появляется; но к этому времени значение его подверглось уже значительным изменениям. Предлагались и отвергались разные его толкования, пока, наконец, выражаемая этим словом идея не установилась окончательно. В Светасвара Упанишаде мы читаем: «Знай, что природа это *майя*, а разум, управляющий *майей* — Сам Господь».

До великого Шанкарачарья наши философы употребляли это слово в разных значениях. Теорией его за-

нимались отчасти и буддисты, и у них оно получило значение очень близкое к тому, что теперь называется идеализмом. Среди буддийских философских школ была одна, совершенно непризнававшая существования внешнего мира. Она считала его иллюзией и называла *майей*. Отсюда и получило начало употребление этого слова в смысле, указанном в первых строках настоящей главы. Но *майя* Веданты в последней форме ее развития — не идеализм и не реализм, и даже не теория. Она просто обозначение того, что представляем собой мы и нас окружающее. Как я уже говорил вам, умы, создавшие Веды, упорно стремились к открытию и исследованию принципов. Их задача состояла в том, чтобы проникнуть в самую сущность вещей, и у них не было времени заниматься подробностями, или ожидать, пока они будут выработаны; их как бы влекла какая-то высшая сила все вперед и вперед, и не давала им остановиться. Поэтому во всех Упанишадах мы на каждом шагу встречаем главные положения, вполне согласные с положениями, устанавливаемыми впоследствии, так называемой современной наукой, тогда как второстепенные подробности в них часто ошибочны. Там мы находим, например, идею об эфире, составляющую основание одной из позднейших научных теорий, и идея эта является в форме гораздо более развитой, чем какую она получила до сих пор у новейших ученых. Но это только пока дело ограничивается принципом; когда же авторы Упанишадов хотят показать применение этого принципа, они делают массу ошибок. Затем, в Ведах, именно в Браманасе, находим теорию всюду проникающего жизненного принципа, различные проявления которого составляет вся жизнь вселенной. В Самхитах есть длинный гимн *пране*, проявляющейся в форме жизни. Некоторым из вас, может быть, будет интересно узнать, что в философии Вед есть

также теории возникновения жизни на земле, очень похожие на предлагаемые некоторыми новейшими учеными. Так, вы, конечно, знаете, что существует теория, по которой жизнь на земле предполагается принесенной с других планет; в Ведах же некоторые философы говорят, что она принесена с Луны.

Эти ранние мыслители очень решительны в обращении с принципами и удивительно смелы в предложении широких обобщений. В разрешении вопросов о тайнах вселенной, которое они старались получить исследованием внешнего мира, они достигли всего, что только было возможно. Где их принципы оказываются недостаточными, там и специальные исследования новейшей науки не могли подвинуть вопрос ни на один шаг к разрешению. Если теория эфира не могла в древнее время разрешить вопроса о тайнах вселенной, то и разработка в подробностях этой теории не приблизила нас к истине; если теория всепроникающего жизненного принципа оказалась неудовлетворительной, как теория вселенной, то она не стала лучше и теперь, по разработке ее подробностей, так как подробности не могут изменить принципа. Этим я хочу сказать, что в исследовании принципов Индусские мыслители были также смелы, а в некоторых случаях и гораздо смелее, чем новейшие. Отыскивая принципы, они пришли к некоторым обобщениям, более широким, чем те, к каким приходили, как до них, так и после. Скажу больше — у них есть некоторые теории, к которым новейшая наука еще должна прийти и, может быть, даже, не как к строго обоснованным теориям, а только как к гипотезам. Например, они не только выработали в общих чертах теорию эфира, но пошли дальше и нашли, что ум не что иное как более тонкий эфир, а затем открыли эфир еще более тонкий. Все это, однако, не разрешало вопроса, что такое мы и что такое окружаю-

щий нас мир. На этот вопрос теперь обыкновенно отвечают: наше знакомство с миром и нами самими только что начинается; подождем несколько тысячелетий, и вопрос будет разрешен. — Нет, говорит Ведантист, никакое познание внешнего мира никогда не даст ответа на этот вопрос. Разум ограничен, а за его пределы перейти невозможно. Человеческий разум не может отрешиться от понятий времени, пространства и закона причинности. Как ни один человек не может выйти из своей кожи, так никто не может выйти за пределы, определенные для него и всех нас законами времени и пространства. Всякая попытка разрешить вопрос о причинности, времени и пространства бесполезна, потому что сам вопрос уже заключает в себе признание существования этих трех, а это совсем не доказано. Что же говорит о существовании мира Веданта? Она говорит, что этот мир не имеет существования безусловного, но существует относительно, существует по отношению к моему уму, вашему уму и умам всех остальных существ. Мы воспринимаем этот мир посредством наших пяти чувств, а если б у нас было еще шестое чувство, мир представлялся бы нам чем-то совсем другим; если бы было еще новое чувство, он казался бы нам опять другим и т.д. Поэтому мир не имеет существования, т.е. существования неизменного, вечного, независимого от способов его восприятия. Нельзя, однако, сказать, что он вовсе не существует, так как мы его видим, ощущаем, живем в нем и действуем на него и посредством его. Поэтому, вселенная, как мы ее воспринимаем, и существует и не существует. Явное противоречие.

Переходя от отвлеченных вопросов к обыкновенным повседневным мелочам нашей жизни, мы видим, что и вся наша жизнь сплошь состоит из противоречий, из смешения существований и несуществований. То же

противоречие и в нашем знании. Кажется, что человек может узнать все, если только как следует захочет. Но раньше, чем сделает несколько шагов, он встречается несокрушимую стену, через которую проникнуть не может, видит, что все его действия заключаются внутри круга, из которого выйти невозможно. Даже в вопросах наиболее близких и дорогих для него, которые день и ночь тревожат его и требуют разрешения, он оказывается бессильным, потому что не может подняться выше уровня своего разума; и, хотя желание достигнуть этого крепко заложено в нас, мы знаем, что лучшее, что мы можем сделать, — это сдерживать и останавливать себя в этом стремлении. Всякое побуждение нашего сердца постоянно влечет нас к эгоистичным поступкам, и в то же время какая-то высшая сила предупреждает нас, что хорошо только бескорыстие. Каждый ребенок рождается оптимистом. Ему снятся золотые сны. В юности его оптимизм еще усиливается. Молодой человек с трудом верит, что существуют такие вещи, как упадок сил, разрушение, смерть. Увы, приходит старость, и жизнь обращается в груды развалин. Грезы разлетаются, и старик становится пессимистом. Так переходим мы от одной крайности к другой, получая постоянно безжалостные толчки судьбы, не зная, куда она ведет нас и не замечая, что мы рабы ее. Это напоминает мне знаменитую песню в Лалита Вистара, биографии Будды. Будда родился, говорится в этой книге, чтобы спасти человечество, но среди роскоши дворца забыл о своем посланничестве. Чтобы пробудить в нем воспоминание, явились ангелы и спели ему песню, припев которой был: «Мы плывем по реке существования, которая есть постоянное изменение, не имеющее ни остановки, ни отдыха». Такова жизнь всех нас, идущих все вперед и вперед, не зная передышки. Что же нам делать? Человек, у которого вдоволь еды и питья — оп-

тимист. Он просит не говорить ему о нищете; она его пугает. Не говорите ему о горестях и страданиях мира. Идите к нему и скажите, что все прекрасно. «Да», — скажет он, — я обеспечен: посмотрите на меня — у меня хороший дом, я не думаю ни о холоде, ни о голоде. Не рисуйте же мне этих ужасных картин. Если есть другие, которые умирают от холода и голода, идите к ним и *проповедуйте* им, что это в порядке вещей». Но вот другой человек, ужасно страдавший в жизни. Он не хочет и слышать о чем-нибудь хорошем, о чем-нибудь прекрасном и радостном. «Пугайте всех», говорит он. «Почему другие будут смеяться, когда я плачу? Я должен заставить всех плакать вместе со мной, так как я несчастен, и единственно, что меня может утешить, это что и все другие тоже несчастны».

Так мы совершаем наш путь среди оптимизма и пессимизма. Затем есть еще ужасная вещь — смерть. Весь мир идет к смерти. Все умирает. Все наши успехи, все, чем мы гордимся, — наши реформы, наша роскошь, наше богатство, наши науки; — все имеет один конец — смерть. Что все кончается смертью, в этом никто не сомневается. Города возникают и исчезают, государства создаются, процветают и распадаются, планеты разрываются и рассыпаются в пыль, уносимую атмосферами других планет. Это продолжается с безначальных времен. А где же конец? — Конец всего — смерть. Смерть — конец жизни, красоты, богатства, могущества и добродетели. Умирают святые, умирают и грешники; умирают короли, умирают и нищие. Все идет к смерти, и все-таки продолжается эта ужасная привязанность к жизни; мы не можем отделаться от нее. Это **майя**.

Мать заботливо взращивает дитя. Вся ее душа, вся жизнь в этом ребенке. Ребенок растет и из него выходит грубое животное, которое каждый день бьет свою мать;

но ее привязанность к нему не ослабевает, а когда разум, наконец, пробуждается в ней, она подавляет его мыслью о любви. Мало она думает о том, что это совсем не любовь, а нечто другое, овладевшее ее нервами, какие-то путы, которые, как бы ни старалась, она не может стряхнуть с себя. — И это **майя**.

Все мы стараемся добыть золотое руно. Каждый думает, что именно он овладеет им; но как мало его в мире! Всякий разумный человек видит, что его шансы добыть это руно очень слабы, что вероятность не более одной двадцатимиллионной, и все-таки никто не может удержаться от борьбы за него, хотя большинство никогда ничего не достигает, это тоже **майя**.

Смерть день и ночь ходит крадучись по земле, а мы думаем, что будем жить вечно. Однажды спросили царя Юдистхира, какая самая удивительная вещь в мире? И царь отвечал: «Всякий день вокруг нас умирают люди, а каждый думает, что он никогда не умрет». Опять **майя**, — страшное противоречие в нашем уме, нашем знании, нашей жизни и во всем нас окружающем. — Везде это ужасное противоречие; удовольствие, следующее за страданием, и страдание — за удовольствием.

Появляется реформатор и хочет устранить существующее зло. Но прежде чем он устранил небольшую его часть в одном месте, в двадцать тысяч раз больше зла окажется в другом. Старый дом разваливается; поправляйте одну его стену, разрушение распространится на другую. Наши проповедники в Индии восстают против бедствий, приносимых индусским женщинам обязательным вдовством, а на Западе величайшим несчастьем для женщины считается невыход замуж. Помогайте вдовам в одной стране, потому что они несчастны; помогайте не вышедшим замуж в другой, — они тоже несчастны. Это похоже на застарелый ревматизм: если вы прогони-

те его из головы, он перейдет в спину, выгоните из спины — бросится в ноги. Одни люди становятся богаче других, и положение в обществе, образованность и культура делаются их достоянием. Знание, также обширное и великое, культура, такая прекрасная, переходят в руки немногих избранных. Страшно подумать! Являются реформаторы и делят все поровну. Если на время массы и станут от этого несколько счастливее в смысле физического благосостояния, то с дальнейшим ростом культуры это физическое счастье опять исчезнет. Малейшая частица счастья, которым мы наслаждаемся, причиняет где-нибудь в другом месте равное количество несчастья. Молодой человек может не замечать этого, но для того, кто пожил довольно долго и достаточно упорно боролся, это ясно. Таково действительное положение вещей. И это **майя**.

Такое положение оказывается постоянно везде и во всем, и найти разрешение вопроса, «зачем это так?» — невозможно. На этот вопрос нельзя ответить, потому что невозможно его логически формулировать. В нем нет ни **как**, ни **почему**. Мы не можем остановиться на нем достаточно долго, чтобы ответить на него; не можем ни на один момент удержать его, он ежеминутно ускользает от нас. Мы похожи на слепую машину. Что же нам делать? Можно стараться воздержаться от бескорыстия, от стремления приносить добро ближним; но даже и в этом мы делаем только то, что вынуждены; не можем поступать по произволу. В настоящую минуту я должен стоять перед вами и читать вам лекцию, а вы принуждены сидеть и слушать; не делать этого мы не можем. Затем вы пойдете домой; одни с мыслью, что чему-то научились, другие — что слушали человека болтавшего вздор; я тоже уйду, думая, что учил вас. И это — **майя**.

Итак, Майя — это утверждение существующих фактов этой вселенной и ее деятельности, и их страшного,

неразрешимого противоречия. Люди обыкновенно пугаются, когда им говорят это о них, но мы должны быть смелее; скрывать факты не значит найти лекарство. Заяц, преследуемый собаками, прячет голову в землю и считает себя в безопасности, и мы, думая найти убежище в оптимизме или пессимизме, похожи на этого зайца. Но это не лекарство.

Против теории *майи* существуют возражения, исходящие, как вы увидите, от тех, кто пользуется от жизни большей частью благ. Здесь, в Англии, трудно быть пессимистом, и все говорят, что мир удивительно совершенствуется. Но для каждого из нас мир таков, каковы мы сами. Говорят, что Христианство самая лучшая религия и в доказательство указывают на удивительное богатство христианских наций. Но это плохое доказательство. Ведь, богатство этих наций основано на несчастьи других народов, на ограблении их; и, если бы оно зависело от религии, то допустив, что весь мир стал христианским, эти нации должны были бы обеднеть, так как не осталось бы никого, кого они могли бы грабить. Очевидно, такое доказательство само себя разбивает. Животные живут за счет растений, люди за счет животных, или, что еще хуже, за счет друг друга, сильный за счет слабого. Это везде и всегда вокруг нас; и это **майя**.

Нам каждый день говорят, что зато со временем все будет хорошо. Хотя это более чем сомнительно, но, допустив даже, что это так, почему же это будущее достигается таким дьявольским способом? Почему добро получается таким скверным путем, а не путем добра? Почему в моих настоящих страданиях меня должно утешать то, что мои потомки в каком-то будущем веке будут счастливы? Это — тоже **майя**, и объяснения ей нет.

Мы часто слышим, что одним из отличительных признаков эволюции служит уменьшение зла, и что, вслед-

ствие этого в будущем останется в мире только добро. Это очень приятно слышать; оно удовлетворит наше тщеславие, или, по крайней мере, тщеславие тех, кто получил от мира достаточно благ, кто не раздавлен колесами этой, так называемой эволюции. Для них и им подобных это действительно хорошо и удобно, а что стадо обыкновенных людей страдает, — стоит ли об этом заботиться; пусть себе другие умирают, о них незачем думать. Прекрасно! Но беда в том, что это рассуждение от начала до конца ложно. Оно, во-первых, считает доказанным, что сумма проявляющегося в этом мире добра и зла величина постоянная. Во-вторых, делает еще более сомнительное допущение, именно, что вследствие так называемой эволюции, количество добра увеличивается, а зла — уменьшается, и, значит, настанет время, когда все зло исчезнет и останется только добро. Это легко говорить, но можно ли доказать, что количество зла уменьшается? Не с таким ли основанием, можно сказать, что оно все время возрастает? Возьмите дикаря, живущего в лесу, ничего не знающего о развитии ума, не умеющего читать и никогда не слышавшего о такой вещи, как письмо. Проткните его тело штыком, и он выздоровеет, тогда как гораздо более культурный человек, получивши на улице царапину, умирает. Машины делают все дешево, создают прогресс и эволюцию; но они же давят миллионы, чтобы сделать одного богаче остальных, а всю массу человеческих существ обратить в рабов. Это существующий порядок вещей. Наслаждение человека-животного только физическое; его страдания и удовольствия зависят от органов чувств. Если у него нет достаточно еды, или что-нибудь случится с его телом, он тотчас становится несчастным. Счастье и несчастье для него начинаются и кончаются в его чувствах. Но как только человек начинает развиваться, как только его го-

ризонт расширяется, горизонт его несчастья также попутно увеличивается. Дикарь в лесу не знает, что такое ревность, не знает, что значит быть привлеченным к суду, не знает регулярной уплаты податей, не знает похвал и порицаний общества, не знает постоянной в течение дня и ночи тирании человеческого дьяволизма, забирающегося в тайники каждого сердца. Он не знает, что человек со всем его бесполезным учением, со всей его гордостью, может стать в тысячу раз больше зверем, чем всякое другое животное. Таким образом, когда мы освобождаемся от исключительного господства чувств, мы развиваем высшие способности наслаждения, но в то же время и высшие способности страдания, так как наши нервы становятся тоньше и более способны чувствовать. Мы видим, что во всяком обществе человек неразвитый очень мало значения придает оскорблениям, а если чувствует, то разве палочные удары, тогда как джентльмен не может снести грубого слова, до того он стал нервен. Его способность страдать увеличилась вместе с чувствительностью к удовольствию. Когда мы увеличиваем нашу способность быть счастливым, мы увеличиваем нашу способность страдать, и, по моему скромному мнению, если мы делаем успехи в способности к счастью в арифметической прогрессии, то наша способность к несчастью увеличивается в геометрической. Те, кто родился в лесу, мало зависят от общества, тогда как мы, ушедшие далеко вперед, знаем, что чем больше мы развиваемся, тем больше чувствуем на себе его гнет, и, трудно сказать, не оттого ли получается три четверти наших сумасшедших. — Это **майя**.

Мы видим, таким образом, что слово *майя* не предлагается как теория для объяснения мира. Оно только утверждение факта, что в самом основании нашего существования есть противоречие; что куда бы мы ни пошли,

мы должны пройти через это ужасное противоречие, что, где есть добро, там должно быть и зло, и где зло, там должно быть и добро; что за жизнью всегда, как тень, следует смерть, что все, кто смеется сегодня, будет завтра плакать, а кто теперь плачет, будет после улыбаться. И это положение вещей не может быть исправлено. Конечно, мы можем вообразить в будущем место, где будет только добро и не будет вовсе зла, где мы будем только радоваться и никогда не будем плакать, но греза эта невозможна по самой природе вещей, так как условия везде и всегда останутся те же. Где есть сила, заставляющая нас улыбаться, там сторожит нас также сила, приносящая слезы. Где есть сила, дающая нам счастье, там подле нас прячется сила, делающая нас несчастными.

Таким образом, философия Веданта не оптимизм и не пессимизм. Она берет вещи как они есть, признавая факт, что этот мир есть смешение добра и зла, счастья и несчастья. Увеличьте одно, и вместе с этим увеличится другое. Мир никогда не будет хорошим, потому что уже в выражениях этой идеи заключается противоречие. Но он также не может быть и дурным. Веданта путем анализа открывает великую тайну, что добро и зло вовсе не существуют как отдельные самостоятельные вещи. Нет вещи в нашем мире, которую вы можете назвать безусловно хорошей, и нет вещи, которая только дурна. То же явление, которое сегодня кажется хорошим, завтра может оказаться дурным. Та вещь, которая причиняет горе одному, может быть причиной радости другого; огонь обжигающий ребенка, может сварить пищу голодному; нервы, приносящие ощущение боли, приносят и чувство удовольствия. Остановить зло, поэтому, можно только одним способом, — останавливая также добро. Другого способа нет. Чтобы остановить смерть, мы должны остановить жизнь. Жизнь без смерти и счастье без несчастья

заклучают в самых своих определениях противоречие и не могут быть осуществимы, так как в каждом случае оба они проявления одной и той же вещи. То, что я считал хорошим вчера, я не считаю таким сегодня. Когда я оглянусь назад, на всю мою жизнь, и вспомню идеалы, которые у меня были в разное время, я нахожу то же самое. Одно время моим идеалом была езда на паре быстрых лошадей; теперь мне не надо этого. В другое время, когда я был ребенком, я думал, что буду совершенно счастлив, если выучусь готовить известное лакомство. Затем я думал, что было бы счастьем иметь жену и детей, и много денег. Над всем этим ребяческим вздором я теперь смеюсь. Веданта говорит, что настанет такое время, когда, оглянувшись назад, мы будем смеяться над нашими идеалами, заставляющими нас бояться потерять свою индивидуальность. Каждый хочет сохранить возможно дольше свое тело. Существует взгляд, что мы были бы очень счастливы, если бы могли сохранить его на бесконечное время; но наступит день, когда мы и над этим будем смеяться. Если таков порядок вещей, то мы попадаем в безнадежное противоречие, что нет ни существования, ни несуществования, но смешение обоих, ни счастья, ни несчастья, но то и другое вместе. Тогда, какая же польза от Веданты и всех прочих наших религий и философий? А прежде всего, какая польза делать добро? Этот вопрос неизбежно приходит на ум, и люди постоянно спрашивают: «Если таково положение вещей, что, как бы вы ни старались делать добро, зла остается столько же и, сколько бы вы ни старались распространять счастье, остаются те же громадные горы страдания, то какая польза делать что бы то ни было?» — Ответ на это, во-первых, тот, что раз единственный способ *чувствовать* себя счастливым заключается в труде для уменьшения страдания других, то вам и не остается ни-

чего другого. К этому выводу раньше или позже приходит каждый. Образованный человек открывает это раньше, невежественный позже; глупому открытие это обходится дороже, умный заплатит за него меньше. Во-вторых, хотя мы знаем, что никогда не наступит время, когда вселенная будет полна счастья и в ней совсем не будет несчастья, тем не менее надо стараться содействовать этому. И хотя бы при этом несчастье и увеличилось, мы должны делать свое дело. Обе эти силы, счастье и несчастье, будут содействовать жизни вселенной, пока не наступит время, когда мы пробудимся от нашего сна и перестанем строить замки из песка, что мы теперь только и делаем. Это мы должны усвоить, и для этого нам потребуется много, много времени.

Веданта говорит, что Бесконечное видимо как конечное. В Германии на этом основании пытались построить философскую систему, и такие же попытки делаются даже теперь в Англии.

Основное положение всех этих философий, если их проанализировать, в том, что Бесконечное старается выразить себя в этой вселенной, и должно наступить время, когда оно, наконец, достигнет своей цели, т.е., все без остатка перейдет в проявленное, или другими словами, Бесконечное истощится, перейдя в конечное. Здесь, прекрасно использованы слова: *бесконечное, проявленное, выражение*; но человек, привыкший мыслить логически, может спросить, на каком же основании можно утверждать, что конечное может быть Бесконечным, например, единица двадцатью миллионами таких же единиц. Абсолютное и Бесконечное, став вселенной, должно быть ограничено, потому что все постижимое чувствами, умом или рассудком должно по необходимости быть ограниченным. И выходит, что ограниченное равно неограниченному. Это явная бессмыслица, и поэтому невозможно.

Веданта же говорит: верно, что Абсолют или Бесконечное стремится выразить себя в конечном; но придет время, когда Он увидит, что это невозможно и пробьет отбой. Этот отбой и будет действительным началом религии. Отречение — порог религии. Для новейших людей трудно подумать об отречении. По словам американцев, я, говоря об отречении, похож на человека из мира, который в течение последних пяти тысяч лет был мертв и похоронен. То же, быть может, скажут и английские философы. И тем не менее в жизни верен только один призыв: — Отрекись! Откажись! Напрягайте, как хотите, ваш ум, делайте все возможное, чтобы найти другой способ разрешения этих противоречий, и все-таки вы их не разрешите, пока ваш ум не проснется от долгого и ужасного сна. Время это, наконец, наступит, ребенок бросит свои игрушки и начнет плакать, чтобы мать взяла его. Он найдет, что «желание не удовлетворяется исполнением его, но еще больше усиливается пламя, когда в него льют масло». Таковы все удовлетворения чувств и ума, все наслаждения, на которые способна человеческая душа. Все они ничего не стоят; они в **майе**, в тенетах, которые мы не в состоянии разорвать. Мы можем без конца бегать взад и вперед внутри их, не находя выхода и, борясь за крупицу наслаждения, будем всегда встречать массу подавляющего нас несчастья. Как ужасно такое положение вещей! Представляя его себе, я не могу не прийти к заключению, что теория *майи*, — положение, что все в этом мире **майя** — дает лучшее и единственное объяснение жизни. Какая в ней масса бедствий! Разные нации и расы пытались устранить их разными средствами, но все встречали одни и те же затруднения, и ни одной не удалось достигнуть успеха. Если в одном месте зло доходило до минимума, в другом месте нагромождались еще большие его массы. Так продолжается и те-

перь. Индусы, чтобы хотя немного сократить разврат, ослабили своих детей слишком ранними браками, которые, практикуясь долгое время, привели расу к вырождению, хотя никто не станет отрицать, что браки в детском возрасте уменьшают в народе безнравственность. Итак, заботясь о нравственности нации, мы были вынуждены ослаблять силы населения этими ужасными детскими браками. Но разве европейцы застрахованы от этого? Нисколько. Чистота — это жизнь нации. *Разве вы не видите из истории, что первый признак смерти народа — всегда безнравственность? Когда она появляется, конец нации близок.* В чем же, наконец, разрешение вопроса? Если родители выбирают для своих детей мужа и жену, зло так называемой свободной любви сокращается, но в жизни молодых людей остается слишком мало поэзии. Дочери Индии, например, гораздо более практичны, чем сентиментальны. Но и выбор себе супруга самими юношами и девушками тоже не много приносит счастья обоим. В общем, индусские женщины, впрочем, очень счастливы; едва ли кто в Индии слышал о ссоре мужа с женой, тогда как в Соединенных Штатах, где свобода в этом отношении наибольшая, едва ли найдется одна счастливая семья. По крайней мере, число несчастных браков там так велико, что превосходит всякое описание. Да не меньше их и в Европе. Что же из этого следует? — Прежде всего то, что идеалы индивидуализма не приносят счастья. Все мы добиваемся его, но прежде, чем достигаем сколько-нибудь в одном отношении, нас постигают несчастья в другом. Стоит ли тогда делать добро? — О, да! И с большим усердием, чем когда этого не знали. Это знание уничтожит наш фанатизм. Англичанин не станет больше осыпать бранью индуса, говоря: «О, этот проклятый индус, как он обращается со своими женщинами»... Он научится уважать разные обы-

чаи чужих наций. Будет меньше фанатизма и больше духа. *Фанатики не могут трудиться. Они утрачивают три четверти энергии. Работает тот, кого зовут уравновешенным, спокойным, практичным.* Исступленные фанатики не много сделают. Способность работать увеличится вследствие понимания действительного положения вещей, так как при этом будет больше терпения. Вид несчастий и зла не выведет нас из равновесия и не заставит гоняться за призраками. Когда мы будем знать, что мир может идти вперед только таким путем, у нас явится терпение. Ведь допустим, например, что все люди стали добрыми, останутся еще животные, которые должны стать людьми и пройти через те же испытания, а за ними и растения. Мы знаем наверно, что мощная река течет к океану, и что плывущие в ней куски соломы и обломки разбитых судов, как бы ни стремились идти назад, в конце концов, — хотят они или нет, — все будут принесены в этот бесконечный океан. Также и в жизни, со всеми ее радостями и горестями, улыбками и слезами, верно одно, что она течет к океану бесконечности и вопрос только во времени, когда вы и я, растения и животные, и каждая частица где бы то ни было существующей жизни — будем принесены в бесконечный океан Жизни, Свободы и Бога.

Позвольте мне еще раз сказать, — так как эта ошибка часто повторяется, — что положение Веданты не заключает в себе ни оптимизма, ни пессимизма. Она не говорит, что весь этот мир — зло, но не говорит также что он весь — добро. Она утверждает, напротив, что наше зло не более важно, чем наше добро, и наше добро имеет не больше ценности, чем наше зло. Оба они части одного целого. Таков мир, и, зная его природу, мы должны терпеливо трудиться. Но вы спросите: зачем, для чего трудиться? Если таково действительное положение вещей,

то что же мы можем сделать? Почему не сделаться агностиками? Новейший агностик ведь также находит, что разрешения вопроса нет, или, как мы говорим в Индии, нет выхода из-под этого покрывала Майи. Поэтому удовлетворимся тем, что есть, и будем наслаждаться жизнью. — Опять заблуждение, страшное и в высшей степени не логичное. Заблуждение в том, что ставящий так вопрос под окружающей нас жизнью, очевидно, понимает только чувственную жизнь. В этом даже лучшие из нас тогда мало чем отличаются от животных. Но я уверен, что между нами нет ни одного, чья жизнь только чувственная; для нас (присутствующих на лекции и читателей) она нечто значительно большее. Наши чувства и мысли — также части нашей жизни, и разве стремление к идеалу, к совершенствованию не наиболее важная составная часть целого? По мнению агностика, мы должны брать жизнь как она есть. Но она включает также наши личные радости и горести, наши идеалы и чувства, и прежде всего, неустанное искание идеала, стремление к совершенству, составляющее основу жизни. Агностик принимает за жизнь все существующее, минус этот последний элемент, и так как он пришел к заключению, что способ ее улучшения не может быть найден, то и отбросил все его поиски. Но мы должны быть свободны в этом отношении, и потому не можем быть агностиками и смотреть на мир их глазами.

Итак, *майя* Ведантиста это природа, вселенная. Все религии, от самой грубой до наиболее возвышенной, представляют собой попытки выйти из этой майи. Выражаются ли они в мифологии и символах, в историях богов и ангелов, демонов и домовых, святых и ясновидцев, великих людей или пророков, или в отвлеченностях философии, все они имеют одну цель, — стремление вывести нас за пределы *майи*, открыть нам нечто, что вы-

ше нее. Одним словом, все они стремятся к свободе. Сознательно или бессознательно, человек чувствует себя связанным, что он — не то, чем хотел бы быть. Это приходит ему на ум, как только он начинает смотреть вокруг себя. Он сразу видит, что он в рабстве, что внутри его есть что-то, что хочет улететь туда, куда тело не может следовать за ним, но что приковано книзу окружающими его путами. Даже в самых низших религиозных системах, в которых умершие предки и другие духи, — большей частью свирепые и жестокие, — стерегут дома своих друзей и очень любят кровопролития и крепкие напитки, — даже там мы находим это одно общее побуждение — свободу. Человек, поклоняющийся богам, видит в них прежде всего бóльшую свободу, чем в себе самом: если дверь заперта, это для богов ничего не значит; они проходят сквозь стены, физические преграды не представляют для них никаких препятствий. Эта идея свободы растет, пока не придет к понятию об Одном Личном Боге, неподчиненном ограничениям майи.

Теперь я как бы слышу голос, более значительный, чем мой, и чувствую, как будто мы слушаем обсуждение этого вопроса древними индусскими мудрецами в их лесных убежищах. При одном из таких обсуждений, когда даже самый старейший и святой не пришел к решению вопроса, вдруг встал юноша и заявил: — «Слушайте дети бессмертия! Вы, живущие в высших сферах! Я нашел путь! Есть путь из этого мрака, и этот путь — достижение Того, Кто выше всякой темноты». В том же Упанишаде говорится, что мы окружены *майей* и что это ужасно, так как пробиться через нее невозможно. Если человек скажет: «Позвольте мне сесть на берегу этой реки и перейти ее в брод, когда вся вода выльется в океан», то он будет так же умен, как тот, кто говорит, что будет трудиться, пока мир станет хорошим, и тогда будет наслаждаться

результатом своего труда. Ни то, ни другое не случится. Наш верный путь не с **майей**, но **против майи**. Это второе, что надо усвоить. Мы рождены не помощниками природе, но противниками ее. Мы хозяева цепей, а стараемся приковать ими себя. Природа говорит: Зачем этот дом? Я не дала тебе его; ступай, живи в лесу. А человек на это: нет, я построю дом и буду бороться с тобой, — и строит дом. Вся история человечества — история постоянной борьбы с так называемыми законами природы, и в конце концов побеждает человек. Обращаясь к внутреннему миру, мы видим, что и там происходит та же борьба. Между человеком-животным и духовным человеком, между светом и тьмой. И здесь человек выходит победителем. Он как бы пробивает себе дорогу из Природы к идее о Свободе.

Итак, мы понимаем теперь, что такое **майя**, и знаем, что философы Веданты нашли, что выше **майи** есть нечто несвязанное ей и что, если мы поднимемся туда, где находится это нечто, то и сами будем выше **майи**. Эта идея, общая всем религиям, и есть то, что называется Теизмом. Но в Веданте она представляет только начало религии, а не конец. Идея о личном Боге, Творце и Вседержителе вселенной, Правителе майи или природы, согласно идеям Вед, не конец, а только начало. Эта идея потом растет, пока Ведантист не находит, что Тот, кто стоял вне человека, был на самом деле Тот, что был в нем самом. Это Тот, Кто был свободен, но думал, что связан.

Человек действительный и кажущийся

Велико доверие человека к своим чувственным впечатлениям, и Тем не менее, в жизни как отдельных людей, так и целых рас, наступает время, когда, — каким

бы действительно они ни считали тот мир, в котором живут, — у них невольно является вопрос: «Действительно ли все это существует? Даже к человеку, который не находит времени задавать себе подобные вопросы, каждая минута которого занята какими-либо удовольствиями, — даже к нему, — рано или поздно, приходит смерть, и он принужден бывает спросить: «Действительно ли все это было?» Религия начинается и кончается этим вопросом. Уже в отдаленной древности, у которой нет писаной истории, в таинственные сумерки мифологии, когда занималась тусклая заря цивилизации, мы находим тот же вопрос: «Что станет со всем этим? Что из него реально?»

Один из наиболее поэтических Упанишадов, Катха Упанишад, начинается вопросом. «У нас спорят о том, что будет с человеком, когда он умирает. Одни утверждают, что он уничтожается навсегда, другие настаивают, что он продолжает жить. Кто из них прав?» Ответы давались разные. Вся область метафизики, философии и религии полна ответами на этот вопрос. Но были стремления и затушить его, подавить пытливость ума, спрашивающего: «Что же дальше? что реально?» Пока, однако, существует смерть, все эти попытки будут одинаково безуспешны. Мы можем толковать сколько угодно, что не находим дальше ничего, и утверждать, что все наши надежды и желания ограничиваются настоящим, можем усиленно стараться заключить себя в тесные рамки наших чувств, но хотя бы все извне помогало в этом и весь мир соединился, чтобы помешать нам перейти за пределы настоящего, вопрос — «Действительно ли смерть конец всего, за что мы держимся, как за самое реальное из всех реальностей, как за самое существенное из всех сущностей?» — будет возбуждаться вновь и вновь. В момент смерти мир уходит от нас и исчезает; и,

подойдя к краю этой пропасти, за которой расстилается бесконечная зияющая бездна, каждый ум, как бы он ни был тверд, отшатнется и спросит: «Да действительно ли это так? Действительно ли надежды всей жизни, созданные мало-помалу энергией великих умов, исчезают в одну секунду? Неужели они не имели никакого основания?» На этот вопрос необходимо ответить. Время не ослабляет его значения, но скорее усиливает. Затем у всех нас существует стремление к счастью. Мы гонимся за всем, что может сделать нас счастливыми, и следуем за чувствами, безумно приводящими нас к внешнему миру. Молодой человек, пользующийся в жизни успехами, если вы спросите его, реален ли мир, ответит утвердительно, — он считает его вполне реальным; но он же через несколько лет, испытав, как счастье постоянно ускользало от него, скажет, что жизнь иллюзия. Он видел, что его желания неисполнимы, что куда бы он ни шел, везде наталкивается на несокрушимую стену, через которую не может перейти, что результатом каждой деятельности чувств является реакция. Все преходяще: наслаждение и страдание, роскошь и богатство, сила и слабость, даже сама жизнь, все одинаково мимолетно.

Человеку остается два положения. Одно — заявить вместе с нигилистами, что все — ничто, что мы ничего не знаем и ничего не можем знать ни о прошедшем, ни о будущем, ни даже о настоящем. Следует помнить, что тот, кто отрицает прошедшее и будущее и признает только настоящее, просто сумасшедший, так как одинаково логично отрицать существование отца и матери и признавать существование только ребенка. Отрицая прошедшее и будущее, необходимо отрицать и настоящее. — Это будет чистый нигилизм, но я никогда не видел человека, который хотя бы в течение одной минуты был последовательным нигилистом, болтать же можно

все, что угодно. Другое положение состоит в поиске объяснения, в стремлении найти среди этого вечно меняющегося и исчезающего мира что-нибудь реальное, постоянное, неизменное. Есть ли что-нибудь подобное в нашем теле, этой совокупности материальных частиц? Это был вопрос, разрешение которого искали на протяжении всей истории человеческого ума. В истории древних времен мы находим проблески света, которые схватывали человеческие умы. Там мы видим людей, которые даже в то время выходили на шаг за пределы своего тела и нашли нечто, хотя и очень похожее на тело, но отличное от него, гораздо более цельное, более совершенное и остающееся даже тогда, когда тело разрушалось. В гимне Риг-Веда, обращенном к богу Огня при сжигании мертвых, мы читаем следующие слова: «О, Огонь, возьми его нежно в свои объятия; дай ему совершенное светлое тело и отнеси его туда, где обитают отцы, где нет больше горестей, где нет больше смерти». Эту самую идею вы встретите в каждой религии и с ней другую, в высшей степени замечательную. Во всех без исключения религиях, облечены ли их идеи в мифологию, или выражены ясным языком философии, или прекрасными образами поэзии, везде принимается, что человек в его настоящем состоянии представляет собой вырождение того, чем он был. Что человек теперь — вырождение прежде бывшего человека, это единственное ясное положение, вытекающее из всех Писаний и Мифологий. Оно составляет основную мысль истории грехопадения Адама в Еврейском Писании, и постоянно повторяется в священных книгах Индусов, в грезах о периоде, который они называют веком истины, когда ни один человек не умирал, если сам не хотел умереть, когда он сохранял свое тело столько, сколько хотел, и его ум всегда был тверд и ясен. В этом веке не было ни смерти, ни зла, ни бедности; настоящее же состояние —

извращение того совершенного. Рядом с этим мы везде находим историю о потопе. Эта история уже одна указывает, что настоящие века считаются испорченными прежними. Мир все больше и больше развращался, пока потоп не смыл большую часть человечества, после чего опять началось его улучшение. Теперь мы медленно карабкаемся вверх, чтобы опять достигнуть прежнего состояния чистоты. Все вы знаете историю потопы, как он описан в Ветхом Завете. Та же история распространена у древних Вавилонян, Египтян, Китайцев и Индусов. Рассказывают, что древний мудрец Ману молился на берегу Ганга, когда к нему подплыл маленький пескарь, прося защиты. Ману посадил его в стоящий пред ним горшок с водой и спросил: «Чего ты хочешь?» Пескарь сказал, что он ищет убежища, так как его преследует большая рыба. Ману отнес его домой, но к следующему утру тот стал таким большим, что занял весь сосуд, и сказал Ману: «Я не могу больше жить в этом горшке». Хозяин поместил его в чан, но на следующий день и чан уже не вмещал его, и он объявил, что не может дольше оставаться в чане. Ману пустил его в реку; но к следующему утру рыба заполнила всю реку, и Ману пустил ее в океан. Тогда рыба заявила своему спасителю: «Ману, Я Создатель Мира и принял этот вид, чтобы прийти к тебе и предупредить, что намерен потопить мир. Ты должен построить ковчег и поместить в него свое семейство и по паре всякого рода животных. Из воды поднимется утес. Привяжи к нему ковчег и, когда вода спадет, спустись на землю и насели ее». Земля была опустошена потопом, но Ману спас свое семейство, по паре всякого рода животных и семена всяких растений, а когда наводнение прекратилось, сошел и населил землю, и мы все называемся «ман», потому что произошли от Ману¹. Человеческий язык пред-

¹ «Ман», санскритский корень — думать.

ставляет собой стремление выразить во внешних символах находящуюся внутри нас истину. Ребенок, речь которого состоит из неопределенных и непонятных звуков, делает попытку, я в этом вполне уверен, — выразить в них самую высокую философию; только у ребенка нет ни органов, ни средств для выражения. Язык самого глубокого философа и выражения ребенка различаются только в степени, а не в роде. То, что мы теперь смотрим, как на выражения в высшей степени логичные и математически правильные, отличается от мистического языка мифологии древних только в степени. Все одинаково заключают в себе великую идею, которая, так сказать, силится найти для себя выражение. В древней мифологии часто встречается настоящая суть истины, а за новейшими изящными и отделанными фразами, — приходится с грустью сказать, — часто нет ничего, кроме отъявленной бессмыслицы. Поэтому, мы не должны отбрасывать что бы то ни было только потому, что оно облечено в форму мифологии, и не сходится с понятиями какого-нибудь ученого новейшего времени.

Если мы смеемся над религиями, потому что большинство из них требуют верить известным вещам на том основании, что это сказал такой-то пророк, то должны еще больше смеяться над новыми, так называемыми образованными людьми. В девятнадцатом веке, если человек цитирует Моисея, Будду или Христа, над ним смеются; но назовите тем же людям имя Гексли, Тиндаля или Дарвина, и все, что сказали последние, они проглотят «без соли». «Это сказал Гексли» — и для многих этого совершенно достаточно. Вот так свобода мысли! Древняя вера была религиозным суеверием, а новая — научное суеверие; но в первом и через первое мир получал великие духовные истины, а во втором и через второе — только разврат и алчность. В этом только между ними и разница.

Вернемся, однако ж, к мифологии. Во всех ее историях мы находим одну главную идею, что человек представляет собой вырождение того, чем он был. Новейшие исследования, повидимому, решительно отвергают это. По мнению эволюционистов, человек развился из моллюска, и потому то, что говорит о нем мифология, не может быть верно. Но в Индии существует идея, могущая примирить эти мнения. Индийская мифология содержит в себе так называемую циклическую теорию, принимающую, что всякое совершенствование происходит в форме волны, что подъем и падения в нем чередуются: то, что было гребнем, в следующий момент становится впадиной и наоборот. Такое движение совершается в течение циклов. Даже исходя из посылок новейшего исследования, становится очевидным, что человек не может представлять собой только совершенствование. Всякая эволюция предполагает инволюцию. Всякий новейший ученый скажет нам, что из машины вы можете получить только такое количество энергии, какое раньше зложили в нее, что ничто не может быть произведено из ничего. Следовательно, если человек, — совершенный человек, человек-Будда, человек-Христос, — только эволюция моллюска, то моллюск — инволюция Будды. Если это не так, то откуда же произошли эти великие личности? Что-нибудь не может произойти из ничего. Таким образом, мы примиряем писания с новой наукой. Та энергия, которая медленно проявляется, проходя через фазы развития, пока не станет совершенным человеком, не может произойти из ничего. Она должна существовать где-то раньше, и, если моллюск, или протоплазма, есть самый отправной пункт, до которого вы можете проследить эту энергию, тогда эта протоплазма, так или иначе, должна заключать в себе все дальнейшие возможности. В настоящее время много спорят, составляет ли совокуп-

ность материальных частиц, которую мы называем телом, причину появления силы, называемой душой или мыслью, или тело — проявление последних. Все религии мира учат, что тело — проявление силы мысли, а не наоборот. Но новые школы считают, что то, что мы называем мыслью, просто результат действия частей машины, называемой телом. Принимая на время положение, что душа или мысль, или как бы вы ее ни называли, — произведение машины, результат физических и химических соединений материи, составляющей тело, у нас все еще останется вопрос, на который надо ответить: Что же тогда производит тело? Какая сила соединяет все его частицы в данной форме? Что это за сила, могущая брать материю из всей массы ее и придавать ей одну форму для моего тела, другую для другого тела и т.д.? Что производит все это бесконечное разнообразие? Сказать, что сила, называемая душой — только результат особого соединения частиц материи, называемого телом, значит ничего не сказать. Как это соединение произошло? Где была сила, которая его произвела? Если вы предположите существование еще какой-нибудь другой силы, как причины этих соединений, и скажете, что душа, которая проявляется только в соединении с известной массой материи, сама результат соединения, — это не ответ. *Принимать теорию следует только ту, которая объясняет, если не все, то большую часть фактов и не противоречит другим известным фактам.* Более логично принять, что сила, которая берет материю и образует из нее тело, та самая, которая проявляется через это тело. Говорить, что мысли, проявляющиеся через тело, результат расположения его молекул и вовсе не имеют независимого существования — бессмыслица. Никакая сила, развиваемая материей, не может быть силой мысли. Скорее можно доказать, что не существует

то, что мы называем материей, так как оно — только некоторое состояние силы. Можно сказать, что твердость, плотность и другие его свойства суть результаты движения. Масса воздуха, движущаяся с достаточно большой скоростью, оказывается более плотной, чем стол. Неосязаемая атмосфера, движимая со скоростью урагана, скручивает и ломает стальной прут; такую видимую твердость дает ей простое движение. Таким образом, понятно, что неприметный и нематериальный эфир, получивший вихревое движение, может принять полное сходство с самой материей. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, легко доказать, что то, что мы называем материей, в действительности не существует; противоположное же не может быть доказано. Но что же тогда эта сила, которая проявляется в теле? — Всем нам ясно, что, чем бы она ни была, она берет частицы материи и образует из них такие формы, как человеческое тело. Никто другой не является здесь, чтобы создавать тела для вас или для меня. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь за меня ел. Я должен сам принимать и усваивать пищу и вырабатывать из нее тело, кровь, кости. Что же это за таинственная сила, действующая в нас? Идеи о прошлом и будущем, повидимому, пугают человека. Многим они кажутся пустыми теоретическими рассуждениями. Возьмем поэтому настоящее. Что такое та сила, которая действует в нас теперь? Мы видели, что во всех писаниях древности на источник этой силы смотрели как на светлое существо, имеющее тело, похожее на материальное, но продолжающее существовать даже после разрушения последнего. Позже, однако, выступает на сцену более высокая идея, — что такое тело не может представлять чистой силы. Все, что имеет форму, должно быть само результатом соединения частиц и требует чего-то другого за собой, что приводило бы его в движе-

ние. Таким образом, это светлое тело, требуя, для того, чтобы существовать, чего-то, что не есть оно само, должно требовать и для своей деятельности чего-то другого. Это нечто, называемое душой, или по-санскритски, *Атман*, посредством внутреннего светлого тела, действует на наружное грубое. Светлое тело принимается за вместилище ума, Атман же выше этого тела, но и не ум; он направляет ум и через него тело. У вас один Атман, у меня другой, и каждый из нас имеет отдельного Атмана и отдельное тонкое тело, через которое мы и действуем на внешнее тело. Что же такое Атман, эта душа человека, которая не тело и не ум, и какова его природа? Об этом было много споров, послуживших к возникновению разных философских школ. Я попробую изложить вам некоторые заключения, к которым они пришли относительно Атмана. Все различные философии согласны в том, что Атман, чем бы он ни был, не имеет ни формы, ни границ, и потому должен быть всюду присутствующим. Время и пространство получают начало в уме. Закон причинности не может существовать без времени. Без идеи о последовательности не может быть идеи о причинности. Поэтому время, пространство и причинность находятся в уме, а так как Атман выше ума и бесформен, то он должен быть также вне времени, пространства и причинности. Если же он вне времени, пространства и причинности, то он должен быть бесконечен. Затем следует самое высшее умозрение нашей философии. Бесконечных не может быть два. Если душа бесконечна, то она должна быть только одна, и идея о разных душах, — т.е. что вы имеете одну, я — другую и т.д., — невозможна. Действительный (реальный) человек, поэтому, есть бесконечный, всюду присутствующий дух, и при том он только один; кажущиеся же люди только сокращенные отражения этого одного действительного человека. И так, все мифоло-

гии верны в том смысле, что видимый человек, как бы он ни был велик, только тусклое отражение действительно человека, который за ним. Действительный человек, дух, будучи выше как причины, так и следствия, и не связанный временем и пространством, должен быть свободен. Он никогда и ни чем не был и не может быть связан. Только кажущийся человек, отражение действительного, ограничен временем, пространством и причинностью, и потому не свободен; или, по выражению некоторых наших философов, кажется не свободным, но на самом деле свободен. Таково действительное состояние наших душ, — вездесущие, духовная природа и бесконечность, которыми мы уже обладаем. Всякая душа бесконечна, и потому не может быть речи о ее рождении или смерти.

На одном экзамене экзаменатор, задавая детям разные вопросы, между прочим спросил: «Почему земля не падает?» Большинство детей молчало, некоторые отвечали, что она не падает вследствие притяжения, но одна шустрая девочка ответила вопросом: «Да куда-же она могла бы упасть?» — И в самом деле, вопрос учителя не имел смысла, — куда бы земля могла упасть? ей некуда ни подниматься, ни падать, так как в бесконечном пространстве нет ни верха, ни низа; они существуют только относительно. Где может быть место, откуда бы приходило и куда уходило бы бесконечное? Когда человек перестает думать о прошлом и о том, что его ожидает в будущем, когда он отбросит всякую мысль о теле, потому что тело, будучи ограничено, приходит и уходит, — тогда он поднялся до высшего идеала. Действительный человек не тело и не ум, — так как даже последний растет и убывает, — но дух, который выше их и один живет вечно. Тело и ум только названия рядов сменяющихся друг друга явлений, — реки, в которых всякая частица воды постоянно течет вперед, хотя на каждую находящуюся перед

нами совокупность этих частиц мы смотрим как на ту же самую реку. Всякая частица нашего тела постоянно меняется; ни одно тело не остается тем же самым в течение нескольких минут; но сплошной ряд впечатлений, оставляемых им в уме, заставляет нас смотреть на него, как на то же самое. То же справедливо и относительно ума: в один момент он чувствует себя счастливым, в другой — несчастным; в один момент — сильным, в другой — слабым. Это вечно меняющийся водоворот. Он не может быть духом, потому что тот бесконечен: изменение же может быть только в ограниченном. Сказать, что бесконечное изменяется, — бессмыслица. Вы и я, как тела, можем двигаться, и каждая частица в этой вселенной находится в состоянии постоянного движения; но вся вселенная в совокупности, как одно целое, не может ни двигаться, ни изменяться. Движение всегда относительно. Я двигаюсь относительно этого стола, или какого-либо другого предмета; всякая частица вселенной может переменять место относительно других частиц; но вся вселенная, как одно целое, — относительно чего она может двигаться? Ведь кроме нее нет ничего. Таким образом, бесконечное-единое неизменяемо, недвижимо, абсолютно и одно реально. Наша реальность, поэтому, состоит в Абсолютном, а не в ограниченном. Думать, что мы маленькие, ограниченные, постоянно изменяющиеся существа, значит повторять старое заблуждение, как бы это ни казалось удобным. Вы действуете во всех вещах, движетесь всеми ногами, говорите всеми устами, живете во всех сердцах; вы — Всеведущее, всюду присутствующее Существо. Слыша это, люди пугаются: они все повторяют, что не должны терять свою индивидуальность. Но я хотел бы знать, что такое человеческая индивидуальность. — У ребенка нет усов; с возрастом у него появляются усы и борода. Если его индивидуальность

в теле, она теперь потеряна. Если я лишаюсь глаза или руки, моя индивидуальность, если она в теле нарушена. Пьяница не должен бросать пьянство, чтобы не утратить своей индивидуальности. Из боязни этого никто не смеет изменять своих привычек. Но позвольте сказать вам, что никакой индивидуальности нет ни в чем, кроме Бесконечного. Это единственное состояние, которое не меняется; все остальное изменяется постоянно. Наша индивидуальность не может заключаться и в памяти. Представьте себе, что я получил удар по голове и забыл мое прошлое. Что же? потерял я мою индивидуальность? уничтожился? Я не помню два или три года моего детства, и, если память и существование одно и то же, значит все забытое не существовало, — ту часть моей жизни, которую я не помню, я не прожил. Это очень странное понятие об индивидуальности. В действительности, мы еще не индивидуумы. Мы только стремимся к индивидуальности, к истинной природе человека, к Бесконечности. Живет только тот, чья вселенная; и чем больше мы сосредоточиваем нашу жизнь на таких ограниченных предметах, как наше тело, тем мы ближе к смерти. Мы действительно живем только в те моменты, когда наша жизнь в других, во вселенной; то же время, когда мы сосредоточиваемся на этой маленькой жизни, это смерть, настоящая смерть. Вот почему является и страх смерти. Страх этот может быть побежден только тогда, когда человек ясно видит, что пока во вселенной есть хоть одна жизнь, живет и он сам. «Я во всем, в каждом теле. Я во всем живущем. Я вселенная, вся она — мое тело. Как я могу умереть, пока остается хотя одна частица ее? Кто говорит, что я умру? Ты — Он! О, моя душа, ты — Он!» Тогда человек утрачивает страх смерти, становится бессмертным. Смешно говорить о бессмертии ничтожных постоянно изменяющихся вещей. Один санскритский

философ говорит: Только дух индивидуален, потому что только он бесконечен; бесконечное не может быть разделено, не может быть раздроблено на части. Он остается вечно тем же неделимым, индивидуальным человеком, действительным человеком. Кажущийся человек только стремление выразить, проявить индивидуальность, которая выше его, и развитие человека не касается его духа. Те изменения, которые происходят перед нами, когда злой становится добрым, или когда, — как любите вы утверждать, — животное становится человеком, происходят не в духе. Представьте, что между вами и мной стоит экран, заслоняющий вас от меня, и в этом экране маленькое отверстие, через которое я могу видеть некоторых из вас, сидящих против меня. Предположите затем, что это отверстие становится все больше и больше. По мере того, как оно увеличивается, сцена передо мной раскрывается, а, когда отверстие сравняется по величине с экраном, я буду видеть всех вас. В этом случае вы несколько не изменились, остались теми же, чем были и раньше. Расширилось отверстие, и вы проявились. Тоже происходит и с духом. Вы уже свободны и совершенны, только в настоящем цельном виде остаетесь скрытыми от глаз, и видна лишь ничтожная частица целого.

Что такое эти идеи о религии и Боге и поиски будущего? Почему человек старается искать Бога? Почему у всех народов, во всех состояниях общества человек ищет где-то совершенный идеал, в человеке, в Боге, или в чем-либо другом? — Потому что эта идея внутри нас. Это бьется ваше собственное сердце, только вы не знаете этого и принимаете за что-то постороннее. Это Бог внутри вас побуждает вас искать Его, воочию познать Его. После долгих поисков здесь и там, в храмах и церквях, на земле, на небе и во всех направлениях, мы воз-

вращаемся, наконец, назад, заканчивая круг в точке, от которой отправились, назад к нашей собственной душе, и находим, что Тот, Кого искали по всему свету, к Кому обращались с молитвами и слезами в храмах и церквях, на Кого смотрели как на тайну всех тайн, скрытую за облаками, что Он был ближе всего к нам, что *это наше собственное Я*, сущность нашей собственной жизни, наше тело и наша душа. Я — Ты и Ты — я! Такова ваша собственная природа. Удостоверьтесь в ней, проявите ее. Вы не сделали чистыми; вы уже были чисты. Вам нет надобности совершенствоваться; вы совершенны уже теперь. Вся природа похожа на экран, закрывавший собой действительность. Всякая ваша хорошая мысль, всякое ваше доброе дело — это как бы разрывание покрывала, чтобы могли обнаружиться за ним Бесконечность, Бог. В этом вся история человека. Чем тоньше становится покрывало, тем сильнее видимый за ним свет будет сиять своей собственной сущностью, потому что сиять — в его природе. Его нельзя знать, и мы напрасно стремимся узнать его разумом. То, что познаваемо, не может быть тем, что оно есть, так как оно вечный субъект. Знание ограничено. Знать — значит объектировать; Он же вечный субъект. Он — всегда присутствует во вселенной. Он — ваше Я. Как можем мы знать то, что мы уже есть? Каждый человек есть Тот и стремится выразить Его различными способами. Почему так много кодексов этики? В чем объяснение систем нравственности? Во всех них основная идея одна, только выраженная в разных формах. *Идея эта — желание делать добро другим.* Самый высший руководящий человечеством мотив есть милосердие ко всем людям, ко всем животным. Но оно, во всех его различных формах, не есть ли выражение вечной истины: «Я — это вселенная; вся эта вселенная — одно». Если нет, тогда в чем же мы

должны искать основание милосердия? Почему я должен стараться делать добро ближним? Что меня побуждает к этому? — Интуитивное сознание тождественности всего, симпатия ко всему. Самое черствое сердце чувствует иногда свое единство с остальными существами. Даже человек, который приходит в ужас, когда ему говорят, что так называемая индивидуальность — заблуждение, что недостойно цепляться за эту призрачную индивидуальность, даже этот человек скажет вам, что *в совершенном самоотречении основание всей нравственности. Но что такое совершенное самоотречение? Самоотречение значит отречение от призрачного «я», от всякого эгоизма.* Идея об «я» и «мое» — аханкара и мама — результат прошлого суеверия, и чем больше это настоящее «я» удаляется, тем более проявляется в своем полном блеске Действительное Я. *Самоотречение это центр, основание, суть всякого нравственного учения, и, — знает ли об этом человек или нет, — весь мир медленно приближается к нему, более или менее осуществляя его. Только большинство человечества делает это бессознательно. Пусть же оно поступает сознательно, пусть приносит в жертву свое «я», зная, что оно не настоящее Я, а только уменьшенное его отражение. Теперешний человек представляет собой только один проблеск той бесконечной реальности, которая за ним, одну искру того бесконечного огня, который есть Все; истинная же его природа — сама Бесконечность.*

Какая, однако, польза, следствие, результат такого знания? В нынешнее время мы все вообще измеряем пользой, проще говоря, числом фунтов, шиллингов и пенсов. Но по какому праву кто бы то ни было может требовать, чтобы истина оценивалась на деньги или выгоды? Предположите, что пользы нет, разве истина от этого уменьшится? Полезность не доказательство исти-

ны. И тем не менее в этом знании заключается громадная польза. Каждый добивается счастья, но большинство ищет его в вещах преходящих и нереальных. Еще никто никогда не находил счастья в чувствах, или чувственных наслаждениях; *счастье может быть найдено в духе*. Следовательно, самая высшая польза человечества состоит в том, чтобы найти духовное счастье. Следующее, что необходимо помнить, это что незнание — мать всех несчастий, и что думать, будто Бесконечное может жаловаться и плакать, что Оно конечно — высшая степень невежества. **Верх невежества состоит в том, что бессмертный, вечно чистый дух считает себя маленьким умом, маленьким телом. Оно причина всякого эгоизма.** Как только я смотрю на себя, как на маленькое тело, хочу сохранить его, помогать ему, содержать его в довольстве даже на счет других тел, я тотчас становлюсь отдельным от других, а как скоро является идея об отдельности, она открывает дверь злодеяниям и ведет ко всяким несчастьям. Польза в том, что если хотя бы маленькая часть человеческих существ отбросит сегодня свой эгоизм, свою узость и ничтожность, эта земля завтра станет раем. Машинами же и улучшениями, зависящими от материального знания, такой результат никогда достигнут не будет; они только увеличат несчастья, как масло, подлитое в огонь, усиливает пламя. Без знания духа материальное знание только прибавляет огонь, давая в руки эгоистов лишнее орудие забирать себе то, что принадлежит другим, делая их более способными жить за счет жизни других, вместо того, чтобы отдавать им свою жизнь.

Другой вопрос, практично ли это? Может ли оно быть осуществлено в современном обществе? Но, позвольте сказать, — **Истина не обязана преклоняться перед каким бы то ни было обществом, древним или но-**

вым. Общество должно преклониться перед истинной, или умереть. Всякие сообщества и всякие существа имеют в основе истину, и истина не должна приспособляться к ним. Если такая высокая истина, как бескорыстие, не может осуществляться в обществе, то лучше бросить это общество и идти в лес. Этим человек проявит свое мужество. Есть два рода мужества. Первый состоит в том, чтобы бросаться на пушечное жерло. В этом отношении, тигр и волк смелее человека. Но есть другой род смелости, духовный. Царь-завоеватель совершает нашествие на Индию. Его учитель просит его найти несколько Индийских мудрецов. После долгих поисков, он находит очень старого человека, сидящего на камне. Царь поговорил с ним немного, остался очень доволен его рассуждениями и попросил его идти с ним в его страну. «Меня совершенно удовлетворяет этот лес». — «Я царь всего мира. Я дам тебе деньги, почести, богатство», — «Меня не интересуют эти вещи». — «Но, — сказал царь, — если ты не пойдешь, я велю убить тебя». Старик расхохотался. «Вот самая глупая фраза, когда-либо тобой сказанная. Ты не можешь меня убить. Меня не может иссушить солнце, ни огонь сжечь и никакое оружие убить, так как я не рожденный, бессмертный, всемогущий, вездесущий, вечно живущий дух». Во время восстания 1857 года был один Свами Садху, великая душа. Солдат-магометанин нанес ему смертельную рану. Солдата схватили мятежники, привели к Садху и предложили убить его. Но монах повернулся к нему, сказав: «Брат, ты — Он», и испустил дух. Это тоже мужество. Зачем толковать о вашей физической силе и указывать на ваши западные учреждения, если вы не можете согласовать ваше общество с истиной, устроить его так, чтоб в нем нашлось место для высочайшей истины? Что такое ваши хвастливые толки о вашей силе и величии, если ваше первое и последнее слово об истине — «Это

не практично». Разве практичны только фунты, шиллинги и пенсы? Если так, то почему вы хвастаете вашим общественным устройством? **То общество самое великое, в котором самые высшие истины оказываются наиболее практичными.** И если общество еще не приспособлено к осуществлению в нем высших истин, сделайте его таким. Сделайте его таким, если можете, и чем скорее, тем лучше. Воспряньте духом, осмейтесь верить в истину, осуществлять истину! Мир нуждается в нескольких сотнях смелых мужчин и женщин. Конечно, истинно мужественным быть очень трудно, в животной же храбрости тигр и волк, одаренные ей от природы, — вам не уступят, а крошечный муравей далеко превзойдет вас. Но к чему говорить без конца об этой физической храбрости. Проявляйте храбрость человека, который радостно встречает смерть, утверждает, что он дух и что во всей вселенной нет руки, которая могла бы убить, нет грома, могущего поразить, нет огня, могущего сжечь его; храбрость того человека, который смеет знать истину и осуществлять ее в жизни. Это свободный человек, истинная душа. И такое бесстрашие можно проявлять и в нынешнем, и в каком угодно обществе.

«Атмана надо сначала слушать, потом думать о нем и, наконец, созерцать его».

Современное общество очень склонно слишком много говорить о труде и порицать всякую мысль. Труд — вещь очень хорошая, но он не больше как результат мысли. Слабое проявление энергии, начавшееся в мысли, вытекает через мускулы, и это называется работой. Где нет мысли, там не будет и работы. Поэтому, *наполняйте мозг высокими мыслями, высшими идеалами и имейте их перед собой день и ночь. Это принесет, в результате, огромную работу.* Не говорите о вашей греховности, но говорите вашему уму, что вы чисты. Мы

гипнотизировали себя мыслью о своем ничтожестве и о том, что рождены и должны умереть; и потому живем в постоянном страхе.

Одна беременная львица, отправляясь на добычу, увидела стадо овец. Она бросилась на него, и это усилие стоило ей жизни. Родившийся при этом львенок остался без матери. Овцы взяли его на свое попечение и выкормили его. Он вырос среди них, питался, как они, травой, блеял, как они, и хотя сделался взрослым львом, но по своим стремлениям и потребностям, а также по уму был совершенной овцой. Прошло некоторое время, и вот другой лев подошел к стаду, и каково же было его удивление, когда он увидел собрата-льва, подобно овцам, убегающего при приближении опасности. Он хотел подойти к нему но, как только немного приблизился, овцы убежали, а с ними и лев-овца. Второй лев стал следить за ним и однажды, увидев его спящим, прыгнул на него и сказал: «Проснись! Ведь ты лев.» — «Нет!» — заблеял тот в страхе, — «я овца». Даже когда ему сказали, что он лев, он не поверил и продолжал блеять. Тогда пришедший лев потащил его к озеру и сказал: «Смотри! Вот наши отражения, мое и твое». Овца-лев взглянул прежде на льва, потом на свое отражение в воде, и в тот же момент у него явилась мысль, что он сам лев. Он перестал блеять, и раздалось его рыкание. Вот и я говорю вам: вы львы, а не овцы. Вы души чистые, бесконечные, совершенные. Могущество всей вселенной в вас. «Зачем ты плачешь, мой друг? Для тебя нет ни рождения, ни смерти. Зачем ты плачешь? Для тебя нет ни болезней, ни страданий. Ты подобен бесконечному небу; по нему могут пробегать разноцветные облака, поиграют немного и исчезнут, но оно всегда то же, вечно голубое». Применим эти слова к себе. Почему мы видим зло? — В лесу стоял пень. Ночью проходил вор и сказал: «Это полицейский». Пришел туда же юноша, чтобы встретить свою возлюб-

ленную, и подумал, что это она; пришел и ребенок, наслушавшийся историй о привидениях, и начал плакать и кричать, что это привидение. А все время это был только пень! *Мы видим мир таким, каковы мы сами; то, что у нас внутри, мы видим вне нас.* Положите на стол мешок с золотом и оставьте там ребенка. Если придет вор и возьмет золото, будет ли знать ребенок, что оно украдено? — У ребенка нет внутри вора, и он не увидит вора и вне себя. Не говорите о порочности мира и его грехах. Плачьте, что вы сами все еще принуждены видеть порочность. Плачьте, что вы не можете не видеть везде греха, и если хотите помочь миру, не осуждайте его. Не ослабляйте его еще больше. Что такое грех и что такое несчастье, как не результаты слабости? Людей с детства учат, что они грешны и слабы. Мир постоянно ослаблялся такими мыслями. Учите же его, напротив, что, даже самые слабые в проявлении, все прекрасны, что все они дети бессмертия. Пусть положительная, сильная, целебная мысль с самого детства входит в их умы. Отбросьте ослабляющую, парализующую мысль. Будьте сами открыты для великих мыслей. Говорите вашему собственному уму: «Я — Он! Я — Он!» Пусть это день и ночь звучит в вашем уме, подобно песне, и даже на пороге смерти твердите: «Я — Он!» В вас сосредоточены бесконечные силы мира. — Это истина. Гоните суеверие, до сих пор омрачавшее ваш ум. Будьте смелы. Знайте истину и осуществляйте ее. Цель может быть далека, но проснитесь! Воспряньте! Боритесь и не останавливайтесь до тех пор, пока не достигнете цели.

Человек действительный и кажущийся

С тех пор, как человек начал думать, он постоянно устремляет свой взор вперед, стремится заглянуть в будущее. Он хочет знать, куда он идет, где очутится после

того, как его тело разрушится. Предлагались разные теории, системы и объяснения, и все они, одна за другой, были отвергнуты, и это будет продолжаться всегда, пока существует человек, пока он думает. В каждой из этих систем есть доля истины, и во всех них масса неверного. Я постараюсь изложить вам сущность результатов исследований, которые были сделаны в этом отношении в Индии; попытаюсь согласовать различные мнения по этому предмету, возникавшие от времени до времени у Индийских философов, попробую объединить результаты, добытые как психологами, так и метафизиками, а если окажется возможным, то и те, к которым пришли новейшие ученые мыслители.

Задача всей философии Веданты заключалась в отыскании единства. Индусский ум не заботится о частностях, он всегда ищет общего, больше того — всеобщего. «Что есть то, зная что, становится известным все остальное»? Это наш единственный вопрос. Все наши усилия направлены к отысканию того, знание чего делает для нас понятной всю вселенную, подобно тому, как знание состава одного комка глины дает понятие о составе всего, сделанного из глины. К этому направлены все наши поиски.

По мнению мыслителей-ведантистов, вся вселенная состоит из одного вещества, которое они называют *Акаша*. Все нас окружающее, все что мы воспринимаем зрением, обонянием, осязанием, или вкусом, все это только дифференцированное проявление этой *Акаши*, тонкой и всепроникающей первичной материи. Все, что мы описываем как твердое, жидкое, или газообразное, все формы, образы, тела, — земля, солнце, луна, звезды, — все состоит из этой Акаши.

Под чьим же воздействием на Акашу из нее образовалась вселенная? — Рядом с Акашей существует всеобъемлющая сила. Все, что во вселенной обнаруживается как сила, — притяжение, отталкивание и даже мысль,

— только проявления этой одной силы, называемой индусами *Праной*. Прана, действуя на Акашу, создает вселенную. В начале цикла прана как бы спит в бесконечном океане Акаши; она существует, но бездеятельна. Затем, под ее воздействием, океан Акаши приходит в движение, и из него выделяются все небесные системы: группы солнц, лун и звезд, и земля с ее человеческими существами, животными и растениями. Таким образом, согласно мыслителям-ведантистам, все проявления силы состоят из праны, материя же во всех ее формах — сгущенная Акаша. Когда цикл кончается, все, что мы называем твердым, переходит в следующую, более тонкую форму, в жидкость, жидкости превращаются в газы, газы — в еще более тонкие и простые состояния, и так далее, пока все не обратится; опять в первоначальную *Акашу*, а все, называемое движением, притяжением и отталкиванием, не перейдет постепенно в первичную *Прану*. После этого, в течение некоторого долгого периода, *Прана* спит, а затем опять просыпается, производит всевозможные формы и, когда новый цикл приходит к концу, все опять успокаивается. Таким образом, процесс творения представляет как бы ряд волн, или, по выражению современной науки, бывает статическим в течение одного периода и динамическим — в течение другого. Одно время он остается потенциальным, другое — становится активным. Это чередование продолжается вечно. Сказанное до сих пор известно и новейшей науке, и дальше этого физические исследования идти не могут. Но это не все; исследование на этом остановиться не могло. Пока вся вселенная сведена к двум составным элементам, к материи и энергии, или к тому, что древние философы в Индии называли *Акаша* и *Прана*, но мы не нашли еще то Одно, что дает знание всего остального. Следующий шаг должен был заключаться в отыскании начала в обеих. И дальнейшее исследование привело к заключению, что эти два элемента произведены еще более высшей суц-

ностью, которую назвали мыслью, космическим «Махатом». Мысль — это всюду распространенное проявление существования, более тонкое, чем Акаша и Прана, на которые она кажется разделенной. *Вначале существовала мировая мысль, затем она проявилась, изменилась и развернулась в две — Акашу и Прану, сочетаниями которых и произведена вся вселенная.*

Теперь мы перейдем к психологии. Когда я смотрю на вас, ощущение видения передается мне глазами и от них переносится чувствующими нервами мозгу. Но внешние глаза не органы зрения, они только внешние орудия. Если действительный орган, находящийся в мозгу и получающий там ощущение, разрушен, то, хотя у меня и есть два глаза, я не буду видеть. Ваше изображение на ретине моих глаз может быть безукоризненно, а я все-таки вас не увижу. Поэтому орган не то, что орудия, или глаза, а должен находиться *за* ними. То же следует сказать и о всех других ощущениях. Нос не орган обоняния, а только орудие, орган же позади него, в мозгу. Для каждого чувства мы имеем, во-первых, орудие, внешнюю часть физического тела, а позади него, в том же теле, орган. Но и этого не достаточно. Предположим, что я говорю вам и вы слушаете меня очень внимательно. В это время раздается звон колокольчика, но вы его не слышите. Что при этом произошло? — Колебания воздуха достигли вашего уха, произвели сотрясение вашей барабанной перепонки, и впечатление передано слуховым нервом в мозг. Почему же вы не слышали звона? Если весь процесс, включая и передачу впечатления мозгу, закончен, почему вы не слышали? — Потому, что чего-то еще не доставало. Прежде всего, ваш ум не был соединен с органом, а если ум разобщен с органом, то, какие бы новости орган не принес ему, он их не получит. Ум может получить известие только тогда, когда сообщен с органом. Но и это еще не все. Орудия могут принести ощущение, органы могут получить его, ум может быть сообщен с ор-

ганом, и все-таки восприятие не будет полным. Необходимо еще один фактор; нужна реакция в уме, при которой только и является знание. То, что находится вне меня, как бы посылает в мой мозг сведения о текущих событиях; там их получает ум и представляет интеллекту, который относит их к соответственным группам раньше полученных впечатлений и посылает назад ряд реакций, с которыми и наступает восприятие. Здесь, таким образом, уже проявляется воля. Состояние ума, при котором происходит реакция, называется *Буддхи* или интеллект¹. Но и здесь еще не конец. Остается еще одна ступень. Представим себе, что мы имеем камеру и перед ней экран, и

¹ Чтобы яснее понять разницу между тем, что Свами называет «умом» (манас) и интеллектом (буддхи), будет полезно пояснение, которое дает философия Санкхья. В пруд падает камень. Удар камня приводит воду в состояние сильного колебания, которое распространяется в глубину и затем отражается назад, вверх, в форме отчетливых кругов. Представим себе, что пруд состоит из *читты*, или материи ума. Эта *читта*, приведенная, подобно воде при ударе камнем, в состояние грубого колебания, соответствует *манасу*, или уму; более же глубокое и тонкое состояние *читты*, в которое колебание проникло, но где реакция еще не наступила и присутствует только потенциально, называется *буддхи*, или интеллектом. Реакция в воде обнаруживается рябью или определенной формы кругами, в умственной же материи — восприятием. Приведенное здесь объяснение принадлежит Капилле, автору философии Санкхья, которая предшествовала буддизму. Все последующие Индусские мыслители приняли его за основное положение совершенно так, как Западная наука принимает принципы Ньютона.

Сарадананда.

я хочу отбросить на этот экран какое-нибудь изображение. Что я должен сделать? — Я должен направить через камеру лучи света так, чтобы они упали на экран и были там собраны в группы. Очевидно, экран, на котором предполагается получить картину, должен быть неподвижен, потому что лучи, которые я направляю, должны сойтись на нем группами, расположенными в требуемом, строго определенном порядке, что будет невозможно, если экран движется. То же требуется и в случае ощущения, которое наши органы, получая внутри нас, передают уму, и которое ум, в свою очередь, представляет интеллекту. Процесс не может быть закончен, если нет чего-нибудь постоянного, какой-нибудь, так сказать, поверхности, на которой могла бы образоваться картина, чего-нибудь, на чем могли бы соединиться все различные впечатления. Что же объединяет изменяющееся целое, представляющее собой наше существо? Что сохраняет единство этого с каждым часом меняющегося движения? На чем все наши различные впечатления собираются, устанавливаются и образуют объединенное целое? — Мы пришли к заключению, что это должно быть нечто неподвижное относительно тела и ума, некий индивидуум, в котором приносимые умом и интеллектом ощущения помещаются, группируются и образуют одно целое. Это нечто, этот индивидуум называется *душой* человека. Итак, мы видим в человеке тело и ум, и позади ума нашли душу. Во вселенной позади Акаши и Праны видели Мировой Ум, а за ним есть также Мировая Душа, называемая Богом. Эта Мировая Душа по разворачивании становится всемирным разумом, который затем разворачивается в *Прану* и *Акашу*. Происходит ли то же и у отдельного человека? Создает ли и у него душа — ум, а ум — тело? Другими словами, составляют ли его тело, ум и душа три разные сущности, или они только различные состояния одного и того же единого существа? Первый шаг к разрешению этого вопроса уже нами сделан. Мы

знаем, что у человека есть внешнее тело и позади него: органы, ум, интеллект и душа. Для начала допустим, что душа нечто отдельное от тела и даже от ума. Относительно этого, мнения религиозного мира делятся: учения, известные под общим названием дуалистических, принимают, что находящаяся позади интеллекта душа качественна, обладает разными изменяющимися свойствами, и что чувства наслаждения, удовольствия и страдания принадлежат ей; не-дуалисты, напротив, не признают за душой никаких свойств, говорят, что она безкачественна.

Я рассмотрю сначала учение дуалистов и попытаюсь представить вам их взгляд на душу и ее судьбу, затем — противоположную систему, и, наконец, постараюсь найти ту гармонию, к которой нас приводит не-дуализм. Первые говорят, что так как душа отлична от ума и тела и не состоит из акаши и праны, то она должна быть бессмертна. Но почему должна? Что мы понимаем под смертью? Под смертью мы понимаем просто *разложение*. Разложение возможно только для таких вещей, которые представляют собой результат соединения. Все, составленное из двух или трех составных частей, должно рано или поздно разложиться, т.е., умереть; то же, что не результат соединения, неспособно к разложению, или, другими словами, умереть не может. Только оно бессмертно, только оно существует вечно. Оно и создано, так как все созданное есть соединение. Никто никогда не видел, чтоб что-нибудь было создано из ничего; все, что мы знаем, представляет собой соединение в новых формах вещей, уже существовавших раньше. Если это так, то душа человека, как простой элемент, должна была существовать от вечности и будет вечно существовать. Даже лишившись тела, душа будет продолжать жить. Согласно ведантистам, когда тело перестает жить, жизненные силы человека сосредоточиваются в его уме,

ум обращается в прану, прана входит в душу человека, и душа выходит из тела, как бы одетая в то, что они называют тонким, умственным, или духовным телом, — назовите его как хотите. В этом теле находятся *самскар*ы человека. Что такое эти *самскар*ы? Ум похож на озеро и каждая мысль подобна волне в нем. Как в озере волны поднимаются, падают и исчезают, совершенно так же и в материи ума постоянно возникают и затем исчезают волны мысли. Исчезают они не навсегда, но только становятся все тоньше и тоньше, и затем остаются, готовые по первому зову воспрянуть. То, что мы называем воспоминанием, не что иное, как вызывание в форме волны некоторых мыслей, из числа перешедших в это тонкое состояние. Таким образом, всякое сделанное нами дело и даже все, что мы думали, прочно сидит в нашем уме. Все оно там, только в тонкой форме. *Когда человек умирает, вся сумма полученных им при жизни впечатлений остается в его уме и продолжает действовать на тонкую материю. Душа, одетая, так сказать, в эти впечатления и в тонкое тело, выходит (из грубого тела), и ее дальнейшая судьба определяется равнодействующей всех сил, представляющих собой различные впечатления.* Согласно Упанишатам, для души есть три рода предназначений¹.

¹ Здесь Свами старается изложить Упанишад по-английски. Чтобы пояснить ход мыслей самого Свами по этому предмету, полезно привести извлечение из его письма, написанного тотчас после этой лекции. Он пишет: — «Дуалисты утверждают, что душа после смерти идет в Солнечную сферу, оттуда в Лунную и оттуда в Электрическую, откуда ее провожает Пуруша в Брама-Локу. Адвайтисты считают, что душа (джива) никуда не уходит, все же эти сферы, или слои, вселенной — только чрезвычайно разнообразные продукты акаши и праны;

Те, которые достигли уже значительного духовного развития, следуют по направлению солнечных лучей и попадают в так называемую — Солнечную сферу. Через нее они приходят в Лунную сферу, а из нее — в сферу Света. Здесь они встречают другую душу, уже блаженную, которая ведет нового пришельца вперед, в самую высшую из всех сфер, называемую Брама-Лока, или

самый низший и наиболее плотный — Солнечная сфера, состоящая из видимой вселенной, в которой *пра*на является физической силой, а *акаша* чувственной материей. Следующий, окружающий Солнечную сферу, называется лунной сферой (хотя она не имеет никакого отношения к видимой луне) и служит обителью богов. В ней *пра*на является в виде психических сил, а *акаша* — в виде Танматраса, или тонкой материи. За нею — Электрическая сфера, или состояние, в котором *пра*на почти не отличается от *акаши* и представляет собою не то силу, вроде электричества, не то материю. Дальше идет Брама-Лока, где нет уже ни *праны*, ни *акаши*, но обе они превратились в умственную материю, или первичную энергию. Здесь *джива* наполняет всю вселенную, как *самашти*, или вся совокупность мирового ума, Махата. Это Пуруша, абстрактная мировая душа, но не Абсолют, так как в ней есть еще множественность. Затем *джива* вполне, наконец, объединяется, достигая того единства, которое и есть ее конечная цель. Адвайтизм говорит, что все эти состояния не более как видения, возрастающие последовательно перед *дживой*, которая сама остается недвижимой. Появление (Сришти) и исчезновение этих видений происходит одинаковым образом, только первое значит возвращение (души) в прежнее состояние, а второе — «выход» из него.

К Е. Т. С. Нью-Йорк, 13 февраля 1890 г.
Сарадананда.

сфера Браммы, где душа достигает всеведения и всемогущества и становится почти так же могущественна и всезнающа, как Сам Бог. В этой сфере, согласно воззрениям дуалистов, она остается на веки, а по мнению недуалистов, сливается при конце цикла с вселенной. Следующий класс людей, творивших добрые дела из-за эгоистических побуждений, результатами совершенных ими добрых дел приводится, сейчас после смерти, в так называемую Лунную сферу, где находятся разные небеса; здесь они приобретают тонкие тела и свойства богов и живут, наслаждаясь в течение долгого периода небесным блаженством. Когда же этот период оканчивается, старая карма возвращается к ним, и они попадают опять на землю. Они спускаются, говорят дуалисты, через все упомянутые области в сферу воздуха и облаков и, наконец, достигают земли с дождевыми каплями. Попав на землю, они прицепляются к какому-нибудь зерну, которое случайно съедает человек, способный снабдить их материалом для нового тела. Последний класс, порочные люди, становятся после смерти привидениями или демонами и живут где-то между лунной и земной сферами. Одни из них стараются причинять вред людям, другие — относятся к ним дружелюбно. Прожив в этих условиях некоторое время, они опять попадают на землю и становятся животными, а затем освобождаются и возвращаются опять на землю же в виде людей, получая таким образом еще раз возможность путем труда достигнуть спасения.

Земля называется *Карма-Бхуми*, сфера Кармы. Только на ней человек вырабатывает свою Карму; в состояниях же богов, привидений, демонов и животных, когда он испытывает следствия совершенных им на земле добрых или дурных дел, или, как говорят, получает за них награду или наказание, новая карма не вырабатывается.

Особенно хорошая или дурная карма приносит плоды скоро. Например, если человек всю жизнь делал много зла и совершил только несколько добрых дел, последствие этих добрых дел является немедленно, а затем наступает очередь для последствий дурных поступков.

Люди, совершившие несколько очень хороших или великих дел, но общий характер жизни которых был дурен, становятся богами и наслаждаются божеским могуществом, пока сила их добрых дел не истощится. Затем они возвращаются на землю людьми, чтобы загладить старое зло. Те же, чья жизнь состояла почти сплошь из дурных поступков, равно как совершившие страшные злодеяния примут тела привидений и демонов, и, только по истощении причиненного ими зла, немногие добрые дела, ими совершенные, сделают их опять людьми. Путь к Брама-Локе, из которой нет больше падения или возврата, называется *Дэвойяна*, т.е. путь к Богу, а путь в небеса — *Питрийяна*, или путь к отцам. Человек, таким образом, согласно философии Веданты, самое великое существо во вселенной, и земля или мир труда — самое лучшее место в ней, потому что в нем человеку представляется наиболее средств стать совершенным. Ангелы и боги, или как бы вы их ни называли, должны стать людьми, если хотят быть совершенными, так как человеческая жизнь представляет собой великое средоточие самых удивительных для этого возможностей.

Дальше мы приходим к другому роду философии. Буддисты отрицают всю только что приведенную мною теорию души. «Какая польза», говорит Буддист, «предполагать нечто, как субстрат или основу тела и ума? Почему не позволить мысли идти дальше? Зачем принимать, кроме организма, состоящего из ума и тела, еще третью сущность, называемую душой? Разве самого организма недостаточно для его объяснения?» Эти аргу-

менты очень сильны и рассуждение вполне правильно. В целях опытного наблюдения мы можем считать, что организм служит достаточным объяснением себя самого; так по крайней мере, многие думают. Зачем тогда мы будем предполагать существование души, как субстрата, как чего-то, что не ум и не тело, но основание обоих? Остановимся на этом положении. Примем, что существует только ум и тело. Тело, как мы знаем, есть название постоянно меняющегося потока материи. Ум — название постоянно меняющегося потока мыслей или сознания. Что же производит их кажущееся единство? — Говорю «кажущееся», потому что в действительности единства в них нет. Это то же, как если я возьму горящий факел и буду его быстро вращать перед собой. Вы увидите огненный круг, но круга тут никакого не будет, а будет только ряд последовательных положений факела, составляющий в глазах впечатление круга. Так же нет действительного единства и в теле. Это масса материи, постоянно бегущей вперед, и назвать одним можно только всю массу этой материи, но не меняющиеся ее части. Нет единства и в уме; каждая мысль его отлична от всех прочих мыслей, и только бегущий поток их производит иллюзию единства. Итак, нет никакой надобности в третьей сущности; общее явление тела и ума — это все, что есть в действительности. За ним нет ничего.

Некоторые секты и школы усвоили в последнее время эту буддийскую идею и утверждают, что она их собственное новое открытие. В большей части Буддийских философий основная идея заключалась в том, что этого мира совершенно достаточно, и нет никакой надобности искать какой-то особой причины его. Они говорят: Эта чувственная вселенная — все, что существует; зачем придумывать еще что-то для ее объяснения? Все есть совокупность качеств, зачем еще нужна какая-то гада-

тельная сущность? Идея о сущности вытекает из быстрой смены качеств, а вовсе не из чего-то неизменного, существующего позади них. Мы видим, как поразительны некоторые из этих аргументов, и они легко находят поддержку в обыкновенном опыте человечества; ведь, в самом деле, ни один из миллиона людей не может, не в состоянии думать о чем-либо кроме явлений? Для огромного большинства человечества природа кажется изменяющейся, вращающейся, соединяющееся и перемешивающейся массой изменений. Очень немногие схватывают позади нее проблеск спокойного моря; для нас же вселенная представляется только изборожденной волнами. Таким образом, есть два мнения: одно — что за умом и телом, есть некая неизменяемая и неподвижная сущность, и другое, — что во вселенной нет такой вещи, как неподвижность и неизменяемость, что все — изменение, и кроме изменения нет ничего. Это разногласие устраняется, когда мы поднимаемся до следующей идеи, принадлежащей не-дуалистической философии.

Эта философия заявляет, что дуалисты правы, предполагая позади всего нечто, как неизменяющийся задний план. Она говорит, что мы не можем понимать изменение, не имея чего-нибудь неизменного, что можно было бы ему противопоставить; что понимать изменяемое можно, только думая о менее изменяемом, а это, в свою очередь, покажется нам более изменяемым по сравнению с чем-либо другим, которое изменяется еще меньше, и т.д., пока не придем к тому, что должны будем принять нечто никогда и нисколько неизменяющееся. Вся сумма явлений должна была существовать раньше в состоянии непроявленном, спокойная и молчаливая, вследствие равновесия противоположных сил, или, что то же, когда никакая сила не действовала, так как силы действуют только тогда, когда происходит нарушение их

равновесия. И вселенная всегда стремится вернуться опять к состоянию равновесия. Заявляя, что есть нечто неизменяемое, дуалисты совершенно правы, но их утверждение, что это неизменяемое не тело и не ум, а что-то отличное от обоих, — неверно. Также и Буддисты, пока говорят, что вся вселенная — ряд постоянных изменений, совершенно правы; так как, пока я отличен от вселенной, пока стою в стороне и смотрю на нее, как на нечто проходящее передо мной, пока есть две вещи — зритель и видимая вещь, до тех пор всегда будет казаться, что вселенная одно из изменений, меняющееся постоянно в течение всего времени. Но истина в том, что в этой вселенной есть как изменение, так и неизменяемость. Нет того, чтобы душа, ум и тело представляли три отдельные сущности; но все они представляют один организм, состоящий из этих трех. Одна и та же вещь кажется теперь телом, потом умом и затем чем-то, что выше тела и ума, но только не всеми тремя в одно и то же время. Тот, кто видит тело, не видит в это время ума; видящий ум не видит того, что он называет душой; а для того, кто видит душу, тело и ум исчезают. Видящий только движение, никогда не видит абсолютного покоя, а для того, кто видит абсолютный покой, исчезает движение. Веревку принимают иногда за змею. Тот, кто смотря на веревку, видит змею, не видит веревки; а, когда иллюзия пропадает, и он смотрит на веревку, змея исчезает.

Есть только одна всеобъемлющая сущность, и она одна кажется, как многое. Эта Сущность, Душа, или Я, представляет все, что существует во вселенной. На языке не-дуалистов, Она — Брахман, кажущийся многообразным вследствие разных имен и форм. Посмотрите на волны в море. Ни одна волна не отделена от моря. В чем же причина, что они кажутся отличными от него? — В названии и форме. Если отбросить имя и форму, останется

только море. Также нет различия и во вселенной. Вся она *Одна Единая Сущность*, кажущееся же многообразие создается только именем и формой. Как в каждой освещенной солнцем капле воды получается точное изображение солнца, так Душа, Я, Единая Сущность вселенной, — отражаясь во всевозможных шариках, носящих разные имена и формы, кажется различной. На самом деле, она Одна. Нет ни «Я», ни «Вы»; это все Одно. Все — или «Я», или «Вы». Идея о двойственности, о двух ложна, и вся вселенная, как мы обыкновенно ее знаем, результат ложного знания. Когда наступит правильное понимание и человек увидит, что нет двух, а только Одно, он поймет, что он сам — вселенная. «Я — это вселенная, как она теперь существует, со всеми ее постоянными изменениями; оно выше всяких перемен, выше всех качеств, вечно совершенное, вечно блаженное».

Поэтому есть только один Атман, одно Я, вечно чистое, вечно совершенное, неизменяющееся и неизменяемое. Оно никогда не меняется, и все изменения во вселенной — только как бы грезы этого одного Я. Его имена и формы рисуют все эти грезы. Форма создает отличие волны от моря. Но представьте, что волна улеглась: осталась ли форма? — Нет, она исчезла. Существование волны вполне зависит от существования моря, но существование моря совсем не зависит от существования волны. Форма остается только до тех пор, пока есть волна; но, когда волна теряет форму, она не может остаться и исчезает. Имя и форма — причина того, что называется *майя*. Это *майя* делает нас индивидуальными, заставляет одного казаться различным от другого. Но она сама не имеет существования. О майе нельзя сказать, что она существует. Нельзя сказать, что существует форма, потому что она зависит от существования другой

вещи; но нельзя сказать, что и не существует, раз мы видим, что она производит все эти различия. Согласно философии Адвайта, майя или неведение, — или имя и форма, или, как ее называют в Европе, «время, пространство и причинность», — есть часть, маленькая частица одной Бесконечной Сущности, внушающая нам идею о множественности вселенной, тогда как в действительности вселенная — Одно.

Пока человек думает, что есть две сущности, он ошибается, узнавая же, что она только Одна, становится прав. Это ежедневно доказывается, как в физическом, так в умственном и духовном планах. Сегодня я показал вам, что вы и я, также как солнце, луна и звезды, — только имена различных скоплений материи, постоянно меняющих место и вид. Частица энергии, которая несколько месяцев назад была в солнце, теперь может быть в человеческом теле, завтра — в теле животного, а послезавтра — в растении. Она будет вечно переходить из одной формы в другую, потому что все эти формы не что иное, как непрерывная, бесконечная масса материи, разделенная только названиями и формами. Одно место ее называется солнцем, другое — луной, третье — звездами, следующее — человеком, следующее — животным, следующее — растением и т.д. С другой точки зрения, эта самая вселенная есть океан мысли, в котором каждый из нас представляет точку, называемую отдельным умом. Вы, я, и каждый человек; все это умы, и самая вселенная, с точки зрения знания, когда глаза освобождены от иллюзии, и ум стал чистым, кажется непрерывным абсолютным Существом, вечно чистым, неизменным, бессмертным. Что же тогда остается от учения дуалистов о конечной судьбе мира и человека, по которому, когда человек умирает, он идет на небо или в ту или другую сферу, а очень порочные люди становятся

привидениями, животными и т.д.? — Никто никуда не идет, говорит не-дуалист. Как вы можете куда-нибудь идти, когда вы бесконечны? Где место, в которое вы могли бы идти? Как маленькая девочка сказала о земле: «куда же земля может упасть?» — так и не-дуалист говорит о душе: «куда она может пойти?» Самый вопрос о рождении и смерти, с его точки зрения — бессмыслица. Кто приходит и кто уходит? Где вас нет? Где то небо, в котором бы вы уже не находились? «Я» человека вездесуще, — куда оно может идти? Где его нет, куда бы оно пошло? Оно уже всюду. Таким образом, весь этот детский бред, это ребяческое заблуждение относительно рождения и смерти, о небе и высшем и низшем мирах, для совершенного, исчезают немедленно, а для почти совершенного — после того, как ему будут показаны разные сцены вплоть до Брама-Локи. Оно остается только у людей невежественных. Как же случилось, что весь мир верит в рождение и смерть и в путешествие на небо? — Представим себе, что я читаю книгу. Страница за страницей прочитывается мной и перевертывается. Что же изменяется; кто приходит и уходит? — Не я, но книга. Вся природа — это книга, открытая перед душой. Глава за главой прочитывается и перевертывается, и постоянно, от времени до времени, открываются новые сцены. Одна прочитывается и перевертывается, является другая, но душа — вечно остается той же самой. Меняется природа, но не душа человека. Душа никогда не изменяется. *Рождение и смерть — в природе, а не в вас.* Невежда обманывается, думая, что движется солнце, а не земля; совершенно как мы, думая, что умираем мы, а не природа. В обоих случаях это галлюцинации. Галлюцинация относительно рождения и смерти совершенно того же рода, как та, которую мы испытываем, сидя в железнодорожном поезде, когда думаем, что движутся поля, а

не поезд. Когда люди обладают известным складом ума, — принадлежат к тому же плану существования, — они видят сущность, как землю, солнце, луну, звезды; и все, того же плана, видят то же самое. Но кроме нас могут быть миллионы существ других планов существования. Им все представляется иначе, и они никогда не увидят нас, а мы не увидим их. Мы видим только тех, кто имеет тот же склад ума, т.е., находится на одном с нами плане. Только те музыкальные инструменты отвечают друг другу, которые имеют одинаковый строй. Таким образом, если колебания, называемые «человеческими вибрациями», изменятся, — люди не будут видны больше, вся «человеческая вселенная» исчезнет и вместо нее перед нами окажется другая сцена, явятся, может быть, боги, боги и божеская вселенная, а может быть — для порочного человека — дьяволы и дьявольская вселенная, но все это будет только различным видом той же одной вселенной. Эта самая вселенная, видимая с человеческого плана как земля, солнце, луна, звезды и все прочее, с плана порока будет видима желающими попасть на небо, как небо; тем же, кто мечтает попасть на небо, к Богу, сидящему на престоле, и стоят там, славословя Его, после смерти представятся видения того, что было в их уме; эта самая вселенная изменится для них в обширное небо со всякого рода крылатыми существами, летающими вокруг, и богами, сидящими на тронах. Все эти небеса — создание самого человека. Адвайтист находит, что все, что говорит дуалист — верно, но что оно произведение его собственной фантазии. Все эти сферы, дьяволы, боги, перевоплощения и переселения, все это мифология, выдумки, также как и вся человеческая жизнь. На это обыкновенно отвечают: «мы не должны считать это мифологией — только это и верно». В такое заблуждение люди постоянно впадают. Они прекрасно

понимают, когда другие вещи называются выдумками, но никогда не согласятся применить то же название к их собственным положениям. Все, как оно кажется, конечно выдумки, но *самая большая ложь в том, что люди считают себя телами*, которыми они никогда не были и никогда не могут быть. *Молясь Богу, мы все время молимся нашему собственному скрытому Я*. Самая худшая ложь, какую мы когда-нибудь говорили себе — это, что мы родились грешниками или злыми людьми. Только тот, кто сам грешник, видит грешника в другом. Злой смотрит на вселенную, как на ад, более добрый видит в ней небо, тогда как совершенные существа знают, что она — Бог. У последнего покрывало спадает с глаз, и он видит, что его зрение изменилось, — дурные сны, мучившие его целые годы, исчезли, и он, считавший себя человеком, богом, или дьяволом и думавший, что живет в низших или высоких местах, на земле или на небе и т.п.; видит, что на самом деле он вездесущ, что время в нем, а не он во времени, все небеса в нем, а не он в небе, и все боги, которым он молился, — в нем. Он видит, что сам был создателем богов, демонов, людей и растений, животных и камней; и истинная природа человека восстает перед ним, раскрытая, более высокая, чем небеса, более совершенная, чем вселенная, более бесконечная, чем бесконечное время, более вездесущая, чем вездесущий эфир. Только таким образом человек становится бесстрашным и свободным, все его заблуждения прекращаются и все горести и страхи исчезают навсегда. Для него нет более рождений и смерти; уходит страдание и с ним наслаждение; земля исчезает и с ней — небеса, тело и ум; вся вселенная как бы переходит в потенциальное состояние. Постоянные движения, стремления и борьба сил прекращаются, и то, что проявлялось как сила и материя, как борьба природы, как сама приро-

да, как небо и земля, растения, животные, люди и ангелы, — все превращается в бесконечную, непрерывную, неизменную сущность, и человек видит, что составляет с этой сущностью одно. «Как разноцветные облака, проходя по небу, остаются на нем секунду и исчезают», совершенно так же проходят перед душой все эти видения земель, небес, луны, богов, удовольствий и страданий: все они уходят, оставляя одно бесконечное, голубое, неизменное небо. Небо никогда не меняется; меняются только облака; мы же ошибочно думаем, что меняется небо. Так же, только по недоразумению, мы считаем себя нечистыми, ограниченными, отдельными. В действительности, человек — Одна Единая Сущность.

Теперь возникают два вопроса. Во-первых, «Можно ли убедиться в этом? До сих пор ведь это только теория, философия; но можно ли убедиться опытом, что эта теория верна?» — Да, возможно. В этом мире и теперь живут люди, у которых иллюзия навсегда исчезла, и это достижимо и для других. Что же, достигши такого состояния, люди тотчас умирают? — Не так скоро, как мы думаем. Два колеса, соединенные общей осью, вращаются вместе. Если я буду держать одно колесо и перерублю ось, то колесо, которое я держу, остановится, но в другом еще сохранится живая сила и прежде чем упасть оно будет некоторое время вращаться. Чистое и совершенное существо, душа — это одно колесо, а внешняя галлюцинация тела и ума — другое; они соединены осью деятельности, кармой. Знание — это топор. Он разрубит связь между обоими, и колесо — душа остановится, перестанет переноситься с одного предмета на другой, перестанет жить и умирать, перестанет думать, что она природа и имеет нужды и желания, и увидит себя совершенной и ничего нежелающей. Но в другом колесе, — колесе тела и ума — останется живая сила прежних дей-

ствий, и оно будет жить, пока эта живая сила не истощится. Тогда тело и ум уничтожатся, и душа станет свободной. Больше для нее уже не будет хождения на небо и обратно, ни даже в Брама-Локу и другие высшие сферы, так как куда и откуда она могла бы ходить? Человек, достигший в этой жизни такого состояния, для которого, хотя бы на одно мгновение, изменился вид мира и стала видна действительность, называется «Живой Свободой»? Цель Ведантиста достигнуть такой живой свободы.

Однажды я путешествовал в Западной Индии, в пустынной стране, на берегу Индийского океана. День за днем я шел пешком по пустыне и каждый день с удивлением видел прекрасные озера, окаймленные деревьями, отражения которых дрожали в воде. «Какое великолепие! — думал я. — И это называют пустыней!» Почти месяц я странствовал, видя эти чудные озера и растительность. Но в один день у меня явилась сильная жажда, и я захотел напиться. Я направился к одному из этих прекрасных озер; но, когда приблизился к нему, оно исчезло с быстротой молнии. С такой же быстротой в моем уме блеснула мысль: «Это был мираж, о котором я раньше знал только из книг». Вместе с этим я подумал, что, ведь, целый месяц видел этот мираж и не догадывался. На следующее утро я продолжал свое путешествие. Опять появилось озеро, но теперь я уже знал, что это не настоящее озеро. То же бывает и в этой вселенной. Все мы путешествуем в воображении по этому миру, видя его изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год и не зная, что видим только мираж. В один день он исчезает, но затем является опять; тело наше остается под влиянием прежней Кармы, и мираж возвращается. Обманчивое представление об этом мире будет возвращаться и овладевать нами все время, пока мы связаны *кармой*; мужчины и женщины, растения и животные, наши привя-

занности и обязанности; все будет возвращаться, но не с прежней силой. Силой приобретенного знания сила *Кармы* будет сломана и ее яд утрачен. Она преобразуется, так как вместе с ней будет являться мысль, что теперь мы знаем ее и понимаем огромную разницу между действительностью и миражем. Мир уже не будет тем, что прежде. Но в этом есть и опасность.

Во всех странах мы видим людей, придерживающихся этой философии и говорящих: «Я выше добродетели и порока, а — значит — не связан никакими нравственными законами и могу делать все, что хочу». Да и в вашей стране можно встретить людей, которые говорят: «Я не связан; я сам — Бог; предоставьте мне делать, что я хочу». Но это не верно. Правда, душа не подчинена никаким физическим, умственным и нравственным законам. В законе — рабство, вне закона — свобода. Правда, что свобода прирожденное право души, ее природа, что она просвечивает через все покровы материи в форме кажущейся свободы человека. В каждый момент нашей жизни мы чувствуем, что свободны, что не можем ни жить, ни говорить, ни дышать без того, чтобы чувствовать, что свободны; но в то же время остается всегда слабая мысль, что мы похожи на машины, а вовсе не свободны. В чем же тогда истина? Не чистое ли заблуждение эта идея о свободе? Одна часть людей считает заблуждением идею о свободе, другая — идею о рабстве. Кто же прав?

Человек действительный не может не быть свободным; он становится связанным только тогда, когда входит в мир Майи, имени и формы. Свободная воля — название неправильное. Как воля может быть свободна? Воля начинает существовать не раньше того, как истинный человек становится рабом. Воля человека связана; но то, что проявляет эту волю, вечно свободно; и даже в

состоянии рабства, — которое мы называем человеческой жизнью, или божеской жизнью, или жизнью в небесах, или на земле, — в нас все-таки остается воспоминание о свободе, которая составляет наше божественное право, за которое все мы сознательно или бессознательно боремся.

Когда человек достиг свободы, как он может быть связан каким бы то ни было законом? Никакой закон во вселенной не может связать его, потому что сама эта вселенная принадлежит ему. Он сам — вселенная. Про него можно сказать только, или что он — вселенная, или что для него нет вселенной. Как же может он думать о подобных вещах, как пол, страна и т.п.? Как может говорить: «Я мужчина, я женщина, я ребенок?» Не ложь ли это? Узнав истину, как он может говорить, что то составляет право мужчины, а это — право женщины? Никто не имеет никаких прав, так как никто даже не существует отдельно от остальных. Нет ни мужчин, ни женщин; душа вечно бесполовая, вечно чистая. Ложь говорить, что я мужчина или женщина, или принадлежу той или другой стране. Весь мир мое отечество, вся вселенная моя, потому что я одет ей, как моим собственным телом. И однако ж, мы видим людей, отстаивающих эти теории и в то же время творящих дела, которые нельзя назвать иначе, как скверными. А если мы спросим их, почему они так поступают, они говорят, что *мы* заблуждаемся, так как они не делают ничего дурного. Где основания, по которым можно судить, что хорошо и что дурно? Основания следующие: *Хотя добро и зло — условные проявления души, но зло — более внешняя, а добро — более внутренняя оболочка действительного человека, действительного «я».* Если человек не проникнет через слой зла, он не достигнет слоя добра и, если не пройдет через оба слоя, — не достигнет сущности «я». Пока дурные побуждения

не вполне переработаны, пока прежняя нечистота не вполне истреблена, невозможно для человека убедиться опытом в истине. Когда же истина им постигнута, при нем остаются только хорошие впечатления прошлой жизни, остаток хорошей живой силы. Если такой человек продолжает жить в теле и трудиться, он трудится только ради добра, его уста произносят только благословение; его руки делают только добрые дела, в его уме только хорошие мысли. Он весь — живое благословение. Такой человек, куда бы он ни пошел, будет способен своим присутствием изменить самых порочных людей в святых. Если он даже не будет говорить, его появление между людьми будет счастьем для человечества. Могут ли такие люди делать какое-нибудь зло? Могут ли они совершать дурные поступки? Вы должны помнить, что между убеждением и болтовней разница, как между двумя полюсами. Болтать может каждый, даже попугай; но болтовня — одно, а убеждение совсем другое. Философии, учения, доказательства, книги и теории, церкви и секты и все подобные вещи хороши каждая сама по себе; но когда является опытное убеждение, они теряют всякое значение. Карты хороши, но когда вы сами увидите изображенную на них страну и потом взглянете на карту, какая огромная разница! Совершенно также, те кто путем опыта убедился в истине, не нуждаются в логических умозаключениях и прочей умственной эквилибристике, чтобы понять ее. Для них их жизнь как бы сгустилась и стала более чем осязаемой. Мудрецы Веданты говорят: «Совершенно, как держа плод в руке и, глядя на него, говорите. — «Вот он здесь», — так и те, кто опытом познал истину, скажут: «Вот Я». Вы можете спорить с ними годы, но они будут только улыбаться и относиться ко всем вашим словам, как к детскому лепету. Они познали истину и спокойны. Представьте, что вы видели какую-нибудь

страну, и, вот, приходит к вам человек и старается доказать, что такая страна никогда не существовала. Он может продолжать свои доказательства до бесконечности, но приведет вас только к заключению, что самое подходящее для него место — дом для умалишенных. Человек познавший говорит:

«Все людские толки об их маленьких религиозных системах — детский лепет; истинная сущность, душа религии, — это опытное познание». Религию можно познать опытом; но готовы ли вы к этому? Хотите ли этого? Если вы действительно постараетесь, вы достигнете такого опытного познания, и только тогда будете истинно религиозным; пока же не достигли такого познания, вы ничем не отличаетесь от атеиста. Атеист, по крайней мере, искренен, а в человеке, который говорит, что верит, но никогда не пробует убедиться опытом, нет искренности.

Дальше идет вопрос, что же следует за приобретением опытного познания? Предположим, что мы убедились в единстве вселенной, в том, что мы — Единое Бесконечное Существо, Я; что это «я», которое проявляется во всех различных феноменальных формах. Что же затем станет с нами? Не сделаемся ли мы бездеятельными, не спрячемся ли в углу, не сядем ли там и не будем ли ждать смерти? Какую пользу принесет наше познание миру? Опять этот старый вопрос! Прежде всего, какое право имеет кто-нибудь спрашивать, какую пользу принесет это миру. Что под этим понимается? Ребенок любит лакомства и, видя, что вы занимаетесь исследованием в какой-нибудь области электричества, спрашивает вас: «можно ли на то, что вы делаете, купить пирожного?» «Нет», — отвечаете вы. «Тогда какая от него польза?» — Также разумно и рассуждение взрослых: «Какая польза от этого миру? Даст ли оно ему деньги?... Нет? —

Тогда какая от него польза?» Но опытное религиозное познание приносит миру и бесконечную пользу. Люди боятся, что, когда достигнут его, узнают, что есть только Одно, то источник любви иссякнет, они утратят все, что любят, и оно исчезнет для них не только в этой жизни, но и в будущей. Они воображают, что деятели мира заботились о своей индивидуальности. Но человек любит только тогда, когда находит, что действительный предмет его любви не какая-нибудь низменная, ничтожная смертная вещь, когда видит в нем не комок земли, но самого Бога. Жена больше полюбит своего мужа, если будет считать его самым Богом, муж будет больше любить жену, если узнает, что она Бог. Та мать больше всего любит своих детей, которая смотрит на них, как на самого Бога, тот человек будет любить своего величайшего врага, который знает, что этот его враг сам Бог. Человек будет любить святого, о котором знает, что он — Бог, но будет любить также и самого грешного из людей, если знает, что сущность этого грешного человека — также Он, Господь. Тот двигает мир, для кого его маленькое я умерло, а на его месте стоит Бог. Для него вся вселенная будет преображенной. Все болезненное и горестное для него исчезнет, всякая борьба прекратится. Эта вселенная, вместо того, чтобы быть тюрьмой, в которой мы каждый день боремся и соперничаем из-за куска хлеба, станет для нас театром. Как прекрасна будет тогда вселенная! Только такой человек имеет право воскликнуть: «как прекрасен этот мир!» Благой результат для мира от такого познания таков, что, если б человечество узнало сегодня хотя маленькую частицу этой великой истины, весь мир изменился бы и вместо борьбы и ссор наступило бы царство мира. Те грубые побуждения, которые заставляют нас противодействовать всякому другому, исчезли бы навсегда из мира. Исчезла бы навеки всякая борьба,

всякая ненависть, всякая зависть и всякое зло. Тогда на земле жили бы боги, и земля стала бы небом. Какое зло могло бы быть на ней, когда боги играли бы с богами, боги работали бы с богами и боги одаряли бы любовью богов? Вот какая бесконечная польза была бы от этого божественного познания. Оно изменило бы и преобразило все, что мы видим в обществе. Вы не думали бы больше о человеке, как о злом, и в этом был бы первый успех. Вы больше не насмехались бы над бедным мужчиной, или женщиной, которые сделали ошибку. Добродетельная женщина не смотрела бы свысока и с презрением на ту, которая бродит по ночам, так как и в ней она видела бы Самого Бога. Вы не думали бы больше о ревности и наказании. Все это исчезло бы, и любовь, великая идеальная любовь стала бы настолько могущественна, что не нужно было бы ни веревки, ни кнута, чтобы надлежащим образом направлять человечество.

Если бы одна миллионная часть живущих в этом мире мужчин и женщин просто присели бы на несколько минут и сказали: «Все вы — Бог; вы — люди, животные, все живые существа, — все вы проявление одного живого Божества!» — то весь мир изменился бы в полчаса. Вместо того, чтобы рассыпать повсюду ненависть и испускать потоки зависти и злых мыслей, люди всех стран думали бы: «Все это Он; Он все, что мы видим и чувствуем». *Как можете вы видеть зло, если в вас самих нет зла? Как можете вы видеть вора, если его нет в глубине вашего собственного сердца; как можете вы видеть разбойника, если сами не разбойник? Будьте добры, и зло для вас исчезнет. Вся вселенная таким образом изменится. В этом польза общества; в этом цель всей человеческой организации.*

Эти мысли были продуманы и разработаны отдельными лицами в древнее время в Индии. По разным при-

чинам, вроде односторонности учителей и покорения иноземцами, они не могли распространиться; но они остаются *великими истинами*, и всегда, когда были осуществляемы человеком, этот человек становился божественным. **Теперь наступает время, когда эти мысли распространятся по всему миру.** Вместо того, чтобы быть запертыми в монастырях и заключенными в философских книгах, доступных лишь образованным людям; вместо того, чтобы быть исключительным достоянием сект и немногих ученых, мысли эти будут рассеяны по всему миру, и станут собственностью святого и грешника, мужчин и женщин и детей, образованных и невежд. Они проникнут в окружающую нас атмосферу, и самый воздух, которым мы дышим, будет говорить нам при каждом вдохании: «Ты — Тот». И вся вселенная, с ее мириадами солнц и лун, в один голос будет возглашать: «Ты — Тот»!

Майя и эволюция понятия о Боге

Мы видели, что идея Майи, составляющей одно из основных учений адваитической Веданты, встречается в зародыше уже в Самхитах, в которых находим также, в той или иной форме, все идеи, получившие окончательное развитие в Упанишадах, Большинство из вас теперь ознакомились с идеей Майи и знаете, что это слово иногда неправильно переводится словом «иллюзия». Такой перевод неудачен и неправилен. *Слово Майя не выражает собой никакой теории, оно просто утверждение фактов, как они существуют во вселенной.* Чтобы вполне усвоить его значение, надо обратиться к Самхитам и проследить развитие этого понятия с самого его зародыша. Мы видели, как явилась идея о Дэвах. Вначале Дэвы были просто могущественные существа и

ничего больше. Большая часть из вас приходили в ужас, читая в древних писаниях Греков, Евреев, Персов и других, что древние боги делали иногда вещи, крайне, на наш взгляд, отвратительные. Читая эти книги, мы совершенно забываем, что живем на исходе 19-го века, а эти боги были существа, в которых верили тысячи лет назад, и забываем также, что люди, поклонявшиеся им, не находили ничего несообразного в их характерах, ничего страшного в описываемых таким образом богах, потому что они сами были очень похожи на них. Можно заметить, что это один из важнейших уроков, которые нам дает жизнь. Судя о других, мы всегда судим о них согласно нашим собственным идеалам. Но этого не должно быть. *Каждого следует судить по его идеалам, а не по идеалам других.* В отношениях с нашими ближними мы постоянно впадаем в эту ошибку, и, по моему мнению, огромное большинство наших споров и ссор происходит по той простой причине, что мы всегда стараемся судить о богах, идеалах и побуждениях других — по нашим собственным идеалам и побуждениям. Под влиянием известных условий я могу поступить известным образом; и, если вижу, что другой делает то же, заключаю, что и он действует по тому же побуждению, упуская из виду что тот же самый результат мог получиться вследствие тысячи совершенно других причин. Можно совершать то же действие, что и я, по побуждению совершенно отличному от моего. Таким образом, обсуждая древние религии, мы не должны смотреть на них с той точки зрения, с которой теперь склонны судить других, но должны, так сказать, привести себя в умственное состояние тех ранних времен.

Понятие о жестоком и безжалостном Иегове Ветхого Завета приводит многих в содрогание. Но почему? Какое они имеют право считать, что Иегова древних иудеев

должен согласовываться с условными понятиями о Боге настоящего времени? Мы не должны забывать, что после нас будут люди, которые могут посмеяться над нашими идеями о религии и Боге, также как мы смеемся над идеями древних. Но через все эти понятия проходит золотая нить единства, и цель Веданты заключалась в том, чтоб распутать эту нить. «Я — та нить, на которую нанизаны все эти идеи, из которых каждая подобна жемчужине», — говорит Господь Кришна, и дело Веданты установить существование этой связующей нити, как бы несообразны, отвратительны и даже ужасны ни казались отдельные идеи, по сравнению с современными понятиями. Следует помнить, что в то время, когда эти идеи устанавливались, *они вполне гармонировали с тогдашними понятиями и не были более отвратительны, чем нынешние идеи для нас.* Они кажутся отвратительными только тогда, когда мы оторвем их от прежних условий и применим к нашим настоящим. Все это прошло, умерло и исчезло. Подобно тому, как древний иудей развился в жадного, хитрого современного жида, а древний ариец в разумномыслящего индуса, так же выросли и Иегова и Дэвы. Наша громадная ошибка в том, что мы замечаем эволюцию поклонников Бога, но упускаем из виду эволюцию Бога. Он не пользуется у нас тем же успехом, как его поклонники. Вы и я, как представители идей, выросли; но боги, будучи также представителями идей, вырастали попутно. Это вам может показаться странным. Вы скажете: «Как может вырасти Бог»? Но в строгом смысле, не растёт и человек. Дальше вы увидите, что действительный человек, стоящий позади видимых его проявлений, недвижим, неизменяем, чист и совершен, таким же образом и за составленным нами представлением о Боге, — нашем собственном создании, — стоит действительный Бог, никогда не меняющийся, вечно чистый, неизменный. Проявления же всегда изменяются, всегда только отчасти открывают действительность, которая позади них. Ко-

гда понятие начинает больше обнаруживать стоящий за ним факт, говорят, что оно прогрессирует; если же оно больше скрывает факт, — говорят, что оно идет вспять. Итак, по мере того, как мы растем, растут и боги. С точки зрения здравого смысла, как мы, развиваясь, раскрываем себя, так точно раскрывают себя и боги.

Теперь мы в состоянии понять теорию майи. Один из вопросов, предлагаемых на разрешение всеми религиями мира, следующий: Почему во вселенной такой беспорядок? Почему существует во вселенной зло? Мы не встречаем этого вопроса при самом начале возникновения религиозных идей, потому что первобытному человеку мир не казался несообразным. Условия, в которых он находился, не были негармоничными. Тогда не было столкновения жизней, никакого антагонизма между добром и злом. Была только борьба в собственном сердце человека между чем-то, что говорило «да», и чем-то, говорившем «нет». Первобытный человек был человеком побуждения. Он всякую мысль, какая ему приходила в голову, тотчас переносил в свои мускулы, никогда не останавливаясь для обдумывания и не пытаясь удерживаться от выполнения побуждения, которое явилось у него. То же было и относительно богов, создаваемых также побуждением. Является Индра и разбивает силы демонов; Иегове нравится один человек и не нравится другой. Почему? — Никто не знает, так как привычки спрашивать тогда не было, и все, что бы Он ни делал, было правильно. Еще не было понятия о добре и зле. Дэвы проделывали многое, что по нашим понятиям было скверно; Индра и другие боги, то и дело, совершали ужасные вещи; но поклонявшимся Индре не приходила в голову мысль о безнравственности, и они никогда ни о чем не спрашивали.

С развитием нравственных идей началась борьба. В человеке появилось особое чувство, носящее у разных

народов и на разных языках различные названия, но действующее как задерживающая сила. Побуждения человеческого сердца могли быть голосом Бога, или результатами прежнего воспитания, или тем и другим, но, как бы мы их ни называли, действие их одно и то же. Одно побуждение нашего ума говорит: «делай», но за ним раздается голос: «не делай». В нашем уме есть серия идей, постоянно стремящихся проявиться чувственным путем, а за ней, хотя может быть слабый, голос говорит: «не выходи наружу». Для этого явления в санскритском языке есть два прекрасных слова: *праврити* и *ниврिति*, развертывание и свертывание. Развертыванием обозначаются все наши действия. Религия начинается свертыванием, словами «не делай». Когда нет слов «не делай», религия еще не существует. И это «не делай» начинается самопроизвольно. Людские идеи растут, как вы видите, на зло грубым, задорным богам, которых почитают те же люди.

В сердце человечества родилась маленькая любовь. Она была очень мала, и даже теперь еще не велика. Сначала она относилась к племени, обнимая почти всех его членов, и бог или боги, которых племя почитало, любили только это одно племя. Таким образом, каждый бог был богом покровителем племени, и члены племени иногда считали себя потомками этого бога, подобно тому, как кланы в разных странах считают себя прямыми потомками основателя клана. В древние времена были, и есть даже теперь люди, заявляющие претензию быть потомками не только этих богов, но также солнца и луны. В старых санскритских книгах вы можете прочесть о великих героях-царях из династии солнечной и лунной. Они были первыми почитателями солнца и луны и постепенно пришли к мысли, что сами — потомки бога солнца, бога луны и т.п. Когда эти идеи начинают развиваться, по-

является зародыш любви, смутная идея об обязанностях по отношению друг к другу, маленькая общественная организация, — и немедленно возникает вопрос: «как можем мы жить вместе, без снисходительности и терпения? Как может человек жить с другим, — хотя бы одним человеком — не подавляя по-временам своих побуждений, не останавливая себя, не удерживаясь от поступков, к совершению которых побуждает ум. Все общественное устройство основано на идее о сдержанности, и все мы знаем, что мужчины и женщины, которые не научились терпеть и уступать, ведут самую плачевную жизнь. *Когда зарождается этика, или, что то же, идея о сдержанности, проблеск высшей религии озаряет человеческий разум.* Старые боги, свирепые, дерущиеся, пьянствующие, пожирающие мясо, которым самое большое удовольствие доставляли запах горелого мяса и возлияние крепких напитков, — такие боги оказались неудовлетворительными. Рассказывают, например, что Индра иногда так напивался, что падал на землю и начинал издавать нечленораздельные звуки. Такие боги не могли быть более терпимы. Возникла мысль исследовать побуждения, и сами боги были призваны на допрос. Какое основание было у такого-то и такого-то бога сделать то или другое? — И разумного основания не оказывалось. Поэтому люди отказались от своих богов, или, правильнее, выработали более высокие идеи о богах. Они собрали вместе все те действия и свойства богов, которые не могли гармонировать с их новым идеалом самообуздания, и соединили также те, которые были понятны и гармоничны, обозначив всю совокупность последних именем Дэва-Дэва, или Бог богов вселенной. Бог, чтобы ему поклонялись, не мог быть больше только символом силы; от него требовалось уже нечто большее. Теперь он стал нравственным богом, любящим челове-

чество и делающим ему добро. Но идея о боге все же осталась; только его нравственное значение, а следовательно, и могущество увеличились. На него стали смотреть не только как на самое могущественное существо во вселенной, но также и как на самое нравственное. По мере того, как понятие о богах расширялось, увеличивались и затруднения, которые требовалось разрешить. Если качества богов возрастали в арифметической прогрессии, вопросы вырастали в геометрической. Трудность объяснения поведения Иеговы была очень небольшая, в сравнении с трудностью объяснения мотивов бога вселенной. И до настоящего дня остается неразрешенным вопрос — «Почему Всемогущий и Вселюбящий Бог, управляющий вселенной, допускает в ней столько дьявольщины? Почему должно быть настолько больше страданий, чем счастья, и настолько больше порока, чем добродетели?». Мы можем закрыть глаза на эти вещи, но все же остается факт, что этот мир отвратителен, что, в лучшем случае, он не что иное, как Танталов ад. Мы живем здесь с сильными побуждениями к чувственным наслаждениям и еще более сильными мечтами о них, и не имеем ничего для их удовлетворения. В нас поднимается волна, увлекающая нас против воли вперед, но, как только мы делаем шаг, разражается удар. В нашем уме возникают побуждения, далеко превосходящие пределы наших чувственных идеалов, — но, желая их выполнить, мы никогда не увидим их осуществленными. С другой стороны, все окружающее постоянно наносит нам удары, грозящие сокрушить нас в прах, но, если мы отбросим все идеалы и отдадимся исключительно борьбе с миром, наше существование станет существованием скотов, мы унизим себя и развратимся. Таким образом, ни один из этих путей не ведет к счастью. Несчастье — удел человека, довольствующегося чисто материальной жизнью,

но в тысячу раз более несчастна судьба того, кто, во имя истины и высших идеалов, осмеливается выступить вперед и требовать чего-то высшего, чем животные наслаждения. Все это факт, и нет ему никакого объяснения. Но Веданта указывает выход. Вы, вероятно, не забыли, что в этих лекциях я не раз упоминал о фактах, которые испугают вас; запомните же, продумайте и усвойте теперь то, что я сейчас скажу вам; в конце концов, оно будет ясно для вас, возвысит вас и сделает способными уразуметь истину и жить в ней.

Совсем не предположение, но положительный факт, что этот мир — Танталов ад, что мы ничего не знаем о вселенной и в то же время не можем сказать, что не знаем. Я не могу сказать, что эта цепь (указывая на часовую цепочку) существует; но, когда я думаю о ней, то знаю, что она существует, хотя это, может быть, и иллюзия моего ума. Я, может быть, все время грежу. Может быть, мне грезится, что я говорю вам и что вы слушаете меня. Никто не может доказать, что это не так. Самое существование моего ума, может быть, иллюзия, так как никто никогда не видел своего ума; и все-таки мы считаем существование его доказанным. То же самое и относительно всего прочего. Я не считаю несомненным существование моего тела, и в то же время не могу сказать, что оно не существует, или что оно не мое. Таким образом, мы стоим между знанием и незнанием, в таинственной полутьме, где истина смешивается с ложью; но где именно они встречаются — никто не знает. Мы бродим среди грез, наполовину спящие, наполовину бодрствующие, проходя всю нашу жизнь в тумане. Это участь каждого из нас. Это судьба всякого чувственного знания, всякой философии, всей нашей хваленой науки. Такова вселенная!

О всем, что вы называете материей, умом, духом, или чем хотите, — так как вы можете давать им какие

угодно названия, — мы не можем сказать, что они есть и в то же время не можем сказать, что их нет; не можем сказать, что все они — одно, и не можем сказать, что они — многое. Эта вечная игра света и тьмы, — многообразная, неразборчивая, неясная, неделимая, заставляющая вещи казаться фактами и в то же время не фактами, всегда находящаяся на-лицо и заставляющая нас верить, что мы бодрствуем и в то же время спим, — называется *майя*. Она — простое утверждение факта. Мы рождаемся в майе, живем, думаем и грезим в ней. В ней мы философы и религиозные люди, дьяволы и даже Боги. Расширьте любую вашу идею насколько можете, направляйте ее все выше и выше, называйте ее бесконечной или какими хотите именами, и все-таки эта идея будет в майе. Иначе и быть не может. Все человеческое знание — только обобщение майи, только усилие узнать ее, как она есть в действительности. Это дело *Нама-Рупы*, имени и формы. Все, что имеет форму, все что вызывает в уме идею, — все в майе. Германские философы говорят, что все подчинено законам времени, пространства и причинности. Но все это тоже в майе.

Вернемся немного назад, к ранним идеям о Боге, и посмотрим, что случилось с ними. Мы прежде всего замечаем, что, при настоящем положении вещей, идея о некоем существе, вечно любящем нас, — употребляя слово «любовь» в нашем собственном смысле, — вечно бескорыстном и всемогущем и в то же время управляющим этой вселенной, невозможна. Чтобы высказать эту идею о личном Боге, требовалась смелость поэта. Поэт спрашивает: «Где ваш справедливый смысл и милосердный Бог? Разве он не видит, как погибают миллионы миллионов его детей, в форме людей и животных, не могущих прожить ни одного мгновения, не убивая других. Можете ли вы вдохнуть хоть один раз воздух, не уничто-

жив тысячи жизней? Вы живете потому, что миллионы умирают. Каждый момент вашей жизни, каждое ваше дыхание — смерть тысяч, каждое ваше движение — смерть миллионов. Каждый кусок, который вы едите — смерть других миллионов. Почему же они должны умирать? Есть старый софизм: «Они такие низкие существа». Может быть. Но мы в этом не уверены. Кто знает, кто более велик, — муравей ли по сравнению с человеком, или человек — по сравнению с муравьем? Кто докажет то или другое? Не потому ли человек выше, что он может строить дома и изобретать машины? Но тот же аргумент, с таким же успехом, можно употребить и иначе: так как муравей не может построить дома и изобрести машину, то поэтому он более велик. В одном случае не больше основания, чем в другом».

Оставляя даже этот вопрос в стороне, признавая несомненным, что это очень низкие существа, почему они должны умирать? Если они очень низки, то имеют еще больше права на жизнь. Они более чувственны и потому сильнее, чем вы и я, чувствуют удовольствие и боль. Кто из нас может есть с тем же увлечением, как собака или волк? Наша энергия не в чувствах; она в разуме и духе. У собаки же вся душа в чувствах, она сумашествует, увлекается, наслаждается вещами так, как мы, человеческие существа, не можем и мечтать, и ее физические страдания пропорциональны ее наслаждениям.

Количество наслаждения измеряется той же мерой, как и количество страдания. Если удовольствие испытывается животным гораздо сильнее, то и чувство боли животного в тысячу раз сильнее, чем то же чувство у человека. И они должны умирать! Несомненно, что боль и страдания, испытываемые животными в тысячу раз больше, чем у человека, и мы все-таки убиваем их, не смущаясь их страданиями. Это — Майя.

Если мы допустим, что есть личный Бог, подобный человеческому существу, который сотворил как человека, так и животных, то так называемые объяснения и теории, пытающиеся нас уверить, что зло ведет к добру, неудовлетворительны. Пусть получится двадцать тысяч хороших вещей, но зачем они должны произойти непременно из зла? Следуя этому принципу, я могу перерезать другому горло, потому что это доставит удовольствие моим пяти чувствам. Это не основание. Почему же добро должно происходить из зла? Этот вопрос требует ответа, а ответ на него невозможен, и Индусская философия должна была признать это.

Веданта была самой смелой из всех религиозных систем. Она ни перед чем не останавливалась. Но у нее было и преимущество. В Индии не было никаких жреческих сообществ, которые бы старались уничтожить всякого, кто пытался говорить истину. Там всегда была абсолютная свобода в религии. В Индии гнет предрассудков лежал на обществе, которое на Западе теперь очень свободно. В Индии не было свободы в социальном отношении, но в религиозном была полная. Здесь человек может одеваться, как хочет, и есть — что хочет, и никто ему не запретит и ничего не скажет; но пусть он попробует пропустить обедню, и г-жа Гренди тотчас набросится на него. Прежде чем думать об истине, он должен тысячу раз подумать о том, что скажет общество. В Индии, наоборот, если человек пообедает с непринадлежащим к его касте, на него обрушится общество со всей своей ужасной властью и, так или иначе, сокрушит его. Если он вздумает одеться не так, как одевались века назад его предки, он погиб. Я слышал об одном человеке, который был исключен из касты только за то, что прошел несколько миль, чтобы посмотреть на железную дорогу. Зато в религии мы свободны; у нас терпят атеистов, ма-

териалистов, Буддистов и людей, проповедующих религиозные мнения самые неожиданные и ужасные. У самого входа в храм, наполненный Богами, Брамин — будь сказано к его чести — позволил даже материалисту взойти на ступени и порицать богов.

Я помню одного моего знакомого, известного американского ученого, который восхищался, читая историю Будды. Но ему не нравилась его смерть, — потому, как он говорил, что тот не был распят. Что за дикая идея! Чтобы быть великим, человек должен быть умерщвлен! В Индии таких идей никогда не было. Великий Будда ходил по стране, отвергая наших разных богов и даже единого Бога, Творца вселенной, и говоря, что все это неправда; и тем не менее, он умер своей смертью в глубокой старости. Он жил семьдесят пять лет, пока не обратил в свою веру половину страны.

Затем у нас были Карвакасы, проповедывавшие самые ужасные вещи, такой грубой и откровенный материализм, который даже в девятнадцатом столетии вы не осмелились бы провозглашать на ваших улицах. Но этим Карвакасам позволяли проповедывать в разных храмах и городах, что религия — просто выдумки духовенства, что «Веды» представляют собой собрание слов и писаний глупцов, мошенников и дьяволов», и что нет ни бога, ни вечной души. Если есть душа, — говорили они, — почему она не приходит после смерти назад, привлекаемая любовью своей жены и детей? Их идея заключалась в том, что если есть душа, то она должна и после смерти любить и желать хороших вещей для еды и изящной одежды. И никто не делал этим Карвакасам никакого вреда.

Таким образом, в Индии всегда господствовала величественная идея религиозной свободы, величественная потому, что *свобода — первое условие духовного раз-*

вития. Это следует всегда помнить. То, чему вы не даёте свободы, никогда не вырастет. Идея, что вы можете помогать росту других, всегда направляя их, руководя ими и сохраняя по отношению к ним роль учителя, — чистая нелепость, опасная ложь, замедляющая в этом мире рост миллиардов человеческих существ. Дайте людям свет свободы. Это единственное условие роста.

В нашей стране мы пользуемся полной свободой в духовном отношении, и оттого даже теперь у нас вы встретите громадные силы религиозного мышления. Вы обеспечиваете свободу в социальном отношении и имеете роскошное общественное устройство, мы не предоставили никакой свободы проявлению социальных чувств, и наше общество корчится в судорогах. Но вы не давали свободы в религиозных вещах. Огнем и мечом вы поражали ее, и в результате получилось, что в Европейском уме религия заглохла и выродилась. В Индии мы должны снять кандалы с общества, а в Европе — с ног духовного развития. Когда мы придем к убеждению, что позади всякого развития, — духовного, нравственного и общественного, — есть единство, что все они одно, и что религия должна обнимать общество, охватывать всю нашу повседневную жизнь, тогда начнется удивительный рост и развитие людей. Такое убеждение есть религия в полном значении этого слова. Из объяснений Веданты вы поймете, что все ваши науки также проявления религии, также как и все, что существует в этом мире.

Мы видим, что все различные науки могли быть выработаны только при свободе, и что в прежнее время были два направления мнений, медленно выросших из Веданты: одно, о котором я только что говорил вам, направление материалистов или отрицателей, и другое, положительное по своей природе, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем. А вот еще в высшей степени

удивительный факт, с которым можно встретиться в каждом обществе. Представьте себе, что в обществе обнаружилось какое-нибудь злоупотребление. Тотчас найдется компания людей, которые начнут преследовать его карательными мерами, при чем сами нередко превратятся в фанатиков. Их вы найдете во всяком обществе, и женщины, как особенно импульсивные по природе, часто присоединяются к ним со своими воплями. Каждый фанатик, начинающий отвергать что-нибудь, находит всегда последователя, потому что ломать легко; даже сумасшедший может разбить что угодно, но ему очень трудно что-нибудь создать. Такие общества отрицателей существуют во всех странах, в той или другой форме, и они думают, что исправят этот мир только силой отрицания и обнаружения зла. Они приносят некоторую пользу, со своей точки зрения, но гораздо больше вреда, потому что скоро ничто не делается. Социальное устройство создано не в один день, и произвести изменения, значит — устранить причины. Предположите, что существует какое-нибудь зло. Простым отрицанием вы ничего не сделаете. Вы должны направлять ваши усилия на источник, корень зла, и прежде всего найти его причины; тогда все следствие исчезнет само собой. Все же вопли не приведут ни к чему, разве только к несчастью. В Индии были люди другого рода, сердца которых были полны симпатией, и которые понимали, что мы должны идти в глубь, искать причины. Это были великие святые. Все великие учителя мира заявляли, что они пришли не разрушать, но дополнять. Долго этого не понимали; думали, что те не смели говорить и делать то, что считали правильным. Но это не так. Фанатики плохо понимают бесконечную силу любви, которая была в сердцах этих великих мудрецов. Они смотрели на всех людей, как на своих детей, были действительными отцами, действи-

тельными богами, полными бесконечной симпатии и терпения к каждому, действительно готовы были терпеть и переносить. Они знали, сколько еще нужно расти обществу, и терпеливо, медленно, уверенно шли вперед, применяя свои лекарства, не преследуя и не пугая людей, но осторожно и ласково ведя их за собой шаг за шагом. Таковы были писавшие Упанишады. Они хорошо знали, что старые идеи о Боге не согласовались с более ушедшими вперед нравственными идеалами времени, превосходно понимали, что идеи, проповедываемые буддистами и другими атеистами, заключали в себе часть истины, — или скорее зародыш ее, — но знали также, что те, кто хочет разорвать нить, связывающую четки, думают строить новое общество на воздухе и наверно потерпят неудачу. *Мы никогда не создаем ничего нового, но только изменяем положение вещей; семя же вырастает в дерево само. Итак, мы должны осторожно и терпеливо направлять энергию общества к истине, дополняя истину существующую, а не стараясь создавать новую.* Таким образом, вместо того, чтобы отвергать старые идеи о Боге, как неподходящие к более позднему времени, писавшие Упанишады начали с отыскания того, что в этих старых идеях было действительно, и результатом явилась философия Веданты. От старых божеств и от монотеистического Бога, Правителя вселенной, они приходили к все высшим и высшим идеям о Божестве, и в том, что называется Безличным Абсолютом, нашли объединение всей вселенной.

Кто видит в этом мире многообразия Одного, проникающего его весь, кто в мире смерти находит Одну Бесконечную Жизнь, и в этом бесчувственном и невежественном мире видит один источник света и знания, тому принадлежит вечный мир — «никому другому, никому другому».

Майя и Свобода

«Мы приходим, влача за собой облака славы», — говорит поэт. Не может быть, однако, спора, что далеко не все мы приходим в облаках славы, а многие приносят с собой только черные туманы. Да и приходим-то мы не по желанию, а *присылаемся сюда, как бы на поле битвы, чтобы сражаться*. Приходим с плачем, хотим или нет, чтобы как умеем, завоевать себе выход, проложить путь через бесконечное пространство, и подвигаемся вперед, пока не придет смерть и не унесет нас с поля битвы, — кто знает, — победителями или побежденными. Это — *майя*.

Надеждой переполнено детское сердце. В открытых глазах ребенка мир представляется золотым видением; выше своей воли для него нет ничего. Увы, с каждым шагом вперед, природа, подобно несокрушимой стене, преграждает ему дальнейший путь. Он может бросаться на нее без конца, стараясь пробиться; но, в течение всей жизни, чем больше подвигается вперед, тем дальше отходит от него идеал, пока не наступит смерть, которая, может быть, и будет освобождением. И это — *майя*.

Вот человек науки. Он жаждет знания. Никакая жертва для него не велика, никакая борьба не кажется безнадежной. Он подвигается вперед, открывая один секрет природы за другим, раскрывая тайны самых глубочайших недр природы. А для чего? К чему все это? Почему мы венчаем его славой? За что он приобретает известность? Разве природа не бесконечно больше, чем может знать кто-нибудь из нас, человеческих существ? Но, — скажете вы — природа тупа и бесчувственна. Зачем же подделывать тупое и бесчувственное? — Природа может бросать громовые стрелы любой величины и на любое расстояние. А если человек в состоянии подделать ни-

чтожную частицу этого, мы осыпаем его похвалами, прославляя до небес. Но почему? Почему мы должны хвалить его за подделку природы, которую сами называем тупой и бесчувственной? Сила притяжения может разрывать в куски величайшие массы, и все-таки она неразумна. В чем же слава подделывать неразумное? А мы все-таки все стремимся к этому. И это — *майя*.

Чувства увлекают за собой человеческую душу. Человек ищет счастья там, где его нельзя найти. В течение бесконечного числа веков, нас учат, что все это ничтожно и напрасно, но мы никак не можем усвоить этого; да этому научиться и невозможно иначе, как на собственном опыте. Мы делаем попытки, но получаем взамен удары. Научит ли хоть это нас? — Нет, и это не научит. Подобно мотыльку, бросающемуся в пламя, мы снова и снова бросаемся к нашим чувствам, в надежде найти в них какое-нибудь удовольствие; снова и снова возвращаемся к ним с обновленной энергией, и так продолжаем до тех пор, пока не умрем, искалеченные и обманутые. И это — *майя*.

То же и с нашим разумом. Пытаясь разрешить тайны вселенной, мы не можем перестать спрашивать; мы должны дойти до того, чтобы не оставалось ничего неизвестного. Но, сделав несколько шагов, наталкиваемся на стену безначального и бесконечного времени, через которую не можем перебраться. Несколько шагов дальше, и перед нами стена безграничного пространства, которую нельзя перейти. И все заключено в непреложные границы причин и следствий, выхода из которых нет. Все же мы делаем усилия, должны их делать. И это — *майя*! При каждом дыхании, при каждом биении нашего сердца и при каждом нашем движении мы думаем, что свободны, и в тот же самый момент видим, что не свободны, что мы — связанные природой рабы, что наше тело и ум,

все наши мысли и все наши чувства, все сковано. И это — *майя*.

Никогда еще не было матери, которая бы не думала, что ее дитя — гений, самый необыкновенный ребенок, какой только когда-либо был рожден. Она страстно любит свое дитя. Вся ее душа в нем. Дитя растет и становится пьяницей и грубым животным и, может быть, дурно обращается со своей матерью. Но чем хуже его обращение, тем больше растет ее любовь к нему. Мир хвалит мать за бескорыстие, мало думая о том, что она просто раба от рождения и не может помочь себе. Она тысячу раз сбросила бы с себя эту цепь, но не может, и увенчивает ее венком из цветов, называя любовью. И это — *майя*.

Таковы мы все в этом мире. Однажды Нарада сказал Кришне: «Господи, покажи мне *майю*». Прошло несколько дней, и Кришна предложил Нараде совершить с ним путешествие в пустыню. Пройдя несколько миль, он сказал: «Нарада, я хочу пить; не можешь ли принести мне воды?» — «Подожди немного; я пойду достану ее». И Нарада ушел. Неподалеку была деревня; он вошел в нее и постучал в одну дверь. Она открылась, и на пороге показалась прекрасная молодая девушка. При виде нее, он тотчас забыл, что его учитель ждет воды и, может быть, умирает от жажды; забыл все и стал болтать с девушкой. Весь этот день он не вернулся к учителю. На следующий день опять был в том же доме и болтал с девушкой. Разговоры перешли в любовь. Он просил отца девушки выдать ее за него; они поженились и имели детей. Так прошло двенадцать лет. Его тесть умер; он наследовал его имущество и жил очень счастливо в своем доме, окруженный женой, детьми, полями, скотом и проч. Но вот случилось наводнение. Однажды ночью река поднялась, вышла из берегов и затопила всю деревню. Дома начали

рушиться, люди и животные тонули и все уносилось стремительным потоком. Нарада должен был бежать. Одной рукой он вел жену, другой — одного из детей; второй ребенок сидел у него на плечах. Так он пытался перейти в брод страшный разлив.

Течение оказалось, однако, слишком сильным и едва он сделал несколько шагов, как ребенок, сидевший у него на плечах, упал, и его унесло. Нарада испустил крик отчаяния и, стараясь спасти этого ребенка, выпустил из руки того, которого вел; и этот тоже погиб. Наконец, его жена, которую он изо всей силы прижал к себе, чтобы спасти хоть ее, была оторвана от него потоком, и он один был выброшен на берег. С рыданиями упал он на землю и горько жаловался. Как вдруг почувствовал легкое прикосновение и услышал: «Где же вода, дитя мое? Ты ушел, ведь, чтобы принести мне воды, и я жду тебя уже около получаса». — Получаса? В эти полчаса он пережил целых двенадцать лет и столько событий! — И это — *майя*. Так или иначе, мы все в ней. Это положение вещей в высшей степени сложное и трудное для понимания. Что же оно показывает? — Нечто очень ужасное, что проповедывали во всех странах, чему учили везде и чему верили только немногие, потому что, не испытав себя, ему нельзя поверить.

Приходит всеобщий мститель, время, и ничего не остается. Он проглатывает грех и грешника, короля и крестьянина, красавца и уроды, и не оставляет ничего. Все стремится к одной цели — разрушению. Наше знание, наши искусства, науки, — все стремится к одному концу всего, — к уничтожению. Ничто не может остановить этого стремления, никто не в состоянии повернуть его назад, хотя бы на мгновение. Мы можем стараться забыть-ся, подобно тому, как люди в пораженном чумой городе пробовали создать забвение в пьянстве, танцах и других

развлечениях. Все мы также стараемся делать то же. Но разрушение не прекращается. Как же выйти из этого тягостного положения?

Предлагалось два совета. Один, самый обыкновенный, всем известный — следующий: «Да, все это верно; но не думайте об этом. Убирайте сено, пока светит солнце, как говорит пословица. Пользуйтесь теми немногими удовольствиями, какие вам доступны, делайте что можете, не обращайтесь внимания на отрицательную сторону картины и смотрите только на положительную, обещающую надежду». В этом есть доля правды, но и большая опасность. Правда в том, что таким образом у нас останется побудительная причина к деятельности; надежда и положительный идеал всегда служат в жизни хорошим побуждением. Опасность же та, что в какой-нибудь день вы прекратите в отчаянии борьбу, как это может случиться с каждым, кто говорит: «Берите мир, как он есть, сидите смиренно и по возможности удобно и довольствуйтесь своей нищетой, а, получая удары, говорите, что это не удары, а цветы, и, когда вас будут тащить, как раба, утверждайте, что вы свободны. Говорите эту ложь денно и ночью другим и собственной душе, так как это единственная возможность жить». Это называется житейской мудростью, и никогда ее не было в мире больше, чем в девятнадцатом столетии, потому что никогда раньше удары судьбы не были более чувствительны, чем в настоящее время, никогда соперничество не было острее и никогда люди не были так жестоки к своим ближним, как теперь. Вот почему утешение и предлагается. Теперь оно рекомендуется особенно настойчиво, хотя всегда и оказывается несостоятельным. Мы не можем скрыть падаль под розами; долго это не удастся, так как розы скоро пропадают и падаль обнаруживается в еще худшем виде. Так бывает и с жизнью; мы можем стараться при-

крыть ее гноящиеся язвы золотыми одеждами, но наступит день, когда эта одежда распахнется, и язва обнаружится во всем ее безобразии. Неужели же нет никакой надежды? Верно, что мы все рабы *майи*, что все родились в *майе* и живем в *майе*; — но разве нет из нее выхода? Что все мы несчастны, что этот мир настоящая тюрьма, что даже так называемая «увлекательная красота», ум и интеллект — только тюрьмы, — все это истины, известные уже много веков. Не было ни одной человеческой души, которая бы по-временам не чувствовала этого, сколько бы ни говорили противного. Старые люди чувствуют это сильнее, потому что в них накопился опыт всей жизни и они не так легко могут быть обмануты природой. Ложь *майи* не в состоянии их сильно обмануть. Что же в таком случае? Неужели нет даже надежды! Мы знаем, что при всех этих фактах, среди горестей и страданий, даже в этом мире, где жизнь и смерть синонимы, даже здесь, через все века, — в каждой стране и в каждом сердце звучит Голос: «Эта Моя *майя* божественна, она происходит от качеств, и перейти ее очень трудно. Но тех, кто пришли ко Мне, Я сделаю способными переплыть реку жизни»... «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас.» Этот Голос слышится, когда кажется, что все потеряно, когда надежда улетает, когда расчеты на свои силы разбиты, когда все, кажется, ускользает и жизнь становится безнадежной развалиной. Тогда он слышится, и это называется *религией*. С одной стороны, таким образом, имеется смелое, полное надежд приглашение убедиться, что настоящая жизнь — бессмыслица, что она *майя*, и что из *майи* нет выхода. С другой стороны, наши практические люди говорят нам: «Не ломайте себе голову над всяким вздором, вроде религии и метафизики, живите здесь, внизу. Этот мир, конечно, скверен, но берите из него лучшее,

что можете». Говоря прямо, это значит, — «ведите жизнь лицемера, жизнь лжи и постоянного обмана, скрывая насколько можете ее бедствия. Накладывайте одну заплату на другую, пока все не будет потеряно, и ваш ум не станет массой лохмотьев». Это то, что называется практическим взглядом на жизнь. Но позвольте вам сказать, что те, которые удовлетворяются лохмотьями, никогда не приходят к религии. *Религия начинается со страшной неудовлетворенности настоящим положением вещей и нашей собственной жизнью, с ненависти, напряженной ненависти ко всякого рода лохмотьям, с беспредельного отвращения к обману и лжи.* Только тот может быть религиозным, кто смеет открыто сказать то, что сказал великий Будда, сидя под деревом Бо, когда ему тоже пришла эта практическая идея, когда, открыв суетность мира и не находя еще выхода из него, он почувствовал искушение отказаться от искания истины и вернуться назад, к прежней жизни обмана, к называнию вещей ложными именами, к обманыванию себя и других. Но он был гигант, победил искушение и сказал: — «Лучше смерть, чем растительная жизнь невежды; лучше умереть на поле битвы, чем вести жизнь потерпевшего поражение». Эти слова — основа религии. Когда человек примет такое решение, он на верном пути, на пути к Богу. Такое решение — первая побудительная причина стать религиозным. «Я хочу прорубить себе дорогу к познанию истины через преграждающую ее скалу, или потерять жизнь в поисках ее, потому что на этой стороне всякая надежда познать истину с каждым днем больше и больше исчезает». Вчерашний, прекрасный, полный надежд юноша сегодня стал опытным мужем и знает, что все наши надежды, радости и наслаждения умрут, как цвет при завтрашнем морозе; на той же стороне — прелесть победы над всем злом жизни, и даже

над самой жизнью, и возможность стать победителем вселенной. Поэтому те, кто осмеливается делать попытки одержать победу, овладеть истиной, религией, те — на верном пути. Это то, что проповедуют Веды — *«Не отчаивайся! Путь очень труден. Идти по нему то же, что идти по лезвию бритвы. И все же не отчаивайся. Проснись, встань, и найди идеал, найди цель»!*

Все разные проявления религии, в какой бы форме они не явились человечеству, имеют вообще одно главное основание — проповедь свободы, проповедь выхода из этого мира. Они никогда не имеют в виду примирить мир и религию, но рассекают гордиев узел и устанавливают религию на своем собственном идеале, а не на компромиссе между ей и миром. Это проповедует всякая религия, и задача Веданты заключается в том, чтобы согласовать все их стремления, найти общее основание как высочайшей, так и самой низшей из них. То, что мы называем высочайшей философией, все имеет один общий отправной пункт, — стремление найти средство выйти из этого мира. Большинство их указывает, что средство это заключается в помощи кого-то, кто вне этой материальной вселенной, кто сам не связан законами природы, одним словом, кто свободен. Несмотря на все трудности и различие мнений относительно природы этого свободного деятеля, — так как были бесконечные споры, Бог ли это, или не Бог, личный ли это Бог, т.е. разумное существо подобное человеку, и, если да, то следует ли его считать мужского, женского или среднего рода, — несмотря на почти безнадежные противоречия, мы все-таки во всех различных системах находим золотую нить единства, проходящую через них. В нашей философии эта золотая нить прослежена и мало-помалу открыта нашим взорам. Первый шаг этого исследования состоял в обнаружении общего всем религиям основания

— в открытии, что *все религии представляют условие к достижению свободы.*

Удивительная вещь, что среди всех наших радостей и печалей, нашей борьбы и затруднений, мы думаем, что настойчиво идем к свободе. Был поставлен практический вопрос: «Что такое эта вселенная? Откуда она явилась, куда идет?» Ответ дан такой: «В свободе она возникла, в свободе остается и в свободу, после долгого существования, растворится». От этой странной идеи вы не можете отделаться; ваши собственные действия, самая ваша жизнь были бы спутаны без идеи о свободе, без мысли, что мы свободны. Каждый момент природа доказывает нам, что мы рабы, а не свободны; но одновременно у нас является идея: «А все же я свободен». На каждом шагу *майя* сбивает нас, так сказать, с ног и показывает, что мы связаны, но одновременно с этим ударом, с чувством, что мы связаны, является другое чувство, что мы свободны. Что-то внутри нас уверяет нас, что мы свободны. В осуществлении этой свободы, в ее проявлении, мы встречаем почти неодолимые затруднения и, несмотря на это, что-то внутри настаивает: «Я свободен! Я свободен!» И если вы исследуете все религии мира, принимая религию не в самом узком смысле, то найдете везде идею, что человек свободен. Вся жизнь общества также состоит в провозглашении принципа свободы, и все волнения и перевороты в нем всегда представляют собой стремление к осуществлению этого принципа. Каждый, — знает ли он о том, или нет, — слышал Голос, который объявляет: «Прийдите ко Мне все труждающиеся и обремененные». Может быть, не на одном и том же языке и не в той же форме речи, но так или иначе этот Голос, призывающий нас к свободе, всегда был с нами. Мы родились с этим Голосом и он составляет побудительную причину всех наших действий, и все мы стремимся к

свободе, все следуем этому Голосу, сознаем мы это или нет. Подобно деревенским детям, привлекаемым играющим на волынке музыкантом, мы все, сами того не сознавая, увлекаемся музыкой этого Голоса. Почему мы нравственны, как не потому, что должны следовать этому Голосу? И не только человеческая душа, но все, от самого низшего атома до самого великого человека, слышит этот Голос и стремится следовать ему. Мы видим всех их в этой борьбе, соединяющимися с другими, сталкивающимися других с их пути, соперничающими и содействующими друг другу. В этой борьбе — жизнь со всеми ее радостями, стремлениями, страданиями и удовольствиями, а также и смерть. Вся вселенная, как мы ее видим, не что иное, как результат безумного стремления отвечать на этот Голос. Это то, что мы в действительности делаем, и в этом цель природы.

Что же от этого происходит? Как только вы услышали Голос и поняли его призыв, все видимое изменяется. Тот мир, который раньше был ужасным полем битвы *майи*, теперь стал чем-то другим, чем-то лучшим, более прекрасным. Нам уже нет надобности проклинать природу, говорить, что мир ужасен, что все тщетно; нечего больше жаловаться и плакать. Как только мы услышали этот Голос, для нас стала понятна причина всей этой борьбы, всех этих схваток, соперничества, жестокости, всех этих радостей и удовольствий; мы увидели, что все это в порядке вещей, потому что посредством него мы создаем себе путь к этому Голосу, которым призываемся, сознаем ли это, или нет. Вся человеческая жизнь, таким образом, есть стремление проявить свободу. Вся природа, — включая и само солнце, землю, вращающуюся вокруг солнца, и луну, вращающуюся вокруг земли, — есть движение к этой цели. «Ради этой цели сияет солнце и луна; для этой цели дуют ветры и гремит гром, для той

же цели бродит неслышными шагами смерть». Все одинаково стремится к ней. К ней идет святой и грешник, щедрый благотворитель и самый низкий скряга, величайший деятель, кругом сеющий добро, и отъявленный лентяй; и никто из них не может остановиться. Один оступается на этом пути чаще, чем другой, и его мы называем слабым, другой — реже, — это человек сильный. *Хорошее и дурное не две разные вещи, но одно и то же, и разница между ними не в роде, а только в степени.* Итак, если деятельность всей вселенной только проявление силы свободы, то, применяя это заключение к предмету нашего специального исследования религии, находим, что вся религия состоит также из одного утверждения свободы. Возьмем самую низшую форму религии, в которой поклоняются предкам или жестоким и свирепым богам. Чему обязана происхождением идея о почитании этих богов и предков? — Мысли, что они выше природы и не связаны, подобно нам, *майей*. Понятие о природе людей, чтущих таких богов, конечно, очень слабое и их боги обладают свойствами, соответствующими такому понятию. Человек не может пройти сквозь стену комнаты, не может более как на секунду отделиться от земли, летать по воздуху и принимать другой вид; боги же, которым поклоняется грубый человек, могут проходить сквозь стены, летать по воздуху и изменять свой вид. В философском смысле это значит, что они выше природы, как ее знает поклоняющийся, т.е., эти способности указывают на их свободу. У тех, кто поклоняется более высоким существам, мы находим то же самое утверждение свободы. По мере того, как взгляд на природу расширяется, расширяется также и понятие о душе, и мы приходим к тому, что называется монотеизмом, где мы имеем *майю*, или эту природу, и также кого-то, кто выше всей *майи* и кто дает нам надежду освободиться от нее.

Там, где впервые появляются монотеистические идеи, начинается Веданта.

Философия Веданты требует дальнейших разъяснений. Она говорит, что идея о Душе высшей, чем *майя* и независимой от нее, о Том, Кто влечет нас к себе, и к Кому мы все вырабатываем себе путь, — что идея эта очень хороша, но что понятие о Нем, хотя прямо и не противоречит разуму, недостаточно ясно, что представление о Нем туманно и темно. Последователь Веданты хочет того, о чем говорит ваш гимн: «Ближе к Тебе, мой Боже»! Этот гимн вполне подходит к Ведантисту, только он изменил бы в нем одно слово и сказал бы: «Ближе ко мне, мой Боже!» Цель очень далекая, находящаяся вне природы и влекущая всех нас к себе, переносится, не делаясь менее возвышенной, все ближе и ближе, пока не окажется совсем около нас: Бог в небе становится Богом в природе, Бог в природе — Богом внутри храма, в нашем теле; Бог, живущий в этом храме, становится самым храмом, и Тот, Кого мудрецы искали во всех этих местах, становится душой и телом человека, откуда и исходят последние слова, могущие научить нас. Веданта говорит, что Голос, который вы слышали, говорил правду, но вы ошибались в направлении, по которому он доходил до вас. Тот идеал свободы, о котором вы слышали, верен, но вы думали, что он находился вне вас, и в этом была ваша ошибка. Переносите его все ближе и ближе к себе, пока не увидите, что он всегда был внутри вас, был сущностью вашего Я. Свобода была вашей собственной природой, и *майя* никогда в действительности не связывала вас. Природа никогда не имела над вами власти. Как испуганное дитя, вы думали, что она душит вас, и освобождение от нее было вашей целью.

Но мы должны не только понимать эту свободу умом, но ощущать ее гораздо более определенно, чем воспри-

нимаем этот мир. Тогда мы будем свободны. Тогда, и только тогда, исчезнут все недоумения, будут успокоены все тревоги сердца и исправлены все заблуждения; тогда исчезнет иллюзия множественности, и природа и *майя*, вместо того, чтобы быть ужасными безнадежными грезами, как теперь, — станут прекрасными, и наша земля из настоящей тюрьмы превратится в театральную сцену. Все опасности, помехи и страдания будут как бы обожествленными и обнаружат свою истинную природу, находящуюся в скрытом состоянии позади всего и составляющую сущность всех вещей, то Одно, которое все они представляют, и которое есть Он, мое собственное истинное Я.

Абсолют и проявление

В философии Адвайта (монистической) наиболее трудный вопрос, постоянно возбуждавшийся и остающийся неразрешенным, даже если вы над ним думаете всю вашу жизнь, следующий. Каким образом Бесконечный, Абсолют, становится конечным? Рассмотрим этот вопрос и, для большей ясности, прибегнем к помощи чертежа.

(a) Абсолют
(c) Время Пространство Причинность
(b) Вселенная

Абсолют (a) стал Вселенною (b). Под вселенною здесь разумеется не только материальный мир, но также мир умственный, духовный, небо, земля и все существ-

вующее. Ум есть название ряда изменений, тело — название другого ряда изменений и т.д., и все эти изменения вместе составляют вселенную. Главная идея Адвайты та, что Абсолют, рассматриваемый через время, пространство и причинность, представляется вселенною. Время, пространство и причинность подобны стеклу, через которое виден Абсолют, и, когда мы смотрим на него снизу, он представляется в виде Вселенной. Из чертежа видно, что там, где Абсолют, нет ни времени, ни пространства, ни причинности. Времени не может быть, так как там нет ни ума, ни мысли; пространства также, потому что там нет никакого внешнего изменения, а то, что вы называете побуждением и причинностью, тоже не может существовать там, где есть только одно. Мы должны понять и запечатлеть в уме, что то, что мы называем причинностью, начинается, если позволено так выразиться, — после, а не раньше перерождения Абсолютного в *феноменальное*, наша же воля, желания и все наши свойства являются после него. Шопенгауэр неправильно излагает Веданту, стараясь во всем искать волю. Он ставит *волю* на место Абсолюта. Но Абсолют нельзя представлять как волю, так как воля нечто изменяющееся, феноменальное, а выше линии, проведенной над (с), — временем, пространством и причинностью, — не может быть никакого изменения, никакого движения; движение, хотя бы и выражающееся в мысли, может начаться только под этой линией. А по ту сторону черты нет *воли*, и она не может быть причиной вселенной. Даже в наших собственных телах мы видим, что воля — причина не всех движений. Когда я двигаю стул, то ближайшая причина движения, конечно, воля, приводящая в действие мои мускулы. Об этом не может быть спора. Но та же сила, которая подвинула стул, приводит в движение также сердце, легкие и проч. уже без посредства воли. Раз

это та же самая сила, то она становится *волей* только тогда, когда поднимается на план сознательности, и называть ее *волей* раньше неправильно. Это производит массу путаницы в философии Шопенгауэра. Есть санскритские слова: *Праджна* и *Самвит*. Они в этом отношении лучшие термины, так как включают в себя все состояния ума; это общие названия всех умственных состояний. Под ними разумеется все, относящееся до ума. В английском языке я не знаю ни одного слова, равнозначного им. Они не значат сознательность или состояние, предшествующее сознательности, но своего рода сущность всех умственных изменений.

Посмотрим, почему мы задаем вопросы. Падает камень, и мы спрашиваем, почему он упал. Этот вопрос возможен вследствие предположения, что всему, что случается, всякому движению предшествует нечто другое. Я должен просить вас хорошенько уяснить себе, что, когда бы мы ни спрашивали, почему что-нибудь произошло, мы устанавливаем предположение, что все, что случается, имеет свое *почему*; другими словами, — что ему предшествует что-то другое. Это предшествование и последование и есть то, что мы называем законом причинности. Поэтому все нас окружающее, все, что мы можем видеть, ощущать или слышать, все в этой вселенной, есть поочередно и причина и следствие. Оно — причина некоторых вещей, происходящих после него, и следствие тех, которые произошли раньше. Это так называемый закон причинности, составляющий одно из установившихся наших верований. Мы верим, что всякая частица во вселенной, чем бы она ни была, имеет свое собственное отношение ко всему остальному. Было много споров о том, как возникла эта идея. В Европе была Интуитивная школа философов, которые считали эту идею прирожденной человеческому уму; другие находи-

ли, что она выведена из опыта; но вопрос этот никогда не был решен. Дальше мы увидим разрешение, предлагаемое Ведантой. Мы должны прежде всего понять, что вопрос «почему?» сам уже предполагает допущение, что всему нас окружающему предшествуют некоторые вещи и за всеми ими будут следовать другие. Другое верование, заключающееся в этом вопросе, то, что ничто во всей вселенной не существует отдельно, что на все действуют вещи, находящиеся вне его; что все во вселенной находится во взаимной зависимости от всего прочего. Какую же мы делаем несообразность, спрашивая: «что было причиной Абсолюта?» Ведь, чтобы задать этот вопрос, мы должны раньше предположить, что Абсолют также зависит от чего-то другого и связан чем-то другим. Употребляя так слово «Абсолют», мы сводим его к уровню природы, тогда как выше линии, отделяющей его от природы, нет ни времени, ни пространства, ни причинности, но все — Одно и выше ума. У того же, что существует само по себе, у Одного, не может быть никакой причины. То, что свободно, не может иметь причины; иначе оно не было бы свободно. Поэтому сам вопрос: «Почему Бесконечное стало конечным?» — бессмыслица, фраза, сама по себе противоречащая.

Оставляя тонкости рассуждения в стороне и обращаясь к логике простого здравого смысла, мы, желая узнать, как Абсолют стал относительным, приходим с другой точки зрения к тому же самому результату. Предположим, что мы знаем ответ; остается тогда Абсолют или нет? Без сомнения — нет; он, ведь, стал относительным, ограниченным пределами нашего ума. Все, что в пределах нашего ума, мы знаем, но того, что вне его пределов, знать не можем. Если Абсолют ограничен пределами нашего ума, он уже не Абсолют, — он стал конечным. Поэтому, *знать Абсолют* — выражение само себе про-

тиворечащее. Вот почему на этот вопрос не получалось ответа, так как, если бы он был получен, никакого Абсолюта не было бы. *Бог, которого знают, больше не Бог.* Он стал конечным, подобно одному из нас, или любому предмету. Он не может быть известен, но всегда остается Единым, Непознаваемым. Адвайта, однако говорит, что этот Неизвестный, более чем познаваем. В этом необходимо разобраться. Вы не должны думать, что Бог непознаваем в том смысле, в котором это говорят Агностики. Мое знание о стуле, например, выражается словами, — «он мне известен»; о том же, что находится за эфиром и существуют ли там люди, я «не знаю» и говорю, что мне «неизвестно» и «непознаваемо». В этом смысле слова «известен» и «неизвестен», «познаваем» и «непознаваем» — к Богу неприменимы: Он неизвестен, но больше, чем известен, и потому о Нем говорится, что Он не известен и не познаваем, не в том смысле, как о неизвестных и непознаваемых вещах. Наше знание о Боге гораздо больше, чем о каком-либо предмете, потому что только в Нем и через Него мы можем знать всякий предмет. Он истинная сущность знания, и вне Его мы ничего знать не можем. Он, всемирный Я, — сущность нашего «я», а мы не можем знать что-нибудь иначе, как в этом «я» и через это «я». Все мы знаем только в Брахмане и через Брахмана. Бог бесконечно ближе к нам, чем всякий предмет, и вместе с тем бесконечно выше. «Он неизвестен и не известен, но бесконечно выше того и другого, и выше нашего «я». Кто мог бы жить хотя бы одну секунду; кто мог бы хотя бы секунду дышать, если бы Он, Благословенный, не наполнял Собой эту вселенную? — В Нем и через Него мы дышим, в Нем и через Него существуем». Это не значит, что Он где-то находится и заставляет обращаться мою кровь; но значит, что *Он — Сущность всего, Душа моей души.* Никоим

образом нельзя сказать, что мы Его знаем. Чтобы знать что-нибудь, его надо прежде всего объектировать, поставить, так сказать, вне себя. Вспоминая, например, какой-нибудь предмет или лицо, мы объективируем их, проектируя из себя. Всякое воспоминание, все вещи, которые я видел и знал, все картины или впечатления всех вещей находятся в моем уме, и, когда я стараюсь вспомнить их, первое мое действие состоит в проектировании их вовне. Но этого нельзя сделать относительно Бога, потому что Он — самая сокровенная сущность нашей души, и мы не можем, так сказать, выделить Его из себя. Самые священные слова в Веданте следующие: «Он — эссенция твоей души, Он — истина, Он — я. Ты — Тот, о Светакету!» Это именно то, что разумеется под «Ты — Тот». Вы не можете описать Бога какими-нибудь другими словами. Все усилия языка, называние Его Отцом, братом, или самым дорогим другом, — будет попыткой объектировать Его, и потому невозможны. *Он вечный субъект всего.* Я субъект этого стула, — я вижу его; совершенно также Бог — Вечный субъект моей души. Как можете вы объектировать Его, сущность вашей души, Действительность всех вещей? Повторяю еще, **Бог не познаваем и не непознаваем, но нечто бесконечно высшее и одно с вами.** То, что одно с нами, — не познаваемо и не непознаваемо, но совершенно то же, что мое *я*, по отношению ко мне, или ваше *я* — по отношению к вам. Вы не можете знать ваше собственное *я*, не можете выделить его и сделать предметом, на который могли бы смотреть со стороны, так как не можете отделить себя от него. Оно и не непознаваемо, потому что вы не можете объектировать себя и, следовательно, не можете сказать, что оно непознаваемо. Но что вам, в сущности, более известно, чем вы сами? Бог — предмет нашего познания в этом же смысле. Таким образом, Бог ни извес-

тен, ни непознаваем, но бесконечно превосходит и то и другое; Он — сущность всего Я.

Итак, мы видим, во-первых, что в самом этом вопросе есть противоречие и, во-вторых, что идея Адвайты о единстве Бога предполагает указанный выше род единства, т.е., что мы не можем объектировать Его, *так как живем и движемся в Нем*, независимо от того, знаем ли это или нет. *Все, что мы делаем, мы делаем в Нем и через Него.*

Затем остается вопрос, что такое время, пространство и причинность? Слово «Адвайта» обозначает полное отсутствие двойственности, т.е. что есть только одно, а не два. Предполагается, что есть Абсолют, проявляющийся — через время, пространство и причинность — как многое. Могло бы поэтому казаться, что существует два: Абсолют и майя, или совокупность времени, пространства и причинности. Положение, что существуют эти два, кажется неопровержимым. Но Адвайта отвечает, что их нельзя называть двумя. Во-первых, о времени, пространстве и причинности нельзя сказать, что они имеют независимое существование. Время безусловно зависимо, — оно изменяется от состояния нашего ума. Иногда, во время одного сна человек воображает, что прожил несколько лет; в другое время месяцы пролетают как секунды. Итак, время вполне зависит от умственного состояния. Затем идея о времени иногда совсем исчезает, а потом возвращается. То же самое и с пространством; мы не можем сказать, что оно такое. Оно недоступно определению и не может оставаться отдельно от всего прочего. То же и относительно причинности. Во всех их, — времени, пространстве и причинности — мы находим одну особенность, именно, что *они не могут существовать отдельно от остальных вещей*. Попробуйте думать о пространстве, которое не имеет ни цвета, ни

границ, и никакой связи с вещами, в нем находящимися, о чисто-отвлеченном пространстве. Вы не в состоянии этого сделать. Вы принуждены представлять его между двумя границами или между тремя предметами. Чтобы иметь какое-либо существование, оно должно быть связано с каким-нибудь другим предметом. То же с временем. Нет такой вещи, как идея об отвлеченном времени; мы должны иметь два обстоятельства: одно — предшествующее и одно последующее, и связать их идеей времени. Время зависит от двух последовательных обстоятельств, также как пространство всегда зависит от двух внешних и одновременно существующих предметов. Идея причинности, в свою очередь, требует как времени, так и пространства. Особенность всех трех, что они не имеют независимого существования, не имеют даже такого существования, как стул или стена. Они окружают все, но не имеют реального существования. Это тени, которые нельзя схватить; и все же нельзя сказать, что они не существуют, так как мы видим, что только при посредстве их все в этой вселенной проявляется, и только соединение их трех производит все разнообразные формы. Они подобны теням, сопровождающим все вещи. Их можно сравнить также с волнами. Волна тот же океан, и тем не менее мы знаем, что она волна и отличается от океана. Что же делает эту разницу? — Имя и форма; идея в уме и форма в воде. Можем ли мы думать о форме волны, как о чем-то отдельном от океана? — Конечно, нет. Идея о ней всегда связана с идеей об океане. Когда волна улеглась, форма исчезает, и все же эта форма не была иллюзией. Пока существует волна, форма также существует, и вы не можете не видеть ее. Это — *майя*. Вся вселенная есть, так сказать, особая форма в океане Абсолютного; и вы, и я, солнце и звезды, и все — не что иное, как множество разных волн в этом океане. Но что

отличает одну волну от другой? — Только форма. Форма же — это время, пространство и причинность. Они постоянно ставят преграды на нашем пути, а мы стараемся освободиться от них. Обратите внимание на теорию эволюции. Какие в ней два фактора? — С одной стороны — огромная потенциальная сила стремится запечатлеть себя, а с другой — окружающие условия удерживают ее и не позволяют отпечатываться. В целях борьбы с окружающим, эта сила постоянно создает новые тела. Маленькая амеба принимает в этой борьбе другую форму и побеждает некоторые препятствия, затем вырабатывает другие тела и преодолевает другие препятствия, до тех пор, пока не станет человеком. Если мы доведем эту последовательность до конца, то придем к заключению, что должно наступить время, когда та сила, что сперва была в амебе и потом постепенно развивалась, победит все препятствия, которые ей ставит природа, и освободится от всего ее окружающего. Эту идею метафизика выразила бы так: каждое действие имеет две составные части, одна — субъект и другая — объект. Например, я чувствую себя несчастным, потому что другой человек бранит меня. Здесь обе эти части. Но в чем состоит стремление всей моей жизни? — Сделать себя настолько сильным, чтобы победить воздействие на меня окружающего, так чтобы меня могли поносить, а я не чувствовал этого. В этом заключается способ, которым мы стараемся победить. А что такое нравственность? — Придание субъекту силы противостоять искушениям. Таким образом, если верно, как говорит ваша наука, что человеческое тело станет со временем приспособлено к окружающему, то из этого логически вытекает заключение, что настанет время, когда душа победит все ее окружающее и достигнет Абсолютного, так как природа конечна. Это то, чему учит Адвайта.

Нам остается еще выяснить, откуда мы знаем, что природа конечна? Это можно узнать только путем метафизики. Природа — это Бесконечность, Абсолют, проявленный *в пределах* нас окружающего, и потому она ограничена, а следовательно — и конечна. Значит, должно наступить время, когда мы победим ее. Как же достигнуть этой победы? Изменить условия объективного окружающего мы не можем; надо очевидно найти другой способ. Посмотрим же, что делает, например, в подобном случае маленькая рыба, когда хочет убежать от своих врагов, находящихся в воде. Как она достигает победы над окружающими ее опасностями? — Улетая в воздух и становясь птицей. Рыба ничего не изменяет ни в воде, ни в воздухе; изменение происходит только в ней самой. Изменение всегда субъективно, и победа над природой во всех областях эволюции достигается изменением в самом субъекте. Применяя это к религии и нравственности, найдем, что победа над злом достигается также изменениями субъекта. В субъективной стороне человека система Адвайта и черпает свою силу. Толковать о зле и несчастьи бессмыслица, потому что они не существуют вне нас. Если я не чувствителен к гневу, он никогда не овладеет мной; если недоступен ненависти, никогда ее не почувствую. Это процесс, которым достигается победа посредством субъективной стороны, совершенствованием самого субъекта. Таким образом, Адвайта — единственная религия, которая согласуется с новейшими исследованиями, как в физической, так и в нравственной областях, и даже несколько опережает их, и вот почему она имеет такое сильное влияние на умы современной науки. Ученые исследователи находят, что старые дуалистические теории для них недостаточны, что они не удовлетворяют требованиям их разума. Адвайта же удовлетворяет им. Человек должен не только

иметь веру, но и быть разумным в своей вере. Заставить его принимать все на веру — значило бы сделать его сумасшедшим. Одна дама прислала мне как-то свою книгу, в которой было сказано, что я должен всему в ней написанному верить. Там говорилось, что души, или чего-либо в этом роде, нет, но есть боги и богини на небе, с которым лучами света соединены все наши головы. Откуда она узнала все это? По ее словам, она была вдохновлена и хотела, чтобы я всему этому также поверил. Когда же я отказался, она сказала: «Вы, должно быть, очень дурной человек, и из вас ничего хорошего выйти не может».

Возможность идеи, в конце девятнадцатого века, что верны только наши фантазии или религия наших предков, все же религии, исходящие из других источников, ложны, — указывает, что в нас осталась еще некоторая слабость ума и что ее необходимо устранить. Я не хочу этим сказать, что такая слабость встречается только в вашей стране; она есть везде, и в моем отечестве больше, чем где бы то ни было. У нас это произошло потому, что Адвайту никогда не допускали к народу. Сначала ей овладели монахи и унесли с собой в леса, почему ее и называли лесной философией. Но потом, благодаря Богу, явился Будда, проповедовал ее массам, и Буддизм распространился по всей стране. Эта философия два раза спасала Индию от материализма. Первый раз перед самым появлением Будды, когда широко распространился материализм настоящего времени, но гораздо худший. Теперь можно, пожалуй, и меня назвать материалистом, потому что я, как и материалисты, верю в существование Одного. Только они это Одно называют материей, а я — Богом. Материалисты принимают, что все наши надежды, религия и все прочее произошло из одной материи, я же говорю, что все это получилось от Единого Брахмана.

В Индии в то время, о котором я говорю, был материализм не этого рода, а старый, грубый, который проповедовал: — «Ешь, пей и веселись; нет ни Бога, ни души, ни неба. Религия — это выдумки вредных жрецов». Нравственность этого материализма состояла в том, что, пока живешь, надо стараться жить счастливо, — ешь, хотя бы занимая для этого деньги, и никогда не думай об отдаче. Такой материализм распространился в Индии настолько, что даже теперь он носит название народной философии. Вот тогда-то Будда вынес из лесов Веданту, дал ее народу и спас Индию. Через тысячу лет после смерти Будды подобное же положение вещей повторилось. Масса мужчин и женщин разных рас, населявших в это время Индию, приняла Буддизм и была очень предана его философским идеям. Но большинство народа стояло тогда на слишком низкой ступени цивилизации и было заражено всякого рода суевериями; благодаря, однако, этой философии, стало нравственным и добрым. Но это продолжалось не долго. Понемногу люди вернулись к своим прежним богам, дьяволам, домовым и лешим, и из Буддизма в Индии получилась самая ужасная смесь. После этого, материализм восторжествовал опять, с его распущенностью в высших классах и суевериях в низших. Тогда явился Шанкарачарья и восстановил философию Веданты. Он нашел, что это единственный способ спасти Индию от нравственной неурядицы. На первое время он сделал из нее рационалистическую философию, так как аргументы Упанишадов были очень туманны. Будда развил до крайности нравственную сторону этой философии, Шанкарачарья разработал ее интеллектуальную сторону, согласовал ее с разумом и в обновленном виде представил человечеству. Совершенно такой же материализм существует теперь у вас, и спасение Европы еще раз зависит от того, будет ли ей

найденa религия, могущая действовать на человеческий разум. Такая религия должна быть основана на идее о недуализме, или единстве всего, и о Безличном Боге, и она является всегда, когда прежние религии повидимому исчезают и начинает преобладать неверие. Вот почему и теперь она пустила уже корни в Европе и Америке. К ней остается прибавить только одно. В старых Упанишадах масса поэзии: писавшие их были великие поэты. Вы помните, вероятно, слова Платона, что вдохновение приходит в мир через поэзию; и кажется, что Риши Упанишадов были поэтами, ниспосланными человечеству именно с целью сообщить в поэзии самые высочайшие истины. Они никогда не проповедывали, не философствовали, не писали, — от них исходили только музыкальные мелодии. В Будде мы имеем великое, объемлющее весь мир сердце и бесконечное терпение; он создал практическую религию и принес ее в каждую хижину. В Шанкарачарье находим огромную интеллектуальную силу, освещавшую все ярким дневным светом. Теперь мы нуждаемся в том, чтобы яркий свет разума Шанкарачарья соединился с сердцем Будды, с этим сердцем безграничной любви и милосердия. Это еще возвысит Адвайту, и она будет признана высочайшей философией. В ней найдут тогда место самые высокие рассуждения рядом с удивительной любовью; наука и религия встретятся и подадут друг другу руки; то же сделают поэзия и философия. Такова должна быть религия будущего, и, стремясь содействовать ее выработке, мы можем быть уверены, что она удовлетворит все века и все профессии. Размышляя об этом, вы, может быть, сами найдете, что это единственный путь, на который может окончательно вступить современная наука, тем более, что она уже почти наткнулась на него. Когда один из ваших великих ученых говорит вам, что все есть проявление одной

силы, то не думаете ли вы, что эта сила и есть тот самый Бог, о Котором вы слышали в Упанишадах? «Как один огонь, входя во вселенную, проявляет себя в разных формах и все-таки его остается позади бесконечно больше, совершенно также одна Душа проявляется, как разные души, но ее остается еще непроявленной неизмеримо больше».

Разве вы не видите, как наука ведет людей к одному и тому же? Индусы изучали ум путем метафизики и логики. Европейцы исходили из внешней природы. Но как те, так и другие, пришли к одному результату. Исследуя природу ума, мы пришли к Единству, Всемирному Одному, самой сокровенной Душе всех вещей, Сущности и Реальности всего, к Вечно Свободному, Вечно Блаженному и Вечно Существующему. А теперь наука о материи привела нас к Тому же Единству, к тому Одному, чье все эти формы и силы только проявление, что представляет собой совокупность всего существующего. В этом объединении религии и науки путь человечества к нравственности, а следовательно — и к свободе, так как *путь к свободе лежит через нравственность, а безнравственность всегда ведет к рабству.*

Другая особенность системы Адвайты состоит в том, что она уже в самых первоначальных своих положениях не стремится к опровержению чужих религий, но смело заявляет:

«Не тревожь веры даже тех, кто вследствие своего невежества привязан к низшим формам богочитания». Наша философия учит — не нарушать ничьего спокойствия, но каждому помогать взбираться все выше и выше. Если верно то, что мы заявляем, говоря, что проповедуем Бога, Который есть совокупность всех вещей во вселенной, то наше учение должно включать в себя всех. Всемирная религия, цель которой удовлетворять каждо-

го, не должна проповедовать Бога, Который может быть признан только частью человечества, но такого, которого могут признать все. Эта идея не проведена ясно ни в какой другой системе, хотя все одинаково стремятся достигнуть такой общей всему миру формы и всех объединить в себе. Части существуют только для того, чтобы они стремились стать одним целым. Адвайта с самого начала не проявляла никакого антагонизма к различным сектам, существовавшим в Индии. Там теперь значительное большинство состоит из дуалистов, — потому что дуалистические идеи естественно более подходят к мало развитым умам, которым они дают очень удобные, естественные и здравые объяснения, как справедливо говорят дуалисты, — но Адвайта не спорит с ними. Дуализм считает, что Бог вселенной обитает где-то в небесах, вне вселенной, а Адвайта признает, что Бог вселенной есть собственная душа человека и что богохульство называть Его каким-либо именем, указывающим на Его отдаленность от человека. Адвайтист говорит, — как можно заявить, что Бог в небесах, или в другом месте? — всякая подобная идея ужасна. Он может быть только ближе всего самого близкого к нам, и ни в одном языке нет слов для выражения этой близости, кроме слова *Единство*. Как дуалиста пугает идея Адвайтиста и он считает ее богохульством, совершенно также Адвайтиста страшит идея дуалиста, и он восклицает, — как смеет человек объектировать Его? Но Адвайтист понимает положение дуалиста и не спорит с ним. Он говорит, — дуалист совершенно прав, так как со своей точки зрения он видит только часть истины и, пока видит так, должен находить многое, а не одно. Бог, видимый только в части вселенной, всегда будет казаться находящимся вне души. Это необходимость, присущая точке зрения дуализма. Адвайтист знает, что дуалисты, каковы бы ни были

недостатки их теорий, все стремятся к той же цели, что и он, и потому не спорит и не ссорится с ними. В этом он совершенно отличается от дуалиста. Дуалисты во всем свете верят в Личного Бога, представляя Его как человека, только большего, чем обыкновенный человек, и, так как они видят, что люди, не исключая и самых сильных, одних любят, а других нет, то ту же идею применяют и к Богу, Который, по их мнению, любит одного и не любит другого. Это вы встретите у всех древних народов. Всякое племя или народ говорит: «Мы и никто другой — любимцы Бога. Если вы с раскаянием и смирением примете нашу религию, то также войдете в Его милость». Некоторые дуалисты, однако, гораздо суровее; они утверждают, будто только немногие предназначены к спасению, остальные же могут сколько угодно ползать на коленях и плакать, но не удостоятся Его милости. Я прошу вас указать мне хотя бы одну дуалистическую религию, которая бы не отличалась такой исключительностью. Отсюда естественно следует, что они должны бороться и ссориться со всеми другими, что постоянно и делают. Дуалисты всегда пользуются расположением толпы, потому что тщеславие у необразованных всегда популярно. Без сомнения, оно бывает иногда популярно и среди образованных, но не так часто. Дуалист думает, что нельзя быть нравственным, если у вас нет Бога, стоящего с палкой в руке и всегда готового наказать вас. Как являются подобные идеи? — Очень просто. Представьте себе, что нам читала бы лекции о нравственности лошадь, одна из искалеченных извозчичьих кляч, которую всегда подгоняли кнутом и которая привыкла двигаться только при этом условии. Если бы она заговорила о человеческой нравственности, то наверно сказала бы: «Люди в Лондоне должны быть очень безнравственны, так как их не бьют постоянно кнутом». Совершенно так же смотрят и

дуалисты. Невежественные массы, состоящие обыкновенно из дуалистов, в течение тысячелетий, во всех странах постоянно подвергались наказаниям, и у них укоренилась идея, что без страха наказания невозможно спасение, самое же спасение заключается в отсутствии такого страха. Один пастор в Англии говорил мне: «Как у вас, в вашей религии, нет дьявола? Да этого быть не может!»

С другой стороны, мы видим, что самые лучшие и великие люди, каких только производил мир, всегда держались высоких безличных идей. Человек, влияние которого распространяется на миллионы и в течение тысячелетий продолжает приносить добро, говорит в Новом Завете: «Я и Отец — Одно». Этот Человек не был дуалистом, но так как массы не могли видеть ничего выше, чем Личный Бог, то из милосердия к ним Он учил их: Молитесь Ему, как вашему Отцу в небесах, а когда придет время, вы увидите, как и Я, что «Я в вас и вы во Мне, и что вы можете быть Одно с Отцом так же, как Я и Отец — Одно».

В Индии был великий Будда, никогда не признававший дуалистических богов, и массы называли его атеистом, материалистом, — и кем только не называли, — хотя он готов был пожертвовать своим телом, даже ради бедного козла. Этот человек возбудил самые высокие нравственные идеи, какие когда-либо были у какого-либо народа. Везде, где есть кодекс нравственности, есть и луч света, исшедший от этого человека. Мы не можем заключить великие сердца мира в тесные границы и удержать их там, особенно в настоящее время человеческой истории, когда интеллектуальное развитие достигло степени, о которой даже не мечтали сто лет назад, а волна научного знания поднялась на высоту, о которой никому не снилось и пятьдесят лет назад. Загнать людей

силой в узкие границы личных выгод невозможно, если вы не развратите их до состояния животных, не сделаете их массой, неспособной думать. Что теперь необходимо, так это объединение самой высокой интеллектуальности с самым широким сердцем. Ведантист говорит, что бесконечная любовь и бесконечное знание составляют одно с бесконечным существованием, и он не придает Богу никаких атрибутов, кроме трех, — именно, что Он есть Бесконечное Существование, Бесконечное Знание и Бесконечное Блаженство, и что эти три составляют Одно. Существования без знания и любви не может быть. Не может быть также знания без любви, и любви — без знания. Нам не достает гармонии Существования, Знания и Бесконечного Блаженства, и наша цель — совершенствование Существования, Знания и Блаженства, но не одностороннее развитие. Мы хотим гармонии. И, так как совместить интеллект гиганта с сердцем Будды вполне возможно, то я верю, что все мы можем достигнуть этой цели и молюсь о ее достижении.

Космос

Макрокосм

Прекрасны цветы, нас окружающие, прекрасно утреннее восходящее солнце, прекрасны бесчисленные переливы красок в природе. Прекрасна вся природа, и человек любовался ей с самого начала своего присутствия на земле. Величественны и страшны горы, гигантские стремительные реки, бегущие в океан, необозримые пустыни, почти бесконечное море, звездное небо — все вокруг нас прекрасно, все внушает ужас и восхищение. Вся та масса существования, которую мы называем словом «природа», действовала на человеческий ум с неза-

памятных времен. Она производила впечатление на человеческую мысль и, как реакция этого впечатления, возникали вопросы: «Что это? Откуда оно?» Уже в самых первых частях древнейшего человеческого произведения — Вед, мы встречаем те же вопросы: «Откуда это? Кто создал эту природу в то время, когда не было ни чего бы то ни было, ни ничего, и мрак покрывался мраком? Как она создана? Кто знает эту тайну?» И те же вопросы стоят перед нами и теперь! Миллионы раз делались попытки ответить на них, но и до сих пор они ждут еще ответа. Это не значит, что все ответы были неудачны; напротив, в каждом из них была доля истины, и эта истина с течением времени все накоплялась и будет еще накапливаться. Я попробую представить вам, в связи с современным человеческим знанием, свод ответов, собранных мной у древних Индийских философов.

В ответах их на этот древнейший из древних вопросов мы находим указание на то, что кое-что по этому предмету уже в то раннее время было известно. Так, слова: «Когда не было ни чего бы то ни было, ни ничего» показывают, что люди тогда уже знали о существовании периода, когда этот мир не существовал; знали, что было время, когда не существовали ни небесные светила и планеты, ни земля с ее морями и океанами, реками и горами, деревьями и городами, растениями, животными, птицами и людьми. Но, верно ли это? Попробуем проследить, как пришли к такому заключению. Посмотрим, что человек постоянно видит вокруг себя. Возьмем, например, растение. Оно выходит из семечка, поднимается медленно из-под земли, растет, становится иногда огромным деревом и потом умирает, оставляя только семя. Затем повторяем тот же круг; семя прорастает, становится деревом и оставляет после себя опять семя. Или посмотрите на бабочку, как она выходит из яйца,

превращается в прелестное насекомое, живет и умирает, оставляя новые яйца, семена будущих бабочек. То же самое видим у всех животных и у человека. Все начинается с яйца или зародыша, т.е., некоторых тонких форм, растет и в течение неизвестного времени развивается, а затем выделяет из себя прежнюю тонкую форму и погибает. Капля дождя, в которой играет солнечный луч, выделилась из океана в форме пара, поднялась высоко в воздух и достигла вершины горы, там обратилась в снежинку, затем опять в воду и теперь течет за тысячи миль назад, к родному океану. То же происходит и со всем, что окружает нас в природе. Даже величайшие горы образованы глетчерами и реками, которые медленно, но неустанно дробят их, обращают в песок, а затем увлекают этот песок в океан и осаждают на дне, где он становится твердым, как скала, и нагромождаясь слой за слоем, становится в будущих веках опять горами. Эти опять раздробляются, и прежний круг повторяется снова: огромные горы образуются из песка и обращаются опять в песок. То же происходит с звездами и всеми небесными телами. Наша земля произошла из туманности и, становясь все холоднее и холоднее, образовала уплотненную форму, на которой мы живем. Она будет продолжать охлаждаться до тех пор, пока не умрет, а затем, разбитая в куски, обратится в пыль и вернется к своей первоначальной форме, туманности. Такие изменения происходят на наших глазах каждый день. Они продолжают с незапамятных времен, и в этом состоит история человека, история природы, история всей жизни.

Если верно, что природа однообразна в своей деятельности, — а никакой опыт до сих пор не противоречил этому, — если верно, что тот же способ, каким образуется маленькое зерно песку, действует и в создании гигантских солнц и звезд, и всей этой вселенной, если вер-

но, что весь этот космос построен по тому же плану, как и отдельный атом, если верно, что тот же закон господствует во всем мире, тогда, — как давно сказано в Ведах, — зная один ком глины, мы будем знать природу всей глины, какая есть во вселенной; тогда, если мы возьмем одно маленькое растение и изучим его жизнь, мы поймем всю жизнь растения; если станем наблюдать движение в одном зерне песка, узнаем секрет образования планеты. Применяя этот метод изучения к каждому из явлений, находим, что везде происходит то же или почти то же самое. Горы образуются из песка и обращаются в песок, воды рек осаждаются из пара и превращаются в пар, растения вырастают из семени и оставляют после себя семя, звезды, солнце и планеты образуются из туманностей и обращаются в туманности, и человек развивается из зародыша и оставляет только зародыш. Чему же это нас учит? — Тому, что проявление, или более грубое состояние, всегда следствие, а более тонкое состояние — причина. Уже Капилой, великим отцом всей философии, тысячи лет назад было показано, что разрушение значит возвращение к причинам. Если этот стол разрушится, он только вернется к своим причинам, к тем тонким формам и частицам, которые, соединившись, образовали форму, называемую столом. Когда умирает человек, он возвращается к элементам, составившим его тело; если умрет земля, она вернется к составным частям, которые образовали ее форму. Вообще то, что называется разрушением, есть возвращение назад к причине. Отсюда заключаем, что следствие то же, что причина, а не нечто, отличное от нее. Оно то же самое, только в другой форме. Материалы, из которых сделан этот стол, причины, а стол их следствие, и все причины находятся в нем. Этот стакан — следствие, имеющее свои причины, и эти причины присутствуют в своем

следствии. Некоторое количество материала, называемого стеклом, плюс сила рук работника, вот две причины, — орудие и материал. Обе они соединились, чтобы произвести форму, которая называется стаканом, и обе в ней находятся. Сила, придавшая стеклу форму стакана, присутствует в нем, как сила сцепления, без которой частицы распались бы; материал в нем также налицо; все же вместе — только проявление этих тонких причин в новой форме. И, если этот стакан разбит в куски, сила, которая была в нем в форме сцепления, уйдет и соединится со своими составными частями, а частицы стекла возвратятся к бесформенному состоянию и останутся в нем, пока не будут переработаны в новые формы.

Таким образом, мы видим, что следствие никогда не отличается от причины. Оно только воспроизведение последней в более грубой форме. Дальше мы узнаем, что все различные формы, которые мы называем растениями, животными или человеком, повторяются *бесконечно*, то возникая, то исчезая. Семя производит дерево, дерево разрушается и становится семенем; вновь появляется в виде другого дерева, опять гибнет, оставляя другое семя, и т.д. без конца. Дождевая капля катится с горы к океану, поднимается от него в виде пара, идет к горе и опять падает в реку. Так, в подъемах и падениях, проходит целый цикл. И это происходит со всеми жизнями и со всем существующим, со всем, что мы можем видеть, слышать или воображать. Все, что в пределах нашего знания, происходит, таким образом, подобно вдыханию и выдыханию воздуха в человеческом теле. Все создание продолжается в форме, подобно волне, вздымающейся и опускающейся, опять вздымающейся и опускающейся, и т.д. Вследствие однообразия в этом отношении всей вселенной, этот закон, очевидно, должен применяться во всех ее областях. Весь космос должен когда-то разло-

житься в свои причинные формы: солнце, луна, звезды, земля, тело человека и его ум, и все, из чего состоит вселенная, должно распасться на свои более тонкие причины, разрушиться и исчезнуть. Но все, из чего они составлены, будет продолжать жить в состоянии тонких форм, из которых потом образуются земля, солнце, луна, звезды и проч.

Относительно возникновения и исчезновения существований, следует заметить еще другой факт. Семя происходит от дерева и затем делается само деревом, но не тотчас. Оно должно переждать период покоя, или вернее, период очень тонкой непроявляющейся деятельности, — должно некоторое время работать под поверхностью земли, разложиться и как бы выродиться, и только после *вырождения* для него наступит период *возрождения*. Вся вселенная должна также в течение некоторого периода работать в тонкой форме, невидимая, непроявленная, — в том состоянии, что называют хаосом, или началом создания, — и только после того она может опять проявиться как новое творение. Весь период, — проявление одной волны, ее обращение в более тонкую форму и пребывание в этом состоянии до нового проявления, — называется по-санскритски *Кальпа*, или цикл. В течение каждого такого цикла вся вселенная повторяется: от безграничного космоса до самой маленькой частицы материи в ней, все движется в виде указанных выше волн.

Теперь мы подошли к вопросу, чрезвычайно важному, особенно в настоящее время. Мы видели, что тонкие формы развиваются в грубые очень медленно, только постепенно становясь все грубее и грубее. Видели также, что причина — то же, что следствие, та же причина, только воспроизведенная в другой форме. Отсюда следует, что вселенная не могла произойти из ничего. Ничто

не может быть без причины, и сама причина должна находиться в следствии, в его более тонкой форме. Из чего же тогда произошла вселенная, какой мы ее видим? — Из предшествовавшей тонкой вселенной. А из чего произошел человек? — Из предшествовавшей тонкой его формы. Из чего произошло дерево? — Из тонкой формы, называемой семенем, в котором находится уже целое дерево и из которого оно выходит в проявление. Таким же образом вселенная, какой мы ее знаем, сотворена из той же самой вселенной, существовавшей в ее тонкой форме. Теперь она проявляется, но опять вернется в тонкую форму и затем снова проявится. Мы видим, что более тонкие формы медленно развиваются и становятся все грубее и грубее, пока не достигнут известного предела, а когда достигнут его, идут назад и опять становятся все тоньше и тоньше. Этот последовательный переход из тонких форм во все более и более грубые в новейшее время назван эволюцией. Мы видим ее ежедневно, и ни один разумный человек не станет спорить с эволюционистами. Но мы должны отметить одну вещь, а именно, что каждой эволюции предшествует инволюция. Семя — отец дерева, но другое дерево было отцом семени. Семя — это тонкая форма, из которой выходит дерево, но другое дерево было формой, заключавшей в себе это семя, и все дерево находилось в последнем. Ничто не происходит из ничего, но дерево выходит из семени, и известные семена производят только известные деревья, а не какие-либо другие. Таким образом, мы видим, что причиной дерева было известного рода семя, в котором уже заключалось все это дерево.

Целое человеческого существа было в зародышевой протоплазме, которая мало-помалу развертывалась; целое же настоящей вселенной было когда-то свернутым в космической тонкой вселенной. Все присутствует в своей

собственной причине, в своей более тонкой форме. Поэтому теория эволюции, или постепенного развертывания этих проявлений во все более и более грубые формы, совершенно верна, только всякой эволюции предшествует инволюция. Так, маленькая клетка, из которой потом выйдет большой человек, уже теперь — свернутый большой человек, и из нее он проявится и развернется в эту большую форму. Если эволюционисты признают это, то нам не о чем будет спорить с ними, так как дальше увидим, что, приняв это положение, они, вместо того, чтоб разрушать религию, станут ее усерднейшими защитниками. Итак, ничто не создано в том смысле, что что-то произошло из ничего. Все существовало в течение всей вечности и будет вечно существовать. Но процесс этого существования имеет форму чередующихся волн, представляя собой то возвращение к более тонким формам, то проявление в грубых. Так инволюция и эволюция во всей природе постоянно сменяют друг друга. Целое вселенной, прежде чем проявиться, было свернутым, а теперь развертывается во всевозможные формы, чтобы опять затем свернуться. Возьмем, например, жизнь маленького растения. Единство ему дают две вещи: рост, или развитие, и увядание, или смерть. Эти объединяющие причины и составляют жизнь растения. Рассматривая жизнь в настоящее время, как одно звено в цепи эволюции, мы можем считать всю серию звеньев, начиная с протоплазмы и кончая наиболее совершенным человеком, одной жизнью. Здесь человек представляет одно звено, а, как говорят эволюционисты, разные формы обезьян, четвероногих, затем низших животных и растений — другие звенья. Возвращаясь к самым маленьким частицам, с которых начинается эволюция жизни, и принимая всю серию за одну жизнь, приложим к ней только что открытый нами закон, — что каждая эволюция пред-

полагает инволюцию чего-то, существовавшего раньше. Мы найдем при этом, что вся серия, начиная с самых низших и кончая самыми высшими, до совершенного человека, должна быть инволюцией чего-то другого. Тут возможен вопрос — инволюцией чего? Что здесь инволюционировало? Эволюционист скажет вам, что конечно не Бог, что идея о Боге ложна. На вопрос — почему? — он ответит: «потому, что, хотя вы утверждаете будто разум уже присутствовал при создании вселенной, но мы каждый день видим, что разум в процессе эволюции появляется значительно позже. Он есть у человека и у высших животных, которых мы считаем разумными; но мир существовал миллионы лет прежде, чем эти существа появились». Не пугайтесь того, что они говорят, но примените открытый нами закон. Дерево выходит из семени и возвращается в семя, земля образуется из своей причины и оканчивается той же причиной, и это происходит со всеми вещами; начало и конец всего всегда один и тот же. Что же представляет конец всей нашей серии? Мы знаем, что если мы можем найти начало, то можем найти и конец и — обратно — найдя конец, найдем и начало. Итак, возьмем всю эволюционирующую серию, от протоплазмы на одном конце и до совершенного человека — на другом, и будем на нее смотреть, как на одну вещь. На конце серии мы видим совершенного человека. В начале он, очевидно, был тем же самым. Протоплазма, таким образом, представляла инволюцию самой высшей разумности; другого заключения сделать нельзя. Но это свернувшаяся разумность есть то, что постепенно затем развертывается, пока не станет появляться в самом совершенном человеке. Это может быть доказано с математической точностью. Действительно, если закон сохранения энергии верен, вы не можете извлечь из машины ничего, чего раньше не вложили в нее. Работа, кото-

рую вы получаете от паровой машины, совершенно точно равна энергии, вложенной вами в машину, в форме воды и угля, — ни на волос больше, ни на йоту меньше. Работа, которую я произвожу теперь представляет совершенно точно ту силу, которую я вложил в себя, в форме воздуха, пищи и других вещей. К имеющимся в экономии природы материи и силе не может быть приложено и от них не может быть отнято ни малейшей частицы, ни одного пудо-фунта. Раз это так, то откуда взялся разум совершенного человека, если его не было в протоплазме? Если его там не было, то он должен был появиться вдруг, получиться из ничего, что, конечно, абсурд. Отсюда необходимо следует, что как все другие существа кончают тем, чем начали, и только одно время инволюционируют, а другое эволюционируют, совершенно также и совершенный, свободный человек, человек-Бог, ставший выше законов и всего в природе, не имеющий более нужды проходить через цепь последовательных рождений и смерти, — «человек-Христос», как его называют христиане, «человек-Будда» буддистов и «Свободный», по выражению Йоги, — развившись из клетки протоплазмы и составляя конец эволюционирующей серии, несомненно находился свернутым в той же клетке протоплазмы. Вернемся теперь к вселенной. Что, по нашему мнению, должно быть ее концом? — Она развилась из Разума, и последнее, чем закончится ее эволюция, очевидно тот же Разум. Эволюционисты считают разум последним звеном в порядке создания, а — значит, — он должен быть и первым звеном, т.е., его причиной. Таким образом, последняя из теорий о вселенной подтверждает древнюю теорию намеренности ее создания, разумного приспособления всех ее частей. Мы расходимся с новейшими материалистами только в том, что признавая разум последним продуктом в порядке созда-

ния или эволюции, вместе с тем утверждаем, что если он последний, то должен быть также и первым. Материалист скажет: «Прекрасно; но ведь, прежде чем появился человек и какое бы то ни было разумное существо, прошли миллионы лет, и в это время не было разума». На это мы ответим: тогда не было *проявленного* разума, но разум *непроявленный* существовал и, так как конец создания есть разум, проявляющийся в совершенном человеке, то и началом творения должен был быть тот же Разум. В начале он был свернутым, а в конце развернулся. Сумма его, действующая в настоящее время во вселенной, должна быть равна сумме разума, находившегося в свернутом состоянии в непроявленной вселенной. Этот всемирный Космический Разум и есть то, что мы называем Богом. Называйте его какими хотите именами, но это не ослабит верности положения, что началом всего был этот бесконечный Космический Разум. Существовая вначале в своих тонких формах, он стал потом тем самым разумом, который теперь действует и развивается, пока не проявится в виде совершенного человека, «человека-Христа», «человека-Будды», и затем опять вернется назад, к своему первоисточнику. Вот почему все писания говорят: «В Нем мы живем, движемся и существуем». Вот почему все они проповедуют, что мы пришли от Бога и идем к Богу. Не смущайтесь философскими терминами; если слова пугают вас, вы не годитесь быть философами. Итак, Космический Разум есть то, что теологи называют Богом.

Меня часто спрашивали: «Зачем вы употребляете это устаревшее слово — Бог?» — Потому, что оно самое лучшее слово, какое только можно было придумать. Все страстные желания, все радости и надежды человечества сконцентрированы в этом слове. Его невозможно и не следует изменять. Великие святые, гигантские души, ус-

тановившие это слово, знали его сущность и вполне понимали его значение. Но когда это слово проникло в общество, и его стали употреблять невежественные люди, оно утратило все свое величие. Слово «Бог» перешло к нам от незапамятных времен, и с ним связано все великое и святое, все; что означается словом «всемирный разум». Думаете ли вы, что мы должны его бросить потому, что несколько глупцов говорят, что оно неправильно? Придут другие и скажут: «Возьмите *мое* слово»; а еще другие — «Возьмите *мое*». И, если мы будем слушать их всех, не будет конца придумыванию глупых названий. Пользуйтесь старыми словами, но пользуйтесь ими разумно, очищая свой ум от суеверий и давая себе ясный отчет в том, что под этими словами и древними выражениями разумеется. Если вы усвоили то, что понимается под силой закона ассоциации, вы должны знать, что с этими словами связано бесконечное число величественных идей огромной силы, что они употреблялись миллионами человеческих душ и что миллионы людей почитали эти слова и называли ими все самое высокое и лучшее, все разумное и достойное любви, все что есть великого и высокого в человеческой природе. Таким образом, они пришли к нам, нагруженные внушениями всех этих ассоциаций, и не могут быть откинута. Если бы я пытался убедить вас, только утверждая, что Бог создал вселенную, это не имело бы смысла; и ни к чему не привело бы; но мы пришли к Нему, к Древнему Одному, путем долгих усилий. Мы нашли, что сущность космической энергии, известной как материя, мысль, сила, разум, или — называйте ее как хотите, есть только проявление Космического Разума, или, как мы будем называть его, Всевышнего Господа. Все, что вы видите, чувствуете или слышите, все что есть во вселенной, все это Его создание, или, выражаясь несколько правильнее,

Его проявление, а еще точнее, — Сам Бог. Это Он, что светит как солнце и звезды; Он — наша мать-земля, Он — океан. Он приходит в благотворных дождях; Он — воздух, которым мы дышим, и Он — то, что действует, как сила нашего тела. Он — язык, который говорит. Он — человек объясняющий и Он же — слушающая аудитория. Он — платформа, на которой я стою. Он — свет, дающий мне возможность видеть ваши лица, Он — все. Он — материал и творческая причина этой вселенной, и Он — то, что, свернутое вначале в самой маленькой клетке, развивается и является на другом конце (эволюции) как Бог. Он нисходит и становится самым низшим атомом, а затем, медленно обнаруживая свою истинную природу, является самим собой. В этом тайна вселенной. «Ты — человек, Ты — женщина, Ты — сильный мужчина, гордый своей юностью, Ты — старик, шатающийся на своих костылях. Ты — во всем. О, Господи! Ты — все!»¹. В этом единственное разрешение тайны Космоса, могущее удовлетворить человеческий разум. Одним словом, мы рождены в Нем, в Нем живем и в Него, наконец, возвратимся.

Космос

Микрокосм

Человеческий ум имеет естественную склонность познавать; он постоянно стремится, так сказать, выйти из тела и войти в соприкосновение с предметами познания, посредством органов и орудий чувств. Чувства эти устремляются на внешние предметы: глаз смотрит на них, слух слушает, осязание ощущает. Поэтому и самые ран-

¹ *Светасвара Упанишад* (IV–3).

ние вопросы, на которые человек требовал ответа, касались внешнего мира. Он искал разрешения тайн неба, звезд, земли, рек, гор, океана; и во всех древних религиях мы находим следы того, как человеческий ум, сначала ощупью, составлял представления об окружающем его. У него были боги неба, облаков, дождя, рек; все внешнее, что мы называем теперь явлениями и силами природы, олицетворено им в богах или посланниках неба. По мере того, как вопросы углублялись, внешние явления перестали удовлетворять человеческий ум, его энергия направилась внутрь, и вопросы коснулись, наконец, души человека. От макрокосма она отразилась внутрь, к микрокосму; от внешнего мира — в мир внутренний. От анализа внешней природы человек перешел к анализу своего собственного я и внутренней сущности всего мира. Это могло произойти только с наступлением высшего состояния цивилизации, более глубокого понимания природы и более высокой степени умственного развития.

Предметом нашей сегодняшней беседы будет исследование вопроса о внутреннем человеке.

Сколько миллионов раз и в скольких странах возбуждался этот вопрос! Короли и ученые, богатые и бедные, святые и грешники, все от времени до времени спрашивали: Есть ли в мимолетной человеческой жизни что-нибудь постоянное, не уничтожающееся? Нет ли в человеке чего-нибудь продолжающего жить после того, как его внешняя форма, тело, превратится в горсть праха? Нет ли чего-нибудь переживающего огонь, который сжигает тело? И, если есть что-нибудь, какая его судьба, откуда оно приходит и куда уходит? Эти вопросы постоянно возбуждались, и, пока человеческий ум будет мыслить, до тех пор будут снова и снова повторяться. И это не потому, что на них не получалось ответов; напротив, — ответы получались во все времена и, чем дальше, тем

становились все основательнее. В сущности, ответ был дан еще тысячи лет назад, а после только возобновлялся и выражался более понятно для нашего разума. Поэтому мне остается только повторить тот же ответ, и я не имею ни малейшей претензии пролить на этот всеобъемлющий вопрос какой-либо новый свет. Я пытаюсь только изложить вам на современном языке мысли древних об этой старой истине, передать в простой форме идеи философов, выразить мысли ангелов и Бога так, чтобы они могли быть поняты бедным человеческим умом. Дальше мы увидим, что эта задача выполнима, так как Божественное Существо, от Которого исходили эти идеи, присутствует в человеке, а Существо, создавшее мысли, конечно, поймет их и после своего проявления в человеке.

Вот, я смотрю на вас. Как много нужно, чтобы я мог вас видеть. Во-первых, глаза. Если во всех прочих отношениях моя организация совершенна, но у меня нет глаз, я не буду в состоянии видеть вас. Таким образом, первая необходимая вещь — обладание глазами. Но глаз недостаточно, если за ними нет *действительного органа зрения*, так как глаза не органы, — они только орудия зрения, орган же позади них, это *нервный центр в мозгу*. Если этот центр поврежден, человек может иметь пару самых превосходных глаз и все же ничего не будет видеть. Итак, вторая необходимая вещь — нервный центр, действительный орган зрения. То же следует сказать и о всех прочих наших чувствах. Внешнее ухо — только орудие, приносящее внутрь звуковые колебания; оно должно принести их к центру, или органу слуха. Но и этого недостаточно. Бывает иногда, что вы сидите, внимательно читая книгу, и в это время часы бьют двенадцать, а вы и не слышите боя. Здесь налицо: и звук, и ухо, и орган слуха; колебания воздуха достигли вашего уха, и ухо

передало их нервному центру, но вы все-таки не слышите. Чего же не достает? Не достает третьего условия, — присутствия ума. Итак, первая необходимая вещь — внешний инструмент, вторая — передача ощущения инструментом органу и затем — соединение органа с умом. Если ум не соединен с органом, внешнее орудие и орган могут получить ощущение, но мы не будем сознавать этого. Ум, в свою очередь, также только орудие; он должен принести ощущение еще дальше и передать его интеллекту, чтобы тот определил, что ему принесено. Но и этого еще недостаточно. Интеллект должен перенести ощущение дальше и представить со своим определением управляющему телом — человеческой душе, царю, сидящему на троне, от которого затем исходит приказание: «Делай это», или — «Не делай этого». Приказание идет в обратной последовательности, — к интеллекту, уму, органам и внешним орудиям. Это и составит полное восприятие.

Орудия находятся во внешнем, грубом теле; но ум и интеллект вне его. Они составляют то, что в Индусской философии называется тонким, а в Христианской теологии духовным телом человека. Они гораздо тоньше, чем грубое тело, но еще не душа, которая выше их. Внешнее тело по прошествии нескольких лет погибает; всякая ничтожная причина может повредить и разрушить его. Тонкое тело не так легко разруσιμο; но и оно то ослабевает, то бывает сильнее. Мы видим, что, когда тело сильно, и ум становится сильным, что у стариков его сила иногда слабеет, что некоторые лекарства, медицинские средства и всякие внешние воздействия влияют на него, и что он вообще отвечает контр-реакцией на внешний мир. Как тело то прогрессирует, то приходит в упадок, совершенно так же и у ума бывают периоды силы и слабости. Поэтому ум — не душа, так как душа — нечто простое и не

может испытывать ни ослабления, ни разрушения. Но откуда мы знаем все это? Как можем мы знать, что есть что-то даже за нашим умом? Знание само светит, само познает себя и, представляя собой ядро и основание интеллекта, не может принадлежать тонкой и мертвой материи. Никогда еще не видана материя, которая в своей сущности заключала бы интеллект. Никакая темная или мертвая материя не может познавать себя. Всякую материю освещает разум. Этот зал существует только благодаря разуму, и остается неизвестным, пока его не сопровождает какой-нибудь разум. Тело не самосветяще; если бы оно было таким, то таким оставалось бы и в мертвом человеке. Ни ум, ни духовное тело не имеют собственного света, — в них нет сущности разума. То, что самосветяще, не может уничтожиться. Свет того, что светится заимствован светом, является и исчезает. Но может ли что-нибудь вызвать, уничтожить, или сколько-нибудь ослабить светимость того, что само светит? Мы видим, что луна темнеет и опять становится светлой, и знаем, что она светится только заимствованным светом солнца. Если кусок железа положить в огонь, то он накалится и начнет испускать свет; но этот свет слабеет и исчезает, потому что он заимствован. Уменьшение возможно только для того света, который заимствован, а не составляет своей собственной сущности. Мы видим, таким образом, что тело, внешний человек, не имеет света в своей сущности; оно не самосветяще, не может знать само себя. То же самое и ум. Из чего это видно? — Из того, что ум слабеет, дряхлеет, бывает силен в одно время и слаб в другое; из того, что все может влиять на него. Свет, которым светит ум, не принадлежит ему. Но кому же он принадлежит? — Тому, в ком он не заимствован и не отражен, но чью сущность он составляет. Будучи сущностью некоего существа, этот свет не может уга-

сать, или изменяться в силе. Он принадлежит душе, которая сама свет. Душа не знает, но сама — знание, не существует, но сама — существование, не счастлива, но сама — счастье. То, что счастливо, заимствовало это счастье; в нем это качество отраженное. То, что имеет знание, получало это знание; это свет заимствованный. То, что имеет относительное существование, не существует само по себе, но отражает существование чего-то другого. Везде, где есть различие между веществом и качеством, качество только отражено на веществе. Но душа не имеет ни знания, ни существования, ни блаженства, как своих свойств, — все это ее сущность.

Но нас опять могут спросить: «На каком основании мы берем на себя смелость утверждать все это? Почему считаем, что душа есть знание, блаженство, существование, или что она в своей сущности самосветяща? Почему нельзя сказать, что ее светимость — результат заимствованного света, подобный светимости тела, заимствованной от ума?» — Мы видели, что, пока присутствует ум, тело светится; но, как только ум покидает его, светимость тела исчезает. Если ум уходит от моих глаз, я могу смотреть и ничего не увижу; если он уйдет от моих ушей, вы можете говорить сколько угодно, а я не услышу ни одного слова, и то же будет со всеми другими чувствами. Таким образом, мы видим, что светимость тела не его собственная, но заимствованная от ума. То же справедливо и относительно светимости ума. Все из внешнего мира влияет на него; малейшее воздействие, ничтожное повреждение мозга изменяет его. Светимость ума не может быть его собственной, так как мы видим во всей вселенной, что то, что составляет сущность, никогда не изменяется. Но почему не сказать, что светимость души, ее блаженство и знание также заимствованы? — Потому, что тогда не будет конца подобным вопросам. В

самом деле, от кого может душа заимствовать свет? Если мы скажем, что от какой-нибудь другой души, то тот же вопрос может быть повторен опять, относительно этой второй души, и так далее до бесконечности. Мы должны будем остановиться, наконец, на ком-то, у кого свет незаимствованный, и логичнее всего остановиться на первом звене, где мы нашли светимость, и не идти дальше.

Таким образом, мы видим, что человеческое существо составлено, во-первых, из внешней оболочки, тела; во-вторых, из тонкого тела, состоящего из ума и интеллекта, ощущений и сознания, и, наконец, из находящегося позади них истинного *Я* человека. Видим также, что все качества и способности грубого тела заимствованы от ума, а качества и способности тонкого тела, или ума, — от души, стоящей позади него.

Относительно души естественно приходится сделать следующее заключение. — Даже материальный мир не произошел из ничего, а тем более не могла произойти из ничего душа. Следовательно, *она существовала всегда; не могло быть времени, когда она не существовала.* Если бы такое время было, если бы душа когда-нибудь не существовала, откуда бы тогда взялось время? Так как время, ведь, в душе и является только тогда, когда душа направляет свою силу на ум, и ум начинает думать. Когда не было души, не было, конечно, мысли, а без мысли нет времени. Как можно поэтому говорить, что душа существует во времени, когда само время существует только в душе? Для души нет ни рождения, ни смерти; она только открывает себя в этих фактах. *Она медленно и постепенно проявляется в разных формах, начиная от более низких и до высших, и на разных ступенях выказывает свое величие.* Приняв одно тело, она действует на него посредством ума, охватывает им

внешний мир и научается понимать его, а использовав и истощив его, берет другое и т.д.

Теперь мы подошли к интересному вопросу, известному под названием перевоплощения души. Публика приходит иногда в ужас от этой идеи, и предрассудок людей в этом отношении настолько силен, что даже наиболее здраво мыслящие из них скорее поверят, что они произошли из ничего, и затем с чисто женской логикой постараются создать теорию, что происходя из нуля, они будут существовать вечно, чем допустят возможность перевоплощения. Те, кто произошли от нуля, конечно, и останутся нулями; но ни вы, ни я и никто из здесь присутствующих не произошел от нуля и в нуль не обратится. *Мы существовали от вечности и будем вечно существовать*, и ни под солнцем, ни над ним, нет силы, которая могла бы лишить меня существования или сделать нулем. Идея о перевоплощении не только не включает в себе ничего страшного, но безусловно необходима для нравственного благосостояния человеческой расы. Она представляет собой единственное логическое заключение, к какому люди могут прийти. Если вы должны существовать вечно, то должны были вечно существовать и в прошлом. Иначе быть не может.

Я попробую ответить на некоторые возражения, обыкновенно выставляемые против этой теории. Хотя многие из вас могут находить эти возражения очень глупыми, мы все-таки должны ответить на них, так как знаем, что иногда самые разумные люди бывают способны предлагать в высшей степени неразумные идеи. Ведь совершенно верно сказано, что еще не было такой бессмысленной идеи для защиты которой не нашлось бы философов.

Первое возражение такое: «Если перевоплощение существует, то почему мы не помним наших прошлых жизней?» На это мы ответим:

А помним ли мы все в этой нашей жизни? Многие ли помнят, что делали, когда были детьми? Ни один из вас не помнит своего раннего детства, и если бы ваше существование зависело от памяти, то на основании вашего возражения следовало бы заключить, что вы не существовали, когда были детьми, потому что не помните себя в это время. Говорить, что наше предыдущее существование было бы возможно лишь при условии, что мы помним о нем, — чистейшая бессмыслица. Почему мы должны помнить наше прошлое? Ведь того мозга уже нет, он разложился на составные части, и создан новый мозг. К этому мозгу перешел только общий результат, итог впечатлений, оставленных в нас нашими прежними жизнями, и с этим итогом наш ум вселился в новое тело. Я, стоящий здесь перед вами, представляю собой результат всего бесконечного прошлого, оставшегося позади меня. Какая мне необходимость помнить все это прошлое? И, тем не менее, такова сила предрассудка, что те же люди, которые выставляют этот аргумент против возможности перевоплощения, верят, что были когда-то обезьянами и лемурами и не осмеливаются спросить, почему же мы не помним, как жили в образе обезьян. Когда один из древних мудрецов, какой-нибудь древний пророк, который воочию видел истину, говорит что-нибудь, эти новые люди кричат: «О, это ведь сумасшедший». Но скажите: «Это сказал Гексли или Тиндаль, и они ответят: «А, тогда это должно быть верно», и все примут за несомненное. Вместо древнего суеверия, они создают суеверия новые; на место старых пап религии, они возвели на престол непогрешимости новых пап науки.

Итак, мы видим, что это возражение, основанное на памяти, несостоятельно, а оно почти единственное, серьезно выставляемое против этой теории. Но, хотя для

подтверждения этой теории и не требуется воспоминания о прошедших жизнях, мы, тем не менее, в состоянии утверждать, что в некоторых случаях такие воспоминания всплывают и теперь. В той же жизни, в которой вы будете свободными, каждый из вас вспомнит все прошлое, и только тогда и станет свободным. Только тогда вы узнаете, что настоящий мир был только сон; только тогда непосредственно увидите, что вы здесь только актеры, а мир — ваша сцена; только тогда вас как громом поразит мысль о тщете привязанностей; только тогда вся эта жажда удовольствий и боязнь расстаться с жизнью и с этим миром исчезнут навеки. Тогда ваш ум увидит ясно, как при свете дня, сколько раз все это уже существовало для вас; сколько миллионов раз вы уже были отцами и матерями, сыновьями и дочерьми, мужьями и женами, родственниками и друзьями, богатыми и бедными, — сколько раз все это приходило к вам и сколько раз уходило; как часто вы были на гребне волны и как часто погружались вниз, на дно отчаяния. Когда память восстановит перед вами все это, тогда и только тогда вы воспрянете, как герой, и улыбнетесь при виде хмурящегося мира. Только тогда вы вспомните и скажете: «Мне нет до тебя дела, хотя бы ты был сама смерть. Чем можешь ты устроить меня?» Так как только тогда вы победите смерть, когда узнаете, что она не имеет над вами власти. И это время настанет для всех.

Есть ли какие-нибудь доказательства, какие-нибудь разумные основания в подтверждение учения о перевоплощениях души? До сих пор мы приводили только отрицательные положения, показав, что опровергающие его доводы несостоятельны. Но есть ли положительные доказательства в его пользу? — Есть, и очень веские. Без перевоплощения было бы невозможно знание. В моем уме есть группы всего мной раньше испытанного,

расположенные как бы в разных отделениях для бумаг. Как только явилось новое впечатление, я отношу его в соответствующее отделение и, если нахожу уже там впечатления того же рода, помещаю его в это отделение и чувствую себя удовлетворенным. Если я не нахожу внутри себя впечатлений родственного вновь полученному, я неудовлетворен. Это состояние неудовлетворенности сознания, вследствие того, что я не нашел в себе родственных впечатлений, есть то, что называется «незнанием»; когда же мы удовлетворены, найдя родственные впечатления, наше состояние называется «знанием». Ум, видевший в первый раз падение яблока, был неудовлетворен; затем постепенно он составил себе группу падений яблок, получил группу знания. В чем же заключалась эта группа знания? — В том, что все яблоки падали, и это называли «притяжением». Мы видим теперь, что без запаса уже существующих опытов невозможен никакой новый опыт, так как тогда нет ничего, к чему можно отнести новое впечатление. Так, если, — как думают некоторые Европейские философы, — дитя является в этот мир с тем, что они называют *tabula rasa*, то такое дитя должно и уйти из этого мира чистой доской, так как у него не к чему будет относить испытываемое им. Знание невозможно без заранее существующего запаса знания. А если так, то все мы, как имеющие знание, пришли в этот мир с запасами знания уже существовавшего. Но *знание получается только одним путем — путем опыта; другого способа приобрести знание нет*. Если мы чего-нибудь не испытывали здесь, мы должны были его испытать где-нибудь в другом месте. Как произошло, что каждый испытывает страх смерти? Маленький цыпленок только что вылупился из яйца; прилетает орел, и цыпленок бежит в страхе под охрану своей матери. Где он узнал, что орел ест цыплят? Есть ста-

рое объяснение, — хотя оно едва-ли заслуживает это название, — что знанием этим он обязан инстинкту. Что заставляет этого маленького, только что вышедшего из яйца цыпленка бояться умереть? Отчего, когда высиженный курицей утенок подойдет к воде, он бросается в нее и плышет? Люди называют это инстинктом. Это очень красивое слово, но оно оставляет нас там же, где мы и были. Рассмотрим это явление инстинкта. Инстинктов разного рода у нас много. Женщина начинает учиться игре на рояле. Сначала она должна внимательно смотреть на каждый клавиш, по которому ударяет пальцами, но по мере того, как подвигается вперед, в течение месяцев или лет, у нее является инстинкт, ее игра становится автоматической. То, что вначале требовало побуждения со стороны воли, теперь совсем не требует помощи даже сознания, но может быть производимо без всякого его участия, и такое состояние называется инстинктом. Действие сначала зависело от воли, а затем опустилось ниже ее области. Кроме того, почти все действия, которые теперь инстинктивны, могут быть приведены опять под управление воли. Опытами установлено, что каждым мускулом нашего тела мы можем научиться управлять. Итак, двойным способом, сходства и различия, вполне доказано, что то, что мы называем теперь инстинктом, есть вырождение произвольных действий. И это не только у человека, но и у низших животных, так как природа однообразна.

Примените теперь к инстинкту тот закон, который мы открыли в макрокосме, — что всякая инволюция предполагает эволюцию и всякая эволюция — инволюцию, — и вы увидите, что инстинкт не что иное, как инволюционировавший рассудок. Таким образом, то, что мы называем инстинктом у людей и животных, состоит из свернувшихся или выродившихся произвольных действий; произ-

вольные же действия невозможны без опыта. Боязнь смерти у цыпленка, стремление утенка бросаться в воду и все произвольные действия человека — суть *результаты прежних опытов*, ставших теперь инстинктом. До сих пор все у нас очень ясно, и мы не расходимся с современной наукой. Позднейшие ученые пришли к выводам древних мудрецов, и пока между ними полное согласие. Как те, так и другие, признают, что *каждый человек и каждое животное рождается с запасом опыта и что все действия ума — результаты прежнего опыта*. Но дальше является разногласие. Какое основание, — спрашивают новейшие ученые, — говорить, что этот опыт принадлежит душе? Почему не сказать, что он принадлежит телу, и только телу? Почему не допустить, что он передан по наследству? И, наконец, последний вопрос, — почему не сказать, что весь опыт, с которым я родился, есть конечное следствие всего прошлого опыта моих предков? Во мне есть сумма всех моих опытов, от атома протоплазмы до самого высшего человеческого существа, но она перешла от тела к телу в ряде наследственных передач. В чем будет затруднение, если мы так скажем? — Вопрос очень тонкий, и отчасти эту наследственную передачу мы тоже признаем. Но насколько? — *Настолько, насколько она касается выработки материала для тела*. Мы нашими прежними действиями делаем себя способными к рождению в известном теле, и соответствующий этому телу материал может перейти только от *тех* родителей, которые *сделали себя подходящими*, чтобы иметь нас своими потомками.

Теория наследственности принимает, без всяких доказательств, за несомненное в высшей степени удивительное положение, что умственный опыт может запечатлеться и сохраниться в материи. Когда я смотрю на вас, в озере моего ума вздымается волна. Эта волна за-

тем успокаивается, но остается в тонкой форме, как впечатление. Это понятно. Мы понимаем, что физическое впечатление остается в теле; но какое основание полагать, что в теле может остаться умственное впечатление, раз тело разрушается? Что же передает его? Допустим даже, что для каждого умственного впечатления было возможно оставаться в теле и что одно из этих впечатлений, начиная с первого человека, переходило к другим и дошло до моего мозга, так что оказалось в моем теле. Как же оно перенесено ко мне? Вы скажете — через клетку биоплазмы. Но как это могло быть, раз тело отца не все переходит к ребенку. Ведь один и тот же отец может иметь несколько детей, и тогда по этой теории наследственности (по которой впечатление и то, на что оно производится, одно и то же, т.е., материя) — неизбежно следует, что с каждым рождением ребенка, родители должны терять часть своих впечатлений, или, если родители передают все свои впечатления, тогда после рождения первого ребенка, их собственные умы должны остаться пустыми.

Если же в клетку биоплазмы входит бесконечная сумма всех впечатлений, полученных во все время, тогда где же и как они там помещаются? Получается совершенно невозможное положение, и пока физики не в состоянии показать, как и где эти впечатления живут в этой клетке, и не объяснят, что они понимают под умственным впечатлением, спящим в физическом атоме, до тех пор их положение не может считаться обоснованным. Для нас ясно, что эти впечатления находятся в уме, что ум, собираясь воплотиться и перевоплотиться, берет материал вполне для себя подходящий и что известный ум, сделавший себя подходящим только для определенного рода тела, будет ожидать, пока не найдет требуемого материала. Это понятно. Наша теория приходит к то-

му, что такая вещь, как *наследственная передача, существует, но только поскольку дело касается приготовления физического материала для души*. Душа же переселяется, вырабатывая для себя одно тело за другим, и все наши мысли и поступки накаплиются внутри нас *в тонкой форме*, готовые снова воспрянуть и принять образ. Когда я смотрю на вас, в моем уме поднимается волна. Затем она опускается и становится, так сказать, все тоньше и тоньше, *но не исчезает*. Она остается в уме, готовая подняться опять в какой-нибудь момент в виде волны, которую мы называем «воспоминанием».

Таким образом, в моем уме остается вся эта масса впечатлений, и, когда я умру, равнодействующая сила всех их уйдет со мной. Представьте себе, что у нас есть мяч; каждый из нас берет деревянный молоток, и мы бьем его со всех сторон. Что при этом произойдет? Мяч будет перелетать по комнате с одной стороны на другую, пока не попадет в открытую дверь и не покатится. Что же он унесет с собой? — Остаточное впечатление от всех полученных им ударов, которое и определит его направление вне комнаты. Что же определяет путь души, когда она оставляет тело? — *Равнодействующая суммы наших поступков и мыслей*. Душа выйдет, унося в себе их реестр. Если равнодействующая будет такова, что душа найдет необходимым выработать себе новое тело для дальнейших опытов, она найдет путь к тем именно родителям, которые наиболее способны снабдить ее подходящим материалом для тела, и принимает новое тело. Так она будет странствовать из одного тела в другое, то поднимаясь к небесам, то падая опять на землю, то становясь человеком, то принимая форму какого-нибудь высшего или низшего существа. Она будет продолжать это до тех пор, пока не окончит своих испытаний и не завершит круг. Тогда она воочию увидит свою собственную

природу и узнает, что она такое. Все незнание исчезнет и проявятся ее силы, она станет совершенной. Для такой души нет более надобности работать при посредстве физических тел, ей не надо работать даже в тонких или умственных телах. Она сияет в своем собственном свете и становится свободной; никогда больше не будет ни рождаться, ни умирать.

В дальнейшие подробности мы теперь входить не можем. Но позвольте изложить вам еще одно положение, имеющее отношение к теории перевоплощения. Это положение, служащее развитием идеи о свободе человеческой души. Оно заключается в том, что не следует впадать в обыкновенное человеческое заблуждение, — взваливать вину за наши слабости на других. Мы никогда не обращаем внимания на свои ошибки; наши глаза не видят самих себя, но видят глаза других. Мы очень плохо распознаем наши собственные слабости и ошибки, пока приписываем их вину кому-нибудь другому. Люди обыкновенно объясняют свои заблуждения, как происходящие в зависимости от их ближних, или от Бога, или ссылаются на судьбу и бранят ее. Но что такое судьба и где она? *Мы жнем то, что посеяли.* Мы сами создаем нашу судьбу. Никто другой не заслуживает ни порицания, ни похвалы. Ветер дует все время и гонит вперед те суда, чьи паруса распущены; те же суда, у которых паруса сложены, остаются на месте, или бросаются волнами из стороны в сторону. Но вина ли это ветра? Вина ли Милосердного Отца, по милости Которого ветер дует безостановочно день и ночь и бесконечное сострадание Которого не знает утомления. Его ли вина, что кто-то из нас счастлив, а кто-то несчастен? Нет! *Мы сами создатели нашей судьбы.* Его солнце светит для слабого и для сильного. Его ветры дуют одинаково для святого и для грешника. Он — Господь всех и Отец всех, Милосердный

и Беспристрастный. Не скажете ли вы, что Он, Господь Вселенной, видит ничтожные наши поступки в этой здешней нашей жизни в том же свете, в каком мы их видим? Как унизительна была бы такая идея о Боге. Мы похожи на щенков, играющих на ковре перед камином; играем в борьбу на жизнь и смерть и безумно думаем, что Сам Бог принимает эту игру также всерьез, как делаем это мы. Но Он понимает значение такой игры. Все попытки взвалить вину на Него и считать Его наказывающим или награждающим — чистое безумие. Он не наказывает и не награждает. Его бесконечное милосердие открыто для всех нас, при всяких условиях, неизменное и неуклонное всегда и везде. От *нас* зависит, как воспользоваться им. Не обвиняйте ни человека, ни Бога, и никого во всей вселенной. Когда вы страдаете, вините в этом себя и старайтесь всеми силами поступать лучше.

Это единственное разрешение вопроса. Те, кто обвиняет других, — а число таких, увы, с каждым днем увеличивается, — вообще существа несчастные, которые своей собственной беспомощностью привели себя в это состояние и затем жалуются на других. Но это не изменяет их положения. Оно ни к чему им не служит. Стремление свалить вину на других только еще больше ослабляет нас. Поэтому, не обвиняйте в наших собственных ошибках никого. Стойте на своих ногах и принимайте всю ответственность на себя. Говорите: «Несчастье, которое я испытываю, — моя собственная работа, и из этого следует, что оно может быть устранено только мной». То, что я сделал, я могу и уничтожить; то же, что сделано другим, я разрушить не в состоянии. ***Будьте смелы, будьте сильны! Берите ответственность за свою жизнь на собственные плечи. Знайте, что вы сами создаете вашу судьбу. Вся сила и вся помощь, в которой вы нуждаетесь, внутри вас. Поэтому уст-***

раивайте сами свою будущность. Перед вами целая вечность. Помните всегда, что каждое ваше дело, каждый поступок, каждая мысль не пропадают бесследно и что, как дурные дела и дурные мысли при первом удобном случае набросятся на вас, подобно тиграм, так точно добрые дела и хорошие мысли готовы, с силой сотен тысяч ангелов, защищать вас всегда и во веки.

Бессмертие

Какой вопрос чаще всего предлагался, какая идея более, чем всякая другая, побуждала человека искать у природы ответа, какое исследование ближе и дороже всего для человеческого сердца; что более неразрывно связано с самым существованием человека, чем вопрос о бессмертии человеческой души? Бессмертие души было постоянной темой поэтов и ученых, священников и пророков. Цари на тронах обсуждали его, нищие на улицах грезили о нем. Лучшие из людей жаждали его и самые худшие никогда не теряли на него надежды. Интерес к этому вопросу никогда не умирал в человеке и никогда не умрет, пока будет существовать человеческий род. Много ответов предлагалось миру различными умами. Тысячи других умов в различные периоды истории отказывались в отчаянии от его обсуждения, и все-таки он остается таким же острым. Часто, в жизненных тревогах и борьбе, мы по-видимому, забываем о нем. Но вот, кто-нибудь умирает, — нас покидает один из тех, кого мы любили, кто был близок и дорог нашему сердцу, — и тотчас борьба, шум и суета мира вокруг нас на момент смолкают; душа обращается внутрь и задает тот же старый-старый вопрос: «что же дальше, что станет с душой после емерти?»...

Все человеческое знание вытекает из опыта и представляет собой не что иное, как гармонично связанные прежние опыты. Какой же ответ они дают на поставленные выше вопросы? Что мы видим постоянно вокруг нас? Мы видим — постоянное изменение. Растение выходит из зерна, вырастает в дерево и, завершая круг, обращается опять в зерно. Животное рождается, живет некоторое время и умирает, заканчивая круг. То же происходит и с человеком. Даже горы медленно, но неуклонно рассыпаются в пыль; реки медленно, но неотвратимо высыхают, и дождь образуется из вод моря и возвращается обратно в море. Везде описываются эти круги — рождение, рост, развитие и смерть — и каждый из них следует за другим с математической точностью. Это говорит нам наш повседневный опыт. Везде и во всем, начиная с ничтожнейшего атома и до одухотворенного в высочайшей степени человека, внутри и позади всей этой огромной массы миллионов форм и образов и миллиардов различий, мы находим известное единство. Каждый день видим, что стена, повидимому разделяющая одно вещество от другого, рушится, и наука постепенно приходит к заключению, что материя во всех ее разнообразных видах представляет собой единую сущность, проявляющую различным образом и в различных формах ту жизнь, что проходит через целые ряды существ, наподобие длинной непрерывной цепи, в которой все разнообразные формы — суть отдельные звенья. Звеньев этих почти бесконечное число, но все они составляют одну и ту же цепь. Это единство в последовательных переходах от одного звена к другому называется развитием, эволюцией.

Идея эволюции очень стара, так же стара, как старо человеческое общество, и только с развитием человеческого знания, она принимает новые формы. Есть еще

одна вещь, хорошо замеченная древними, но не так ясно понимаемая новыми учеными, — это инволюция. Семя становится растением, но зерно песка никогда не делается растением. Отец дает жизнь ребенку, но никогда не даст жизни ребенку ком глины. Из чего же получает начало эволюция? Из чего состоит семя? — Из того же вещества, что и дерево. Все свойства будущего дерева уже находятся в семени; все способности будущего человека уже есть в ребенке; все возможности будущей жизни заключены в зародыше. Древние философы Индии называли это процессами инволюции. Всякая эволюция предполагает инволюцию. Ничто не может развиваться, эволюционировать, развернуться, что не существовало уже в свернутом виде. То же говорит и новейшая наука. Путем математических рассуждений вы узнали, что суммы материи и действующей во вселенной энергии — величины постоянные. Вы не можете отнять от всей массы материи ни одного атома, от всей массы энергии — ни одного фунто-фута, равно как не можете к ним ничего и прибавить. А если так, то эволюция не может получить начало из ничего, из нуля. Откуда же она получает его? Из предшествовавшей инволюции. Ребенок — это инволюционировавший человек, а человек взрослый — эволюционировавший, развившийся ребенок. Семя — инволюционировавшее, свернувшееся дерево, а дерево — развившееся, эволюционировавшее семя. Все возможности всякой жизни уже находятся в зародыше. Вопрос теперь становится немного яснее. Прибавьте к сказанному нашу первую идею о сплошности жизни. От самой низшей клетки протоплазмы до наиболее сложного человеческого существа, жизнь в действительности одна. В жизни отдельного человека мы имеем различные фазы ее выражения: — ребенка, отрока, юношу, взрослого человека и старика. Эту последовательность фаз мы можем рас-

сма­тривать в обратном порядке и рас­про­странить ее на несколько ступеней назад, за ребенка, а затем дальше, пока не дойдем до протоплазмы. Таким образом, мы будем в состоянии представить себе сплошную цепь жизни от клетки протоплазмы до наиболее совершенного человека. Это и есть эволюция. Но мы видели, что всякая эволюция предполагает инволюцию. Вся эта цепь жизни, так медленно проявляющаяся постепенным развитием от протоплазмы до совершенного человеческого существа, воплощения Бога на земле, — все эти серии суть выражения одной жизни, и вся сумма этих проявлений должна была раньше уже заключаться в протоплазме. — Да, все серии жизни, высшее выражение которых представляет человек, истинный Бог на земле, были уже раньше в протоплазме и только развились, медленно себя проявляя. Самое высшее, конечное выражение должно было находиться там в уменьшенной форме, в состоянии зародыша. Инволюцию чего же представляет та сила, из которой произошла вся цепь? Что было то, что заключалось в маленькой клетке протоплазмы, и из чего, медленно развиваясь от протоплазмы до наиболее сложного существа — человека, получилась та мировая жизнь, та могущественная разумность, которую мы видим всюду вокруг нас? — Это был мировой разум. С самого начала он весь уже был налицо и несколько не увеличился. Выбросьте из вашего ума всякие идеи о росте, так как с этими идеями неизбежно является представление о чем-то входящем извне, о чем-то постороннем, а это противоречило бы математически доказанному положению, что мировая энергия — величина постоянная. *Энергия не может возрастать. Она всегда и везде присутствует, только в одном месте проявляется, а в другом нет.* Что такое разрушение? Вот стакан. Я бросаю его на пол и он разбивается на куски. Что же с ним

произошло? — Он перешел в более тонкое состояние. Его составные части, — материалы и причины, соединенные раньше для получения следствия, называемого стаканом, — возвратились в потенциальное состояние, и этот переход и есть то, что понимается под разрушением. Ну, а что такое следствие? — Потенциальность, которую заставили проявиться. Другими словами, между следствием и причиной нет никакого существенного различия. Вернемся опять к нашему примеру стакана. Был некоторый материал, который с приложением к нему воли работника, образовал стакан. Эти два слагаемые: материал и воля, были причинами стакана, и они присутствуют в нем и теперь. В какой форме? — В форме силы, известной под названием сцепления. Если бы этой силы здесь не было, все частицы распались бы. Следствие — то же, что и причина, только принявшее другую форму, другие очертания. Когда причина изменилась, уплотнилась и стала ограниченной некоторым временем и пространством, тогда эта самая причина известна как следствие. Применяя это к нашей идее о жизни, мы видим, что все проявленные серии, — от клетки протоплазмы до сложного существа, человека, — должны быть тем же, что и мировая жизнь. Сначала мы имели ее инволюцию, в более тонкой или причинной форме, а затем из этого тонкого, бывшего причиной, жизнь развивалась, становясь все грубее и грубее. Но вопрос о бессмертии этим не разрешается. К чему мы пришли? — *Мы пришли к факту, что все в этой вселенной неразруσιμο; что нет и не может быть в ней ничего нового; что те же серии проявления всегда появляются попеременно, подобно частям колеса, то поднимающимся, то опускающимся; что все движение во вселенной происходит в форме волн, последовательно то поднимаясь, то опускаясь. Системы за системами выхо-*

дят из тонких форм, развиваясь, принимая более грубые формы, и затем опять как бы растворяются и возвращаются к своим более тонким формам. Потом снова переходят в следствия, остаются ими некоторое время и опять медленно обращаются в причины. Так проходит всякая жизнь. Каждое проявление жизни сначала идет вверх или вперед, а затем вниз или назад. Что же тогда исчезает? — Исчезает форма. Она раздробляется, но потом восстанавливается в том же виде. Поэтому, в известном смысле, даже тело бессмертно, даже формы вечны. В самом деле: положим, мы берем несколько костей и бросаем их. Пусть кости упали так, что получились числа очков 6–5–3–4. Будем собирать кости и бросать их снова. Наступит, наконец, время, когда то же сочетание цифр получится опять. Если мы не остановимся и будем продолжать, то то же сочетание опять повторится, хотя, может быть, и после чрезвычайно долгого промежутка времени. Все частицы, все атомы этой вселенной — те же кости; они постоянно собираются и бросаются. То, что мы видим вокруг нас теперь, — все эти формы стакана, стола, графина и проч. — это одна комбинация. Пройдет момент, и все они будут разрушены; но когда-нибудь наступит время, когда точно та же комбинация повторится; здесь будут опять формы, подобные вам и мне; будет стоять этот же графин с водой и даже обсуждаться тот же предмет. Бесконечное число раз эта комбинация случалась уже в прошлом и бесконечное число раз она будет повторяться в будущем.

Итак, мы пришли к заключению, что даже сочетания физических форм вечно повторяется. С этой повторимостью прошлых форм связан интересный вопрос о возможности знать будущее. Некоторые из вас могли встречать лиц, имеющих дар читать прошлое и предсказывать

будущее. Но как бы мог кто-нибудь видеть будущее, если бы оно не было чем-то обусловлено? Представьте себе одно из огромных колес Ферри, которое вы могли видеть в Чикаго. Колесо постоянно вращается, и маленькие каюты, находящиеся в нем, проходят одна за другой в правильной последовательности. Одна серия лиц занимает места, проносится по кругу и выходит, оставляя места для новой толпы. Каждый такой наполненный пассажирами поезд похож на серию проявления жизни, простирающуюся от самого низшего животного до самого высшего человека. Эти серии представляют собой гигантскую, описывающую круги, цепь природы, похожую на колесо Ферри, и каждая форма или тип тела напоминает одну из маленьких, находящихся в этом колесе, комнат или лож. Новые толпы душ постоянно входят и проходят в этих формах, поднимаются в них все выше и выше, пока не сделаются совершенными и не выйдут из колеса. Но колесо все движется, готовое принять другие. Пока прежнее тело в колесе, можно с математической точностью определить, где оно будет проходить. Поэтому нет ничего невозможного в том, чтобы читать с математической точностью прошедшее и будущее природы. Итак, мы видим, что в известные периоды происходят те же материальные явления, что те же сочетания их бесконечно повторялись в течение всей прошедшей вечности. Знаем также, что никакая сила, никакая материя не может уничтожиться. Что же происходит с ними? — Они изменяются, двигаются вперед и назад, пока не вернуться к источнику, из которого произошли. Нет такой вещи, как движение по прямой линии. Все движется по кругу, потому что прямая линия, бесконечно продолженная, становится кругом. Раз это так, то и для души не может быть вечного вырождения. Это первое заключение, к которому мы приходим. Все в этой вселенной должно рано или

поздно закончить круг и прийти к своему источнику. К чему же придем: я, вы и все эти души? — При обсуждении эволюции и инволюции выяснено, что *мы должны были развиться из мирового сознания, мировой жизни, мирового разума и, следовательно, должны закончить круг и вернуться к нашему источнику, к мировому разуму, который и есть Сам Бог*. Этот мировой разум — то, что мир называет Господом, или Богом, Христом, Буддой или Брамой. Он Тот, кого материалисты понимают как силу, на кого агностики смотрят как на Бесконечного и Невыразимого. Он — беспредельная мировая жизнь, мировой разум, мировая сила; и все мы — часть Его. Это вторая идея. Но и ее недостаточно. Сомнения и недоумения все еще остаются. Конечно, верно, что никакая сила не может быть уничтожена. Но все силы и формы, какие мы видим, сложны; все они представляют собой сочетания. Каждая форма состоит из нескольких составных частей, так же как и каждая известная нам сила. Все во вселенной — результат сочетания материи и силы, а все, что представляет собой следствие какого-либо соединения, должно рано или поздно обратиться в свои элементы. Все, что произведено какими-либо причинами, должно разрушиться, умереть; рано или поздно оно разобьется, рассеется, разложится на свои составные части. Но Душа не сила и не мысль. Она производитель мысли, но не мысль, — создатель тела, но не тело. Почему? — Потому, что тело само по себе неразумно. Труп не обладает умом, также как и кусок мяса в лавке мясника. Рассмотрим этот вопрос внимательнее. Вот, я смотрю на графин. Что при этом происходит? — Лучи света, отраженные от графина входят в мои глаза, образуют изображение на сетине, и это впечатление переносится к мозгу. Но это еще не создает видения. То, что физиологи называют нервами ощущения, переносит впечатление

графина внутри мозга, к нервному центру, а он передает впечатление уму. Ум реагирует на это впечатление, и передо мной внезапно появляется графин. Пока не было реакции ума, не было и восприятия. Чтобы представить это еще яснее, позвольте привести вам довольно банальный пример. Представьте, что вы слушаете меня, а в это время комар садится вам на нос и производит то приятное ощущение, которое комары вообще могут доставить. Вы настолько поглощены лекцией, что совсем не замечаете укуса. Что же при этом происходит? Комар несомненно укусил вас в известном месте, где находятся чувствующие нервы. Они передали полученное ощущение в мозг и впечатление сделано. Но ум, будучи занят, не реагировал, и вы не узнали о присутствии комара. Таким образом, если по прибытии нового впечатления в мозг, ум не реагирует, мы не сознаем этого впечатления, но когда реакция является, вместе с ней является сознание, и мы чувствуем, видим, слышим и т.д. С этой реакцией наступает «озарение», как называют его философы Санкхьи. Что источник озарения не тело, видно из того факта, что, пока ваше внимание не было обращено на комара, вы не чувствовали его укуса. Этот источник — ум, или сила, реагирующая на впечатление. Известны случаи, когда человек, незнакомый с иностранным языком, при некоторых особых условиях, оказывается способным говорить на нем. Соответственные расследования показали, что в этих случаях человек, будучи ребенком, жил среди людей, говоривших на этом языке, и впечатления их разговоров сохранились в его мозгу. Они оставались там скрытыми до тех пор, пока по каким-либо причинам ум не стал, вдруг, реагировать на них; тогда приходит озарение, и человек внезапно обнаруживает способность говорить на этом языке. Такие факты показывают, что даже ум — не все, что он только орудие в

руках кого-то или чего-то другого. В только что приведенных случаях, данный язык заключался в уме, но это не давало человеку знания его, хотя потом наступило время, когда такое знание получилось. Это показывает, что есть кто-то позади самого ума, кто в течение долгого времени не пользовался своей способностью, а по наступлении известного момента применил ее. Итак, мы имеем, во-первых, тело, во-вторых — ум, или орудие мысли, и, в-третьих, позади ума — наше **Я**, которое на Санскритском языке выражается словом *Атман*. Новейшие философы, отождествляя мысль с молекулярными изменениями, происходящими в мозгу, не умеют объяснить подобных фактов, и им приходится поневоле отрицать их.

Настоящая сущность, все освещающая, это *Я*, а ум только его орудие, посредством которого *Я* овладевает мозгом и через него — внешними инструментами, или приемниками впечатлений. Внешние инструменты — глаза, уши, нос и проч. — принимают впечатления и передают их органам, или соответствующим нервным центрам. Последние, по-санскритски называемые *индрии*, вручают эти ощущения уму, а ум передает их дальше, в свой более глубокий слой, *читту*, и представляет их царю царей, Властелину на его троне, Сущности человека, его *Я*. Тот рассматривает их и отдает свои приказания, и в этот период процесса они образуют волю, которая по-санскритски называется *Буддхи*. Тогда ум немедленно действует опять на органы, а органы — на внешнее тело.

Таким образом, настоящий Восприниматель, истинный Властелин, Правитель, Создатель и Творец всего в человеке — его *Я*. Атман. Мы видели, что этот Атман, или Сущность, — не тело и не мысль. Он не может быть составным, потому что составное только то, что мы видим или воображаем; то же, что не можем вообразить

или воспринять нашими чувствами, — что не сила, не материя, не причина, не следствие и даже не причинность, — то не может быть составным. Область составного простирается только в нашей умственной или мыслимой вселенной, только в царстве закона; не подчиненное же закону не может быть составным. Мне кажется, это понятно, но постараюсь быть еще более ясным. Мы видели, например, что стакан представляет собой соединение, так как, чтобы произвести его, должны были соединиться не менее двух причин. Из этого заключаем, что соединения возможны только в области закона причинности, только там, куда распространяются причины и следствия. За пределами этой области невозможно их себе представить, потому что там не может быть никакого закона. Закон применяется только в той вселенной, которую мы видим, чувствуем, слышим, представляем или воображаем; вне ее мы не можем предполагать никакого закона.

Наша вселенная есть то, что мы воображаем или чувствуем. Чувствуем же мы то, что приходит в непосредственное соприкосновение с нашими телами, а воображаем то, что находится в нашем уме. Поэтому все, что вне области нашего тела и ума, недоступно чувствам и воображению, а следовательно, находится вне нашей вселенной. Выше закона причинности есть только свободный Властелин, Я, и это Я управляет всем тем, что под законом. Человеческое Я господствует над всяким законом и должно быть свободно. Оно не может быть соединением или результатом какого-нибудь процесса смешения, следствием какой-нибудь причины. Оно не может умереть, — потому что смерть значит распадение на составные части, а то, что никогда не было соединением, никогда не может и распаться. Сказать, что оно может умереть — значило бы допустить противоречие в

словах. Но вопрос здесь не кончается. Мы теперь вступаем на более тонкую и очень деликатную почву. Мы видели, что Я, — существо высшее, чем эта маленькая вселенная материи, силы и мысли, — есть нечто простое и, как таковое, не может умереть. Но оно не может и жить, — потому что то, что не может умереть, не может также и жить. В самом деле, что такое жизнь и смерть, как не лицевая и обратная сторона медали, не два разные проявления одного и того же? Один способ проявления мы называем жизнью, другой — смертью. Когда атом поднимается на вершину волны, это жизнь, а когда он падает к подошве волны — смерть. То, что выше смерти естественно должно быть также выше и *жизни*. Я должен вам напомнить наше первое заключение, что слова «душа человека» обозначают нечто, не меньшее, чем мировая энергия, что она — часть Бога. Теперь мы пришли к открытию, что она выше жизни и смерти, и что вы, значит, *никогда не были рождены и никогда не умрете*. Что же тогда представляют собой рождение и смерть, которые мы постоянно видим? — Они относятся только к телу, а не к Душе, так как Душа вездесуща. — Как душа каждого человека может быть вездесущей, когда здесь, в одной этой комнате, сидит столько человек? — Да, я сказал это, и сказанное мной верно: что может ограничить то, что выше закона и причинности? Этот стакан на столе ограничен; его нельзя назвать вездесущим, так как окружающая материя принуждает его сохранять известную форму и не позволяет ему расширяться. Он строго обусловлен всем, что вокруг него, и потому ограничен. Но то, что выше закона, что существует в области, где ничто не может действовать на него, как оно может быть ограничено? Такое существо может быть только вездесущим. Вы везде во вселенной. Разве возможно, чтобы Я был рожден и мог умереть? Это ве-

рования невежества, простые галлюцинации мозга. Вы не родились и не умрете. Для вас нет ни рождения, ни возрождения, ни жизни, ни перевоплощения и ничего подобного. То, что вы понимаете под этими приходами и уходами — только пустая бессмыслица. Вы везде. Эти приходы и уходы — не более как галлюцинации, производимые изменениями в тонком теле, которое мы называем умом. Только такие изменения и происходят. Посмотрите на облако, проходящее по небу. Когда оно подвигается вперед, в наших умах может создаться иллюзия, что движется небо. Иногда вы видите облако, проходящее перед луной, и склонны думать, что луна движется. Но все время движется только облако. Когда вы едете в поезде или плывете на корабле, вам кажется, что окрестности или океан бегут назад; то же происходит и с душой: в действительности, вы не приходите и не уходите, не родились и не на пути к рождению. Вы бесконечны, вездесущи, выше всякой причинности, вечносвободны. Вы никогда не родились и никогда не умрете. Мысль о смерти неуместна; страх ее — чистая нелепость. Раз не было рождения, как может быть смерть? Вы вездесущи и наполняете всю вселенную.

Сделаем еще шаг вперед, чтобы дойти до логического заключения. Останавливаться на полдороге не следует. Если мы выше всякого закона, то, значит, мы должны быть вездесущи, всеблаженны; все знание должно быть внутри нас, а также все могущество и все блаженство. Мы — всеведущая, вездесущая Душа вселенной. Но разве таких душ может быть много? Разве могут быть миллионы вездесущих существ? — Конечно, нет. Тогда что же такое эти многие, которых я вижу перед собой? — Все они, в действительности — одно; позади всех этих маленьких личностей есть только одно бесконечное Существование, одно абсолютное Существо, которое мы

называем Душой, — вечно блаженное, всеведущее, вездесущее, нерожденное, бессмертное. «Им развернуто небо, Им дышит воздух, Им светит солнце и все живое живет». Он — задний план природы. Он — Реальность, заключающаяся внутри природы. Он — основание вашей души. И не только это, но Он — вы, Вы — одно с Ним.

Где два, там страх, опасность, борьба, распря. Когда же все становится одним, кого мы можем ненавидеть, с кем бороться? Когда все — Он, с кем нам сражаться? *В этом секрет жизни. В этом тайна бытия.* Пока вы видите многое, вы заблуждаетесь. «Кто во всей изменяющейся множественности этой вселенной видит Одно, — Его, никогда не изменяющегося, — как Душу своей собственной души, как Сущность своего существования и как свое истинное Я, — только тот свободен, только тот блажен; он достиг цели. Знай, поэтому, что ты — Он. Ты — Бог этой вселенной».

Разные мысли, в роде того, что я мужчина или я женщина, я болен или я здоров, я силен или я слаб, я ненавижу, я люблю, я имею власть или я бессилён, — все это только галлюцинации. Прочь их! Что делает вас слабыми? Что заставляет вас бояться? Вы единственное существо во вселенной. Кто может утратить вас? Встаньте и будьте свободны. *Знайте, что мысли и слова, которые вас ослабляют, — единственное зло, какое существует в этом мире, — и их необходимо избегать.* Что может пугать вас? Если упадет солнце и луна рассыпется в прах, если одни мировые системы за другими станут разрушаться, что вам до этого? Стойте твердо, как скала; вы сами, ведь, неразрушимы. Вы сущность, бытие вселенной. «Я — Абсолютное существование, Абсолютное блаженство, Абсолютное знание. Я — Он; о, моя Душа, я — Он!» Говорите это и, как лев ломает тростниковую клетку, разбейте эти цепи и будьте сво-

бодны навеки. Что страшит вас, что удерживает вас внизу? — Только наше незнание и заблуждение, так как нет ничего другого, что могло бы вас связывать. Вы — тот чистый Один; вы вечно блаженны. Безумцы те, кто говорит вам, что вы грешны и должны сидеть в углу и плакать. Безумие, безнравственность и чистая низость говорить, что вы грешники. Вы все — Бог. Не смотрите ли вы на Бога, как на человека, и не называете ли вы Его человеком? Стойте же на этом, если смеее. Сообразуйте с этим всю вашу жизнь. Если человек собирается отнять у вас жизнь, не говорите ему «нет», так как это ваша собственная рука хочет взять вашу жизнь. Когда помогаете бедным, не чувствуйте ни малейшей гордости. Помощь бедным — это ваша молитва. Разве вся вселенная не вы сами? Где есть что-нибудь, что не вы? Вы — Душа этой вселенной. Вы — солнце, луна и звезды. Это вы освещаете всю землю. Вся вселенная — вы. Кого вы будете ненавидеть? С кем будете бороться? Знай, что ты — Он, и направляй всю свою жизнь сообразно с этим знанием, так как, истинно, только поступающий так войдет в Свет и не будет больше ползать в темноте.

Единство в разнообразии

«Он, Само-Существующий, направил чувства наружу, и потому человек обращается к внешнему, а не смотрит внутрь себя. И однако ж, мудрый, сосредоточивая чувства в поисках бессмертия, видит свое Я внутри.». Как я уже говорил вам, первое стремление к познанию вселенной, как видно из Самхиты и других книг, было направлено на исследование внешних явлений. Потом явилась мысль, что сущность всех вещей не может быть найдена во внешнем мире, что ее нельзя открыть, смотря, так сказать, наружу, но следует, как буквально говорится по-

санскритски, обратить глаза внутрь. В этом отношении замечательны следующие слова о Душе: — *«Он, сидящий внутри, есть самая сокровенная Сущность нашего бытия, средоточие, сердцевина, из которой все как бы расходится по радиусам, то центральное солнце, которого ум, тело, органы чувств и все, чем мы обладаем, только выходящие наружу лучи»*. Или: «Люди с детским разумом, будучи невежественны, следуют суетным желанием, и таким образом попадают в западню смерти; но мудрый, понимая бессмертие, не ищет его в жизни внешних или конечных вещей». Здесь мы имеем более ясно повторенную идею, что в этом внешнем мире, полном конечных впечатлений, невозможно видеть и найти Бесконечное. Бесконечное следует искать там, где только бесконечное, а бесконечное около нас только то, что внутри нас, наша собственная душа. Ни тело, ни мир, который мы видим вокруг нас, ни даже наша мысль не бесконечны. Все это начинается и кончается во времени. Но «Видящий, Тот, Кому все это принадлежит, Душа человека, Тот, Кто бодрствует во внутреннем человеке, Тот один бесконечен». И, чтобы найти бесконечную причину Вселенной, мы должны обратиться к Нему. *Только в беспредельной душе человека мы найдем ее*. «Что здесь, то и там, и что там, то и здесь. Тот, кто видит множество, переходит от смерти к смерти».

Нам известен факт, что сначала существовало желание идти на небо. Когда древние Арийцы оказались неудовлетворенными окружающим их миром, они, подобно другим народам, представляли себе, что после смерти пойдут в какое-то место, где будет только счастье и не будет вовсе страдания. Эту идею они развили и называли такие места Сваргас, — что можно перевести словом *небеса* — и думали, что там они будут вечно наслаждаться,

что тела их и умы сделаются совершенными, и что в этом состоянии и месте они будут жить со своими предками. Но с возникновением философской науки люди нашли, что эта мечта невозможна и бессмысленна, что сама идея о бесконечном в пространстве заключает в себе противоречие, так как всякое место должно начинаться и кончаться во времени. Поэтому они отбросили эту идею. Они пошли дальше и увидели, что боги, которые царствовали в этих небесах, были когда-то человеческими существами на земле и, благодаря своим добрым делам или по каким-то другим причинам, стали божествами; что их божественности, как они выражались, были различными состояниями, степенями, или рангами, и что даже боги, о которых говорится в Ведах, не могли быть постоянными индивидуальностями. Они решили, например, что Индра и Варуна были не имена лиц, но названия известных положений, как правителей и т.п. Согласно взгляду этих мыслителей, Индра, который был прежде, не то лицо, что Индра теперь. Тот ушел, а кто-то другой возвысился и занял его место. То же произошло и со всеми другими богами, так как их божественность была только известным положением, которое последовательно занималось разными человеческими душами, возвышавшимися до степени божеств. Но даже и они умирают. В древней Риг-Веде мы находим слово «бессмертие» в применении к этим богам, но позднее оно исчезает, так как было открыто, что нельзя говорить о бессмертии, — которое вне времени и пространства, — какой бы то ни было физической формы. Как бы она ни была разжижена или утончена, она все-таки должна иметь начало и конец во времени и пространстве, потому что все элементы, входящие в образование всякой формы, находятся в пространстве. Попробуйте думать о какой-нибудь форме отдельно от пространства. Это ока-

жется невозможным. *Пространство — это, так сказать, один из материалов, образующих форму, а последняя постоянно изменяется.* Она, равно как и время, оба в Майе, как указывается в следующей фразе — «То, что здесь, то так же и там». Если поэтому эти боги и существуют, то они подчинены тем же законам, которые применяются здесь, а единственный конец, к которому ведут все законы, — разрушение и возобновление. Тот порядок, который называем законом, разделяет всю материю на части, составляет из нее различные формы, разрушает их и превращает опять в материю. Все, что рождается, должно умереть; откуда следует, что, если есть такие места, как небеса, то те же самые законы должны применяться и там.

Мы видим, что в этом мире за всяким счастьем следует какое-нибудь несчастье. Смерть — это тень жизни, и обе они должны идти вместе, потому что они не противоположности, не два отдельные существования, но различные проявления того же самого единичного фактора; также как горе и радость, добро и зло. Дуалистическое понятие, что добро и зло — две особые, вечно различные сущности, при ближайшем его рассмотрении, оказывается нелепостью. *Это разные проявления одного и того же факта, являющегося сегодня как зло, а завтра — как добро.* Различие здесь не в роде, а только в степени, в напряжении. Та же нервная система приносит одинаково как болезненные, так и приятные ощущения, и, если нервы повреждены, никакое из этих ощущений к нам не доходит. Если какой-нибудь нерв парализован, мы не получаем приятных ощущений, которые обыкновенно идут по этому пути, но не чувствуем также и боли. Удовольствие и боль не два, но одно. В разное время жизни одна и та же вещь производит или страдание, или удовольствие. То же явление создает удоволь-

ствие для одного и страдание для другого. Еда мяса доставляет удовольствие для человека, но страдание для животного, которое едят. Еще никогда не существовало ничего, что бы было одинаково приятно для всех. Что одному нравится, другому не нравится. И так будет всегда. Из этого видно, что дуалистическое понятие о добре и зле, как о различных сущностях, совершенно несостоятельно.

Что же из этого следует? — Я говорил вам в последней лекции, что в конце концов состояние, в котором все хорошо или все дурно, невозможно. Некоторых из вас это может разочаровать и смутить, но я тут ничего не могу поделать. Я охотно согласился бы с противоположным утверждением, если бы оно было доказано; но пока этого нет, должен держаться своего мнения.

Обыкновенный и, по-видимому, очень убедительный довод против этого положения состоит в том, что, попутно с эволюцией, зло постепенно уменьшается, и есть основание полагать, что при дальнейшем его уменьшении, через миллионы лет наступит время, когда все зло будет истреблено и останется только добро. Это был бы очень хороший аргумент, если бы только Богу угодно было, чтоб он был верен. Но в нем есть ложная посылка. Он принимает за доказанное, что общая сумма добра и зла — величина постоянная, так что, если одно увеличивается, то другое соответственно уменьшается. Но верно ли это? История мира, скорее, показывает, что количество зла возрастает попутно с возрастанием добра. Возьмем, например, самого первобытного человека, дикаря, живущего в лесу. Его чувство наслаждения очень слабо, но также слабо и понятие о несчастье. То и другое у него почти целиком заключается в области чувственности. Если он не добыл достаточно пищи, он несчастен; но дайте ему вволю есть, предоставьте свободно охотиться

и пировать, и он совершенно счастлив. Его счастье, равно и огорчения, зависят только от чувств. Теперь посмотрите на человека, когда знание его увеличилось. Его счастье растет по мере того, как развивается его разум. Прежнее чувственное довольство теперь развилось в довольство умственное: он испытывает огромное наслаждение в чтении поэмы, или, посвятив всю жизнь какому-нибудь математическому вопросу, находить в этом чрезвычайное удовольствие. Но в то же время его утонченные нервы становятся более и более чувствительны к страданиям, которых, будучи дикарем, он никогда не знал; он уже испытывает умственные страдания. Разлука с любимым человеком или отсутствие с его стороны любви, бесконечные домашние ссоры и дюжина других вещей усиливают его несчастье и налегают на него с такой силой, о какой дикарь и не подозревал. Возьмем простой пример. В Тибете нет брака, и потому нет ревности; а между тем мы знаем, что общество, в котором существует брак, гораздо выше, чем то, в котором его нет. Тибетцы не знали удивительного наслаждения благами целомудрия, счастья, которое дает брак с чистой и добродетельной женой или с нравственным и добродетельным мужем; они не могут этого чувствовать. Но в то же время они не чувствуют и той чрезмерной боли и жгучего страдания, которые испытывают муж или жена в случае неверности другого супруга. Высший уровень потребностей, с одной стороны, — усиление счастья, а с другой, — прибавление горя.

Возьмите вашу собственную страну, самую богатую и роскошную, какую когда-либо знал мир, и посмотрите, как чрезмерны здесь страдания. Как много у вас сумасшедших, сравнительно с другими народами, только потому, что слишком сильна ваша жадность. Человек здесь должен располагать большими средствами. Количество

денег, которое вы тратите в один год, для человека в Индии, составило бы богатство на всю жизнь. И вы не можете говорить кому-нибудь, что б он довольствовался меньшим, потому что окружающие его условия таковы, что если он не имеет известной суммы денег, он будет уничтожен. Общественное колесо здесь катится вперед, не останавливаемое ни слезами вдов, ни воплями сирот. Вы также должны двигаться, или будете раздавлены. Таково положение вещей здесь повсюду. Ваше чувство наслаждения чрезвычайно развито, ваше общество привлекательнее, чем у других; у вас масса способов наслаждаться. Но те, у кого их меньше, имеют гораздо меньше и страданий, чем вы. И это вы найдете везде. Чем выше запросы мозга, тем больше наслаждений, но также больше бедствий и нищеты, так как одно — как бы тень другого. Поэтому, если и допустить, что зло со временем уменьшится, то вместе с тем должно уничтожиться и добро. Не в праве ли я утверждать, что зло увеличивается быстрее, чем добро? Иногда кажется, что если добро возрастает в арифметической прогрессии, то зло — в геометрической. И это — Майя. Это значит, что, в конце концов, не прав, как оптимизм, так и пессимизм. Веданта не говорит, что этот мир дурен. Это была бы ложь. Но сказать, что мир полон счастья и блаженства будет также неправда. Это было бы только обманом себя и других. Большая ошибка учить детей, что все в мире хорошо и он полон цветов, молока и меда. Но не меньшее заблуждение также думать, что все в нем дурно, только потому, что один человек страдает больше, чем другой. Эта двойственность, эта игра добра и зла и называется *майей*. Веданта говорит: Не думайте, что добро и зло отдельные вещи, или что это две разные отвлеченные сущности; на самом деле, они одно и то же, обнаруживающееся в разной степени и под различными

видами и производящее на один и тот же ум разные впечатления, в зависимости от времени и обстоятельств. Самая первая идея в Веданте это открытие единства во внешних вещах, обнаружение того, что все, проявляющееся, как многое, — как бы ни были велики различия в разных его проявлениях, — представляет в сущности одно. Вспомните старую грубую теорию Персов о двух богах, создавших этот мир, — добром боге, который делает все приятное, и злом, творящем все остальное. Нелепость ее видна сразу, так как, если бы она была верна, то для каждого закона природы было бы два противоположных вида, в зависимости от того, как его создавал сначала один бог, а потом другой. Мы наоборот, видим, что одна и та же сила кормит воробья и нас и убивает тысячи людей. Другим возражением против такого объяснения может быть вопрос, как эти два бога, работающие одновременно и творящие в одном месте добро, а в другом зло, могут поддерживать согласие друг с другом? Поистине, это был самый грубый способ выражения двойственности вселенной.

Обратимся теперь к более совершенным философиям, которые учат в чрезвычайно отвлеченных выражениях, что мир частью хорош, а частью дурен. Даже и эта теория, если смотреть на нее с той же точки зрения, представляет собой нелепость. В конце концов оказывается, что ни оптимизм, ни пессимизм не объясняют мира и не дают о нем верного представления. Некоторые факты приводят нас к одному, другие — к другому. Но, подвигаясь в нашем исследовании вперед, мы находим, что Веданта снимает всю ответственность с природы и возлагает ее на нас самих. Она не отрицает существования зла; наоборот, смело анализирует факты, как они есть, никогда не стараясь закрывать глаза на что бы то ни было, но и не вызывая безнадежность. Веданта и не агно-

стик. Она находит утешение и устанавливает его на несокрушимом основании, а не отделяется рассказами о заведомо ложных вещах, обман которых открывается через несколько дней. Когда я был ребенком, у одного молодого человека умер отец, оставив его с огромной семьей совершенно нищим; и те, кто выдавал себя за друзей отца, отнеслись к нему теперь, как если бы были его злейшими врагами. Встретив однажды священника, он рассказал ему о своей горе и в утешение услышал: «Все это для вашего блага». — Все нам посылается для нашего блага! Эта старая манера прикрывать рану фольгой. Она не имеет смысла и выражает только признание нашей слабости и невежества. Молодой человек ушел, а шесть месяцев спустя был приглашен тем же священником принять участие в торжестве, которое он устраивал по случаю рождения сына. Когда хозяин начал говорить: «Возблагодарим Господа за Его милости», гость перебил его словами: «Но ведь здесь вовсе нет милости. Это скорее несчастье!» — «Почему?» — спросил священник. «Потому, — отвечал молодой человек, — что когда умер мой отец, мне это казалось несчастьем, но вы сказали, что на самом деле это было благом. Если так, то кажущееся хорошим, на самом деле, должно быть дурным». Разве он не был прав? Могут ли человеческие слова исцелить какое-либо человеческое горе? — Нет, и нет! Будем делать что можем, будем сочувствовать всем страждущим, но никогда не позволим себе отделяться пустыми фразами. Ничто в этом мире не излечит его зла. Поэтому *мы должны научиться подняться выше его.*

Эта вселенная всегда будет представлять собой сочетание добра и зла. Где есть добро, зло следует за ним; но позади и выше этого противоречащего самому себе явления, Веданта видит единство обоих. «Откажись, — говорит она, — от зла, но откажись также и от добра».

Что же тогда останется? Добро и зло, — заявляет Веданта, — не все, что мы имеем. За обоими стоит нечто, именно вы сами, *истинное вы*, высшее всякого зла, но высшее также и всякого добра. Это то, что проявляет себя, как добро и зло. Узнайте это сначала, и тогда, но не раньше, вы можете быть оптимистом, так как тогда будете повелевать обоими. Управляйте сами этими проявлениями, и тогда впервые вы будете в состоянии обнаруживать свое истинное Я совершенно по своей воле. Только тогда вы будете способны проявлять только одно добро или зло, как захотите. Только тогда, если пожелаете, вы будете иметь право называться оптимистом.

Прежде всего, сделайте себя хозяином самого себя; прежде всего — воспряньте и будьте свободны. Поднимитесь выше сферы закона, так как законы не распространяются на всю природу, им подчинена только часть вашего существа. Узнайте прежде всего, что вы не раб природы, никогда им не были и никогда не будете. Убедитесь воочию, что природа, — бесконечная, как вы могли думать, — на самом деле, конечно; она только капля в обширном океане, океан же — это вы сами. «Смотри, ты превосходишь солнце, луну и звезды. Сравнительно с твоим бесконечным существом, все они не более как мыльные пузыри». Познайте это, и вы будете управлять и добром и злом. Только тогда ваше зрение изменится и вы встанете и скажете: «Как прекрасно добро и как удивительно зло!»

Вот что Веданта приглашает вас делать. Она не предлагает усыпляющего лекарства, не рекомендует покрывать раны золотой бумагой и, когда рана загноится больше, выкладывать новые листы. Она говорит: «Жизнь жестокая вещь. Если можете, смело выходите из нее. Хотя бы оковы ее были алмазные, что вам за дело; Душа ведь крепче алмаза». Веданта не возлагает никакой от-

ветственности на маленькие божества. Вы сами делатели своей судьбы. Вы сами позволяете себе испытывать хорошее и дурное. Вы собственными руками закрываете себе глаза и говорите, что темно. Уберите руки и увидите свет! Вы лучезарны, вы от вечности совершенны. Поймите, что «Тот, кто видит вокруг себя множество, идет от смерти к смерти». Так узрите же Одно и будьте свободны!

Но как убедиться в этом? — Даже наш ум, как он есть теперь, слабый, заблуждающийся и впечатлительный, даже он может быть сделан настолько сильным, чтобы схватывать проблески знания, проблески Единства, и избавить нас от повторения рождений и смерти. «Как дождь, падая на вершину горы, разделяется на множество потоков, бегущих вниз по ее склонам, так все виды энергии, которые мы видим вокруг себя, имеют начало в том Едином». Он, подобно дождю, падая на Майю, кажется многим. Итак, не гонитесь за многим, но стремитесь все вперед, к тому Единому, Он во всем движущемся, во всем чистом, Он наполняет вселенную. Он жертва и Он гость в доме. Он в человеке, в воде, в животных, в самой истине. Он — все. Как огонь в этом мире проявляется в разных формах, так и Душа Вселенной проявляет Себя во всем. Как воздух, окружающий Вселенную, проявляется многими способами, так и Единая Душа душ проявляет себя во всех существах». Но это вы скажете после того, как увидите воочию это Единство, но не раньше. Умение видеть Его везде и есть истинный оптимизм.

Но возникает вопрос: — если все это верно, если Чистый, Единый, Сущий, Бесконечный находится во всем, то как же может быть, что Он страдает, испытывает бедствия и становится нечистым? Ничего подобного нет, — говорит Упанишад, — все это только иллюзия.

«Как солнце — причина того, что все существа видят, не делается несовершенным вследствие недостатков какого-нибудь глаза, совершенно также и Я нечувствительно к страданиям тела, в котором Оно проявляется». Я могу иметь болезнь, вследствие которой все мне будет казаться желтым, но солнце ведь не испытывает влияния этого. Совершенно также и «Он — Единый, Создатель всего, Вседержитель, Единая Душа внутри всех существ и Тот, кто делает свое Единство множественным. Мудрым, которые познали Его, как Душу их собственных душ, принадлежит вечный мир; но только им, и никому другому». «Те, кто в этом мимолетном мире находит Его, никогда неизменяющегося, кто в этой тленной вселенной находит эту Одну Жизнь, кто в этой множественности находит Единство, и все, кто познает Его, как Душу их собственных душ, — тем принадлежит вечный мир, и никому, никому больше». «Где найти Его во внешнем мире? Где искать Его? В солнцах, лунах или звездах? — То место не может освещать ни солнце, ни луна, ни звезды. Блеск молнии не виден там. Как можем мы говорить об этом гаснущем огне? Его светом все создано, Его озарением все сияет». А вот другое прекрасное уподобление. Те из вас, кто были в Индии, поймут, что разумеется в нем под баньяновым деревом, зная, как оно берет начало из одного корня и распространяется далеко кругом. «Он — Великий Баньян, корень которого в Невидимом мире, недоступном нашим чувствам, и который распространил ветви, чтобы создать вселенную. Все эти стволы и ветви — одно с Ним. Он — корень. Он — корень».

В части Вед Брахмана говорится о многих небесах, и главная идея Упанишадов требует, чтобы мы отбросили всякую мысль о том, чтоб идти на какое-либо из них. Труд освобождения совершается не на этом или том небе, а здесь, в душе. Место ничего не значит. Позвольте

мне процитировать одно место, в котором показано взаимное отношение некоторых из этих мест: «В небе предков человек видит истину как во сне». То есть как во сне вещи кажутся неясными и туманными, так представляется здесь уму и идея о Я. «В небе Кандхарва видение еще не вполне отчетливо. Как человек видит свое отражение в воде, совершенно так же он видит здесь действительность». Самое высшее небо, по понятию Индусов, называется Брама-Лока, и здесь истина видится более ясно, но все еще не вполне. Она здесь похожа на свет и тень. «Как человек, смотрящий в зеркало, видит свое собственное лицо вполне отчетливо и ясно, совершенно так же истина видна в душе человека. Поэтому самое высшее небо *внутри* нас и самый благородный из всех храмов — это душа человека. Веданта говорит: «Эта земля больше, чем какое-либо небо, потому что нигде, ни в каком небе мы не можем научиться так отчетливо и ясно понимать действительность, как здесь, в этой жизни, внутри души». Все остальное только перемена мест. В Индии я думал, что некоторые пещеры дадут мне более ясное видение, но убедился, что нет. Тогда я надеялся, что лес окажется полезнее, потом мечтал о Бенаресе, и все с тем же результатом. Везде мы находим одно и то же, потому что мы сами создаем себе наш собственный мир. «Если я зол, — говорит Упанишад, — мне весь мир будет казаться злым. И то же применимо везде. Если бы я умер теперь и пошел на небо, я нашел бы там то же положение вещей, что и здесь. Пока человек не стал чистым, для него совершенно бесполезно бежать в пещеры, или леса, в Бенарес или на небо. А раз вы отполировали свое собственное зеркало, для вас безразлично, где ни жить, так как вы увидите действительность, как она есть. Поэтому совершенно напрасный труд бежать выше и выше, тратя энергию, которая должна быть упот-

реблена на полировку зеркала». Ту же идею вы находите иначе выраженной. «Никто не может видеть Его. Никто этими глазами не может видеть Его форм. Только чистым умом Он может быть видим. Так достигается бессмертие». Те из вас, кто слушали мои лекции по Раджа-Йоге, видят, что здесь, в философии, мы рассматриваем то же, что рассматривали тогда в другом и отличном роде Йоги, и что каким бы путем человек ни достиг управления своими чувствами настолько, что они стали рабами его души и не могут больше тревожить его ум, тогда он, Йог, достиг состояния, в котором может применять Йогу. «Когда все желания сердца отброшены, тогда этот самый смертный становится бессмертным, становится одним с Богом. Когда все узы сердца разрублены, тогда человек достиг бессмертия, и даже в этом мире наслаждается Брахманом».

Здесь необходимо маленькое объяснение. Вы часто слышите, что Веданта и другие восточные философские системы открывают людям перспективы чего-то высшего и побуждают отказаться от стремлений и удовольствий этой жизни. Я мог бы привести вам много мест, в которых высказывается это. Но такое утверждение ложно. Только те, кто совершенно не знаком с восточной мыслью, могут воображать, что она указывает куда-то вдаль, на какой-то другой мир. Вы видели, наоборот, что она прямо учит о тщетности таких надежд, торжественно отвергая всякие небеса, как места, где люди могут в течение некоторого времени смеяться и плакать, но где, в конце концов, они должны умереть, как и здесь. То, что наши недостатки заставляют нас испытывать здесь, те же недостатки заставляют нас испытывать и там. Единственно, что постоянно — это человеческая душа, и она здесь. *Философия Веданта настаивает также, что мы не можем избежать неизбежного путем само-*

убийства, не можем уклониться от наших испытаний. Ее книги говорят, что верный путь находится с трудом.

Как видите, индусский ум так же практичен, как и западный, только мы расходимся во взглядах на то, в чем состоит жизнь. Один говорит: стройте хороший дом, имейте хорошую одежду и пищу, развивайте свой ум, изучайте науки и т.д., — в этом вся жизнь. И он считает себя очень практичным. Индус же говорит, что знание мира состоит в познании души и понимании идей, и хочет наслаждаться такой жизнью. В Америке есть замечательный оратор-агностик. Этот благородный и уважаемый человек, говоря о религии, сказал, что она совсем не нужна и что нам незачем утруждать свои головы мыслью о других мирах. Выразился он так: «У нас здесь есть апельсин. Будем же выжимать из него весь сок, какой только можем выжать». На это я ответил ему: — Я с вами совершенно согласен. Подобно вам, я хочу выжать сок из моего плода. Только вы любите апельсин, а я предпочитаю манго. Вы можете думать, что все, что нужно в жизни — это есть, пить и иметь немножко научных знаний. Но какое право вы имеете говорить, что такой идеал включает в себе все? Для меня он ровно ничего не стоит. Если бы я мог в этой жизни надеяться узнать только, как падают на землю яблоки, или как электрический ток потрясает мои нервы, я способен был бы на самоубийство. Я хочу проникнуть в самое сердце вещей. Вы изучаете проявление жизни; я — саму жизнь. И я хочу тоже выжать из нее весь сок, и даже во время этой жизни. Моя философия говорит мне, что я должен понять самую суть и покончить с небесами, адами и всеми подобными суевериями, даже если они существуют в том смысле, как существует этот мир. Я хочу знать сердце жизни, ее суть, а не только то, как она существует,

действует и проявляется. Мне надо *почему* вещей, а *как* я оставляю для детей. Один важный человек на Западе сказал: «Если бы я мог записать все, что происходит, пока я курю папиросу, это была бы наука о папиросе». Это очень хорошо. Конечно, великая вещь быть ученым. Бог благословляет все души на искание истины. Но когда человек говорит, что это все, и что он не интересуется знать *смысл* жизни, не желает изучать собственное существование, тогда, по моему мнению, он рассуждает очень глупо. Я могу настаивать в ответ, что все его знание — невежество, неимеющее никакого основания. Он изучает проявления жизни, но когда я спрошу его: а что такое *сама* жизнь? — он говорит, что этого он не знает. Продолжайте, пожалуйста, ваше изучение, но оставьте мне мое. И все-таки я претендую на то, что с моей точки зрения я в высшей степени практичен. В сущности, все эти разговоры о практичности чистая нелепость. Вы можете быть практичными в одном отношении, другой — в другом; но есть люди иного склада ума, которые говорят мало, но если узнают, что истину можно открыть, только стоя постоянно на одной ноге, то немедленно проводят свое знание в практику. Другой тип людей слышит, что в известном месте есть золотые россыпи, охраняемые вооруженными дикарями. Они тотчас отправляются туда, хотя бы с тем, чтобы погибнуть и чтобы только третьи их последователи достигли успеха. Но тот же человек слышал, что есть душа, и довольствуется тем, что священник проповедует о ней. Человек первого типа не пойдет за золотом и будет, пожалуй, говорить об опасностях от дикарей. Но если вы ему скажете, что на вершине Эвереста, в двадцати пяти тысячах футов над уровнем моря живет мудрец, который может дать ему знание о душе, он бросится туда тотчас, в одежде или без нее, сытый или голодный. И он не поколеблется, если вы ему скаже-

те, что масса погибла в этой погоне и только немногие достигли цели. Сорок тысяч могут быть убиты, но один находит истину. Этот класс людей, как видите, тоже практичен. Ваша ошибка заключается в том, что вы воображаете, будто то, что вы называете миром, и есть вся жизнь. Предмет ваших стремлений — чувственное наслаждение — преходящ. Он никогда не бывает неизменным и ведет только к нагромождению бедствий на бедствия, приносит только вечное горе. Мой — путь к вечному миру.

Заметьте, я не называю ваше определение практичности неверным. Я вполне признаю его, и знаю, что оно принесет много добра миру. Но не порицайте же мой взгляд. Я тоже практичен, хотя и в другом отношении. Предоставьте каждому работать по-своему. Если Богу угодно, то мы все окажемся одинаково практичны в обоих направлениях. Я видел несколько ученых, которые были, в одно и то же время, и практичны и религиозны, и сильно надеюсь, что со временем человечество будет поступать как они. Обратите внимание на котел с водой, когда он начинает закипать. Сначала поднимается пузырек в одном месте, потом — в противоположном, затем число пузырьков увеличивается, по-четыре или по-пяти их сливаются вместе, пока, наконец, все не соединится и не настанет общее движение. Совершенно то же происходит и в окружающем нас мире. Каждый индивидуум — отдельный пузырек, а народ — это их масса. Мало-помалу они соединяются, и я верю, что *настанет день, когда такие вещи, как нации, исчезнут, когда все разъединяющие нас преграды уничтожатся и проявится то Единство, к которому волей или неволей мы все стремимся. Все мы по природе братья и только росли врозь. Но должно наступить время, когда все наши идеи будут общими, когда все люди*

станут одинаково практичными как на поле знания, так и в религии, и когда Единство и гармония Абсолюта обнимет весь мир. Все человечество тогда будет *дживанмуктас* — свободно, даже живя. К этой одной цели, с любовью и ненавистью, завистью и доброжелательством, с сотрудничеством и противодействием, все мы пробиваем свой путь. Бесконечный поток стремится к океану. В нем плывут куски травы и поблекшие листья. Пусть они селятся, как могут, плыть по течению или против него, все равно в конце концов все попадут в море. Все мы и вся природа, подобно сухим листьям, уносимся бешеным потоком существования к одному и тому же океану жизни, к совершенству, к Богу; и, как бы ни старались освободиться от потока и исполнять свою собственную волю, все должны, наконец, сдаться и предоставить себя течению, пока не достигнем бесконечного Океана Жизни и Блаженства.

Бог во всем

Мы видим, что большая часть нашей жизни, как бы мы этому ни противились, наполнена злом, и что масса причиняемого и испытываемого нами зла почти бесконечна. Устранить такое положение вещей люди старались с начала времен, но оно и теперь осталось то же самое. Чем больше открывали средств для улучшения его, тем более оказывалось нового, еще более утонченного зла. Мы видели также, что все религии говорят о Боге, как о единственном убежище, в котором мы можем найти освобождение. Все они утверждают, что, если мы, как рекомендуют практические люди, будем брать мир как он есть, нам ничего не останется кроме зла. Но они утверждают также, что есть нечто высшее этого мира и что жизнь материальная, познаваемая посредством пяти

чувств, не вся наша жизнь, но только маленькая поверхностная частица ее, тогда как за ней и выше нее есть Бесконечная жизнь, в которой зла нет. Эту Бесконечную жизнь одни называют Богом, другие — Аллахом, третьи — Иеговой, четвертые — Юпитером и т.д. Ведантист называет ее Брахманом.

Мы должны жить в этом мире, несмотря на все его зло. Как же нам следует жить? Судя по первому впечатлению, которое производят на нас советы религий, чем скорее мы покончим наше существование, тем лучше, так как на вопрос: «как излечить зло жизни?» — мы получаем от религий ответ: «Откажись от жизни». Это напоминает старую басню. — Комар сел одному человеку на голову, а другой, желая убить комара, нанес такой удар, что убил и комара, и своего друга. Средство, предлагаемое религиями, по-видимому, рекомендует подобный же способ. Мир и жизнь в нем полны зла. Это факт, которого не станет отрицать никто, достаточно поживший и познакомившийся с жизнью. Но что же предлагают религии? Они единогласно говорят: «Познай, что мир ничто, но выше его есть нечто, вполне действительное». Вот тут-то и затруднение. Ведь это как будто совет сразу со всем покончить. Но улучшит ли это положение, и нет ли из него другого выхода? — Веданта говорит, что *все, предлагаемое всеми религиями мира, совершенно верно, но только его надо надлежащим образом понимать*; предписания же религий часто понимаются неправильно, и это понятно, так как они, обыкновенно, выражены недостаточно ясно и точно.

Человек нуждается одновременно в голове и сердце. Сердце — великая вещь, так как через него приходят все высокие вдохновения, и я в сто раз больше желал бы иметь маленькое сердце и никакого мозга, чем представлять собой одну голову при отсутствии сердца.

Жизнь и прогресс возможны только для того, у кого есть сердце, а кто может только рассуждать, но лишен способности чувствовать, тот неизбежно засыхает. Но мы знаем, что человек, руководящийся в своих поступках только сердцем, часто впадает в ошибки и оттого испытывает много бед. Поэтому нам необходимо сотрудничество сердца и головы. Я не хочу этим сказать, что человек должен иметь столько-то сердца и столько-то ума и прийти к полному между ними согласию. Но пусть каждый, сколько может, чувствует и, сколько может рассуждает. Зачем какие-либо ограничения? Разве мир не бесконечен? Разве в нем нет места для безграничной симпатии и для безграничных — рассуждения и культуры? Пусть то и другое идут вместе, не стесняя друг друга. Дайте им идти, так сказать, по параллельным линиям, одна вдоль другой.

Большинство религий знает факт существования зла и устанавливает его в ясных и точных выражениях, но все они впадают в одну и ту же ошибку, — увлекаются сердцем, чувствами. В мире есть зло, поэтому покиньте мир; это главное и единственное, чему они учат. Покинуть мир! Не может быть двух мнений относительно того, что всякий, желающий познать истину, должен отказаться от заблуждения; что каждый, жаждущий жизни, должен отбросить все, что носит в себе смерть. И все-таки, что же останется нам, если, следуя этому учению, мы откажемся от жизни чувств, от жизни, какой ее знаем, и от всего того, что понимаем под жизнью? Если мы все это отбросим, то у нас ничего, по-видимому, не останется.

Дальше, познакомившись больше с философской частью Веданты, мы поймем это лучше; а теперь позвольте вам сказать, что *только в Веданте* мы найдем разумное разрешение этого вопроса, и оно заключается в обожевлении мира.

Веданта совсем не отвергает мир. Правда, нигде идеалы отречения не достигают такой высоты, как в ее учениях, но в то же время *никакого самоумерщвления она не рекомендует, а предлагает только обожествление мира*. Откажись от мира, каким мы его знаем, каким он нам представляется, и познай его таким, каков он в действительности. Обожествляй его, так как он, и только он, — Бог. В этом смысле мы читаем в начале древнейшего из Упанишадов, — в самой первой книге, какая когда-либо была написана о Веданте: «Все, что существует в этой Вселенной, все что есть в ней, все должно быть облечено Богом». Да, мы во всем должны видеть самого Господа. Не из ложного оптимизма, не закрывая глаза на зло, но действительно видя Бога во всех вещах. Вот в каком смысле следует отвергать мир. Что же останется, когда мир будет таким образом отвергнут? — Останется Бог. Но как следует понимать здесь отказ от мира, или отрешение от него? Значит ли это, что вы должны покинуть ваши дома, выбросить на улицу ваших жен и детей и бежать прочь, как делают многие злодеи в разных странах? Конечно, нет. *Это было бы не религией, а дьявольщиной*. Вы можете оставаться в ваших домах, сохранить при себе ваших жен и детей, но только должны видеть в них самого Бога. И так следует поступать во всем и всегда, в жизни и смерти, в несчастье и в счастье. Весь мир полон Господом. Откройте ваши глаза и зрите Его везде. Вот все, что говорит Веданта. Откажитесь от мира, каким вы его предполагали, потому что ваше предположение основывалось не на опыте, но на жалких рассуждениях, построено на ваших собственных недостатках. Мир, которому вы придавали такое значение, к которому так долго были привязаны, — мир ложный, созданный нами самими. Отбросьте его. Откройте ваши глаза и смотрите; он никогда таким не был; это все было

сном; это была *майя*. То, что существовало — был Сам Господь. Он был в ребенке, в жене и в муже. Он был в добре и Он же был в зле. Он был в грешнике и Он был в грехе. Он был в жизни и Он же был в смерти. Действительно, ужасное утверждение! И, однако ж, это тезис, который Веданта старается проповедывать и доказать.

Но вы спросите: как же тогда избежать опасностей жизни и ее зла? И Веданта отвечает: «Ничего не желать и не требовать от жизни, так как причина всех испытываемых нами несчастий — только желания. Вы хотите чего-нибудь, это желание не исполняется, и — в результате — вы несчастны. Если бы не было желаний, не было бы страданий». Но что будет с нами, если мы откажемся от всех наших желаний? Стены комнаты, в которой мы находимся, ничего не желают, кикогда не страдают, но и не развиваются. Стул не имеет желаний, никогда не страдает и остается всегда стулом. Есть блаженство в счастье, но оно есть и в страданиях; зло тоже приносит пользу. Всем нам знакомы великие уроки, получаемые от горя. Все мы делали в жизни сотни таких вещей, что от всего сердца желали бы, чтобы их не было, и, тем не менее, эти наши поступки многому нас научили. Что касается меня, то я очень рад, что делал кое-что хорошее и много дурного; рад, что поступал иногда правильно, но рад также, что совершил и много ошибок, так как каждая из них была для меня великим уроком. Я, каков я теперь, — результат всего, что я делал и думал. Каждая из моих мыслей и каждое из моих действий имело свое следствие, и все вместе составило итог моего развития. Так я радостно подвигаюсь вперед, а задача становится все труднее и труднее. Все мы понимаем, что желать не следует; но что значит отказаться от желаний? Как жить, если мы сделаем это? Не будет ли это таким же средством, как убийство человека вместе с комаром?

Выслушайте же ясный ответ. *Отказаться от желаний не значит, что вы не должны иметь собственности, вещей необходимых, и даже предметов роскоши. Имейте все, что хотите, иногда, пожалуй, то, что вам совсем не нужно, только знайте истину и осуществляйте ее.* Не считайте, что это богатство принадлежит вам; но не ваше, не мое и не чье-либо, но все принадлежит Господу; и мы должны, — как говорит вступительный стих древнейшего из Упанишадов, — помещать во все Бога. Бог в том богатстве, которым вы пользуетесь: Он в желании, которое возникает в вашем уме; Он в вещах, которыми вы хотите обладать, или которые хотите купить; Он в вашей прекрасной обстановке и украшениях. Вот ход мыслей, указанный в священных словах. Как только вы начнете видеть все в этом свете, все изменится. Если вы поместите Бога во всякое ваше движение, — в ваши одежды, ваш разговор, ваше тело, в вашу форму, одним словом, во все, — вся сцена изменится, и мир, вместо того, чтобы казаться полным бедствий и несчастий, станет небом.

«Царство небесное внутри вас»... Оно уже здесь, — говорит Веданта; и то же говорит каждый великий учитель. «Имеющий глаза, да видит, и имеющий уши — да слышит». «Оно уже здесь». Это одно из положений, которое берет на себя проповедывать Веданта. Оно показывает нам, что истина, которую мы все время искали, была уже у нас. Мы думали, в нашем невежестве, что потеряли ее, и с плачем исходили весь мир в поисках, тогда как все время носили ее в *своем собственном сердце.*

Если обязанность «оставить мир» понимать в самом грубом прямом смысле, то это значило бы, что мы не должны трудиться, но оставаться праздными, сидеть как глыба земли, ни о чем не думать и быть фаталистами,

которых каждое внешнее обстоятельство влечет в ту или другую сторону, а законы природы переносят с места на место. Вот какой результат получился бы от такого понимания этого предписания. Но под ним разумеется не то. Мы должны трудиться, но не так, как трудится обыкновенный человек, отдавшийся во власть своих желаний. Разве он знает что-нибудь о труде? *Настоящим образом трудится тот, кто не руководствуется своими желаниями или какими-либо эгоистичными побуждениями, кто не имеет в виду никаких последствий, ничего не стремится извлечь для себя из труда.*

Кто действительно наслаждается картиной, — тот ли, кто продает ее, или тот, кто на нее смотрит? Торговец занят своими расчетами: сколько он получит за нее и каков будет его барыш. «Его мозг полон этим». Он смотрит на молоток и слушает, какие делаются надбавки. Он напряженно следит за ценой, до которой поднялись предложения. Истинно же наслаждается картиной тот, кто пришел без всякого намерения покупать или продавать. Он свободен от всяких посторонних соображений, но просто смотрит и чувствует. Мир похож на картину, и когда все помыслы об обладании им исчезли, только тогда человек способен наслаждаться им, потому что прекратилась покупка и продажа, и безумие собственности. Закладчик, покупатель и продавец ушли, и мир стоит перед вами с своими собственными достоинствами, как прекрасная картина. Я никогда не встречал более изящного представления о Боге, чем следующее: «Он великий древний поэт, проявляющий себя в гармонии, рифмах и стихах, написанных в состоянии бесконечного блаженства». Но только, освободившись от желаний, мы будем свободны так наслаждаться этой Божьей Вселенной. Тогда все будет обожествлено. Тогда даже углы и закоулки, тропинки и темные места, которые мы считаем нечисты-

ми, даже они будут боготворимы. Они покажут свою истинную природу, и мы посмеемся над собой, поняв, что все наши слезы и вопли были только детской игрой, а мы, родители этих играющих детей, все время стояли, наблюдая их.

Итак, Веданта прежде всего дает нам совет трудиться, отказываясь от кажущегося призрачного мира и видя во всем Бога. Работайте так. Желайте, если хотите, жить сотню лет, пользуйтесь всем, что вам может дать земля, только обожествляйте это все. Сначала превратите землю в небо и тогда живите и желайте жить на этой земле жизнью долгой и полной наслаждений, блаженства и деятельности. Трудясь так, вы нашли настоящий путь, и этот путь только один. Если человек погружается, очертя голову, в роскошь мира, не познав истины, он сбился с пути и не достигнет цели. Но и тот, кто проклиная мир, умерщвляет свою плоть, бежит в лес, голодает и, подавляя чувства, обращается в огромную бесплодную пустыню, также сбился с пути. Это две крайности, два противоположных заблуждения, и впадающие в каждое из них теряют путь и не достигают цели.

Таким образом, Веданта говорит: Трудись, влагая Бога во все и зная, что Он во всем; трудись постоянно и смотри на жизнь, как на божественную, как на самого Бога; пойми, что это все — что мы должны делать; все, чего можем требовать, потому что Бог действительно во всем. Куда еще мы должны идти, чтобы найти Его? Он во всяком деле, во всякой мысли, во всяком чувстве. Будем трудиться, постоянно помня это, и тогда следствия наших поступков не будут для нас цепями, не принесут нам вреда. Мы видели, как суетные желания влекут за собой все испытываемые нами несчастья и горести; будучи же так обожествлены и очищены в Боге, если даже они и явятся, не приносят никакого зла, не оставляют после

себя никакого злополучия. Те, кто не открыл еще этого секрета, будут вести дьявольскую жизнь, пока не откроют его. Они не знают, какие бесконечные, еще не открытые россыпи блаженства, удовольствий и счастья находятся везде внутри и вокруг них. Веданта утверждает, что *только незнание и делает этот мир таким дьявольским.*

Она говорит: — Мы умираем от жажды, сидя на берегу могущественной реки; сидя за пиршественным столом, умираем от голода. Вокруг нас Мир Блаженства, а мы все ищем его, — и не можем найти, потому что погружены в него. Он всегда окружает нас; но мы постоянно неправильно понимаем его сущность. Религии имеют в виду найти его для нас и ведут нас к нему. Этот мир блаженства — предмет исканий всех сердец. Его искали все народы. Он — единственная цель, единственный идеал религии, хотя и выражался различно на разных языках. Все маленькие несогласия, которые мы встречаем между одной религией и другой — только глупая борьба из-за слов. Простая разница в речи влечет за собой все наши ссоры. Один выражает известную мысль одним способом, другой ту же мысль высказывает несколько иначе, а затем, желая быть оригинальным или получить похвалу, прибавляет: «Это моя собственная идея». С этого обыкновенно и начинается между ними борьба.

В связи с этим предметом возникает другой вопрос. — Все это легко говорить. От самого детства я постоянно слышал об этом видении Бога во всем; с самого детства мне твердили, что я буду в состоянии действительно наслаждаться только тогда, когда мир будет для меня обожествлен. И несмотря на это, как только я вступал в мир и получал несколько жестоких ударов, все следы процесса обожествления у меня исчезали. Я выхожу, например, на улицу, думая, насколько в состоянии, что Бог

во всех существах, как вдруг, наталкиваюсь на здоровяка и получаю от него удар, от которого лечу плашмя на землю. Я быстро вскакиваю, кровь бросается мне в голову, мои кулаки сжимаются, и всякая идея о Боге во всем исчезает; я прихожу в бешенство. Все забыто и, вместо воплощения Бога, я вижу дьявола. Каждому из нас с самого раннего детства говорили, что мы должны видеть Бога везде и во всем. Каждая религия учит этому, и вы, конечно, не забыли, что в Новом Завете Христос ясно говорит то же. Да, все мы постоянно слышали это поучение; но, как только приступаем к применению его в жизни, тут и начинается затруднение. Все вы помните басню Эзопа, как красивый олень любовался своим изображением, отраженным в пруде, и говорил своему сыну: «Посмотри, как я могуществен, как великолепны моя голова и ноги, как сильны мои мускулы, как быстро я могу бегать». Вдруг, вдали послышался лай собаки, и он тотчас пустился наутек. Пробежав несколько миль, он, тяжело дыша, вернулся назад. «Ты только что говорил мне, отец, как ты силен. Почему же, как только залаяла собака, ты тотчас убежал?» — спросил его сын. — «Ах», — ответил олень, — «Это совершенно понятно, дитя мое; когда собака лает, все убегает». Так бывает со всеми нами в жизни. Мы все очень высокого мнения о нашем бедном я, но как только залает собака, мы все бросаемся бежать, опасаясь за свою жизнь. А если дело обстоит так, то какая польза от того, что нам проповедуют все это? — Польза огромная; только ничто не делается в один день.

«Надо сначала слушать о Сущности всего, потом думать и, наконец, размышлять». Каждый может смотреть на небо, и даже червяк, ползающий по земле, когда ему случится взглянуть на него, видит бесконечную синеву; но бедному телу приходится долго ползать по земле. То

же происходит и с нашими идеалами. Сам идеал очень высоко от нас, а мы далеко от него внизу. Но мы знаем, что должны иметь идеал, и даже самый высокий. Знаем также, что в этой жизни огромное большинство людей идет ощупью, не имея, к своему несчастью, никаких идеалов. А, если человек, имея один идеал, делает тысячу ошибок, то, я уверен, тот у кого нет ни одного, делает их пятьдесят тысяч. Поэтому лучше иметь хоть один идеал. Об этом идеале мы должны слушать возможно больше, слушать до тех пор, пока он не войдет в наше сердце, не пустит корни в нашем мозгу, пока не составит одно с нашей кровью, не будет звучать в каждой ее капле и не наполнит каждую пору нашего тела. Мы должны слушать о нем, потому что «от избытка сердца уста глаголят», и от полноты сердца руки творят.

Мысль — это движущая сила внутри нас. Поэтому, наполняйте ваш ум самыми высокими мыслями; слушайте их изо дня в день и передумывайте их месяц за месяцем. Не придавайте значения неудачам; они вполне естественны, и прелесть жизни зависит от них. Чем была бы жизнь без ее неудач? Если б не было борьбы, жизнь ничего не стоила бы. В чем бы тогда была ее поэзия? Итак, не бойтесь борьбы и не обращайтесь внимания на ошибки. Я никогда не слышал, чтобы корова лгала, но на то она и корова, а не человек. Поэтому *не придавайте значения неудачам, маленьким отступлениям назад, но тысячу раз обращайтесь ваш взор на идеал и, если каждый раз потерпите неудачу, делайте новые попытки.* Задача человека видеть Бога во всем; но, если вы не можете видеть Его во всех вещах, старайтесь сначала видеть Его в чем-нибудь одном, в том, что нам больше всего дорого, а затем в другом. Так вы будете подвигаться вперед. Перед душой бесконечная жизнь. Не торопитесь, и вы достигнете чего желаете.

«Он — тот Единый, кто движется со скоростью, не постижимой даже для ума. Он недосягаем для богов и не может быть схвачен мыслью. Он, вечно движущийся, все приводит в движение. И при этом Сам всегда в покое. В Нем все существует. Он движется, но Он и неподвижен. Он близко и Он далеко. Он внутри. Он снаружи. Он проникает все. Тот, кто во всех существах видит Атмана и кто все существа видит в Атмане, тот не далек от Атмана». Когда жизнь мира видится таким образом в Атмане, видящий так познал тайну; и для него нет больше обмана чувств. Какое горе может быть для того, кто видит это Единство Вселенной?

Единство жизни, Единство всего составляет другой обширный предмет обсуждения Веданты. Мы видели, что Веданта находит, что все страдания происходят от неведения, и что это неведение заключается в идее о множественности, или отдельности человека от человека, мужчины от женщины, взрослого от ребенка, народа от народа, земли от луны, луны от солнца. Идея об отдельности, как между одним атомом и другим, — истинная причина всех несчастий в мире и, согласно Веданте, неверна, не имеет под собой почвы. Эта отдельность только кажущаяся, только поверхностная. В сущности вещей есть только единство. Если вы направите ваше исследование внутрь, то найдете единство между человеком и человеком, женщиной и ребенком, племенем и племенем, между высоким и низким, бедным и богатым. Богом и человеком. Заглянув достаточно глубоко, вы увидите, что все это, и даже животные, — Одно. Тот, кто достиг способности так видеть, больше недоступен заблуждению. Он постиг бесконечное Единство, которое в теологии называется Богом. Какое может быть для него заблуждение? Что может его обмануть? Он знает истинную природу всех вещей. Он проник в самую сокровенную тайну бытия. Какие могут быть для него страдания? Чего он может желать? Он проследил все до Бога, до

центра, до единства, из которого все происходит, и нашел, что Господь должен быть вечным Существованием. Для него нет более ни смерти, ни болезни, ни печали, ни страдания, ни недовольства, но все — совершенное единство и полное блаженство. На что он может сетовать? В действительности, нет смерти, нет страданий. В центре, в сущности вещей нет ничего, о чем бы кто-нибудь мог печалиться и плакать. Потому что все вещи проникает Он — Единый Чистый, Бесформенный, Бестелесный, Беспорочный, Он — Всезнающий, Он — Великий Источник, Само-Существование, Воздающий каждому по его заслугам. Те воистину бродят ощупью в темноте, кто поклоняется неразумному миру, созданному нашим невежеством. Те, кто поклоняется этому миру, думая, что он так же действителен, как и То Существование, бродят в темноте; те же, что всю свою жизнь живут, не находя ничего лучше и выше, чем этот мир, бродят в еще большей тьме.

Но тот, кто знает тайну прекрасной природы, кто думает о чистой природе, тот при помощи природы проходит над смертью и при помощи того, что в природе действительно, наслаждается Вечным Блаженством. «О, Ты Солнце, покрывающее истину твоим золотым диском! — открой ее мне, чтобы я мог видеть истину внутри тебя!.. А! теперь я знаю истину, которая в тебе, теперь я знаю самое сокровенное значение твоего блеска и твоих лучей, теперь я открыл То, что сияет внутри тебя! Я вижу истину, которая в тебе. То, что в тебе — также и во мне. Да, конечно, я сам — То!»

Реализация

Я начну с того, что приведу вам место из Упанишада, одного из самых простых, но — по моему мнению — также и из наиболее поэтичных. Он называется Катха Упанишад. Некоторые из вас, может быть, читали его в пе-

реводе сэра Эдвина Арнольда. В нашей последней лекции мы видели, что вопрос о происхождении мира, или сотворении Вселенной, не получил удовлетворительного ответа при исследовании внешних явлений, и явилась необходимость обратить его в другую сторону, внутрь. Катха Упанишад принимает это указание психологии и предлагает свои вопросы внутреннему человеку. Сначала долго ломали голову над тем, кто сотворил видимый мир, как он начал существовать и т.д. Затем пришли к вопросу, что в человеке заставляет его жить и двигаться и что происходит с этим нечто, когда человек умирает?

Более ранние исследования касались материи, старались проследить происхождение видимых нами форм. Эти исследования самое большее, что могли сделать, — это привести к предположению о существовании личного Правителя Вселенной — человеческого существа, может быть, бесконечно большего во всех отношениях, чем обыкновенный человек, но, по всем его намерениям и целям, несомненно, человека. Такое предположение могло быть истиной разве на том основании, что, смотря на Вселенную с точки зрения человеческих существ, только и можно было получить о Боге чисто человеческое представление.

Предположите, что одна из коров была бы философом и захотела бы придумать религию. Она раньше установила бы понятие о коровьей вселенной, а затем пришла бы к коровьему решению задачи. Она никогда не сочла бы необходимым дать хотя малейшее представление о Боге, как Его представляет человек. Подобным образом, философы-кошки смотрели бы на вселенную с кошачьей точки зрения и объяснили бы ее в выражениях своего собственного сознания, считая, что она управляется огромным котом. Что простое человеческое представление не может обнять всего вопроса, а тем более — разрешить его, для этого никаких дальнейших рассуж-

дений не требуется. Было бы большой ошибкой принять за окончательное то ужасное эгоистичное положение, к которому может прийти человек. Всякое разрешение мирового вопроса, которое может быть получено из изучения внешних явлений, способно привести к ошибочным заключениям, во-первых, — потому, что вселенная, которую мы видим, есть наша частная вселенная, наш собственный ограниченный взгляд на Действительность, и, во-вторых, — что саму Действительность мы не можем не видеть нашими чувствами, ни обнять нашим умом. Мы видим мир с точки зрения существ, обладающих только пятью чувствами. Если бы у нас было еще одно чувство, все для нас изменилось бы. Мы можем вообразить обладание магнетическим чувством и знаем, что могут существовать миллионы сил, о которых мы до сих пор не имеем никакого понятия. Наши чувства очень ограничены, и строго в пределах этого ограничения существует то, что мы называем Вселенной; Бог же наш, есть разрешение этой вселенной. Очевидно, такое частичное объяснение никогда не обнимет всего вопроса. Но человек не может остановиться. Он мыслящее существо и жаждет найти решение, которое дало бы ему понятное объяснение видимых им вещей. Он предполагает мир, в котором в одно и то же время существуют люди, боги и всякого рода существа, возможные и невозможные, и хочет найти одну формулу, которая бы включала в себе их все.

Легко видеть, что единственный для этого способ, — открыть некоторую вселенную, в которой бы заключались все остальные, некоторый род основания, доступного нашим чувствам или нет, но которое логически необходимо должно служить материалом, из которого созданы все эти различные планы существования. Если бы мы были в состоянии найти нечто, что могли бы считать одинаково общим как высшим, так и низшим мирам, не-

что, что по простой логике вещей, — хотя бы мы и не воспринимали его, — можно было считать основанием всякого существования, тогда, и только тогда, наш вопрос приблизился бы к некоторому роду разрешения. Но такое разрешение, очевидно, не может быть получено от мира, каким мы его видим и знаем, раз он представляет собой только один очень частный вид целого.

Наша надежда, таким образом, лежит глубже. Ранние мыслители нашли, что чем дальше они были от данного центра, тем более заметны становились различие и дифференциация, и чем больше приближались к центру, тем больше устанавливалось единство. Чем больше мы приближаемся к центру круга, тем ближе мы к тому общему основанию, в котором встречаются все радиусы, и чем дальше от центра, тем более разъединенными становятся один радиус от другого. Внешний мир все больше и больше удаляется от центра, поэтому в нем мы не найдем общего основания, в котором все явления существования могли бы быть растворены. В лучшем случае, внешний мир только часть общего явления. Есть другие планы существования, где мы встречаем другие явления, как явления умственные, нравственные, интеллектуальные, и взять только один из них и вместить в нем целое решительно невозможно. Поэтому, прежде всего, мы должны найти где-то центр, из которого как бы исходят все планы существования; и затем, став в этом центре, можем стараться найти объяснение. Вот порядок действия, которому мы должны следовать. Но где мы должны искать этот центр? — *Он внутри, во внутреннем человеке.* Углубляясь больше и больше внутрь, в свою собственную природу, наши мыслители нашли, что *в самой сердцевине человеческой души и есть центр всей Вселенной.* Все виды существования расходятся, как радиусы, из этого центра. Здесь их общая точка

встречи, и, только стоя там, мы можем надеяться найти решение их всех. Таким образом, вопрос, — «Кто создал этот мир?», далеко не философский — и ответ на него не многого стоит. Катха Упанишад выражает это в очень образной форме.

В древнее время был очень богатый человек, совершивший жертвоприношение, требовавшее, чтобы тот, кто его совершает, отдал все, что имеет. Но этот человек не был искренен. Он хотел приобрести известность и славу совершившего такое жертвоприношение, пожертвовать предметами, потерявшими для него ценность, вроде старых, бесплодных и искалеченных коров. У этого человека был сын, которого звали Начикетас. Мальчик видел, что его отец поступил неправильно, что он нарушил свой обет и должен погибнуть. В Индии отец и мать — живые боги, и дети в их присутствии не смеют без разрешения ни говорить, ни что-нибудь делать, но должны просто стоять. Поэтому мальчик приблизился к отцу и, не смея обратиться с прямым вопросом, спросил его: «Кому ты отдашь меня? Жертвоприношение, ведь, требует, чтоб все было отдано?» — Отец был очень огорчен вопросом и отвечал: «Что ты хочешь сказать, дитя? Разве отец может отдать своего собственного сына?» Мальчик повторил свой вопрос второй и третий раз, и отец, рассердившись, сказал, наконец: «Я отдам тебя Смерти» (Яма). И в рассказе говорится дальше, что мальчик действительно отправился к Смерти. У нас есть бог, называемый Яма, о котором басня говорит, что он был первый умерший человек. Он пошел на небо и стал там повелителем Питри, или блаженных мертвых. Все добрые люди, когда умирают, идут к нему и в течение долгого времени живут с ним. Он очень чистое и светлое существо. Итак, мальчик пошел в мир Ямы. Но боги не всегда бывают дома, и юноше пришлось три дня ждать у дверей Смерти. На третий день Яма вернулся.

«А, ученый человек, — сказал он, — ты ждал меня три дня, ничего не евши, а ты гость, достойный полного уважения. Привет тебе, Брахман! Добро пожаловать. Я очень сожалею, что не был дома. Но за то я вознагражу тебя. Проси у меня три вещи, по одной за день ожидания». — «Моя первая просьба, — сказал мальчик, — чтобы отец перестал на меня сердиться, был добр ко мне и узнал меня, когда ты разрешишь мне вернуться». — Яма обещал, что это будет исполнено. Следующая просьба касалась разъяснения относительно жертвоприношения, которое переносило человека на небо. Из этого мы видим, что в самой древней части Вед, Самхите, идеи о переходе на небо только что зарождались, — на небе люди должны были иметь светлые тела и жили со своими предками. Эти идеи постепенно развивались, но все-таки были неудовлетворительны; чувствовалось, что должно быть что-то гораздо высшее. Жизнь на небе немногим отличалась от жизни в этом мире. В лучшем случае, это была жизнь богатого человека, полная чувственных удовольствий, обильная предметами наслаждения и не знающая телесных болезней. Это был тот же материальный мир, только немного утонченный; и там мы встречаем то же затруднение, которое находим здесь, — именно, что никакой внешний мир не может разрешить наш вопрос. Если этот наш мир не дает разрешения, то его не может дать и никакой другой мир, представляющий собой только увеличение и развитие нашего. Потому, — мы не должны этого забывать — что материя — только бесконечно малая часть всех явлений природы, а большая часть, даже того, что мы видим, — не материя. Сколько, например, чувств вы испытываете в каждый момент вашей жизни, сколько происходит умственных явлений, и как сравнительно мало явлений материальных. То, что вы чувствуете, насколько оно боль-

ше по сравнению с тем, что осязаете и видите. Как обширно и с какой страшной быстротой проходит. Но и чувственных явлений, в свою очередь, очень мало сравнительно с умственными.

Итак, разрешение вопроса созданием идеи о небе приводит к ошибке; оно утверждает, что все явления могут быть только такими, которые воспринимаются осязанием, вкусом и зрением. Поэтому идея о небе, где мы целой толпой будем жить в самых светлых телах, не может дать полного удовлетворения. Но Начикетас просит, в виде второй милости, разъяснить ему что-то, касающееся жертв, которыми люди могут заслужить небо, так как в Ведах проводилась идея, что боги любят жертвы, и посредством жертв человеческие существа могут получить все, чего желают. Изучая все религии, вы найдете, что все старое обыкновенно считается священным. В Индии, например, наши предки имели обыкновение писать на древесной коре. Затем они научились делать бумагу. Но еще и теперь древесная кора считается у нас вещью священной. Когда старые формы посуды для варки пищи были усовершенствованы, формы, вышедшие из употребления, сделались священными. Здесь эта идея сохраняет силу, как и в Индии. Существовавший девять или десять тысяч лет назад древний способ добывать огонь трением двух кусков дерева сохраняется еще и теперь. Во время жертвоприношений у азиатской ветви Индо-Арийцев другие способы не употреблялись. Их потомки любят и теперь сохранять огонь, происшедший от молнии, показывая тем, что они сначала пользовались этим способом для добывания огня и только потом научились получать его трением двух кусков дерева. Таким образом, изучая новые обычаи, мы вспоминаем старые и начинаем смотреть на них, как на священные. То же мы видим и у евреев. Они употребляли для письма перга-

мент; теперь пишут на бумаге, но считают старый способ священным. То же самое и у всех народов; ритуалы, которым вы теперь придаете значение церемониалов, были просто старыми обычаями, и в Индии жертвоприношения имеют тот же характер. С течением времени, когда были открыты лучшие способы жизни, идеи тоже улучшались; но старые формы остались и, от времени до времени, употреблялись, как имеющие некоторое священное значение, причем особый класс людей сделал совершение жертвоприношений своим ремеслом. Это жрецы, или священники. Они начали спекулировать жертвоприношениями, которые сделались для них всем. Думали, что боги наслаждаются их курениями, и что все в свете можно сделать посредством них. Если совершать известные возлияния, петь известные гимны, строить известной формы алтари, то боги сделают все, чего бы ни пожелали молящиеся. Вот почему Начикетас спрашивал о форме жертвы, при помощи которой люди могут попасть на небо. Затем он высказал третье желание. — «Я в полном недоумении. Когда человек умирает, то одни говорят, что он после того существует, другие, — что его больше нет. Я хочу получить ваши указания по этому предмету».

Этот вопрос смутил Яму. Он был готов исполнить другие просьбы, но тут сказал: «Сами боги в древнее время затруднялись решить этот вопрос. Этот закон не легко понять. Проси о чем-либо другом. Не настаивай на этом. Освободи меня от необходимости исполнить эту просьбу». Но Начикетас был юношей решительным и сказал: «Сказанное тобой, Властитель Смерти, что даже боги сомневались относительно этого предмета и что не легко понимать такие вещи, верно. Но я не могу найти другого подобного вам наставника, и никакая другая милость не заменит эту.

Тогда Смерть сказала: «Проси сыновей и внуков, которые жили бы по сто лет; проси скота, слонов, лошадей, золота. Проси земного царства и какой хочешь долгой жизни. Или выбери другие милости, равные, по моему мнению, этим. Я могу дать тебе способность удовлетворить все твои желания. Проси даже о таких вещах, которые труднее всего получить в этом мире. Вот, посмотри на этих небесных девушек, на эти экипажи, на эту музыку, подобных которым не знают смертные; пусть они служат и тебе, о Начикетас, но не спрашивай меня о тайне смерти».

«Все это, о Властитель Смерти, вещи преходящие», — сказал Начикетас. — «Они истощают энергию органов чувств. Даже самая долгая жизнь очень коротка. Оставь у себя твоих лошадей, экипажи, танцовщиц и музыкантов. Человека не может удовлетворить богатство. Разве мы сохраним наши богатства, когда взглянем тебе в лицо? Нет, мы живем лишь столько, сколько ты захочешь. Поэтому та милость, о которой я уже просил, единственная, которую я хочу получить от тебя».

Яме понравилась смелость мальчика и он сказал: *«Действительно, дитя мое, совершенство — одна вещь, а наслаждения — другая. Эти две вещи, имея различные результаты, определяют человека. Тот, кто выбирает совершенство, становится чистым; тот же, кто выбирает наслаждения, не достигает истинной цели. Совершенство и наслаждение сами предлагают себя человеку, и только мудрый исследует их и отличает одно от другого. Он выбирает совершенство, как высшее сравнительно с наслаждением; но глупый выбирает наслаждение ради своего тела. Ты, Начикетас, обсудив природу вещей, которых так желают в этом мире, совершенно правильно отверг их. Затем Смерть начала учить Начикетаса тайнам жизни.*

Здесь мы опять видим высоко развитую идею отречения, составляющую нравственность Вед, именно, что *пока человек не победил желания наслаждаться, истина не засветится в нем*. До тех пор, пока суетные чувственные желания шумно заявляют о себе, ежеминутно влекут нас к внешним предметам и делают нас рабами всего вне нас, пока, вопреки нашим намерениям, всякий цветной лоскут, всякий кусок пищи, всякое нежное прикосновение может увлечь за собой человеческую душу, как может истина проявиться в наших сердцах? «То, что следует, никогда не приходит на ум человеку легкомысленному, отуманенному богатством. Думая, что этот мир существует, а другой нет, человек снова и снова подпадает под мою власть». Эту истину очень трудно усвоить. Многие, даже после того, как постоянно о ней слышали, не понимают ее, потому что для этого надо, чтобы как говорящий, так и слушающий, были люди незаурядные. «Да, учитель должен быть исключительным человеком, и таким же должен быть ученик». Всем известно, что религия требует чтоб мы верили, требует от нас слепой веры. Как ни неприемлемым может казаться такое требование, под ним, однако, скрывается великая истина. Ум не следует беспокоить напрасными рассуждениями, потому что рассуждения никогда не приведут нас к познанию Бога. Это познание требует опыта, а не рассуждений. Все доказательства, все рассуждения должны быть основаны на известных фактах. Без фактов не может быть никакого суждения. Рассуждение есть способ сравнения известных фактов, которые нами уже непосредственно восприняты. Если таких раньше воспринятых фактов нет, не может быть никакого рассуждения о них. И, будучи верно относительно внешних предметов, почему это не должно быть верно относительно внутренних? Это одна из огромных ошибок, в которые

мы постоянно впадаем. Всеми признано, что все знания внешних ощущений основано на действительном опыте. Относительно них никто не требует, чтоб вы верили каким бы то ни было утверждениям. Законы ощущения установлены действительными опытами, в форме не рассуждения, но прямого восприятия. А между тем все мы способны утверждать, что религия основана только на теоретических рассуждениях. Все наши доказательства исходят из того, что мы воспринимали. Химик соединяет известные тела, и происходят некоторые другие тела. Это факт; вы его видите, ощущаете и принимаете за основание, на котором строите ваши выводы. То же делает физик, и то же во всех других науках. Все знание основано на восприятии известных фактов, на которых мы строим наши теории. И довольно странно, что огромное большинство человечества думает в настоящее время, что для знания религии не требуется ничего, что она может быть понята путем одних, ни на чем не основанных рассуждениях.

По поводу таких заблуждений мы и читаем в Упанишаде, что не следует беспокоить ум пустыми аргументами. *Религия есть вопрос фактов, а не болтовни. Мы должны анализировать нашу собственную душу и найти то, что в ней есть, должны понять и воочию убедиться в том, что нами понято. Это, и только это, и есть религия.* Сколько бы мы ни вели разговоров, они не сделают нас религиозными. Вопрос, — есть ли Бог, или Его нет, кикогда не может быть разрешен путем аргументации, потому что аргументы можно приводить в подтверждение как того, так и другого. Вы видели, что вопрос, существует ли мир, или не существует, не разрешен до сих пор, и что споры между идеалистами и реалистами будут продолжаться бесконечно, хотя мы знаем, как факт, что мир существует и что все наши спо-

ры не более, как обмен неимеющими смысла словами; совершенно то же и с этим жизненным вопросом о душе и Боге. Мы должны обратиться к фактам. Как в науке, так и в религии, в известных вещах необходимо убедиться опытом; известные факты должны быть восприняты, и только на таком основании могут строиться религиозные мнения. Чрезмерное требование, что вы должны верить всем догматам данной религии, — конечно, абсурд и унижительно для человеческого ума. Человек, требующий, чтобы вы чему-нибудь слепо верили, унижает себя, а если вы подчинитесь такому требованию, то унижает также и вас. *Единственное право, вследствие которого великие мудрецы мира предлагают свои истины, заключается в том, что они исследовали свой собственный ум, открыли истины, о которых говорят, и могут доказать, что если мы сделаем то же, что сделали они, то также непосредственно воспримем те же истины. Только тогда мы будем верить, но не раньше. В этом все основание религии.* Но вы должны всегда помнить, что в действительности 99,9% из тех, кто рассуждает о религии, никогда не анализировали своего ума и никогда не старались убедиться в действительных фактах. Их аргументы против религии имеют, поэтому, не больше значения, чем заявления слепого, который кричит: «Нет никакого солнца! Сумасшедшие только верят, что оно светит!» Совершенно такое значение имеют для нас и доводы тех, кто никогда не пытался анализировать свой ум, но старается низвергнуть религию.

Мы должны настойчиво стремиться к познанию истины опытом. Все наши волнения и споры по поводу религии прекратятся только тогда, когда мы поймем, что ее нельзя найти ни в книгах, ни в храмах, ни чувствами. Ее можно найти непосредственным восприятием, и только тот человек имеет религию, который непосредственно

воспринимал Бога и душу. Что касается всех остальных, не имевших такого восприятия, то, будь они самые высокие духовные лица, проповедующие на площадях, или самые низменные и невежественные материалисты, между ними, в религиозном отношении, нет никакой разницы. Надо сознаться, что мы все атеисты. Простое умственное развитие не делает и не может сделать человека религиозным, будь то христианин, магометанин, или последователь какой бы то ни было религии. ***Вспомните Нагорную проповедь. Всякий человек, который исполнил бы ее, сделался бы тотчас совершенным, стал бы Богом.*** А еще говорят, что христиан много миллионов. Неужели вы думаете, что все они действительно христиане? Те, кто носит это имя, быть может, когда-нибудь в будущем попробуют исполнять эту проповедь, но в настоящее время из двадцати миллионов так называемых христиан не найдется и одного, который бы делал это.

То же и в Индии. Говорят, что там триста миллионов ведантистов. Если бы из тысячи их один действительно осуществил религию, этот мир в пять минут стал бы совсем другим. Все мы, на самом деле, атеисты, хотя и нападаем на тех, кто признается в этом. Все мы ходим в потемках; для нас религия не имеет никакого значения; мы признаем ее умом, но служит она только предметом пустых разговоров. Один говорит о ней очень хорошо, другой плохо; и в этом, и *только* в этом, и состоит наша религия. «Но искусство соединять слова, риторические способности и уменье объяснять различным образом тексты священных писаний — только развлечение для образованных людей, но совсем не религия». Религия начинается только тогда, когда в нашей собственной душе зарождается действительное ее осуществление. Тогда в первый раз займется для нас заря религии, только

тогда мы станем религиозными, и только тогда можем начать быть истинно нравственными. Теперь мы не более нравственны, чем лошади. Мы сдерживаемся только кнутом общества. Если бы сегодня общество сказало: «Воровство больше не наказывается», мы тотчас набросились бы на чужую собственность. Нас делает нравственными только страх полиции. Общественное мнение также в огромной степени определяет нашу так называемую нравственность. Не подлежит сомнению, что мы разве немногим лучше животных. В глубине нашего сердца мы признаем, что это верно; так не будем же лицемерами. Сознаемся, что мы не религиозны и не имеем права смотреть свысока на других. Все мы братья, и все сделаемся нравственными, когда осуществим религию.

Если вы видели какую-нибудь страну, то вас могут потом разрезать на куски, но вы никогда не скажете самому себе, что не видели ее. Физическим насилием вы можете быть принуждены сказать это вслух, но сами будете знать, что это неправда. Совершенно также, если вы раз видели Бога и узнали религию более ясно, чем теперь видите внешний мир, ничто не будет в состоянии поколебать вашу веру. Тогда вы начнете верить. Это то, что разумеется в словах Евангелия: «Вера похожа на горчичное зерно». Тогда впервые вы познаете истину, так как сами станете истиной.

Теперь возникает вопрос, — да может ли быть такое восприятие? — Вот самое существенное требование Веданты: «Осуществляйте религию. Не толкуйте о ней! Ее нужно видеть! Видеть собственными глазами, как бы это ни было трудно». «Он, древний Единый, скрылся в атоме и обитает в самых сокровенных тайниках каждого человеческого сердца! Мудрецы видели Его силой внутреннего зрения, и при этом становились выше всякой радости и всякого страдания, выше того, что мы называем доб-

родетелью и того, что называется пороком, выше наших добра и зла, бытия и небытия. Так как тот, кто видит Его, познает Действительность». Что же тогда представляет собой идея о небе? — Это идея о счастье *минус* несчастье. Другими словами, то, чего мы желаем на небе, это все радости этой жизни *без* ее горя. Без сомнения, эта идея очень хороша; она приходит совершенно естественно, но представлять себе такое состояние — большое заблуждение, так как не может быть такой вещи, как абсолютное благо, ни такой, как абсолютное горе.

Все вы слышали о том Римском богаче, который, узнав, что у него осталось только около миллиона фунтов стерлингов, сказал: «Что же я буду делать завтра?» — и лишил себя жизни. Миллион фунтов был бедностью для него, но не для вас и не для меня. Для нас его было бы более чем достаточно на всю нашу жизнь. Что такое радость и что такое печаль? Это величины, постоянно уменьшающиеся и исчезающие. В детстве я думал, что для меня было бы верхом счастья стать извозчиком и постоянно ездить. Теперь я не думаю этого. Все мы должны стараться понять, какое наслаждение нам особенно дорого. Оно должно быть одним из последних заблуждений, от которых нам следует освободиться. Удовольствия каждого различны. Я видел человека, который был несчастен, пока не проглатывал порции опиума. Вероятно он думал и о небе, в котором почва состоит из опиума. Для меня это было бы очень плохое небо. В Арабской поэзии мы постоянно читаем о небесах, полных садов с текущими в них реками. Я большую часть жизни прожил в стране, где воды слишком много. Каждый год несколько деревень и тысячи жизней становятся ее жертвами; и в моем небе не было бы садов с протекающими по ним реками. У меня оно было бы сухой страной, в которой выпадает очень мало дождя. Даже в

течение одной жизни понятие человека об удовольствии постоянно меняется. Когда молодой человек мечтает о небе, он думает о прекрасной жене. Дайте ему постареть, и он не пожелает жены. Мы создаем себе небо из наших потребностей, и с изменением последних меняется и наше небо. Если наше небо — такое место, где усилены все чувственные наслаждения, — небо, особенно желаемое теми, для кого эти чувственные наслаждения составляют самую цель существования, — мы не подвигаемся вперед. Немножко слез, немножко танцев и затем умереть, как собака? Какое проклятие вы призываете на голову человечества, когда говорите, что мы должны жаждать такого положения вещей! А между тем это именно то, что вы делаете, когда кричите о радостях этого мира, так как не знаете, что такое истинное наслаждение.

Философия требует не отказываться от наслаждения, но знать, что такое наслаждение в действительности. Древнее небо Норманнов было место ужасных битв, где они сидели перед Одином. Они охотились на дикого медведя, а затем сражались, рубя друг друга на куски. Через несколько часов после таких сражений, их раны заживали, и они входили в зал, где стоял уже зажаренный медведь, и пировали. На следующий день дикий медведь оживал, и они снова охотились. Это понятие о небе, несколько не хуже нашего, разве что наше немножко утонченнее. Мы тоже хотели бы охотиться за дикими медведями и приходить в место, где все наши настоящие удовольствия будут продолжаться, подобно тому, как они представляли себе, что на небе дикий медведь, после охоты на него, каждый день съедается, а на следующий день восстанавливается опять.

Философия Веданты утверждает, что есть абсолютное блаженство, никогда неизменяющееся. Такое бла-

женство не может состоять в развлечениях и удовольствиях, которые мы имеем в этой жизни. В то же время Веданта доказывает, что все радостное в этой жизни есть проявление того внутреннего блаженства, потому что оно-то и есть единственное счастье в этой вселенной. Она заявляет, что в каждый момент мы уже наслаждаемся абсолютным блаженством, как бы оно ни было скрыто, неправильно понимаемо и извращено, так как всякое благо, блаженство и радость, в чем бы они ни проявлялись, и есть то абсолютное блаженство. Даже наслаждение, испытываемое вором, когда он обокрал кого-нибудь, — то же абсолютное блаженство, обнаруживающееся в нем в помраченном и извращенном виде. Но чтобы это понять, мы должны пройти прежде через отрицание, отказаться от всего невежественного, от всего ложного, и тогда начнем познавать истину. Когда мы овладеем истиной, те вещи, от которых мы сначала отказались, примут новый образ и форму и представятся нам в новом виде, будут обожествлены, и мы поймем их в настоящем свете. Но, чтобы так понимать их, необходимо раньше иметь проблеск истины; сначала мы должны отказаться от них, а потом взять их обратно обожествленными. Поэтому мы должны отвергнуть все наши бедствия и печали, все наши маленькие радости и удовольствия, все то, что мы можем назвать различными степенями счастья и несчастья. То, о чем говорят все Веды, искание чего заставляет людей вести целомудренную жизнь, это — назову его вам теперь одним словом, восхваляемым в Ведах и почитаемым священным — это «Ом». На вопрос о том, что происходит с человеком, когда его тело умирает, Яма отвечает: «Мудрый Единый, Душа, никогда не умирает и никогда не рождается. Он ни из чего не происходит и ничто не происходит из Него. Вечный и Бессмертный, этот Древний Единый не может

разрушиться с разрушением тела. Если убийца думает, что он может убить, или убиваемый — что он может быть убитым, никто из них не знает истины, потому что Душа не убивает и не бывает убита». Ужасно трудный для принятия тезис! В первой его строке есть прилагательное «Мудрый». Дальше вы найдете, что положение Веданты заключается в том, что все знание и вся чистота уже есть в душе, и разница между душами только в том, что знание и чистота выражены в них смутно или ясно. Различие между одним человеком и другим и между всем сотворенным заключается не в роде, а в степени. Основание или сущность всего есть то самое вечное, вечно-блаженное, вечно-чистое и вечно-совершенное Существо, Атман, Душа. В грешном и безгрешном, в счастливом и несчастном, в прекрасном и уродливом, в человеке и животном, во всем, что живет, оно одно и то же — Единый Светлый. Разница только в силе выражения. В одном он проявляется больше, в другом меньше, но различие выражения не имеет никакого влияния на Него, на Атмана. Если через одежду одного тело более заметно, а через одежду другого меньше, это зависит не от разницы между самими телами, но исключительно от одежды, которая представляет собой более или менее непрозрачную оболочку. Подобно тому, и Атман светится в человеке в той степени чистоты и силы, в какой допускает это его телесный покров.

Здесь следует помнить, что нигде философия Веданты не рассматривает добро и зло, как две различные вещи, но скорее принимает, что одна и та же вещь может быть хорошей или дурной, причем разница только в степени. Мы сами можем видеть, что это факт. К той самой вещи, которую сегодня я нахожу приятной, завтра, при других условиях, я отнесусь с отвращением и назову ее причиняющей страдание. Таким образом, различие здесь

только в степени проявления, а не в проявляющейся вещи. В конце концов, то, что мы называем хорошим и дурным, в действительности не существует. Тот же огонь, который согревает нас, обжигает насмерть ребенка; но в этом вина не огня. Если, таким образом, душа чиста и совершенна, то человек, желающий делать зло, обманывает себя; он не знает своей истинной природы. Даже в разбойнике находится чистая душа. Она не умирает. Это его ошибка, что он не мог проявить ее, или что он закрыл ее. Даже у человека, думающего, что он убит, душа не убита; душа вечна, никогда не убивается, никогда не уничтожается. «Бесконечно меньший, чем самый малейший атом, бесконечно больший, чем величайшее из сотворенных существ, Господь всего присутствует в глубине каждого человеческого сердца. Безгрешный, свободный от всякого страдания, смотри на Него, по Его милости, как на бесконечного, но живущего в теле, как превосходящего пространство, но кажущегося, что занимает место, как на Бесконечного и Вездесущего. И, зная, что такова природа души, мудрые никогда не бывают печальны». Но «этот Атман не познается ни посредством красноречия, ни разумом, ни даже изучением Вед».

Последнее утверждение замечательно. Как я уже говорил вам, Индийские мудрецы были самыми смелыми исследователями и ни перед чем не останавливались. Вы помните, что в Индии Веды имели значение, какого христиане никогда не придавали Библии. Ваша идея об откровении состоит в том, что человек был вдохновлен Богом. Индийская же идея та, что вещи существуют потому, что они есть в Ведах. В Ведах и через Веды произошло все творение. Все, что называется знанием, считается частью Вед. Каждое их слово священно и вечно и считается несотворенным, подобно человеку, без начала и без конца. Весь ум Создателя как бы заключается в

этих книгах. Почему такая-то вещь нравственна? — Потому, что так говорят Веды. — Почему безнравственна? — Потому, что так сказано в Ведах.

И все-таки, несмотря на такую веру в них, посмотрите на этих смелых мыслителей, заявляющих: «Нет, истина не может быть найдена изучением Вед. Кого Господь любит, Он сам тому открывается». Здесь, однако, может быть возбужден вопрос: не есть ли это пристрастие со стороны Господа? Это затруднение разрешается следующим заявлением: — «Кто творит зло, чьи сердца не покойны, те не видят света. В тех же, чье сердце искренно, дела чисты и чувства подчинены, Я проявляет Себя».

Есть прекрасное сравнение. «Я» изображается едущим на экипаже, который есть тело. Пусть разум будет кучером, ум вожжами, и чувства — лошадьми. Мы знаем, что экипаж, в котором лошади хорошо выезжены, и вожжи прочны и туго натянуты кучером-разумом, достигает цели, — тождества с Ним, Вездесущим. Но экипаж, лошади которого не управляются, а вожжи-ум, не крепко держатся, в конце концов разбивается. «Атман, обитающий в каждом существе, не проявляет себя глазам или чувствам; Его видят только те, чей ум очищен и утончен. Высший всякого звука или формы, недоступный вкусу и осязанию, бесконечный, не имеющий начала и конца, Он выше самой природы, Абсолютный и Неизменяемый; и тот, кто познает Его, освобождается от пасти смерти». Но как это трудно. «Познать Его, — говорят книги, — так же трудно, как идти по лезвию бритвы; и долог и опасен может быть путь. Но не отчаивайтесь. Проснитесь! Встаньте! Боритесь и не останавливайтесь до тех пор, пока цель не будет достигнута». Вы видите теперь, что главная идея Упанишадов — необходимость познать Себя, или Абсолютное Существо. Много препятствий к этому будет от времени до времени встречать ум, особенно

— ум современный. Может возникнуть вопрос о пользе такого познания и т.п. Но все эти препятствия, как увидим, происходят от влияния прежних ассоциаций, так как ассоциации идей имеют страшную власть над нашими умами. Для тех, кто с самого детства постоянно слышал о личном Боге и личном уме, идея о познании сущности может казаться грубой и неприятной. Но, если мы в течение некоторого времени будем слышать о ней и направим на нее наш ум, эта мысль станет частью нашей жизни и совершенно перестанет пугать нас. На вопрос о пользе этой философии ответ может быть только один. — Если на основании теории Утилитарианства для некоторых хорошо стремиться к удовольствиям, то почему не могут стремиться к тому же те, чье счастье заключается в религиозном созерцании? Многие наслаждаются чувственными удовольствиями и потому ищут их; но могут быть другие, которые ими не удовлетворяются и жаждут потому высших форм благополучия. Все удовольствия собаки заключаются в еде и питье. Она не может понять счастья человека науки, готового отказаться от всяких удобств и жить, может быть, на вершине горы, чтобы наблюдать положение известных звезд. Собака подняла бы на смех такое понятие об удовольствии, как взгляд сумасшедшего. Бедный мыслитель не имеет денег, чтобы приобрести дом или жениться. Он живет на вершине горы, питаясь хлебом и водой. Как посмеялась бы над ним собака! Но ученый, со своей стороны, мог бы сказать, что собака смеется только потому, что для нее немислимо удовольствие, возвышающееся над чувствами, тогда как для него бесконечно приятнее его суровая жизнь, и что свобода добиваться своих удовольствий своим собственным способом, на которую претендует собака, может быть, конечно, предоставлена и ему. Наша ошибка заключается в стремлении навязывать дру-

гим свои личные условия и в попытках применять мерку своего ума ко всей вселенной, Для нас старые чувственные предметы, может быть, доставляют величайшее наслаждение; но из этого не следует, что мои удовольствия нужно искать в том же направлении; и, когда вы настаиваете на этом, я могу не соглашаться с вами. В этом различие между утилитарианцем и человеком религиозным.

Привязанный ко всему мирскому, утилитарианец кричит: «Смотрите, как я счастлив. У меня есть немного денег, и я не беспокоюсь о вещах для меня недостижимых. Вот настоящий способ быть счастливым». До сих пор это хорошо. Хорошо для всех, называющих себя утилитарианцами, потому что этот мир действительно ужасен, и если какой-нибудь человек может достигнуть в нем счастья, каким бы то ни было способом, не обижая своих ближних, да поможет ему Бог. Но когда тот же человек приходит ко мне и говорит: «делай так, как я делаю, или признайся, что ты глупец», — я отвечаю: «Нет, ты ошибаешься. Те самые вещи, которые доставляют тебе удовольствие, убили бы меня, если б я был принужден их делать. Если бы я должен был посвятить мою жизнь добыванию нескольких горстей золота, моя жизнь не казалась бы мне стоящей того, чтоб иметь ее. Я должен бы был умереть». Это единственный ответ, какой может дать религиозный человек. И такой ответ уже заключает в себе утверждение, что религия возможна только для тех, кто покончил с низменными вещами. Мы должны иметь опыт; должны как бы пройти весь наш переход. И только, когда все это окончено, может для нас открыться другой и высший мир. Здесь мне приходит на память чрезвычайно важный вопрос. Есть вещь, которая звучит очень неприятно и которая тем не менее факт. Эти чувственные наслаждения иногда принимают такие размеры

и форму, которые делают их гораздо опаснее и соблазнительнее. Существует идея, — постоянно имеющая приверженцев и встречающаяся во всех религиях, — что наступит время, когда останутся только радости и наслаждения в жизни, и эта земля сделается небом. Я этому не верю. Эта наша старая земля всегда останется такой же, как и теперь. Ужасная вещь говорить это; и все-таки я не вижу выхода из настоящего положения. Страдания человечества похожи на ревматизм. Выгоните его из головы, он перейдет в ноги; выгоните оттуда и он окажется в каком-нибудь другом месте. То же и с несчастьем. В древнее время люди жили в лесах и пожирали друг друга. В нынешнее время, вместо того, чтобы есть, они обманывают друг друга. Целые города, целые страны разрушаются вследствие обмана. В этом оказывается не много прогресса. В самом деле, я не в состоянии понять, что вы называете прогрессом, если это не увеличение желаний; и если для меня что ясно, так это то, что все страдания рождаются от желаний. Желания приносят все бедствия. Они превращают нас в нищих, которые всегда просят чего-нибудь и не могут видеть ничего в лавке, без мысли о том, чтобы иметь ее; в нищих, которыми всецело управляет мысль об обладании решительно всем. Вся жизнь становится жизнью нищего, сжигаемого неутолимой жаждой желаний. И если способность удовлетворения их возрастает в арифметической прогрессии, то способность желать возрастает в геометрической. Таким образом, в лучшем случае, сумма счастья и несчастья остается постоянной. Если волна вздымается в одной части океана, она делает углубление где-нибудь в другой. Подобно этому, если счастье приходит к одному человеку, несчастье приходит к какому-нибудь другому человеку, или, по крайней мере, к какому-нибудь животному. Посмотрите только, как увеличивается число

людей и уменьшается число животных. Мы убиваем их и отнимаем у них землю. Мы лишаем их всех средств к существованию. Как можем мы говорить, что счастье увеличивается? Более сильная раса может пожрать слабую, но будет ли она от этого постоянно счастливее? Нет, они после поменяются положением и растерзают друг друга. Увы, я не вижу, как мир может быть счастливым. Все факты говорят против возможности этого. Теоретически рассуждая, эта идея также невозможна. Совершенство всегда бесконечно. Это бесконечное совершенство уже в нас есть; наше усилие должно состоять только в проявлении его. Вы, я и каждый из нас стремимся проявить это Совершенство. До сих пор рассуждения ясны.

На этом факте, однако ж, некоторые немецкие мыслители думали построить странную теорию, — именно, что это проявление будет продолжаться, делаясь все выше и выше, пока не станет совершенным, короче, — пока все мы не станем совершенными существами. Но что значит совершенное проявление? Совершенство предполагает бесконечность, а проявление предполагает ограниченность; отсюда — совершенное проявление равнозначуще неограниченному ограниченному, — противоречие в словах. Такое учение может доставить удовольствие детям, давая им удобную религию. Но в то же время оно приносит яд лжи и не способствует развитию действительной духовности. Мы должны признать факт, что этот мир вырождающийся, что человек — вырождение Бога, что, как говорит ваше собственное священное писание, Адам пал. В настоящее время нет в мире ни одной религии, которая бы не учила, что человек, как он есть, представляет собой вырождение. Мы выродились было до состояния животных. Теперь опять поднимаемся. Когда-то в будущем мы выйдем, освободимся из это-

го рабства. Но здесь мы никогда не будем способны проявлять бесконечность. Как бы настойчиво ни боролись, мы в конце концов увидим, что это невозможно. Придет время, когда мы признаем, что здесь, связанные чувствами, мы не можем достигнуть совершенства. И когда это время настанет, прозвучит сигнал к отступлению, или к отречению.

Мы должны будем заставить себя выйти из затруднительного положения, в которое попали, и тут начнется милосердие и нравственность. Потому что, какой лозунг всех нравственных кодексов? — Не я, но ты! Наше маленькое *я* есть выражение Бесконечного, находящегося позади него и стремящегося проявиться во внешнем мире. Бесконечное, Абсолютное, стремится проявить себя, и результат этого стремления — *вы* и *я*. Но это маленькое *я* должно будет повернуть назад и стремиться снова соединиться с Бесконечным, его собственной природой. Оно должно открыть, что все время делало неправильные попытки. Мы узнаем, что сами подставили наши плечи под колесо и сами должны уйти из-под него. Это открытие делается ежедневно. Все время, когда вы говорите: «Не я, мой брат, но ты!» — вы стараетесь уйти назад в непроявленное. Стараясь, наоборот, перевести Бесконечное в проявленное, вы говорите: «Я, а не ты». Такой образ действия вносит в мир зло и борьбу. После него должно начаться отречение, вечное отречение. Только тогда маленькое *я* умрет и исчезнет. Только тогда вы узнаете, что для вас безразлично, живете вы или умираете, так как все мысли о жизни и наслаждении ей здесь, или расчеты на жизнь в каком-то другом состоянии или месте, но состоящую тоже в чувственных наслаждениях, — те же, все повторяющиеся, рабство и смерть.

Если бы было верно, что мы в этом мире не что иное, как более развитые животные, то мы могли бы привести

тот же самый аргумент, только в обратном направлении, так как животные, в свою очередь, могут быть выродившимися людьми. Почему вы знаете, что это не так? Вся теория развития основана на факте, что мы находим ряд форм, идущих последовательно от самых низших до самых высших. Но как можем мы на основании этого утверждать, что они идут от низших вверх, а не от высших вниз? Одно и то же доказательство может быть приведено в подтверждение обоих положений, и, что касается меня, то я думаю, что процесс происходит как вверх, так и вниз, и серии повторяются. Потому что, как может быть эволюция без инволюции? Разве не ясно, что мы должны идти вниз по тем же ступеням, по которым шли вверх. Во всяком случае, главная идея, на которую я указываю, заключается в том, что мы представляем результат стремления Бесконечного найти для Себя выражение в конечном.

Без сомнения, я хотел бы быть убежденным в совершенно противном. Но те две идеи, что Абсолют может быть вынужден проявиться, и что мы продолжаем двигаться вечно по прямой линии, я не принимаю. Обе они бессмыслица. Нет такой вещи, как вечное движение по прямой линии. Если вы бросите камень вперед, то наступит время, когда он опишет круг и вернется назад. Разве не математическая аксиома, что прямая линия, бесконечно продолженная, становится кругом? Итак, я держусь старых религиозных идей, проповеданных Христом и Буддой и высказанных в Веданте и Библии, — что со временем мы все достигнем совершенства, но только отказавшись, отвернувшись от настоящего несовершенства.

Весь этот мир ничто. В лучшем случае, он только скверная карикатура, только тень действительности. И в нем глупцы кричат о чувственных наслаждениях. Бежать

в сбруе чувств легко, и легче всего ограничиваться по старому едой и питьем. И новые философы рекомендуют именно эти удобные идеи и ставят на них клеймо религии. Такие учения неверны. В чувствах — смерть, а мы должны стать выше смерти, потому что она не действительность. Только отречением мы можем достичь действительности. Отречение проповедуется во всех кодексах нравственности. Оно есть сила, проявляемая в каждом шаге, в каждое мгновение, когда мы не думаем о себе. Когда мы узнаем, что мы как бы мертвы, что маленькое *я* в нас умерло, только тогда мы достигаем действительности, и эта действительность, которая есть Бог, по словам Веданты, наша собственная истинная природа! Бог всегда в вас, всегда с вами. Живите же и вы в Нем и оставайтесь в Нем. Это, хотя и кажется трудным, будет постепенно все легче и легче, и вы увидите, что такое состояние единственное радостное состояние, всякое же другое — смерть. ***Жизнь в сфере Духа только и есть жизнь. Во всех же других сферах — только смерть.*** На весь этот мир и на время, которое мы обречены проводить в нем, следует смотреть просто, как на место и время обучения. Только поднявшись выше его, можно наслаждаться настоящей жизнью.

Свобода души

Катха Упанишад, который мы до их пор изучали, написан гораздо позднее, чем Чхандогья, к которому приступим теперь. Язык первого новее, и его мысли обработаннее. В более старых Упанишадах язык вышедший из употребления, похожий на язык гимнов в некоторых частях Вед, и чтобы добраться в них до главных положений, приходится с трудом подвигаться вперед среди массы совершенно излишних предметов. Обрядовая литерату-

ра, о которой я уже говорил вам, как о составляющей вторую часть Вед, оставила глубокий след на древнем Упанишаде, так что больше чем половина его посвящена обрядам. Но, с другой стороны, изучая эти очень древние Упанишады, мы имеем то преимущество, что можем как бы наблюдать историческое возникновение религиозных идей. В более поздних Упанишадах, в которых религиозные истины собраны и сведены в одно место, — как, например, в Бхагавад Гите, на которую мы можем смотреть, как на последний из Упанишадов, — мы не находим и следа старой обрядности. Почти все стихи Гиты собраны из разных мест Упанишадов и в целом составили род букета. Но в них невозможно наблюдать в строгой последовательности рост идей и нельзя проследить их до первоначальных источников, — обстоятельство, составляющее, как часто было указано, огромное преимущество изучения Вед, так как высокая идея святости, связываемая с этими книгами, предохранила их лучше, чем все другие, от искажения. В них мысли самого высокого и самого низкого уровня одинаково сохранены, и никто никогда не осмеливался касаться их, существенны они или не существенны, в высшей степени ли облагораживают или касаются самых пустых подробностей. Конечно, от времени до времени, являлись комментаторы, пытавшиеся смягчить их противоречия и из очень старых вещей извлечь новые идеи, находя религиозные истины в самых обыкновенных положениях; но самые тексты оставались нетронутыми и представляют в настоящее время самое редкое в мире поле для исторических исследований.

В священных писаниях почти всех других религий, с течением времени и с ростом и развитием мысли, слова изменяются и вместо одних ставятся другие, а вещи, не соответствующие духовному прогрессу времени, совсем

выбрасываются, и это совершенно независимо от смягчающего влияния комментаторов. В литературе же Вед этот процесс вероятно никогда не происходил, а если и происходил, то результаты его почти незаметны. Таким образом, здесь мы имеем огромное преимущество, — можем изучать мысли в их первоначальном значении, замечать как они постепенно развиваются, как из материалистических идей возникают все более и более тонкие идеи духовные, пока не достигнут наибольшей высоты в Веданте. В этих Упанишадах приведены также некоторые старые нравы и обычаи, но не очень много. Язык же их отличается особенным изяществом, способствующим их запоминанию.

Но писавшие эти книги, желая напомнить читателю какие-нибудь факты или истории, которые они считали хорошо известными, не излагали их, а ограничивались подстрочными на них ссылками. И это представляет теперь неудобство, состоящее в том, что мы лишены возможности узнать подлинный текст какой бы то ни было из историй, на которые они ссылаются, так как предание о них почти уже утрачено, а то немногое, что осталось, сильно изменено. Они подверглись стольким новым толкованиям, что, когда вы встречаете те же самые вещи в Пуранах, они уже развернулись в поэтические поэмы. Как в истории западных рас закон политического развития выражается в факте, — что они не могут переносить идеи управления одним человеком против этой формы правления, переходя постепенно к демократическим утверждениям и более широким понятиям о физической свободе, — так же и в Индии замечается то же явление, но только в области метафизики и духовной жизни. Сначала первоначальное множество богов уступает место одному Богу Вселенной, а затем, в Упанишадах, поднимается восстание и против одного Бога. Для мыслителей

этого периода не только становится невыносимой идея о многих Правителях, из которых каждый управляет своей областью, но их умы не выносят потом и того, что даже одно лицо может управлять Вселенной. Так, по-видимому, возникла эта идея, а затем все росла, пока не достигла предела. Во всех почти Упанишадах раньше или позже встречаем идею о низложении Единого Бога Вселенной. Личный Бог исчезает и Его замещает Безличный. Он уже не лицо, не человеческое существо, занимающее место Правителя миров, как бы оно ни было возвеличено и распространено, но принцип, воплощенный в нас и во всех существах, и присущий всему космосу. После этого, отвергнув личного Бога, ради безличного, было бы нелогично продолжать смотреть на человека, как на личность; и, следовательно, понятие о человеке, как о личности, тоже должно быть отброшено, и человек, в свою очередь, должен рассматриваться как принцип. Снаружи личность, внутри принцип, — таково должно быть истинное представление о нем. Так, одновременно в двух направлениях, шел процесс разрушения личности и перехода к принципу: личный Бог переходит в безличного Бога и личный человек — в безличного человека. Так последовательными ступенями развивалось великое представление о Боге и человеке. Мы видим две сходящиеся линии, Безличного Бога и безличного человека, и Упанишады сводят их последовательно так, что, наконец, они становятся одной. Последнее слово каждого Упанишада: «Ты — Тот!» Есть только Один Принцип, Один вечно блаженный и этот один Принцип проявляет Себя во всем этом разнообразии.

Задача Упанишадов на этом, по-видимому, кончается, и дальнейшее — уже дело философов и логиков. План работы Упанишадами дан, и последним остается выработать только подробности. При этом естественно

возникает много вопросов. Например, признавая, что был только Один Безличный принцип, проявляющий себя во всех множественных формах, как объяснить факт, что Один стал многим? Это тот старый вопрос, который возникал в человеческом сердце в грубой форме, как потребность объяснения происхождения зла, — «Почему зло находится в мире?» и т.д. Но здесь вопрос этот стал более отвлеченным и утонченным. Больше не спрашивают с чувственной точки зрения, почему мы несчастны, но спрашивают с философской точки зрения, как произошло, что Единый Принцип стал Множественностью? И ответом, который дала Индия, — лучшим ответом, какой только мог быть дан, — является теория *Майи*. Единый не стал, в действительности, Многим. Он не утратил ни одной части своей существенной природы. *Эта Множественность только кажущаяся*. Человек только по-видимому личность, в действительности же, он — Одно Безличное Существо. Только казалось, что Бог личный; на самом деле, Он — Безличная Сущность Вселенной. Но даже в этом ответе были последовательные стадии, и взгляды философии менялись. Не все Индийские философы признавали теорию Майи. Возможно даже, что большинство отвергали ее. До настоящего времени у нас существуют дуалисты с прямолинейным образом мыслей, которые не допускают этих вопросов, но душат их при самом возникновении. Им кажется, что мы не имеем права ставить такие вопросы, не имеем права требовать объяснения. Все происходит по воле Бога, и наше дело смиренно подчиняться. Для человеческой души нет свободы. Все предопределено, и все, что мы должны делать — это терпеть и радоваться. Наш долг спокойно терпеть, иначе мы будем наказаны. Почему вы это знаете? — спрашиваем их. «Потому, что так говорят Веды», — отвечают они. Так они и стоят, закованные в броню текстов и объяснений, стараясь только усилить их.

Но есть и другие, хотя не признающие философии *Майи*, но стоящие на полпути и старающиеся объяснить эти вещи теорией последовательных проявлений — последовательного развития и порчи человеческой природы. Все души, — говорят они, — могут быть рассматриваемы метафорически, как то расширяющиеся, то сокращающиеся. Творение образует как бы тело Бога. Бог — Душа всех душ, Душа всей природы. Создание есть расширение или распространение этой природы Бога. Расширяясь в течение некоторого времени, она затем сокращается. В случае отдельных душ это сокращение производится дурными поступками. Всякий раз, как человек поступает неправильно, его душа теряет в силе, и это продолжается до тех пор, пока он не начнет совершать добрых дел; тогда начинается расширение.

Всем этим Индийским системам, всем системам в мире, равно как и моим личным воззрениям, обща одна подразумеваемая идея, которую я назвал бы идеей о Божественности человека. Нет ни одной философской системы в мире, ни одной религии, которая бы так или иначе не учила, — в форме мифологии, аллегории или изящным языком философии, — что человеческая душа, какой бы она ни казалась и каково бы ни было ее отношение к Богу, — по существу чиста и совершенна, что по своей природе она сильна и свята, а не слаба и несчастна, и что ее представление о страдании и слабости требует объяснения. Грубые системы призывают к ответу за это падение личное зло, Сатану или Аримана. Другие, без всяких объяснений, стараются представить Бога и дьявола, как одно лицо, предназначающее одних страдать, а других наслаждаться. Наконец, третий — более рассудительный — тип, признает теорию *Майи* и т.д. Но во всех их ясно проглядывает одна мысль, которую мы и должны рассмотреть. Философские системы и идеи —

только гимнастика, простые упражнения ума. Во всех этих системах, и даже во всей массе суеверий, распространенных в разных странах и верах, мне кажется, просвечивает одна мысль, что человек божествен и что эта божественность есть сущность нашей природы. Все прочее в нас — просто наслоение, как называет его Веданта. Нечто может быть наложено на эту божественную природу, но она все-таки никогда не умирает. Она присутствует в самом развращенном, как и в самом святом. Надо только позвать ее, и она проявится. Люди думают, что огонь в кремне как бы спит, и что удар стали необходим для того, чтоб разбудить его, или что огонь уже есть в сухих кусках дерева и трение двух кусков друг о друга нужно только для того, чтобы он проявился. Совершенно также и природная свобода и чистота есть в каждой душе; она ее сущность. Это не качества наши, так как качества могут быть приобретены, а — следовательно — и потеряны. Душа и свобода — одно; Душа и существование — одно; Душа и знание — одно. Это Сат-Чит-Ананда, — Существование, Знание и Абсолютное Блаженство, — есть самая сущность природы, самое природное право души, и все проявления, которые мы видим — только выражение природы души, обнаруживающееся ярко или туманно, как случится. Даже сама смерть только проявление этого действительного существования. Рождение и смерть, жизнь и разрушение, вырождение и возрождение суть также проявления этого Одного. Так, знание, как бы оно ни проявлялось, — как невежество или как образованность, — только выражение *Чит*, или сущности знания. Различие этих проявлений состоит только в степенях, а не в роде. Знание самого низшего червяка, ползающего у нас под ногами, отличается от знания самого великого гения, какого только небо может послать нам, только в степени, а не в роде. И мыслитель

Ведантист смело заявляет, что всякое блаженство, или наслаждение, даже самое низменное, какое может быть в этой жизни, — только проявление того Божественного Блаженства, которое составляет сущность Души.

Эта идея, кажется, самая важная в Веданте и, как я говорил, все религии, по-видимому, держатся того же учения: — я, по крайней мере, не знаю такой, в которой бы она не составляла основания. Возьмем, например, Библию. В ней мы находим, что Адам был сотворен безгрешным, и его чистота утрачена вследствие совершенных им дурных дел. Из этого ясно, что природа первого человека, или, как они могли бы сказать, истинный человек, был уже совершенным. Согласно этому взгляду, греховность, которую мы видим, и слабость, которую чувствуем, должны быть рассматриваемы, как наслоение; и дальнейшая история этой религии указывает также на несомненную возможность достижения вновь прежнего состояния. Это видно из всей Библии, как Старого, так и Нового Завета. То же и у магометан. Они также верят в Адама и в его первоначальную чистоту и считают, что с появлением Магомета открыт путь к возвращению утраченного состояния. То же самое и у Буддистов, верующих в Нирвану, состояние, высшее чем этот наш относительный мир, которое Ведантисты называют Брахманом. Все учение Буддистов состоит в указании, как получить вновь потерянное состояние Нирваны. Таким же точно образом во всех системах есть учение, что мы не можем достигнуть ничего, что бы уже не принадлежало нам. Мы ничем не обязаны никому в этой Вселенной и должны только заявлять наше прирожденное право, или, как великий Ведантист-философ поэтически выразился в одной из своих книг¹: «Мы должны добыть свое собствен-

¹ Название этой санскритской книги о философии Веданты — Самрайя-Сиддхи.

ное государство». Это государство наше; мы потеряли его и должны взять его вновь. Майя-вадин, или верящий в теорию *майи*, говорит, однако, что даже эта кажущаяся утрата государства была только галлюцинацией, что на самом деле мы никогда не теряли его. В этом только и различие между признающими теорию *майи* и непризнающими ее.

Но хотя все системы согласны в том, что у нас было государство и что мы утратили его, все они дают нам разные советы, как получить его назад. Одни говорят, что для получения этого государства мы должны совершать известные церемонии и платить определенные суммы известным лицам. Другие говорят: если вы любите всем сердцем такое-то Существо, вы получите государство. Дальше вы увидите, что все эти разные советы можно найти и в Упанишадах. Но последний и самый важный их совет заключается в том, что вам вовсе нет надобности плакать. Вам нет надобности проделывать все эти церемонии и заботиться о том, как вернуть ваше царство, так как на самом деле вы никогда его не теряли. Зачем искать то, что не было потеряно? Вы уже чисты, вы уже свободны. Если вы только подумаете, что вы свободны, в тот же момент вы свободны, но если будете думать, что связаны, вы и будете связаны. И не только будете связаны, но, предполагая, что свобода не ваша природа, вы никакими способами и никогда не сделаетесь свободными. Думая, что вы каким-либо иным способом станете свободными, вы действительно теряете свободу и никогда не будете в состоянии вернуть ее. Поэтому, что это покажет, что вы не были с самого начала свободны. Если бы вы были свободны, что могло бы связать вас? Независимый никогда не может стать зависимым: зависимый же не был независим и, если считал себя таким, то это была галлюцинация.

Итак, что же вы предпочитаете из двух? Рассуждения приводят нас к следующему: Если вы говорите, что душа по своей природе чиста и свободна, то естественно следует, что никогда не было ничего в этой вселенной, что могло бы ограничить или связать ее. Если же в природе было что-нибудь, что могло связать ее, то необходимо следует, что душа никогда не была свободна, и ваше утверждение о ее свободе было заблуждением. Таким образом, вы приходите к заключению, что душа по самой своей природе свободна. Иначе быть не может. Свобода значит независимость от внешних вещей, т.е., что ничто извне не может действовать на нее, как причина. Душа не имеет причины. Отсюда вытекают все наши великие идеи. Вы не можете установить никакой идеи о бессмертии, если раньше не примите за несомненное, что душа по своей природе свободна, другими словами, что на нее не может воздействовать ничто извне. Остановимся на минуту. Смерть, как действие, производимое на меня чем-то, находящимся вне меня, показывает, что по крайней мере мое тело может подвергаться воздействию внешних вещей. Я выпиваю яд и убиваю себя. Это показывает, что на мое тело может действовать внешняя вещь, называемая ядом. Если это применимо и к душе, то душа связана. Но если верно, что душа свободна, то естественно следует, что ничто внешнее не может и никогда не будет в состоянии на нее действовать; а потому душа никогда не умрет; она беспричинна, или вне закона причинности. Свобода, бессмертие, блаженство, — все основывается на том, что душа не подчинена закону причинности, выше *Майи*. Очень хорошо. Но если наша природа была первоначально совершенно свободна, а потом мы оказались связаны, то это указывает, что в действительности мы никогда не были свободны, и мысль о том, что мы когда-то были свободны — неверна.

С другой стороны, говорят, что мы свободны, и идея о связанности, о рабстве — заблуждение. Что вы выберете из этих двух? Будете считать заблуждением первое или второе? Что касается меня, то второе я не считаю заблуждением. Эта гипотеза более согласуется со всеми моими чувствами и опытами. Я вполне уверен, что я свободен по природе, и ни на секунду не могу допустить, что рабство действительно, а моя идея о свободе — иллюзия.

Это разномыслие, в более грубых или в современных формах, — как случится, — встречается во всех философиях. Одни говорят, что нет никакой души, что идея о ее существовании чистое заблуждение, поддерживаемое постоянным прохождением физических частиц, со всеми их движениями и колебаниями, через то соединение, которое мы называем телом, мозгом и т.п. Вследствие непрерывности таких изменений, они оставляют впечатление свободы. Были Буддийские секты, имевшие обыкновение указывать, что если вы возьмете зажженный факел и станете быстро описывать концом его круги, то будет казаться, что получается огненный круг. Никакого круга, в действительности, не существует, получается только впечатление его, потому что факел каждое мгновение меняет свое место. Подобно этому, — говорят они, — каждый из нас есть масса тонких частиц, быстро вращающихся и производящих в нас иллюзию нашего собственного постоянства и свободы. По мнению таких мыслителей, тело есть существо, а душа, в действительности, не существует. Но, с другой стороны, есть партия, которая находит, что в быстрых изменениях мысли материя является как иллюзия, на самом же деле ее вовсе нет. Эти две партии существуют до настоящего времени и утверждают: одна, — что дух — иллюзия, а другая, что иллюзия — материя. С которой же стороной мы должны

согласиться? — Конечно, примем дух и отвергнем материю. Доказательства в пользу обеих почти одинаковы, только в пользу духа, быть может, несколько сильнее. Никто, ведь, никогда не видел, что такое материя. Мы чувствуем только себя, а материя вне нас. Никогда не существовал человек, который бы стоял вне своей души. Поэтому аргумент несколько сильнее на стороне духа. Кроме того, эта гипотеза объясняет вселенную, тогда как материализм не в состоянии сделать это, а потому мы и не можем смотреть на материалистическую теорию, как на логичную. Если из всех философских теорий оставить только существенное и проанализировать его, то в конце концов мы найдем в них только эти две разные и друг другу противоречащие идеи. Даже в самых новейших системах мы раньше или позже встречаемся лицом к лицу со старой альтернативой: — одна сторона утверждает, что предполагаемая чистота и свобода человеческой природы — иллюзия, а другая — что так называемое рабство не более, как обман. Таким образом, и среди новых школ — вторая, согласно с нами, считает заблуждением мысль, что мы связаны.

Итак, предлагаемое Ведантой решение вопроса состоит в том, что мы не связаны, но уже и теперь свободны. Кроме того, она предостерегает нас, что говорить или думать будто бы мы связаны опасно; что это заблуждение, самогипноз. Как только вы сказали: «я связан», «я слаб», «я беспомощен», — горе вам, вы сковали для себя новую цепь. Никогда не говорите этого, никогда не думайте этого. Мне рассказывали об одном человеке, который жил в лесу, на берегу реки, и день и ночь повторял: «Сивогат» — я Блажен. Однажды на него напал тигр, и люди с другого берега слышали, как он, пока у него был голос, даже в пасти тигра повторял: «Сивогат». Были люди, которые, когда их резали на куски, благо-

словляли своих врагов и говорили: «Я — Он! Я — Он! И ты также! Я свободен, и совершенен, и таковы же все мои враги! Вы — Он, и я тоже!» И таких людей было много. Но и в религии дуалистов есть великие и удивительные вещи. Удивительна их идея о личном Боге, отдельном от природы, Которому мы должны поклоняться и Которого должны любить. Иногда она очень утешительна. Но, — говорит Веданта, — утешение, происходящее не естественно, а от усыпления, похоже иногда на то, что производится морфием. Со временем оно влечет за собой слабость, а теперь больше, чем когда-либо прежде, миру недостает силы. Слабость, — говорит Веданта, — причина всех несчастий в мире, единственная причина всех страданий. Мы несчастны, потому что слабы. Мы воруем, грабим, лжем и совершаем всякие преступления, потому что слабы. Где нет ничего ослабляющего нас, там не будет ни смерти, ни печали. Мы несчастны вследствие заблуждения. Отбросьте заблуждения, и все тревоги исчезнут. Это ясно и просто. После всех философских споров и акробатической умственной гимнастики, мы приходим обратно к единственной религиозной идее, самой простой, какая только есть в мире.

Монистическая Веданта это простейшая форма, в которую вы можете облечь истину. В Индии и во всех других странах люди страшно заблуждались, обращая внимание не на принципы, к которым приходили, а на процесс, приводящий к этим принципам, и это ужасно запутывало вопрос. Великие логические и философские теоремы устрашали их. Они думали, что такие вещи не всеобщие, не могут служить поучением в повседневной практической жизни, и что под видом такой философии может распространиться страшная распущенность в жизни.

Но я решительно не согласен с тем, что учение о монистических идеях может иметь следствием ослабление,

безнравственность и т.п. Я верю, что оно единственное лекарство для мира. Если монизм верен, зачем людям пить воду из канавы, когда перед их дверью поток жизни? Если верно, что все чисты, почему не провозгласить это миру тотчас? Почему не объявить это громогласно во всеуслышание как святых, так и грешников, мужчин, женщин и детей, великих и малых, почему не учить этому всякого рожденного и даже того, кто еще придет в мир, человека на троне или уличного метельщика, богатого и бедного? Я царь царей; нет царя высшего, чем я! Я Бог богов; нет бога высшего, чем я!

Это покажется теперь слишком большим и смелым новшеством. Для многих такое объявление будет звучать ошеломляюще, но боязнь его не более как предрассудок. Питаясь плохой и скудной пищей, мы делаемся неспособными есть хорошие кушанья. Мы с детства слышали советы быть слабыми. Это то же, что наслушаться рассказов о привидениях. Люди постоянно слышат, что не следует верить в привидения, и в то же время мало кто не испытывает жуткого чувства, оставшись в темноте. Таково следствие суеверия. Эта идея Веданты — единственная идея, заслуживающая того, чтобы существовать. Пусть завтра исчезнут все книги. Какое кому дело, пришла ли эта идея раньше всего индусам, евреям или народу, живущему на северном полюсе? Мы знаем только, что идея эта — истина, что истина вечна, и что сама истина учит, что она не может быть собственностью какого-нибудь отдельного существа. Люди, животные и боги — все одинаково должны воспринять эту истину. Поэтому проповедуйте её всем. Зачем делать жизнь несчастной? Зачем оставлять людей во всякого рода суевериях? Я отдал бы десять тысяч жизней за то, чтобы только двадцать душ оставили свои суеверия. Но эта истина не только у вас, но и на родине Веданты, пугает людей. Они

говорят, что голая истина годна только для Санньясинов, или отшельников; те оставляют мир, живут в лесах, и для них все это хорошо. Но для нас, бедных деловых людей, — говорят они, — необходимо чего-нибудь бояться, и мы должны держаться наших старых верований и обрядов.

Дуалистические идеи достаточно долго господствовали в мире, и вот результат. Почему не сделать нового опыта? Может быть, потребуются миллионы лет для того, чтобы все умы приняли эту идею, но отчего не начать теперь? Между прочим, если один из нас в течение своей жизни научит ей двадцать лиц, то уже сделает великое дело.

В Индии очень распространена идея, сильно противодействующая этому. Обыкновенно говорят: «Все это очень хорошо. Я чист, я блажен, но я не могу проводить это постоянно в жизни». Это правда. Идеал всегда очень труден. Какой-нибудь ребенок может видеть, что небо очень высоко над головой, и он не может достать до него; но это еще не причина, чтобы и мы не должны были стремиться к этому. Разве поможет делу, если мы вернемся к старым суевериям? Будет ли для нас полезно, если, не имея возможности достать нектара, мы станем пить яд? Поможет ли нам, если, не будучи в состоянии познать истину, мы станем стремиться к темноте, слабости и суеверию?

Я ничего не имею против дуализма во многих его формах; большая часть в нем мне нравится, но я возражаю против всякого учения, которое укореняет слабость. Каждому мужчине, женщине или ребенку, которые учатся чему-нибудь, я предложил бы вопрос: стали ли вы сильнее от этого? Чувствуете ли вы прибавление силы? Так как я знаю, что только истина дает силу, только она дает жизнь. *Ничто, кроме стремления к истине, не дела-*

ет нас сильными и никто не достигнет истины, пока не стал сильным. Поэтому каждая система, ослабляющая ум, делает человека суеверным, заставляет его цепенеть во тьме и желать всякого рода болезненных невозможностей и таинственностей. Такие теории я осуждаю. Они бесполезны для человеческих существ и опасны. Они никогда не ведут к добру.

Те, кто имел уже опыт в этом отношении, согласятся со мной, что подобные вещи делают человека болезненным и настолько слабым, что со временем для него становится почти невозможным узнать истину и жить сообразно с ней. Сила, поэтому, первая вещь, которой нам не достает. Она великое лекарство от болезни мира. Сила — лекарство, в котором нуждаются бедные, когда их тиранят богатые, лекарство, необходимое невежде, теснимому образованным, лекарство для грешника, насилуемого другими грешниками. И ничто не дает такой силы, как идея Монизма. *Никогда мы не работаем так хорошо, никогда не остаемся так долго в самом лучшем и высоком положении, как когда вся ответственность лежит на нас.* Я предлагаю каждому из вас ответить: как вы поступили бы, если б я положил вам на руки маленького ребенка? Наша жизнь в одно мгновение изменилась бы; каковы бы вы ни были теперь, вы тогда должны были бы стать бескорыстными. Вы отказались бы от всех ваших преступных мыслей, и весь ваш характер изменился бы, как только на вас была возложена ответственность. Таким образом, если бы вся ответственность была взвалена на наши плечи, мы находились бы в самом лучшем положении. Когда нам не у кого искать поддержки, не на кого сваливать вину, когда у нас нет ни дьявола, ни личного Бога, которым можно было бы приписывать зло; когда только мы сами за все ответственны, тогда мы достигаем всего для нас самого лучшего и

высокого. Я ответствен за свою судьбу. Я сам приношу себе добро и сам приношу зло. Я Чистый и Блаженный. Вы должны отбросить все мысли о противном. «Я никогда не умирал и не боялся; для меня нет разницы между кастами и верами; у меня не было ни отца, ни матери, ни рождения, ни смерти, ни друзей, ни врагов; потому что Я — Существование, Знание и Абсолютное Блаженство. Я Блажен! Я Блажен! Я не связан ни добродетелью, ни пороком, ни счастьем, ни несчастьем. Ни книги, ни паломничества, ни Веды и никакие обряды не связывают меня. Я не ем, тело не мое; суеверия, приходящие к моему телу, не мои, и слабость, овладевающая моим телом, не моя, потому что Я — Существование, Знание и Абсолютное Блаженство. Я Блажен! Я Блажен!» Это, — говорит Веданта, — единственная молитва, которую должны иметь массы. Единственный способ достигнуть цели — говорить себе и всем, что мы — Он. И, по мере того, как вы будете повторять это, появится сила. Кто сначала был слаб, сделается сильнее и сильнее; голос этот будет усиливаться, пока не пройдет по нашим жилам и не проникнет все наше тело. Когда солнечный свет становится более ярким, призраки исчезают, постепенно исчезает бремя невежества, и затем настанет время, когда оно исчезнет все, и останется Солнце, одно Солнце. Идея Веданты многим, конечно покажется ужасной, но это, как я уже говорил, следствие суеверия. В вашей стране есть люди, которым, если б я сказал, что такого существа, как дьявол, нет, то они подумали бы, что вся их религия уничтожена. Многие говорили мне: как может существовать религия без дьявола? Как может быть религия без кого-нибудь, кто бы направлял нас? Как можем мы жить, ничем не управляемые? Мы любим, чтобы нами распоряжались, привыкли к этому, и это нам нравится; если же не чувствуем, что нас каждый день осажива-

ют, мы несчастны. Это тоже суеверие. Но какими бы ужасными ни казались высказанные мной мысли, придет время, когда каждый из нас оглянется назад, посмеется над теми суевериями, которые когда-то скрывали чистую и вечную душу, и с радостью, уверенностью и силой будет повторять: Я — Он, был Им, и всегда Им буду!

Практическая Веданта Часть I

Меня просили сказать хотя несколько слов о практическом значении философии Веданты. Я говорил уже, что, как теория, философия эта несомненно хороша; но как применить ее к практике? Всякая теория, если она непрактична, решительно ничего не стоит, за исключением разве того, что может служить гимнастикой для ума. Поэтому и Веданта, чтобы стать религией, должна быть вполне практична и применима во всех областях нашей жизни. Но этого еще недостаточно; Веданта проповедует единство жизни во всем, и — следовательно — раз она становится религией, кажущееся различие между религией и жизнью должно исчезнуть. Религиозные идеалы должны обнимать все поле жизни, проникать каждую нашу мысль и все больше и больше выражаться в нашей деятельности.

Дальше я перейду постепенно к практической стороне Веданты; но настоящая серия лекций предназначена быть основанием учения, и потому нам следует прежде всего рассмотреть теории и проследить, как они выработывались, зарождаясь в лесах и переходя на улицы шумных городов. Заметим, впрочем, что многие из них получили свое начало не в уединенных убежищах лесов, но исходили с тронов, от людей, занятых больше чем кто-нибудь в этой полной суеты жизни, — от царей на тронах.

Светакету был сын Аруни, мудреца и — вероятнее всего — отшельника. Он вырос в лесу, но потом пошел в город Панчалас и там явился ко двору царя Правахана Джайвали. Царь спросил его: «Знаешь ли ты, как люди уходят отсюда, умирая?» — «Нет, господин». — «Знаешь ли, как мертвые возвращаются сюда?» — «Нет, госпо-

дин». — «Знаешь ли, как живут отцы и боги»? — «Нет, господин». Тогда Светакету были предложены другие вопросы, и, так как он не мог на них ответить, то царь сказал ему, что он ничего не знает. Мальчик отправился назад к отцу, передал ему разговор с царем, и отец сказал ему, что и он не знает, как ответить на вопросы царя. После того, они оба отправились к царю и просили его научить их этой премудрости. Царь сказал им, что эта наука, эта философия, была до сих пор известна только царям, даже жрецы ничего не знали о ней. Тем не менее, он стал учить их тому, что сам знал по этому предмету. Таким образом, в разных Упанишадах мы находим одну и ту же мысль, что философия Веданты представляет собою не результат размышлений в лесах, но большею частью была продумана и изложена умами, больше всего занятыми нашими житейскими делами. Мы не знаем людей более занятых, чем абсолютные монархи, неограниченно властвующие над миллионами народа, а вместе с тем, эти правители были и глубокими мыслителями.

Это уже показывает, что философия Веданты должна быть очень практична. Позже, когда мы дойдем до Бхагавад-Гиты, заключающей в себе лучшие комментарии к философии Веданты, с которыми вы, может быть, уже знакомы, мы найдем сцену того, как на поле битвы Кришна учит этой философии Арджуну, и на каждой странице Гиты увидим ясно выраженное требование самой напряженной деятельности, в основании которой лежит безусловное спокойствие. Эта идея называется секретом труда, и осуществление ее составляет цель Веданты. Бездеятельность, понимая ее в смысле пассивности, не может быть целью. Если бы она составляла цель, стены, нас окружающие, оказались бы более разумными, чем мы, так как они бездеятельны. Глыба земли, древесный пень были бы величайшими мудрецами,

потому что они инертны. И бездеятельность не становится деятельностью, хотя бы и сопровождалась страстью. Настоящая деятельность, составляющая цель Веданты, соединена с неизменным спокойствием, тем спокойствием, которое не может быть расстроено, тою уравновешенностью ума, которую ничто происходящее вокруг не в состоянии нарушить. И мы все, из собственного житейского опыта, знаем, что это лучшее состояние для работы. Меня часто спрашивали, как можно работать, если не испытываешь страсти, которая обыкновенно чувствуется при работе. Я так же думал много лет назад; но став старше и более опытным, я нашел, что это неверно. Чем меньше страсти, тем лучше идет работа. Чем мы спокойнее, тем лучше себя чувствуем и тем больше сделаем. Давая свободу нашим чувствам, мы тратим много энергии, расшатываем наши нервы, беспокоим ум и производим очень мало работы. Энергия, которая должна перейти в действие, тратится, как ничего не приносящее чувство. Вся энергия расходуется полезно только тогда, когда ум вполне спокоен и сосредоточен. И, читая биографии величайших деятелей, каких когда-либо создал мир, вы видите, что все они были удивительно спокойные люди; ничто не могло вывести их из равновесия. Если человек сердится, он многого не делает; не склонный же сердиться всегда работает успешнее. Всякий поддающийся гневу, ненависти, или какой-либо другой страсти, не в состоянии трудиться с пользой; он только изводит себя, не достигая никаких результатов. Наибольшее количество работы производит спокойный, уравновешенный ум.

Веданта указывает идеал, а идеал, как мы знаем, всегда далек от всего реального, или, как говорят, практического. В окружающей нас среде мы замечаем два стремления: одно — приспособить идеал к жизни, и дру-

гое — согласовать жизнь с идеалом. Помнить это чрезвычайно важно, так как эти стремления являются для нас серьезными искушениями. Я думаю, что мог совершать только известный род поступков, большая часть которых дурны, будучи результатом страстей, гнева, ненависти или эгоизма. И вот, если кто-нибудь придет ко мне проповедывать идеал, прежде всего требующий, чтоб я отказался от своего эгоизма, от потворства своим страстям, я найду этот идеал непрактичным. Но когда человек явится с идеалом, оправдывающим мой эгоизм, примиряющим меня со всеми моими подлостями, я тотчас обрадуюсь и с жадностью наброшусь на его идеал: он окажется для меня самым подходящим. Слову «практический», подобно слову «правоверный», придается разное значение. «Моя религия — правоверна, ваша — ересь». То же и с практичностью. Только то и практично, что я считаю таким. Если я лавочник, для меня единственное практичное занятие — торговля. Если я вор, я считаю практичным знанием только умение красть; все остальное непрактично. Все мы употребляем слово «практичный» в применении к тому, что мы в данном положении и обстоятельствах можем делать. Поэтому я попрошу вас усвоить, что Веданта, хотя и чрезвычайно практична, но только в смысле идеала. Проповедываемый ею идеал, как он ни высок, не недостижим, и все-таки он достаточно высок для идеала. Результат всего учения Веданты выражается в словах: «Ты — Тот!», т.е., ты — Бог! Все отдельные ее рассуждения и умозаключения приводят нас к понятию о душе, чистой и всеведущей; она нам показывает, что такие суеверные представления, как рождение и смерть, — чистая нелепость, когда мы говорим о душе. Душа никогда не рождается и никогда не умирает, и такие мысли, как «я должен умереть», или «я боюсь умереть», — просто предрассудки.

Предрассудок также мысль: «я не могу это сделать или не сделать». Я могу сделать все. Веданта прежде всего говорит человеку, чтоб он верил в себя. Некоторые религии называют человека, неверующего в личного Бога, атеистом; Веданта же говорит, что атеист тот, кто не верует в себя. Атеизмом Веданта называет *отсутствие веры в величие вашей собственной души*. Для многих это, без сомнения, ужасная идея, и большинство из нас думает, что такой идеал никогда не может быть достигнут; но Веданта утверждает, что он достижим для каждого из нас. Ни различие расы, пола, или возраста, ни что-либо другое не составляет препятствия к осуществлению этого идеала, так как эта философия показывает, что он уже осуществлен.

Все силы во вселенной уже принадлежат нам. И мы сами закрываем себе руками глаза и кричим, что темно. Знайте, что вокруг нас нет тьмы. Уберите руки от глаз, и вы увидите, что свет всегда окружал вас, а тьма и слабость никогда не существовали. Мы безумцы, когда кричим, что мы слабы; безумцы, когда кричим, что мы порочны. Веданта настаивает, что не только этот идеал осуществим, но что он всегда был таким, и что, представляясь идеалом, он на самом деле — действительность, наша собственная природа. Все прочее, что вы видите, не настоящее, фальшивое. Говоря: «я ничтожное смертное существо», вы говорите неправду, обманываете, гипнотизируете себя, заставляя думать, что вы нечто гадкое, слабое, жалкое.

Веданта не признает никакого греха, никакого заблуждения и утверждает, что величайшее заблуждение является только тогда, когда вы говорите, что вы слабы, что вы грешное, несчастное создание, или что у вас нет силы, и вы не можете сделать то или это. Всякий раз, когда вы думаете так, вы, так сказать, приклепываете лиш-

нее звено к цепи, которая удерживает вас внизу, накладываете на вашу душу новый слой гипноза. Поэтому неправ тот, кто думает, что он слаб или порочен; он вносит в мир дурную мысль. Мы не должны забывать, что Веданта вовсе не старается примирить с настоящей жизнью, жизнью гипноза, ложною жизнью, которую мы считаем идеалом; эта фальшивая жизнь должна исчезнуть, а вместо нее должна проявиться и засиять реальность, всегда находящаяся позади нее. Ни один человек не становится чище; он только кажется более или менее чистым, в зависимости от большего или меньшего проявления его совершенной чистоты. Зло спадает, и природная чистота души начинает проявляться. У нас уже есть бесконечная чистота, равно как свобода, любовь и могущество.

Веданта говорит также, что это может быть осуществлено не только в делях лесов или в глубинах пещер. Мы только что видели, что первые, открывшие нам эти истины, не жили ни в лесах, ни в пещерах и даже не вели обыкновенный образ жизни. Наоборот, есть полное основание думать, что это были самые занятые люди, командовавшие армиями, занимавшие троны и заботившиеся о благосостоянии своих подданных, и это во дни абсолютных монархий, а не теперь, когда короли, в большинстве случаев, уравнены в своем влиянии на ход событий с теми эффектными, но лишенными всякого значения фигурами, которые помещались раньше на носовой части кораблей... И при всем том они находили время обдумывать эти идеи, осуществлять их и проповедывать человечеству. Насколько же осуществимее они для нас, чья жизнь, сравнительно с их жизнью, постоянный досуг! Для нас позор, что мы не можем их осуществить, имея все время сравнительно свободным и очень мало дела. Мои нужды — ничто, по сравнению с нужда-

ми каждого из тех древних абсолютных монархов. Можно ли сравнивать требования от меня с тем, что требовалось от Арджуны на поле сражения при Курукшетре, когда он командовал огромной армией и все-таки находил время, среди шума битвы, беседовать о самых высших философских вопросах и проводить их в жизнь. Мы, в нашей, сравнительно свободной и значительно более легкой и удобной, жизни, не имеем права делать меньше. Большинство из нас имели бы больше, чем мы думаем, возможности делать добро, если бы только захотели употребить на это наше время. При желании и том количестве свободного времени, которым располагаем, мы в течение этой жизни достигли бы двухсот идеалов. Но мы не должны принижать идеал до действительности. Это один из самых опасных, незаметно вкрадывающихся, соблазнов. Он является к нам *в образе лиц, оправдывающих нас и подсказывающих нам специальные извинения* для каждого нашего безумного желания, пока мы не станем думать, что мы сами представляем собою единственный идеал, какой только может быть у нас. Но это не так. Веданта учит не этому. Действительность, наоборот, должна принаравливаться к идеалу, настоящая жизнь — к жизни вечной.

Следует всегда помнить, что главная идея Веданты — Единство. Ни в чем нет двух: нет двух жизней, ни даже двух родов жизни для двух разных миров. В некоторых Ведах говорится о небесах, но это только в начале; а дальше, когда доходит дело до самых высших идеалов их философии, все такие вещи отбрасываются. Есть только Одна Жизнь, Один Мир и Одно Существование. Все представляет собою Единство, и различие бывает только в степени, а не в роде. Отличие одной жизни от другой — не различие в роде. Веданта решительно отвергает идеи, вроде той, что животные представляют со-

бою нечто совсем особое от людей, и что они сотворены Богом, чтобы служить для нас пищею.

Некоторые люди были настолько добросердечны, что основали общество противников вивисекции, и, когда я однажды спросил члена этого общества: «Как это, мой друг, вы считаете законным убивать животных для еды и недозволенным убить одно или два из них для научных исследований?» Он отвечал мне: «О, животные даны нам в пищу, вивисекция же — это нечто ужасное». Но единство включает и всех животных. Если бессмертен человек, то бессмертны и животные. Различие здесь только в степени, а не в роде. Амеба то же самое, что и я; разница между нами в степени, а не в роде, и — с точки зрения высшей жизни — все это различие исчезает. Человек может видеть огромную разницу между стеблем травы и маленьким деревом, но, если вы подниметесь очень высоко, то трава и самое большое дерево покажутся вам одним и тем же. С самой высшей точки зрения, таким же образом, все идеалы одинаковы, и, если вы верите, что есть Бог, то самое низшее животное и высочайшее Его творение должны быть одинаковы, иначе Он вовсе не Бог. Бог, пристрастный к Своим детям, которые называются людьми, и такой жестокий к детям же, называемыми животными, был бы хуже демона. Я скорее согласился бы сто раз умереть, чем поклоняться такому богу. Вся моя жизнь была бы войною против такого бога. Но это не так. Те, кто говорит это, не знают, что говорят. Это бессердечные люди, не ответственные вследствие своего невежества. Здесь вы видите употребление слова «практический» в ложном смысле. Мы нуждаемся в еде. Я сам могу не быть строгим вегетарианцем, но мне понятен идеал. Когда я ем мясо, я знаю, что это дурно. Если меня к этому даже принуждают обстоятельства, я все-таки сознаю, что это дурно. Но это

не то, что принижать идеал к действительности и стараться оправдывать свою слабость. Я при этом не тяну идеала вниз. Идеал заключается в том, чтобы не есть мяса, не причинять страданий никакому существу. Животные, будь то кошка или собака, мои братья. Если вы так смотрите на них, вы сделали шаг вперед к братству всех душ, не говоря уже о братстве людей. Но это рассуждение назовут ребячеством, и оно многим придется не по вкусу, потому что проповедует отказаться от действительности и подняться выше, к идеалу. Если же вы предложите теорию, примиряющую ваше теперешнее поведение с идеалом, вам скажут, что она очень практична. В человеческой природе есть ужасная склонность к консерватизму: мы не любим делать ни одного шага вперед. Человечество представляется мне собранием людей, замерзающих в снегу, о которых я когда-то читал. Говорят, что они чувствуют сильный позыв ко сну и, когда их стараются насильно разбудить, говорят: «Дайте мне спать. Так прекрасно спать в снегу!» — и во сне умирают. То же происходит и со всеми нами. Мы в течение всей жизни постоянно замерзаем, начиная с ног, и нам все хочется спать. Но мы должны проснуться и стремиться к идеалу, а если кто-нибудь сводит идеал до нашего уровня, если кто-нибудь учит вас, что религия не высший идеал, не слушайте его. Их религия, по-моему, непрактичная религия. Если же человек говорит, что религия требует осуществления самых высших идеалов в жизни, я с ним согласен. Такой религии надо следовать, беречь ее. Остерегайтесь тех, кто старается оправдывать тщеславие и чувственные слабости; если вы последуете их учению, вы никогда не подвинетесь вперед. Я много видел таких примеров и довольно опытен в этом отношении, так как на моей родине секты растут, как грибы. Каждый год появляются новые секты. Но я заметил,

что из них только те распространяются, которые никогда не стараются примирить человека *плоти с человеком истины*. Везде, где возникает ложная идея примирения плотской суеты с высшими идеалами, низведения Бога до уровня человека, везде является *болезнь*. Человека следует не унижать до состояния, в котором он находится, но поднимать до Бога.

При этом мы не должны смотреть с презрением или свысока на других. Все мы идем к цели, и разница между слабым и сильным, между светом и тьмою, между добродетелью и пороком, небом и адом, жизнью и смертью, между всем, противоположным в этом мире — только в степени, а не в роде, так как все — Одно, будь то мысль, жизнь, душа или тело, и разница только в степени. А раз это так, мы не имеем права смотреть свысока на тех, кто не достиг той же степени, как мы. Не осуждайте никого; если можете протянуть кому-нибудь руку помощи, протяните ее; если не можете, сложите ваши руки, благословите его и предоставьте ему следовать своею дорогой. Осуждение и порицание дурной спутник работы. При них работа никогда не может быть выполнена. Порицая других, мы растрчиваем собственную энергию; и со временем узнаем, что все мы имеем в виду одно и то же, все более или менее приближаемся к одному и тому же идеалу, и что наибольшее между нами различие только в словах. Возьмите даже только что высказанное мною понятие Веданты о грехе, и другое: что человек — грешник. Практически они одинаковы, только одно из них ошибочно в направлении. Распространенное суеверие рассматривает отрицательную сторону, а Веданта — положительную. Одно показывает человеку его слабости, другая говорит, что слабости возможны, но что, несмотря на них, нам предназначено расти. Как только человек родился, в нем уже замечается болезнь. Каждый знает ее

сам и не нуждается, чтобы о ней говорили ему другие. Мы можем забыть о чем-нибудь для нас постороннем, можем стараться обмануть других, но в глубине нашего сердца все сознаем наши недостатки. Напоминание о наших слабостях, — говорит Веданта, — не поможет; нам нужно лечение. Лечение же от слабости состоит не в том, чтобы заставлять человека постоянно думать, что он слаб, а в том, чтобы он думал о своей силе. Говорите ему о силе, которая уже есть в нем. Вместо того, чтобы говорить людям, что они грешники, Веданта учит, наоборот: «Вы чисты и совершенны, и все, что вы называете грехом, не ваше». Это только очень слабая степень вашего проявления; проявляйтесь в возможно сильнейшей степени. Это единственная вещь, которую надо помнить, и каждый из вас может это делать. Никогда не говорите: «у меня нет», никогда не говорите «я не могу». Этого не может быть, так как вы бесконечны. Даже время и пространство — ничто, сравнительно с вашей природой. Вы можете делать все, вы всемогущи.

Это, конечно, только принципы этики, и мы должны войти в более детальное их рассмотрение. Нам надо рассмотреть, как применить Веданту к нашей повседневной жизни каждого народа, так как, если религия не может помочь человеку во всех положениях и обстоятельствах, от нее мало пользы, — она будет только теорией для немногих избранных. Чтобы помогать человеку, религия должна быть способна помогать всегда и везде, на службе и в совершенно свободной жизни, при самом глубоком падении и при самой высшей чистоте, и только когда принцип Веданты, идеал религии, или как бы вы его ни называли, будет осуществлен. Этот *идеал веры в себя представляет собою самую великую помощь, какая может быть оказана человечеству*. Я убежден, что, если бы вере в себя более настойчиво учили и она

более широко применялась, огромная часть наших бедствий и страданий исчезла бы. Вся история человечества показывает, что, если в жизни великих людей с самого их рождения преобладала какая-либо побудительная сила, то эта сила была верою в себя. Они уже родились с сознанием, что должны быть великими, и стали великими. Пусть человек падает как угодно низко, но наступит время, когда, после настоящего отчаяния, кривая его падения примет направление вверх, и он научится верить в себя. Лучше, однако, если мы знаем это с самого начала. Зачем нам подвергаться всем этим горьким испытаниям для получения веры в себя? Мы видим, что все различие между людьми заключается в существовании или несуществовании у них доверия к себе. Вера в себя делает все. Я испытал это на себе и, по мере того, как становился старше, эта вера во мне делалась все крепче и крепче. Кто не верит в себя — атеист. Старые религии говорили, что атеист тот, кто не верит в Бога; новая религия говорит, что атеист тот, кто не верит в себя. Но это не эгоистичная вера, потому что Веданта есть учение о Единстве. Она предполагает веру не только в себя, но и во всех людей, животных и во все, потому что вы и все прочее — одно. Любовь к себе, значит, любовь ко всем и всему. Я уверен, что эта великая вера сделает мир лучшим. Лучший человек тот, кто осмеливается говорить: «Я знаю о себе все». Знаете ли вы, сколько способностей, сил и энергии таится позади вашей формы? Что знают ученые о том, что есть в человеке? Прошли миллионы лет с тех пор, как появился на земле человек, и до сих пор проявилась только бесконечно малая часть его способностей. Поэтому, как смеете вы говорить, что вы слабы? Откуда вы знаете, что находится за этой испорченной поверхностью? Что вы знаете о том, что внутри вас? Позади вас — целый океан бесконечного блаженства и могущества.

«Атман — то, к чему надо прежде всего прислушиваться и о чем надо слушать». Слушайте день и ночь, что вы — Душа. Повторяйте это себе день и ночь, пока эта мысль не войдет в вашу кровь, пока не будет звучать при каждом биении вашего сердца, пока не проникнет в ваши мускулы и кости. Пусть все ваше тело наполнит эта одна мысль: *«я нерожденная, бессмертная, блаженная, всеведущая, вечнопрекрасная Душа»*. *Думайте об этом день и ночь; думайте, пока эта мысль не станет частью вашей жизни. Размышляйте о ней, и она обратится в дело. От полноты сердца уста говорят, и от полноты же сердца руки делают, — мысль переходит в дело. Проникнитесь этою идеею и, что бы ни делали, думайте о ней.* Все ваши действия преобразуются, обожествляются, усилятся и станут выше одной силою мысли. Если материя могущественна, мысль всемогуща. Усвойте эту мысль и проникнитесь сознанием своего могущества, величия и славы. Дай Бог, чтобы противоположное суеверие никогда не запало вам в голову. Дай Бог, чтоб при самом рождении мы не были окружены суеверными влияниями, этими парализующими идеями о нашей слабости и порочности. Дай Бог, чтобы человечество шло более легкою дорогой к достижению самой благородной и высокой истины. Но человек должен пройти через все это; не делайте же эту дорогу еще более трудной для тех, кто пойдет после вас.

Эти учения иногда кажутся ужасными. Есть люди, которых они пугают; но для тех, кто хочет быть практичным, они представляют то, что надо прежде всего осуществить. Не говорите ни себе, ни другим, что вы слабы. Если можете, делайте добро, но ни в каком случае не приносите миру вреда. Вы сознаете в глубине сердца, что многие из ваших ограниченных идей, идей о смирении и слезных мольбах перед воображаемыми существ-

вами — суеверие. Укажите мне хоть один случай, когда на такие мольбы получен ответ. Все ответы, которые вы когда-либо получали, исходили из вашего собственного сердца. Все вы знаете, что никаких привидений нет, но как только вы остаетесь в темноте, вы испытываете легкое ощущение жуткости. Это потому, что в детстве все эти идеи о страхе вложены нам в голову. Но теперь правилом вашего поведения должно быть никогда не вселять в других подобных идей какого-бы то ни было рода, ни боязни общества или общественного мнения, ни ненависти друзей, ни утраты предрассудков. Будьте выше всего подобного.

Что же еще есть в религии, чему нужно научиться? — *Единство вселенной и вера в себя, вот все, что нужно знать.* Все, что делало человечество в течение миллионов лет, было направлено к одной цели, — познать Единство, и люди до сих пор работают над этим. Теперь эта цель достигнута; Единство признано всеми; нас учат ему со всех сторон. Не только философия, но и материалистические науки ежедневно заявляют о нем. Где вы найдете в наши дни ученого, который бы осмелился не признать этой истины — Единства вселенной? Кто посмеет толковать о многих мирах и т.п.? Все это были суеверия. Есть только одна жизнь и один мир, и эта одна жизнь и один мир кажутся нам многими, совершенно так, как, когда вы спите, один сон проходит и приходит другой. Вы не живете в ваших снах, но перед вами проходит один сон за другим, разворачиваются одна за другой сцены. То же происходит и в нашем мире, этом мире, в котором девяносто процентов страданий и десять процентов счастья. Может быть, через некоторое время он покажется нам состоящим на девяносто процентов из счастья, и мы назовем его небом; но для мудреца настанет другое время, когда все исчезнет, и весь мир, и его соб-

ственная душа представится самим Богом. Поэтому нет многих миров и многих жизней. Вся эта множественность есть только проявление Одного. Этот Один проявляется как многое, в материи, духе, уме, мысли и во всем; и наша первая практическая задача состоит в том, чтобы самим усвоить это и научить ему других. Пусть мир откликнется на этот идеал, и пусть исчезнут суеверия. Говорите о нем слабым, повторяйте им: Ты чист, Встань! Проснись! То, что тебе снится, не ты. Оно совсем на тебя не похоже. О, могущественный, встань и иди вперед. Ужели ты считаешь себя слабым? Проснись! Поднимись, всемогущий, и прояви свою натуру! Не годится считать себя грешником, слабым. Говорите это миру, говорите себе, и посмотрите, какой будет результат, как все проявится с быстротою электрической вспышки, как все изменится. Говорите это человечеству и покажите ему его силу, и тогда вы научитесь применять ее в вашей повседневной жизни.

Дальше мы придем к тому, что мы называем *Вивека*. Мы научимся в каждый момент нашей жизни, в каждом нашем действии, различать правильное от неправильного, истинное от ложного, и узнаем, что *отличительный признак истины — чистота, Единство*. Все, что ведет к Единству — истина. Любовь — истина, а ненависть — ложь, потому что ненависть создает рознь. Она разделяет вас от меня, и поэтому она ложь. Ненависть — сила раздробляющая, — она разделяет и разрушает.

Любовь связывает, создает Единство. Мать и дети, семья и город становятся одним. Все человечество становится одним с животными, потому что любовь есть существование, любовь — Сам Бог, а все существующее — проявление любви, более или менее, выраженной. Различие только в степени; всякая любовь — проявление одной Всеобщей Любви. О всяком поступке мы

должны судить по тому, влечет ли он за собою различие или Единство. Если он ведет к различию, мы должны отказаться от него, если к Единству, — это хороший поступок. То же и с мыслями. Мы должны выяснить, ведут ли они к разделению на многое, или к единству, к слиянию душ и подчинению общему влиянию. В последнем случае, мы принимаем их, в первом — отбрасываем, как преступные.

Вся идея этой этики не основана на чем-нибудь недоступном познанию и не учит ничему неизвестному, но только тому, что у Св. Павла выражено словами: «Я проповедую вам о Том, Кому вы поклонялись, как неведомому Богу». Вы можете знать что-нибудь только через *я*. Я знаю о существовании этого стула; но прежде должен знать о своем *я*, и уже потом о стуле. Стул известен только в *я* и через *я*. Я знаю о вас только в себе и через себя, знаю о всем мире только в себе и через себя; а потому говорить, что это *я* неизвестно, чистая бессмыслица. Устраните *я*, и вся вселенная исчезнет. Все знание получается в *я* и через *я*. Поэтому *я* известно больше, чем что-либо другое. Вы сами — то, что называете моим *я*. Вас, пожалуй, удивляет, как это ограниченное *я* может быть безгранично бесконечностью; но это так. Ограниченное *я* только фикция. *Я* было скрыто, но и маленькая часть его проявилась, как *я*, но это последнее только часть бесконечного *Я*. Ограниченное *я* не оказывает никакого действия на неограниченное; ограниченное — это фикция. Поэтому *я* известно каждому из нас, мужчинам, женщинам, детям и даже животным. Без знания этого Властелина, мы не могли бы ни двигаться, ни дышать, ни жить хотя бы секунду, так как Он должен быть налицо, чтобы заставляя нас двигаться, думать и жить. Известный больше, чем что-либо другое, Бог Веданты вовсе не продукт воображения.

Если это не проповедь познанного опытом Бога, то какое другое учение о Нем вы могли бы предложить? Бог вездесущ, присутствует во всех существах и более реален, чем наши чувства. Где более настоящий Бог, чем Тот, Которого я вижу перед собою? Вы — Он, Вездесущий, Всемогущий Бог, Душа вашей души. И если я скажу, что вы не Он, я скажу неправду. Я знаю это, всегда ли это очевидно для меня или нет. Он — Единство, объединение всего, сущность всей жизни и всего существования. Эти идеи этики Веданты следует рассмотреть в подробностях, и потому вы должны иметь немного терпения. Детальное и основательное исследование этого предмета нам необходимо, как я уже говорил вам, для того, чтобы видеть, как идеалы росли с самого их зарождения, как из существовавших идей возник один Великий Идеал Единства, и как он принял форму Всеобщей Любви. Этот идеал мы должны исследовать со всех сторон, чтобы избежать опасных ошибок. Мир не может не спешить подниматься вверх от самых низших ступеней. *Какая польза от того, что мы занимаем высшее положение, если мы не в состоянии передать открытых нами истин другим, идущим за нами.* Поэтому лучше изучить предмет во всех его применениях, и прежде всего безусловно необходимо составить ясное понятие о его интеллектуальной стороне, хотя мы и знаем, что *интеллектуальность почти ничто, а наибольшую важность имеет сердце. Бог видим сердцем, а не интеллектом.* Интеллект только метельщик, очищающий для нас путь; он подручный рабочий, сторож, полицейский. Но полицейский не представляет собою положительную необходимость для образования общества. Его назначение в нем — прекращать беспорядки, препятствовать нарушению справедливости. Работа, требуемая от интеллекта, та же самая. Когда человек читает умную книгу, он, одо-

лев ее, думает: «Слава Богу, мне не надо читать ее больше!» — потому что *интеллект слеп и не заключает в себе движения*. У него нет ни рук, ни ног. Деятель — чувство, движущееся со скоростью большею, чем электричество. Весь вопрос в том, чувствуете ли вы. Если да, чувством вы узрите Бога. Чувство, которое есть у вас в настоящее время, вы должны усиливать, обожествлять, развивать до самой высокой степени, пока не начнете чувствовать всего, единства во всем, Бога в себе и в других. Интеллект не может сделать этого. «Различные методы выражения, разные способы объяснения текстов книг служат для удовольствия ученых, но не для спасения души».

Те из вас, кто читал Фому Кемпийского, видели, что он на каждой странице повторяет это, — и почти каждый великий человек утверждал то же. Разум необходим, потому что без него мы впадаем в грубые заблуждения и делаем всякого рода ошибки. *Он удерживает от них; но не пытайтесь строить на нем что-нибудь. Он недейтельное второстепенное средство; действительное средство — чувство, любовь*. Чувствуете ли вы за других? Если чувствуете, вы делаете успехи в объединении. Если нет, вы можете быть величайшим умственным гигантом, какой когда-либо родился, но из вас не выйдет ничего: вы сухой разум, и им же останетесь. Если же вы чувствуете, то, даже не умея читать, и не зная ни одного языка, вы на правильном пути, вы обрели Бога.

Вам известно влияние пророков на историю человечества. Чем оно произведено? Умом ли их? Написали они хоть одну изящную книгу по философии или сложное рассуждение по логике? — Ни один ничего подобного не делал. Они и сказали-то всего горсть слов. Чувствуйте, как Христос, — и вы будете Христом; чувствуйте, как Будда, — и вы будете Буддой. Чувство — это жизнь, си-

ла, без которых никакими умственными усилиями нельзя постичь Бога. Разум похож на члены тела, которые могут двигаться и касаться других только тогда, когда в них войдет чувство и сообщит им движение. Этот путь (к познанию Бога) был всегда и во всем мире, и вы должны помнить его. Веданта учит, что все вы пророки и должны быть пророками. Это самая практическая ее мораль. Книга не ценитель вашего поведения, — *вы* оцениваете книгу. Почему вы знаете, что книга проповедует истину? — Потому, что вы осуществляете эту истину и чувствуете ее. Это то, чему учит Веданта. Какое доказательство истины Учения Христа и Будды? — То, что я и вы чувствуете так же, как Они. Вот почему мы знаем, что они были правы. Наша собственная пророк-душа свидетельствует об их пророке-душе. Наше собственное божественное естество свидетельствует о Самом Боге. Если вы не пророк, то никогда не было ничего верного о Боге. Если вы не Бог, то никогда не было и не будет никакого Бога. Это идеал, — говорит Веданта, — которому надо следовать. Каждый из нас должен быть пророком, и вы уже пророки. Только знайте это. Никогда не думайте, что может быть что-нибудь невозможное для души. Говорить так — величайшая ересь. Если грех есть, то только один, — именно, говорить, что я, или другие, слабы.

Практическая Веданта

Часть II

Позвольте прочесть вам очень древний рассказ из Чхандогья Упанишада о том, как один мальчик приобрел знание. Рассказ этот очень необработан по форме, но он поясняет один великий принцип. Маленький мальчик сказал своей матери: «Я хочу изучать Веды; скажи мне имя моего отца». Мать была незамужняя, а в Индии на детей

таких женщин смотрят, как на негодную ничтожность, неспособную чему-нибудь научиться вообще, а тем более изучать Веды. Мать ответила: «Дитя мое, я не знаю твоей фамилии. Я была служанкой, служила в разных местах и не знаю, кто был твой отец. Мое же имя Джабала». Ребенок пошел к ученым и просил принять его учеником. Они спросили его: «скажи, дитя, какой ты касты и как зовут твоего отца?» Мальчик ответил: «я спрашивал об этом мать, и она сказала мне вот что». При этом он передал то, что слышал от матери. Большинство ученых были смущены ответом и не знали, что сказать; но один подозвал мальчика и сказал ему: «Ты сказал правду, не уклонился от пути чести, и так как таких называют браминами, то ты брамин, и я буду учить тебя». Он принял мальчика, обучил его и, так как тот сказал правду, дал ему новое имя — Сатьякама — жаждущий истины.

Затем в этом рассказе приводятся способы древнего обучения. Этот учитель дал Сатьякаме под присмотр несколько сот коров и послал его с ними в лес, сказав, чтоб он вернулся, когда стадо увеличится до тысячи голов. Тот пошел и жил в лесу. Спустя несколько лет, Сатьякама однажды услышал голос одного большого быка из стада, говорящего ему: «Нас теперь тысяча, гони нас назад к твоему учителю, а пока я тебе сообщу кое-что о Брахмане». — «Говори», — сказал Сатьякама. Тогда бык сказал: «Север есть часть Господа, также как восток, запад и юг. Четыре главные точки — четыре части Брахмана. Большему тебя научит огонь». В то время огонь был великим символом, и каждый учащийся должен был добывать огонь и совершать ему приношения. Поэтому бык и сказал: «огонь научит тебя чему-то». Сатьякама вернулся и, сделав возлияния и помолившись огню, сел около него. Тогда из огня раздался голос: «Сатьякама!» — «Говори, господин», — сказал Сатьякама. — Вы, ве-

роятно, помните подобную же историю в Ветхом Завете, как молодой Самуил слышал таинственный голос. — «Я пришел, о Сатьякама, поучить тебя немного о Брахмане. Эта земля — часть Брахмана, небо и небеса — части Его. Океан — часть Брахмана». Затем огонь сказал, что некая птица научит его остальному. Сатьякама пошел домой, там к нему прилетел лебедь и сказал: «Позволь мне поучить тебя кое-чему о Брахмане. Огонь, которому ты поклоняешься, — часть Брахмана. Солнце, луна, молния — части Брахмана. Птица Мадгу скажет тебе больше». Прилетела эта птица, и Сатьякама опять услышал голос. «Позволь мне сказать тебе нечто о Брахмане. Жизнь — часть Брахмана, зрение, слух и ум — Его части». Тогда мальчик вернулся к своему учителю, и тот увидел его издали и сказал: «Дитя мое, твое лицо сияет, как у познавшего Брахмана». Мальчик просил учить его дальше, и учитель ответил: «Ты уже знаешь часть истины».

Читая дальше, мы видим, что здесь в форме аллегории проводится мысль, что все, чему учили бык, огонь и другие, находится в нашем собственном уме. Ученик, наконец, открывает, что все, что он слышал, верно, но что он ошибочно считал, будто голоса исходили от внешнего мира; на самом же деле, они все время раздавались изнутри его самого, из его сердца. Вторая идея заключается в том, что понятие о Брахмане, как Единстве, должно быть доступно среднему пониманию. Древняя Индийская мысль постоянно стремилась к такому объяснению религии. Читая эти истории, мы видим, что Брахман с каждым днем становится все более и более понятным. Идея о Нем выясняется всем, с чем люди уже знакомы: огнем, которому они поклоняются, землею и т.д.

Дальше рассказывается об ученике этого Сатьякамы, жившего некоторое время и учившегося у него. Один раз

Сатьякама ушел куда-то ненадолго, и ученик очень опечалился. Когда жена учителя пришла к нему и спросила, почему он не ест, он отвечал: «Я слишком несчастлив, чтобы есть». Тогда из огня, которому он поклонялся, послышался голос: «эта жизнь — Брахман; Брахман — эфир и Брахман — пространство. Познай Брахмана!» «Я знал», — отвечал ученик, — «что жизнь — Брахман, но что Он — эфир и пространство, этого я не знал». Под эфиром здесь разумеется бесконечное пространство. Тогда огонь стал учить его обязанностям главы дома. «Тот, Кто обитает в земле, в птице, в солнце, которому ты поклоняешься, Он — в каждом из нас. Кто знает это и поклоняется Ему, как таковому, имеет долгую жизнь, все его грехи исчезают, и он становится счастливым. Также и тот, кто живет в четырех частях света и говорит: «Я — Он» и «Я — Тот», и кто живет в эфире, в небесах и в молнии и говорит: «Я — Он». Здесь опять мы видим ту же идею практической религии. Знакомый голос берет то, чему человек поклоняется, как огонь, солнце, луна и т.п., объясняет его и придает ему высшее значение. Это практическая сторона Веданты. Веданта не разрешает мира, но объясняет его. Она не отрицает личности, или индивидуальности, но объясняет их, указывая действительную личность, действительную индивидуальность. Она не заявляет, что мир не существует, или не нужен, но говорит: «Поймите этот мир так, чтобы он не причинял вам вреда». Голос, который слышал Сатьякама, не говорил ему, что огонь, которому он поклонялся, солнце, луна, молния или что-либо прочее, не то, чем ему кажутся, но показал, что дух, обитающий во всем этом, тот самый, который живет в нем. Таким образом, все в глазах Сатьякамы становится как бы преобразенным. Огонь, который раньше был для него простым материалом, на который он должен был совершать возлияния, принял со-

вершено иной вид и стал действительно самим Господом. Преобразились земля, жизнь, солнце, луна, звезды, молния, и все стало обожествленным. Их истинная природа стала теперь в первый раз известна. Задача Веданты — видеть во всем Бога; не только то, что нам кажется, но их истинную сущность. Затем мы встречаем очень интересное поучение. «Тот, кто сияет в глазах — Брахман. Он прекрасен. Он блестящ. Он светится во всех этих мирах». Комментатор говорит, что здесь под светом в глазах подразумевается тот свет, который бывает у чистого человека. Когда человек становится чистым, такой свет сияет в его глазах, и этот свет принадлежит душе, которая везде. Это тот же свет, который сияет в планетах, звездах и солнце.

Я хочу прочесть вам еще о некоторых странных учениях этих древних Упанишадов, рассматривающих рождение, смерть и т.п. Думаю, что они будут для вас интересны.

Светакету пришел к царю Панчаласа, и царь спросил его: «Знаешь ли ты, куда идут люди, когда умирают? Знаешь ли, возвращаются они когда-нибудь, или нет? Знаешь ли, почему земля никогда не становится пустою?» Мальчик отвечал, что не знает, пошел к своему отцу и предложил ему те же вопросы. Отец сказал: «Я не знаю». И они оба вернулись к царю за объяснениями. Царь сказал, что этим знанием никогда не обладали жрецы, оно всегда принадлежало только царям, и потому-то цари и правят миром. Отец Светакету, Гаутама, остался служить царю, и спустя некоторое время царь сказал, что будет учить его. «Видимый огонь, которому ты поклоняешься, Гаутама, представляет собою очень низший род энергии Огня. Земля — другой, уже великий его символ. Воздух — его дрова. Ночь — дым, страны света — пламя. Нижняя часть его населена тьмою. На

этот огонь боги совершают свои возлияния, в виде дождя, который производит пищу». Он продолжал дальше, показывая, как бесполезно делать возлияния маленькому огню. «Весь мир — наш жертвенный огонь, и мировое возлияние, мировая молитва постоянно совершаются. Боги и ангелы, и все и везде совершают молитву. Человек, его тело, о Гаутама, — величайшие символы огня». Здесь опять видим идею, становящуюся на практическую почву, — Брахман низводится к действительности. Через все эти символические рассказы проходит одна мысль, что придуманный символизм может быть хорош и полезен, но что уже существуют символы, лучше которых нельзя придумать. Если вы хотите придумать образ для поклонения в нем Богу, знайте, что уже существует гораздо лучший образ — живой человек. Если хотите построить храм для проявления в нем Бога, это очень хорошо, но уже существует гораздо лучший храм, далеко высшее Святая-Святых — человеческое тело.

Мы должны помнить, что Веды состоят из двух частей, обрядовой и сообщающей знание. С течением времени, обряды настолько умножились и усложнились, что стало практически невозможно разобраться в них; поэтому в Упанишадах они почти совсем отвергаются; но делается это осторожно и с объяснением. В древнее время совершались возлияния и приносились жертвы; но явились философы, и вместо того, чтобы отнестись отрицательно к этим символам, вырвать их из рук духовенства, как, к сожалению, обыкновенно поступают новейшие реформаторы, они дали взамен их нечто другое. Существует, например, символ огня. Прекрасно! Но мой символ — земля. Какой огромный и величественный символ! Вот маленький храм. Да, но мой храм — вся вселенная; где бы я ни молился, всякое место свято. Или — вот особые изображения, которые вы приготовили,

чтобы создать на земле алтари; но для меня самый величественный из алтарей — живое чувствующее человеческое тело, и поклонение ему гораздо возвышеннее, чем какому бы то ни было бездушному символу.

Есть еще странное учение. Я сам не вполне его понимаю; но, на случай, что вы, может быть, извлечете что-нибудь из него, я вам сообщу о нем. «Когда человек, размышлявший, очистивший себя и достигший (высшего) знания, умирает, он сначала идет к месяцам, от месяцев к годам, от годов к солнцу, от солнца к луне, от луны к молнии и, придя к сфере молний, встречает кого-то, — не человека, — помогающего ему встретиться с Брахманом, с Богом. Это путь богов. Ученые и мудрые люди, умирая, идут этим путем». Что здесь разумеется под месяцами, годами и проч., в настоящее время никто наверно не знает. Каждый думает об этом по-своему, а многие говорят, что это просто бессмыслица.

Что такое идти в мире луны и солнца, кто такой проводник, помогающий душе после того, как она достигла сферы света? Среди индусов распространена идея, что луна — страна жизни и что жизнь явилась на земле в виде дождя с луны. Те, кто не достиг (высшего) знания, но делал в этой жизни добрые дела, когда умирают, то прежде всего идут через дым, потом к ночи, затем к темным пятнадцати дням, затем к месяцу и затем к году. Оттуда они идут к эфиру, оттуда в область луны и здесь становятся пищею богов, и рождаются опять богами. В этом состоянии они живут в течение времени, соответствующего количеству совершенных ими добрых дел. Когда же действие их добрых дел оканчивается, они идут назад. Сначала становятся эфиром, потом воздухом, затем дымом, затем облаком и т.д. Наконец, в виде дождевых капель падают на землю, обращаются в пищу, съедаются людьми и становятся их детьми. Те, чьи дела были очень хо-

роши, рождаются в хороших семьях, а чьи дела были дурны, — в очень плохих, и даже вселяются в такие низкие тела, как тело свиньи. Это ничтожные животные постоянно умирают и постоянно возвращаются на землю. Вот почему земля никогда не бывает вполне населена и никогда не бывает пуста.

После мы, может быть, будем в состоянии понять все это лучше и даже сообразить, что все это значит. Последняя часть, говорящая о том, как те, что были на небе, возвращаются назад, может быть, яснее чем первая. Но общая идея здесь, по-видимому, та, что без непосредственного познания Бога нет неба. Люди, не познавшие непосредственно Бога, но совершившие в этом мире добрые дела, имея в виду наслаждаться результатами их, когда умрут, идут в разные сферы, пока не достигнут неба и не родятся там детьми богов, так же как рождаемся мы от людей, и живут там столько времени, сколько позволят им их добрые дела. Во всем этом выступает главная идея Веданты, что все имеющее имя и форму преходяще. Земля преходяща, потому что имеет имя и форму. Небеса также должны быть преходящи, как тоже имеющие имя и форму. Вечное небо было бы противоречием в словах, так же как и вечная земля, потому что все, имеющее имя и форму, должно начинаться во времени, продолжаться во времени и оканчиваться во времени. Это — установленное положение Веданты, и потому небеса не признаются ею.

В Самхитах мы встречаем идею, что небоечно, почти ту самую идею которая преобладает в настоящее время в Европе среди магометан и христиан. Вся разница только в том, что у магометан она немного конкретнее. Они говорят, что небо — это место, где есть сады, вдоль которых текут реки. В пустынях Аравии вода — нечто очень желательное, и потому магометане всегда

стараятся сделать свои небеса полными воды. Я же родился в стране, где шесть месяцев в году идут дожди, и полагаю, что представлял бы себе небо, как место сухое, с чем со мною были бы согласны и англичане. Эти небеса в части Вед, содержащей Самхиты, считаются вечными. Отшедшие идут в них, получают там прекрасные тела, встречают своих предков, детей и родственников и живут с ними вечно, ведя такую же точно жизнь, как здесь, только гораздо счастливее. Все затруднения и препятствия этой жизни к счастью там исчезают, а все хорошее в ней и все ее наслаждения остаются. Но я должен напомнить вам, что, как бы удобным ни находили люди все это, между удобством и истиной есть разница, и бывают случаи, пока мы не достигли совершенства, когда истина совсем не то, что удобство. Человеческая природа очень консервативна. Раз начав делать что-нибудь, ей трудно остановиться. Ум отказывается допускать новые мысли, потому что процесс мышления так утомителен. Но в Упанишадах делается страшное отступление (от прежних взглядов). В них заявляется, что эти небеса, где люди живут со своими предками, не могут быть вечны, так как все, имеющее имя и форму, должно умереть. Если небеса есть и имеют форму, они со временем должны перестать существовать. Может быть, до этого пройдут миллионы лет, но рано или поздно наступит время, когда они исчезнут. В это же время, т.е., одновременно с указанною только что идеей, возникает другая идея, что души возвращаются назад на землю, и небеса служат только местом, где души наслаждаются некоторое время плодами своих добрых дел. Когда же действие последних кончается, они возвращаются к земной жизни. Из этого ясно, что уже в эти ранние времена человечество имело некоторые понятия о философии и причинности. Здесь наши философы говорят почти как

дети, но дальше увидим, как они выразили те же идеи языком философии и логики. Читая эти книги, вы заметите также, что в них рассматриваются предметы внутреннего восприятия. Если вы спросите меня, может ли Веданта быть применена к практике, я отвечу, что она сначала применялась *только к практике* и уже после обратилась в философию. Вы сами можете видеть, что эти вещи раньше должны быть восприняты и осуществлены и затем уже записаны. Древним мыслителям говорил сам мир; им говорили птицы, животные, солнце, луна; и мало-помалу они непосредственно познали эти вещи и проникли в самое сердце природы. Они достигли этого не путем размышления, не силою логики, не собиранием вкладов чужих умов и составлением толстых книг, как это делается в новейшее время, и не так, как делаю теперь я, взяв одно из их творений и составляя из него длинную лекцию; нет, они должны были все открыть сами. Для них важнее всего был *личный* опыт, и это будет всегда так; религия всегда была и будет самым практическим знанием, а не какой-бы то ни было теологической теорией. *Она всегда сначала — практика, а потом — знание.* Идея, что наши души возвращаются, уже есть в Упанишадах. Те лица, которые совершают добрые дела с мыслью о результате, получают его, но он не будет вечен. Здесь мы видим прекрасно выраженную идею о причинности, — именно, что следствие соответствует причине. Какова причина, таково и следствие. Если причина вечна, должно быть вечно и следствие; но так как все такие причины, как добрые дела и подобные им вещи, представляют собою нечто конечное, то они не могут произвести бесконечных следствий. Здесь мы подошли к другой стороне вопроса, — что, так как не может быть вечного неба, то, на том же основании, не может быть и вечного ада. Предположите, что я очень дурной человек

и каждую минуту делаю зло. Но вся моя жизнь здесь — ничто, по сравнению с моей вечной жизнью. Поэтому, если я подвергнусь вечному наказанию, это будет значить, что бесконечное следствие порождено конечной причиной; бесконечное следствие в вечной жизни будет произведено конечной причиной этой короткой жизни, чего быть не может. Если я всю мою жизнь творю добро, я не могу наслаждаться плодами бесконечного неба. Думать так, — значит, делать ту же ошибку. Но есть третий путь для тех, кто познал истину, кто реализовал ее. Познавать, так сказать, воочию (реализовать) истину — единственный путь выйти из-под покрова *Майи*; и Веданта указывает направление, какого для этого надо держаться, указывает, что следует понимать под реализацией истины.

«Надо видеть все обитающим в *Я*, и все действия не хорошими и не дурными, но исходящими от *Я*. *Я* — во всем. Мы должны отвергнуть природу. Должны закрыть глаза; видеть Бога в небесах и также в аде, в жизни и в смерти». Мысль, заключающаяся в только что приведенных строках, та, что эта земля есть символ Бога, что небо и место, которое мы занимаем, может быть названо Богом. Все — Брахман. Итак, следует видеть, а не только говорить и думать. Логическим следствием этого будет то, что если душа видит все в этой вселенной и всякое место, как полное Бога, Брахмана, то для нее будет безразлично идти на небо, в ад, или куда бы то ни было. В таком случае, для меня не будет иметь никакого значения, — должен ли я родиться на земле, или на небе. Все эти вещи потеряют для меня всякое значение, так как всякое место для меня будет одинаково, всякое место станет храмом Божиим, станет святым; и в небе, аде и во всем я буду видеть присутствие Божие. Для меня не будет ни неба, ни ада, ни зла, ни жизни, ни смерти. Когда

человек достиг такого состояния, стал так воспринимать все, он, по словам Веданты, стал свободным, и только такой человек, — говорит Веданта, — способен жить в этом мире. Все другие не приспособлены. Как может жить в этом мире человек, видящий зло? Вся его жизнь — сплошное страдание. Несчастье для человека жизнь, если он видит опасность, видит смерть. Только тот может жить в этом мире, только тот может сказать, что он наслаждается жизнью и счастьем, кто видит жизнь в истинном свете и во всем — истину. Между прочим, замечу, что в Ведах вы нигде не встретите идеи об аде. Она пришла в Индию гораздо позже, с Пуранами. Самое худшее наказание, какое знают Веда, это возвращение сюда, на землю, и получение новой возможности (достижения свободы). Таким образом, мы видим, что в Ведах уже с самого начала идея (о Боге) принимает безличный характер. Идеи о наказании и награде слишком материальны и вяжутся только с понятием о человеческом Боге, огромном человеке, который любит одного и не любит другого, совершенно так, как это делаем мы. Наказание и награда совместимы только с существованием такого Бога. Такой Бог признается в Самхитах, и там мы видим понятие о страхе; но, как только мы подходим к Упанишадам, идея страха исчезает, и безличная идея заменяет ее. Но естественно, что во всех странах понять эту идею было в высшей степени трудно. Человек всегда слишком привязан ко всему личному. Великие мыслители, или — по крайней мере — те, кого мир считал такими, возмущаются этой идеей о безличности. Но на мой взгляд это смешно, низко, грубо и, если можно так выразиться, богохульно. Думать, что Бог — человек, допустимо для детей, но не для взрослого, мыслящего человека, будь то мужчина или женщина. Которая идея выше, — идея о живом Боге или о Боге мертвом? О Боге, которого

никто не видит, никто не знает, или о Боге известном? От времени до времени, Он посылает в этот мир вестника с мечом в одной руке и проклятием — в другой; и, если вы не уверуете в этого вестника, вы должны погибнуть. Почему тогда Он не придет сам и не скажет, что мы должны делать? Зачем Он продолжает посылать вестников, наказывать и проклинать нас? И однако, эта идея многих удовлетворяет.

Так неразумно наше воображение.

Безличный Бог, наоборот, — Бог живой, которого я вижу перед собой, живой принцип. Различие между личным и безличным в том, что личный — только маленький человек, тогда как безличный — и человек, и животное, и ангел, и, кроме того, нечто большее, чего мы не можем ни видеть, ни представить. Для нас Безличный включает в себе все личное, сумму всех личностей Вселенной, и бесконечно больше, чем эта сумма. «Как огонь, приходя в мир, проявляется во всех видимых нами формах и, кроме того, в бесконечно большем», так и Безличный.

Нам необходимо поклоняться живому Богу. Я во всю мою жизнь не видел ничего кроме Бога, и вы также. Чтобы видеть стул, вы должны раньше видеть Бога и затем уже в Нем и через Него — стул. Он всегда, день и ночь, перед нами и говорит: «Я есмь». В момент, когда вы говорите: «Я существую», вы познаете существование. Куда вы пойдете искать Бога, если не можете видеть Его собственным сердцем, как живое существо, как человека? «Ты — человек, Ты — женщина, Ты — девочка, Ты — мальчик, Ты — старик, опирающийся на палку. Ты — юноша, идущий в гордом сознании своей силы». Все они — чудный, живой Бог, представляющий собою единственный факт во вселенной. Для многих это покажется ужасным, прямой противоположностью традиционному Богу, обитающему где-то за покрывалом и которого никто

никогда не видел. Священники нас уверяют, что мы не увидим Его здесь, но что, если мы будем следовать их указаниям, угождать и поклоняться им, они дадут нам паспорт, с которым, когда умрем, можем увидеть лицо Божие. Вполне ясно, что все идеи о небе — более или менее простые изменения этого бессмысленного обмана духовенства. Идея безличия, конечно, очень разрушительна; она отнимает у духовенства его выгоды, упраздняя все церкви и храмы. В Индии в настоящее время голод, а между тем там есть храмы, из которых в каждом находятся драгоценности, стоящие миллиарды. Если бы жрецы проповедывали народу безличную идею, их ремеслу пришел бы конец. Но мы должны проповедывать ее бескорыстно и без ухищрений жрецов. Вы — Бог и я — тоже. Кто кому повинуется? Кто кому поклоняется? Вы — самый величественный храм Бога, и я скорее буду поклоняться вам, чем какому бы то ни было храму, образу, или Библии. Почему окружающие нас люди так противоречат себе самим? Они говорят: «Мы практичные люди». Прекрасно. Но что более практично, чем молиться здесь, молиться вам? Я вас вижу, чувствую и знаю, что вы Бог. Магометанин говорит, что нет Бога, кроме Аллаха. Веданта говорит, что нет Бога, кроме человека. Вас это может поразить сначала, но мало-помалу вы это поймете. Живой Бог в вас, а вы строите церкви и храмы и верите во всякого рода воображаемую бессмыслицу. Единственный Бог для поклонения — это человеческая душа или человеческое тело. Если это верно, то даже тела животных — храмы, человек же — самый высший из них, Тай Магал. Если я не могу поклоняться ему, не остается ничего, чему можно поклоняться. В тот момент, когда я почувствую Бога, обитающего в храме каждого человеческого тела, когда я остановлюсь с благоговением перед каким-либо из человеческих существ и действитель-

но с уверенностью увижу в нем Бога, в тот момент я освобожусь от рабства, все прочее для меня исчезнет, и я буду свободен.

Это практичное, самое практичное из всех богопочитаний. В нем нет никаких теоретических умозрений, а между тем, если вы скажете о нем большинству людей, они придут в ужас. Они скажут, что оно не верно и станут развивать идеи своих дедов, полученные ими от их прадедов двадцать тысяч лет назад, — о Боге, обитающем где-то на небесах и сказавшем кому-то, что он Бог. С тех пор мы не имели ничего, кроме теорий. По их мнению, это практично, а наши идеи непрактичны. Хорошо, — говорит Веданта, — каждый должен идти своей дорогой, только ваш идеал — поклонение Богу в небесах, и все связанные с ним идеи, не заключая в себе ничего дурного, представляют собою только ступени к истине. Они хороши, и между ними можно встретить удивительные мысли; но Веданта постоянно говорит: «Друг мой, Тому, Кому ты поклоняешься, как неизвестному, я поклоняюсь в тебе. Тот, Кому ты молишься, как неизвестному, и Кого ты ищешь по всей вселенной, все время был здесь. Ты живешь Им. Он постоянно присутствует во вселенной». «Если существует Тот, Кому поклоняются Веды, и Кто всегда присутствует в вечном Я, то существует и вся вселенная. Он — свет мира. Если б в вас не было Я, вы не видели бы солнца; все для вас было бы темною массой, не существовало бы. Он светит, и вы видите весь мир».

Обыкновенно спрашивают, не ведет ли это учение к ужасной массе дурных последствий? Каждый из нас будет думать: Я — Бог, и потому все, что я делаю и думаю, хорошо; Бог не может делать ничего дурного. Во-первых, если даже допустить возможность такого неправильного толкования, то может ли быть доказано, что другое уче-

ние не заключает в себе такой же опасности? Люди поклоняются богу в небесах, отдельному от них, богу, которого они страшно боятся. Они рождаются, дрожа от страха, и дрожат всю жизнь. Сделался ли от этого мир лучшим? Рассмотрим вопрос с другой стороны. Возьмем тех, кто понимает Бога как личного, и так ему поклоняется, и тех, кто поклоняется Безличному Богу. Между которыми из них было больше великих мировых деятелей, исполинов-работников, могучих нравственных гигантов? Без сомнения, между поклонниками Безличного. Как можете вы ожидать, чтобы под воздействием страха могли развиваться высоконравственные люди? Это невозможно. «Где один видит другого, где один обижает другого, — там *майя*. Когда один не видит другого, когда один не вредит другому, когда все становится Атманом, — кто там кого видит? Кто кого замечает? Там все — Он и в то же время все — *Я*. Душа становится чиста». Тогда, и только тогда мы понимаем, что значит любовь. Может ли любовь явиться вследствие страха? Ее начало — свобода, и только свобода родит любовь. Когда мы действительно начнем любить мир, только тогда, но не раньше, мы поймем, что значит братство и человечество.

Таким образом, несправедливо говорить, что это учение (о Безличном Боге) поведет ко множеству дурных дел во всем мире, как будто другое учение (о Нем) никогда не вызывало зла, не затопляло мир кровью, не разрывало человечество на части, не вело к сектарианству, — «Мой Бог величайший из богов. Решим это в открытом бою». Таково было следствие дуализма везде, во всем мире. Выйдем же на яркий дневной свет. Сойдем с нашего узкого пути. Как может бесконечная человеческая душа согласиться жить и умереть в маленьком желобке? Здесь целая вселенная света. Все в этой вселенной вашей. Попробуйте протянуть руки и обнять в любви всю

вселенную. Если вы когда-нибудь почувствуете желание сделать это, вы почувствуете Бога.

Вы помните то место проповеди Будды, где он посылает мысленно любовь к Югу и Северу, Востоку и Западу, вверх и вниз, пока вся вселенная не наполнилась этой любовью, великою до бесконечности. Испытывать такое чувство — значит, быть настоящей личностью. Вся вселенная станет тогда одною личностью, а мелочи пусть исчезают. Отбросьте ваши маленькие наслаждения, ради бесконечного блаженства. Какая польза наслаждаться ничтожными частицами блаженства? Все, ведь, оно ваше, так как вы должны помнить, что Безличное включает в себе все личное. Таким образом, Бог личен и безличен в одно и то же время. То же и человек. Бесконечный, безличный человек проявляет себя, как лицо. Мы, бесконечные, сократили себя до размеров маленьких кусочков. Мы ограничили себя собственной кармой. Она, подобно цепи на шее, тянет нас к ограничению. Разбейте эту цепь и будьте свободны. Растопчите закон. Для человеческой природы нет закона, нет предопределения, нет судьбы. Как может быть закон в бесконечности? Ее лозунг — свобода. Свобода ее природа, ее прирожденное право. Сделайтесь только свободными, и вы будете в состоянии принять на себя сколько угодно личностей, какие вам нравятся. Тогда вы будете играть ваши партии, как актер, как король, выходящий на сцену в роли нищего, тогда как настоящий нищий идет по улице. В обоих случаях сцена одна и та же, слова те же; и в то же время какая разница! Один наслаждается своим нищенством, а другой страдает от него. Что же делает эту разницу? — Один свободен, другой раб. Король знает, что его нищенство не действительно, что он сам принял его, взял его только для игры; нищий же думает, что оно неразлучно с ним, и он, хочет или не хочет, должен

вести его. Это закон, и он несчастен. Вы и я, — пока не имеем понятия о нашей истинной природе, — такие нищие, поработанные и затолканные всем, кричащие на весь мир о помощи, которая никогда не приходит, старающиеся везде получить ее от несуществующих, воображаемых существ и никогда не получающие. Пока мы думаем: «это время, наверно, скоро наступит», и в то же время плачем, рыдаем и надеемся, вся жизнь оказывается пройденною, а игра все продолжается. Будьте свободны! Не надейтесь ни на что от кого бы то ни было. Я уверен, что если вы оглянетесь назад, на всю свою жизнь, вы увидите, что всегда пытались получить помощь от других, и всегда напрасно; она никогда не приходила. Вся помощь, какую вы получали, вы получали *изнутри* вас самих. Вы имели только плоды того, что *сами* делали, хотя, странно сказать, всегда надеялись на постороннюю помощь. Это похоже на гостиную богача. Она всегда полна, но если вы станете наблюдать, то заметите, что тот же состав людей не бывает в ней два раза. Люди всегда надеются что-нибудь получить от этого богача, но никогда не получают. То же делаем и мы; все надеемся и никогда не достигаем цели. Бросьте эту надежду, — говорит Веданта, — зачем вам надеяться, когда у вас все уже есть? Вы царь, вы — Я. Чего вы ожидаете? Если царь сходит с ума и идет искать царя в своей стране, он никогда не найдет его, потому что он сам царь. Он может обойти все города и села, обыскать каждый дом, может кричать и плакать, но никогда не найдет царя, потому что все время он сам остается царем. Гораздо лучше для нас знать, что мы — Он, и прекратим навсегда безумные поиски царя. Таким образом, — говорит Веданта, — зная, что мы царь, мы становимся счастливыми и довольными. Отбросьте глупые искания и играйте в этой вселенной, как дети. Вся картина тотчас из-

менится. Вместо того, чтоб быть вечною тюрьмой, мир станет театром. Из арены конкуренции, он делается странною весны, полною весело летающих бабочек. Тот самый мир, который раньше был адом, теперь станет небом. В глазах раба, — он место ужасных мучений, в глазах свободного он — только существующий мир. Небо и все подобные места — в нем. Эта жизнь — жизнь мировая. Все возрождения здесь. Все боги, прототипы человека, здесь. Не боги сотворили человека по своему образу, но человек создал богов. И здесь, между нами, есть прототипы, есть Индра с Кармою и все боги вселенной, сидящие вокруг него. Все вы проектировали своих маленьких двойников, оставаясь сами оригиналами, действительными и единственными богами, которым следует поклоняться. Это взгляд Веданты, а его практичность заключается в следующем. Из того, что мы станем свободными, не следует, что мы должны сойти с ума, бросить общество и бежать в леса или пещеры. Мы останемся там, где были раньше, только будем все понимать. Те же явления останутся перед нами, но получат новый смысл. До сих пор вы не знаете мира; только став свободными, мы увидим его таким, какой он есть, и поймем его внутреннюю природу. Мы увидим тогда, что так называемые закон, судьба, рок — составляют только бесконечно малую часть нашей природы. Они — только одна сторона, другая же — всегда свобода. Мы были похожи на преследуемого охотниками зайца, прячущего голову в землю и пытающегося тем спастись от беды.

Мы, вследствие заблуждения, старались забыть свою природу, но никак не могли забыть ее, так как она всегда напоминала о себе. Все наши искания Бога, богов, или внешней свободы, были призывами нашей собственной природы. Мы только не разбирали, откуда исходил голос. Мы думали, что он исходит из огня, от Бога, от солнца,

луны, звезд, но, наконец, нашли, что он все время раздавался изнутри нас. Там есть вечный голос, говорящий нам о вечной свободе. Его музыка звучит вечно. Часть этой музыки души стала землею, законом, вселенною, но она всегда была и всегда будет наша. Одним словом, идеал Веданты, состоит в поклонении человеку здесь (на земле), и она говорит, что если вы не можете поклоняться вашему брату — человеку, проявленному Богу, ваше поклонение кому-бы то ни было другому, и где бы то ни было, не будет заслуживать никакого доверия.

Разве вы не помните слов Христианской библии: «Если вы не можете любить вашего брата, которого видите, как можете любить Бога, Которого не видели?» Если вы не можете видеть Бога в божественном лице человека, как можете видеть Его в облаках, или чем-либо темном или мертвом, или в воображаемых пустых выдумках вашего собственного мозга? Я назову вас религиозными с того дня, когда вы увидите Бога в мужчинах и женщинах, и поймете, что значит подставить левую щеку человеку, ударившему вас в правую.

Когда вы будете видеть Бога в человеке, все, даже тигр, станет для вас желанным гостем. Все, что придет к вам, будет Богом в разных формах, Вечным, Единым, Блаженным, нашим отцом, матерью, другом, нашей собственной душой, играющей с нами.

Есть идеал более высокий, чем называть Бога Отцом. Это звать его Матерью. Но есть еще более высокий идеал, называть Его Другом. Еще выше — Возлюбленный. Самый же высший — не видеть разницы между любящим и любимым. Вы, вероятно, помните старый Персидский рассказ, как один любовник пришел к своей возлюбленной. Он постучал в дверь и, когда на вопрос: «Кто там?» отвечал — «я», дверь не отворилась. Он пришел второй раз, и повторилось то же самое. В третий раз, на

вопрос: «Кто там?» он ответил: «это ты, моя любовь», и дверь была открыта. То же бывает между Богом и нами. «Ты во всем, Ты — все. Каждый мужчина и каждая женщина — Ты, Ты осязаемый, Блаженный, живой и единый Бог. Кто говорит, что Ты неизвестен? Кто говорит, что Тебя надо искать? Мы нашли Тебя от вечности. Мы от века родились в Тебе. Везде Ты вечно, вечно известен, вечно поклоняем».

Дальнейшая идея (Веданты) заключается в том, что другие формы богопочитания не представляют собою заблуждения. Одно из важных положений, которого никогда не следует забывать, то, что поклонение Богу совершением обрядов и церемоний, какими бы грубыми они нам ни казались, не заблуждение. Оно путь от одной истины к другой, от более низкой к более высокой. Темнота есть меньший свет, зло — меньшее добро, порочность — меньшая чистота. Это, таким образом, взгляд, что мы должны относиться к другим с любовью и симпатией, зная, что они идут той же дорогой, которую мы протоптали. Если вы свободны, то вы должны видеть, что все они поднимаются, чтоб рано или поздно также быть свободными, и если вы свободны действительно, как вы можете продолжать видеть преходящее? Если вы действительно чисты, как вы можете видеть нечистое? Так как то, что внутри, то и снаружи. Мы не можем видеть нечистоту, если не имеем ее сами. Это один из практических выводов Веданты, и я надеюсь, что все мы постараемся провести его в нашу жизнь. Вся жизнь нам дана для того, чтобы это было осуществлено на практике. При этом мы получим чрезвычайно важный результат; мы будем трудиться, после того, с чувством удовлетворения и довольства, вместо неудовлетворенности и недовольства, так как будем знать, что все в нас, все принадлежит нам, что это наше природное право, и нам остается только проявлять его, сделать его ощутимым и деятельным.

Практическая Веданта Часть III

В том же Чандогья Упанишаде мы читаем, что мудрец, по имени Нарада, пришел к другому мудрецу, Санаткумара, и предложил ему несколько вопросов. Между прочим, он спросил, объясняет ли религия вещи, как они есть. И Санаткумара отвечал ему: «Есть нечто высшее, чем земля, нечто высшее, чем это высшее земли и т.д.», пока не дошел до Акаши, Эфира. «Эфир», — продолжал он, — «выше, чем свет, потому что в эфире находится солнце, луна, молния и звезды; в эфире мы слышим, в эфире живем и в эфире умираем». На вопрос, есть ли что еще высшее, он указал на Прану. Прана, согласно Веданте, есть жизненный принцип. Она, подобно эфиру, — везде находящееся начало, и всякое движение, происходящее в теле, или где бы то ни было, производится праною. Прана важнее и более могущественна, чем акаша. Праною все живет. Прана есть в матери, в отце, в учителе; она сознает себя самою.

А вот другое место, где мальчик спрашивает отца об истине, и отец между прочим говорит: «Все сделано из того, что составляет тонкую причину всех вещей. Эта причина — все, она — истина, она — ты, о Светакету!» А затем поясняет разными примерами: «Как пчела, о Светакету, собирает мед с разных цветов, и мед не знает, что он произведен разными деревьями и цветами, так и все мы, исходя из того Существа, забыли об этом. О, Светакету, ты — Тот!» Он приводит еще пример рек, текущих в океан. «Они не знают, что много раз поднимались вверх (в виде пара); так же и мы, выходим из того Существа и не знаем, что были Им. О, Светакету, ты — Тот!»

Есть два способа приобретать знание. Один состоит в заключении об общем по частному, и другой — в ис-

следовании, насколько возможно, собственной природы того, что ищем. Рассматривая первый способ, мы видим, что знание состоит в классификации, поднимающейся все выше и выше. Если что-нибудь происходит спорадически, мы неудовлетворены. Если же оказывается, что то же самое постоянно повторяется, мы довольны и называем это законом. Когда мы видим, что один камень падает, нас это не удовлетворяет; но, замечая, что все камни или яблоки падают, называем это законом притяжения и довольны; из частного мы делаем общий вывод.

Тот же научный процесс следует применять и при изучении религии. Он и здесь оказывается удобным, и всегда применялся. В книгах, отрывки которых я переводил вам, самая первая идея, которую я мог проследить, это переход от частного к общему. Мы видим, как «светлые существа» сливаются друг с другом и переходят в принцип и как идеи о космосе становятся все выше и выше, как элементы становятся все более и более тонкими и простыми, и из материи обращаются во всеобъемлющую силу, или прану. И через все это проходит один принцип, что одно неотделимо от всего остального. Все в этом космосе — тот же самый эфир, который находится и в высших формах; в нем высшая форма праны как бы сгустилась и стала сначала эфиром, а потом еще более грубыми формами. Обобщение Личного Бога представляет другой вид того же процесса. Мы видели, как получилось такое обобщение, названное суммой всех сознаний. Но это еще не полное обобщение. Мы взяли только одну сторону явлений природы, — сознание, обобщили его и наше обобщение приняло форму Личного Бога, все же остальное в природе осталось в стороне. Таким образом, это обобщение прежде всего неполное. Затем в нем есть и другой недостаток, являющийся следствием второго принципа. Все должно

объясняться также своей собственной природой. Могут быть люди, думающие, что каждый упавший на землю камень брошен вниз каким-нибудь духом, но наука объясняет его падение законом тяжести, и хотя это и несовершенное объяснение, но оно гораздо лучшего первого, потому что первое предполагает некоторую постороннюю причину, тогда как это основано только на природе самого камня. Подобным же образом, во всех областях нашего знания объяснение, вытекающее из природы самой вещи, рассматривается как научное, объяснение же, не имеющее никакой связи с рассматриваемым предметом, считается ненаучным.

Отсюда следует, что определение Личного Бога, как создателя вселенной, должно основываться на том же научном доказательстве. Если Бог вне природы, не имеет с нею ничего общего, а эта природа создана Им из ничего, то такая теория, очевидно, очень ненаучна; и в этом слабая сторона всякой теистической теории. Эти два недостатка мы находим в так называемой теории монотеизма, теории о Личном Боге, имеющем все свойства человеческого существа, хотя и значительно усиленные, и Который своею волею создал вселенную из ничего и все-таки остается отдельным от нее. Это ведет к двум затруднениям.

Во-первых, мы видим, что понятие о Боге не достаточно обобщено и, во-вторых, оно не объясняется натурою природы. Оно принимает, что следствие не то, что причина, что причина нечто совершенно отдельное от следствия, между тем, как все человеческое знание показывает, что следствие есть та же причина, только в другой форме. Это подтверждается каждый день открытиями новейшей науки, и основание последней теории развития заключается в том, что следствие представляет собою приспособленную к новым условиям причину, яв-

ляющуюся, таким образом, в новой форме. Идея создания из ничего способна возбудить смех в современных ученых.

Может ли религия подтвердить свои учения такими научными доказательствами? Если бы какие-нибудь религиозные теории могли это сделать, они были бы приняты современными мыслящими умами; всякую другую теорию, которой мы стараемся верить, уважая авторитет духовенства, церковей или книг, современный человек не может принять, и в результате получается такое огромное число неверующих. Даже в сердцах тех, кто делает вид, что верит, огромная масса неверия. Остальные совсем отрекаются от религии, отступают от нее, не хотят иметь с нею дела, смотрят на нее, как на выдумку духовенства.

Религия теперь превратилась в род национализма. Она, говорим мы, одно из самых драгоценных наших общественных наследий, и потому должна остаться. Но действительной необходимости, какую чувствовали деда современного человека, в ней больше не ощущается; человек находит ее теперь неудовлетворяющею его ум. Идея о личном Боге и о создании, известная в различных религиях, как монотеизм, не может дольше держаться. В Индии она не устояла перед Буддистами, которые в древние времена одержали победу именно в этом пункте. Они показали, что, если природа одарена почти бесконечной силой и может удовлетворять свои собственные потребности, то совершенно бесполезно настаивать на том, что должно быть еще что-то, кроме природы. Даже душа, по их мнению, не необходима. Это старое суеверие, идея о субстанции и качествах, оспаривалось еще в древности, но и теперь вы ее иногда еще встретите.

Большинство из вас, конечно, читали, что в Средние Века, а я, к сожалению, должен сказать, что и позже, од-

ним из предметов споров был вопрос, составляют ли качества принадлежность субстанции, или, наоборот, субстанция — результат качеств, — длина, ширина и толщина представляют ли дополнение субстанции, и, если эти качества исчезают, то субстанция остается или нет? Тут приходит Буддист и говорит, что нет никакого основания признавать существование субстанции; существуют только качества. Кроме них, вы ничего не видите. Совершенно того же взгляда держатся и наши новейшие агностики. Этот спор, относительно существования субстанции и качеств, перенесенный в высший план, обращается в спор относительно нуменов и феноменов. Существует этот феноменальный мир, постоянно изменяющаяся вселенная; но, существует также нечто другое, неменяющееся. Одни эту двойственность существования нуменов и феноменов признают верной, другие же, с большим основанием, находят, что вы не имеете никакого права принимать оба, так как все, что мы видим, чувствуем, мыслим, — только феномены. Вы не имеете права считать, что есть что-нибудь кроме феноменов, и на это возразить нечего. Единственный возможный ответ на это дает Веданта. Она говорит: «Верно, что существует только Одно, и что это Одно должно быть или феномен, или нумен. Не верно, что существует два, одно изменяющееся, и в нем нечто неизменное, но скорее это одна и та же вещь, кажущаяся изменяющеюся, но в действительности неизменная».

Переходя к конкретному и философскому заключению, мы начинаем думать, что тело, ум и душа — отдельные вещи; но в действительности здесь только одно, обнаруживающееся во всех этих различных формах. Возьмем хорошо известный пример веревки и змеи, приводимый монистами, как иллюстрация. Некоторые, в темноте или по какой-нибудь другой причине, принимают

ошибочно веревку за змею. Но когда узнают, что это такое, змея исчезает, и остается веревка.

Из этого примера видим, что когда в уме присутствует змея, веревка исчезает, а когда присутствует веревка, исчезает змея. Когда мы видим феномен и только феномен, нумен исчезает; но когда видим нумен, т.е. неизменное, естественным следствием бывает то, что феномен исчезает. Теперь мы лучше понимаем положение реалиста и идеалиста. Реалист смотрит только на феномен, а идеалист старается смотреть на нумен. Для идеалиста, настоящего идеалиста, который действительно достиг такой способности восприятия, что может устранить от изменяемого, для него изменяющаяся вселенная исчезает, и он имеет право говорить: все это заблуждение; никакого изменения нет. Реалист в то же время смотрит на изменяемое. Для него исчезает неизменяемое, и он, в свою очередь, прав, говоря, что все, что он видит, реально.

Какой же вывод из этой философии? — Тот, что личная идея о Боге недостаточна; мы должны подняться несколько выше, к безличной идее. Не для того, чтоб разрушить личную идею, не для того, чтобы привести доказательство, что Личный Бог не существует, но просто потому, что это единственный логический нуль, который мы можем избрать. На том же основании мы говорим, что человек есть личное безличное существо. Мы безличны и в то же время личны. Таким образом, наша древняя идея о Боге должна быть отставлена; она представляет собою повторение на высшем плане идеи о человеке. Для объяснения личного, мы должны, наконец, перейти к безличному, так как безличное — гораздо высшее обобщение, чем личное. *Бесконечное может быть только безличным; личное может быть только ограниченным.* Поднимаясь к безличному, мы на самом деле со-

храняем личное, а не разрушаем его. Много раз высказывалось мнение, что если мы придем к понятию о Безличном Боге, Личный Бог будет устранен; если придем к понятию о безличном человеке, личный утратится. Но правильная идея об этом та, что это не разрушение индивидуальности, но действительное сохранение. Мы не можем доказать существование индивидуального никаким другим способом, как только ссылкой на общее, показав, что это индивидуальное составляет часть того общего. Если мы думаем об индивидуальном, как об особом от всего прочего во вселенной, оно не устоит ни одного мгновения, потому что такая вещь никогда не существовала.

Применяя второй принцип, что объяснение всего должно вытекать из самой природы вещей, мы становимся лицом к лицу с еще более смелой и более трудной для понимания идеей, — что Безличный Бог, самое высшее обобщение, находится в нас самих, и что мы — Он. «Ты — Тот, о Светакету! Ты то безличное Существо, тот Бог, Которого ты искал по всей вселенной и Который все время был ты сам». Здесь следует заметить, что «ты сам» надо понимать не в личном смысле, а в безличном. Мы знаем теперь человека проявленного, олицетворенного, но сущность его безлична. Чтобы понять личное, мы всегда должны относить его к безличному; частное должно быть сравниваемо с общим, и то общее, то безличное есть Истина — *Я* человека; к этому же, олицетворенному, проявленному, не следует относиться, как к тому, истинному.

В связи с этим могут возникнуть разные вопросы, и я дальше постараюсь ответить на них; но прежде необходимо составить себе ясное представление о тезисе монизма, заключающемся в том, что видимая нами вселенная есть все, что существует, и нам нечего искать вне ее.

В ней все, как грубое, так и тонкое, в ней следствие и причина, и объяснение. То, что известно как частное, — только повторение в малом в виде общего. Нашу идею о вселенной мы получили, изучая наши собственные души, и что верно относительно души, то считается верным и относительно внешней природы. Небо и все подобные места, если они существуют, находятся во вселенной и, сведенные вместе, все дают Одно. Все маленькие частицы образовались из одного целого, и каждая из них, как и каждый из нас, составляет часть этого целого. Как проявленные существа, мы кажемся отдельными, но наша сущность заключается в Одном, и чем меньше мы думаем о себе, как о чем-то отдельном от этой Единицы, тем лучше для нас, а чем больше думаем о себе, как об отдельном от общего целого, тем более становимся несчастными. Из этого положения мы выводим правила монистической этики; и я осмеливаюсь сказать, что ниоткуда больше правил нравственности мы получить не можем. Мы знаем, что самое древнее понятие о нравственности представлялось волею некоего особого существа, или существ; но в настоящее время немногие принимают такое определение нравственности, так как оно только частичное обобщение. Индус говорит, что мы не должны делать того или другого, потому что так сказано в Ведах; Христианин не соглашается признавать авторитет Вед и говорит, что не следует делать того и этого потому, что так написано в Библии. Но это не обязательно для тех, кто не верит в Библию. Нам нужна теория, достаточно широкая, чтобы она могла вместить в себе все эти разные основания.

Существуют миллионы людей, готовых верить в Личного Бога — Создателя; но есть также тысячи самых светлых умов, для которых такая теория оказывается неудовлетворительной и которые нуждаются в чем-то бо-

лее высоком. И, если религия не достаточно широка, чтобы включить и их, самые высшие умы общества останутся вне организованной веры. Это никогда не было так заметно, как в настоящее время, особенно в Европе.

Чтобы включить их, религия должна быть достаточно широка. Все, что она утверждает, должно быть обсуждаемо с точки зрения разума. Почему религии могут заявлять претензию, что только они не обязаны подчиняться основным требованиям разума, этого никто не знает. Общее соглашение — это ложный довод. Если вы не признаете указаний разума, не может быть никакого суждения, даже в вопросах религии. Религия может предписывать самые гнусные поступки. Например, магометанская религия разрешает убивать всех не-магометан. В Коране ясно сказано: «убивай неверных», и если они не делаются магометанами, их следует предавать огню и мечу. Если вы скажете магометанину, что это нехорошо, он, естественно, может спросить: «Откуда вы это знаете? Откуда вы знаете, что это нехорошо? Все ваши понятия о добре и зле получены вами из ваших книг, а моя книга говорит, что это хорошо». Если вы скажете, что ваша книга древнее, придет Буддист и скажет: «а моя еще древнее»; а затем явится Индус и сошлется на свои книги, самые древние из всех. Таким образом, ссылки на книги не приводят ни к чему. Где мерило для сравнения? Вы укажете на Нагорную Проповедь, а магометанин обратит ваше внимание на этику Корана. Кто, — скажет он, — может быть арбитром для решения вопроса, которая из двух лучше. Ни Евангелие, ни Коран не могут быть арбитрами в споре между нами самими. Нужно независимое лицо, и им может быть не книга, но нечто универсальное. А что же универсальнее разума? Было говорено, что разум недостаточно силен, не может всегда помочь нам найти истину, что он часто вводит в заблужде-

ние; и, как вывод из этого, делали заключение, что мы должны верить авторитету церкви. Это говорили римско-католики; но я не вижу у них логики. Я, со своей стороны, могу сказать: «Если разум так слаб, то духовенство еще слабее, и я не желаю слушать его, но лучше буду слушать разум, потому что, при всей его слабости, от него я имею некоторый шанс узнать истину, тогда как, слушая другую сторону, не достигну решительно никакой. Поэтому мы должны следовать указаниям разума и симпатизировать даже тем, кто, следуя им, не приходит ни к какой вере. Лучше для человечества следовать указаниям разума и быть атеистами, чем быть последователем какого-нибудь человека и верить в двести миллионов богов». Мы нуждаемся в прогрессе, развитии, опытном знании. Никакие теории не возвысят людей. Никакое количество книг не сделает их более чистыми. Единственная возможность этого в нас самих, в опытном познании, а оно является результатом размышления. Дайте человеку думать. Человек совсем неразвитой никогда не думает, и можно поручиться, что он верит всему; но, ведь, он не больше, как ком земли. Корову, собаку тоже можно заставить чему-нибудь поверить. Но все они и остаются собаками, коровами и глыбами земли. Величие же человека в том и заключается, что он мыслящее существо. Он только тем и отличается от животных, что должен думать. Поэтому я верю разуму и следую его указаниям. Я видел достаточно зла от подчинения авторитетам, так как родился в стране, где авторитет достиг самых крайних пределов...

Индусы думают, что создание произведено их книгами. «Почему вы знаете, что существует корова?» — «Потому, что слово «корова» есть в Ведах». — «Почему вы знаете, что есть человек?» — «Потому, что слово «человек» есть там же. Если бы его там не было, то не было

бы и никакого человека». Вот что они говорят. Ужасный авторитет! Его не исследовали, как я теперь исследую; но несколько сильных умов приняли его, создали на нем чрезвычайно логичные теории и построили целую философскую систему. Тысячи самых светлых умов посвящали себя затем, в течение тысяч лет, разработке этой теории. Такова сила авторитета, и так велика опасность от него!

Достоинство монистической теории в том, что она более, чем что-нибудь в теологии, приближается к истине, которую можно доказать. Идея о Безличном, о Безличном Существо в природе, и о природе эволюции этого Бесконечного ближе всего к тому, истину чего мы можем доказать; другие же идеи и понятия о Боге — частичные, незначительные и личные, — не основаны на опыте и разуме. Это разумное понятие о Боге имеет еще то достоинство, что доказывает необходимость для многих умов в известных нам частичных понятиях, служа таким образом единственным аргументом в их пользу. Вы можете встретить людей, говорящих, что личное объяснение неразумно, но утешительно, что они нуждаются в религии, которая утешала бы их; и мы понимаем, что она им необходима. Очень немногие в этой жизни в состоянии выносить яркий свет истины; гораздо меньшее число может вырабатывать ее. Поэтому необходимо, чтоб были утешающие религии; они помогают многим душам становиться со временем лучшими. Незначительные умы, с ограниченным, нетребовательным кругозором, никогда не осмеливаются парить мыслью. Их понятия и даже идеи о маленьких богах, символах и идеалах, очень хороши и полезны для них, но, чтобы они могли быть такими, мы должны познать Безличного, и только в Нем и через Него это достижимо.

Человек, например, понимающий Безличное и верящий в него, — пусть это будет Джон Стюарт Милль, —

говорит, что Личный Бог невозможен и Его существование нельзя доказать. Я согласен с ним, что доказать нельзя; но понятие о Безличном есть самое высшее, чего может достичь человеческий разум, а сколько другого, кроме разных толкований Абсолютного, составляют вселенную? Она лежит перед нами, как книга, и каждый вносит свой собственный разум при чтении этой книги; каждый читает ее по-своему. В умах всех людей есть нечто сходное, и потому некоторые вещи общи для умов всего человечества. То, что вы и я видим этот стул, доказывает, что в наших умах есть нечто общее. Предположим, что сюда пришло другое существо с отличными от наших чувствами; оно могло бы совсем не видеть стула, но все существа, так же устроенные, как мы, увидят то же, что видим мы. Таким образом, сама вселенная абсолютна, неизменна, — она нумен, а феномен — ее толкование. Вы видите, прежде всего, что феномен всегда конечен. Всякий феномен, который мы можем видеть, чувствовать, или мыслить, непременно конечен, ограничен нашим знанием; и идея о Личном Боге, как мы понимаем ее, тоже феномен. — Идея о причинности принадлежит к феноменальному миру, и Он, как причина вселенной, должен естественно быть мыслим как ограниченный, а между тем Он — тот же самый Безличный Бог. Сама вселенная, как мы ее видим, есть Безличный Бог, угадываемый в ней нашими умами. Все, что действительно существует во вселенной, — это Безличное Существо, формы же и понятия придаются ему нашими умами. Действительное в этом столе есть то Существо, а форма стола и все подобные вещи приданы ему сходными между собою умами людей.

О движении, например, — которое необходимо явление феноменальное, — нельзя говорить, что оно всеобщее. Каждая маленькая частица, каждый атом этого кос-

масса постоянно изменяется и движется; но вселенная, как целое, неизменна, потому что движение и изменение — вещи относительные. Мы можем мыслить что-нибудь движущимся, только сравнивая с чем-нибудь неподвижным. Чтобы движение было возможно, необходимо, чтобы было два предмета, а так как вся масса вселенной — единица, то двигаться она не может. Относительно чего она двигалась бы? Нельзя говорить, что она и изменяется. Сравнительно с чем она изменилась бы? Таким образом, целое абсолютно не движется и не изменяется, но внутри него каждая частица находится постоянно в состоянии движения и изменения; каждая частица в одно и то же время изменяема и неизменяема, лична и безлична. Это — наше понятие о вселенной, движении и Боге, и это то, что разумеется под словами: «Ты — Тот». Олицетворенный человек забывает свое происхождение, подобно воде, поднимающейся из океана, забывающей откуда она произошла и думающей, что всегда была отдельна от него. Так и мы, как личные, разделенные существа, забываем свою истинную природу; и монизм учит нас, что мы должны отвергнуть эти деления и прежде всего понять, что мы такое. Мы — то Бесконечное Существо, та самая Душа, похожи на воду, исходящую из океана, получившую в нем свое бытие и составляющую, в действительности, одно с океаном, потому что бесконечная масса существующей энергии вся принадлежит вам и мне, так как вы и я, и всякое существо представляем собою множество каналов и путей, чрез которые проявляется бесконечная действительность. Вся масса изменений, которую мы называем эволюцией — в действительности не что иное как душа, проявляющая эту бесконечную энергию, и мы не можем остановиться нигде по сю сторону бесконечного. Мы обладаем бесконечной силой, существованием и блаженством; и они не приобретаются нами, но составляют наше предвечное достояние, которое мы должны только проявить.

Эта великая идея вытекает из монизма и одна из весьма трудных для понимания. Я знаю по личному опыту, что с самого моего детства все меня окружающие проповедывали слабость; с самого моего рождения говорили, что я слабое существо. Поэтому мне теперь очень трудно понять мою силу. Но путем анализа и рассуждения я пришел к заключению, что должен узнать мои силы и способности, и это мною сделано. Откуда получается все знание, какое есть в этом мире? — Оно в нас. Покажите мне хотя крупицу знания вне нас. В материи его нет; оно только в человеке. Никто никогда не создавал знания; его только открывали, приносили изнутри. Оно там. Огромный баньян, покрывающий собою мили почвы, был прежде в маленьком семячке, в котором и заключалась вся масса энергии баньяна. Самый гигантский ум, какой только мы знаем, мог лежать свернутым в клетке протоплазмы; почему же там не могла быть и бесконечная энергия? Мы знаем, что это так. Это может казаться парадоксом, но это верно. Все мы произошли от клетки протоплазмы, и все маленькие силы, какие у нас есть, были свернутыми там. Вы не можете сказать, что они добыты из пищи, потому что, какую бы высокую гору вы ни нагромодили из пищи, никакой силы из нее не выйдет. Энергия была в клетке, в потенциальном состоянии, но все же была, также как и бесконечная Сила в душе человека, хотя бы он и никогда не знал о ней. Вопрос только в том, чтобы сознать ее. Этот бесконечный гигант как бы медленно поднимается, просыпается и начинает сознавать свою силу; и по мере того, как он сознает ее, его оковы ломаются, цепи с треском распадаются, и наступает день, когда бесконечное сознание возвращается к нему, и он встает во весь свой гигантский рост, полный силы и мудрости. Будем же все помогать наступлению этого дня.

Практическая Веданта Часть IV

До сих пор мы рассматривали, главным образом, понятия общие, мировые; сегодня я постараюсь познакомить вас с идеями Веданты об отношении к этим понятиям понятий частных.

Мы уже видели, что в более ранних дуалистических формах учений Вед встречается подробное описание личной души, особой для каждого существа. Много теорий создано относительно этой души, отдельной для каждого индивидуума; но главный спор происходил между древними буддистами и ведантистами, из которых последние верили в существование такой самостоятельной души, первые же решительно это отвергали. Подобный же спор, как я упоминал вам раньше, был в Европе относительно субстанции и свойств; одна сторона находила, что позади различаемых нами свойств есть нечто, существующее от них независимо, называемое субстанцией, относительно которой свойство есть нечто придаточное; другая — отрицала существование такой субстанции как совершенно ненужной, так как свойства могут быть предполагаемы сами по себе. Наиболее древняя идея о душе основана, без сомнения, на самоидентичности, на том, что мое *я* вчера было тем же, что мое *я* сегодня, и мое *я* сегодня будет тем же *я* завтра; что, несмотря на все изменения, какие могут произойти в моем теле, я все-таки верю, что я тот же самый. Это, по-видимому, главный аргумент у тех, кто верит в ограниченную, но тем не менее совершенно цельную индивидуальную душу.

Древние Буддисты отвергают необходимость такого допущения. Они выставляют аргумент, что все, что мы знаем, и все, что можем знать, — это изменения. Допу-

щение неизменяющейся и не могущей изменяться субстанции излишне; и затем, говорят они, если бы даже действительно существовало такое неизменное основание, мы никогда не были бы в состоянии ни познать его, в каком бы то ни было смысле слова, ни составить о нем какое-либо понятие. То же разногласие вы найдете в настоящее время в Европе, между верующими и идеалистами, с одной стороны, и новейшими позитивистами и агностиками — с другой. Одни — представителем которых был Герберт Спенсер — верят, что есть нечто неизменяющееся, что мы схватываем как бы проблеск чего-то неизменного. Другие — новейшие последователи Конта и агностики — не признают этого. Те из вас, кто интересовался несколько лет назад полемикой между Гаррисоном и Гербертом Спенсером, могли видеть то же самое старое разногласие: одна партия стоит за субстанцию позади изменяющегося; другая — отвергает необходимость такого допущения. Одни говорят, что мы не можем представить себе изменения, не представляя в то же время чего-нибудь неизменяющегося; другие утверждают, что последнее совсем не нужно; что мы способны понимать только изменяющееся, неизменяющегося же не можем ни знать, ни чувствовать.

Этот важный вопрос не был разрешен в самые древние времена в Индии, потому что, как мы видели, допущение субстанции, стоящей позади свойств, но которая не есть свойства, никогда нельзя было доказать; да не могло быть доказано и то, что *Я* — нечто постоянное, ни на основании памяти, ни тождественностью *Я*, т.е., что *Я* — тот же, что был вчера, потому что я помню, чем я тогда был. Другие, обыкновенно выставляемые, софизмы — простое заблуждение. Например, кто-нибудь может взять ряд фраз, вроде: «Я делаю», «Я иду», «Я сплю», «Я двигаю» и т.д. и утверждать, что деланье, ходьба, сон

и т.д. суть изменения, но *я* остается неизменяющимся и, как таковое, есть нечто постоянное, само по себе индивидуальное; все же изменения происходят только с телом. Такое заключение, хотя по-видимому очень убедительное и ясное, основано просто на игре слов. Я и деланье, ходьба, сон могут быть отдельными на бумаге, но никто не разделит их в своем уме.

Когда я думаю о себе, как об идущем, или работающем, я не отделяю себя в представлении от ходьбы или работы; я и мои действия сливаются, а не составляют разных вещей. Таким образом, этот аргумент не особенно строг. Другой аргумент — память, также не убедителен. Если тождество моей личности я основываю на памяти, то ведь, выйдет, что когда я делал что-нибудь забытое мною, то это был уже не я. А мы знаем, что при известных условиях многие забывают все свое прошлое; в случаях же сумасшествия, человек часто считает себя каким-нибудь животным, или даже стеклянную вещью. Если бы существование такого человека зависело от памяти, то, значит, он был животным или стеклом. Но так как это неверно, то, очевидно, мы не можем строить тождество своей личности на таком шатком аргументе, как память. К какому же заключению остается придти? — К тому, что тождество души, отдельной, но полной и сплошной, нельзя установить независимо от свойств, нельзя признавать ограниченного существования, к которому лишь придан пучек свойств.

Мнение древних Буддистов, что мы не знаем и не можем знать ничего позади видимых свойств, кажется основательнее. Согласно ему, душа есть совокупность свойств, называемых ощущениями и чувствами. Сумма этих свойств и есть то, что называют душой, и она постоянно меняется. Теория Адвайты о душе примиряет обе стороны.

Положение адвайтистов состоит в том, что мы не можем мыслить субстанцию отдельно от свойств, не можем также мыслить в одно и то же время изменение и неизменение. Субстанция и качества не две разные вещи; но то, что мы называем субстанцией, есть в то же время и то, что называется качеством. Неизменяемая субстанция вселенной то же, что и наша изменяемая вселенная. Неизменяемое лишь кажется изменяемым. *Нумен не нечто отличное от феномена; но он стал только феноменом.* Есть душа, которая не изменяется, а то, что мы называем чувствами, восприятиями и даже телом, все это — та же самая душа, и мы воспринимаем только одно. Мы привыкли думать, что имеем тела, души и т.д.; но в действительности у нас есть только одно. Когда я думаю о себе, как о теле, я только тело; а когда думаю о себе, как о душе, тело исчезает, и восприятия тела не остаются. Никто не может воспринимать свое *Я* без того, чтобы восприятие тела не исчезло; никто не может достичь восприятия субстанции, без исчезновения восприятия свойств.

Старый пример Адвайты, — веревка, принимаемая за змею, — может быть приведен и здесь, для лучшего уяснения нашей мысли. Когда человек считает веревку змеей, веревка для него не существует, а когда узнает, что это веревка, змея исчезает, и остается веревка.

Наши идеи о двойном и тройном существовании получались путем анализа, а затем были записаны в книги, и мы читали или слушали о них до тех пор, пока в нас не укоренилось заблуждение, что мы имеем двойное восприятие, души и тела. На самом деле, его никогда не было. Воспринимать в данное время можно или душу, или тело. Это не требует дальнейших доказательств, и вы сами можете это проверить на себе.

Попробуйте думать о себе, как о душе, как о чем-то, не имеющем тела. Вы увидите, что это почти невозмож-

но; но те немногие, которым это удается, знают, что в то время, когда их *я* представляется им как душа, у них не бывает никакой идеи о теле. Вы, может быть, встречали людей, находившихся под влиянием гипноза или, вследствие истерии, в особенном состоянии сознания. Из их рассказов о том, что они испытывали, вы могли видеть, что в то время, когда они воспринимали что-нибудь внутреннее, внешнее для них исчезало. Это показывает, что все, что существует, одно; что одно проявляется в разных формах и что отношение всех этих различных форм друг к другу то же, что между причиной и следствием. Отношение между причиной и следствием то, что причина становится следствием, следствие причиной и т.д. Причина как бы исчезает, и на ее месте остается следствие. Если душа — причина тела, то душа как бы исчезает на некоторое время, и остается тело, а когда тело исчезает — остается душа. Эта теория давала бы буддистам удобные аргументы против допущения дуалистами тела и души, так как она опровергает положение дуализма, показывая, что субстанция и качество — одно и то же, принимающее только различные формы.

Мы видели также, что идея о неизменяемости может относиться только к целому, но никоим образом не к части. Понятие о части вытекает из понятия об изменении и движении. Что-нибудь ограниченное мы можем понимать и знать потому, что оно изменяемо; целое же должно быть неизменяемо, потому что кроме него нет ничего другого, а изменение может быть только по отношению к чему-нибудь, что сравнительно постоянно, или неизменно.

Итак, согласно Адвайте, идея о мировой душе, — всеобщей, неизменяемой и бессмертной, — может быть вполне доказана. Затруднение может быть только относительно частной (души). Что же остается от старых

дуалистических теорий, через которые все мы должны были пройти и которые имели над нами такую власть, — от теорий о маленьких отдельных индивидуальных душах? Мы знаем теперь, что мы бессмертны в целом, но беда в том, что нам хотелось бы быть бессмертными в отдельности. Мы видели, что *мы бесконечны и что в именно этом и состоит наша индивидуальность*. Но мы так сильно желаем сделать индивидуальными наши маленькие души. Чем же они становятся, когда ежедневный опыт нам показывает, что эти маленькие души индивидуальны, но с оговоркою, что они — индивидуальности постоянно растущие. Они те же и не те же. Вчерашний я тот же, что и сегодняшний я, и в то же время не тот; в нем что-то изменилось. Освобождаясь от дуалистического понятия, что среди всех этих изменений проходит нить тождества, и принимая самые новейшие понятия, например, понятия об эволюции, мы находим, что наше тождество, — то, что мы считаем неизменным, — постоянно изменяется, постоянно увеличивается.

Если верно, что человек представляет собою эволюцию моллюска, то индивидуальность моллюска должна быть та же, что и индивидуальность человека, только она стала значительно больше. От моллюска до человека было постоянное увеличение до состояния бесконечности. Поэтому отдельная душа может быть названа индивидуальностью, постоянно развертывающейся в направлении к бесконечности. Совершенной индивидуальностью она станет только тогда, когда сделается бесконечной; по эту же сторону бесконечности она — индивидуальность постоянно изменяющаяся, растущая.

Адваистические системы Веданты имеют особенное стремление согласоваться с предыдущими системами. В них проводится та же идея, которую в новейшее время вы называете теорией эволюции, т.е., что все мало-

помалу растет. При таком взгляде не трудно примирить все предыдущие системы, не отвергая ни одной из их идей. Ошибка Буддистов заключалась в том, что они не имели понятия об этом постоянно увеличивающемся росте, и потому никогда даже не пытались примирить с идеалом предшествовавшие шаги. Они просто отбрасывали их, как бесполезные и даже вредные. Вы увидите, что такая склонность в деле религии в высшей степени опасна. Человек приходит к новой лучшей идее и, оглядываясь на все те, что отбросил, сразу решает, что они были не нужны и вредны. Он никогда не подумает, что как бы они ни казались теперь, с современной точки зрения, незрелыми и грубыми, когда-то они были очень полезны и даже необходимы ему, для достижения его настоящего состояния, и что каждый из нас должен расти подобным же образом, жить с такими идеями, извлекать из них возможную для себя пользу и с помощью их достигать высшего состояния. Поэтому Адвайтист смотрит благосклонно на самые старые теории, на дуализм и все ему предшествовавшее. Он относится к ним не в покровительственном тоне, но с убеждением, что все они были верны, все представляли собой проявления одной и той же истины и все должны придти к тому же заключению, к какому пришла и сама Адвайта.

Все эти ступени, по которым прошло человечество, должны сохраняться со словами благословения, а не проклятия. Поэтому дуалистические системы сохранены нетронутыми в Веданте и никогда ею не отталкиваются и не отбрасываются. Даже дуалистическое понятие об индивидуальной душе, которая после смерти человека идет в другие миры, находит в Адвайте место. Эти идеи сохранены здесь во всей полноте, благодаря чему представляется возможным дать каждой из них надлежащую оценку, помня только, что все они выражают собою лишь отдельные частные взгляды на данный предмет.

Смотря на вселенную с известной точки зрения, вы можете видеть только одну ее часть. Так вселенная и представляется уму. С той точки, на которой стоит дуалистический ум, вселенная только и может представиться как создание из материи и силы. Она может казаться только игрою какой-то воли, а эта воля, в свою очередь, только отдельной от вселенной. В этом положении человек должен видеть и в себе двойную природу, тело и душу, при чем эта душа, хотя и ограниченная, сама по себе вполне индивидуальна и к ней применяются все идеи о бессмертии. Эти фазы развития религиозных идей сохранены также в Веданте, и я считаю полезным привести вам из этой дуалистической ее части несколько общераспространенных идей. Согласно им, мы имеем тело и за ним — другое, так называемое тонкое тело. Последнее состоит также из материи, только очень эфирной. Оно — носитель всей нашей кармы, всех наших действий. Впечатления от всей нашей прежней деятельности сохраняются в этом тонком теле, готовые проявиться опять. Всякая наша мысль, всякий поступок, по прошествии известного времени, становятся тонкими, переходят, как говорят, в форму семени и в таком виде живут в этом теле, в скрытом состоянии, а спустя некоторое время всплывают опять и приносят свои плоды. Это целая история того, чем человек сделал свою жизнь. Человек не связан никакими законами, кроме тех, которые он сам для себя создал. Наши дела, мысли и поступки — только нити той сети, которою мы опутываем себя, из-за добрых или злых побуждений. Если мы приводим в действие какую-нибудь силу, то должны нести и все последствия этого. Это — законы кармы. Позади тонкого тела находится *Джива*, или индивидуальная душа человека. Много спорили относительно размеров, формы или отсутствия формы этой индивидуальной

души. По мнению од-них, она очень мала, вроде атома; по мнению других — не так мала; по мнению третьих — очень велика и т.д. Эта Джива есть часть мировой субстанции и живет вечно; как часть целого, она существует, не имея начала, и будет существовать без конца, переходя во всевозможные фор-мы, чтобы проявить свою истинную природу и чистоту. Всякие действия или мысли Дживы, влекущие ее назад к тому состоянию, из которого она вышла, называются дур-ными поступками; а действия и мысли, помогающие ей расширяться, проявить себя дальше — хорошими. Одна удивительная теория принята в Индии, как самыми незрелыми дуалистами, так и наиболее ушедшими вперед их противниками, — именно, что все способности и силы души уже существуют в ней, а не приходят откуда-то извне. Они находились в душе в скрытой форме, и вся деятельность нашей жизни, или жизнью, направлена к одной цели — проявить ее возможности. Существует также учение о так называемом перевоплощении, состоящее в том, что после того, как тело разложится, Джива берет другое тело, затем третье и т.д., и живет с ними в этом мире, или в других мирах. Но этому миру отдается предпочтение, как лучшему из миров для наших целей. Относительно других миров находят, что в них слишком мало страданий, и потому мало побуждений думать о более высоких вещах. Так как этот мир неустойчиво уравновешен огромной массой страданий и некоторым количеством счастья, то Джива рано или поздно пробуждается и у нее является мысль о своем освобождении. Но как очень богатые лица в этом мире имеют мало поводов думать о высших предметах, так точно и Джива, если пойдет на небо, не будет иметь побуждений к этому. Ее положение в этом случае станет лучше прежнего, ее очень тонкому телу не придется думать ни о каких болезнях, не будет необхо-

димости в еде и питье, и все его желания будут выполняться. Джива будет переходить там от наслаждения к наслаждению и забудем все о себе и всяких идеалах. Но в высших мирах есть все-таки Дживы, продолжающие совершенствоваться, несмотря на окружающие их наслаждения, и переходящие оттуда еще выше. Очень грубая часть дуалистов представляет себе цель, которой надо достигнуть, в виде самого высшего неба, куда, наконец, попадут эти души и будут там вечно жить вместе с Богом. Они будут иметь прекрасные тела, не знать болезней и смерти и, вообще, никакого зла. Все их желания будут исполняться, и они будут вечно лицезреть Бога. Но от времени до времени некоторые из них возвращаются на землю и принимают новые тела, чтобы поучать людей. Они-то и были, по словам упомянутых дуалистов, великими учителями мира. Они были уже свободны и жили с Богом в высших сферах, но их милосердие к страждущему человечеству было слишком велико, и они воплотились опять и проповедывали людям пути к Нему. Теперь они пошли в миры ангелов и в разные другие.

Адвайта, конечно, не находит такое состояние идеальным. Идеалом должна быть бестелесность. Все, меньшее бесконечного, не может быть идеалом; бесконечное же тело немислимо, так как самое понятие тела уже предполагает пределы или границы. По той же причине не может быть и бесконечной мысли. Адвайта говорит, что мы должны идти за пределы тела, а также и за пределы мысли.

Другое странное положение Адвайты состоит в том, что нам нет надобности добывать свободу, что она уже есть у нас, но мы только забыли и отрицаем ее. Совершенства, неизменяемости и бессмертия нам тоже не приходится достигать; их также мы все время имеем. Если вы решитесь сказать себе, что вы свободны, — в тот

же момент вы свободны. Если скажете, что вы связаны, — связанными и останетесь. Но дуалисты и некоторые другие держатся противоположного мнения. Вы можете выбирать то, что вам больше нравится.

Этот идеал Веданты очень трудно понять, и он вызывал много споров. Наибольшее затруднение представляло то, что если принять идеи Адвайты, то является необходимость отрицать и оспаривать идеи дуалистов. Берите то, что вам нравится, и предоставьте другим брать то, что они найдут для себя подходящим. Если вам очень хочется сохранить вашу маленькую индивидуальность, — остаться отдельным человеком, — вы сохраните также и все ваши желания. Если путем опыта вы пришли к заключению, что человеческая природа хороша и приятна, можете сохранить ее сколько хотите времени, так как вы сами создаете свою судьбу, и никто не может принуждать вас. Вы будете людьми так долго, как захотите. Если захотите быть ангелом, будете ангелом. Все зависит от вас. Но могут быть люди, которые не хотят быть даже ангелами. Какое право вы имеете говорить им, что их понятия ужасны? Вы можете прийти в ужас, если потеряете сто фунтов; но могут быть другие, которые даже не мигнут, если бы потеряли все деньги, какие есть на свете. Есть такие и этакие. Как вы смеете судить других по своей мерке? Вы льнете к вашим ограничениям и маленьким мирским идеям, и это может быть вашим идеалом. Пожалуйста. Вы получите то, что желаете. Но есть другие, познавшие истину и покончившие со всем этим; такие не могут успокоиться в этих ограничениях; они хотят вырваться из них, и ничто в этом мире не удовлетворяет их. Для них мир, со всеми его наслаждениями, просто грязная лужа. Почему вы хотите заставить их подчиняться вашим взглядам? Вы должны отвыкнуть от этого раз и навсегда. Предоставьте свободу каждому. Не тьяни-

те других к себе вниз. Год назад я читал рассказ, как несколько судов были застигнуты циклоном у островов Самоа. На иллюстрации к этому рассказу (в «Иллюстрированных Лондонских Новостях») все суда представлены погибающими, кроме одного — английского, благополучно выдержавшего шторм, и люди гибнущих кораблей, которых вот-вот поглотит море, стоят на палубах и аплодируют тем, которые плывут, несмотря на бурю.

Некоторые говорят, что, если мы утрачиваем нашу маленькую индивидуальность, то для человечества не будет никакой нравственности, никакой надежды. Как будто все они все время умирают ради человечества. Бог с вами, да если бы в каждой стране нашлись две сотни мужчин и женщин, действительно желающих делать добро человечеству, то через пять дней настало бы царствие Божие на земле. Знаем мы, как умирают за человечество. Все это — только громкие фразы, и говорятся они не без цели. Боже, избави нас от них!

История показывает, что те, кто никогда не думали об этой маленькой индивидуальности, были величайшими благодетелями человеческого рода, и что чем больше люди думают о себе, тем меньше они способны трудиться для других. Одно — бескорыстие, другое — себялюбие, постоянное повторение которого — крайний эгоизм. Он является не от жажды истины, или желания добра другим существам, но от *чрезмерной черствости сердца*, от мысли: «Я хочу иметь все и не забочусь о других». Так это представляется мне. Я хотел бы видеть в мире больше нравственных людей, похожих на тех великих древних пророков и мудрецов старого времени, которые отдали бы сотню жизней, если б могли этим принести пользу даже одному маленькому животному. Толки о нравственности и пользе ближним в настоящее время не более, как пустая болтовня.

Я хотел бы видеть нравственных людей, похожих на Гаутама Будду, который не верил ни в Личного Бога, ни в личную душу, никогда ничего не требовал, никогда не просил, держал себя настоящим агностиком, и вместе с тем всю жизнь трудился для блага всех, готов был положить жизнь за каждого. Прекрасно выразился его биограф: «Он рожден для пользы и блага многих». Он никогда не удалялся в лес, чтобы размышлять ради своего спасения. «Мир в огне; кто-нибудь должен найти выход»... «Зачем так много страданий?» Эта одна мысль управляла всей его жизнью. Думаете-ли вы, что мы так же нравственны, как Он? *Чем безнравственнее человек или раса, тем они эгоистичнее. Раса, выделяющая себя из других, самая жестокая и злая.* Не было религии более дуалистической, чем религия пророка Аравии, и никто не пролил столько крови, не был так жесток по отношению к другим существам, как ее последователи. У этих фанатиков есть даже учение, что человека, неверующего как они, можно убить; это будет доброе дело. И самое верное средство попасть на небо с прекрасными гуриями и всякого рода чувственными наслаждениями — убийство неверных. Подумайте, сколько кровопролития было следствием этой религии. В религии Христа не было жестокости. Между Его чистой религией и Ведантой очень мало различия. В ней проповедуется идея о Единстве, но проводятся также и дуалистические идеи, с целью дать людям за что-нибудь ухватиться, чтобы затем подняться к высшему идеалу. Пророк, молившийся: «Отче наш, иже еси на небесах», учил также: «Я и Отец — одно». Этот Пророк знал, что через Отца на небесах путь лежит к «Я и Отец — одно». В Его религии были только благость и любовь; но, как скоро в нее внесли черствость, она выродилась в нечто только немногим лучшее, чем религия жестоких сект пустыни. Это произошло от

невежества, от борьбы за свое маленькое *я*, от заботы сохранить это *я* не только в настоящей жизни, но и после смерти. Нам говорят, что это бескорыстие, что это основание нравственности. Избави нас, Боже, от такой нравственности. Эгоизм — основание нравственности! Люди, которые должны бы иметь лучшее об этом понятие, приходят в ужас, думая, что если эти маленькие *я* исчезнут, вся нравственность погибнет. *Лозунг всякого благополучия, всякой нравственности, — «Не я, но ты».* Кому какое дело, есть ли такие вещи, как небо или ад, имею ли я душу и, если имею, то изменяется ли она или нет? Есть мир, и он полон страданий. Идите, подобно Будде, в мир и постарайтесь уменьшить его страдания, или умрите, пытаясь сделать это. Забудьте о себе; это первое, чему надо научиться, деист вы или атеист, агностик или ведантист, христианин или магометанин. Всем нам ясно одно правило: «не я, но ты», — уничтожение маленького *я* и восстановление действительного *Я*.

Две силы постоянно действуют рядом друг с другом. Одна говорит: «Я», другая — «не Я». Они проявляются не только в людях, но и в животных, не только в высших животных, но и в самом ничтожном из червяков. Тигрица, погружающая свои когти в горячую кровь человека, отдает свою жизнь, защищая тигренка. — Самый развращенный человек, ставящий ни во что жизнь своих братьев-людей, сделает все, чтобы спасти свою умирающую с голоду жену или своих маленьких детей. Таким образом, две эти силы работают рядом во всем творении, и где вы найдете одну из них, там найдете и другую. Одна — эгоизм, другая — бескорыстие. Одна — присвоение, другая — отречение. Одна все берет, другая все отдает. Все во вселенной, от самого низшего до самого высшего, представляет арену для этих двух сил. Это настолько всем ясно, что не требует доказательств. Какое право имеет

одна часть общества приписывать всю работу эволюции вселенной действию одной из них, именно — соперничеству и борьбе? Какое она имеет право приписывать эту работу страстям, ссорам, раздорам и дракам? Мы не спорим, что все это существует. Но какое она имеет право не признавать действия другой силы? И можно ли отрицать, что любовь, отречение, выражающееся в словах «Не Я», — единственная положительная сила вселенной? Другая сила — только ложно направленное применение той же силы, любви, так как соперничество вызывается любовью. Истинное происхождение соперничества — в любви. Настоящая причина зла — бескорыстие. Создатель зла — добро, и цель его тоже добро. Человек, убивающий на улице другого, может быть, был побужден к этому любовью к своему ребенку. Его любовь стала узкою, ограничилась одним маленьким ребенком и оторвалась от миллионов других душ вселенной. Но, ограниченный или безграничный, это все-таки тот же самый Бог.

Таким образом, движущая сила всей вселенной, как бы она ни проявлялась, не что иное, как эта удивительная вещь, называемая бескорыстием, отречением. Истинная любовь — единственная живая сила. Поэтому Ведантист и настаивает на Единстве, а не на двойственности. Мы также настаиваем на этом объяснении, потому что наука и знание, которыми мы так гордимся, заставляют нас признать, что, если одна причина может объяснить всю серию следствий, то такое объяснение должно быть признано верным, предпочтительно перед всякой теорией, требующей для объяснений того же числа следствий многих причин. Так, например, если мы признаем, что, вследствие ограничения того же единства, прекрасная и удивительная любовь может оказаться злом или подлостью, мы должны всю вселенную объяс-

нить одною силою любви. Если же не допускаем возможности происхождения зла от любви, то должны признать две причины вселенной, добрую и злую, две силы — любовь и ненависть. Что же более логично? — Конечно то, что предполагает только одну причину.

Теперь я перейду к понятиям, которые никоим образом не принадлежат дуалистам. С дуалистами я не могу дольше оставаться. Я их боюсь. Я хочу показать вам, что *высший идеал нравственности и бескорыстия идет рука об руку с высшими метафизическими идеями*; что для осуществления требований этики и нравственности нет надобности принижать свои идеи, а — напротив — необходимо достичь самых высших философских и научных понятий. Человеческое знание не враждебно человеческому благосостоянию. Наоборот, только знание спасет вас во всех областях жизни. Чем больше мы знаем, тем лучше. Ведантист говорит: причина всего, кажущегося дурным, заключается в ограничении безграничного, в любви, которая будучи заключена в узкие каналы, кажется злом, но, выходя из них, на другом конце проявляется, как Бог. Веданта же утверждает, что причина кажущегося зла — в нас самих. Не вините сверхнормальные существа, не теряйте надежды, не падайте духом и не думайте, что вы в какой-то норе и не можете из нее выбраться, если не придет кто-нибудь и не протянет вам руку помощи. Этого не может быть, — говорит Веданта. Мы похожи на шелковичных червей; из собственной субстанции мы вытягиваем нити, делаем кокон и со временем оказываемся заключенными в нем. Но не навсегда. В этом коконе мы должны развиться в бабочку и выйти из него свободными. Мы опутали себя сетью кармы, чувствуем в своем невежестве — как будто связаны и по временам плачем и вопим о помощи. Но помощь извне не приходит, хоть призывайте всех богов вселенной. *Она*

придет изнутри вас самих. Я целые годы взывал о помощи, и после долгого времени увидел, что помощь пришла. Но она пришла изнутри. И я должен был переделывать то, что ошибочно было сделано мною. Я должен был разрезать сеть, которою опутал себя, и сила для этого была во мне. Из этого я пришел к уверенности, что ни одно мое стремление в жизни, хорошо или дурно направленное, не пропало даром, но что я — результат всего моего прошлого, как хорошего, так и дурного. Я делал в моей жизни много ошибок, но уверен, что если бы исключить хотя одну из них, я не был бы тем, что я есть, а я вполне доволен собою. Я этим не хочу сказать, что вы должны делать ошибки. Не поймите меня в этом ложном смысле. Но не смущайтесь, если сделаете несколько ошибок. Знайте, что в конце концов все исправится. Иначе быть не может, потому что правильность действий и чистота — в нашей природе, а природа никогда не может быть никакими средствами устранена. Сущность нашей природы всегда останется та же самая.

Мы должны понять, что то, что мы называем ошибками, или злом, мы делаем вследствие нашей слабости, *слабы же мы потому, что невежественны.* Я предпочитаю называть это ошибками, так как слово «грех», хотя первоначально и очень точное, приобрело некоторый оттенок, который пугает меня. Кто делает нас невежественными? — Мы сами. Мы сами закрываем себе глаза руками и жалуемся, что темно. Уберите ваши руки, и увидите, что вам всегда светит свет, — самосветящаяся природа человеческой души. Разве вы не видите ее? Что говорят ваши новейшие люди науки? Какая причина всей эволюции? — Желание. Животное хочет сделать что-то новое, но не находит удовлетворительных для этого условий, и потому вырабатывает себе новое тело. Кто его вырабатывает? Оно само, своею собственной волей. Вы развились из самой низшей амебы. Применяйте ту же

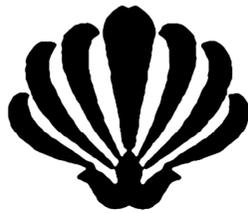
волю, и она поднимет вас еще выше. Воля всемогуща. Если она всемогуща, — скажете вы, — почему я многого не могу делать? Но вы думаете при этом только о вашем маленьком *я*. Оглянитесь назад и проследите себя от состояния амебы до человеческого существа, и скажите, кто сделал все это. — Ваша собственная воля. Можете ли вы тогда отрицать, что она всемогуща? То, что подняло вас так высоко, может сделать вас еще выше. Но для этого нам нужен характер, укрепление воли, а не обессиливание ее. Поэтому, если бы я учил вас, что ваша природа зла, и говорил вам, чтобы вы шли домой, оделись в рубище, посыпали голову пеплом и всю жизнь сокрушались, что сделали несколько ложных шагов, это не помогло бы вам, но еще больше ослабило, и я указал бы вам путь скорее ко злу, чем к добру. Если бы эта комната была полна тьмы в течение тысяч лет, и вы вошли бы в нее и начали плакать и кричать: «Ой, темно!» — разве тьма исчезнет? Внесите в нее свет, зажгите спичку, и в один момент станет светло. Какая вам польза всю жизнь думать: «Я совершил дурное дело, я наделал много ошибок». Внесите свет, и зло исчезнет в одно мгновение. Укрепляйте свою действительную природу, становитесь лучезарным, блистающим, вечно чистым, и вызывайте то же в каждом, кого видите. Я хотел бы, чтоб всякий из нас достиг такого состояния, чтобы внутри даже самого худшего из людей он мог видеть Бога, и чтоб, вместо того чтоб осуждать его, мог сказать: «Встань, лучезарный, встань, вечно чистый, нерожденный и бессмертный, встань, всемогущий, и прояви свою истинную природу. Эти маленькие проявления не приличны для тебя!» Это самая высокая молитва, которой учит Адвайта. Единственная истинная молитва состоит в том, чтобы помнить о своей природе, о Боге, Который всегда в нас, думать о Нем всегда, как о Бесконечном, Всемогущем, Вечно-Благом, всегда Благотворительном, Беспристрастном, лишенном всех маленьких *я*, всех маленьких ограничений.

Кого может бояться тот, кто ничего не желает для себя? Кто может устрашить его? Чем страшно ему может быть зло? Если мы Адвайтисты, мы должны думать, что с этого момента мы мертвы и нас нет. Старый человек ушел, он был просто каким-то суеверием, а то, что осталось, вечно чисто, вечно энергично, могущественно и всеведуще. Это остается у нас, и тогда весь наш страх исчезает. Кто может причинить вред мне, вездесущему? Таким образом, все слабости мои исчезают и мне предстоит только одно дело, — вызывать то же состояние у моих ближних. Я вижу, что они такие же, только не знают этого. Я должен научить их, помочь им пробудить в себе их бесконечную природу. Вот что я нахожу необходимым для всего мира. Эти доктрины стары, старее, чем многие горы. Всякая истина вечна. Она не составляет ничьей собственности: никакая раса и никакой индивидуум не может претендовать на исключительное обладание истиной. *Истина есть природа всех душ.* Кто может предъявлять особенное право на нее? Но она должна быть практична, проста, так как вы видите, что высшие истины в то же время самые простые. Она должна быть настолько проста, чтобы могла проникнуть в каждую пору человеческого общества, чтобы могла стать достоянием как самого высокого, так и самого обыкновенного ума, мужчины, женщины, ребенка. Все рассуждения логики и метафизики, все теологии и обряды могут быть хороши в свое время; но попробуем упростить понятия и приблизить золотые дни, когда каждый человек станет поклонником, а сущность каждого человека — предметом поклонения.

रवदश
यंठर

Всякая душа потенциально божественна.

Цель жизни состоит в проявлении в себе этой божественности подчинением внутренней и внешней природы.

Достигайте этого трудом, молитвою, психическим управлением, или философией, — одним из этих способов, несколькими из них, или всеми, — и будете свободны.

В этом вся сущность религии; учения, догматы, обряды, книги, храмы, уставы — все это только второстепенные подробности.

Предисловие

На страницах истории, начиная с древнейших ее летописей, встречаются рассказы о разных необыкновенных явлениях и случаях, которых люди были очевидцами. И в позднейшие времена, даже среди обществ, просвещенных ярким светом новейшей науки, нет недостатка в свидетелях, удостоверяющих действительность таких же явлений. Огромная масса подобных рассказов не заслуживает доверия, как исходящая от людей невежественных, суеверных и лживых; так называемые чудеса во многих случаях были поддельны. Но не было ли между ними настоящих чудес, послуживших образцами для подделки. Поверхностные ученые, неспособные объяснить различные необыкновенные психические явления, стараются игнорировать самое их существование. Но отворачиваться от чего-нибудь без надлежащего исследования еще не признак беспристрастного научного ума; и такие ученые заслуживают большего порицания, чем люди, думающие, что их молитвы исполняются одним или несколькими существами, обитающими над облаками, или верящие, что своими молитвами они могут побудить такие существа изменить ход мировых событий. Последним может служить извинением их невежество, или ложная система воспитания, вследствие которой они с детства привыкли во всем полагаться на помощь таких существ, и эта привычка стала частью их врожденной природы; у первых же нет и такого оправдания.

В течение тысячелетий упомянутые явления исследовались, изучались и приводились в систему; было подвергнуто тщательному анализу все, что послужило основанием к развитию в человеке религиозности, и в результате получилась наука Раджа-Йога.

Раджа-Йога не следует непростительной манере некоторых новейших ученых: она не отрицает фактов, ко-

торые очень трудно объяснить; но просто, хотя и в решительных выражениях, говорит суеверным, что чудеса, исполнение молитв и сила веры, будучи действительными как факты, не разъясняются суеверным приписыванием их участию существа или существ заоблачных. Она заявляет человечеству, что всякое существо есть только проводник бесконечного океана знания и силы, лежащего позади него. Она учит, что как желания и потребности возникают в человеке, так и сила удовлетворения их находится также в самом человеке, и что, где бы и когда бы ни осуществилось удовлетворение желания, молитвы или нужды, оно получено из этого бесконечного источника, а не от какого-либо сверхъестественного существа. Идея о сверхъестественных существах может до известной степени возбудить в человеке его энергию; но она же влечет за собою и умственное ослабление. Она приносит зависимость, страх, суеверие и вселяет ужасную веру в прирожденную слабость человека. Не существует ничего сверхъестественного, говорит Йог, но в природе есть явления грубые и явления тонкие. Тонкие суть причины, грубые — следствия. Грубые легко могут быть обнаружены чувствами, тонкие — нет. Упражнения в Раджа-Йоге приводят к приобретению способности более тонких восприятий.

Все ортодоксальные системы индийской философии преследуют одну цель, — освобождение души путем совершенствования. Методом для этого служит Йога. Слово Йога обнимает собою огромную область знаний; но школы Санкхья и Ведантистов употребляют его для обозначения отдельных частей этой области.

Предмет настоящей книги составляет та часть Йоги, которая известна под именем Раджа-Йоги.

Слушателям, которые захотели бы заняться этим предметом, дается несколько простых, но подробных

указаний; причем, однако ж, им серьезно и настоятельно напоминает, что, за немногими исключениями, Йогу можно безопасно изучать только при непосредственном общении с учителем. Впрочем, если б эти беседы успели в ком-либо пробудить желание к дальнейшему ознакомлению с предметом, за учителем остановки не будет.

Автор

Глава I. **Вступление**

Все наши знания основаны на опыте. То, что называется выводным знанием, в котором мы идем путем заключений от менее общего к более общему, или от общего к частному, имеет своим базисом опыт. Положения так называемых точных наук легко признаются верными потому, что всякий приглашается проверять их личным опытом. Ученый не говорит вам, чтобы вы верили чему-нибудь; если же он делает выводы из результатов собственных опытов и предлагает вам свои заключения, то при этом всегда ссылается на какие-нибудь опыты, известные всему человечеству. В каждой точной науке есть основание, известное всему человечеству, так что каждый может судить о верности или ошибочности делаемых из него заключений. Теперь является вопрос: ну, а религия, имеет она такое основание или нет? На этот вопрос мне приходится отвечать и утвердительно и отрицательно. Религии, как им учат вообще во всем мире, основаны на предании и вере и в большинстве случаев состоят только из разных теорий, которые, в свою очередь, основаны на вере. В этом и заключается причина, почему все эти религии оспаривают одна другую. Один говорит, что есть великое существо, сидящее над облаками и управляющее вселенною, и приглашает меня верить этому, только полагаясь на его личный авторитет. Но с таким же основанием я могу иметь свои собственные воззрения и требовать, чтоб другие им верили, хотя я и не в состоянии привести какие-либо доказательства. Вот почему религия и метафизическая философия пользуются теперь такой дурной репутацией. Всякий образованный человек как бы говорит: «Эти религии только набор теорий без всякого критерия для их оценки; каждый

проповедует свои собственные любимые идеи». Но при всем том я должен сказать вам, что опытное основание для всеобщей религиозной веры существует, и именно из него вытекают все различные теории и все изменяющиеся идеи разных сект в разных странах. Обращаясь к источнику религий, мы находим, что религии так же, как и науки, основаны на опыте.

Прежде всего я попрошу вас рассмотреть различные религии мира. Вы найдете, что они разделяются на два класса: одни — имеющие книгу, и другие — не имеющие ее. Те, у которых есть книга, сильнее и имеют большее число последователей; те, у которых книги нет, большею частью вымерли, а немногие новые из них имеют очень мало последователей. Но в них во всех мы находим одно общее указание, именно, что истины, которым они учат, суть результаты опытов отдельных лиц. Христианин приглашает вас верить в его религию, верить в Христа, верить в Бога, в душу и в лучшее будущее этой души. Если я попрошу его доказать то, что он говорит, он, обыкновенно, отвечает: «доказать не могу, — это мое верование». Если вы, однако ж, обратитесь к источнику христианства, то найдете, что в основании его лежит опыт: Христос говорил, что видел Бога, ученики его говорили, что чувствовали Бога и т.д. Подобным образом в Буддизме имеется опыт Будды: он опытом познал известные истины, видел их, проникся ими и проповедывал их миру. То же самое у индусов: в их книге авторы, называемые Риши, или мудрецы, заявляют, что они путем опыта добыли истины, которые проповедуют.

Из приведенных уже примеров ясно, что все религии мира основаны на единственном всемирном и вечном основании всех наших знаний, — на прямом опыте: все Учителя видели Бога, все они видели свои собственные души, видели свою вечность, свое будущее, и то, что ви-

дели, проповедывали. Но в большинстве религий, особенно позднейшего времени, мы находим странное утверждение, что такой опыт был возможен только для немногих людей, бывших первыми основателями религий, получивших от них и свои названия; настоящему же времени такой опыт якобы не доступен, и потому теперь мы должны принимать религию на веру. Я решительно отрицаю это.

Если в этом мире, в какой бы то ни было отрасли знания, был наблюдаем какой-нибудь факт, то необходимо следует, что наблюдение этого факта было возможно миллион раз раньше и может повторяться бесконечное число раз в будущем. Однообразие есть строгий закон природы: что раз случилось — может случиться всегда.

Учителя науки Йоги поэтому и заявляют, что не только религия не основана исключительно на опыте древних времен, но что ни один человек не может быть религиозным, если сам личным опытом не познает истины своих религиозных воззрений. Йога есть наука, которая учит нас достигнуть такого опытного познания.

Бесполезно толковать об истинах религии, пока не убедился в них сам. Почему было так много смуты, борьбы и споров во имя Божие? Во имя Бога было больше кровопролитий, чем по какому бы то ни было другому поводу, и причина этого заключается в том, что люди никогда не обращают внимания на первоначальные источники; они довольствуются только тем, что принимают верования и обычаи своих предков, и хотят, чтоб другие делали то же. Какое право имеет человек говорить, что имеет душу, если он ее не чувствует, или что есть Бог, если он Его не видит? Если Бог есть, мы должны видеть Его; если есть душа, мы должны ощущать ее; иначе лучше не верить. Лучше быть открытым атеистом,

чем лицемером. Согласно современному взгляду «ученых», религия и метафизика и все поиски Верховного Существа — вздор; полуобразованные же думают, что эти вещи сами по себе не имеют реального основания, а польза их состоит только в том, что они служат могущественной побудительной причиной для человека делать добро другим. Если человек верит в Бога, говорят они, он может стать добрым и нравственным, и таким образом выработаются хорошие граждане.

Мы не можем порицать их за то, что они держатся таких взглядов, так как знаем, что все, чему учат этих людей — это верить в вечно бессмысленно повторяемые слова, не имеющие никакого внутреннего содержания. Им предлагают жить, веря на слово. Но могут ли они делать это? Если бы могли, нельзя было бы иметь ни малейшего уважения к человеческой природе. Человек нуждается в истине, ему необходимо убедиться в ней лично, овладеть ею, удостовериться в ней, почувствовать ее в глубине своего сердца. Тогда только, заявляют Веды, исчезнут все сомнения, рассеется всякая темнота и все кривое выпрямится. «Вы, дети бессмертия, живущие как здесь, так и в высочайших сферах! путь найден; есть путь из этого мрака, и он состоит в познании Того, Кто выше всякого мрака, и другого пути нет».

Наука Раджа-Йога предлагает человечеству практический и научно-выработанный метод убедиться в этой истине. Но каждая наука имеет свой собственный метод исследования. Если, желая сделаться астрономом, вы сядете и станете кричать: «астрономия, астрономия!» — вы ею не овладеете: вам необходимо идти в обсерваторию, взять телескоп, изучать звезды и планеты, и тогда вы станете астрономом. То же самое относительно химии: вы должны идти в лабораторию, брать разные тела, смешивать их, соединять и производить опыты с ними;

таким путем получится знание химии. В каждом случае необходимо следовать известному методу. Я мог бы прочесть вам тысячи проповедей, но они не сделают вас религиозными пока вы не начнете сами применять соответствующий метод. Это истина мудрецов всех стран и веков, людей чистых и не себялюбивых, которые не имели другого побуждения, кроме добра миру. Они все заявляют, что нашли истины, более высокие чем те, которые могут доставить нам чувства, и приглашают проверить их. Они говорят вам: «вот приемы, применяйте их добросовестно, и тогда, если вам не откроется Высшая Истина, вы будете вправе сказать, что наше учение ложно; отрицать же его, не проверив, не рационально». Итак, мы должны усердно работать, употребляя предписанные способы, и свет придет.

Приобретая знания, мы употребляем обобщения, а обобщения основаны на наблюдении. Сначала мы наблюдаем факты, потом обобщаем, и затем выводим заключения, или законы. Знание разума, внутренней природы человека, мысли — никогда не может быть приобретено, если мы не будем иметь возможности наблюдать факты, происходящие внутри нас. Легко наблюдать факты во внешнем мире, и тысячи инструментов изобретены для наблюдения каждой точки природы; но у нас нет инструментов, которые бы помогали нам наблюдать в нашем внутреннем мире. Тем не менее мы знаем, что для того, чтоб иметь действительные знания, необходимо наблюдать. Без точного опыта всякая наука останется бесполезной, пустой теорией, и в этом причина того, что все психологи, с начала веков, постоянно спорили друг с другом, исключая только тех, которые нашли способы наблюдать свой внутренний мир.

Наука Раджа-Йога прежде всего имеет в виду дать человечеству средства для наблюдения внутренних со-

стояний; орудие для этого — сам разум. Сила внимания разума, будучи правильно руководима и направлена на внутренний мир, исследует сознание и освещает для нас факты. Силы разума подобны рассеянным лучам света: будучи сосредоточены, они освещают все. Это единственный источник знания, находящийся в нашем распоряжении. Всякий употребляет его, как в применении к внешнему, так и к внутреннему миру; но то тщательное наблюдение, с которым ученый изучает внешний мир, психологом должно быть обращено на внутренний, а это достигается только путем усиленного упражнения. С самого детства мы приучены обращать внимание только на внешние предметы и никогда на внутренние, и большинство из нас почти утратили способность наблюдать свой внутренний механизм. Обратить сознание как бы внутрь, — задержать его там и затем сосредоточить все его силы и направить их на самое сознание, чтобы оно могло узнать свою собственную природу, анализировать самого себя, — дело очень трудное. Тем не менее это единственный путь сколько-нибудь научно подойти к предмету.

Какая польза в таком знании? — Прежде всего, знание само по себе есть высшая награда за труд, употребленный для его достижения, а затем есть и огромная польза. Это знание уничтожит все наши страдания. Когда, путем анализа своего собственного разума, человек станет, так сказать, лицом к лицу с тем, что никогда не разрушается, что по своей натуре вечно чисто и совершенно, он перестанет быть жалким, не будет больше несчастным. Все горести происходят от боязни, от неудовлетворенных желаний. Если человек найдет, что он никогда не умирает, у него не будет больше страха смерти. Если он узнает, что он совершенен, он не будет иметь никаких тщетных желаний; а раз обе эти причины отсут-

ствуют, не будет больше горестей, — будет полное блаженство, даже в этом теле.

Существует только один метод приобрести это знание — это метод, называемый *сосредоточением*. Химик в своей лаборатории сосредоточивает всю энергию своего ума в один фокус и направляет ее на тела, которые исследует, и таким образом открывает их секреты. Астроном сосредоточивает всю энергию своего ума и направляет ее через телескоп на небо, и звезды, солнце и луна открывают ему свои тайны. Чем больше я сосредоточиваю мои мысли на том, о чем говорю вам, тем больший свет могу пролить на него. Вы слушаете меня, и чем больше сосредоточите ваши мысли, тем яснее усвоите то, что я говорю.

Как все это познание мира могло бы быть достигнуто без сосредоточения сил ума? Природа готова обнаружить перед нами свои тайны, надо только знать, как подступить к ней, как дать ей достаточно сильный толчок; сила же толчка получается через сосредоточение. Нет пределов силы человеческого ума. Чем более он сосредоточен, тем больше силы будет вызвано для приложения к отдельной точке, а в этом и весь секрет.

Легче сосредоточить ум на внешних предметах, — ум естественно стремится к внешнему; но, где дело идет о религии, психологии или метафизике, там субъект и объект — одно. Объект здесь внутренний; само сознание представляет собою объект; и необходимо изучать сознание. Мы знаем, что есть способность ума, называемая рефлексивной. Я говорю вам теперь, но в то же время как бы стою в стороне, точно другое лицо, и знаю и слышу, что говорю. Вы работаете и думаете в то же время; другая часть вашего ума стоит рядом и следит за тем, что вы думаете. Силы ума должны быть сосредоточены и обращены на него самого; и, как темные места обнаруживают свои тайны при проникающих лучах солнца,

так этот сосредоточенный ум проникнет в свои собственные самые сокровенные тайники. Так мы подойдем к основанию веры, источнику чистой истинной религии. Мы увидим сами, имеем ли мы душу, продолжается ли жизнь пять минут или вечность, есть ли во вселенной Бог или нет. Все это откроется нам. Это то, чему научить имеет в виду Раджа-Йога. Задача всех ее указаний заключается прежде всего в том, как сосредоточить сознание, потом, как открывать факты в своем собственном сознании, затем, как обобщать такие факты и выводить из них свои собственные заключения. Она никогда не спрашивает нас, какая наша религия: деисты ли мы или атеисты, христиане, евреи или буддисты. Мы человеческие существа, и этого довольно. Каждое человеческое существо имеет право и возможность искать религию; каждое человеческое существо имеет право ставить вопрос: «почему?» и возможность разрешить его, если только даст себе труд заняться им.

Итак, мы видим, что для изучения Раджа-Йоги нет надобности ни в каком доверии или вере. Она сама учит Вас: не верьте ничему, в чем сами не убедились. Истина для поддержания себя не требует никаких подпорок.

Вы, может быть, скажете, что для убеждения в возможности такого пробужденного сознания требуется некоторого рода фантазия. — Положительно нет; необходимо только изучение Раджа-Йоги, требующее, правда, много времени и постоянных упражнений, частью физических, но большею частью умственных.

По мере того, как мы будем подвигаться вперед, мы увидим, как тесно сознание связано с телом. Если мы признаем, что сознание есть только более тонкая часть тела и что сознание действует на тело, то и тело должно действовать на сознание. Если тело нездорово, сознание становится больным; если тело здорово, сознание оста-

ется здоровым и крепким. Когда кто-нибудь сердится, сознание становится беспокойным; а раз сознание беспокойно, тело также делается беспокойным. У большинства человечества сознание вполне подчинено телу; оно у него очень мало развито. Огромная масса людей в этом отношении очень мало ушла вперед от животных. Больше того, во многих случаях власть над собою у людей — только очень немногим выше, чем у низших животных; мы очень мало имеем власти над нашим сознанием.

Итак, чтобы достигнуть господства, приобрести власть над телом и сознанием, мы должны сначала прибегнуть к некоторым физическим средствам, а когда тело будет достаточно подчинено, можем попытаться обработать и сознание. Посредством обработки сознания мы приобретем способность управлять им, заставляя его работать в желаемом направлении и принудить его сосредоточивать силы, как мы хотим.

Согласно учению Раджа-Йоги, весь внешний мир есть только грубая форма внутреннего, или тонкого. Более тонкое всегда причина, более грубое — следствие. Таким образом, внешний мир есть следствие, а внутренний — причина. Подобно этому, внешние силы суть собственно более грубые из сил, более же тонкие из них суть силы внутренние.

Тот, кто узнал и научился, как справляться с внутренними силами, получит всю природу в свое распоряжение. Йог ставит себе задачу сделаться не меньше как властелином всей вселенной, подчинить себе всю природу. Он хочет достигнуть такого состояния, при котором то, что мы называем «законами природы», не будет иметь для него никакого влияния, когда он будет способен стать совершенно независимым от них. Он хочет повелевать всей природой, как внутренней, так и внешней. Прогресс

и цивилизация человечества, в сущности, такое же подчинение, но только одной внешней природы.

Различные расы различаются характером своей деятельности. Как в одном и том же обществе некоторые лица стремятся управлять внешней природой, а другие внутренней, то же и между народами: некоторые хотят подчинить себе внешнюю природу, другие внутреннюю. Одни говорят, что подчинением внутренней природы мы подчиняем себе все; другие — что, овладевая внешней природой, мы овладеваем всем. В конечном результате те и другие правы, потому что, в сущности, нет ничего ни внутреннего, ни внешнего. Это выдуманнные ограничения, совсем не существующие в действительности. Те и другие, приверженцы внешнего и внутреннего, доходя до пределов своих знаний, встречаются в одной и той же точке. Как физик, доведя свои знания до крайних пределов, видит их расплывающимися в метафизике, совершенно так же и метафизик находит, что различие между тем, что он называет духом и материей, только кажущееся. Назначение и цель всех наук найти единство, то одно, из чего произошло все разнообразное, то Единое, которое существует как многое. Раджа-Йога предлагает исходить от внутреннего мира, изучать внутреннюю природу и через то управлять обеими, и внутренней и внешней.

Это стремление очень старое. Оно особенно господствовало в Индии, хотя попытки к нему были и у других народов. В западных странах изучение Йоги считалось мистицизмом, и люди, которые предавались ему, были сжигаемы или убиваемы как ведьмы и колдуны; в Индии же, по разным причинам, оно попало в руки людей, которые утратили 90% добытых раньше знаний, а из оставшейся части старались сделать большую тайну. В последнее время появилось много так называемых учите-

лей тайных, или оккультных наук, но они оказались еще хуже индуcских, так как последние знали хоть кое-что, тогда как эти новейшие не знают ничего.

Все, что есть таинственного и секретного в новейших системах Йоги, должно быть прямо отбрасываемо. Самый лучший путеводитель в жизни есть сила; и в религии, как и во всем другом, отбрасывайте все, что ослабляет вас, не имейте с ним никакого дела. Всякая эксплуатация таинственного ослабляет мозг человека. Вследствие такой эксплуатации наука Йога была близка к гибели, несмотря на то, что она одна из величайших наук.

Со времени открытия Йоги, более 4000 лет тому назад, она была вполне разработана, научно изложена и проповедывалась в Индии; но в истории ее развития замечается поразительный факт, что чем новее ее комментаторы, тем больше ошибок они делают, чем древнее пишущий о ней, тем правильнее он излагает предмет. Большая часть позднейших писателей толкуют о разного рода секретах, и Йога стала теперь достоянием небольшого числа лиц, сохраняющих ее в тайне, вместо того, чтоб предоставить дневному свету и разуму ярко осветить ее. Они это делают для того, чтоб сохранить только для себя доставляемое ею могущество.

В том, что я сообщаю вам, нет никакой тайны. То немногое, что я знаю, я расскажу вам. Насколько могу объяснить, я объясню, а относительно того, чего не знаю, я только скажу вам, что говорится об этом в книгах. Заблуждение слепо верить. Вы должны развить ваш собственный разум и суждение; вы должны упражняться и сами убедиться, — происходит ли то, о чем говорят, или нет. Совершенно так же, как вы принимаетесь за всякую другую науку о физической природе, вы должны приниматься и за изучение этой. В ней нет ни тайн, ни опасности.

Насколько она верна, она должна быть излагаема публично, на улицах, среди белого дня. Всякая попытка делать из подобных вещей секрет очень опасна.

Прежде чем продолжать дальше, я вас познакомлю несколько с философией Санкхья, на которой основана вся Раджа-Йога. Согласно этой философии, ощущение получается посредством орудий, напр., глаз; глаза передают его органам, органы — сознанию, сознание — определяющей способности, от последней его получает Пуруша (душа), которая затем как бы отдает приказание обратно в той же последовательности. Таким путем получают ощущения. За исключением Пуруши, все эти стадии материальны, только сознание из более тонкого материала, чем все внешние орудия. Материал, из которого состоит сознание, становясь грубее, делается тем, что называется Танматрас (тонкий материал), а этот становится еще грубее и образует внешнюю материю. Такова психология Санкхья. Согласно ее воззрению, интеллект и грубая материя различаются только состоянием. Только одна Пуруша не материальна. Сознание есть орудие души, посредством которого она как бы схватывает внешние предметы. Это сознание постоянно меняется и колеблется; оно может сообщаться с несколькими органами, с одним из них, или ни с одним. Например, если я прислушиваюсь с большим вниманием к ходу часов, я могу ничего не видеть, хотя мои глаза открыты. Это показывает, что мое сознание не было направлено на орган зрения, хотя было обращено на орган слуха. Но сознание может быть соединено и со всеми органами одновременно. Сознание имеет рефлексивную способность смотреть назад в свои собственные глубины. Эта рефлексивная способность и есть то, чем Йог хочет овладеть; сосредоточивая силы сознания и направляя их внутрь, он старается узнать, что происходит внутри. Ве-

ра при этом не играет ни малейшей роли; все основано только на исследованиях известных философов. Нынешние физиологи говорят вам, что глаза не суть органы зрения, но что органы зрения находятся в нервном центре в мозгу; то же принимают они и относительно всех прочих чувств; они говорят также, что эти центры состоят из того же материала, как и сам мозг. Санкхья говорит то же; только первые рассматривают предмет с физической, а последняя с психологической стороны.

Йог ставит себе цель достигнуть той степени утонченного познания, при которой он может воспринимать все эти отдельные процессы ощущения; он хочет чувствовать, как действует ощущение и как сознание воспринимает его, как оно переходит к определяющей способности и как эта последняя передает его Пуруше (душе).

Но, как каждая наука требует известной подготовки, как каждая наука имеет свой собственный метод, без следования которому мы никогда не поймем науки, так и в Радже-Йоге. Прежде всего необходим известный режим: мы должны употреблять такую пищу, которая делает наше сознание наиболее чистым. Если вы пойдете в зверинец, вы тотчас увидите доказательство важного значения пищи: там вы увидите слонов, огромных животных, но спокойных и кротких; подойдя же к клеткам львов и тигров, найдете, что они беспокойны. Это простое наблюдение покажет вам, какую огромную разницу производит пища. Все силы, действующие в теле, производятся пищею; мы это видим ежедневно. Если вы начнете поститься, ваше тело станет слабеть; сначала пострадают физические силы, а через несколько дней и умственные. Прежде всего ослабеет память; потом наступит момент, когда вам станет трудно думать и еще труднее последовательно рассуждать. Поэтому в начале мы должны обращать внимание на пищу, когда же сделаем-

ся достаточно сильными, когда наши упражнения значительно подвинутся вперед, нам не будет надобности в такой осторожности. Пока растение молодо, оно должно быть огорожено, чтобы его не повредили; но когда оно станет деревом, ограда убирается — оно достаточно крепко, чтоб противостоять всем насилиям.

Йог должен избегать крайностей, — как излишеств, так и лишений. Он не должен поститься или изнурять свое тело; тот, кто это делает, говорит Гита, не может быть Йогом; тот, кто постится, кто лишает себя сна, кто спит много, кто много работает, кто ничего не делает, — никто из таких не может быть Йогом.

Глава II. **Первые шаги**

Раджа-Йога делится на 8 ступеней. Первая Яма — непричинение вреда, правдивость, неприсвоение чужого, воздержание и непринятие каких бы то ни было подарков. Следующая Ньяма — чистота, довольство, укрощение страстей, размышление и предание себя на волю Божию. Дальше идут: Асана или положение тела, Пранаяма, Пратьяхара или направление сознания внутрь, Дхарана или сосредоточение, Дхьяна или созерцание и Самадхи или сверхсознательность. Яма и Ньяма, как видим, представляют собою нравственные упражнения, без них, как основы, никакие упражнения в Йоге не будут иметь успеха. Утвердившись в них, Йог начнет вкушать их плоды; без них же он не достигнет никакого результата. Йог не должен никого обижать ни мыслью, ни словом, ни делом, и не только человека, но и животных. Милосердие не должно ограничиваться только людьми, но должно идти дальше и обнимать весь мир.

Следующая степень есть Асана — положение тела, ряд упражнений физических и умственных; она должна

исполняться каждый день, пока не будет достигнуто высшее состояние. Прежде всего безусловно необходимо найти положение тела, в котором мы можем долго оставаться. Одному человеку очень легко думать в известном положении, но то же положение может быть очень затруднительным для другого. Поэтому каждый должен применять то, которое ему наиболее удобно. Дальше мы увидим, что во время психических упражнений будут происходить также значительные процессы в теле. Нервные токи станут перемещаться и направляться по новым путям. Начнется новый ряд колебаний; весь состав тела будет как бы перестроен. Но так как главная часть действия будет происходить вдоль позвоночного столба, то относительно положения тела необходимо одно условие, именно — держать позвоночный столб свободным, сидя прямо и имея три части тела — грудь, шею и голову на прямой линии. Пусть вся тяжесть вашего корпуса поддерживается ребрами; тогда вы будете иметь легкую естественную позу с прямым спинным хребтом.

Вы сами увидите, что невозможно думать об очень высоких предметах, находясь в положении, при котором грудь стеснена. Эта часть Йоги несколько похожа на Хатха-Йогу, которая занимается *исключительно* физическим телом; цель последней сделать тело очень крепким. Мы здесь не будем совсем касаться ее, так как ее упражнения очень трудны и с ними нельзя ознакомиться скоро, а главное — *они не ведут ни к какому духовному усовершенствованию*. Многие из ее упражнений, в роде придания телу разных положений, вы найдете у Дельсарта и других учителей, но цель их физическая, а не психологическая. В человеческом теле нет ни одного мускула, которого бы человек не мог вполне подчинить себе: сердце может биться по желанию; подобным же

образом, каждую часть организма можно заставить действовать так или иначе. Результат этой части Йоги есть продление человеческой жизни; здоровье составляет главную идею, единственную цель Хатха-Йога. Хатха-Йог решил не болеть, и никогда не бывает болен. Он живет долго: сто лет для него ничего не значит; в 150 лет он совсем молод и свеж и не имеет ни одного седого волоса. Но это и все. Баньян живет иногда 5000 лет, но он все же только дерево. Если человек живет долго, он тоже только здоровое животное.

Впрочем, один или два урока Хатха-Йоги могут быть полезны. Например, некоторым из вас, особенно страдающим головными болями, полезно, как только вы встали с постели, пить через нос холодную воду; целый день ваш мозг будет чувствовать себя свежо и приятно, и вы никогда не будете простужаться. Это очень легко делать: опустите ваш нос и рот в воду и делайте глотательные движения.

Выучившись твердо и прямо сидеть, согласно некоторым школам, следует производить упражнение, называемое *очищением нервов*. Эта часть отвергалась некоторыми, как не принадлежащая к Раджа-Йоге; но, так как такой великий авторитет, как комментатор Шанкарачарья, советует ее, то я нахожу уместным упомянуть о ней и приведу его собственные указания из его комментариев к Светасвара Упанишаде. «Ум, очищенный посредством Пранаямы, устремляется к Браману, поэтому Пранаяма и рекомендуется. Сначала должны быть очищены нервы; тогда получится способность упражняться в Пранаяме. Закройте правую ноздрю большим пальцем и через левую ноздрю вдыхайте воздух, сколько можете; потом, не останавливаясь, выдыхайте воздух, также сколько можете, через правую ноздрю, закрыв левую; опять вдыхайте через правую ноздрю и выдыхайте через ле-

вую. Повторяя это упражнение три или пять раз сряду и упражняясь так четыре раза в день, перед зарею, среди дня, вечером и в полночь, — в 15 дней или в месяц очищение нервов будет достигнуто; тогда приступайте к Пранаяме».

Упражнение абсолютно необходимо. Вы можете сидеть и слушать меня часами каждый день, но, не упражняясь, не сделаете ни шага вперед; здесь все зависит от упражнения. Мы никогда не поймем этих вещей, пока не испытаем их сами. Одно слушанье объяснений и теорий не приведет ни к чему.

Существуют разные препятствия к упражнениям.

Первое препятствие есть нездоровье: если тело не в подходящем состоянии, упражнения будут затруднены. Поэтому необходимо держать тело здоровым, обращать внимание на еду, питье и занятия. Всегда делайте мысленное усилие держать тело бодрым, — то, что обыкновенно называется «Христианской наукой». Это все; ничего больше о теле. Мы не должны забывать, что здоровье есть только средство для достижения цели. Если б здоровье было нашей целью, мы походили бы на животных, которые редко болеют.

Другое препятствие — сомнение. Мы всегда сомневаемся в вещах, которых не видим. Человек не может жить, полагаясь на слова других, как бы он ни пытался это делать. Сомнение относительно этих вещей приходит к нам независимо от того, есть ли в них правда или нет; даже лучший из нас иногда сомневается. После нескольких дней упражнения явится маленький проблеск, достаточный для того, чтоб дать вам бодрость и надежду. «Раз же получится доказательство, то, как бы незначительно оно ни было, оно, как говорит один комментатор Йога-философии, даст нам веру во все учение Йоги». Например, после первых нескольких месяцев упраж-

нения вы начнете находить, что можете читать чужие мысли, которые представятся вам в образной форме. Возможно, что вы будете слышать нечто, происходящее на далеком расстоянии, когда пожелаете этого и сосредоточите на этом ваши мысли. Проблески эти будут мгновенны, но достаточны, чтоб дать вам веру, надежду и силу продолжать упражнения. Например, сосредоточивая внимание на конце вашего носа, вы начнете через несколько дней слышать в высшей степени приятный запах, и этого будет достаточно, чтобы показать вам, что есть некоторые психические ощущения, которые могут сделаться заметными без посредства физического предмета. Но мы должны всегда помнить, что это только средства; задача, назначение и цель всех этих упражнений есть освобождение души. Целью должно быть безусловное подчинение природы и ни на волос меньше. Мы должны быть властителями, а не природа; ни тело, ни ум не должны управлять нами, и мы не должны забывать, что тело принадлежит мне, а не я телу.

Некий бог и некий демон пошли к одному великому мудрецу, чтоб узнать у него, что такое «Сущее» (Высшее всего прочего, Бог). Они долго учились у него, и наконец мудрец сказал им: «ты сам то Существо, которое ищешь». Оба они подумали, что их тела и есть «Сущее». «Мы достигли своей цели», сказали они и оба вернулись к своим и сказали: «мы узнали все, что нужно; ешьте, пейте и веселитесь; мы — Сущее, и нет ничего выше нас».

Натура демона была невежественная, помраченная, и ему не требовалось ничего больше; он был вполне удовлетворен мыслью, что он — Бог, что под Сущим следует понимать тело. Но бог имел более чистую натуру. Сначала он впал в ошибку, думая, что я это только тело и что оно-то и есть Бог, и что поэтому необходимо

держат его крепким, здоровым и хорошо одетым и доставляют ему всякого рода телесные наслаждения; но через несколько дней он пришел к заключению, что так не мог думать мудрец, его учитель, а что тот разумел нечто более высокое. Поэтому он вернулся к нему и сказал: «учитель, тому ли ты меня учил, что это тело есть Сущее? Я вижу, что все тела умирают, Сущее же не может умирать». Мудрец отвечал: «найди его; ты — Оно». Тогда бог подумал, что то, что понимает мудрец, суть жизненные силы, действующие в теле; но после некоторого времени нашел, что, если он ест, эти жизненные силы остаются крепкими, а когда голодает, они слабеют. Он пошел опять к мудрецу и сказал: «учитель, думаешь ли ты, что Сущее — это жизненные силы?» Мудрец отвечал: «найди его сам; ты — Оно». Бог вернулся еще раз, подумав, что, быть может, Сущее значит — разум; но через несколько дней пришел к заключению, что мысли бывают так различны, — то хорошие, то дурные, — что разум слишком изменчив, чтоб быть Сущим. Он еще раз пошел к мудрецу и сказал: «учитель, я не думаю, чтоб и разум мог быть Сущим; его ли ты разумел?» — «Нет», отвечал мудрец, «ты — Оно; найди его сам». Бог ушел и, наконец, понял, что несомненно он и есть Сущее, высшее всякого разума, Одно, не имевшее рождения и смерти, что меч не может пронзить, ни огонь сжечь, что воздух не может иссушить, ни вода растворить; безначальное, нерожденное, неизменное, неосязаемое, всеведущее, всемогущее Существо, которое не есть ни тело, ни разум, но выше их обоих. Тогда он удовлетворился; а бедный демон, благодаря своей привязанности к телу, так и не узнал истины.

В этом мире много таких демонских натур, но есть также и боги. Если кто-нибудь предложит научить, как увеличить способность чувствовать наслаждение, он

найдет множество готовых учиться; но если он задумает указать человечеству самую высочайшую цель, к этому отнесутся без всякого внимания. Очень немногие способны понять высшее, еще меньше людей имеют терпение достигнуть его; но все же есть и такие немногие, которые знают, что, если б тело было сохранено на тысячу лет, результат в конце вышел бы тот же: когда силы, удерживающие его целым, оставят его, тело должно разрушиться. Никогда не был рожден ни один человек, который мог бы хоть на один миг остановить изменения в своем теле.

Тело есть название ряда изменений. «Как в реке на ваших глазах переменяются массы воды и притекают новые массы, сохраняя всё ту же форму, так и в нашем теле». Тем не менее тело следует содержать крепким и здоровым; оно лучшее орудие, какое мы имеем.

Это человеческое тело есть высшее тело во вселенной, и человеческое существо высшее из существ. Человек выше, чем все животные, чем все ангелы. Нет никого выше человека. Даже Дэвы (боги) должны опять спуститься вниз, чтоб достигнуть спасения путем воплощения в человеческий образ. Только человек достигает совершенства; самые боги не достигают его. По учению евреев и магометан, Бог сотворил человека после сотворения ангелов и всего прочего, и, сотворив человека, велел ангелам прийти и приветствовать его, и все исполнили это, кроме Иблиса, которого Бог проклял за это, и он стал сатаной. За этой аллегорией скрывается великая истина, что человеческое рождение есть величайшее рождение, какое мы можем иметь. Низшее существо, животное, неразумно и создано большею частью из Тамаса (темной материи). Животные не могут иметь высоких мыслей, и ни ангелы, ни боги (Дэвы) не могут достигнуть свободы иначе, как только став человеком. В человеке-

ском обществе, подобным же образом, слишком большое богатство или слишком большая бедность составляют огромную помеху развитию души. Великие люди мира выходят из средних классов, где силы равномерно согласованы и уравновешены.

Возвращаясь к нашему предмету, мы приходим затем к Пранаяме, управлению дыханием. Что общего оно имеет с сосредоточением сил сознания? Дыхание подобно маховому колесу машины. В большой машине вы видите, что сначала движется маховое колесо, и что движение от него передается последовательно более тонким частям до тех пор, пока самые нежные и тонкие механизмы в машине не придут в согласное движение. Дыхание есть то же, что маховое колесо: оно передает и регулирует движущую силу всего в этом теле.

Был некогда у одного великого короля министр. Он впал в немилость, и король в наказание велел запереть его на вершине очень высокой башни. Это было исполнено, и министр остался там и должен был погибнуть. Но у него была верная жена. Ночью она пришла к башне и крикнула на вершину своему мужу, не может ли она чем-нибудь помочь ему. Он сказал ей, чтоб на следующую ночь она пришла опять к башне и принесла с собою длинную веревку, крепкий шнурок, моток ниток и шелковину, таракана и немного меда. Очень удивляясь, добрая жена повиновалась мужу и принесла требуемые предметы. Муж приказал ей крепко привязать шелковину к таракану, потом смазать усики его каплею меда и посадить его на стену башни головою вверх. Она исполнила все эти распоряжения, и таракан отправился в длинное путешествие. Слыша впереди себя запах меда и желая добыть его, он медленно полз все вперед и вперед, пока наконец не достиг вершины башни, где министр схватил его и овладел шелковинкою. Тогда министр сказал жене,

чтоб она привязала другой конец шелковинки к мотку ниток, и после того, как вытащил последний, повторил ту же историю с крепким шнурком и наконец с веревкой. Остальное было легко. Министр по веревке спустился с башни и убежал. В нашем теле дыхательное движение есть шелковинка; овладев и научившись управлять им, мы схватим моток ниток — нервные токи, а за ними крепкий шнурок — наши мысли и, наконец, веревку — Прану (жизненные силы тела), овладев которой, мы достигнем свободы.

Мы не знаем ничего о нашем собственном теле. В лучшем случае мы можем взять мертвое тело и разрезать его на куски. Есть люди, которые могут резать на куски даже живое животное, чтоб видеть, что находится внутри тела; и все-таки они не найдут ничего общего с нашим собственным телом. Мы знаем очень мало о нем. Почему мы не знаем? — Потому, что наше внимание недостаточно чувствительно, чтобы улавливать очень тонкие движения, происходящие внутри. Мы можем узнать о них только тогда, когда наше сознание, так сказать, проникнет тело и станет более чутким. Чтобы достигнуть такого тонкого распознавания, мы должны начать с грубых ощущений, должны овладеть тем, что приводит в движение всю машину; а это есть Прана, — наиболее осязаемое проявление которой есть дыхание. Посредством управления дыханием мы медленно, так сказать, войдем в тело, и это сделает нас способными познакомиться с тонкими силами, узнать, как нервные токи проходят по всему телу; и, как только узнаем это и научимся чувствовать эти токи, мы получим власть над ними и над телом. Сознание приводится в действие также этими различными нервными токами, и потому мы, наконец, достигнем такого состояния, что будем иметь полную власть над телом и сознанием, и сделаем их обоих своими слугами.

Знание есть сила, и мы должны приобрести эту силу, для чего должны начинать сначала с Пранаямы, подчинения Праны. Пранаяма предмет сложный и, для полного объяснения требует нескольких уроков. Мы овладеем ею по частям. Мы увидим постепенно, какой смысл каждого ее упражнения и какие силы в теле приводятся ею в движение. Все это придет к нам, но для этого требуется постоянное упражнение, и доказательство получится только через упражнение. Никакая масса объяснений, которые я могу дать вам, не будет для вас доказательством, пока вы сами не докажете этого себе. Как только вы начнете чувствовать токи, проходящие через ваше тело, сомнения исчезнут; но для этого требуются ежедневные настойчивые упражнения. Вы должны упражняться по крайней мере два раза в день, и лучшее для этого время утро и вечер. Когда ночь переходит в день и день в ночь, наступает относительное спокойствие. Раннее утро и ранний вечер суть две точки покоя. Ваше тело в это время будет иметь подобное же расположение успокоиться. Вы должны воспользоваться этим естественным благоприятным условием и упражняться. Примите за правило не есть до упражнений; если вы будете держаться этого правила, простое чувство голода уничтожит вашу лень. В Индии приучают детей никогда не есть прежде, чем они не поупражняются и не помолятся, и со временем это становится для них настолько естественным, что мальчик не чувствует голода, пока не вымылся и не поупражнялся. Те из вас, у кого есть средства, сделают лучше, если будут иметь для упражнений особую комнату. Не спите в этой комнате; она должна содержаться свято; вы не должны входить в нее, не вымывшись и не будучи совершенно чисты телом и душой. Ставьте всегда цветы в ней, они лучшая обстановка для Йога; так же — хорошие картины. Сжигайте в ней утром и вечером

курения. Не входите в эту комнату, имея нечистые мысли или зло и гнев против кого-нибудь. Позволяйте входить в нее только людям, так же настроенным, как и вы. Тогда постепенно в этой комнате образуется атмосфера святости, и, когда вы будете несчастны, огорчены, в сомнениях, или ваш ум будет смущен, вам достаточно будет войти в эту комнату, чтоб успокоиться. В этом заключалась идея храмов, и в некоторых из них эта идея сохранилась и теперь; но в большинстве их настоящая идея утрачена. Идея состоит в том, что, вследствие поддержания здесь святых вибраций, само место становится и остается священным. Те, кто не в состоянии иметь отдельную комнату, могут упражняться, где хотят. Сядьте прямо и первое, что сделаете, пошлите добрые пожелания всему творению, повторяя мысленно: «да будут все существа счастливы, да будут все существа мирны, да будут все существа блаженны».

Повторяйте это, обращаясь к востоку, югу, северу и западу. Чем больше вы будете делать это, тем лучше будете себя чувствовать. Вы убедитесь, наконец, что самый легкий способ сделать себя здоровым — это видеть других здоровыми, и самый легкий способ сделаться счастливым — это видеть других счастливыми. Сделав это, те, кто верит в Бога, должны молиться, но не о деньгах, не о здоровье, ни даже о небе; молитесь о знании и свете, — всякие другие молитвы эгоистичны. Затем следующее, что надо делать, — это думать о своем собственном теле и смотреть на него, как на сильное и здоровое. Оно лучшее наше орудие. Думайте о нем, что оно крепко, как алмаз, и что с помощью его вы переплывете этот жизненный океан. Слабый никогда не достигнет свободы; отбросьте всякую слабость; говорите вашему телу, что оно крепко, говорите вашему уму, что он силен, и имейте безграничное доверие к себе.

Глава III.

Прана

Пранаяма не занимается, как многие думают, дыханием; дыхание на самом деле имеет весьма мало отношения к ней, чтобы не сказать, никакого. Дыхание есть только одно из многих упражнений, посредством которых мы достигаем действительной Пранаямы. *Пранаяма значит управление Праной.* Согласно индийским философам, вся вселенная состоит из двух элементов, один из которых они называют Акаша. Это всюду находящееся и все проникающее нечто. Все, что имеет форму, все, что представляет собою результат соединений, все развилось из этой Акаши. Акаша это то, что стало воздухом, жидкостями, твердыми телами. Это Акаша, что становится солнцем, землею, луною, звездами и кометами; Акаша это то, что стало телом вообще, телом животного, растением, что принимает все образы, которые мы видим, формы всего, что может быть ощущаемо, всего, что существует. Она сама не может быть замечаема, так как настолько тонка, что находится вне всех обыкновенных восприятий и может быть видима только тогда, когда станет грубою, примет форму. При начале творения существует только эта Акаша; при конце цикла твердые тела, жидкости и газы, все разложатся опять в Акашу, и следующее творение подобным же образом разовьется из Акаши.

Какою силою Акаша превратилась в эту вселенную? — Силою Праны. Как Акаша есть бесконечная, всюду находящаяся материя этой вселенной, совершенно так же Прана есть бесконечная, всюду находящаяся и проявляющаяся сила этой вселенной. При начале и при конце каждого цикла все становится Акашей и все силы, которые существуют в этой вселенной, преобразовываются

опять в Прану; в следующем цикле из Праны развивается все, что мы называем энергией, все, что называется силой.

Прана это то, что проявляется как всякого рода движение, как притяжение, магнетизм и проч. Это Прана, что проявляется в виде процессов тела, в виде нервных токов, в виде силы мысли. От мысли до самой грубой физической силы, все есть только проявление Праны. Сумма всех сил природы, духовных и физических, превратившихся в свое первоначальное состояние, называется Праной. «Когда не было ничего, не ничего, когда тьма покрывала тьму, что существовало тогда?» — «Существовала Акаша без движения». Физическое действие Праны было остановлено, но она существовала. Мы знаем, согласно новейшей науки, что вся энергия, проявляющаяся теперь во вселенной, есть величина постоянная. Сумма энергии во вселенной остается совершенно одинаковой, только при конце цикла эта энергия успокаивается, становится потенциальной, а при начале следующего цикла начинает действовать, дает толчок Акаше, и из Акаши развиваются все различные формы; а, как только Акаша изменяется, Прана также изменяется, превращаясь во всевозможные проявления энергии. Знание и управление Праной и есть на самом деле то, что разумеется под Пранаямой.

Она открывает нам дверь к почти безграничному могуществу. Предположите, например, что кто-нибудь вполне постиг Прану и приобрел способность управлять ею, — какая могла бы быть на земле сила, которая не принадлежала бы ему? Он был бы в состоянии сдвинуть солнце и звезды с их мест, управлять всем во вселенной, от атомов до самых огромных солнц, потому что он может управлять Праной. В этом задача и цель Пранаямы.

Когда Йог становится совершенным, в природе не остается ничего, ему неподвластного. Если он прикажет богам прийти к нему, они придут по его требованию, если он попросит прийти отшедших, они придут по его просьбе. Все силы природы будут повиноваться ему, как его рабы, и, когда непосвященные увидят проявления могущества Йога, они назовут их чудесами.

Особенность ума индуса заключается в том, что он всегда ищет возможно последнего обобщения, оставляя детали для выработки впоследствии. В Ведах ставится вопрос: «что есть то, зная что, мы будем знать все?» И все книги и все философии, которые когда-либо были написаны, стремились только выяснить то, через знание чего все становится известным. Если бы кто-нибудь захотел ознакомиться с вселенной по частям, он должен был бы познакомиться с каждой отдельной песчинкой; для этого потребовалось бы бесконечное время, и он никогда не узнал бы всего. Тогда какое же может быть знание? Какая возможность для человека быть всезнающим путем частных? — Йоги говорят, что за частными проявлениями есть обобщение; за всеми частными идеями стоит идея обобщенная, абстрактный принцип. Овладейте им и вы овладеете всем.

В Ведах вся природа обобщена в Одном Абсолютном Бытии. Тот, кто понял это Бытие, понял всю вселенную. Таким же образом все силы обобщены в Пране, и кто овладел Праной, — овладел всеми силами природы, духовной и физической. Тот, кто подчинил себе Прану, подчинил свое собственное сознание и все сознания, какие существуют. Тот, кто подчинил себе Прану, подчинил свое тело и все тела, какие существуют, потому что Прана есть обобщенное проявление силы. Единственная задача Пранаямы заключается в том, как подчинить Прану. Все тренировки и все упражнения имеют одну эту цель,

причем каждый должен начинать с того, на чем он остановился, должен учиться управлять вещами, которые к нему ближе всего. Прана, которая действует в нашем сознании и теле, есть ближайшая к нам из всей Праны во вселенной. Эта маленькая волна Праны, представляющая нашу собственную энергию, духовную и физическую, есть самая ближайшая к нам волна всего бесконечного океана Праны; и, когда мы сумеем управлять этой маленькой волной, только тогда мы можем надеяться подчинить себе всю Прану. Йог, который сделал это, достигает совершенства, и никакая сила более не властвует над ним. Он становится почти всемогущим, почти всезнающим. Мы видим во всех странах секты, которые пытались достигнуть такого подчинения Праны. В этой стране (Америке) есть духовные целители, целители верою, спиритуалисты, «адепты христианской науки», гипнотизеры и проч.; и, если мы подробно исследуем все эти группы, то найдем, что в основании каждой из них лежит управление Праной, — имеют ли они о ней понятие или нет. Если вы отбросите все их теории, остаток у всех будет один и тот же: все они действуют посредством одной и той же силы, только бессознательно. Они случайно натолкнулись на открытие силы и, хотя не знают ее природы, но бессознательно пускают в ход те же способности, которыми пользуются Йоги и которые вытекают из Праны.

Прана есть жизненная сила всякого существа, и самое тонкое и самое высокое действие Праны есть мысль. Но мысль, как мы видим, еще не все. Есть род мысли, называемый инстинктом, или бессознательной мыслью, самый низкий уровень действия Праны. Если комар ужалит нас, наша рука ударит его без всякой мысли с нашей стороны, автоматически, инстинктивно. Но это тоже одно из выражений мысли. Все рефлексивные дей-

ствия в теле принадлежат к этому уровню мысли. Затем есть *высший уровень мысли — сознание*; я рассуждаю, сужу, думаю, вижу прямую и обратную сторону разных вещей. Но я это еще не все. Мы знаем, что рассудок ограничен. Он простирается только на известную область, дальше которой идти не может. Круг, внутри которого он действует, в действительности очень и очень ограничен. Но в то же время мы видим факты, как бы вторгающиеся откуда-то в этот круг. Подобно комете, нечто появляется в этом круге, причем нет сомнения, что оно пришло из-за его пределов, хотя наш рассудок и не может перейти за них. Причины явлений, проникающих в эту маленькую область, находятся вне ее границы; ни рассудок, ни разум не могут постигнуть их. Но, говорит Йог, рассудок и разум еще не все: сознание может действовать на более высшем уровне — на уровне сверхсознания. Когда сознание достигло такого состояния, которое называется *Самадхи — полное сосредоточение, сверхсознание* — оно переходит за пределы рассудка и становится лицом к лицу с фактами, недоступными ни инстинкту, ни рассудку.

Все действия тонких сил в теле, т.е., различные проявления Праны, если они надлежащим образом выработаны, действуют возбуждающим образом на сознание, и тогда оно подымается выше, становится сверхсознательным и действует из этого высшего плана.

Вселенная представляет одну сплошную массу всевозможных уровней существования. Физически вселенная одно; нет никакой разницы между солнцем и вами. Ученый скажет вам, что заблуждение говорить противное. В сущности нет никакой разницы между этим столом и мною; стол есть один центр скопления материи, а я другой. Каждая форма представляет собою как бы один вихрь в бесконечном океане материи, и такие вихри не

постоянны. Как в сремительном потоке могут быть миллионы водоворотов и вода в каждом из них в каждое мгновение новая, — повертится несколько секунд, а затем уходит, а на ее место приходят новые частицы, — так и вся вселенная представляет собою одну постоянно меняющуюся массу материи, в которой мы суть маленькие водовороты. Некоторая масса материи входит в них, кружится, образуя в течение нескольких лет человеческое тело, изменяется и уносится, чтоб образовать, быть может, тело животного; из последнего опять выносятся с тем, чтоб через несколько лет попасть в новый водоворот, называемый глыбой минерала.

Все постоянно меняется. Нет ни одного тела постоянного. Нет такой вещи, как мое тело или ваше тело, кроме как на словах. Есть одна огромная масса материи. Одно маленькое скопление ее называется луной, другое солнцем, следующее человеком, следующее землею, следующее растением, следующее минералом.

Ни что не постоянно, но все изменчиво: все представляет собою материю, вечно соединяющуюся в отдельные массы и раздробляющуюся на составные части. То же самое и с сознанием. Представим материю в виде эфира. Когда действие Праны будет в высшей степени тонким, этот эфир, в более тонком состоянии вибраций, представит сознание, оставаясь все-таки одной нераздельной массой. Если вы будете в состоянии возбудить в себе эти тончайшие вибрации, вы увидите и почувствуете, что вся вселенная состоит из таких же тонких вибраций. Некоторые снадобья имеют способность привести нас иногда в подходящие условия и, так сказать, изъять из-под влияния обыкновенных наших чувств. Многие из вас, вероятно, помнят известный случай с сэром Гумфри Деви, как однажды, вследствие действия веселящего газа, он во время лекции вдруг остановился ошеломлен-

ный и неподвижный и потом рассказывал, что вся вселенная представилась ему состоящею из идей. В это время грубые колебания как бы прекратились и ему представлялись только тонкие, которые он называл идеями. Он мог видеть вокруг себя только тонкие вибрации; все стало для него мыслью, вся вселенная одним океаном ее, и он и все другие стали маленькими мысленными вихрями. Таким образом, даже в мировой области мысли мы находим единство, и, когда, наконец, дойдем до Сущего, то узнаем, что и этим Сущим может быть только Один.

Выше движения есть только Один. Всякое проявляющееся движение представляет собою такое же единство. Этого факта нельзя уже отрицать, так как новейшая наука вполне доказала его. Новейшая физика доказала, что сумма энергии во вселенной есть величина совершенно постоянная. Доказано также, что энергия существует в двух видах: она становится потенциальной, ослабевает и успокаивается; затем опять начинает обнаруживаться, проявляясь в виде всевозможных сил, опять возвращается к спокойному состоянию и опять проявляется. Таким образом, в течение целой вечности она, так сказать, то развертывается, то свертывается. Управление этой энергией, или Праной, как раньше сказано, и есть то, что называется Пранаямой.

Пранаяма очень мало занимается дыханием и только как упражнением. Наиболее заметное проявление Праны в человеческом теле есть движение легких. Если последнее прекратится, все отправления тела остановятся; все прочие проявления жизненной силы в теле немедленно прекратятся, если прекратится оно. Есть люди, которые могут воспитать себя таким образом, что их тело будет продолжать жить, даже если это движение остановится. Существуют некоторые лица, которые могут похо-

ронить себя на месяц и все это время жить без дыхания; но для обыкновенных людей движение легких есть главное грубое движение в теле. Чтобы достичь более тонкого, мы должны призвать на помощь грубое и медленно подвигаться к наиболее тонкому, пока не достигнем нашей цели. Наиболее заметное из всех движений в теле есть движение легких, — маховое колесо, приводящее в движение прочие силы. Пранаяма, на самом деле, значит управление движением легких, а это движение связано с дыханием. Не дыхание производит его, но, наоборот, оно производит дыхание. Это движение втягивает воздух, действуя как насос. Прана двигает легкие, а это движение легких втягивает воздух. Таким образом Пранаяма не есть дыхание, но управление той мускульной силой, которая двигает легкие; эта же мускульная сила, проходящая через нервы к мускулам и от них к легким и заставляющая последние двигаться известным образом, и есть Прана, которую мы должны управлять в упражнениях Пранаямы.

Подчинив себе эту Прану, мы тотчас увидим, что и все прочие действия Праны в теле постепенно подчинятся нам. Я сам видел людей, которые имели способность управлять почти всеми мускулами и нервами своего тела; и почему нет? Если я управляю некоторыми мускулами, почему не всеми мускулами и нервами тела? Что тут невозможного? В настоящее время управление утрачено и движение стало автоматичным. Мы не можем двигать ушами по своей воле, но знаем, что животные могут. Мы не имеем этой способности потому, что не упражняем ее.

Нам известно, что движение, которое стало скрытым, можно заставить снова проявляться. Настойчивой работой и упражнением некоторые, наиболее утраченные, движения тела могут быть опять приведены в совершен-

ную зависимость от нас. Из этого рассуждения мы видим, что не только нет ничего невозможного, но напротив представляется вполне вероятным, что каждая часть тела может быть приведена к полному подчинению. Йоги этого достигают посредством Пранаямы.

Некоторые из вас, может быть, читали в книгах, трактующих об этом предмете, что при Пранаяме, вдыхая, вы должны наполнить все ваше тело Праной, и спросят, как же это сделать. — Здесь просто ошибка переводчиков, употребивших в переводе на английский язык слово «Прана», вместо слова «дыхание».

Каждая часть тела может быть наполнена Праной, т.е., жизненной силой, и, если вы в состоянии сделать это, вы можете управлять всем телом. Все болезни и страдания вашего тела будут вполне подчинены вам и не только ваши: — вы будете в состоянии управлять также телом другого. Все в этом мире взаимосвязано, и хорошее и дурное. Если ваше тело находится в известной степени напряжения, оно будет иметь склонность произвести то же напряжение в других. Если вы сильны и здоровы, те кто живет подле вас, будут также становиться сильнее и здоровее; но, если вы больны и слабы, окружающие вас люди будут склонны стать такими же. Вибрации вашего тела будут оказывать воздействие на состояние тела другого человека. В случаях, когда один человек пробует вылечить другого, первое, что он может сделать — это просто передать свое собственное здоровье другому. Это простейший способ лечения. Сознательно или несознательно здоровье может быть передано. Очень здоровый человек, живущий со слабым, делает его несколько сильнее, хочет ли он этого или нет. Действие сознательное будет в этом случае быстрее и успешнее. Затем следуют случаи, когда человек не очень силен, а между тем мы знаем, что он может при-

нести здоровье другому. Первый человек в таком случае имеет несколько большую способность управлять Пра-ной и может возбудить в данное время свою Прану как бы к известному состоянию колебания и передать это состояние другому лицу.

Были случаи, когда это производилось на некотором расстоянии, но в действительности здесь не было расстояния в смысле перерыва. Где такое расстояние, в котором был бы перерыв? Есть ли какой-либо перерыв между вами и солнцем? Существует одна непрерывная масса материи; солнце — одна ее часть, вы — другая. Есть ли разрыв между одной частью реки и другой? Тогда почему же не быть передаче сил? Нет никакого основания для отрицания этого. Эти случаи вполне верны, и Прана может быть направляема на очень большие расстояния; но из сообщаемых случаев такого рода обыкновенно на один достоверный приходится сотни ложных. Это не так легко, как думают. В более обыкновенных случаях таких исцелений, целители просто пользуются естественной склонностью человеческого тела быть здоровым. Никакая болезнь в этом мире не убивает большинства пораженных. Даже в холерной эпидемии, если в течение первых дней умирает 60 на 100 заболевших, то затем число это уменьшается до 30 и 20 на 100, а остальные выздоравливают. Приходит алопат, ухаживает за холерными пациентами и дает им свои лекарства; приходит гомеопат, дает свое лекарство и вылечивает, может быть, большее число просто потому, что он не беспокоил больных и не мешал природе работать с ними самой. Целитель верю вылечит еще больше, потому что он будет содействовать силою своего духа и возбуждает посредством веры спящую Прану пациента.

Но существует постоянное заблуждение целителей верю: они думают, что вера сама непосредственно вы-

лечивает человека. Одной верой нельзя объяснить все случаи. Есть болезни, в которых самый худший симптом есть тот, что больной никогда не признает у себя этой болезни. Эта ужасная вера пациента есть сама по себе симптом болезни и обыкновенно указывает на близость смерти. В таких случаях положение, что вера лечит, не применимо. Если бы вера излечивала во всех случаях, эти больные также вылечились бы. На самом деле излечение производится Праной. Чистый человек, управляющий Праной, может привести ее в некоторое состояние колебания, которое и сообщится другим, возбуждая в них подобное же колебание. Вы видите это ежедневно. — Я говорю вам. — Что я стараюсь делать? — Я, так сказать, привожу свое сознание в некоторое состояние колебания, и чем большей частоты колебаний мне удастся достичь, тем большее воздействие на вас оказывает то, что я говорю. Каждый из вас знает, что в тот день, когда я особенно возбужден, чтение доставляет вам больше удовольствия, а когда я менее возбужден, вы чувствуете понижение интереса.

Громадные волевые силы мира — двигатели мира — могут привести свою Прану в высокое состояние колебания, и оно так велико и могущественно, что в один момент захватывает других, тысячи привлекаются к ним, и полмира думают, как они. Великие пророки мира имели поразительную власть над Праной, и эта власть давала им страшное могущество воли; они приводили свою Прану в самое высшее состояние движения, и это давало им силу господствовать над миром. Все проявления силы возникают из этого управления Праной. Люди сами могут не знать этого секрета; но в нем-то и заключается единственное объяснение. Иногда в нашем собственном теле Прана привлекается больше или меньше к одной части; равновесие нарушено; а когда равновесие Праны

нарушено, происходит то, что мы называем болезнью. Удаление излишка Праны или прибавление недостающей Праны — будет лечением болезни. Узнать, когда в одной части тела Праны больше или меньше, чем ее должно быть, должна будет также Пранаяма. Вследствие упражнения в Пранаяме, чувства станут так изощрены, что вы будете сознавать, что в пальце ноги или руки Праны меньше, чем следует, и получите возможность направить ее туда. Эта способность принадлежит к тем, которые приобретаются посредством Пранаямы, и должна быть развиваема медленно и постепенно. Как вы видите, вся задача Раджа-Йоги состоит, в сущности, в том чтобы научить владеть Праной и направлять ее на различных уровнях ее проявления. Когда человек размышляет, он также сосредоточивает Прану.

В океане есть огромные, подобные горам, волны, затем меньшие и еще меньшие, до самой маленькой зыби, но основание их всех бесконечный океан. Ничтожная зыбь соединена с бесконечным океаном на одном конце, а огромная волна на другом. Подобно этому, один может быть человеком-гигантом, а другой самым маленьким, но каждый соединен с бесконечным океаном энергии, и это есть общее прирожденное свойство всего живущего. Где бы ни была жизнь, позади нее есть бесконечный запас энергии. Идя от какого-нибудь гриба, какого-нибудь самого ничтожного микроскопического пузырька и все время черпая из этого бесконечного запаса энергии, форма понемногу меняется, пока с течением времени не станет растением, затем животным, потом человеком, и, в заключение, — Богом. Это достигается через миллионы эонов; но что такое время? *Увеличение скорости, или напряжения, способно сократить расстояние времени.* Йог говорит, что то, что обыкновенно требует для выполнения долгого времени, может быть достигнуто ско-

рее усилением действия. Человек может медленно двигаться вперед, черпая энергию из бесконечной массы ее, которая существует во вселенной, и ему, может быть, потребуется сто тысяч лет, чтоб стать Дэвом, и затем, может быть, пятьсот тысяч лет, чтоб сделаться еще выше, и, может быть, пять миллионов лет, чтоб стать совершенным. Ускорением роста время может быть сокращено. Почему же невозможно при достаточном усилии достигнуть полного совершенства в шесть месяцев или в шесть лет? Пределов нет. Это показывает разум. Если паровоз с известным расходом угля проходит две мили в час, прибавьте угля, и он пройдет их скорее. Подобным же образом, почему душа, усилив свою деятельность, не достигнет своей цели еще в настоящей жизни? Мы знаем, что все существа, в конце концов, достигнут совершенства; но кто захочет ждать все эти миллионы эонов? Почему не достигнуть его немедленно, даже в этом теле, в этой человеческой форме? Почему я не могу достигнуть этого бесконечного знания, бесконечного могущества теперь? Это — идеал Йога.

Вся наука Йога направлена к одной цели — научить людей, как сократить время прибавлением силы, как увеличить силу усвоения и тем сократить время для достижения совершенства, вместо того, чтобы медленно подвигаться шаг за шагом и ожидать, пока весь человеческий род дойдет до конца и станет совершенным. Все великие пророки, святые и прозорливцы мира, что они такое? — В короткое время своей жизни они пережили всю жизнь человечества, перекинули мост через все пространство времени, которое обыкновенное человечество должно употребить, чтобы дойти до состояния совершенства. Свою жизнь они посвящают совершенствованию, не имеют ни одной мысли о чем-нибудь другом, не дышат ничем другим, никогда не живут ни одного мо-

мента для какой-нибудь другой идеи, и таким образом сокращают для себя путь. Сосредоточением имеется в виду усилить деятельность, или усвоение, и тем сократить время, а Раджа-Йога есть наука, которая учит нас, как приобрести способность сосредоточения.

Какое отношение имеет Пранаяма к спиритуализму? — Последний есть также проявление Пранаямы. Если правда, что отшедшие духи существуют, но что только мы не можем их видеть, то вполне вероятно, что могут быть сотни и миллионы живущих здесь, которых мы не можем ни видеть, ни чувствовать, ни осязать. Мы можем постоянно проходить взад и вперед через их тела, не замечая их, и весьма вероятно, что они также не видят и не чувствуют нас. Это круг внутри круга, вселенная внутри вселенной. Только те, которые принадлежат к одному и тому же уровню, видят друг друга. Мы имеем пять чувств и представляем собою Прану в известном состоянии колебания. Все существа с одной и той же частотой колебания будут видеть друг друга, но, если есть существа, которые представляют собою Прану в более высшем состоянии колебания, они не будут видимы. Мы можем увеличить напряжение света до такой степени, что не будем видеть вовсе света, но могут быть существа с глазами настолько сильными, что они могут видеть такой свет; наоборот, если колебания очень слабы, мы не видим света, но есть животные, как кошки и совы, которые видят его. Наша сфера видения заключается только в одном уровне колебаний этой Праны. Возьмем, например, нашу атмосферу; она составлена из слоев, из которых более близкие к земле более плотны, чем те, которые выше, и по мере того, как вы подымаетесь, атмосфера становится тоньше и тоньше. Или возьмем пример океана; по мере того, как вы идете глубже и глубже, плотность воды увеличивается, и те животные, которые

живут на дне моря, никогда не могут подняться наверх, или они будут разорваны на куски.

Представим себе всю эту вселенную как океан эфира, вибрирующего под действием Праны и состоящего из последовательных слоев с различными степенями колебания, — в более наружных колебаний меньше, а ближе к центру колебания становятся быстрее и быстрее, и каждый разряд колебания составляет один уровень. Представим себе все это вместе, как один шар, центр которого есть совершенство. Чем дальше вы идете от центра, тем медленнее колебания; материя представляет наружную кору, потом идет сознание и в центре — дух. Теперь предположим, что эти степени колебаний представляют собою отдельные уровни, или сферы видения, — столько-то миллионов миль один ряд колебаний и затем столько-то миллионов миль ряд колебаний высших, и так далее. Совершенно ясно, что те, которые живут в слое (уровне) известного состояния колебания будут иметь возможность распознавать друг друга, но не будут распознавать тех, которые выше или ниже их. Но, подобно тому, как посредством телескопа и микроскопа мы можем увеличить область нашего видения и сделать доступными нам более высокие и более низкие колебания, подобно этому каждый человек может привести себя в состояние колебания, принадлежащего следующему слою, и таким образом сделать себя способным видеть то, что происходит там. Предположим, что эта комната полна существ, которых мы не видим. Они представляют одни колебания Праны, а мы представляем другие колебания. Пусть они представляют более быстрые, а мы более медленные. Акаша есть материя, из которой состоят как они, так и мы; все суть части того же самого океана Акаши, только скорость ее вибрации, т.е. Прана, различна. Если я могу привести себя к более быстрым

колебаниям, мой уровень немедленно переменится для меня; я не буду больше видеть вас; вы исчезнете, а они появятся. Некоторые из вас, быть может, знают, что это верно. Такое приведение сознания в высшее состояние колебания выражается в Йоге одним словом — *Самадхи*.

Все состояния высшего колебания, сверхсознательные колебания, обозначаются одним этим словом, Самадхи, и уже низшие состояния Самадхи дают нам видение этих существ. Самая высокая степень Самадхи — это, когда мы видим вещь в себе, когда мы видим материал, из которого составлены все разные разряды существ, ту глину, зная которую, мы будем знать вещество всей вселенной.

Итак, мы видим, что Пранаяма включает в себе все то, что есть верного в спиритуализме. Подобным же образом окажется, что где бы какая-нибудь секта или отдельный человек не пытались открыть что-нибудь тайное, мистическое и скрытое, — это на самом деле та же Йога, стремление подчинить Прану. Вы найдете, что где бы ни случилось какое-нибудь необыкновенное обнаружение силы — это есть проявление Праны. Даже физические науки могут быть также включены в Пранаяму. Что приводит в движение паровую машину? — Прана, действующую посредством пара. Что как не Прана — все эти явления электричества и тому подобные? Что такое физическая наука? — Пранаяма, действующая внешними средствами. Прана, проявляющаяся как умственная сила, может быть управляема только умственными средствами. Та часть Пранаямы, которая пытается управлять физическими проявлениями Праны физическими средствами, называется физической наукой, а та часть, которая старается управлять проявлениями Праны как умственной силы, умственными средствами, называется Раджа-Йога.

Глава IV. **Психическая Прана**

Согласно учению Йогов, в позвоночном столбе имеется два нервных проводника, называемые *Пингала* и *Ида*, и пустой канал, проходящий через спинной мозг, называемый *Сушумна*. На нижнем конце пустого канала находится то, что Йоги называют «*Лотос-Кундалини*». По их описанию он имеет треугольную форму и, говорят, что в нем заключена сила, называемая на символическом языке Йогов «*дремлющая Кундалини*». Когда эта Кундалини просыпается, она старается проложить себе проход через пустой канал и, по мере того, как она постепенно подымается, сознание Йога раскрывается, как бы слой за слоем, и он получает способность восприятия из высших сфер и удивительное могущество. Когда она достигает мозга, Йог вполне отрешен от тела и сознания, душа его становится свободной. Мы знаем, что спиной мозг составлен особым образом. Если мы возьмем фигуру 8 в горизонтальном положении (∞), то в этой фигуре будут две части, соединенные посередине. Положим, вы накладываете одно ∞ сверху другого в виде столба, — это представит спинной мозг. Левая половина есть Ида, правая Пингала, а пустой канал, проходящий через центр спинного мозга — Сушумна. Там, где спинной мозг заканчивается у одного из поясничных позвонков, тонкая нить его продолжается вниз; в ней также есть канал, только значительно тоньше. Этот канал закрыт на нижнем конце, который приходится вблизи так называемого «священного нервного сплетения», имеющего, согласно новейшей анатомии, треугольную форму. Различные нервные сплетения, имеющие свои центры в спинном мозгу, называются в Йоге различными «лотосами». Йоги имеют представление о разных нервных центрах, начи-

ная с *Муладхара* — основного и кончая *Сахасрара* тысячелестковым лотосом в мозгу. Таким образом, если мы заменим названиями этих различных сплетений однозначные им названия лотосов, идея Йога станет легко понятною и на языке новейшей анатомии. Мы знаем, что в нервных проводниках происходят движения двоякого рода: одни приносящие, другие относящие; одни чувствительные, другие — движущие; одни — центробежные, другие — центростремительные. Одни приносят впечатления к мозгу, а другие — от мозга к периферии тела; но все они в конце концов сообщают колебания мозгу. Чтобы сделать более ясными дальнейшие объяснения, мы должны припомнить некоторые другие факты. Во-первых, спинной мозг оканчивается у головного некоторого рода утолщением — продолговатым мозгом, который не прикасается непосредственно всею поверхностью к головному мозгу, но плавает внутри него в жидкости, так что, если нанести удар по голове, сила удара будет ослаблена жидкостью и не повредит продолговатого мозга. Это замечание будет иметь для нас значение дальше. Во-вторых, из всех этих центров нам особенно нужно запомнить три: *Муладхара* (основной), *Сахасрара* (тысячелестковый лотос головного мозга) и *Свадхистхана* (центральный). Дальше мы возьмем один факт из физики. Мы все слышали об электричестве и разных других силах, связанных с ним. Что такое электричество, никто не знает; но, насколько известно, оно есть некоторый род движения.

Во вселенной есть разные другие движения; — какая же разница между ними и электричеством? — Электрическое движение есть то, при котором все частицы колеблются в одном и том же направлении. Если все частицы воздуха в комнате заставить колебаться в одном и том же направлении, комната представит собою гигант-

скую электрическую батарею. Вспомним затем другое положение из физиологии, именно, что центр, который регулирует дыхание, управляет также в известной степени системой нервных токов, и что этот управляющий дыхательной системой центр лежит против грудной полости в спинном хребте. Этот центр регулирует действие дыхательных органов и также управляет отчасти второстепенными центрами.

Теперь для нас ясно, почему нужно упражнять дыхание. Во-первых, вследствие мерного дыхания у всех частей тела явится стремление колебаться в одном и том же направлении. Когда сознание переходит в волю, токи изменяются, переходя в движение, подобное электричеству, что видно из того, что нервы под действием электрических токов обнаруживают полярность. Это показывает также, что, когда воля развивается в нервные токи, она изменяется в нечто, подобное электричеству. Когда все движения тела становятся вполне гармоничными, тело делается как бы гигантской батареей воли. Эта мощнейшая воля и есть именно то, что нужно Йогу. Итак, вот физиологическое объяснение упражнения дыхания. Это упражнение делает все движения в теле ритмическими и помогает нам через дыхательный центр управлять другими центрами. Цель Пранаямы при этом состоит в возбуждении дремлющей силы в Муладхаре, называемой Кундалини.

Все, что мы воображаем, видим наяву или во сне, мы сознаем в пространстве. Это обыкновенное понятное всем пространство называется *Махакаша*, или большое пространство. Когда Йог читает мысли других людей или видит сверхчувственные предметы, он видит их в другом роде пространства, называемом *Читтакаша*, — умственное пространство. Когда восприятие становится беспредметным и душа обнаруживается в своей собствен-

ной природе, пространство называется *Чидакаша*, или пространство знания. Когда Кундалини разбужена и входит в канал Сушумны, все восприятия происходят в умственном пространстве. Когда она достигла того конца канала, который открывается в мозг, беспредметное восприятие происходит в пространстве знания.

Проводя аналогию с электричеством, мы находим, что человек может посылать ток только по проволоке; но природа не требует никаких проводов, чтобы посылать свои мощнейшие токи. Это доказывает, что проволока на самом деле не нужна, но что только наше неумение обходиться без нее заставляет нас употреблять ее. Подобным образом все ощущения и движения тела посылаются в мозг и от него через провода нервных фибр. Пучки чувствующих и движущих фибр в спинном мозгу суть Ида и Пингала Йоги. Они суть главные пути, по которым движутся приносящие и относящие токи. Но почему не может мозг посылать сообщения или реагировать без какого-либо проводника? Мы видим, что в природе это делается. Йог говорит, что, если вы можете сделать это, вы освободились от оков материи. Но как это сделать? — Если вы можете заставить ток проходить чрез Сушумну, канал внутри позвоночного столба, вы разрешили задачу. Сознание создало эту сеть нервной системы и должно разорвать ее, чтобы исключить роль проводника как посредника. Тогда только мы достигнем знания всего и не будем больше в зависимости от тела. Вот почему так важно достигнуть управления Сушумною. Йог говорит, что, если вы можете посылать умственные токи через этот канал, помимо нервных фибр, действующих как провода, вы разрешили задачу, и он говорит также, что это вполне возможно.

Сушумна у обыкновенных людей закрыта на нижнем конце; никакое действие не происходит в ней. Йога пред-

лагают упражнение, посредством которого она может быть открыта и нервные токи принуждены будут проходить через нее.

Когда ощущение приносится к центру, центр реагирует. Эта реакция, в случае автоматических центров, имеет следствием движение; в случае сознательных центров, за нею следует сначала восприятие и потом движение. Всякое восприятие есть реакция на действие извне. Но тогда как же возникают восприятия во сне, ведь при этом не бывает никакого действия извне? Движения, вызывающие ощущения, очевидно, находятся где-то в скрытом состоянии, подобно тому, как силы, производящие движения в теле, сосредоточены, как известно, в различных центрах. Например, я вижу город; представление об этом городе получилось у меня вследствие реакции на впечатления, принесенные от внешних предметов, составляющих город. Здесь произошло некоторое движение в частицах мозга, возбужденное движением в приносящих нервах, которые в свою очередь были приведены в движение внешними предметами города. Этот город я могу вспомнить даже после долгого времени, причем воспоминание о нем представит собою совершенно то же явление, только в более слабой форме. Откуда же является действие, которое вызывает, хотя бы и в слабой форме, подобное колебание в мозгу? — Конечно, не непосредственно от первоначальных впечатлений. Поэтому необходимо признать, что эти впечатления где-то находились дремлющими, и затем своим действием возбудили слабую реакцию, которую мы и называем сновидением. Центр, где эти остающиеся впечатления, так сказать, накапливаются, называется *Муладхара*, коренное вместилище, а дремлющая энергия действия есть (покоющаяся) Кундалини. Весьма вероятно, что остающаяся движущая энергия также накапливается в том же

самом центре, так как после глубокого размышления и обдумывания внешних предметов, часть тела, где расположен центр Муладхара (вероятно, священное сплетение) нагревается. Если эта дремлющая энергия разбужена и возбуждена к действию и затем сознательно принуждена двигаться вверх по каналу Сушумны, то, по мере того, как она действует на один центр за другим, в них возбуждается страшная реакция. Когда маленькая часть энергии действует вдоль нервной фибры и вызывает реакцию центров, ощущение есть или сновидение или образ воображения. Но когда огромная масса этой энергии, накопленной силой долгого внутреннего размышления, действует вдоль Сушумны и бьет по центрам, реакция получается очень мощная, значительно более напряженная, чем реакция восприятия чувства. Это восприятие сверхчувственное, и сознание в этом состоянии называется сверхсознательным. Когда оно достигает главного вместилища всех восприятий, мозга, весь мозг реагирует; каждая воспринимающая частица в теле тоже реагирует, и в результате получается полное торжество просветления — восприятие Сущего. По мере того, как сила Кундалини начинает действовать на один центр за другим, сознание раскрывается, как бы слой за слоем, и Йог видит вселенную как в ее тонкой, так и в грубой форме. Тогда обе причины этой вселенной, т.е., как чувственное восприятие, так и волевая реакция, будут познаны в самих себе и получается всезнание. Раз известны причины, знание результатов будет неизбежным следствием.

Таким образом, пробуждение Кундалини есть единственный путь к приобретению Божественной Мудрости и сверхсознательного восприятия, к реализации духа. Оно достигается различными путями: посредством любви к Богу, милостью достигших совершенства мудрецов или

как результат могущественной аналитической силы и воли самого философа. Где бы ни произошло какое-нибудь проявление того, что обыкновенно называют сверхъестественной силой или мудростью, там несомненно был хоть маленький ток Кундалини, которая нашла себе дорогу в Сушумну. Только, в огромном большинстве таких случаев сверхъестественного, люди наталкиваются на какое-нибудь упражнение, освобождающее маленькую часть их дремлющей Кундалини, бессознательно. Всякая молитва, сознательно или несознательно, ведет к такому результату. Человек, который думает, что получает ответы на свои молитвы, не знает, что исполнение его молитв исходит из его собственной природы, что ему удалось посредством мысленного молитвенного настроения пробудить частицу той бесконечной силы, которая дремала внутри его самого. Итак, по учению Йогов то, чему люди, угнетаемые страхом и бедствиями, по невежеству поклоняются под разными именами, есть в действительности сила, скопленная в каждом существе, мать вечного блаженства, если мы только умеем подойти к ней. А Раджа-Йога есть наука о религии, разумное объяснение всякого богослужения, всех молитв, обрядов, церемоний и чудес.

Глава V.

Управление психической Праной

Теперь мы перейдем к упражнениям в Пранаяме. Мы уже видели, что первым шагом, согласно учению Йогов, должно быть управление движением легких. Нам нужно достигнуть того, чтобы чувствовать более тонкие движения, происходящие в теле. Наше сознание сделалось способным понимать только внешнее и потеряло способность чувствовать тонкие движения внутри. Если мы

научимся чувствовать их, мы будем в состоянии управлять ими. Нервные токи проходят по всему телу, принося энергию и жизнеспособность каждому мускулу, но мы не чувствуем их. Йога говорит, что мы можем научиться этому. Но как? — Овладев всеми движениями Праны и управляя ими. Начинать надо с движения легких, а после достаточно продолжительного упражнения над ними, мы будем в состоянии управлять также и более тонкими движениями.

Итак, мы пришли к упражнениям в Пранаяме. Сядьте прямо, держа корпус вертикально. Спинной мозг хотя и находится внутри позвоночного столба, но не касается его. Если вы сидите согнувшись, вы стесняете ваш спинной мозг; дайте ему свободу. Всякий раз, как, сидя согнувшись, вы станете размышлять, вы причините себе вред. Три части тела должны всегда держаться прямо на одной линии: грудь, шея и голова. Вы увидите, что после небольшого упражнения это станет для вас таким же естественным, как дышать. Второе — это достигнуть управления нервами. Мы видели, что нервный центр, который управляет органами дыхания, отчасти управляет другими нервами, поэтому равномерное дыхание и необходимо. Дыхание, которым мы обыкновенно пользуемся, совсем не должно бы заслуживать названия дыхания: оно очень неправильно. Следует заметить, что между дыханием мужчины и женщины есть некоторая естественная разница.

Первый урок заключается в том, чтоб дышать, равномерно вдыхая и выдыхая. Это сделает гармоничной всю систему. После такого упражнения в течение некоторого времени, полезно присоединять к нему повторение слова «Ом» или какого-нибудь другого священного слова, произнося это слово равномерно и гармонично, как при вдыхании, так и при выдыхании; вы увидите при

этом, что все тело станет гармоничным. Тогда вы узнаете, что такое отдых. Сон сравнительно совсем не отдых. Раз этот отдых наступит, наиболее утомленные нервы успокоятся, и вы увидите, что раньше вы на самом деле никогда не отдыхали.

Первым результатом этого упражнения будет изменения лица, резкие линии исчезнут; вместе со спокойными мыслями явится спокойное выражение лица. Вслед затем голос станет прекрасным. Я никогда не видел ни одного Йога с хриплым голосом. Эти признаки явятся после немногих месяцев упражнения. После этого первоначального упражнения дыхания в течение нескольких дней, приступайте к высшему. Медленно наполняйте легкие воздухом через Иду — левую ноздрю — и в то же время сосредоточьте ваше сознание на нервном токе. Вы как бы посылайте мысленно нервный ток вниз позвоночного столба и сильно ударяйте на последнее сплетение, основной Лотос треугольной формы, местонахождение Кундалини. Задержите там ток некоторое время и затем представьте себе, что вы медленно направляете этот нервный ток вместе с дыханием на другую сторону и потом медленно выгоняете его через правую ноздрю. Исполнять это вам покажется несколько трудно. Легчайший способ будет такой: закройте правую ноздрю большим пальцем и медленно втягивайте воздух через левую; затем закройте обе ноздри большим и указательным пальцами и вообразите, что вы посылаете ток вниз и ударяете им по основанию Сушумны; после того отнимите большой палец и выпускайте воздух через правую ноздрю. Затем вдыхайте медленно через эту ноздрю, держа другую закрытой указательным пальцем, потом закройте обе, как раньше. Способ, употребляемый индусами при этом упражнении, был бы очень труден для вашей страны (Америки), потому что индусы употребляют его с детства и их легкие подготовлены для него. Вам

полезно начать с четырех секунд и медленно увеличивать продолжительность каждого приема. Втягивайте воздух в течение четырех секунд, удерживайте его в легких 16 секунд, потом выдыхайте в течение 8-ми секунд. Это составит одну Пранаяму. В то же время думайте о треугольном нервном сплетении, сосредоточьте сознание на этом центре; воображение здесь может очень много помочь вам. Затем опять медленно втягивайте воздух, потом тотчас медленно выдыхайте, а затем задержите дыхание, употребляя на каждый прием то же время, как в предыдущей Пранаяме. Единственная разница здесь будет в том, что в первом случае, при задержке дыхания, легкие были наполнены воздухом, а во втором освобождены от него.

Последнее легче. В дыхании, при котором вы задерживаете воздух в легких, не следует упражняться слишком много. Делайте это только четыре раза утром и четыре раза вечером. Потом вы можете постепенно увеличивать продолжительность каждого приема и число Пранаямы. Вы увидите, что в состоянии исполнять эти упражнения и что они доставляют вам удовольствие. Когда вы почувствуете, что в состоянии увеличить время и число упражнений, увеличивайте их осторожно и осмотрительно до 6 вместо 4. При нерегулярности упражнений, они могут повредить вам.

Из трех процессов, — очищения нервов, удержания дыхания при наполненных легких и удержания дыхания при опорожненных легких, — первый и последний не трудны и не опасны. Чем больше вы будете упражняться в первом, тем станете спокойнее. Думайте только об «Ом» и вы приобретете способность упражняться, даже сидя за работой, которая при этом пойдет еще успешнее. При усердном упражнении, Кундалини у вас будет пробуждена. У тех, кто упражняется один или два раза в

день, наступит только небольшое спокойствие тела и сознания и получится прекрасный голос; у тех же, кто может упражняться больше, Кундалини пробудится, вся природа начнет изменяться, и для них откроется книга знания. Для получения знания вы не будете более нуждаться ни в каких книгах; ваше собственное сознание станет вашей книгой, заключающей в себе бесконечное знание.

Я уже говорил о нервных проводниках Иде и Пингале, проходящих по обе стороны позвоночного столба, также о Сушумне, проходе по оси спинного мозга. Все они находятся у каждого животного: кто имеет позвоночный столб имеет эти три пути для действия; но Йога говорит, что у обыкновенного человека Сушумна закрыта, что действие здесь не проявляется, тогда как в других двух действие нервных токов, передавая силу различным частям тела, обнаруживается совершенно ясно.

Открытую Сушумну имеют только Йоги. Когда проход Сушумны открыт и сознание начинает подниматься через него; мы становимся выше чувств, наше сознание становится сверхчувственным, сверхсознательным; мы поднимаемся даже выше разума, в области, куда рассудок не может достигнуть. Открыть Сушумну есть главная задача Йоги. По объяснению Йогов, вдоль этой Сушумны расположены центры отправления, или на более фигуральном языке «лотосы», как они их называют. Низший из них находится у нижнего конца спинного мозга и называется *Муладхара*, следующий называется *Свадхиштхана*, следующий — *Вишуддха* и наконец тот, который в мозгу, — *Сахасрара* (или тысячелепестковый). Из них нам нужно теперь познакомиться только с двумя: низшим Муладхарой и высшим Сахасрарой. Низший есть тот, в котором накапливается вся энергия; эта энергия должна быть взята отсюда и перенесена к последнему, мозгу.

Йоги заявляют, что из всех энергий, которые заключаются в человеческом теле, самая высшая есть та, которую они называют *Оджас*. Этот Оджас накапливается в мозгу, и, чем больше его в голове, чем он энергичнее, тем человек разумнее и умственнее крепче. Действие Оджаса таково, что один может высказывать высокие мысли прекрасным языком, но они не производят впечатления на людей, другой не обладает ни красноречием, ни глубиной мысли, но слова его очаровывают. Это зависит от силы исходящего из человека Оджаса. Каждое движение, производимое им, могущественно.

Все человечество обладает большим или меньшим количеством накопленного им Оджаса, и все силы, действующие в обществе, достигая высшей обработки, становятся Оджасом. Вы должны помнить, что все дело тут только в преобразовании. Сила, действующая вне тела, как электричество и магнетизм, изменяется во внутреннюю силу; сила же, которая действует как мускульная энергия, изменяется в Оджас. Йоги говорят, что та часть человеческой энергии, которая выражается как производительная энергия в соответствующих отправлениях, мыслях и т.д., когда она обуздана и подчинена, легко изменяется в Оджас; а так как низший центр и есть тот, который руководит всеми этими отправлениями, то Йог этому центру и оказывает особенное внимание. Он старается овладеть всею производительной энергией и превратить ее в Оджас. Только целомудренный мужчина или женщина может заставить Оджас подняться и скопиться в мозгу. Вот почему целомудрие рассматривалось всегда как высшая добродетель; — человек чувствует, что, если он не целомудрен, духовность его уходит, и он теряет как умственную, так и могущественную нравственную жизненную силу. Вот почему во всем мире, у всех религиозных орденов, производивших умственных

гигантов, вы всегда находите стремление настаивать на целомудрии. Вот почему появились монахи, отказывающиеся от брака. Необходимо быть вполне целомудренным мыслью, словом и делом. Без этого упражнение в Раджа-Йоге опасно и может привести к умопомешательству. Если люди упражняются в Раджа-Йоге и в то же время ведут нечистую жизнь, как могут они надеяться стать Йогами?

Глава VI. **Пратьяхара и Дхарана**

Следующая ступень называется *Пратьяхара*. Что это такое? — Мы знаем, как получают наши восприятия. Для получения их мы имеем, во-первых, внешние орудия, потом внутренние органы, действующие в теле через посредство мозговых центров, и затем сознание. Когда все они функционируют вместе, и их деятельность находится в связи с каким-нибудь внешним предметом, тогда мы сознаем этот предмет. Но сосредоточить сознание и соединить его только с одним органом вещь очень трудная; сознание есть раб.

Мы слышим, как по всему свету учат: будь добр, будь добр, будь добр. Едва ли найдется в какой-нибудь стране света ребенок, которому бы не говорили — не кради, не лги; но никто не говорит ребенку, как он может удержаться от этого. Разговоры тут никогда не помогут. И почему ему не стать вором? Мы ведь не учим его, как не красть, а только говорим: не кради. Только, когда мы научим его управлять сознанием, мы действительно окажем ему помощь. Все действия внутренние и внешние происходят тогда, когда сознание соединяется с известными центрами, называемыми органами. Добровольно или невольно оно стремится соединиться с этими

центрами, и вот почему люди совершают неразумные дела и переживают несчастья, которых не было бы, если бы сознание было подчинено нашей воле. Какой был бы результат управления сознанием? — Оно не соединилось бы само с центрами восприятия, и, следовательно, чувства и желания зависели бы от нас. Это ясно. Но возможно ли? Вполне возможно. Вы видите это и в настоящее время: целители верой учат людей не признавать страдания, боли, зла; их философия несколько запутана, но она есть часть Йоги, на которую они как-то набрели. В тех случаях, где им удалось заставить кого-нибудь освободиться от страдания, отрицая его, они на самом деле научили части Пратьяхары, так как сделали сознание пациента достаточно сильным, чтоб отвергнуть свидетельство чувств. Гипнотизеры подобным же образом своим внушением возбуждают в пациенте на некоторое время род болезненной Пратьяхары. Так называемое гипнотическое внушение может действовать *только на больное тело и затемненное сознание*. И, пока оператору посредством устремленного пристального взгляда или другим образом не удалось привести сознание субъекта в некоторое болезненное пассивное состояние, его внушения не действительны.

Управление центрами, устанавливаемое на время в гипнотическом пациенте или пациенте лечения верой, заслуживает в высшей степени порицания, потому что оно ведет его к окончательной гибели. Это не действительное управление мозговыми центрами силой своей собственной воли, но как бы оглушение сознания пациента на данное время внезапными ударами, которые наносит ему воля другого. Это обуздание бешеного бега горячих коней не посредством вожжей и мускульной силы, но скорее посредством просьбы другому — нанести им тяжелые удары по головам, чтобы ошеломить их и

сделать на время покорными. При каждом из этих процессов человек, подвергающийся им, теряет часть своей умственной энергии, и его сознание, вместо того, чтоб приобрести способность управлять, становится бесформенной бессильной массой; единственный конец такого пациента дом умалишенных.

Всякая попытка управлять непроизвольно, не посредством собственного сознания, не только губительна, но и не целесообразна. Цель каждой души свобода, господство; свобода от рабства материи и сознания, господство над внешней и внутренней материей. Вместо того, чтобы вести к этому, каждый волевой ток со стороны другого лица, в какой бы форме он не влиял на меня, в виде ли прямого управления моими органами, или как побуждение меня управлять ими в болезненном состоянии, только прибавляет лишнее звено к уже существующей тяжелой цепи зависимости от прежних мыслей, прежнего суеверия. Поэтому *остерегайтесь позволять другим управлять вами*; остерегайтесь, как бы вы сами по незнанию не принесли другим гибели. Правда, некоторым удается приносить на время пользу многим, давая новое направление их склонностям; но в то же время они миллионам приносят гибель, бессознательно рассеивая кругом гипнотические внушения и возбуждая в мужчинах и женщинах те болезненные пассивные гипнотические условия, которые делают их наконец почти лишенными воли. Всякий, кто предлагает кому-нибудь слепо верить, или кто увлекает за собою человечество, подчиняя его своей могущественной воле, приносит вред человечеству, хотя, может быть, и ненамеренно.

Поэтому *пользуйтесь своим собственным умом, управляйте телом и сознанием сами, помните, что, если вы не больной субъект, никакая посторонняя воля не может действовать на вас, и избегайте*

всякого кто велит вам слепо верить, как бы велик и добр он ни был. По всему свету существовали пляшущие, прыгающие и воющие секты, которые, благодаря своим пению, пляскам и проповедям, распространялись подобно заразе; — они также подходят под эту рубрику. Они оказывают временно замечательное влияние на впечатлительных людей, но увы, часто приводят впоследствии к вырождению целых рас. Да, здоровее для индивидуума или расы остаться злыми, чем сделаться по-видимому добрыми посредством такого болезненного внешнего влияния. Сердце замирает, когда подумаешь о массе зла, причиненного человечеству такими безответственными, хотя бы и благонамеренными религиозными фанатиками. Они не понимают, что сознания, достигающие, по-видимому, под их внушениями, сопровождаемыми музыкой и молитвами, внезапного духовного подъема, становятся пассивными, болезненными, бессильными, открытыми всяким чужим внушениям, как бы пагубны они ни были.

Мало думают эти невежественные, заблуждающиеся люди о том, что в то время, как они приходят в восторг от своей чудесной силы переделывать людские сердца, — силы, по их мнению, ниспосланной им неким существом, живущим над облаками, — *они сеют семена будущего бессилия, преступления, сумасшествия и смерти. Берегитесь же всего, что отнимает вашу свободу. Знайте, что это опасно, и избегайте его всеми средствами, какие в вашей власти.*

Тот, кто достиг способности по желанию соединять или разъединять свое сознание с нервными центрами, усвоил Пратьяхару, которая значит «собираение к», обуздание стремящихся к внешнему сил сознания, освобождения его от рабства чувств. Когда мы сумеем достигнуть этого, мы будем действительно обладать характе-

ром; только тогда мы сделаем серьезный шаг к свободе, а до того мы только машины.

Как трудно управлять сознанием! Его очень удачно уподобляли сошедшей с ума обезьяне. Была одна обезьяна, беспокойная по натуре, как все обезьяны. Но кому-то этого показалось мало, и он напоил ее допьяна вином, отчего она стала еще беспокойнее. Затем ее ужалил скорпион. Когда человек ужален скорпионом, он целый день прыгает; очевидно, и бедная обезьяна оказалась в условиях худших, чем прежде. В довершение несчастья, в нее вселился демон. Какой язык в состоянии описать необузданное буйство этой обезьяны! Человеческий ум подобен этой обезьяне. Беспреданно деятельный по своей собственной натуре, он опьяняется вином желаний, и смятение его увеличивается. После того, как желания овладели им, является укушение скорпиона — зависть к другим, которых желания исполняются, и после всего сознанием овладевает демон гордости, заставляющий его считать себя выше всех. Как трудно управлять таким сознанием!

Первый урок поэтому состоит в том, чтобы сидеть некоторое время спокойно и дать сознанию волю. Сознание постоянно бурлит, оно похоже на эту скачущую обезьяну. Дайте обезьяне прыгать, сколько она может, а сами ждите и наблюдайте. Знание есть сила, говорит пословица, и это верно. Пока вы не знаете, что делает сознание, вы не можете управлять им; отпустите же ему совсем поводья. Много самых низких мыслей может прийти в него, и вы будете удивлены, что такие мысли могут явиться у вас. Скоро, однако же, вы заметите, что с каждым днем капризы сознания становятся слабее и слабее, что с каждым днем оно успокаивается.

В первые месяцы вы найдете, что в вашем сознании будет, положим, тысяча мыслей. Позже увидите, что

число их уменьшится, может быть, до семисот, а спустя еще несколько месяцев их будет все меньше и меньше, пока наконец сознание не станет вполне подчинено воле. Но для этого нужно терпеливо упражняться каждый день. Как только пар пущен, машина двигается, и, когда перед нами есть предметы, мы их воспринимаем; поэтому, если человек желает доказать, что он не машина, он должен доказать, что ничто им не управляет. Управление сознанием и не дозволению ему соединяться с нервными центрами есть — *Пратьяхара*. Как упражняться в ней? — Это упражнение требует долгой работы, и только после постоянных терпеливых усилий в течение годов мы можем достигнуть успеха. От соблюдения того же условия зависит успех и следующего урока.

После того, как вы некоторое время упражнялись в Пратьяхаре, приступайте к следующей ступени — *Дхаране*, задержанию сознания на известных пунктах. Что значит задержание сознания на известных пунктах? — Принуждение сознания чувствовать известные части тела с исключением других. Например, старайтесь чувствовать только руку, с исключением других частей тела. Когда Читта, или умственная материя, задержана и ограничена известным местом, это называется *Дхарана*. Дхарана может быть разного рода. Для успеха в ней всегда полезно прибегнуть к помощи воображения. Например, можно заставить сознание сосредоточиться на одной точке в сердце, но это очень трудно; легче вообразить в сердце полный лучезарного света лотос и направить сознание на него, или думать о лотосе в мозгу, как полном света, или о различных упомянутых раньше нервных центра в Сушумне.

Йог должен всегда упражняться. Он должен стараться жить один; общество различного рода людей отвлекает ум; он не должен много говорить, потому что разгово-

ры отвлекают ум; ни работать много, потому что слишком усиленная работа также отвлекает ум. Сознанием нельзя управлять после целого дня тяжелой работы. Человек, решившийся на все это, становится Йогом. Благотворное влияние упомянутых упражнений таково, что даже самое малое, что вы сделаете в этом направлении, принесет вам огромную пользу. Они никому не повредят, но каждому будут полезны. Прежде всего понизят ваше нервное возбуждение, принесут спокойствие, сделают вас способными видеть вещи более ясно. Одним из первых признаков успеха будет улучшение здоровья и прекрасный голос, — все недостатки в голосе исчезнут. Это будет одним из первых результатов в числе многих других. Те, кто усердно упражняется, заметят, кроме того, много других признаков. Иногда они будут слышать звуки, подобные отдаленному звону колоколов, сливающиеся и производящие в ухе впечатление одного непрерывного звука; иногда будут видеть как бы маленькие светлые пятна, плавающие и становящиеся больше и больше. Когда вы начнете испытывать это, знайте, что вы очень быстро продвигаетесь вперед. Те, кто хочет быть Йогом и упражняться очень усердно, должны сначала соблюдать легкую диету. Желающие же делать очень быстрые успехи, достигнут этого скорее, если будут в состоянии прожить несколько месяцев, питаясь только молоком и продуктами хлебных растений. Строгая диета для них абсолютно необходима. Но те, кто хочет только слегка упражняться при ежедневной деловой жизни, пусть не позволяют себе объедаться, есть же могут все, что им нравится.

По мере того, как ваш организм будет становиться утонченнее, вы начнете замечать, что самые ничтожные причины выводят вас из равновесия: каждый лишний или недостающий кусочек пищи расстроит весь ваш орга-

низм. Но это продолжится только до тех пор, пока вы не достигнете полного управления собою, после чего можете есть все, что угодно. Вы увидите, что, когда начнете сосредоточиваться, падение булавки покажется вам похожим на удар молнии, проходящей через ваш мозг. Органы станут тоньше и восприятия тоньше. Это ступени, через которые необходимо пройти, и все, кто настойчив, будут иметь успех. *Не спорьте и не доказывайте разумность ваших стремлений. Что толку в пустых словопрениях? Они только выводят ум из равновесия и смущают его. Вашу цель надо осуществить, а разве вы достигнете этого болтовней? Итак, оставьте все напрасные разговоры и читайте только те книги, которые написаны людьми прозревшими.*

Будьте подобны жемчужной устрице. Есть чудесная, подходящая к данному случаю индийская басня. В ней говорится, что, если после восхода звезды Свати идет дождь и капля его попадает в устрицу, эта капля становится жемчужиной. Устрицы знают это и, когда на небе блестит эта звезда, выходят на поверхность и ждут, чтоб схватить драгоценную каплю дождя. Когда капля попадает в раковину, устрица быстро закрывает ее и погружается на дно моря, чтобы там терпеливо переработать эту каплю в жемчужину. Нам нужно быть похожими на нее: сначала слушать, потом понять и затем, отбросивши все, отвлекающее нас от цели, запереть наше сознание для внешних влияний и предаться развитию истины внутри нас. Хватаясь за идею только ради ее новизны и потом бросая ее для другой, более новой, мы подвергаемся опасности растратить нашу энергию. Принимайтесь за одно, исполняйте раз заданное себе, стремитесь к цели и не оставляйте ее раньше, чем увидите ее осуществление. Только тот, кто может полностью сосредоточиться на одной идее, увидит свет. Те, которые только понем-

ножку берут то здесь, то там, никогда ничего не достигнут. Они могут на мгновение напрячь свои нервы, но этим у них и кончается. Они будут рабами в руках природы и никогда не станут выше чувств. Те, которые действительно желают быть Йогами, должны раз и навсегда отказаться от разбрасывания. Остановитесь на одной идее. Сделайте эту идею вашей жизнью; пусть она греется вам во сне; думайте о ней; живите ею. Пусть мозг, мускулы, нервы, каждая часть вашего тела будут полны этой идеей, и совершенно отбросьте всякую другую. Это путь к успеху, и этим путем образуются великие гиганты духа. Другие — только простые говорильные машины. *Если мы действительно желаем быть счастливыми и делать счастливыми других, мы должны уйти в глубь, и с первого же шага не смущать сознания и не иметь общения с людьми, идеи которых вносят смуту.* Каждый из вас знает некоторых людей, некоторые места, некоторую пищу, которые отталкивают вас; избегайте их. Те же, кто хочет достигнуть самого высшего состояния, должны избегать всякого общества, хорошего и дурного. Упражняйтесь усердно; останетесь ли вы живы или умрете, это не важно. Вы должны погрузиться в это дело и работать, не думая о результатах. Если вы достаточно смелы, в шесть месяцев вы сделаетесь совершенным Йогом; расбрасываясь же и беря от всего понемногу, не достигнете ничего высшего. От того, что вы пройдете только курс упражнений, не будет никакой пользы. Для тех, кто полон Тамаса, невежествен и туп, чье сознание никогда не сосредоточивается на одной идее, кто жаждет чего-нибудь только для развлечения, для них религия и философия простые забавы. Они обращаются к религии как к развлечению, и только развлечение и получают. Такие не настойчивы. Они слышат разговор, интересуются им, а затем идут домой и все забывают. Для дости-

жения успеха необходима страшная настойчивость, страшная воля. «Я выпью океан». «По моей воле расплывутся горы», — говорит настойчивая душа. Имейте этот род энергии, этот род воли, работайте упорно, и вы достигнете цели.

Глава VII. **Дхьяна и Самадхи**

Мы окончили беглый обзор различных ступеней Раджа-Йоги, исключая самой высшей, — упражнения в сосредоточении, составляющей конечную цель, к которой имеет в виду привести нас Раджа-Йога. Как человеческие существа, мы видим, что все наше знание, называемое рациональным, коренится в сознательности. Я сознаю этот стол, сознаю ваше присутствие и т.д.; и это дает мне знать, что вы здесь, что стол здесь и что предметы, которые я вижу, чувствую и слышу, находятся здесь. Но в то же время очень большую часть моего существования я не сознаю; — никто не сознает различных внутренних органов своего тела, различных частей мозга, всего мозга и других подобных предметов.

Когда я ем пищу, я делаю это сознательно; когда же я усваиваю ее, я этого не сознаю. Пища перерабатывается в кровь, и из крови вырабатываются различные части моего тела бессознательно, но тем не менее все это делается мною. Не может быть двадцати лиц в одном моем теле. Откуда я, однако, знаю, что это делаю я, а не кто-нибудь другой? Можно, ведь, пожалуй, утверждать, что мое дело только есть пищу, а усвоение ее и вырабатывание тела из крови делается за меня кем-нибудь другим. Этого не может быть, так как легко доказать, что почти все действия, которых мы теперь не сознаем, могут быть опять подняты до уровня сознательности.

Сердце, по-видимому, не зависимо от вашей воли: никто из нас не может управлять им; оно бьется само по себе. Но упражнением человек может даже сердце подчинить себе до такой степени, что оно станет биться по желанию — медленно или скоро, или почти остановиться. Почти каждая часть тела может быть приведена к подчинению. Что это показывает? — Это показывает, что те действия, которые находятся под сознанием, производятся также нами, только мы производим их бессознательно. Итак, мы имеем два уровня, на которых работает человеческое сознание. Первый уровень сознания тот, в котором все действия всегда сопровождаются самочувствием; за ним следует уровень низшего порядка, где действия, не сопровождаемые самочувствием, бессознательны. Та часть работы сознания, которая не сопровождается самочувствием, есть бессознательная работа, а та часть, которая сопровождается самочувствием, есть сознательная работа. У низших животных бессознательная работа называется инстинктом. У высших и у самого высшего животного — человека, вторая часть, сопровождаемая самочувствием, преобладает и называется сознательной работой.

Но здесь еще не конец. Существует еще высший уровень, на котором может работать сознание. Оно может идти дальше. Подобно тому, как бессознательная работа ниже сознания, есть другая работа выше сознания и также не сопровождаемая самочувствием. Самочувствие присуще только среднему уровню. Когда сознание выше или ниже его пределов, нет никакого чувства своего *Я*, и все-таки сознание работает. Когда сознание поднимается выше пределов самосознания, оно называется *Самадхи*, или сверхсознательностью. Как, однако, мы знаем, что человек в Самадхи не приходит в состояние ниже своего сознания, не опускается, вместо того,

чтобы идти выше? В обоих, ведь, случаях работа не сопровождается самочувствием. Ответ следующий: о том, что ниже и что выше, мы узнаем по последствиям, по результатам действия. Когда человек впадает в глубокий сон, он вступает на уровень ниже сознания. Он все время вырабатывает тепло, дышит, быть может, двигает во сне тело, без сопровождающего самочувствия; он бессознателен и, просыпаясь, остается тем же человеком, каким заснул. Сумма знания, которую он имел до того, как заснул, остается та же самая, она несколько не увеличилась; не произошло никакого просветления. Но, если человек приходит в Самадхи, то, если он и входил в нее глупым, он выходит мудрецом.

Что производит эту разницу? Из одного состояния человек выходит тем же самым, каким входил в него, а, выходя из другого состояния, становится просветленным, мудрецом, пророком, святым; весь его характер меняется, его жизнь изменяется, просветляется. Таковы следствия. А, раз следствия различны, причины должны быть тоже различны. Так как просветление, с которым человек возвращается из Самадхи, гораздо выше того, которое может быть получено от бессознательного состояния, и даже гораздо выше, чем то, которое может быть достигнуто размышлением в сознательном состоянии, то оно должно поэтому быть сверхсознательным; почему Самадхи и называется сверхсознательным состоянием.

Вот вкратце понятие о Самадхи. Какое же его применение? — Применение следующее. Поле разума, или сознательных действий мысли, узко и ограничено. Существует только маленький круг, внутри которого должен действовать человеческий разум. Рассудок не может идти за пределы его. Всякая попытка идти дальше невозможна. Тем не менее за этим кругом рассудка лежит все

то, что человечество считает самым дорогим. Все эти вопросы: бессмертна ли душа? есть ли Бог? есть ли высший разум, управляющий этой вселенной? — все они за пределами сферы рассудка. Рассудок не может никогда ответить на эти вопросы. Что говорит рассудок? — Он говорит: я агностик, я не знаю: да или нет. Однако, эти вопросы так важны для нас! Без прямого ответа на них человеческая жизнь невозможна. Все наши этические теории, все наши нравственные положения, все, что есть хорошего и великого в человеческой природе, все это вылилось из ответов, полученных из-за пределов этого круга. Поэтому-то в высшей степени важно иметь ответы на эти вопросы. Если жизнь есть только нечто маленькое, пятиминутное, если вселенная только случайное соединение атомов, тогда почему должен я делать добро другим? Зачем нужны милосердие, справедливость, сочувствие? Самое лучшее, к чему надо было бы стремиться в этом мире — «убирать сено каждому для себя, пока солнце светит». Если нет надежды на будущее, зачем я стану любить моего брата, а не перережу ему горло? Если нет ничего дальше, если нет свободы, а только неумолимые, бездушные законы, я должен бы стараться только сделать себя счастливым здесь. Вы встретите людей, которые говорят в настоящее время, что для них основанием нравственности служат соображения о пользе. Что это за основание? — Доставить наибольшее количество счастья наибольшему числу людей. Но зачем я стану это делать? Почему бы мне не причинять самое большее несчастье наибольшему числу, если это служит моим целям? Как ответят утилитарианцы на этот вопрос? Откуда они знают, что правильно и что нет? Я побуждаюсь моими желаниями к счастью, и выполняю их; это в моей природе, и я не знаю ничего больше. Я имею желания и должен удовлетворить их. На

что же вам жаловаться? Откуда все эти истины относительно человеческой жизни, морали, бессмертной души, Бога, любви и симпатии; относительно того, чтобы быть добрым, а главное относительно того, чтобы не быть эгоистом?

Вся этика, все человеческие действия и все человеческие мысли держатся на этой одной идее несебялюбия; вся идея человеческой жизни может быть выражена в этом одном слове «несебялюбие». Но зачем нам быть несебялюбивыми? Где для меня необходимость, сила, возможность быть неэгоистом? Почему я должен быть таким? Вы называете себя разумным человеком, утилитарианцем; но, если вы не указываете мне причины, я скажу, что вы неразумны. Покажите мне причину, почему я не должен быть эгоистом. Почему я не должен быть похож на зверя, действующего без разума? Это может быть хорошо в поэзии, но поэзия не основание. Покажите мне основание. Почему я должен быть неэгоистичен, и почему я буду добр? Потому, что такой-то и такая-то это говорят? — это для меня ничего не значит. Где эта польза моего несебялюбия? Если пользой считается наибольшее количество счастья, моя польза заключается в том, чтобы быть эгоистом. Я могу достигнуть наибольшего количества счастья, обманывая и губя других. В чем же ответ? — Утилитарианец никогда не даст его. Ответ же в том, что этот мир есть только капля в бесконечном океане, одно звено в бесконечной цепи. Но откуда те, кто проповедует несебялюбие и учит ему человеческий род, добыли эту идею? Мы знаем, что она явилась у них не инстинктивно: животные, которые имеют инстинкт, не знают ее. И не рассудком она добыта: рассудок не знает ничего об этих идеях. Откуда же она взялась?

Изучая историю, мы находим один факт, согласно признаваемый всеми великими учителями религии, каких

когда-либо имел мир: все они заявляли, что получили эти истины свыше; только многие из них не знали, в каком состоянии они сами находились, когда получали их. Например: один говорит, что ангел сошел к нему в виде человеческого существа с крыльями и сказал: «Слушай, человек, вот откровение». Другой говорит, что ему являлось светлое существо — Дэва. Третий, что он видел во сне своего предка, сообщившего ему то, что он передает, и больше он ничего не знает. Но у всех общее одно — то, что они видели ангелов, или слышали голос Бога, или видели удивительный сон. Все заявляют, что знание они получили свыше, а не сами додумались до него. Чему же учит наука Йога? Она учит, что они совершенно правы, утверждая, что все их знания получены не путем их собственных размышлений, и вместе с тем объясняет, что эти знания получились не от кого-либо другого, а из глубины их самих.

Йога учит, что сознание само имеет высшую, сравнительно с рассудком, форму сверхсознательного состояния, и что, когда сознание достигает этого высшего состояния, тогда человек становится обладателем знания высшего, чем рассудочное, обладателем метафизического знания, которое выше всякого физического знания. Человек, развивший свое сознание до высшего состояния, становится обладателем метафизического и трансцендентального знания. Но в то же состояние, выше сознательного и недоступное обыкновенной человеческой природе, человек, не имеющий о нем ни малейшего представления, может иногда прийти случайно, как бы натолкнуться на него. При этом те трансцендентальные знания, которые он выносит из этого состояния, он обыкновенно считает полученными извне. Этим объясняется, почему вдохновение, или трансцендентальное знание, может быть одним и тем же в разных странах, но в одной

стране оно выдается за пришедшее от ангела, во второй от Дэва и в третьей от Бога. Что это значит? — Это значит, что сознание получает знание из своей собственной природы, но что в каждом случае источник знания объясняется согласно вере и воспитания лица, которое его получило. Суть в том, что эти различные люди приходили в сверхсознательное состояние случайно, не понимая его.

Йога говорит, что случайно впасть в это состояние очень опасно. Во многих случаях является опасность повредить мозг. Как общее же правило вы заметите, что, как бы велики ни были люди, приходившие в это сверхсознательное состояние случайно, не понимая его, они ходят ощупью, во тьме и, попутно со знаниями, у них встречаются всегда некоторые странные суеверия. Кроме того, они подвержены галлюцинациям. Магомет, например, рассказывает, что ангел Гавриил приходил к нему однажды в пещеру и посадил его на небесного коня Гарак, на котором он посетил небеса. Но вместе с тем Магомет высказал и несколько поразительных истин. Если вы прочтете Коран, то найдете в нем наиболее удивительные истины смешанными с подобными суевериями. Как объяснить это? — Этот человек был несомненно вдохновлен, но на вдохновение он как бы случайно натолкнулся. Он не был выработанный упражнениями Йоги и не знал оснований, в силу которых действовал. Подумайте о добре, которое сделал для мира Магомет, и о громадном зле, причиненном его фанатизмом; подумайте о миллионах умерщвленных вследствие его учения, матерях, лишенных детей, осиротевших детях, целых разрушенных странах, миллионах за миллионами убитого народа. Изучая жизнь всех подобных великих учителей, мы находим, что они подвергались такой опасности; но в то же время видим, что все они были вдохновлены.

Каким бы путем ни входил пророк в сверхсознательное состояние, только всякий раз, как он достигал этого состояния простой силой возбуждения, одним лишь подъемом своей экзальтированной натуры, он выносил из него некоторые истины, но также и некоторый фанатизм, некоторое суеверие, которые причиняли миру столько же зла, сколько величие его учения приносило добра.

Чтобы разобраться в этой массе несообразностей, которая называется человеческою жизнью, нам необходимо возвыситься над своим рассудком; но мы должны делать это научно, медленно, правильно упражняясь и отбросить всякое суеверие. Приниматься за это следует совершенно так же, как за всякую другую науку: мы должны принять за основание рассудок и следовать за ним до тех пор, пока он будет вести нас; а, когда рассудка окажется недостаточно, он сам укажет нам путь к высшему уровню. Поэтому, каждый раз, как вы слышите, что человек говорит: «на меня нашло вдохновение», и затем болтает неразумный вздор, не обращайтесь на него внимания. Почему? — Потому, что три состояния сознания — инстинкт, разум и сверхсознательность, или не-сознательное, сознательное и сверхсознательное состояния, принадлежат одному и тому же сознанию. В человеке нет трех сознаний, но одно развивается в другое. Инстинкт развивается в рассудок, а рассудок в трансцендентальное сознание. Поэтому одно никогда не противоречит другому. Итак, когда бы вы ни встретились с дикими утверждениями, которые противоречат человеческому рассудку и здравому смыслу, отвергайте их без всякой боязни, потому что настоящее вдохновение никогда не противоречит рассудку, но только дополняет его. Вы знаете изречение великого Пророка: «Я пришел не разрушить, но дополнить». Совершенно также и вдохновение всегда приходит, чтоб дополнить рассудок, и все-

гда строго согласуется с ним. Все же, что противоречит рассудку, — знайте, — это не вдохновение.

Все различные ступени Йоги имеют целью привести нас к сверхсознательному состоянию, или Самадхи. В высшей степени важно усвоить себе, что вдохновение в такой же мере свойственно каждой человеческой натуре, как оно было свойственно древним пророкам. Эти пророки не были исключением; они были совершенно такими, как вы или я. Они были только великие Йоги. Они достигли сверхсознательности; но и вы и я можем достигнуть того же. Они вовсе не были особенными людьми. Простой факт, что один человек когда-нибудь достиг такого состояния, доказывает, что и для всякого человека оно возможно. И не только возможно, но каждый человек обязан стремиться достигать такого состояния, и в этом-то и состоит религия. Опыт есть единственный наш учитель. Мы можем толковать и рассуждать всю нашу жизнь, и никогда не поймем ни одного слова истины, пока сами не убедимся в ней опытом. Вы не можете рассчитывать сделать человека хирургом, только дав ему несколько книг. Вы не можете удовлетворить мое желание познакомиться с какою-нибудь страной, показывая мне карту; я должен видеть саму страну. Карты могут возбудить во мне лишь интерес к получению более полных сведений; большего значения они не имеют.

Всякое исключительное пристрастие к книгам только ослабляет человеческий ум. Можно ли представить себе более ужасное богохульство, чем сказать, что полное знание о Боге заключается в этой или той книге? Как смеют люди называть Бога бесконечным и в то же время пытаться заключить Его в переплет маленькой книги? Миллионы народа были убиты за то, что не верили тому, что говорят книги; за то, что не хотели признать, что полное знание о Боге заключается внутри переплета одной

книги. Конечно, такие убийства и истребления — теперь дело прошлого, но мир все еще ужасно связан верою в книги.

Чтобы достигнуть сверхсознательного состояния научным путем, мы должны пройти через те различные ступени Раджа-Йоги, которым я учил вас. После Пратьяхары и Дхараны, о которых я говорил вам в последней лекции, мы приходим к *Дхьяне*, размышлению. Когда сознание привыкло удерживаться сосредоточенным на известном внутреннем или внешнем пункте, оно приобретает способность как бы непрерывного течения по направлению к этому пункту. Это состояние называется *Дхьяна*. Когда сила Дхьяны настолько напряжена, что мы в состоянии отбросить внешнюю часть восприятия и удерживать созерцание только на внутренней части, значении, — это состояние называется *Самадхи*. Дхарана, Дхьяна и Самадхи — вместе называются *Самьяма*. Если сознание может сначала сосредоточиться на одном предмете, затем оставаться в этом сосредоточении некоторое время и, наконец, продолжая сосредоточение, остановиться только на одной внутренней части восприятия, следствием которого было представление о предмете, все придет к подчинению такому сознанию.

Созерцательное состояние есть высшее состояние существования. Пока есть желания, никакое реальное счастье, невозможно. Только созерцательное наблюдение предметов, подобное как бы отношению свидетеля к событию, приносит нам действительное наслаждение и счастье. Животные находят свое счастье в чувствах, человек в своем разуме, а Бог в духовном созерцании. Только для души, достигшей созерцательного состояния, мир становится действительно прекрасным. Для того, кто ничего не желает и не отождествляет себя ни с чем, бесконечные изменения природы представляют одну сплошную панораму красоты и величия.

В Дхьяне, или размышлении, нам станет вполне ясно следующее: Мы слышим звук. Здесь, во-первых, имеется внешнее колебание, во-вторых, — нервное движение, которое приносит его к сознанию, в-третьих, — реакция со стороны сознания, вместе с которою является представление о предмете, послужившим внешнею причиной этих различных изменений, от колебания воздуха до умственной реакции. Эти три процесса называются в Йоге: *Шабда* (*śabda*, звук), *Артха* (значение) и *Джнана* (знание). На языке физиологии они называются: колебание воздуха, движение в нервах и мозгу и умственная реакция. В настоящее время эти три различные процесса настолько у нас смешались, что стали совершенно неразличимы. Действительно, мы не можем теперь воспринимать ни одной из этих причин; мы только видим следствие всех трех и называем его внешним предметом. Но так как всякое восприятие включает в себе все эти три причины, то нет никакого основания думать, что мы ни при каких условиях не в состоянии различать их.

Когда посредством предварительных упражнений, наше сознание укрепится и будет вполне подчинено нам, и мы приобретем способность тонкого восприятия, тогда следует перейти к упражнению сознания в созерцании. Созерцание должно иметь своим предметом сначала грубые явления, а затем медленно подниматься к более и более тонким, пока не станет беспредметным: сначала оно должно быть направлено на восприятие внешних причин ощущений, потом — внутренних движений и затем — реакции сознания. Когда оно достигнет познавания внешних причин ощущений, как таковых, оно приобретет способность видеть все тонкие материальные существования, все тонкие тела и формы. Достигнув способности воспринимать внутренние движения, как таковые, оно будет в состоянии управлять всеми умственными-

ми волнами в себе и в других, даже раньше, чем эти волны преобразуются в физические силы. А когда они сделаются способными воспринимать умственную реакцию как таковую, Йог приобретает знание всего, так как всякий чувственный предмет и всякая мысль есть результат этой реакции. Тогда он как бы увидит настоящие основания своего сознания и станет полным его властелином. Йог приобретет разные чудесные способности; но, если он соблазнится искушением воспользоваться какой-нибудь из них, путь к дальнейшему совершенствованию будет для него загражден. Таковы губительные последствия погони за наслаждениями. Но, если он достаточно тверд, чтобы отречься даже от пользования этими чудесными способностями, он достигнет цели Йоги — совершенного подавления волн в океане сознания. Тогда величие его души, не затемненное никакими развлечением сознания или движениями тела, воссияет в полном блеске, и Йог увидит, наконец, себя, каков он есть и каким всегда был, — всеведущим, бессмертным и вездесущим.

Самадхи свойственно всякому человеку, больше того, всякому животному. Начиная с самого низшего животного до самого высшего ангела, каждый, рано или поздно, должен прийти к этому состоянию, и тогда, и только тогда, ему станет доступна религия. А все это время, что же мы делаем? — Мы только стремимся к этому состоянию. Пока нет никакой разницы между нами и тем, кто не имеет никакой религии, потому что у нас не было личного опыта. А если упражнения в сосредоточении не приведут нас к этому опытному познанию, какая тогда от них польза? — Усердно выполняемые, они наверно приведут к желаемой цели, потому что каждая из ступеней к достижению Самадхи строго обдуманна, надлежащим образом выработана и составлена вполне научно. Когда же

цель будет достигнута, прекратятся все горести, исчезнут все страдания, последствия поступков будут уничтожены, и душа сделается свободной навеки.

Глава VIII. **Раджа-Йога вкратце**

Конспект Раджа-Йоги, свободно переведенный из Курма-Пураны.

Огонь Йоги сжигает клетку греха, которая окружает человека. Знание становится очищенным, и Нирвана достигается непосредственно. От Йоги приходит знание; знание, в свою очередь, помогает упражнению в Йоге. Тот, кто совмещает в себе Йогу и знания, угоден Богу. Те, кто упражняются в Маха-Йоге, один ли раз в день, или два, или три раза в день, или постоянно, — знайте, — это боги. Йога делится на две части. Одна называется *Абхава* и другая — *Маха-Йога*. Размышление о себе, как о нуле и лишенном свойств, называется *Абхава*. Йог, посредством каждой из них, познает свое *Я*. Та Йога, в которой кто-нибудь видит себя полным блаженства, лишенным всякой нечистоты и соединившимся с Богом, называется *Маха-Йога*. Другие Йоги, о которых мы читали и слышали, не стоят и частички этой великой *Брахма-Йоги*, в которой Йог видит себя и всю вселенную, как Самого Бога. Эта есть самая высшая из всех Йог.

Раджа-Йога состоит из следующих ступеней: *Яма*, *Ньяма*, *Асана*, *Пранаяма*, *Пратьяхара*, *Дхарана*, *Дхьяна* и *Самадхи*. *Ямой* называется непричинение кому бы то ни было вреда, правдивость, некорыстолюбие, целомудрие, неприятие чего бы то ни было от другого. Она очищает сознание, *Читту*. Непричинение никогда страдания никакому живому существу ни мыслью, ни словом, ни делом есть то, что называется *Ахимса* — непричине-

ние вреда. Нет высшей добродетели, чем непричинение вреда. Нет высшего счастья, чем, когда человек достиг состояния непричинения вреда никакому творению. Правдивостью достигается все; на правдивости основано все. Рассказывать факты, как они есть, — это правдивость. Не брать чужого хитростью или силой называется *Астьям* — нестяжание. Целомудрие в мысли, слове и деле, всегда и при всех условиях, есть то, что называется *Брахмачарья*. Не принятие никаких подарков от других, даже если отказывающийся от этого ужасно страдает, есть то, что называется *Апариграха*. Когда человек получает подарок от другого, согласно этой теории, его сердце становится нечистым, он унижается, теряет свою независимость, становится связанным и доступным чужому влиянию. Следующие ступени помогают успехам в Йоге. *Ньяма* — выработка постоянных привычек и приемов, *Тапас* — строгость, *Свадхьяйя* (*Svādhyāyā*) — прилежное повторение священных слов, *Сантоза* — удовлетворенность, *Саучам* — чистота, *Ишвара пранидхана* — молитва. Пост или другой способ подчинения тела называется *физическим Тапасом*.

Повторение Вед или других Мантрамов, которыми очищается телесная материя (*Саттва*), называется упражнением — *Свадхьяйя*. Есть три рода повторения Мантрамов: один называется устным, другой — полуустным и третий — умственным. Устный, или внятный, есть самый низший, а умственный есть высший из всех. Повторение, настолько громкое, что его может слышать всякий, есть устное; следующее есть то, когда органы только что начинают вибрировать, но никакого звука не слышно, — другой человек, сидящий возле, не может слышать, что говорится. То, в котором нет никакого звука, а только умственное повторение священного слова и в то же время размышление о его значении, называется

«умственным бормотанием» и есть самое высшее. Мудрецы говорят, что есть два рода очищения: наружное и внутреннее. Очищение тела производится водой, землей или другими материалами, — это наружное очищение, как, например, купанье и т.п. Очищение ума правдивостью и всеми другими добродетелями есть то, что называется внутренним очищением. Оба необходимы. Недостаточно, если человек будет чист внутренне, а наружно грязен. Когда обе недостижимы, внутренняя чистота важнее; но никто не может быть Йогом, если не соблюдает обеих.

Молитва заключается в прославлении Бога, в памятовании Его и в преданности Ему. Мы говорили о Яме и Нияме; дальше идет *Пранаяма*. Прана — значит жизненные силы в собственном теле, Яма значит управление ими. Есть три сорта Пранаямы: простейшая, средняя и высшая. Все Пранаямы делятся на две части: одна называется *наполнение*, другая — *опорожнение*. Если вы начинаете с двенадцати секунд — это низшая Пранаяма; если начинаете с двадцати четырех секунд — это средняя Пранаяма; самая высшая та, которая начинается с тридцати шести секунд. Та Пранаяма, при которой появляется сначала испарина, потом дрожание тела, а затем человек быстро подымается на ноги и душа его испытывает невыразимое блаженство, есть самая высшая Пранаяма. Есть Мантрам, называемый *Гаятри*. Это следующий очень святой стих из Вед: «Мы размышляем о славе Того, Кто создал эту вселенную; да просветит Он наш ум». В начале и в конце этого Мантрама произносится слово «Ом». В одной Пранаяме повторяйте три Гаятри. Во всех книгах говорится о Пранаяме, разделенной на *Речака* (выбрасывание или выдыхание), *Пурака* (вдыхание) и *Кумбхака* (удержание, остановка).

Индрии, органы чувств, направлены наружу и приходят в сообщение с внешними предметами. Приведение

их в подчинение воле есть то, что называется *Пратъяхара*, — буквальный перевод — «собрание в себя».

Направление сознания на лотос сердца или на головной центр есть то, что называется *Дхарана*. Когда, оставаясь в одном месте, принимая одно место за основание, волны ума пробуждаются, не соединяясь с другими волнами — когда все другие волны остановились — и только одна волна восстает в уме — это называется *Дхьяна*, созерцание. Когда нет надобности ни в каком основании, когда все сознание становится одной волной, одной формой, — это его состояние называется *Самадхи*. В сознании тогда присутствует только значение предмета, не связанное ни с каким местом или центром. Если сознание может быть устремлено на один центр в продолжение двенадцати секунд — это будет *Дхарана*, двенадцать таких *Дхаран* будет *Дхьяна*, двенадцать *Дхьян* будет *Самадхи*.

Следующая есть *Асана* (поза). Нужно усвоить только одно: держать корпус прямо, оставляя его свободным и имея грудь, плечи и голову на вертикальной линии. В Йоге не следует упражняться в таких местах, где есть огонь или вода, или почва усеяна сухими листьями; где есть дикие животные, где встречаются четыре улицы, где слишком много шуму или много причин к боязни; где слишком много муравьиных куч, где много злых людей. Это в особенности относится к Индии. Не упражняйтесь, когда ваше тело чувствует себя очень ленивым, когда ваш ум угнетен горем и печалью, или когда вы нездоровы. Идите на место, которое хорошо скрыто и куда люди не приходят беспокоить вас. Известно, ведь, что, когда вы не хотите, чтоб люди знали, что вы делаете, любопытство всех возбуждается; но, если вы нарочно выйдете на улицу, чтоб люди знали, что вы собираетесь делать, они не обратят на вас внимания. Не выбирайте

грязных мест. Выбирайте, наоборот, красивую местность или хорошую комнату в вашем собственном доме. Приступая к упражнению, прежде всего воздайте честь всем древним Йогам, вашему собственному Гуру (Учителю) и Богу, и затем начинайте.

О Дхьяне сказано все. А вот несколько примеров, о чем размышлять. Сидите прямо и смотрите на кончик вашего носа. Дальше мы узнаем, как этим путем сосредоточивается мысль, как посредством управления двумя зрительными нервами достигается значительно более быстрый успех в управлении дугою реакции и таким образом в управлении волей.

Есть несколько образцов для созерцания. Вообразите у себя на голове, на несколько дюймов выше ее, лотос и добродетель, — как его центр, стебель — как знание. Восемь лепестков лотоса — восемь сил Йога. Внутри тычинки и пестики — отречения. Если Йог отказывается от внешнего могущества, он достигает вечного спасения. Восемь лепестков лотоса суть восемь способностей, или сил Йога; внутренние же тычинки и пестики должны представлять собою полное отречение, отречение от пользования всеми ими. Внутри лотоса представьте себе Золотого Единого, Всемогущего, Неосязаемого, Того, чье имя есть Ом, Невыразимого, окруженного лучезарным светом. Созерцайте все это. Второе созерцание следующее. Представьте себе какое-нибудь место в вашем сердце и в середине его пламя. Вообразите, что это пламя ваша собственная душа, что внутри этого пламени находится лучезарное пространство, и что это пространство есть Душа вашей души — Бог. Созерцайте это в своем сердце.

Целомудрие, непричинение обиды, прощение всякого, даже самого величайшего врага, правдивость, вера в Бога — это различные *Вритти* (волны, образующиеся в

умствен-ной материи). Не бойтесь, если вы не совершенны во всех их; работайте и недостающее придет. Тот, кто отказался от привязанности к чему бы то ни было, от всякого страха и гнева, чья вся душа поглощена Богом, для кого Бог стал единственным прибежищем, чье сердце очистилось, — с каким бы желанием он ни пришел к Богу, — Бог исполнит его желание. Итак, поклоняйтесь Ему знанием или любо-вью, или отречением.

«Он Мой возлюбленный поклонник, Мой возлюбленный Бхакта, не завидующий никому, друг всех, милосердный ко всем, не имеющий ничего своего, утративший всякий эгоизм; тот, кто всегда доволен, кто всегда занимается Йогой, кто подчинил себе свое *я*, чья воля тверда, чье сознание и разум предались Мне, — знайте, что он Мой возлюбленный Бхакта. Тот, от кого не исходит никакого смущения, кто никогда не бывает причиной беспокойства других, кто отказался от неумеренных радостей, от горя, страха и забот, — таков Мой возлюбленный. Кто не зависит ни от чего, кто чист и деятелен, кто отказывается от всего, кто не заботится, хорошо ли ему или дурно, — тот никогда не бывает несчастным; тот, кто одинаков в чести и унижении, чей ум скромнен и вдумчив, кто счастлив тем малым, что ему достается, кто не имеет дома, но чей дом весь мир, кто непоколебим в своих идеях, — такой становится Йогом».

Был некий великий бог-мудрец, по имени Нарада. — Как среди людей есть мудрецы — великие Йоги, так же есть Йоги и между богами. — Нарада был добрый Йог, достигший большой высоты. Он странствовал всюду и однажды, проходя через лес, увидел человека, который так долго был погружен в глубокое размышление, что белые муравьи выстроили вокруг его тела огромную кучу. «Куда ты идешь?» обратился тот к Нараде. Нарада отвечал: «я иду на небо». — «Тогда спроси Бога, когда

он смиляется надо мною, когда я достигну свободы?». Нарада пошел дальше и увидел другого человека. Тот пел, плясал и делал прыжки, «Нарада, куда ты идешь?» спросил он. Его голос и жесты были дики. «Я иду на небо», ответил Нарада. — «Тогда спроси, когда я буду свободен». Нарада пошел дальше. Спустя некоторое время, он шел опять тою же дорогою и увидел опять человека, размышлявшего до тех пор, пока муравьиные кучи не выросли вокруг него. Тот обратился к нему: «Нарада, спросил ли ты Бога обо мне?» — «Да». — «Что же Он сказал?» — «Бог сказал мне, что после того, как ты родишься еще четыре раза, ты достигнешь свободы». Тогда этот человек стал плакать и рыдать, и воскликнул: «Я размышлял, до тех пор пока муравьиная куча ни воздвиглась вокруг меня, и мне предстоит еще четыре раза родиться!» Нарада пошел к другому человеку. «Передал ли ты мой вопрос?» — «Да. Видишь ты это тамариндовое дерево? Я должен сказать тебе, что, сколько листьев на этом дереве, столько раз ты родишься и только тогда достигнешь свободы». Услышав это, тот перепросил: «так скоро я получу свободу?!» и от радости стал снова плясать. И вот, послышался голос: «Дитя мое, ты уже свободен». То была награда за его настойчивость. Он был готов трудиться столько жизней; ничто не могло привести его в уныние; первый же находил, что и четыре рождения для него слишком много.

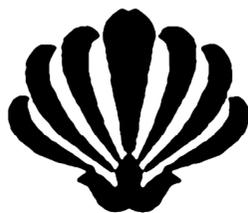
Только настойчивость, подобная той, какая была у человека, согласного ждать Эоны, может привести к самому высшему результату.

ਦੇਸ਼

ਜਨਮਨੀਯੋਸ਼ਠਮਪੁੰ
ਠ ਪਿਯੁਕਤ-ਪਿਠਠ

«Семь наставлений по Раджа-Йоге» — это учебные беседы выдающегося индийского мыслителя, общественного и религиозного деятеля Свами Вивекананды (1863–1902), проводившиеся для узкого круга лиц в доме Сары Булл, преданной американской ученицы Свами, которая собрала и сохранила эти материалы, впервые издав их для личного пользования в 1913 г.

Первое наставление

Йога такая же серьёзная наука, как и всякая другая. Она представляет собой постижение природы и анализ человеческого ума; собирая факты сверхчувственного мира, она открывает и показывает нам духовный мир.

Все великие духовные наставники, известные миру, заявляли: «Я вижу, и я знаю». Иисус, Павел, Пётр — все настаивали на действительном понимании тех духовных истин, которые они проповедовали.

Этого познания можно достичь при помощи Йоги.

Память и сознательность — не пределы нашего существования. Есть сверхсознательное состояние; оно так же не ощущается, как и бессознательное состояние, но всё же между обоими существует большая разница, именно: разница, царящая между наукой и неведением.

Сосредоточение ума служит источником всех знаний. Йога учит нас подчинять материю. Йога означает соединение, она стремится связать душу человека с высшей душой Бога.

Ум действует сознательно и подсознательно. То, что мы называем сознанием, есть лишь одно звено в бесконечной цепи, составляющей нашу человеческую природу.

Это наше «я» представляет из себя лишь немного сознательности и очень много бессознательности, и над ним и большей частью без его ведома находится план сверхсознания.

Посредством правильной практики ум постепенно постигает всё новые и новые факты. Перед нами как бы открываются новые миры, нам даются новые силы, но не следует задерживаться на пути или прельщаться этими «стеклянными бусами», имея возможность достичь алмазных копеек.

Бог — наша единая цель; не будучи в состоянии достичь Бога, мы умираем.

Для достижения успеха ученику необходимо:

Во-первых, отказаться от всяких мыслей о наслаждениях в этом мире и в следующем, стремиться лишь к Богу и к истине.

Во-вторых, *напряжённо* стремиться к истине и к Богу. Пламенно желать этого, как утопающий желает жизни.

В-третьих, исполнять все шесть правил:

- 1) удерживать ум от всего внешнего;
- 2) направлять ум внутрь, устремляя его к определённой мысли;
- 3) безропотно переносить всё;
- 4) стремиться лишь к Богу, ни к чему иному, не поддаваясь ложному соблазну; отвергнуть всё и искать лишь Бога;
- 5) отдаться мысли и разработать её, никогда не отставать от неё; не считаться со временем;

[Истина требуется нам не для удовольствия. Предоставим всякие наслаждения людям грубым, неразвитым; они их вдоволь используют. Человек есть разумное существо и должен бороться, пока он не покорит смерть, пока не узрит свет. Он не должен предаваться напрасной, бесполезной болтовне. Поклонение обществу и об-

щественному мнению — то же идолопоклонство. Душа не имеет ни пола, ни родины, ни места, ни времени.]

б) размышлять постоянно о своей истинной сущности.

[Освободитесь от всякого суеверия. Не гипнотизируйте себя мыслью, что Вы недостойны, денно и нощно повторяйте себе, что Вы в самом деле из себя представляете, пока Вы не осознаете (действительно осознаете) Ваше единство с Богом.]

Без этих правил не добиться успеха.

Мы можем сознавать неограниченное, но мы не можем его выразить. При нашей попытке его выразить, мы его ограничиваем, и оно уже не безгранично.

Мы должны возвыситься над границами чувств, превзойти даже разум, и мы способны это сделать.

После недельного упражнения по указаниям первого урока, ученик должен представить отчёт наставнику.

Второе наставление

Всякая индивидуальность должна быть развита. Все сойдутся в центре.

«Фантазия открывает двери вдохновению и служит основой для всякой мысли».

Объяснение проявлений природы в нас самих; камень падает вовне, но тяготение внутри нас, не вовне.

Все, кто объедается или не доедает, кто спит слишком много или недостаточно, не могут стать йогами.

Невежество, непостоянство, ревность, лень и чрезмерная привязанность являются главными противниками успеха при практиковании Йоги.

Для успешного практикования необходимы:

1. Чистота, физическая и духовная; всё нечистое, всё, что может унижить ум, должно быть оставлено.

2. Терпение. Вначале будут чудесные проявления, но они все прекратятся. Тогда наступит самый трудный период, но не отчаивайтесь! — если у Вас хватит терпения, то конечный успех Вам обеспечен.

3. Постоянство. Упорствуйте, идя к цели чрез огонь и воду, чрез здоровье и болезни, ни один день не пропускайте практикования. Всего лучше практиковать при слиянии дня и ночи, — в это время наше тело всего спокойнее, это нейтральная точка между двумя состояниями. Если же это время не подходит, то практикуйте, когда встанете и ложась в постель. Требуется особая чистота тела (ежедневная ванна).

Сядьте после купанья и сидите неподвижно, т. е. вообразите, что Вы сидите как твёрдая скала, что Вас ничто не сможет сдвинуть. Держите голову, плечи и бёдра по прямой линии, позвоночник совершенно свободен; всё действие происходит вдоль него и его нельзя ослаблять.

Начинайте с пальцев ног, считайте всякую часть Вашего тела совершенной, вообразите себе её таковой, трогая, при желании, каждую часть рукой. Переходите постепенно с одной части на другую, считая каждую совершенной, ничего не упуская, пока не достигнете головы. Тогда вообразите всё тело совершенным, оно — средство, данное Вам Богом для достижения Истины, оно — корабль, на котором Вы должны пересечь океан, достичь берега вечной Истины.

Сделав это, вдохните глубоко через обе ноздри, выдохните и потом задержите дыхание как можно дольше.

Дышите таким образом четыре раза, затем дышите обычным способом и молитесь, прося озарения: «Я размышляю о славе Того, Кто создал вселенную, да озарит Он мой ум!» Сидите в таком размышлении десять-пятнадцать минут.

Сообщайте о своих ощущениях лишь Вашему учителю.

Говорите как можно меньше.

Сосредоточьте Ваши мысли на добродетелях: наши мысли обуславливают наши достижения.

Священное созерцание способствует уничтожению всех мысленных нечистот.

Всякий, кто не есть йог, есть раб. Чтобы освободиться от рабства, надо скидывать с себя одну окову за другой.

Все могут достичь высшей реальности. Если Бог существует, то мы должны действительно ощущать Его, и если есть душа, то мы должны быть в состоянии узреть и ощутить её.

Мы только тогда сможем узнать, существует ли душа, если мы будем вне тела.

Йоги делят наши органы на две главные части: на органы чувств и органы движения, или познания и действия. Внутренний орган, или разум, делится на четыре ступени:

1) *Манас* — способность мышления, которая, без управления, обычно почти целиком растрачивается зря; при должном управлении она представляет собой замечательную силу;

2) *Буддхи* — воля (иногда называемая интеллектом);

3) *Ахамкара* — самосознание, эгоизм (от *ахам*) в хорошем смысле слова;

4) *Читта* — сущность, в которой все способности действуют; она может быть названа основой разума или морем, волнами на котором являются все остальные способности.

Йога есть наука, которая удерживает читту от превращения во многие способности. Так же как отражение луны на море или на волнах преломляется или затемняется волнами, так и отражение Атмана, Истинного «Я», преломляется ментальными волнами. Отражение месяца вполне видно, лишь когда море недвижно, как зеркало, и так же само «Я» может быть лишь тогда узнано, ко-

гда «ментальная энергия», *читта*, приведена в состояние полного покоя. «Ментальная энергия» не есть плоть, хотя она есть вещество в более тонком виде, и она не связана навеки плотью. Это доказано тем, что мы иногда можем освободиться от неё. Этого можно достичь посредством управления чувствами.

Когда мы вполне достигнем этого, мы сможем управлять вселенной, потому что наш мир состоит лишь из того, что нам приносят наши чувства. Свобода есть отличительный признак высшего существа. Духовная жизнь начинается, когда Вы освободились от влияния чувств.

Тот, кем управляют его чувства, привязан ко всему мирскому, он раб.

Если бы мы могли окончательно прекратить колебания нашей ментальной энергии, то это уничтожило бы нашу плоть. Мы в течение миллионов лет так старались создавать эту плоть, что при этом усилием забывали нашу главную цель — стать совершенными. Мы привыкли считать, что наша цель состоит в создании плоти. Это — *майя*, или иллюзия.

Мы должны освободиться от этого заблуждения, вернуться к первоначальной цели и сознать, что мы не плоть, и что она нам — слуга.

Научитесь выделять ум и познайте, что он не связан с телом. Мы снабжаем тело чувствами и жизнью и затем воображаем, что оно живёт и существует. Мы так долго носили его, так долго были облечены в него, что забыли, что оно не тождественно с нами. Йога поможет нам откинуть наше тело, когда нам этого захочется, смотреть на тело как на слугу, на орудие, а отнюдь не считать его повелителем.

Главной целью Йоги является управление духовными силами. Затем следует крайне усердное сосредоточение сил на каком-нибудь предмете.

Тот, кто много говорит, не может стать йогом.

Третье наставление

Эта Йога известна как «восьмикратная наука», так как она делится на восемь главных частей, а именно:

1. *Яма*. Имеет большое значение и должна управлять всей жизнью человека. Она включает пять правил:

— никому не вредить мыслью, словом или действием;

— не быть корыстолюбивым ни мыслью, ни словом, ни действием;

— полное целомудрие мысли, слов и действий;

— полная откровенность мысли, слов и действий;

— полная безгрешность в мыслях, словах и действиях (отсюда же неприятие даров и подношений).

2. *Ньяма* — уход за телом, ежедневное купанье, питание и проч.

3. *Асана* — положение тела: бёдра, плечи и голову следует держать прямо; позвоночник не должен быть напряжён.

4. *Пранаяма* — контроль над дыханием, чтобы управлять праной, или жизненной силой.

5. *Пратьяхара* — умение направлять ум внутрь и удерживать его от всего внешнего, размышлять о сущности, чтобы вникнуть в неё.

6. *Дхарана* — сосредоточение на известном предмете.

7. *Дхьяна* — созерцание.

8. *Самадхи* — озарение, как цель всех наших стремлений.

Яма и ньяма практикуются в течение всей жизни. С остальным надо следовать примеру гусеницы, не выпускающей травинку, пока она не ухватится крепко за следующую. Иными словами, надо вполне понять и практиковать одну ступень перед тем, как перейти на следующую.

Здесь мы остановимся на пранаяме или управлении праной. В Раджа-Йоге дыхание относится к психическому плану и ведёт нас к духовному. Оно служит маховым колесом всей телесной системы. Дыхание действует прежде всего на лёгкие, лёгкие — на сердце; сердце — на кровообращение, а это последнее может возбудить волю. Наши желания слабо выражаются, мы так проникнуты материей, что не проникаемся их силой. Большинство наших действий происходит под влиянием извне. Внешняя природа лишает нас равновесия, а мы не в состоянии привести эту внешнюю природу в равновесие (чем мы всё время пытаемся заняться). Всё это заблуждение: главная сила действительно находится внутри нас.

Великими святыми и наставниками стали те, кто победил мир внутри себя и потому обладали силой слова.

Аллегорический рассказ о священнослужителе, запертом в высокой башне, который освободился при содействии жены, принёсшей ему жука, мёду, шёлковую нитку, верёвку и канат, разъясняет нам, каким путём мы можем приобрести влияние на наш ум, регулируя первоначально физическое дыхание как бы шёлковой ниткой. Это даёт нам возможность завладеть одной силой за другой, пока канат созерцания не освободит нас из телесной темницы, чем мы и достигнем свободы.

Добившись свободы, мы сможем отбросить средства, помогшие нам достичь её.

Пранаяма состоит из трёх частей:

1. *пураки* (вдыхания);
2. *кумбхаки* (задержки дыхания);
3. *речаки* (выдыхания).

Существуют два флюида, проходящих через мозг и затем вдоль позвоночника; у его основания они скрещиваются и возвращаются в мозг. Один из этих флюидов, называемый солнечным (*пингала*), исходит из правого

полушария мозга, переходит у основания мозга на левую сторону позвоночного столба и снова переходит направо у основания позвоночного столба, описывая как бы половину цифры восемь.

Другой флюид, лунный (*ида*), проходит в обратном направлении, завершая цифру восемь. Нижняя часть, конечно, намного длиннее верхней. Эти флюиды проходят дено и ношно и создают в различных местах важные жизненные силы, известные под названием «сил солнечного сплетения», нами редко сознаваемых. При помощи сосредоточенья мы можем научиться ощущать их и проследить их по всему телу. Эти токи «солнца и луны» тесно связаны с дыханием и, регулируя их, мы можем управлять физическим телом.

В «Катха-Упанишаде» физическое тело изображается как колесница, разум — как вожжи, воля — возница, ощущения — кони, а цель, к которой направлены чувства, — путь. Само «Я» — это ездок на колеснице.

Если возница не обладает знаниями и не умеет управлять лошадьми, то он никогда не сможет достичь цели, а ощущения — подобно злым коням понесут его по своему усмотрению и могут даже убить его. Эти два флюида служат главной уздой в руках возницы, и он должен уметь ими управлять.

Мы должны приобрести нравственность: без этого мы не можем управлять нашими действиями. Лишь Йога даёт нам возможность применять в действиях правила нравственности. Цель Йоги — нравственность. Все великие Учители были йогами и управляли каждым флюидом. Йоги задерживают эти флюиды у основания позвоночника и проводят их через него.

Таким образом создаются флюиды познаний, существующие лишь в самих Йогах.

Существует второй способ дыхания, так как один и тот же способ не подходит всем.

Это упражнение следует исполнять с ритмической точностью, и всего легче добиться этого, придерживаясь определённого счёта. Так как счёт чисто механический, то мы взамен повторяем определённое число раз священное слово «Ом».

Эта пранаяма состоит в затыкании правой ноздри большим пальцем и в медленном вдыхании левой ноздрей, повторяя четыре раза слово «Ом». Затем прикройте крепко обе ноздри, положив указательный палец на левую ноздрю, опустите голову на грудь и задерживайте дыхание, мысленно повторяя «Ом» восемь раз. Оканчивая выдыхание, втяните сильно живот, чтобы извлечь весь воздух из лёгких. Затем вдохните медленно через правую ноздрю, держа левую прикрытой, повторяя четыре раза «Ом». Потом прикройте правую ноздрю большим пальцем, опустите голову, задержите дыхание, повторяя «Ом» четыре раза, попережнему втягивая живот.

Делайте это упражнение по два раза, при каждом практиковании, т. е. делайте четыре пранаямы, по две для каждой ноздри. Начиная упражнение, следует помолиться.

Поупражнявшись таким образом в течение недели, надо постепенно увеличить число дыханий, придерживаясь тех же соотношений, т. е., делая шесть пранаям, повторяйте шесть раз «Ом» при вдыхании и выдыхании и двенадцать раз во время задержки дыхания.

Эти упражнения сделают нас более духовными, более чистыми, более святыми. Не давайте сбить себя с пути и не стремитесь к власти. Единственная власть, которая остаётся у нас и всё увеличивается, это — любовь. Тот, кто стремится к Богу посредством Раджа-Йоги, должен быть силен ментально, физически, морально и духовно. С каждым шагом продвигайтесь к свету.

Из сотен тысяч лишь одна душа скажет: «Я пойду вперёд, я хочу достичь Бога». Лишь немногие могут

стать лицом к истине, но чтобы достичь чего-либо, надо быть готовым отдать жизнь свою за Истину.

Четвертое наставление

Представьте себе душу не материальной, но такой, какая она действительно есть. Мы воображаем себе душу плотью, но мы должны отделить её от ощущений и мысли. Только тогда мы можем познать, что мы бессмертны.

Под изменением подразумевается двойственность причины и следствия, и всё, что меняется должно быть смертным. Это доказывает, что тело не может быть бессмертным, также и разум, ибо оба постоянно изменяются. Лишь неизменное может быть бессмертным, потому что никто на него не влияет.

Мы не только становимся бессмертными, мы уже бессмертны, но мы должны отстранить покрывало невежества, скрывающее от нас истину. Плоть не что иное, как кристаллизовавшаяся мысль. Солнечный и лунный флюиды дают энергию всем частям тела. Излишек энергии хранится в некоторых местах вдоль позвоночного столба — так называемые *чакры* или плексусы, солнечные сплетения, которые общеизвестны под названием «нервных центров».

Эти флюиды не существуют в телах умерших, и их можно проследить лишь в здоровом организме.

У йога то преимущество, что он может не только ощущать эти флюиды, но и действительно видеть их. Они, как и главные нервные центры, светятся.

Действия бывают сознательные и бессознательные. Йоги обладают ещё сверхсознанием, служившем во всех странах и во всех столетиях источником всех религиозных знаний. Сверхсознание не может ошибиться, а со-

вершенный инстинкт был бы чисто механическим, и мы не могли бы сознавать его на этом плане. Сверхсознание назвали вдохновением, но йоги считают, что всякий человек обладает этой способностью, и в конце концов все ею воспользуются.

Мы должны дать новое направление солнечному и лунному флюидам, дать им новый проход через спинной мозг. Если нам удастся провести флюиды через *сушумну* вверх до «третьего глаза» — чакры, находящейся в головном мозгу, — то мы на время совершенно отделимся от тела.

Нервный центр, расположенный в основании позвоночного столба, вблизи гениталий, имеет весьма большое значение: в нём зарождается половая энергия. Йога символизирует его в виде треугольника, в котором лежит, свернувшись, маленький змей. Этот спящий змей зовётся *Кундалини*; разбудить его является единственной целью Раджа-Йоги.

Когда половая энергия превзошла стадию животности и посылается вверх к великому движителю человеческой системы, к мозгу, и там накапливается, то она превращается в так называемый *оджас*, или энергию духовного свойства.

Все добрые мысли, всякая молитва превращают частицу животной энергии в оджас и способствуют развитию нашей духовной силы. Такой оджас и составляет действительно человека, и запасы этого оджаса могут накапливаться лишь в людях. Тот, в ком вся животная половая энергия превратилась в оджас, становится Богом. Он выражается властно и слова его преобразовывают мир.

Йоги представляют себе, что этот змей медленно возвышается со ступени на ступень вплоть до наивысшей, до «третьего глаза». Ни один мужчина, ни одна женщина не могут быть истинно духовными, пока их по-

ловая энергия — наивысшая сила, которой обладает человек, — не превратится в оджас.

Ни одну энергию нельзя создать, её можно только направлять, потому мы должны научиться управлять теми великими энергиями, которыми мы уже обладаем, и превратить их при помощи силы воли из чисто животных в духовные энергии. Из этого явствует, что целомудрие составляет краеугольный камень всей морали и всякой религии.

Особенно в Раджа-Йоге полнейшее целомудрие в мыслях, словах и действиях является непременным условием. Это относится к людям, как состоящим в браке, так и холостым. Тот, кто зря растрчивает свою самую могущественную энергию, не может приобрести духовности.

Из всего хода истории видно, что все великие пророки были либо монахами, либо аскетами, или же отказались от брачной жизни. Лишь ведущие чистый образ жизни могут узреть Бога.

До того, как Вы начнёте пранаяму, постарайтесь представить себе мысленно треугольник. Закройте глаза и вообразите себе его как можно яснее. Представьте себе этот треугольник, окружённый пламенем, со змеем, свернувшимся посередине его. Когда Вы себе ясно представите Кундалини, то перенесите его мысленно к основанию спинного хребта и в то время, когда Вы задержите дыхание в кумбхаке, направьте его энергично на голову змея, чтобы разбудить его. Чем ярче будет воображение, тем скорее Вы добьётесь цели и разбудите Кундалини. Пока он ещё не проснулся, вообразите себе, что он ожил; постарайтесь ощутить флюиды и старайтесь провести их сквозь сушумну. Это ускоряет их действие.

Пятое наставление

Чтобы руководить умом, мы должны познать его. Нам надо ухватить этот непостоянный ум, вырвать его из заблуждений и приковать его к единой мысли. Это надо постоянно повторять. Силой воли мы должны победить ум, задержать его и заставить его размышлять о величии Бога.

Самый лёгкий способ приковать ум следующий.

Сядьте спокойно и дайте ему некоторое время возможность нестись, куда ему угодно. Придерживайтесь строго мысли: «Я очевидец того, как мой ум несётся. Мой ум — это не я сам». Затем представьте его себе совершенно отдельным от Вас. Отождествляйте себя с душой, но не с материей или с умом.

Вообразите себе, что ум — это простирающееся перед Вами тихое озеро, а мысли, которые приходят и уходят, — поднимающаяся и расходящаяся на поверхности рябь. Не трудитесь управлять мыслями, но наблюдайте за ними и следите в воображении за их полётом. От этого круги станут постепенно уменьшаться. Иными словами, ум простирается над широкими кругами мыслей, которые в свою очередь расширяются и очерчивают всё большие круги, как бывает на пруде, если в него бросить камень. Мы хотим сделать обратное: начиная с огромного круга, всё уменьшать его, пока нам не удастся в конце концов устремить ум в одну точку и задержать его там.

Придерживайтесь мысли: «Я не есть ум; я замечаю, что я думаю, я наблюдаю за действиями ума», и с каждым днём Вы будете всё меньше отождествлять себя с ним, всё меньше замечать его. В конце концов, Вы сможете совершенно отделаться от ума и действительно познать, что он от Вас обособлен.

Когда Вы достигнете этого, Вы полностью подчините ум и сможете управлять им по желанию.

Чтобы стать йогом надо первым делом выйти за пределы чувственных восприятий. Когда покорён ум, йог достиг высшей ступени.

Пребывайте как можно больше в одиночестве.

Устройте себе удобное сиденье, но не слишком низкое. Положите сначала тростниковую циновку, затем мех и сверху шёлковое покрывало. Предпочтительно иметь сиденье без спинки и надо следить, чтобы оно было устойчиво.

Следует выключить из ума всякую мысль, чтобы он был совершенно пустым; как только мысль появится, мы обязаны изгнать её. Для достижения этого, мы должны подняться над материей и возвыситься над нашей плотью. Вся жизнь человека, в сущности, представляет из себя усилие добиться этого.

Мысли — изображение, не нами создаваемое. Каждый звук имеет своё особое значение; в нас это соединено.

Бог — наш высший идеал. Размышляйте о Нём.

Пусть Он, этот Познающий, для нас недостижим, тем не менее мы и Он — одно, мы с Ним тождественны.

Мы видим себя вне себя, так как мир служит нам зеркалом.

Эта незначительная плоть представляет из себя маленькое зеркало, созданное нами самими, но вся вселенная составляет нашу плоть. Мы обязаны постоянно помнить это; тогда мы будем знать, что мы не можем умереть или повредить другому, потому что он — мы сами.

Мы не рождаемся и не умираем, и мы должны лишь любить.

«Вся вселенная есть плоть моя: всё здоровье, всё счастье принадлежат мне, потому что всё находится во вселенной». Повторяйте: «Я — вселенная». В конце кон-

цов мы познаем, что всякое действие идёт от нас к зеркалу.

Хотя мы подобны мелким волнам, за нами — всё море, и мы едины с ним. Ни одна волна не может существовать самостоятельно.

Правильно применяемое воображение служит нам лучшим другом; оно превышает рассудок; это единственный свет, ведущий нас повсюду.

Вдохновение исходит изнутри, и мы должны вдохновляться собственными высшими силами.

Шестое наставление

Кришна наставляет нас: «Кто Меня ищет, каким бы способом он это ни делал, найдёт Меня... Все достигнут Меня».

Пратьяхара есть собирание ума, ведущее к попытке завладеть им и сосредоточить его на желанной точке.

Первый шаг — дать волю уму. Наблюдайте за ним, следите за его мыслями. Если Вы подробно рассмотрите мысль, то она остановится, но не пытайтесь задерживать мысли, будьте лишь зрителем. Ум — это не душа и не дух. Это только утончённый образ материи; мы им владеем и можем обрабатывать его посредством нервных энергий.

Тело есть объективная форма того, что мы называем умом (ум субъективен). Мы (само «Я») — вне тела и ума. Мы — Атман. Плоть есть кристаллизованная мысль.

При проходе дыхания через левую ноздрю наступает время отдыха, через правую — время работы, а через обе — время созерцания. Если мы спокойны и дышим ровно через обе ноздри, то мы находимся в подходящем состоянии для спокойного созерцания. Не стоит стараться сразу сосредоточиваться; обуздание мыслей явится само собой.

Достаточно долго поупражнявшись в закрывании ноздрей большим и указательным пальцами, мы сможем затем достичь желаемого одной силой воли, повелевая мыслям.

Теперь надо слегка изменить пранаяму. Если ученик получил *иштам*¹, то следует употреблять его вместо слова «Ом» во время вдыхания и выдыхания, а во время кумбхаки пользуйтесь словом «Хум» (выговаривается «Хуум»²).

При каждом повторении слова «Хум» направляйте дыхание со всей силой на голову Кундалини и воображайте себе, что это его будит. отождествляйте себя лишь с Богом.

Вскоре мысли возвестят о своём приходе, и мы познаем их начало, и то, что мы будем думать, подобно тому, как мы на здешнем плане можем поджидать кого-нибудь и заметим его приход.

Этой стадии мы достигнем, когда научимся отделять себя от нашего ума и считать себя и наши мысли чем-то отдельным. Не давайте мыслям завладеть Вами; посторонитесь — и они исчезнут.

Наблюдайте за этими святыми мыслями: следуйте за ними, и когда оне улетучатся, Вы окажетесь у ног Всемо-гущего Бога. Это — сверхсознательное состояние. Когда мысль исчезнет, следуйте за ней и исчезайте вместе с ней.

Сияние есть символ внутреннего света, и йоги замечают его. Иногда мы можем увидеть лицо, как бы окружённое пламенем; из этого пламени мы можем разо-

¹ Иштам — избранный идеал, тот из аспектов Бога, который представляется нам величайшим, причём у каждого человека он свой.

² Хум — мистическое санскритское слово, применяемое в медитации как символ Высшего Блаженства.

брать характер и безошибочно судить о нём. Ваш иштам может предстать Вам в образе видения; мы легко можем положиться на этот символ и всецело сосредоточить наш ум.

Мы можем воображать посредством всех ощущений, но большей частью мы пользуемся для этого глазами.

Даже воображение надлежит отнести к явлениям полувещественного свойства. Другими словами, мы не можем мыслить без «призрака». Но в виду того, что и животные кажутся мыслящими, хотя не могут выражаться словами, весьма вероятно, что нет неотделимой связи между мыслью и представлением.

Старайтесь сохранить своё воображение в Йоге, заботясь о том, чтобы оно оставалось непорочным и святым.

У каждого из нас есть особый способ воображения; следуйте своему собственному способу; это Вам будет всего легче.

Мы являемся результатом всех перевоплощений!

«Одна лампада зажигается о другую», — говорит буддист. Различные светочи, но единый свет.

Будьте весёлыми, честными, совершайте омовения ежедневно, будьте терпеливы, непорочны и постоянны, — тогда Вы станете истинным йогом. Никогда не спешите, и если Вам встретятся высшие силы, то помните, что они лишь боковые тропы.

Не давайте сбить себя с главного пути, отстраните их и придерживайтесь своей единственной, истинной цели — Бога. Ищите лишь Вечное; найдя Его, мы приобретём вечный покой. Достигнув всего, нам не к чему дальше бороться, и мы навеки перейдём в свободное, совершенное бытие.

Беспредельно — Совершенное Бытие.

Беспредельно — Совершенное Знание.

Беспредельно — Совершенное Блаженство.

Сат-Чит-Ананда.

Седьмое наставление

Размышлять о сушумне весьма полезно. Вам может предстать её видение, и это наилучший способ. Тогда созерцайте её долгое время.

Этот жизненный проход через спинной мозг, этот способ спасения, посредством которого мы должны разбудить Кундалини, представляет из себя весьма тонкую, весьма блестящую нить.

По представлению йогов, сушумна оканчивается двумя лотосами: нижним, обвивающим треугольник Кундалини, и верхним, в мозгу, окружающим «третий глаз».

Между ними ещё четыре лотоса — нервных центра, — служащих как бы ступенями на пути:

- 5) между глазами,
- 4) у основания горла,
- 3) на уровне сердца,
- 2) на уровне пупка.

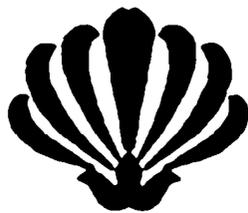
Мы должны разбудить Кундалини, и затем медленно поднимать его с одного лотоса на другой, пока он не достигнет мозга.

Каждая стадия этого продвижения и подъёма соответствует новой ступени сознания.

ਗਿਰੰਠ ਪੁ ਪਲਾਟਾਇਕ

Бог и человек

Как бы крепко ни держался человек за свои чувства, как бы твердо ни верил он в действительность внешнего мира, среди которого он живет, тем не менее бывают моменты в жизни как отдельных людей, так и целых народов, когда они невольно задают себе вопрос — да действительно ли все это реально? Даже человек, который никак не может выбрать минуты, чтобы проверить показания своих чувств, который только тем и занят, что тешит эти чувства всякими наслаждениями, даже и этот человек, когда к нему постучится смерть, бывает вынужден спросить: «Так ли все это, как мне кажется?» Религия начинается с этого вопроса и на ответе на этот вопрос кончается. Даже в сумраке отдаленного доисторического прошлого, в таинственном мире мифологии мы встречаем этот вопрос: «Чем станет этот мир потом? Что в жизни призрак, что действительность?»

Одна из наиболее поэтических частей Упанишад, Катха-Упанишад, начинается вопросом: «всякий раз, как человек умирает, возникает спор: одни говорят, что он ушел навсегда; другие, что он все еще живет. В чем истина?» На вопрос этот давались всякие ответы. Области метафизики, философии и религии полны ответами на этот вопрос. В то же время делались попытки уничтожить самый этот вопрос, положить конец этой тревоге ума, спрашивающего: «что будет там, за гробом? Что призрак, что действительность?» Но до тех пор, пока существует смерть, все попытки устранить этот вопрос останутся безуспешными. Мы можем свободно болтать о том, что не видим ничего по ту сторону могилы, о том, что все наши надежды всецело должны быть в пределах этой земной жизни; мы можем целиком уйти в жизненную борьбу, все окружающее нас, весь мир, может быть, бу-

дет мешать нам выйти из тесных рамок личной мимолетной жизни, но стоит нам слышать приближение смерти, снова и снова встает перед нами вопрос: «что это такое — смерть? Не конец ли всему, за что мы так жадно цепляемся, как будто все это было самое действительное из действительного?» В одно мгновение мир меркнет и исчезает. На краю этой зияющей пропасти — смерти — даже самый закоснелый ум содрогнется, отступит и задаст себе этот неизбежный вопрос. Надежды и труд целой жизни, все рушится в одно мгновение. Человек живет желанием быть счастливым; мы хватаемся за все во внешнем мире, в надежде найти это счастье. Юноша, которому жизнь еще улыбается, верит, убежден, что это счастье, весь этот мир, все реально, но с течением времени, может быть и он поймет, что он ошибался, поймет, наконец, что желания его не могут быть удовлетворены: куда бы он ни пошел, всюду перед ним встает точно гранитная стена. За приливом жизни идет неизбежно отлив. Все призрачно: наслаждение и страдание, власть, богатство, нищета, даже сама жизнь. Все проходит...

Эти вопросы задавал себе человек еще в самые отдаленные от нас времена, и мы видим, что уже тогда истина, хотя и слабо, освещала его ум, уже тогда человек делал шаги за пределы своего тела, находя там нечто более совершенное, что остается, когда от тела не остается и следа. Идею о жизни после смерти вы встречаете во всех религиях и вместе с ней другую, ту, что все религии без единого исключения смотрят на жизнь человека, как на падение в сравнении с той жизнью, откуда он пришел; одни религии одевают эту мысль в образы мифологии, другие в ясный язык философии, третьи в прекрасные формы поэзии. Из всех мифологий, из всех священных писаний ярко выступает мысль, что человек, таков, как он есть, представляет из себя падение *истин-*

ного Человека. Эта мысль выражена в легенде об Адаме и Еве; ее же не раз встречаем мы и в индусских священных книгах, рассказывающих о «веке истины», когда человек умирал лишь по своему желанию, когда его ум, его душа была чиста и сильна, когда не было на земле ни страдания, ни зла. И теперешнее состояние человечества, это состояние упадка, из которого человечество снова, медленно поднимается к своему прошлому состоянию чистоты. За всеми этими иногда туманными преданиями древности лежит всегда глубокая мысль, подобная драгоценному самородку в земле, в то время как, — я должен, к сожалению, заметить, — за изящными, полированными фразами современных мудрецов скрывается очень часто самый жалкий вздор. Если в наше время вы цитируете Моисея, Будду, Христа, над вами смеются, но упомяните Гексли, Тиндаля или Дарвина и все, что вы ни преподнесли бы, будет проглочено без соли. «Мы освободились от суеверий», — да, то были религиозные суеверия, а это суеверия научные, только те суеверия были животворны, одухотворяли человека, а эти новые суеверия ведут за собой всякие похоти и свалку ради удовлетворения их; те суеверия были поклонением Богу, а эти — поклонение деньгам, силе, славе. В этом вся разница.

Но мы уклонились от предмета. Итак, повторяю, за всеми этими древними преданиями мы находим одну и ту же идею, что человек теперь не то, чем он был, что он — пал. Современные мыслители, по-видимому, решительно отбрасывают эту мысль. По их мнению, человек это развившийся моллюск, и поэтому то, что говорят мифология, предание, неверно. Индийская мифология примеряет обе точки зрения; она учит, что развитие идет волнообразно: за подъемом волны идет ее опускание, а затем опять подъем. Даже с точки зрения современной мысли, человек не может быть только эволюцией (разви-

тием) моллюска. Всякая эволюция предполагает инволюцию. Современный ученый знает, что из всякой машины можно извлечь только столько силы, сколько вы в нее этой силы предварительно вложите. Нечто не может быть произведено из ничто. Если человек, совершенный человек, Будда, Христос есть развившийся моллюск, то в моллюске уже заключен Будда. Та сила, которая медленно проявляет себя на различных ступенях, пока не станет совершенным человеком, не может проявиться из ничего. Она существовала где-нибудь и, если моллюск или протоплазма последний пункт, до которого вы можете проследить ее, то, значит, так или иначе сила эта была скрыта в протоплазме. В настоящее время идет великий спор о том, является ли наше тело, это сцепление частиц материи, источником силы, которую мы зовем душой, мыслью и т.п., или, наоборот, тело это является воплощением, проявлением мысли. Все религии мира утверждают, что тело есть проявление, воплощение мысли, а не наоборот, но современная наука говорит, что то, что мы называем мыслью, есть лишь результат известного соотношения частиц материи. Но, — становясь на эту вторую точку зрения — что же тогда делает тело человека таким или другим? Какая сила соединяет все эти частицы материи в форму тела? Какая это сила, что выбирает из всего мира материи нужное ей количество этой материи и делает одно тело так, другое иначе? Что причиной всех этих бесконечных различий форм? Утверждать, что сила, которую мы зовем душой, есть результат известного соединения частиц материи, значит ставить телегу впереди лошади. Откуда же взялось это соединение, какая же сила сделала его?

Сила, которая берет материю и образует из нее тело, та же, которая проявляется через это тело, т.е. мысль, душа, дух. Поэтому утверждение, что силы духа, прояв-

ляемые телом, есть результат известного соединения материи и сами по себе не существуют, не имеет смысла. Эта сила не может развиться из материи — легче доказать, что то, что мы зовем материей, не существует совсем, что материя эта только известное состояние силы.

Какая же это сила, которая проявляет себя через посредство тела? Сила эта — душа, или по-санскритски *Атман*. Я не буду здесь останавливаться на отдельных ступенях в развитии этой мысли, и буду говорить лишь о конечном результате этой тысячелетней духовной работы. Атман, как теперь согласились различные школы индусской философии, не имеет никакой формы, а то, что лишено формы, должно быть вездесущим. Время и пространство существует лишь в разуме человека. Закон причинности не может существовать без идеи последовательности во времени. Следовательно, пространство, время и закон причинности существуют лишь в уме человека, а так как атман не ум и так как он лишен всякой формы, то он должен быть вне времени, вне пространства, вне закона причинности, т.е. он бесконечен. Но двух или нескольких бесконечностей быть не может, — следовательно, в мире может быть только одна душа. Таким образом, человек действительный есть Единый, Бесконечный, Вездесущий Дух, а человек, каким он нам кажется, есть лишь ограничение этого *действительного Человека*. В этом смысле все мифологии, все легенды, все предания справедливы: человек, каким он нам кажется, как бы он велик ни был, есть только туманное отражение *Человека действительного*, стоящего за ним. Человек действительный, Дух, будучи вне закона причинности, вне пространства и времени должен быть совершенно свободен. Человек кажущийся, отражение, ограничен временем, пространством, законом причинности и по-

этому он связан или, как говорят некоторые из наших мыслителей, кажется связанным, а в действительности и он не связан. Всякий человек-дух бесконечен, поэтому нельзя и говорить о рождении и смерти. Как земля не может никуда упасть, так как ей некуда падать, — в бесконечности нет ни верха, ни низа, — так и душа не может ни прийти, ни уйти: откуда она придет, куда пойдет? Когда человек перестает думать о прошлом, о будущем, о том, что станет с ним потом, когда он отбросит всякую мысль о своем теле, — это знак того, что он поднялся на высшую ступень сознания. Ни тело, ни ум не составляют человека, они преходящи, но дух, что за ними, пребывает вечно. И ум, и тело непрерывно и постоянно изменяются; это реки, каждая капля которых течет, но всю совокупность капель мы признаем все же одной рекой; это какой-то вечный вихрь изменений. Но бесконечный дух не изменяется, — изменяться может только то, что ограничено. Мое тело может двигаться, ваше может двигаться, всякая частица вселенной находится в постоянном движении, но вселенная в ее целом не может двигаться. Движение относительно; я двигаюсь по отношению к столу, всякий атом движется по отношению к другим атомам, но по отношению к чему будет двигаться бесконечная вселенная в ее целом? Это бесконечное единство, несомненно, неподвижно, абсолютно; это Единое действительное. И наша действительность, *действительный* человек — в бесконечном, а не в ограниченном. Как ни удобно, может быть, считать себя маленьким, ограниченным, всегда меняющимся существом, но это лишь самообман, старый самообман, — нет, вы действуете через все в мире, вы живете в каждом биении каждого сердца! Только тот живет, кто перенес свою жизнь в жизнь мира, в других; когда же мы делаем центром жизни наше тело, наши крошечные интересы, тогда

мы умираем, тогда мы узнаем страх смерти. Страх смерти может человека только тогда победить, когда он ясно поймет, что пока есть одна жизнь в мире, он будет жить: «я во всем, во всяком теле, во всякой жизни: я вселенная, вся вселенная мое тело — как могу я умереть, пока остается хотя небольшая частица ее?» Говорить о бессмертии маленьких, постоянно изменяющихся существ смешно. Один древний индусский мыслитель говорит: *только дух индивидуален*, неделим, ибо он бесконечен; бесконечность не может быть делима, разбита на части; это всегда одно и то же неделимое Единство и это и есть индивидуальный, истинный Человек. Человек кажущийся — это лишь воплощенное усилие выразить, явить этого истинного Человека и развитие происходит вне пределов вечного единого Духа. Во всех происходящих переменах — злой человек становится добрым, животное становится человеком и т.п. — меняется не Дух. Мир развивается. Дух проявляется. Предположите, что вот здесь стоят ширмы, скрывающие вас от меня, а в ширмах небольшое отверстие, сквозь которое я могу видеть лишь немногих из вас. Отверстие это все более и более расширяется, и, по мере того, как оно расширяется, я вижу все больше и больше лиц, а когда оно станет такой же величины, как сами ширмы, я буду стоять с вами лицом к лицу. Вы не изменились в течение этого времени, вы были все время там, где вы теперь — увеличивалось отверстие, а вы лишь обнаруживались, проявлялись. Точно то же и с Духом. Вам нечего достигать совершенства — вы уже совершенны и свободны. Что представляют из себя, в сущности, все эти идеи о Боге, религии, о том, что будет там, за могилой? Почему человек ищет Бога? Почему во всяком народе, при всяком состоянии общества человек жаждал высокого идеала совершенства, — в Боге, в человеке? *Да потому, что все это уже есть в человеке.*

Это бьется ваше сердце, а вы не понимаете и думаете, что это что-то внешнее. Это Бог, живущий внутри вас, побуждает вас искать Его, осуществить, воплотить Его. И после долгих поисков везде и всюду, в церквях, на земле, на небе, мы, завершая круг, наконец, возвращаемся назад, к нашей душе и находим, что Тот, Кого мы искали по всему свету, о Ком мы плакали, к Кому взывали в наших храмах, на Кого смотрели как на тайну всех тайн, скрытую в заоблачном мире, Он оказывается к нам ближе всего близкого, Он — мое Я, сущность моей жизни, мое тело, мой дух. «Я есмь Ты и Ты еси Я». В этом истинная природа человека — признайте ее, проявляйте ее! Не то, что надо стараться быть чище, — вы уже чисты, не то, что надо стремиться к совершенству, — вы уже совершенны в вашей сущности. Мир это только ширмы, за которыми скрывается Действительность. Всякая добрая мысль, всякое доброе дело как бы расширяет отверстие в этих ширмах, и чистота, бесконечность, Бог, скрытые ширмами, обнаруживают себя. В этом вся история человека: все тоньше и тоньше становится завеса, все яснее и яснее сияет за ней свет. Мы не можем познать его, все наши попытки в этом направлении бесплодны. Если бы его можно было познать, он не был бы тем, что он есть, — вечным, бесконечным, ибо знание есть ограничение. Знание есть противопоставление объекта субъекту, а он и есть вечный субъект, вечный свидетель мира, ваше собственное Я. Знание поэтому как бы низшая ступень, падение. «Ты — это Он», — что же ты ищешь познать? Всякий человек это Он и всякими средствами стремится выразить Его. Иначе откуда же все эти различные религии? В центре всякой религии стоит одна и та же идея, хотя и выраженная в различных формах: делай добро другим! То, что руководит человечеством в его жизни, это милосердие, любовь к людям, любовь ко

всему живому. Но это есть лишь выражение в различных формах вечной истины: я — это мир, мир это одно целое. Иначе почему бы я стал делать добро другим, что побудило меня к этому? Только эта взаимная симпатия, это чувство единства, тождества и побуждает. Самые жестокие сердца испытывают иногда это чувство, всякий человек сознает, что самоотречение — это центр нравственности. А самоотречение — это отречение от этого призрачного *я*, отречение от всякого себялюбия, — себя как отдельного существа. Понятие «я», «мое» — это результат прошлых суеверий. Чем более уходит это маленькое временное *я*, тем более проявляется во всей своей славе вечное, истинное. И весь мир идет к этому, все люди, знают они это или нет. Большая часть человечества делает это бессознательно, — но пусть все люди будут стремиться к этому сознательно, пусть все они поймут, что нужно пожертвовать своим призрачным *я*, что это *я* только ограничение, бледный отблеск бесконечной действительности, искорка бесконечного, вечного пламени, что истинная природа человека — **БЕСКО-НЕЧНОЕ**.

Мы знаем, что все стремится к благу, но большинство людей ищет блага в вещах преходящих, призрачных, в удовлетворении своих чувств, хотя никто еще не находил его в этом. Счастье может быть найдено только в духе. Кроме того неведение, заблуждение всегда служит источником всякого страдания, а величайшее из заблуждений — это думать, что человек есть не вечно чистый, совершенный Дух, а это вот маленькое тело, этот слабый ум. Заблуждение — это мать всякого себялюбия. Если я лишь это маленькое тело, я буду стараться сохранить его, буду его оберегать, буду украшать в ущерб другим таким же телам; я отделяюсь от вас, от всех людей. А как только является эта идея отдельности, так вместе с ней

является всякое зло и всякое страдание. И великое дело содействовать людям избавиться от этого заблуждения, потому что, как только они познают, что это заблуждение, познают истину, так сразу земля эта станет раем, — раем, которого не осуществят никакие машины, никакие материалистические знания. Все это лишь увеличивает страдания, как увеличивается пламя подливаемым в костер маслом. Без познания Духа всякое познание материи только подливает масла в огонь, только дает лишнюю возможность человеку захватить то, что принадлежит другим, жить в ущерб жизни других, отнимать у них жизнь, вместо того чтобы полагать свою жизнь за них.

Но, говорят, может ли это быть осуществлено в современном обществе? *Истина не преклоняется перед обществом, это общество должно преклониться перед Истиной, — преклониться или умереть.* Истина не может приспособляться к обществу. Если такие высокие истины, как та, которая заключена в заповеди о любви к ближнему, об оставлении всякого себялюбия, не могут быть осуществлены обществом, лучше пусть это общество погибнет, лучше пусть люди разойдутся по лесам.

Есть два сорта мужества: одно побуждает человека в бою бросаться на неприятельские пушки, — это мужество тигра, волка, даже муравья. Но есть другое мужество, — мужество духовное. Будучи в Индии, Александр Македонский увидел однажды дряхлого старца, сидевшего на камне. Александр заговорил с ним, и речи старца очень понравились ему. Он позвал его с собой. «Нет, — отвечал тот, — мне и тут хорошо». «Я властелин мира, — сказал Александр, — и дам тебе все, чего ты только пожелаешь: богатство, почести, все...» — «Нет, мне ничего этого не нужно», — отвечал старец. Раздраженный противоречием, Александр пригрозил ему смертью. Старик

рассмеялся. «Это величайшая из всех глупостей, которые ты когда-либо говорил, царь! — сказал он. — Ты не можешь ни убить меня мечем, ни сжечь в огне, ни утопить, ибо я никогда не рождался, никогда не умру, я всемогущий вездесущий вечный Дух...» Во время индийского восстания в 1857 г. один магометанин смертельно ранил ножом одного отшельника. Индусы-повстанцы поймали его и привели к умирающему, предлагая убить разбойника, но отшельник запретил это и обращаясь к магометанину проговорил: «И все же, брат, ты — это Он, ты — это Он!..» И испустил дух... Это вот, иное мужество. Что же говорить о вашем животном мужестве, о всех ваших западных учреждениях, о вашем величии, зачем хвастаться всем этим, раз вы не можете примирить истину с вашим обществом, раз у вас нет мужества перестроить это общество так, чтобы истина эта наполнила его собою? К чему все это самохвальство? *Только то общество велико, которое основано, которое живет на деле великими истинами.* Если же ваше общество не согласно с истиной, сделайте, чтобы оно было согласно, и чем скорее, тем лучше. Восстань же, человек, в Духе, найди мужество уверовать в истину, найди мужество воплотить ее в свою жизнь! Миру нужны *такие* люди, *такое* мужество... Пусть ваш ум будет исполнен великими мыслями, высокими идеалами, пусть эти идеалы будут перед вами денно и ночью, и вы совершите великое дело. И не говорите, повторяю, что человек не чист, не прекрасен, — нет, говорите себе, что вы в своей сущности чисты, что вы прекрасны. Люди загипнотизировали себя мыслью, что они ничтожество, что они обречены на жизнь, полную всяких страхов, за которой идёт смерть. Но это заблуждение...

Однажды львица бросилась на стадо овец, но пастухи убили ее. Умирая, она произвела на свет львенка.

Овцы сжалились над малюткой и стали воспитывать его. И львенок рос вместе с ягнятами, щипал вместе с ними траву, блеял по-овечьи и считал себя овцой даже тогда, когда вполне развился и стал рослым сильным львом. И вот однажды к этому стаду подкрался за добычей другой лев. Каково же было его изумление, когда он увидел среди стада большого льва, испуганно стреканувшего при виде его вместе с овцами! Он попытался приблизиться к нему, чтобы сказать ему, что ведь он лев, но при его приближении овцы убегали, а вместе с ними убегал и лев-овца. Делать нечего, стал лев выжидать более удобного случая — он был добрый лев. И вот однажды он увидел льва-овцу сидящим и, прыгнув к нему, крикнул: «Ты — лев!» «Нет я овца!» — проблеял тот, трясаясь от ужаса. Лев погнал его к ближайшему озеру и сказал: «Смотри: это — мое отражение, а это — твое!» Лев-овца посмотрел, сравнил и понял, что он — лев. Блеяние его вмиг исчезло и вмиг раздался могучий, как гром, рев.

Вы — львы, вы — Дух, чистый, бесконечный, совершенный. Вся мощь, вся красота вселенной в вас. «О чем плачешь ты, брат мой? Для тебя нет ни рождения, ни смерти, ни болезни, ни страданий. О чем плакать? Ты подобен бесконечному небу: облака идут одно за другим, играют несколько мгновений всеми переливами цветов, потом уходят, а небо остается, все такое же голубое, чистое вечное»... Вот действительность. Почему же люди видят иное? При дороге, ночью, стоял ствол засохшего дерева. Прошел вор, испугался — он думал, что это стоит, поджидая его, полицейский. Прошел влюбленный юноша, и сердце его забилось радостью: он принял дерево за свою возлюбленную. Ребенок, напуганный сказками, увидав дерево, расплакался: он думал, что это привидение. Но во всех случаях дерево было только деревом. Мы видим мир таким, каковы мы сами. Пред-

ставьте себе, что в комнате играет ребенок, а на столе лежит мешок с золотом; входит вор, уносит золото, но ребенок и не подозревает о краже: вора нет в его душе и он не видит вора. Только то мы видим вне, в мире, что есть внутри нас. Не говорите, что мир исполнен зла и греха, и плачьте, что вы еще можете видеть зло и грех. Если вы хотите помочь миру, не осуждайте его, прежде всего, не ослабляйте его вашим осуждением. Грех, страдание — что это как не результат слабости? Людям с колыбели внушают, что они слабые, что они грешники; подобные учения только все более и более расслабляют людей. Нет, говорите им, что они исполненные славы дети бессмертия, все, даже самые слабые. Говорите им, повторяйте себе: «Я — это Он, Я — это Он»... Пусть это непрерывно звучит в вашем уме, подобно песне, пусть звучит денно и ночью. Даже перед лицом смерти повторяйте: «Я — это Он». Гоните прочь суеверия, омрачившие ваш разум, будьте мужественны. Познавайте истину, осуществляйте ее в вашей жизни. Цель может быть еще очень далеко, но проснитесь, вставайте, идите, и не останавливайтесь, пока не достигнете цели...

ՄՕՎ ԿՎԻՊԵՏԻԿ

Мой учитель

*Речь, произнесенная Свами Вивеканандой
в обществе «Веданта» в Нью-Йорке.*

«Когда добродетель слабеет и торжествует порок, Я спускаюсь на землю, чтобы помочь человечеству» — говорит Кришна в Бхагавад-Гите. Когда этот наш мир, благодаря своему росту, благодаря новым обстоятельствам, требует известного переустройства, поднимается в нем волною сила, и так как человек действует в двух областях, духовной и материальной, то и эти волны проходят в обеих областях. В области материальной в последнее время впереди стояла Европа, Азия же идет впереди с незапамятных времен в области духовной. В наше время человек нуждается в известном духовном переустройстве; в наше время, когда материалистические идеи достигли в своем развитии необычайной силы, когда человек почти совсем забыл, по-видимому, свою божественную природу, благодаря все растущей зависимости своей от материи, и скоро, по-видимому, должен превратиться в простую машину для делания денег, в наше время, говорю, перемена в духовной области должна быть произведена и сила для этого уже народилась, идет, уже зазвучал голос, который разгонит надвигающиеся со всех сторон тучи материализма и в недалеком будущем заставит человечество вспомнить о своей *действительной* природе, о своем *истинном* назначении. И снова, как всегда, местом, откуда выйдет эта сила будет — АЗИЯ. Как похожи люди на детей! Ребенок уверен, что вся вселенная только и думает, что о его кукле, только и желает, что обладать этим «сокровищем». Так и европейские нации уверены, что их богатства и всякие успехи в области материальной — все, о чем только и мечтает

мир, что именно это и называется прогрессом, цивилизацией и что, если есть народы, лишенные всего этого и совсем об этом не заботящиеся, то народы эти совсем не пригодны для жизни, что вся их жизнь бесполезна. Но, с другой стороны, другие народы могут думать, что вся эта чисто материалистическая цивилизация совершенно ни на что не пригодна. С Востока уже был однажды слышен Голос, поставивший миру вопрос: если человек приобретет себе все, что есть под солнцем, а душу свою потеряет, какая в том польза?

Для Востока мир духовный так же реален, как реален мир чувственный, материальный для Запада; в духовном мире Восток находит все, что ему нужно, все, на что он возлагает надежды. В глазах Запада человек Востока — мечтатель, а в глазах Востока мечтатель — человек Запада, мечтатель тешащий себя всякими игрушками, то одной, то другой; Востоку смешно, что эти взрослые люди считают за нечто важное горсть праха, с которой не сегодня, так завтра они должны будут расстаться.

Машины не сделали людей более счастливыми и никогда не сделают. Счастье не в машине, а в душе человека. А это могущество машин, что оно такое в конце концов? Почему человек, умеющий направить по проводам электрический ток, должен считаться очень великим, очень умным человеком? В природе каждое мгновение совершаются явления в миллион раз более великие. Почему же тогда не пасть на колени и не преклониться, не боготворить Природу? И что в том, если бы вашей власти подчинился весь мир, если бы вы покорили каждый атом во вселенной? Это не сделает вас счастливым, если вы не обладаете способностью быть счастливым в *себе*, если вы не покорили *себя*. Человек рождается, чтобы покорить природу, это справедливо, но Запад под «природой» понимает лишь физический, внешний мир.

Справедливо, конечно, что эта внешняя природа, со всеми ее горами, океанами, реками, с ее бесконечными силами, с ее бесконечным разнообразием, — величественна, но есть мир еще более величественный, это — *внутренний* мир человека, более высокий, чем это солнце, звезды, земля и вся эта физическая вселенная, мир, не вмещающийся в узкие рамки наших личных маленьких жизней. И в этом внутреннем мире человек Востока — свой, точно так же, как человек Запада — свой в мире внешнем. Поэтому, если Востоку понадобится выучиться, как делать машины, он должен прийти за этим к Западу, но если Запад захочет узнать, что такое мир духовный, что такое Бог, что такое душа человека, узнать в чем тайна и смысл мира, он должен сесть у ног Востока и слушать. И так как мир нуждается теперь в известном духовном перерождении, то вполне естественно, что силу для этого даст ему Восток...

Я хочу рассказать вам о жизни одного человека, который поднял одну из таких волн в жизни Индии; но прежде чем говорить вам об этом человеке, я попытаюсь раскрыть перед вами тайну Индии, дать понять, что значит *Индия*. Если едет в Индию человек, ослепленный шумом и блеском вещей мира материального, вся жизнь которого в том, чтобы есть, пить и наслаждаться, идеал которого в том, чтобы захватить себе как можно больше земель и золота, чье наслаждение только в удовлетворении чувств, чей бог — деньги, чья цель — удобная и легкая жизнь в этом мире, а потом — смерть, ум которого никогда не направляет своего полета вверх, который никогда не думает ни о чем другом, кроме как о внешних предметах, среди которых он живет — если такой человек поедет в Индию, что увидит он там? Только грязь, нищету, суеверие, невежество и — безобразие всюду. Почему? Потому что в то время, как народы Запада на-

прягали свои силы для того, чтобы улучшить свое материальное положение, Индия стремилась к иной цели. Там, в Индии, живет огромный народ, единственный во всей истории человечества, который никогда не выходил из пределов своей страны для того, чтобы завоевать другие народы, который никогда не желал себе того, что принадлежало другому, и единственный грех которого был в том, что страна его плодоносна и что, благодаря живому уму и тяжелому труду в поте лица, он достиг цветущего благосостояния и тем привлек к себе внимание других народов, которые пришли и ограбили его. И он удовлетворился тем, что его ограбили и что его же называли за это народом варварским и в ответ на все это он хочет показать миру Единого Великого, открыть ему тайны человеческой природы, поднять завесу, за которой скрывается *истинный* человек, потому что знает Индия эти дивные грезы, знает, что за всем этим материализмом живет истинная божественная природа человека, которую не может осквернить никакой грех, никакое преступление, не может убить никакая похоть, которую не уничтожает смерть и для нее, для Индии, эта истинная природа человека так же реальна, как для Запада какой-нибудь предмет из мира материального. Люди Запада имеют мужество броситься с криком на пушки неприятеля, во имя патриотизма восстать и отдать свою жизнь за родину; точно такое же мужество имеет и Восток, но мужество во имя Бога. Там, когда человек придет к заключению, что мир этот — призрак, что эта жизнь — сон, он, сбрасывает с себя и одежду, и все, что он имеет, чтобы показать, что то, во что он верит, что думает — истина. Когда человек познает, что жизнь вечна, он сидит, погруженный в созерцание, на берегу реки, всегда готовый отдать свое тело, как ничтожный пустяк, так, как вы готовы отдать ненужную вам соломинку. В этом заключается их

мужество, их героизм, в этой готовности встретить всегда смерть, как брата, потому что они убеждены, что смерти для них нет. В этом лежит та их сила, которая сделала их непобедимыми в течение столетий угнетения, иноплеменных вторжений, иноплеменной тирании. Народ этот, несмотря на все, жив и поныне и среди него, даже во дни величайших бедствий, никогда не переставали подниматься гиганты духа... В начале XIX столетия, когда в Индию начали проникать западные влияния, когда западные завоеватели, с обнаженной саблей в руке, пришли доказать детям мудрецов, что они дикари, племя мечтателей, что религия их простое суеверие, что Бог, душа и все, за достижение чего они боролись, просто слова, лишённые всякого смысла, что тысячи лет этой борьбы, тысячи лет бесконечного самоотречения ни к чему не привели, — среди индусской университетской молодежи возник и стал живо обсуждаться вопрос: не была ли вся жизнь великого народа ошибкой, не должен ли он начать жизнь сызнова, на европейский лад, изорвать все старые книги, сжечь писания мудрецов, прогнать проповедников и разрушить свои храмы. Разве не говорят люди Запада, доказывающие свою религию мечом и пушками, что все это суеверие и идолопоклонство? Дети, воспитываемые и обучаемые в новых английских школах, с малых лет пропитывались этими идеями и поэтому нечего удивляться возникновению этих сомнений. Но вместо того, чтобы отбросить суеверия и серьезно заняться поиском истины, они взяли мерилom истины вопрос: «А что скажет Запад?» Долой жрецов, сожжем Веды, потому что так говорит Запад! И чувство беспокойства охватило страну и начались, так называемые «реформы».

Если вы хотите быть истинным реформатором, необходимы три вещи. Первое — чувствовать. Действительно

ли вы чувствуете, что готовы все сделать для ваших братьев? Действительно ли вы чувствуете, что в мире так много нищеты, невежества, суеверия? Действительно ли вы чувствуете, что люди — ваши братья. Действительно ли охватила, пропитала эта идея все ваше существо, бежит в вашей крови, наполняет каждый атом вашего тела? Если вы это все чувствуете, это будет только первым шагом. Затем вы должны подумать, есть ли у вас средство излечить все эти бедствия. Старые понятия мира могут быть суевериями, но во всей этой массе суеверий рассыпаны всюду бесценные самородки золота истины. Нашли ли вы средство удержать это золото, отбросив весь мусор? Если нашли, это будет вторым шагом и останется еще одна необходимая вещь. Что побуждает вас действовать? Какой ваш мотив? Твердо ли вы убеждены, что это не жажда наживы, не жажда славы, не стремление властвовать? Действительно ли вы убеждены, что будете защищать ваши идеалы и продолжать вашу работу, если бы даже целый свет обрушился, чтобы раздавить вас? Действительно ли вы уверены, что вы знаете, чего хотите, и исполните свой долг, и только долг, хотя бы ценою жизни? Уверены ли вы, что будете биться до последнего дыхания? Да? Тогда вы истинный реформатор, вы учитель, вы благословение для человечества! Но человек так нетерпелив, так близорук! У него нет терпения ждать, нет способности видеть впереди. Он хочет управлять всеми, он хочет немедленных результатов. Почему? Потому что ему хочется пожать плоды самому, потому что на самом деле он не заботится о других. Долг для долга — этого он не хочет. «Работать вы имеете право, но нет у вас права на плоды труда» — говорит Кришна. Зачем так держаться за результаты? Наше — это обязанности. А результаты пусть сами о себе позаботятся. Но у человека нет терпения, он придумал

что-нибудь и сейчас же ему подавай результаты... И большее число так называемых реформаторов по всему свету таково... Таковы были они и у нас...

Казалось, что поднявшаяся волна материализма, обрушившаяся на берега Индии, вот-вот смоет древние учения мудрецов. Но народ вынес удары уже тысячи таких переменных волн. Эта волна была еще не велика, мягка сравнительно с другими.

Индусский народ не был и не может быть уничтожен до тех пор, пока он не оставит своих идеалов, пока не перестанет быть духовным. Нищим он может остаться, останется, может быть, навсегда эта грязь, это безобразие — пусть только он не забывает своего Бога, пусть не забывает своих Мудрецов. Как на Западе всякий метельщик старается довести свою родословную до какого-нибудь средневекового разбойника-барона, так на Востоке всякий царь ищет среди своих предков какого-нибудь нищего-мудреца, жившего в лесах, питаясь лесными плодами и созерцая Бога. Вот каких предков хотим мы, и пока святость так почитается народом, Индия не может умереть.

И вот, когда в Индии приступили к реформам всякого рода, в одной из глухих деревень Бенгалии в бедной браминской семье родился 20 февраля 1835 г. ребенок. Родители его были из самых правоверных. Жизнь истинно правоверного брамина — это одно сплошное самоотречение. Заниматься, по закону, он может далеко не всяким делом, а особенно он не может отдаться какому-нибудь светскому делу. В то же время он не должен принимать ни от кого приношений. Можно себе представить, как сурова бывает иногда жизнь в таких условиях. Но при всей их бедности жена брамина никогда не позволит пройти бедному путнику деревней без того, чтобы не накормить его. Это считается в Индии самой высокой обя-

занностью всякой матери семейства и, так как она мать, она ест всегда последней в доме, только тогда, когда накормит всех. Поэтому-то на мать и смотрят в Индии как на Бога. И мать ребенка, о котором мы говорим, и была именно такой матерью. Чем выше каста, тем больше всякие ограничения. Люди, принадлежащие к низшей касте, могут есть и пить все, что угодно, но по мере того, как человек поднимается по общественной лестнице все выше и выше, он подвергается все большим и большим ограничениям, и жизнь высшей касты, браминов, как я уже сказал, очень стеснена во всем. Если сравнить их жизнь с жизнью людей Запада, то их жизнь будет постоянным аскетическим подвигом.

Правоверные индусы живут целиком в мире своей мысли, своих чувств. Всякая мелочь их жизни предусмотрена нашими древними книгами и за всякую мелочь они держатся с твердостью гранита. Эта сила веры и религиозной жизни часто встречается среди правоверных индусов, потому что самая правоверность эта происходит из непоколебимого убеждения, что все это истинно. Мы свободны думать, что не все, за что они держатся так крепко, истинно, но для них-то это так. В наших древних книгах говорится, например, что человек должен быть милосердным до самых последних пределов: если человек умрет с голоду, чтобы помочь другому человеку, чтобы спасти его жизнь, прекрасно, именно так и должен поступать человек, говорят правоверные. И от всякого брамина ждут, что в случае надобности он исполнит эту заповедь до конца. Те, кто знаком с литературой Индии, вспомнят, вероятно, прекрасную древнюю историю, рассказанную в Махабхарате, историю именно о таком милосердии, о том, как целая семья, чтобы накормить нищего, отдала ему последнее, а сама вся умерла с голоду. Это не преувеличение, это случается и теперь, и в наше время.

Таковы были и родители моего Учителя, ребенка, о котором идет речь. Они были очень бедны, и все же часто мать голодала по целым дням, чтобы помочь бедному прохожему. Отец его умер, когда он был еще совсем маленьким. Он поступил в школу — мальчик-брамин должен учиться, так как каста его позволяет ему лишь ученые профессии. Ученики не платят за обучение ничего: знание считается священным и человек не может торговать им. И учителя не только не берут с учеников никакой платы, но многие даже снабжают их пищей и одеждой: средства эти даются учителям зажиточными семьями по случаю каких-нибудь крупных семейных событий, вроде брака или смерти кого-либо из членов семьи. У мальчика, о котором я говорю, был старший брат, ученый наставник; к нему-то и отдан был он на воспитание. Спустя некоторое время юноша пришел к убеждению, что цель светского обучения — только известные материальные выгоды, и поэтому он решил бросить все это и посвятить себя приобретению духовных знаний. Отца уже не было, семья была очень бедна и юноша должен был сам заботиться о своем пропитании. Он поселился в окрестностях Калькутты и сделался жрецом при храме, что для брамина считается очень позорным.

Храмы в Индии воздвигаются большей частью богатыми людьми, это считается добрым религиозным делом. Выстроив храм, строитель помещает в нем символ или изображение одного из Воплощений Божества, предназначая его для поклонения во имя Бога. Поклонение это очень похоже на богослужение, совершаемое в католических церквах, на мессу: чтение известных мест из священных книг, хождение перед изображением, оказывание ему знаков всякого уважения, как оказываем мы их какому-либо великому человеку. Это все, что происходит в храме. Но человек, который посещает храмы, у

нас отнюдь не считается лучше человека, который никогда не бывает в них. Религия в Индии — личное дело каждого человека, и поклонение Богу происходит всегда вдали от людей, дома. Стать жрецом при храме считается с незапамятных времен в нашей стране унижительным: дело в том, что жрецы берут с народа деньги, как бы торгуют святыней, а на это смотрят еще более строго, чем на торговлю знанием, на взимание платы с учащихся. Таким образом легко можно представить себе, как тяжело было юноше, когда он был вынужден бедностью занять единственное доступное ему, благодаря обычаю, положение, — место жреца при храме.

В Бенгалии было не мало поэтов, песни которых проникли в народ; их можно слышать и на улицах Калькутты, и во всякой деревне. Большею частью это религиозные песни, и единственная, основная мысль их, быть может, более свойственная религии Индии чем другим, мысль о, так сказать, реализации, Бога, о Его осуществлении, воплощении человеком в своей жизни. Нет ни одной книги в Индии, которая не была бы проникнута этой идеей. Человек должен реализовать, осуществить Бога, чувствовать Бога, видеть Бога, беседовать с Богом. Это и есть религия. Индия полна рассказами о святых людях, лицезревших Бога. Они в наших священных книгах говорят, что лицезрение Божества доступно даже в этой жизни, доступно всякому, и религия и начинается только с приобретения этой способности, если можно так выразиться.

В храме, как всегда, было изображение Божества. Юноша должен был совершать богослужение перед этим изображением каждое утро и каждый вечер, и вот понемногу им овладела, переполнила все его существо одна мысль: «Есть ли что-нибудь за этим изображением? Верно ли, что есть в мире Бог? Правда ли, что Он есть,

что Он руководит вселенной, или же все это только выдумка? Есть ли в религии, что-нибудь реальное?» Эти сомнения овладевают в молодости почти каждым индусом, это сомнения всей страны: нужно ли, реально ли то, что мы делаем? Теории не удовлетворяют нас, хотя все, что только можно сказать о жизни, душе, Боге, тут же, рядом, в наших древних книгах. Но ни книги, ни теории, повторяю, не удовлетворят нас — единственная мысль овладевшая народом, это мысль о реализации, об осуществлении Бога. Правда ли, что есть Бог? И если Он есть, могу ли я лицезреть Его? Могу ли я осуществить в своей жизни высшие истины? Для Запада все это может казаться пустяками, но у нас люди приносят в жертву этой идее свои жизни. Ради этой идеи каждый год тысячи индусов бросают свой дом, семью, и многие умирают под тяжестью добровольно взятых на себя лишений, подвигов.

Западному уму все кажется пустым мечтанием, и я могу понять эту точку зрения Запада. Но, прожив сам на Западе несколько лет, я все же остаюсь при мысли, что в этом — в этой идее — ВСЕ, что есть действительно, истинного в жизни. Жизнь ваша — это миг, поденщик ли вы или император, царствующий над миллионами. Жизнь эта — только миг, обладаете ли вы самым цветущим здоровьем или больны. И разгадка жизни только одна, говорит индус, и разгадка эта — Религия, Бог. Это объясняет жизнь, и жизнь становится легкой и радостной. Без этого же жизнь — лишь ненужная тягота. Вот наша мысль. Но никакие рассуждения не могут доказать ее; они могут лишь показать в известной степени, что это так, и на этом они останавливаются. Факты только в чувствах, и мы должны *почувствовать* религию, чтобы доказать ее себе. ***Мы должны чувствовать Бога, чтобы быть убежденными, что Бог есть.*** Ничто и никто,

кроме нас самих не может сделать это ясным и доступным для нас.

Эта идея овладела юношей, и вся его жизнь сосредоточилась теперь на ней. Целые дни он только и думал, и повторял со слезами: «правда ли что Ты существуешь, Боже, или же Ты — лишь красивая выдумка?» Он был почти безграмотен, и тем естественнее, тем здоровее был его ум, тем чище была его мысль, не разжиженная чужими мыслями. И идея эта с каждым днем становилась перед ним все настойчивее и настойчивее, и скоро он был не в состоянии думать ни о чем другом. Он не мог более вести богослужение, как следует, не мог соблюдать обрядность во всех ее мелочах, иногда он забывал поставить перед священным изображением жертвенные приношения, иногда забывал кадить в течение всего дня, забывал все. В конце концов ему стало невозможно оставаться более жрецом. Он оставил свою должность и, удалившись в соседний лес, стал жить там. Рассказывая мне об этом периоде своей жизни, он не раз говорил, что он тогда не замечал ни восхода, ни захода солнца, не знал, как и чем он живет. Он совсем забыл о себе, забывал о пище. За ним в это время с любовью присматривал один из родственников, который клал ему пищу в рот, и он механически проглатывал ее.

И так проходил день за днем. И когда наступал вечер и в лес долетали звуки вечерних колоколов в храме и молитвенное пение, глубокая печаль охватывала его. «Еще день прошел, о, Боже, — тосковал он, — и Ты опять не пришел, еще один день этой короткой жизни прошел и я не познал Истины». И в душевной муке он бросался лицом на землю и плакал.

Эта нестерпимая жажда Бога часто охватывает человеческое сердце. В позднейшие времена человек этот говорил мне: «Представь себе, дитя мое, что в этой ком-

нате находится мешок золота, а в соседней — вор. Думаешь ли ты, что он может спать? Нет, он не может. Он постоянно только и будет думать, как бы проникнуть в эту комнату и овладеть этим богатством. Думаешь ли ты, что человек, твердо убежденный, что за этим призрачным миром чувств есть Действительность, что есть Бог, что есть Кто-то вечный, Источник бесконечного блаженства, — блаженства, в сравнении с которым все чувственные удовольствия лишь жалкие игрушки, — думаешь ли ты, что такой человек может остаться спокойным, может хоть на мгновение остановиться в своих попытках достигнуть этого? Нет!.. Он делается безумным от тоски...» И это Божественное безумие охватило тогда его. В то время у него не было никакого наставника, никого, кто бы мог помочь ему в исканиях, которые сделали его в глазах окружающих сумасшедшим. Это обычное явление. Если человек отбрасывает от себя прочь тщету мирскую, мир зовет его сумасшедшим, но такие люди — соль земли. Именно из такого безумия исходила всегда сила, поднимавшая наш мир на высшую ступень и только из такого безумия явятся в будущем силы, которым надлежит явиться.

И так проходили дни, недели, месяцы в постоянном стремлении души овладеть Истиной. Юноша начал видеть дивные, необыкновенные вещи, тайны его собственной природы начали раскрываться пред ним, — как будто одна завеса поднималась за другой. Само Божество стало его наставником и посвятило его в истины, которые он искал. В это время в те места приехала женщина, прекрасная собой и обладавшая огромными знаниями. В позднейшее время Святой имел обыкновение говорить, что она не обладала знаниями, а была само Знание, воплотившееся в человеческие формы. Она была санньясини — женщины также отрекаются у нас от

мира, отказываются от всякой собственности, от замужества и посвящают себя служению Богу. Прибыв туда, она услышала о необыкновенном юноше в лесу, отправилась к нему и это была первая помощь ему со стороны. Узнав о его страданиях, она сказала: «Сын мой, благословен человек, которого посещает такое безумие! Весь мир безумен: одни помешались на богатстве, другие на удовольствиях, третьи на славе и на тысяче других вещей. Блажен человек безумный о Боге! Мало таких людей на земле...» Женщина эта оставалась вблизи юноши в течение нескольких лет, поучая его всем существующим в Индии формам религии, посвящая в различные способы, которыми Йоги (Посвященные) достигают высшего знания¹, и как бы направляя, делая гармоничной и стройной эту могучую реку духа...

Потом появился в том лесу один странствующий нищий, тоже санньясин, ученый человек, мыслитель. Он не верил в действительное существование внешнего мира, он думал, что это призрак, поэтому он никогда не входил в дома, а оставался всегда — в зной, и в бурю — под открытым небом. Он стал говорить юноше о философии Вед, но скоро, к своему удивлению, убедился, что ученик его знает не меньше его. Он провел с ним несколько месяцев, потом посвятил его в синниасины и ушел.

Родственники его думали, что его безумие пройдет, если он обзаведется семьей. Иногда в Индии родители или родственники женят маленьких детей и молодежь, не спрашивая их о согласии. Этот юноша был поэтому женат родственниками в возрасте около восемнадцати лет на пятилетней девочке. Разумеется, эти браки всегда в сущности только простое обручение. Настоящий брак

¹ Об этом сказано вкратце в переведенной мной брошюре Эдв. Карпентера «Я есмь» (изд. «Посредника»).

бывает лишь тогда, когда девушка достигнет зрелости; тогда, по обычаю, муж является за ней в дом родителей, у которых она живет до того времени, и берет ее к себе. В данном случае муж совершенно забыл о существовании своей жены. Девушка — она жила очень далеко от того места — слышала о муже только, что он стал религиозным человеком, и что многие считают его сумасшедшим. Она захотела узнать правду и отправилась к мужу. Он сразу признал ее права на него, хотя в Индии всякий мужчина или женщина, посвящающие себя религиозной жизни, тем самым освобождаются от всяких мирских обязательств. Молодой человек упал перед ней на колени и сказал: «Я узнал, что на всякую женщину я должен смотреть как на мать, но я в твоём распоряжении...»

Девушка эта была благородной, чистой душой, она понимала стремления мужа, сочувствовала им. Она отвечала, что она не имеет никакого желания тянуть его назад, в мирскую жизнь, что все, что она хотела бы, это остаться возле него, чтобы служить ему и учиться у него. И она стала одной из наиболее преданных ему учениц, чья его всегда, как высшее существо. Таким образом, с согласия жены, последнее препятствие было устранено и он мог свободно отдаться избранной им жизни.

И новое желание охватило его душу, — желание узнать все о других религиях. Он стал искать наставников, принадлежащих к этим религиям. Надо всегда помнить, что под наставниками в Индии мы всегда разумеем не буквоеда, но человека, улицезревшего, осуществившего Бога, человека, который узнал Истину из *первых* рук, а не столетия спустя. Он отыскал магометанина, известного своей религиозностью и святой жизнью, и поселился с ним. Он подчинялся всему, что предписывал ему учитель, все исполнял и к своему удивлению открыл, что

если все исполнять чистосердечно и так, как нужно, это может привести его к той цели, которой он уже достиг. К тому же заключению пришел он, исполняя заповеди истинного учения Христа. Он имел сношения со всеми сектами, которые существуют в Индии, и всюду искал, всюду учился, отдаваясь делу всем сердцем. Он исполнял все, что в данной секте считалось нужным исполнять, и всюду и везде результат был один и тот же. Таким образом он на деле узнал, что цель всех религий одна, что все они учат одному и тому же, что вся разница лишь в методах и языке. В самой же сущности своей все религии, все секты преследуют одну и ту же цель.

С течением времени он пришел к заключению, что для того, чтобы быть совершенным, нужно совсем освободиться от половой идеи, так как дух не имеет пола. Пол принадлежность тела и человек, стремящийся к жизни духовной, не должен знать и видеть половых различий. Рожденный мужчиной, человек этот захотел как бы стать женщиной, он одевался как женщина, говорил как женщина, оставил все мужские занятия и жил постоянно среди женщин-родственниц, до тех пор, пока, благодаря годам такой дисциплины, его ум совсем не переменился, пока он не забыл совершенно о самой идее пола.

На Западе поклоняются женщине, но поклоняются за ее молодость и красоту. Этот человек тоже поклонялся женщине, но потому, что всякая женщина была для него Благословенная Мать, воплощение Божества. Я сам видел его стоящим на коленях пред женщинами, на которых с презрением смотрело все общество; он припадал к их ногам и со слезами говорил: «Мать, в одной форме я вижу Тебя на улицах, в другой Ты — сама вселенная. Приветствую Тебя, о Мать, приветствую Тебя!» Подумайте о блаженстве той жизни, из которой исчезло все

плотское, когда всякое женское лицо преобразилось и лишь лицо Божественной Матери, Блаженной Покровительницы человечества сияет для человека, который может смотреть на всякую женщину с такой любовью и благоговением. Это нужно всем нам. Эта чистота необходима, если мы хотим достигнуть истинной духовности.

Этой строгой, незапятнанной чистоты достиг этот человек; борьба, которой мы часто подвергаемся в жизни, для него была кончена. В поте лица добытые перлы духа, на приобретение которых он отдал три четверти своей жизни, теперь можно было отдавать другим. Теперь началась его Миссия. Его проповедь была совсем особенной: он никогда не играл роли проповедника. В нашей стране наставник — самое уважаемое лицо, на наставника смотрят как на Самого Бога. Даже отец и мать не почитаются так, так как они дают нам только тело, а наставник указывает нам Путь к спасению. Мы его духовные дети, мы духом происходим от него. Народ толпами стекался к Учителю со всех сторон. И он был таким Учителем, но Учитель этот никогда даже и не думал, должен быть он так чтим или не должен, он не знал, что он Великий Учитель; он думал, что все, что он делал, делал не он, а Бог через него. Он всегда говорил: «Если я и говорю что доброе, это Бог говорит; я тут не причем». Так думал он о своей деятельности до самой смерти. Он никогда никого не искал. Его убеждение было: сперва сладь с собой, сперва достигни мира духовного, а результаты придут сами собой. Любимым его пояснением этой мысли было: когда цветок лотоса раскрывается, пчелы сами прилетают к нему за медом — «пусть только расцветет лотос вашей души, а о результате не беспокойтесь». Это великая истина. Не многие понимают силу мысли. Если человек замурует себя в подземелье и умрет там, исполненный действительно великой мысли,

мысль эта пройдет сквозь гранитную толщу подземелья и в конце-концов охватит все человечество. Такова сила мысли, поэтому не спешите передавать ваши мысли другим. Прежде чем давать, приобретите сами, прежде всего займитесь собой — это *величайшая обязанность*, которую только вы можете исполнить. Познайте Истину сами, а людям скажите о ней потом; они придут. Так поступал мой Учитель, никого не искавший, никого не осуждавший.

Народ стекался тысячами, чтобы посмотреть на этого удивительного человека, чтобы послушать его речи, каждое слово которых было исполнено силы и света.

Он поселился вблизи Калькутты, столицы Индии, обладавшей университетом — рассадником скептиков и материалистов, которых он выпускает ежегодно сотнями. Я слышал уже об отшельнике и тоже пошел послушать его. Он выглядел совсем как обыкновенный человек, ничего особенного в нем не было и говорил он самым простым языком. И я подумал: разве может этот человек быть Великим Учителем? Я пробрался к нему и задал ему вопрос, который я задавал всем в течение всей моей жизни: «Верите ли вы в Бога?» — «Да», — отвечал он. «Почему?» — «Я вижу Его так же, как вижу вас, только несравненно яснее». Это произвело на меня сразу сильное впечатление. Первый раз в жизни встретил я человека, который осмелился сказать, что он лицезреет Бога, что религия это не выдумка, а *действительная связь с Божеством*, которую можно чувствовать, ощущать несравненно более сильно, чем внешний мир. Я читал о Будде, о Христе, о Магомете, о всех этих просветленных духом людях древних времен, читал, как обращаясь к немощному, Они Говорили: «Встань и ходи», и тот вставал и шел. И я на себе убедился, что это правда, и все мое неверие рассеялось без следа. Мой Учитель часто

повторял: «Религия может быть передаваема и принимаема более осязательно, более действительно, чем чтобы то ни было другое в мире». Религия не в воздвигании храмов, не в посещении церковных служб, не в книгах, не в словах, не в лекциях, не в организациях, религия в связи между душой человека и Богом, в осуществлении этой связи. Как бы мы ни рассуждали, как бы много рассуждений других мы ни слушали, удовлетворит нас только одно — *личный* опыт, *личное* осуществление, и опыт этот доступен каждому, если мы только захотим попытаться. Первый шаг на этом пути — это самоотречение. Мы должны отречься от своей личности насколько только это возможно. Свет и мрак, мирские наслаждения и блаженство общения с Богом несовместимы: «не можете служить Богу и мамоне».

Второе, что я узнал от моего Учителя, это — одну из наиболее жизненных, одну из наиболее дивных истин, — что все религии мира не противоречат, не враждебны одна другой, что все они только различные проявления Одной Вечной Религии. Одна Бесконечная Религия существовала вечно и будет вечно существовать, и эта Религия выражается в различных странах различно. Поэтому мы должны относиться с уважением ко всем верованиям и пытаться принять все их, насколько только это для нас возможно. Религия проявляется не только в зависимости от времени и места, но и в зависимости от личных свойств человека. В одном она проявляется как энергичная деятельность, в труде, в другом — в глубокой набожности, в третьем — в мистических исканиях, в четвертом — в его рациональной философии, и т.д. И мы будем не правы, если скажем другим: ваши методы неправильны. Нужно ясно понять эту важную мысль, что *Истина может быть и одна, и не одна в одно и то же время, что мы можем видеть одну и ту же Истину*

различно с разных точек зрения. Тогда, вместо вражды, у нас будет бесконечная симпатия ко всем. «Как различные реки, берущие свое начало с разных гор и текущие одни прямо, другие излучинами, все стекаются и смешивают свои воды в океане, так и различные вероучения с их различными точками зрения в конце-концов сходятся все в Тебе». Это не теория, это должно быть признано всеми, но только не с тем покровительственным видом, который свойствен некоторым: «да, да, и у них есть кое-что хорошее...» Один говорит, что его религия лучше всех, потому что она самая древняя, другой, что лучше его религия, потому что она самая последняя. Мы должны признать, что у всякой есть спасающая сила. Это только грубое суеверие, если бы даже слышали его в нашем храме, — что, будто, между религиями есть разница. Бог один у всех, и ни вы, ни я, ни какая-либо группа людей не могут быть ответственными за безопасность и спасение душ людских, это — дело Божье.

В общении с моим Учителем я понял, что человек может достигнуть совершенства даже в этой жизни. Его уста никогда никого не проклинали, даже никогда не порицали, его глаза потеряли возможность видеть в мире зло, его ум — мыслить зло. Он видел только добро. Эта безграничная чистота, это бесконечное самоотречение, единственный путь к благу духовному. «Не через богатства, не через потомство, но только через самоотречение можно достигнуть бессмертия» — говорят Веды. «Продай все, что имеешь, раздай деньги нищим и следуй за Мной» — говорит Христос.

Так говорили все великие пророки и святые, так все они жили. Как можно войти в мир духовный без такого самоотречения? Отречение — это основа всякой религиозной мысли и вы всегда можете видеть, что, по мере того, как ослабевают эта идея отречения, так область рели-

гии захватывается земными чувствами и желаниями и духовность в такой же степени слабеет. Мой Учитель был само воплощение отречения. У нас считается необходимым, чтобы всякий, становясь санньясином, отрекался от всякого богатства, от своего прежнего положения, и он выполнил это буквально. Было много людей, которые сочли бы за великое благословение, если бы он принял от них хоть какой-нибудь дар, которые озолотили бы его, если бы он захотел, но он сторонился этих людей. Такое отречение необходимо в наши дни, когда люди уверены, что все они и месяца не проживут без того, что они называют «самое необходимое», причем «необходимости» эти у них растут в геометрической прогрессии. Необходимо, чтобы в такое время явился Человек, чтобы напомнить миру, что нужно жить и дышать, не заботясь ни на йоту ни о золоте, ни о славе мирской. И такие люди есть...

Первая часть жизни моего Учителя была посвящена работе над собой, приобретению благ духовных, а оставшиеся годы ушли на раздачу этих благ. Народ шел к нему толпами и он беседовал с людьми по двадцать часов в сутки, и это не день, не два, а в течение долгих и долгих месяцев, пока его тело не надломилось под тяжестью такого страшного напряжения. Его глубокая любовь к людям не позволяла ему отказать в помощи никому, даже самому последнему из тех тысяч людей, которые искали его помощи. Постепенно у него развилась опасная горловая болезнь, но его нельзя было убедить и тогда оставить свои беседы. Как только он слышал, что кто-нибудь пришел, он просил, чтобы пришедшего немедленно впустили и он вступал с ним в беседу. Он не знал отдыха. Однажды один из посетителей сказал ему. «Вы великий Учитель... Почему вы не хотите обратить немного внимания на ваше тело и излечить болезнь?»

Сперва он ничего не ответил, но когда вопрос повторили, он мягко сказал: «Я думал, друг мой, что вы мудрый человек, но вы говорите, как говорят все люди. Я отдал свою душу Богу — думаете ли вы, что я должен взять ее у Него обратно и отдать ее моему телу, клетке, в которой она заключена?».

Но вот разнесся слух, что Учитель скоро, по-видимому, покинет свое тело. Народ пошел к нему еще большими, чем прежде толпами, чтобы послушать его, чтобы хоть прикоснуться к краю его одежды. И Учитель, не обращая по-прежнему внимания на свою болезнь, продолжал беседовать с людьми. Мы не могли воспрепятствовать ему. Многие были очень издалека и он не хотел отдыхать, пока не удовлетворит их духовные нужды: «Пока я могу еще говорить, я должен говорить...» — отвечал он нам.

Однажды он сказал нам, что в этот же день он освободится от тела. Повторяя самые священные слова из Вед, он погрузился в Самадхи¹ и незаметно отошел в Вечность...

Его мысли, его посланничество были известны во всей их полноте лишь очень немногим, кто был способен проповедывать эти истины. Среди них было несколько юношей, отказавшихся от мира и готовых продолжать его дело. Они жили, как санньясины, прося милостыню по улицам родного города, хотя некоторые из них были из самых знатных и богатых семей. Сперва они встретили большое сопротивление и вражду, но, имея перед духовными очами благословенный пример Учителя, они держались твердо и шли по стране, распространяя учение великого Учителя, пока вся страна не узнала его Учения.

¹ Глубокое созерцание.

Человек этот был из глухой деревушки Бенгалии, без всякого образования, только всем напряжением своей воли познал он истину и передал ее другим, оставив после себя лишь несколько юношей, чтобы продолжать распространять ее. А теперь имя его, имя Шри-Рамакришны Парамхамсы, знает вся Индия, знают миллионы людей. Нет, сила его вышла уже далеко за пределы Индии, и если я теперь или когда-либо, здесь или где-либо, сказал слово истины, слово, исполненное духа, я обязан этим моему Учителю — моего в моих речах только ошибки.

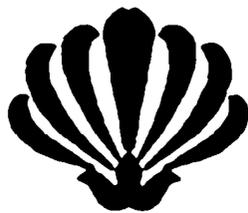
Вот в немногих словах то, что говорит Шри-Рамакришна современному миру: «Не заботьтесь о верованиях, не заботьтесь о догматах, о вашей секте, о церквях, — все это ничтожно в сравнении с сущностью жизни человека; сущность — это Дух, и чем более развит в человеке этот Дух, тем могущественнее человек в делании и достижении добра, блага. Сперва добейтесь, достигнете этого и никого не осуждайте, так как во всяком веровании, во всякой секте есть доброе. Покажите всей вашей жизнью, что религия — это не звук пустой, не имена, не секта, что религия — это *жизнь в духе*, осуществление такой жизни. Только те могут понять это, кто почувствовал это. И только те, кто поднялся в этот мир духа, могут сообщить духовную жизнь другим, могут быть великими учителями человечества, только они — силы Света... Прежде всего осуществляйте Истину в своей личной жизни...» Учитель хотел, чтобы мы все отдавали ради ближних и ради самих себя; он хотел, чтобы люди перестали говорить о любви к ближнему, а доказывали бы эту любовь делами. Ныне настало время для самоотречения и осуществления великих заветов, и, вступив на этот путь, вы увидите согласие и гармонию между всеми религиями мира, вы увидите, что нет нужды ни в каких

спорах и раздорах, и только тогда вы будете в состоянии помочь человечеству. Провозгласить и сделать ясным основное единство всех религий было делом, совершить которое и был Послан мой Учитель. Другие учителя человечества учили каждый своей религии, которые и носят их имена, но этот великий Учитель XIX века не хотел ничего для себя, он оставил нетронутыми все религии, потому что он понял, что в действительности все они — лишь части Единой Вечной Религии.

इयम
मिडोरुणुज

Гимн творения

Масса

*Без формы, имени, цвета,
Без прошлого и будущего, без времени,
Без пространства, без всего,
Где хранит молчание
Даже голос отрицания¹,*

*Без слова,
Оттуда*

*Течет река причинности
В виде светлого желания
И волны ее гремят
Вечною песнью:*

*«Я есмь», «Я есмь!..»
В том океане*

*Безбрежного желания
Встают волны, числом бесконечные.
О бесчисленных формах их,
О многообразии сил их,
О их покое,
О их движении*

Кто может сказать?

*Миллионы лун, миллионы солнц
Встают из того океана.
Мчатся с оглушительным грохотом,*

*Усеивают бесконечность
И затопляют небеса.*

*Светом сверкающим
Из того океана*

*Встают живые существа,
Бесчисленные,*

¹ «Neti, Neti» — «не это, не это», о Бrame (мировой Разум) нельзя говорить иначе.

*Наслаждение и страдание,
Болезнь, рождение и смерть!..
Он (Брама) — солнце мира,
А мы — лучи,
Нет! Он и солнце,
И Он же — луч...*

СОДЕРЖАНИЕ:

КАРМА-ЙОГА

<i>Глава I.</i> Влияние Кармы на характер.....	9
<i>Глава II.</i> Каждый велик на своем месте.....	18
<i>Глава III.</i> Секрет труда.....	34
<i>Глава IV.</i> Что такое долг.....	46
<i>Глава V.</i> Мы помогаем себе, а не миру.....	56
<i>Глава VI.</i> Бесстрастие есть полное самоотречение....	65
<i>Глава VII.</i> Свобода.....	78
Идеал Карма-йога.....	93

БХАКТИ-ЙОГА

Предисловие издателя.....	107
Определение Бхакти.....	109
Философия Ишвары.....	115
Духовное восприятие — цель Бхакти-Йоги.....	121
Необходимость в Учителе.....	124
Качества желающего учиться и Учителя.....	126
Воплощенные Учители и воплощение.....	132
Мантра Ом: Слово и Мудрость.....	136
Поклонение заместителям и изображениям.....	139
Избранный идеал.....	142
Метод и средства.....	145

Пара-Бхакти, или Высшее поклонение

Подготовительное отречение.....	152
Отречение бхакты — результат любви.....	155
Естественность Бхакти-Йоги и ее главный секрет.....	158
Формы проявления любви.....	161
Всеобъемлющая любовь, и как она ведет к самопожертвованию.....	163
Высшее знание и высшая любовь для истинно любящего — одно и то же.....	167

Треугольник любви.....	168
Бог любви Сам доказывает Свое существование.....	173
Человеческие представления о Божественном идеале любви.....	175
Заключение.....	182

ДЖНАНА-ЙОГА

Песнь Саньясина (Исландский Парк. Зима 1895).....	187
Предисловие.....	191
Майя и иллюзия (<i>Лондон</i>).....	192
Человек действительный и кажущийся (<i>Лондон</i>).....	211
Человек действительный и кажущийся (<i>Нью-Йорк</i>)....	231
Майя и эволюция понятия о Боге (<i>Лондон, 20 октября 1896 г.</i>).....	258
Майя и Свобода (<i>Лондон, 22 октября 1896 г.</i>).....	273
Абсолют и проявление (<i>Лондон</i>).....	285
Космос. Макрокосм (<i>Нью-Йорк, 19 января 1896 г.</i>)....	302
Космос. Микрокосм (<i>Нью-Йорк, 26 января 1896 г.</i>)....	314
Бессмертие (<i>Америка</i>).....	331
Единство в разнообразии (<i>Лондон, 3 ноября 1896 г.</i>)	345
Бог во всем (<i>Лондон, 27 октября 1896 г.</i>).....	362
Реализация (<i>Лондон, 29 октября 1896 г.</i>).....	374
Свобода души (<i>Лондон, 5 ноября 1896 г.</i>).....	400

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА

Практическая Веданта. Часть I (<i>Лондон, 10 ноября 1896 г.</i>).....	418
Практическая Веданта. Часть II (<i>Лондон, 12 ноября 1896 г.</i>).....	436
Практическая Веданта. Часть III (<i>Лондон, 17 ноября 1896 г.</i>).....	457
Практическая Веданта. Часть IV (<i>Лондон, 17 ноября 1896 г.</i>).....	471

РАДЖА ЙОГА

Предисловие.....	493
<i>Глава I.</i> Вступление.....	496
<i>Глава II.</i> Первые шаги.....	509
<i>Глава III.</i> Прана.....	520
<i>Глава IV.</i> Психическая Прана.....	536
<i>Глава V.</i> Управление психической Праной.....	542
<i>Глава VI.</i> Пратьяхара и Дхарана.....	548
<i>Глава VII.</i> Дхьяна и Самадхи.....	557
<i>Глава VIII.</i> Раджа-Йога вкратце.....	569

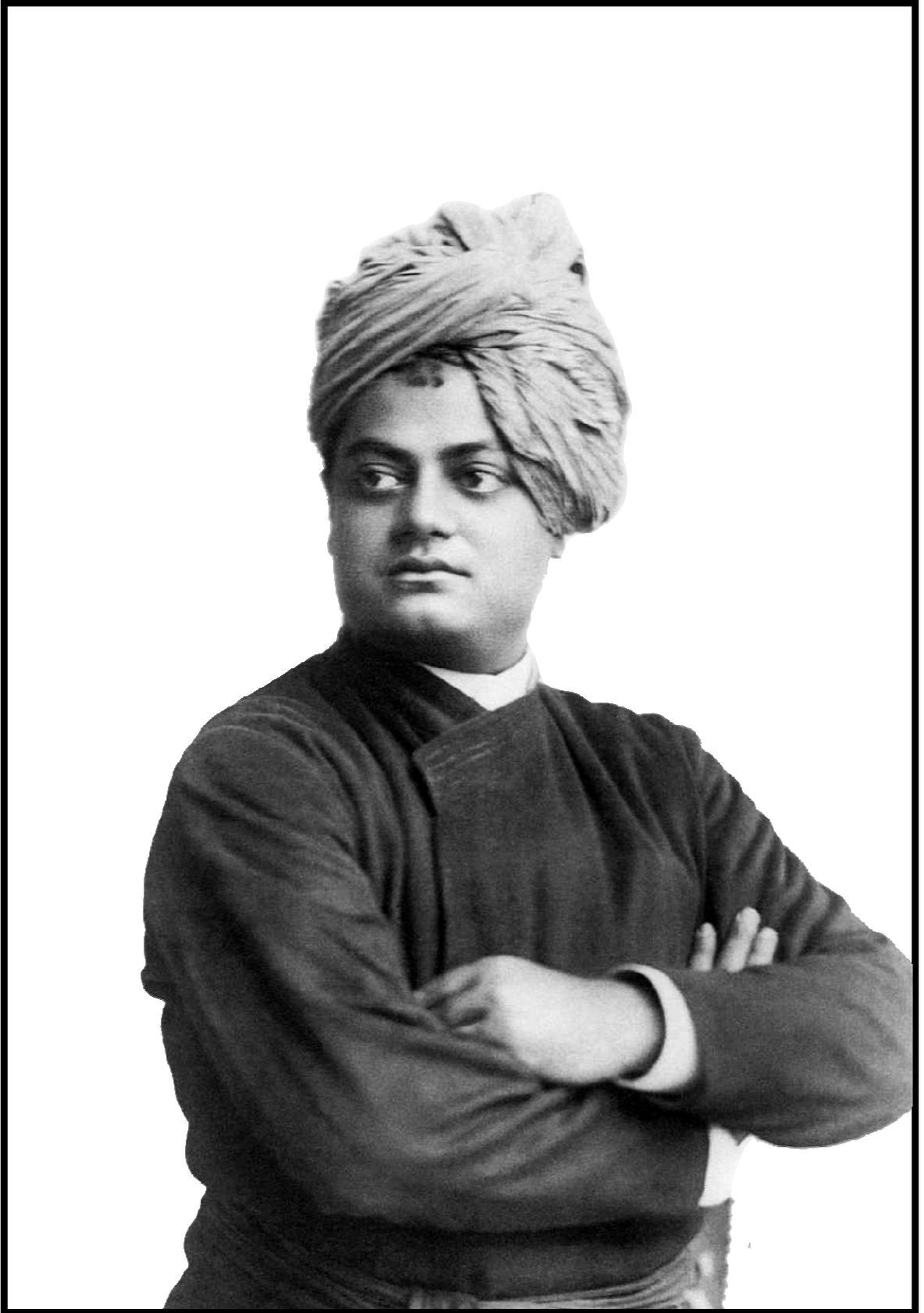
СЕМЬ НАСТАВЛЕНИЙ О РАДЖА-ЙОГЕ

Первое наставление.....	578
Второе наставление.....	580
Третье наставление.....	584
Четвертое наставление.....	588
Пятое наставление.....	591
Шестое наставление.....	593
Седьмое наставление.....	596

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Бог и человек.....	598
Мой учитель.....	612
Гимн творения.....	638

Вивекананда Свами